

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

ВИЛЬЯМ
ШЕКСПИР
КОМЕДИИ • ХРОНИКИ
ТРАГЕДИИ



КОМЕДИИ
ХРОНИКИ
ТРАГЕДИИ

1





РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. АНИКСТ

Н. БАЛАШОВ

Ю. ВИППЕР

М. КЛИМОВА

Н. ЛЮБИМОВ

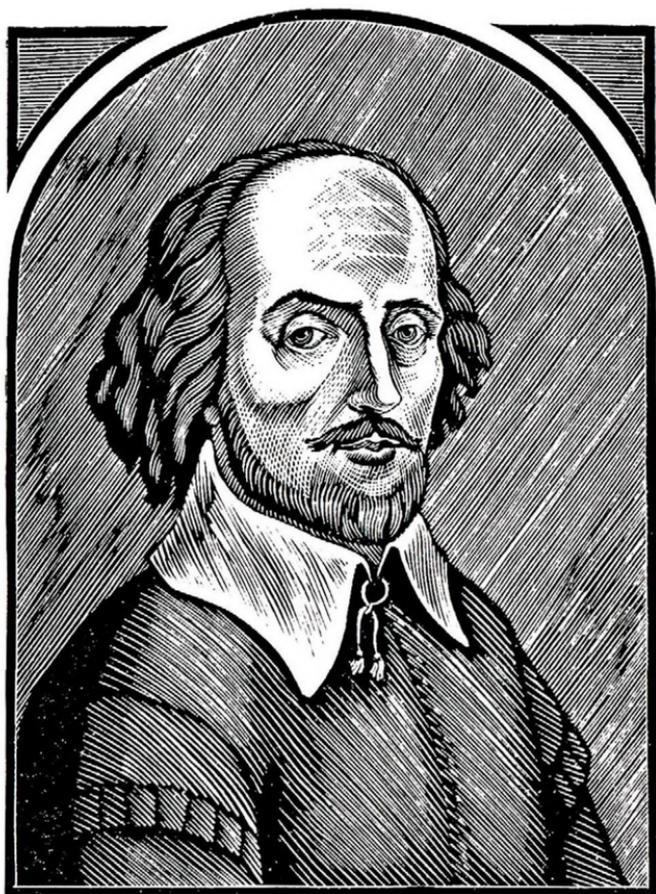
А. МИХАЙЛОВ

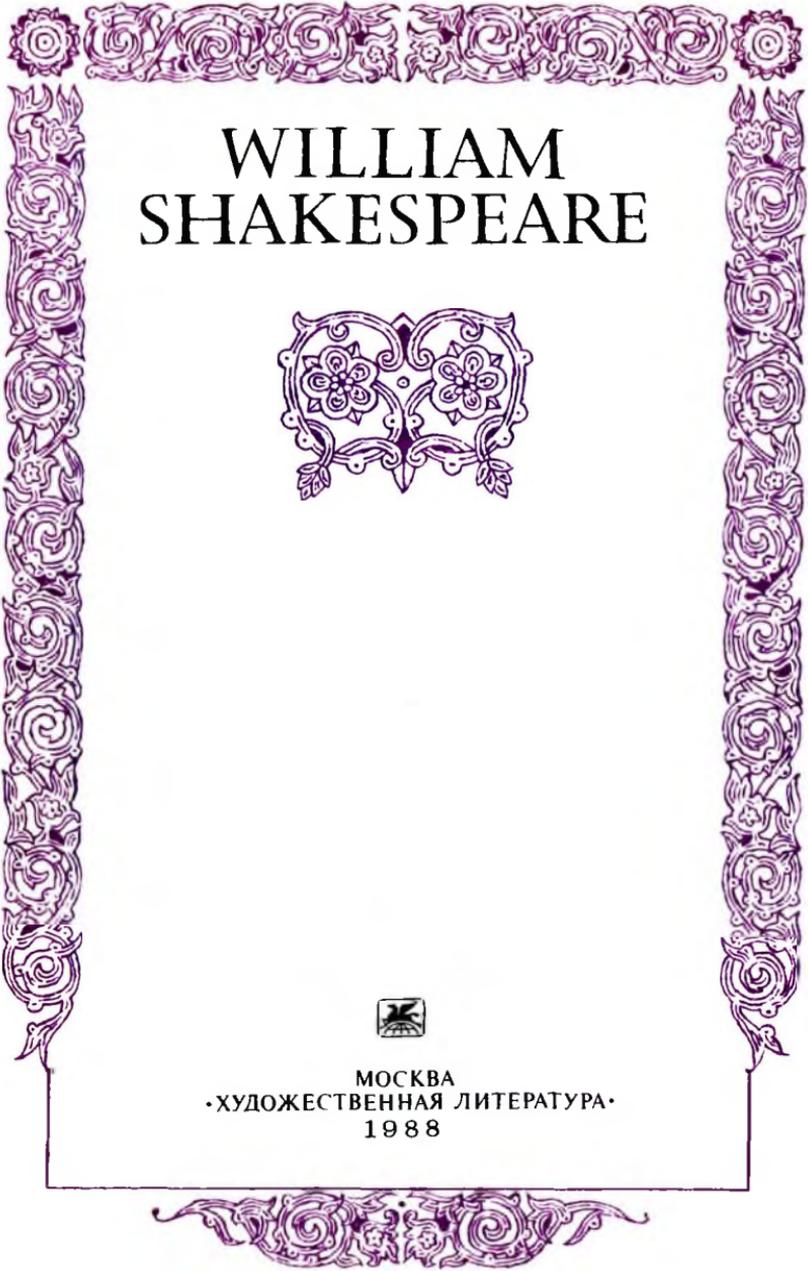
Б. ПУРИШЕВ

В. СТАХЕЕВ

Н. ТОМАШЕВСКИЙ

Д. УРНОВ

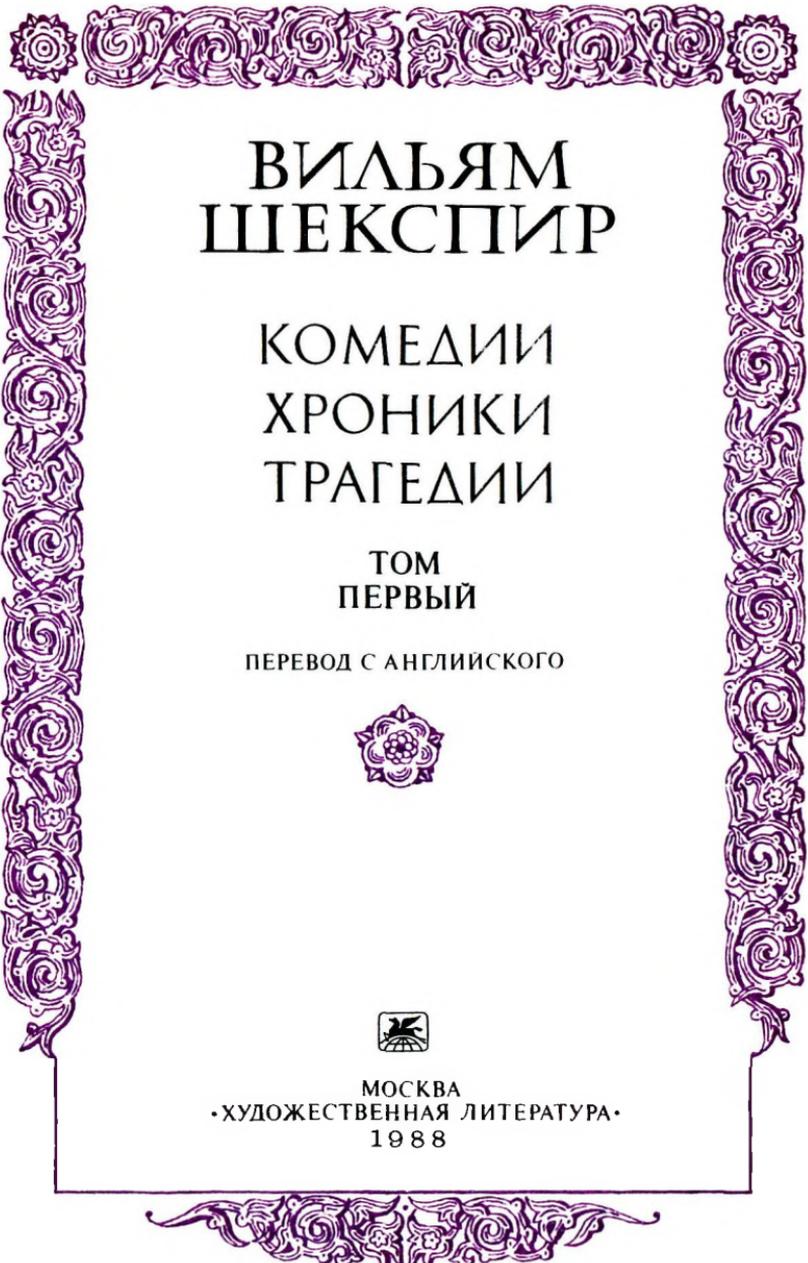




WILLIAM SHAKESPEARE



МОСКВА
• ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА •
1988



ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

КОМЕДИИ
ХРОНИКИ
ТРАГЕДИИ

ТОМ
ПЕРВЫЙ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО



МОСКВА
• ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА •
1988

ББК 84.4Вл
Ш41

Составление, вступительная статья
и комментарии
Д. УРНОВА

Гравюры художников
Ф. КОНСТАНТИНОВА и В. НОСКОВА-НЕЛЮБОВА

Художественное оформление
Д. ШИМИЛИСА

Ш 4703000000-153 133-88
028(01)-88
ISBN 5-280-00332-8 (Т. 1)
ISBN 5-280-00331-X

© Составление, вступительная
статья, комментарии, перевод,
отмеченный в содержании*.
Издательство «Художествен-
ная литература», 1988 г.



ГЕНИЙ ВЕКА

О великом писателе в общей памяти часто сохраняются некие биографические подробности, которые, называя этого писателя, мы вспоминаем прежде всего. Гомер был слеп, и «семь городов» оспаривали право считаться его родиной. Байрон был хром, но, не желая никому уступать первенство, усиленно занимался боксом, плаванием, фехтованием и верховой ездой. А Шекспир... Ведь его, кажется, вовсе не было? Или за него писал кто-то другой?

Подобные представления могут быть неточны и вовсе легендарны, однако редко они бывают случайными и у каждой из легенд есть своя логика.

Так называемый «шекспировский вопрос» давно отнесен к историческим недоразумениям. Сомневаться в авторстве Шекспира оснований нет и никогда не было. Однако вопрос все-таки возник и, за вычетом мотивов поистине случайных, подоплека его заключалась в труднообъяснимости явления. «Это был гениальный мужичок», — мнение о Шекспире, которое современники слышали от Пушкина¹. Но, при всей гениальности, как мог он написать такие объемлющие вселенную пьесы?

Поиски ответа на этот вопрос и борьба со всевозможными антишекспировскими «ересями» заставили шекспироведов произвести огромную работу. Почва, на которой формировался великий драматург, была, можно сказать, перепа-

¹ Подробно не только с биографией Шекспира, но и с историей ее изучения можно познакомиться по книгам А. А. Аникста и М. М. Морозова, которые неоднократно издавались. У нас также переведены книги английского шекспироведа Ф. Холлидея и американского — С. Шенбаума, дающие свод доступных на сегодня сведений о Шекспире.

хана и даже до крупниц перебрана руками¹. Это не означает, будто в изучении Шекспира не осталось неясностей или белых пятен. Белые пятна есть, да еще какие! Например, почти ничего не известно о самых первых годах Шекспира в театре; эти годы, охватывающие примерно пятилетие, так и называют «темными». Но все, что можно было узнать о репертуаре, об устройстве сцены и зрительного зала, об актерах и драматургах шекспировских времен, изучено досконально. В результате окружение Шекспира, обрисовывает контуром его фигуру в тех случаях, когда о нем самом нет сведений. Пока нет, поскольку исследовательская работа идет полным ходом и шекспироведы соединенными усилиями в разных странах извлекают на свет все новые факты. Еще в прошлом веке полагали, будто Шекспир был мало известен в свою эпоху, и это вызывало всякие домыслы. Теперь мы знаем по меньшей мере пятьдесят восемь отзывов о Шекспире, принадлежащих современникам. Чешские ученые установили, что уже тогда, в ту эпоху бродячие актерские труппы играли шекспировские пьесы у них в Богемии (так называлась Чехия). И даже «темные годы» немного посветлели за самое последнее время: удалось отыскать некоего «Шакспера», который как раз в ту пору был домашним учителем или секретарем у одного весьма вельможного лица.

Шекспироведческие исследования иногда могут показаться тщетными. Ибо зачастую мы узнаем о Шекспире то, что изначально было известно. Но, ведь документально подтверждая известное, мы как бы узнаем заново. «Родился, женился, стал переделывать чужие пьесы, писать свои, потом составил завещание и умер», — так скептики некогда суммировали сведения о Шекспире, и эта видимая скудость знаний побуждала сомневаться в «канонической» биографии. А ныне мы знаем, в какой обстановке появился на свет Шекспир и как воспитывался, точнее, как воспитывались люди в его среде, какова была их домашняя жизнь. Одним словом, казавшееся в судьбе Шекспира туманным и сомнительным оказывается прояснено. Взять хотя бы то же самое учительство. О нем было давно известно по преданиям и слухам: первые собиратели английской старины сумели запечатлеть их еще в XVII веке, а теперь, не исключено, мы узнаем, какое жалование получал учитель (или секретарь) Шекспир.

¹ Пушкин в воспоминаниях современников., т. II, М., Художественная литература, 1974, с. 54.

Когда читаешь новейшие исследования шекспировских текстов, то прямо видится рука Шекспира, бегущая по строкам: такова степень проникновения в условия и обстоятельства шекспировского творчества. Достигается это благодаря длительности, разносторонности и кропотливости исследований, оснащаемых к тому же новейшей техникой. Современная технология позволила, например, разоблачить поддельные или «пиратские» издания: разбойники книжно-издательского рынка когда-то обкрадывали самого Шекспира, беспощинно и безвозмездно перепечатывая его пьесы. Эти воровские издания впоследствии — веками! — морочили читателей и шекспироведов, сбивая их со следа и смысла странной хронологией. И вот подделки, выполненные с превеликим тщанием, с использованием нужной бумаги и шрифтов, разоблачены: не устояли они перед пронизательностью инфракрасных лучей, и компьютеры помогли отсеять поддельное от подлинного.

В былые времена Шекспир, или «человек из Стрэтфорда», согласно его собственным словам, сохранившимся в протоколе лондонского суда, представлялся одинокой фигурой на пути к бессмертию, и возникало множество недоуменных вопросов: почему покинул он родные края и двинулся в далекий по тем временам Лондон? Мог ли один и тот же человек создавать грандиозные трагедии и... и скупать недвижимое имущество? Ныне мы знаем: дорога была торной, многие шли по ней в поисках удачи, и Шекспир оказался в столице не один. А если Шекспир слыл чуть ли не экспертом во всех областях от философии до садоводства, то надо было, в свою очередь, изучить как следует и ученость Шекспира; и оказалась она скорее обширной, чем точной и основательной: образованность самоучки. Великое творчество, конечно, остается тайной, как неисчерпаемая глубина. «Шекспир, — сказал известный своим парадоксальным остроумием Бернард Шоу, — вызывает у меня особую неприязнь тогда, когда я сравниваю по размаху его ум с моим собственным».

Невероятный масштаб сознания. Вот действительно чудо. Это — природный дар, доставшийся провинциальному парню, как достался, мы знаем, такой же дар Ломоносову или Чехову, пришедшим, подобно Шекспиру, из провинции в столицу, поднявшимся из полуграмотной (а может быть, и безграмотной) среды на высоты культуры. Мог ли гигант, равный Шекспиру или Ломоносову, не выбиться в люди? Ранний биограф Шекспира, слышавший шекспиров-

ских современников, записал: «У него был не уступающий ему по способностям друг-сверстник, однако он умер совсем молодым». А еще один шекспировский соотечественник, поэт-романтик Шелли, говорил о «немых безвестных» гениях из народа, не сказавших своего слова, канувших бесследно в Лету, стигнувших где-то там, в море людском. Толстой, имевший все основания судить по себе о значении в участии художника и способностей, и обстоятельств, всегда подчеркивал, что для успешного творчества необходимо множество условий, которые соединяются очень редко.

Увидевший свет в год смерти Микеланджело и скончавшийся одновременно с Сервантесом, в год суда над Галилеем, Шекспир (1564—1616) принадлежал к титанам Возрождения. Эти люди концентрировали в себе духовную энергию «величайшего прогрессивного переворота из всех пережитых до того времени человечеством»¹. Выразился переворот в перестройке средневеково-феодального мира по всем направлениям. Перемены назревали исподволь, и эпохальные открытия, определившие характер Нового времени, совершались еще в недрах средневековья. Гуманизм как наука о делах земных, человеческих зародился в стенах монастырей и первых университетов, напоминая те же монастыри. Но что было достоянием ученых умов, схоластов, то сделалось духом времени, распространилось как вера в человека, его значение и безграничные возможности. «Человекоизучение» стало человекоутверждением, воплощаемым практически, повсеместно, разносторонне, какую бы из областей жизни ни взять, частную или общественную, какую бы сферу деятельности ни выбрать: политику, экономику или художественное творчество.

«Буду держаться так, как если бы человек был своим собственным творцом», — говорит один из шекспировских персонажей. Речь в данном случае идет о пренебрежении чувствами семейными, однако такой же вызов человек Возрождения, осознав себя хозяином собственной судьбы, мог бросить не только семье, но и богу, и королю, сеньору, любому авторитету. Что из безоглядного самоутверждения могло произойти, мы узнаем, читая Шекспира и его современников, а все же это самосознание явилось мощнейшим двигателем, рычагом, при помощи которого с пути человечества оказались убраны многовековые препятствия и достигнуты грандиозные результаты.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 345—346.

Это мы называем эпоху Шекспира — шекспировской, для современников то был «век Елизаветы», «елизаветинская эпоха», когда Англия, преодолевая сопротивление внутреннее и внешнее, становилась централизованным государством и начинала борьбу за мировое первенство. До триумфа в этой борьбе было еще очень далеко, не одно столетие, но все же патриотические, национальные чувства англичан оказались вдохновлены окончательно узаконенной независимостью от католического Рима, внушительными победами на море над испанцами, окрепшей способностью держать на расстоянии вытянутой вооруженной руки своего ближайшего и очень честолюбивого соседа — Францию.

Победы бывали непрочными: порт Кале переходил из рук в руки и в конце концов англичане его лишились; веротерпимость оставалась относительной, незадолго до рождения Шекспира в Англии как еретиков казнили протестантов-пуритан, а при жизни Шекспира — католиков; волнами прокатывались по стране вместе с эпидемиями и прочими стихийными бедствиями волнения на религиозной, национальной, социальной и политической почве. Шекспир, возможно, уже находился в Лондоне, когда до столицы дошло известие о расправе над Марией Стюарт, а сама королева Елизавета Тюдор умерла вскоре после того, как ей удалось-таки подавить попытку дворцового переворота.

Все же для Англии то было время сравнительной устойчивости. Шекспировская эпоха, можно сказать, поместилась между временами больших потрясений: после отошедших в прошлое феодальных распрей и перед грядущей буржуазной революцией. Это было время подъема. Взору англичан как бы открывался весь мир. Они совершили свое первое кругосветное плавание, достигли Нового Света, основали там, как и в Африке, первые колонии, искали золото на берегах Амазонки и Ориноко, создали, придя в устье Северной Двины, Московскую торговую компанию, а затем по ее примеру — Ост-Индскую компанию, Мароккскую компанию, Левантскую компанию... «Нет морей неисхоженных, нет земель неизведанных!» — этот возглас английского капитана, «морского сокола» тех времен, являясь очевидным преувеличением, точно выражает самосознание шекспировских современников.

Энергичное движение шло внутри страны. Население Лондона, государства в государстве, на протяжении жизни Шекспира, то есть в течение полувека, удвоилось, достигнув двухсот тысяч человек. Пусть некоторые города зачахли,

утратив государственное и хозяйственное значение, но торговля и ремесла росли и распространялись по всей стране, и не только из-за притока умельцев-иностранцев, искавших на Британских островах убежища от религиозных преследований.

Ту эпоху английские историки называют «золотым веком», спеша добавить, что не весь же век был из золота и не все то золото, что блестит. Действительно, уже вскрылись в ту пору противоречия, которые в дальнейшем будут только нарастать, — противоречия прогресса. Каждое из новшеств, плодотворное и перспективное, имело и оборотную сторону, обходилось дорогой ценой. Если раскрепощение человеческой личности, гуманизм как идеология явились материалом шекспировских трагедий, то и все другие процессы оборачивались трагически. Так, государственное единение достигалось за счет беспощадного подавления всякого местничества, в особенности на границе с Шотландией или на острове Эйре, в Ирландии. Что же касается преуспевания производственного и торгового, то его цена была образно определена задолго до Шекспира крупнейшим английским мыслителем-гуманистом Томасом Мором: «Овцы пожирают людей». Для расширения ткацкого дела, ради овечьих пастбищ богатые и родовитые землевладельцы урезали крестьянские участки, полностью присваивали угодья, считавшиеся общими, а то и вовсе сгоняли сельское население с насиженных мест. Крепостная зависимость в Англии была отменена еще в XIV веке, однако вместо рухнувших ограничений возникали новые перегородки, вместо старой феодальной крепости — новое, наемное рабство. Обезлюдившие огороженные поля стали источником прекрасного шерстяного сырья, обездоленные люди пополняли ресурсы наивыгоднейшей, дешевой рабочей силы, на большую дорогу истории они вышли свободными в том числе, как сказал Маркс, ото всякой собственности¹.

Как ни потрясают нас мраком и кровью шекспировские трагедии, все же в них разве что косвенно и отдаленно отразился ужас «огораживаний», в ходе которых не только пастбищные поля обносились изгородями, но и вдоль дорог водружались виселицы: вчерашний земледелец становился бродягой, не пристроившегося бродягу объявляли «опасным» и за малейшую, нередко спровоцированную провинность пороли, клеймили, вешали. Удавившийся фермер, который

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 727.

упомянут у Шекспира в «Макбете», — это лишь малый фрагмент той страницы английской истории, которая вписана в летописи человечества, по выражению Маркса, языком крови и огня¹.

Почему же Шекспир не представил всей устрашающей картины, хотя сам принадлежал к тому крестьянству, что переживало тяжелые времена? Да, конечно, за репертуаром его театра присматривал лорд-камергер и так называемая «Звездная палата», призванная искоренять всякую крамолу. Но причина, конечно, не только в этом. Суть, видимо, в том, что происходило и уничтожение, и расслоение крестьянства, а шекспировская семья оказалась, если так можно выразиться, на подъеме. Подъем и был пафосом его творчества. Шекспир покинул родной город, когда дела, преуспевание его отца пошатнулись, но тот, кому довелось побывать в родных местах Шекспира, увидеть его город и сравнить дом, в котором он родился, с тем домом, который он приобрел позднее, смог воочию убедиться, насколько его жизненный путь шел в гору. Это не означает, разумеется, будто, сочиняя потрясающие трагедии, Шекспир тем временем спокойно делал свои дела. Напротив, уже незадолго до кончины он, защищая интересы земляков, вел тяжбу с неким предприимчивым господином, который решил «огородить» близлежащие общинные земли. Но в той тяжбе, как и в любой другой ситуации, насколько позволяют судить факты, Шекспир занимал особую позицию — в силу исключительного ума.

Семейные корни Шекспира уходили в сельскую среду, занимавшую, точно говоря, положение между простым крестьянством и низшим дворянством. С этой средой, сформировавшейся и пережившей расцвет примерно за сто лет до рождения Шекспира, в XIV—XV веках, связано представление о «старой веселой Англии». Это те самые «поселяне старого закала», вольные землепашцы, йомены, которых пожелал вызвать из прошлого Гулливер, когда ученые лапутяне предоставили ему такую возможность. Шекспир же видел этих людей в доме родственников матери. А отец его был уже горожанином, буржуа, бюргером, ремесленником и торговцем, он занимался кожевенным делом, а также приторговывал мясом и шерстью.

Расположенный на реке Эвон шекспировский городок Стрэтфорд находился на пересечении оживленных торговых путей, водных и сухопутных.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 507.

Выгоды такого местоположения затем перестали быть выгодами, и многие позднейшие путешественники стали жаловаться, что ехать в Стрэтфорд-на-Эвоне — значит свернуть с большой дороги. Подобно многим городкам и даже городам, утрачивающим свое значение, и Стрэтфорд, вероятно, мог бы захиреть, если бы в нем со временем не развивалась особая промышленность и коммерция — шекспировская. Шекспир глядит теперь на туристов с каждой вывески, а вот и мост, тот самый, по которому он когда-то отправился на поиски удачи, а потом вернулся в родные края.

Был ли в семье Шекспира кто-нибудь грамотным, мы пока не знаем, но его отец, занимая видное положение в городе, выбранный на должность вроде бургомистра, не имел ничего против, когда в Стрэтфорде выступали приезжие актеры. Известно даже, сколько было выплачено актерам по распоряжению городских властей; однажды им не только хорошо заплатили, их еще и угостили, а в другой раз дали всего один шиллинг: представление, видно, не понравилось.

Актеры посещали Стрэтфорд в течение ранних лет жизни Шекспира по меньшей мере двадцать четыре раза. Бывали среди них, пользуясь словами из «Гамлета», «столличные трагики» и комики, конечно, но главные лучшие, прославленные мастера сцены, в том числе и такие, которые потом будут играть вместе с Шекспиром его пьесы.

Соседями Шекспиров были Бербеджи, содержатели постоянного двора. Это в двух шагах от шекспировского «дома рождения», в чем легко убедиться, поскольку за четыреста лет Стрэтфорд мало изменился. Шекспир и Бербедж — те же имена стоят рядом, в списке одной и той же лондонской труппы. Картина складывается, стало быть, следующая: театр в Лондоне, который так и назывался Театр, основали Бербеджи, отец с двумя сыновьями, а к ним присоединились братья Шекспир и тоже стали поначалу актерами; один брат, младший, по имени Эдмунд, не перенес очередной эпидемии и был похоронен в Лондоне, а старший Уильям выдержал битву жизни до конца, вернулся на родину и завершил свой век, оставив после себя потомству целый им сотворенный мир и — «второй по величине дом» в городе.

Показывают в Стрэтфорде и школу, которую мог посещать Шекспир. Показывают даже парту, за которой он будто бы провел несколько лет. Но это, мягко говоря, реконструкция. Зато подлинными являются учебники, конечно, не те же экземпляры, но в принципе те самые, по которым учились в

эпоху Шекспира и которые, соответственно, угоминаются в его пьесах: запомнились на всю жизнь.

Школа в Стрэтфорде, имевшая название Новой королевской, являлась «грамматической», иначе говоря, в ней учили читать и писать, при этом главным образом по-латыни. «Шекспир знал мало по-латыни и еще меньше по-гречески», — отозвался о нем современник. Но ведь все познается в сравнении, а этот современник, тоже драматург, Бен Джонсон, окончил школу наилучшую, столичную и на древних языках изъяснялся свободно. Но и у Шекспира, как установлено, учителя были неплохие, с университетскими дипломами, и они дали ему основы знаний по литературе, истории, географии, которые в дальнейшем он уже сам преумножал. Среди современников, собратьев по перу и сцене, Шекспир выглядит не хуже многих. Вот перед нами сводная анкета писателей тех времен, составленный исследователями список в две сотни человек, с указанием происхождения, образования и какого-либо сопутствующего рода занятий. Лирические поэты — преимущественно аристократы с университетским образованием (поэзия для них — занятие досуга); некоторые профессионалы, зарабатывающие литературным трудом, также являются «университетскими умами», но они, как трагедиограф Кристофер Марло, тоже из ремесленников, сын сапожника, получали дотацию. Некоторые — и вовсе без формального образования. Так что Шекспир, сын кожевника, ученик Новой королевской школы, предстает фигурой вполне характерной: типичное для литературно-театральной среды происхождение, типичное образование, словом, распространенная судьба.

Пишущую братию, пишущую ради хлеба насущного, тогда, как правило, называли нищей. Не много зарабатывали и обычные актеры. Лучше приходилось тем, кто умел и сочинять, и выступать на сцене, и сверх всего входил в число владельцев театра. Положение Шекспира было именно таково, и хотя эту позицию завоевал он не сразу, вступил он на путь творчества, надо полагать, не только по вдохновенному порыву.

Шекспир ушел из Стрэтфорда, когда у него самого уже была собственная семья, трое детей. Ранний биограф от старожиллов слышал, что «он имел обыкновение раз в году бывать в родных краях». Похоже, приносил оброк. Но все же на несколько лет после ухода из Стрэтфорда Шекспир исчезает из поля зрения исследователей, тут и тянется «темная» (для нас) полоса, заполненная преданиями и догадками. Пер-

вые собиратели Шекспирианы записали, будто он браконьерствовал и попался в заповедном лесу, что он давал уроки «где-то в округе», что присоединился к странствующим актерам... Одно другого не исключает, и, как уже отмечено, некая основа у таких рассказов, вероятно, имеется. Но вот что обращает на себя внимание уже как факт: мы видим Шекспира в Лондоне среди земляков (они ставят его пьесы, и его поэмы публикует издатель родом тоже из Стрэтфорда)¹. Поэтому вполне разумным кажется предположение, что путь Шекспира в Лондон — это уход на заработки, не романтическое бегство, а попытка поправить свои дела. После того, как он испробовал различные способы, Шекспир, видимо, решил действовать в силу склонности, о которой старожилы ранним шекспироведам тоже поведали, а именно — «природной склонности к поэзии и актерству».

И его очень скоро заметили, причем не только земляки и друзья. «...Завелась одна ворона-выскачка, разукрашенная нашими перьями. Это человек с сердцем тигра в обличье актера, и он думает, что способен громыхать сценическим стихом, будто лучший из нас, а он всего-навсего пройдоха, всюду сующийся и возомнивший себя единственным в стране Потрясателем-подмостков», — таков первый развернутый отзыв о Шекспире. Но где же здесь Шекспир? А в намеке на его воинственную фамилию «Шейк-спир», означающую Потрясатель копья. Здесь же имеется переименованная строка из его пьесы: «О, сердце тигра в женской оболочке!» («Генрих VI», часть III). Принадлежал пропитанный ядом выпад писателю и содержал обращенное к другим писателям предупреждение: в литературно-театральном мире, где одни должны сочинять пьесы, а другие их играть, вдруг явился ловкий малый, не только ставший актером, но и заделавшийся драматургом; стряпает он бурные трагедии (о чем можно судить хотя бы по одной строке), пользующиеся успехом: иначе зачем же его опасаться? Автор злобно-завистливого памфлета, талантливый, но беспутный Роберт Грин даже не успел увидеть своих строк в печати — умер от пороков разгульной жизни, но что бы он сказал со временем, когда тот же «выскачка» взял у него из повести сюжет для своей пьесы!

¹ Имеются другие версии: «Шекспир был в Лондоне один и не имел друзей». Но подобные версии возникли как раз в такую пору, когда традиция изустных преданий уже прервалась, а подлинно историческое изучение документов еще не началось: имя издателя на том же титульном листе никому ничего не говорило.

За вычетом злобности этот выпад имеет, конечно, чрезвычайное большое значение. Он важен как веха, указывающая сроки шекспировского дебюта. А если яд из него удалить, то получится достаточно точная характеристика раннего Шекспира, его первоначального положения в театре, литературе и обществе. «Высочка» звучит оскорбительно, но вообще наиболее характерные и значительные люди той поры принадлежали к разряду «высочек», то есть коренным образом менявших свое положение в обществе и само общество. Английское дворянство тогда в большинстве своем являлось «новым», титулы были получены если не в первом поколении, персонально, то уж не дальше как отцами и дедами тех, кто теперь окружал королевский трон. Первые люди в государстве являлись выходцами из низов либо, как канцлер Бэкон, детьми таких выходцев. А кем был Роберт Грин? Посмотрим в упомянутом списке писателей по графе «Чей сын?»: сын шорника. Сам он высочка! Только вроде забывший об этом. А Шекспир — начал он путь простолудином, сыном скорняка, однако если посмотреть графу «Кем умер?», то прочтем: эсквайр, буквально «оруженосец рыцаря». Прямого значения в ту пору слово уже не имело, но всякому было понятно как обозначение первой ступени по шкале привилегий; другое название для того же титула — джентльмен, буквально «благородный человек». Об отце Шекспира говорили, что он «почти джентльмен», а Шекспир добился звания официально. Мы видим это по бумагам, видим и герб Шекспира — сокол, потрясающий копьём. Так что Роберт Грин верно, хотя и с повышенной эмоциональностью, распознал конкурента.

Выпад точен как профессиональный счет, предъявленный новичку. Обиженный предшественник прав, указывая, что «всюду сующийся пройдоха» пользуется плодами общих достижений. Но если бы в английском театре все уже было достигнуто, тогда Шекспиру и появляться было бы незачем. А возделанность почвы необходима для возвышения такого гиганта. Пришел Шекспир, и английская драма, уже обработанная даровитыми профессионалами, вроде автора злобных строк, заиграла новыми красками. Грин не мог и предвидеть, как еще сотрясет театральные подмостки этот высочка.

Творческая деятельность Шекспира продолжалась немногим более двух десятилетий (1590—1613 гг.). Известны тридцать семь его пьес, четыре поэмы и сто пятьдесят четыре сонета. Известны еще две-три пьесы, которые приписываются Шекспиру полностью или частично, как соавтору. Все

шекспировские пьесы шли в свое время на сцене, двадцать из них были напечатаны при его жизни и тридцать шесть вошли в сборник, так называемое «первое фолио» (1623), составленный актерами уже после его смерти. Все это говорит о том, о чем и говорили современники, младшие, шедшие следом за ним, — «об истинно удачной и плодотворной деятельности мастера Шекспира».

Если эту характеристику рассматривать рядом с похвалами другим авторам того времени, то положение Шекспира среди современников уже не выглядит исключительным. А если бы нам, как Гулливеру, дали возможность и перенеслись бы мы в шекспировскую эпоху, то на вопрос «Где тут Шекспир?» мы бы, наверное, услышали: «Какой Шекспир?» Все знали Смита, не поэта и не драматурга, а писателя-проповедника, его нравоучительными речами заслушивались и зачитывались. Но если бы мы спросили, где театр «Глобус», то нам бы, вероятно, указали сразу.

...Там ставятся такие пьесы, как «Гамлет», «Отелло», «Король Лир», — их довольно многие любят посмотреть. Какой Гамлет? Это каждый скажет: он на датской почве с ума сошел и выслан в Англию. И когда этот Гамлет, принц несчастный, от любви помешавшись, прыгает в могилу, то, право, слеза прошибает, а когда могильщик, этот шут гороховый, прежде чем могилу копать, стаскивает с себя жилеты — четырнадцать штук ровным счетом, то, ей-богу, со смеху лопнешь! Кто пьесы-то писал? А кто ж его знает! Да их и писать нечего, это истории опять же всем известные, их и в других театрах сколько раз показывали, только на свой манер...

Так по намекам самого Шекспира и другим источникам представляется обстановка, в которой он работал. Шекспировские пьесы исполнялись и при дворе, в знатных домах, университетах, профессиональных корпорациях, известен случай, когда того же «Гамлета» играли на корабле в открытом море. Но в основном писал Шекспир для такой аудитории, какая собиралась в «Глобусе»: многочисленная, разноликая; одни не понимают и понимать не хотят ничего, кроме грубых эффектов, а другие морщатся от малейшей нелепости; одни простодушны, словно дети, другие в своих вкусах и запросах изощренны.

Всем доступных театров в Лондоне (при населении, как мы помним, в двести тысяч) существовало девять, и в каждом могло поместиться (набиться) чуть ли не три тысячи человек. Старые гравюры и одна зарисовка очевидца дают

возможность судить, что представляли собой эти театры изнутри и снаружи: деревянные балаганы без крыши, сцена без занавеса, публика стоит, и лишь зрители побогаче и познатнее занимают места в ложах или же прямо на сцене, там и сидеть можно, и сверху не каплет — навес есть. Эти театры то и дело горели, вновь отстраивались, открывались и закрывались, судя по сезону и в зависимости от властей, которые видели в них приманку для бездельников, очаги заразы и, конечно, источник пожаров. Разве блюстителей порядка нельзя понять? Понять можно и тех блюстителей сценических норм, которые в последующие времена не знали, что с этими пьесами делать, как их ставить, куда девать некоторые эпизоды и как можно столь быстро менять места действия? Не будем делать вид, что нам все в шекспировских пьесах понятно: редкий современный спектакль по Шекспиру обходится без купюр и перемен в тексте, которыми пьеса приспособливается к нашему пониманию. Сам Шекспир и пользовался этой пестротой, и тяготился ею, как об этом сказано опять же в «Гамлете». Попробуй в самом деле угодить и «приземкам» (зрителям на земле, в партере) и знатокам из лож!

А все-таки Шекспир был одним из популярных драматургов своего времени, значит, умел угодить, то есть привлечь в свой театр и неискушенную, и даже очень искушенную публику. Но может быть, шекспировская драматургия была тем, что мы теперь относим к «массовой культуре»? Нет, подобную «культуру» той поры представлял собой другой театр, рядом с «Глобусом», истинно балаган или, точнее, цирк: там английскими бульдогами травили русских медведей. Успехом пользовались в Лондоне и театральные зрелища, где рева и крови, пусть бутафорской, бывало не меньше. Гамлет говорит о них, прося приезжих актеров ничего такого не выделять, не рвать страсть в клочья. Рассказывает Гамлет и о другой крайности, об умело и тщательно написанной пьесе, показанной всего лишь один раз, потому что она оказалась чем-то вроде русской икры (которую как раз тогда стали через Московскую компанию доставлять в Англию). Иначе говоря, то была пицца для немногих, или, как у Шекспира сказано, «для генералов». Нет, таких пьес Шекспир не писал, он писал и для «генералов», и для «рядовых», и для многих, и для немногих: потому оказался он действительно единственным в своем роде.

И уже современниками, некоторыми из них, это было осознано. Тем же Беном Джонсоном. Он, друг-соперник, и

упрекал Шекспира за несурзанности, и советовал ему вычеркивать побольше, но зато уж когда надо было писать предисловие к «первому фолио», тогда, подводя итоги, Бен Джонсон написал следующее: «Душа века! Предмет всеобщих удивлений и восторгов и чудо нашей сцены! Восстань, Шекспир мой! Не приравняю тебя ни к Чосеру, ни к Спенсеру, не стану я и Бомонта молить посторониться и дать твоей могиле место. Сам служишь ты памятником себе, и вечно будет живо твое искусство, пока жива твоя книга и пока достанет у нас ума, чтобы читать ее и восхищаться». Судья придирчивый и нелюбезный, Бен Джонсон не забыл, что у Шекспира имелись пробелы в образовании, что плохо понимал он по-латыни и еще хуже по-гречески, но, словно вспоминая нападки Грина и говоря, как Шекспир «сотрясал сцену», он теперь ставил его в один ряд с величайшими трагиками античности. «Он принадлежит не одному веку, но всем временам. Сама природа гордилась его замыслами и с радостью облакалась в одежду его стихов». Разве ныне мы думаем иначе?

В наше время в разных странах все чаще говорят о том, что в следующий раз на высоту, равную шекспировской, литература поднялась в XIX столетии в России. Упоминаем мы об этом для того, чтобы через близкий нам материал лучше почувствовать уникальность такого момента, когда писатель (или писатели) обретает значение всеобщности, когда писатель вроде бы вознесен над толпой и в то же самое время он — со всеми, когда его искусство высоко и доступно, когда он глубоко индивидуален и одновременно говорит от лица многих. В масштабах истории это, конечно, момент, мгновение, уникальное, чудное, сочетающее в себе, как редкий миг удачи, очень многое: накапливаются силы нации, культивируется почва, концентрируется духовная энергия, в изобилии выдвигаются дарования, чуть ли не каждое из которых способно выполнить великую миссию, и самое соперничество выдающихся людей способствует вулканическому взрыву творчества.

По-своему уникальна в такой момент и расстановка общественных сил. Как могли Шекспир с Берберджем добиться для своей труппы королевского покровительства? А они этого добились: покровительство влиятельных лиц театрам было тогда необходимо, иначе актеров приравнивали к очень опасным бродягам. Сначала шекспировские актеры считались «людьми лорда-камергера», а затем — самого короля. Как же получилось, что «Гамлет» или «Мак-

бет» пришлось по вкусу широкой публике и — ко двору, буквально ко двору, королевскому? Про короля Якова, сменившего Елизавету и взявшего Шекспира под свое покровительство, рассказывали, что его, во-первых, очень занимали призраки и ведьмы (роль Призрака в «Гамлете» исполнял, по преданию, сам Шекспир), а, во-вторых, Яков видел в шекспировских трагедиях судьбу свою и своих родственников.

Если в шекспировском творчестве, при всей его насыщенности и разносторонности, такую идею выделить, то она окажется связана с Временем. Большинство зрителей этого, конечно, не сознавало, но ценитель профессиональный и просвещенный, как мы слышали, видел в Шекспире «душу Века». О времени в шекспировских пьесах говорится постоянно, а в одной из них оно так и обозначено, с большой буквы, появляется персонально, как действующее лицо, и говорит, что движет всем и судит обо всем. Это сила, стоящая над Человеком, формирующая его, владеющая им, определяющая его судьбу и поступки. Время, по Шекспиру, это эпоха, определенный жизненный уклад, это много времен, сменяющих друг друга, в преемственности и противоборстве. Век может быть «вывихнутым», разорванным, один и тот же век совмещает в себе несколько веков, которые не хотят ни мирно сосуществовать, ни уступать место друг другу. И люди есть сотрудничающие и враждующие, они принадлежат, соответственно, разным временам. И есть время главное, наступающее, одни мудро чувствуют это время и способствуют его торжеству, другие ему сопротивляются слепо или сознательно, третьи ловко им пользуются. А есть и такие, хотя очень немногие, которым ведомы границы их времени, и когда предел достигнут, они мужественно покидают арену жизненной борьбы.

Комедии, трагедии и пьесы исторические, те же трагедии, — каждая группа шекспировских произведений имеет своим центром, или стержнем, мысль о ходе времени как процессе, в котором участвуют от мала до велика и высшие, и низшие, словом, все. Основой и материалом для раскрытия такой идеи служит у Шекспира общая память. Что каждому дураку известно, как говорит могильщик. Имеется в виду, понятно, не глупость, а именно заведомая общеизвестность того, что показывал своей публике Шекспир. Показывал на свой лад, но прежде всего он каждому приходящему в его театр как бы лишь напоминал, что и без того ведомо. Вот почва, на которой сходились шекспировские актеры и шекспировские зрители. Все, сколько бы их там ни втисну-

лось, знали, что смотрели, хотя знали, разумеется, в различной степени: один истинно невежда, а другой — знаток. Изначальное знание материала шекспировской драматургии, при всех контрастах в публике, являлось общим.

А мы на шекспировскую пьесу разве приходим неподготовленными? Люди образованные, начитанные, мы и прямо перед спектаклем можем еще раз просмотреть текст, чтобы знать точно, что к чему. Но мы уверены, что это, как в прежние времена у нас говорилось, «сочинение Виллиама Шекспера», шекспировский же современник был убежден в том, что никто этого не сочинял, а только пересказал и показал некую старую и давно всем известную историю.

И в самом деле Шекспир почти ни одной пьесы, в полном смысле, не сочинил. Им заимствовались не только сюжеты, но и персонажи, даже текст, который он зачастую не придумывал, а лишь перерабатывал. Шекспир как бы вышивал по канве общей памяти, и делал он это не по недостатку фантазии, но ради того, чтобы найти со своей аудиторией поистине общий, убедительный для нее язык. Такой убедительностью в то время обладало предание, отчасти письменно зафиксированное, в большей степени — изустное, но, главное, живое, владевшее умами как некая общеизвестная истина. В стихах, лицах и картинах Шекспир воскрешал предание, доносил его вновь до своей публики, а встречным оказывался жадный интерес зрителей к тому, что где-то и когда-то, уж известно, было!

Теперь нам тоже известно, что и где Шекспир заимствовал. Собственно, с тех пор, когда это сделалось известным, стало понятно, каким образом некий провинциал-недоучка всего за несколько лет сумел овладеть материалом, достаточным для целой коллегии умов. При каких угодно способностях это можно было сделать, только опираясь на готовое. И все-таки наше книжное знание шекспировских источников не сопоставимо с переживанием или, точнее, взаимопереживанием того, что происходило в шекспировском театре, — общей истории и предыстории. Гамлет? О, дело давнее, но достоверное... Цезарь? Это который вроде начал строить лондонский Тауэр, но не достроил, и довели дело до конца уже английские короли, вон на другом берегу от театра возвышается. Французы? Король Генрих V их еще когда разбил, а если они сейчас сунутся, то им опять несладко придется!

«События, представленные в пьесе, историческим фактам не соответствуют» — такая надпись на программе встречает нас теперь, когда приходим мы смотреть хотя бы

«Ричарда III» в Шекспировском Мемориальном театре. Позвольте, как же так? А несчастный Кларенс, утопленный, по выражению Пушкина, в бочке малаги? А леди Анна, совращаемая прямо у гроба усопшего супруга? А... а загубленные младенцы? Нет, не соответствует, либо не так было, либо вовсе не было. И не являлся Ричард III, ужасный горбун, таким чудовищем, каким его сделала молва, Томас Мор и — Шекспир. Он, говорят, и горбуном не был: так, одно плечо немножко выше другого, и только.

А ведь это одна из популярнейших пьес Шекспира с момента ее появления и до наших дней. Шекспир, как обычно, не первым использовал этот сюжет, но его пьеса о Ричарде III не только сразу обрела успех сценический, укрепив славу Ричарда Бербеда, исполнявшего заглавную роль, она переиздавалась при жизни Шекспира пять раз.

Таков, пожалуй, самый яркий пример шекспировской тенденциозности, которая, однако, в его время не встречала порицания и, напротив, пользовалась поддержкой.

Учем, что здесь нет речи о художественной условности, какую мог себе позволить Шиллер, драматизируя историю Марии Стюарт и смецая реальные события. Большинство шекспировских зрителей должны были безусловно верить тому, что видели и слышали на сцене. Верил ли сам Шекспир? Вопрос нелегкий и нерешенный¹, но, по крайней мере, известно, что другие версии истории Ричарда III тогда тоже существовали, и Шекспир выбрал наиболее устойчивую и распространенную.

Тенденциозность — это не уозоть мысли. Разве Ричард у Шекспира измельчен и принижен? Ярчайшая, хотя и зловещая фигура. Звонкие и значительные строки вложены в его уста. Переведем их точно: «В груди забились тысяча сердец», «В бой, дворяне Англии, в бой, стойкие йомены!» Это часто цитируется как слова самого Шекспира даже без мысли о том, кем у него они произнесены. И такие слова могли служить девизом Шекспира, если йоменами были его

¹ Решаемый до сих пор, в том числе прямо у нас на глазах, если сравнить комментарий Е. В. Кузнецова к «Истории Ричарда III» Томаса Мора (М., Наука, 1973, серия «Литературные памятники») с книгой М. А. Барга «Шекспир и история» (М., Наука, 1976, серия «Из истории мировой культуры»). Английский исследователь Питер Саккио в книге «Шекспировские короли. История, летописи, драма» (1977) отмечает, что если Томас Мор, служивший источником для Шекспира, некоторые сведения сообщал как служи, то молва и традиция превратили их уже в факты.

собственные предки. А разве Ричард сломлен? Вот дословно его последняя реплика в ответ на призыв спастись: «Раб, я распял свою жизнь на игральной доске и выдержу любой выброс игральных костей. Мне кажется, здесь целых шесть Ричмондов на поле битвы. И пятерых я уже сразил, только не его самого. Коня! Коня! Королевство мое за коня!» К этим словам, чтобы получить о них более полное представление, необходимо прибавить свойственный оригиналу ритм, аллитерацию, — твердость.

Нет, не сломлен Ричард III, но все-таки побежден, — такова точка зрения Шекспира. Не противопоставив королю-чудовищу ни одного достойного противника, способного превзойти его духовной или хотя бы физической силой, побуждая зрителей временами даже любоваться ужасающей мощью этого уroda, передав ему некоторые наилучшие свои строки, Шекспир устраняет узурпатора прежде всего как помеху на пути развития страны.

Нынешние историки вовсе не собираются оспаривать Шекспира и «обелять» Ричарда III. Они говорят лишь о том, что Ричард был не хуже прочих, что образ его действий, даже если некоторых злодейств за ним не было, являл собой обычную практику для королевских дворов. А Шекспир, создавая потрясающую картину бесчеловечного властолюбия, взял не только типичный случай — он выбрал врага династии, находившейся в его время у власти. И король Генрих IV, которому Шекспир также посвятил хронику, был узурпатором, однако Шекспир изображает его совсем иначе. Осуждая в принципе посягательство на корону, не снимая с него вины, Шекспир представляет Генриха все-таки достойным правителем: он, как считалось, способствовал становлению «елизаветинской» Англии¹.

Исторические пьесы Шекспира, называемые «хрониками», а всего их девять, показывали зрителям наступление существующего порядка вещей. То была не переодетая в старинные одежды злоба дня, а предыстория современности.

¹ Теми же мотивами, видимо, можно объяснить и такой эпизод: спектакль по шекспировской пьесе о Ричарде II, который был Генрихом IV низложен, был использован заговорщиками против Елизаветы для возбуждения бунтарских настроений. Когда дело дошло до расследования, к ответу призвали и актеров. Ответ за всех держал не Шекспир и не Бербедж, а еще один член их труппы — Филип, и его отпустили с миром. Вероятно, он сумел разъяснить, что подстрекательского смысла в пьесе и не было. Разве Ричарда II свергли не ради того же торжества Тюдоров?

Данную черту шекспировской «исторической» драматургии отметил Пушкин, но вообще позднейшим зрителям или читателям почувствовать это очень нелегко, а уж в особенности четыреста лет спустя все выглядит одинаково давним. Шекспировская же публика дистанция между былым и нынешним не только видела, она в театр приходила ради того, чтобы дистанцию увидеть, и каждый всматривался в прошлое с личной заинтересованностью. Ведь общество и сознание действительно еще оставались средневековыми, как бы фиксированными, установленными от века раз и навсегда. Заслуги и положение предков обеспечивали права в настоящем, несмотря на социальную ломку, которая в новые времена совершалась. Те же «высочки», вырвавшись благодаря собственной инициативе и сопутствующим обстоятельствам на современный, открывшийся для них простор, затем устремлялись в прошлое на поиски если не законных, то хотя бы поддельных гарантий своего нынешнего положения. Поэтому даже четырнадцать веков, о которых говорится в хронике «Генрих IV», воспринимались актуально, как непрерывная нить, ведущая к современности. Показывая прошлое, воскрешая жестокую междоусобную вражду баронов, народные бунты, иноземные войны, борьбу за престол, Шекспир подводил всех и каждого к мысли о том, почему они смотрят спектакль и получают удовольствие, а не находятся где-то вовсе за пределами общества, не голодают и не бедствуют, не гниют в земле и не болтаются на виселице.

Идея государственного порядка, обеспечивающего процветание нации, страны, высказывается Шекспиром многократно. С выразительностью и объективностью, свойственной великому искусству, она воплотилась в отношении к фигуре Фальстафа, который тоже был и остался в ряду наиболее популярных шекспировских персонажей. В свое время, говорят, вся публика, особенно публика партера, оживлялась, стоило только появиться на сцене «жирному рыцарю» с его дружками. Вот уж от кого ожидали шуток и выходок уморительных. Над ним самим насмехались. Ему же и сочувствовали. Еще бы! «Все лучшее на свете» воплощал сэр Джон Фальстаф, если под этим понимать веселие, беззаботность, доброе товарищество, скрепленное возможностью крепко выпить и плотно закусить. Но тот же Фальстаф, для обрисовки которого Шекспир поистине не пожалел красок, был воплощенным беспорядком, и потому его же первый друг принц Генри, став королем Генрихом V, сразу отдает приказ взять Фальстафа под стражу. Как?! Это одна из вечно

живых сцен, богатый материал для актеров любых времен: когда Фальстаф, поскольку его дружок сделался не больше и не меньше владыкой Англии, предвкушает невероятные преимущества для себя, а получает — тюрьму. Мы и сейчас при хорошем исполнении глубоко сопереживаем происходящему в этот момент, но можно представить себе, что в тот же момент творилось в «Глобусе», где все прекрасно знали, чем это кончится, и еще, надо полагать, подзадоривали Фальстафа с его роскошными аппетитами. Однако Фальстаф не сдаётся. Он не в силах поверить ни своим глазам, ни своим ушам. Вот что он буквально говорит: «Все это делается только для вида... За мной пришлют сегодня же вечером». За ним присылают тотчас — стражу. И тогда Фальстаф оказывается способен выговорить только одно: «Боже мой... боже мой...» А в следующей хронике, посвящённой правлению Генриха V, он уже не появится, и будет лишь рассказано, как он умер «с разбитым сердцем».

Что же такое Фальстаф? Стихия старины, которой нет места в настоящем. Время пошло вперед, отесняя со своей дороги, искореня фальстафовское буйство. Присматриваясь к оттенкам в изображении Фальстафа, мы убеждаемся: «все лучшее» не уходит под аккомпанемент сочувственных вздохов; прежде чем уйти, оно прямо у нас на глазах в тщательном изображении Шекспира перестаёт быть «лучшим», изживает себя. Фальстаф таким был всегда: вечно жил в долг, не платя, мог и выручить, и предать, преследовал исключительно свои интересы, преимущественно утробные, и был бессребреником, и все это, включая грабеж на дорогах и развеселое застолье, некогда естественное, как молодечество, доблесть, удаль, становится свинством. Природа Фальстафа не меняется, другим становится время, вернее, приходит такое время, которое с фальстафовским веком несовместимо. Прежняя удаль уже выглядит теперь причудой, а то и преступлением, а потому, как говорит прежний принц и новый король, «тебя я изгоняю...».

Когда от исторических пьес Шекспира мы переходим к его комедиям, то попадаем в современный мир, живущий, как говорится, «здесь и теперь». Но при ближайшем рассмотрении и «здесь», и «теперь» оказываются насыщены разными временами. Вернее, у шекспировских комических персонажей проявляется реальная принадлежность и претензии на принадлежность к разным временам. В том и состоит, по Шекспиру, вся комедия, что думают современные люди о себе одно, а являются собой нечто совсем другое.

Кем себе представлялись шекспировские современники? Исторические пьесы они смотрели в надежде увидеть и свою причастность к быломu, ставшему прологом настоящего. В комедиях — то же самое. «Загляни-ка в хроники. Мы пришли сюда вместе с Ричардом Завоевателем», — это в «Укрощении строптивой» утверждает лудильщик, оскорбившийся, когда его называли проходимцем; оскорбительницу-трактирщицу отсылает он на пять с половиной веков назад, к истокам английской истории, путая при этом имя Завоевателя, которого, как известно, звали Вильгельмом.

«Новое время начинается с возвращения к грекам¹. Таков был пафос эпохи, потому и называемой Возрождением. Героическая сторона «возвращения» дала великие достижения ума, духа, комическая — мешанину в мозгах, не просветившихся, а помешавшихся, сбитых с толку каким-то коловращением времен. Шекспир в прямом смысле показывает эту путаницу в комедии «Сон в летнюю ночь», где актеры-любители, а на самом деле ремесленники-мастеровые, разыгрывают нечто, разумеется, на античный сюжет. Среди них имеется свой лудильщик, но функции премьера берет на себя ткач, он, нет сомнения, знаток древнегреческой мифологии, хотя и произносит «Гуркулес» или «Еркулес».

Над подобными претензиями, исходившими от людей его же собственной среды, Шекспир всего лишь добродушно посмеивался, намекая сородичам, что они садятся не в свои сани, точнее (по ситуации пьесы), ложатся не в свою постель, как лудильщик из «Укрощения строптивой», или, как ткач с товарищами из «Сна в летнюю ночь», берутся не за свое дело. Они же здравомыслящие люди! Их здравомыслие Шекспир тут же подчеркивает. «Незачем спрашивать, какое я платье надену, потому что у меня не больше камзолов, чем спин», — отвечает тот же лудильщик, когда ему в насмешку предлагают любое одеяние на выбор. А ткач не хочет слушать льстивые похвалы своей «мудрости» и говорит, что ему для его собственных нужд обычного ума хватит с избытком.

«Лишь бы выбраться из этого леса», — так говорит ткач. А лес заколдован, полон чар. Это и есть мир всеобщих грез, разноликой и разновременной мифологии, его населяют не только лешие или домовые, о которых можно было услышать от каждой старушки, но боги и герои, о которых узнали из возрожденной классики, а также средневековые рыцари, о невероятных похождениях которых читали всевозможные

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 507.

поэмы и романы. И если ткач, очнувшийся от колдовского сна, думает, как бы из такого леса выбраться, то прочие персонажи, принадлежащие уже к сословиям повыше, напротив, стремятся в сон, мечту, желая чувствовать себя олимпийцами, героями, грандами, желая верить в свое сходство и с Геркулесом, и с Гюоном из Бордо. Мало верить, зрители хотели это сходство видеть!

«Как вам будет угодно», — говорил им «мастер Шекспир» (если взять название одной из его комедий). Изпод сени родных дубов, где некогда «скрывался Робин Гуд английский», он переносил персонажей и зрителей и в Афины, и в Мессину, и в Падую, при этом Афины были столь же похожи на Афины, как и на Мессину, Мессина — на Падую, а вторжение в какую угодно «Мессину» местного, в смысле отечественного пристава («Много шума из ничего») не позволяло шекспировской публике забыть, где все-таки она реально находится.

В исторических пьесах последним словом Шекспира является порядок. И комедии неизменно завершаются упорядочением. Если в хрониках в итоге кровопролитной борьбы устанавливается порядок государственный, то в комедиях — домашний. После обольстительных, мимолетных, словно летняя ночь, сновидений наяву, после всевозможных столкновений-недоразумений, шекспировские комические персонажи трезвеют, их чувства, личные отношения, житейская обстановка упорядочиваются, все они между собой мирятся, женятся, принимаются за дело, возвращаются на родную почву, входят в свою колею.

Благоустройство «под занавес» (хотя такового в шекспировском театре и не было), иначе говоря, в финале, выглядит подчас, как и в хрониках, внезапным, даже неоправданным и насильственным именно после всех тех конфликтов и страстей, которые разыгрываются по ходу действия. Конечно, это противоречие есть. В комедиях оно ощущается не так остро, как в хрониках, но вызванная Шекспиром на комическую сцену жизнь как бы не укладывается в уют, в прописи, произносимые напоследок. И все-таки Шекспир, несомненно, хочет сказать, что говорит. Если угодно, и гениальному человеку наиобширнейшего ума нечего больше сказать, кроме как напомнить о мере вещей, о необходимости чувствовать такт жизни, сознавая свое место в ней.

«Как подданный обязан государю, так женщина — супругу своему», — вещает в конце концов «строптивая» Катарина. Некогда даже думали, а не вписал ли кто-нибудь

другой в шекспировскую комедию эти домостроевские поучения? Теперь шекспирозеды думают иначе, больше зная о Шекспире: тот же заключительный монолог в «Укрощении строптивой», трактующий о делах семейных, написан на языке государственном, будто речь идет об устройстве королевства. «Муж-повелитель» — прямое, дословное отождествление главы государства и главы семьи, а потому супруга, нарушающая семейное спокойствие, соответственно, «дерзостный мятежник, предатель властелина своего». В устах молодой девушки, которая еще недавно дралась и царапалась, как дикая кошка, подобные речи — сценическая условность. Говорит Шекспир, которого уж никак нельзя уличить в непоследовательности, ибо, показывал ли он политическую междоусобицу многовековой давности или любовный «шум из ничего», он неизменно имел в виду единство как условие общезития, достойное людей.

Единство — в определенном времени: нельзя понимать рыцарство по-фальстафовски, то есть по нормам большой давности, и оставаться другом короля, гражданином государства; грезить Геркулесами и Гюонами из Бордо можно лишь разве что в порядке праздничной забавы, если вообразить, как говорит Шекспир, «будто вы уснули». Нелепость, немыслимость сопоставления какого-нибудь «меня» (современного человека) с тем же Геркулесом на собственном примере подчеркивает Гамлет, и весь трагизм гамлетовской ситуации, как и других шекспировских трагедий, проистекает, по Шекспиру, из того обстоятельства, что «век расшатался», «век вывихнут», что «порвалась связь времен».

В самом деле, кто такой Гамлет? Просветившийся в гуманизме человек, которому ради выяснения истины приходится совершить шаг назад, к средневековым понятиям о «совести» и «стране, откуда никто не возвращался». «Совесть», как и гуманизм, стала современным для нас словом, изменив, расширив свое изначальное содержание. Нам уже очень трудно представить себе, как то же слово воспринималось шекспировской аудиторией, обозначая для нее прежде всего страх перед загробным наказанием за свои земные поступки, тот самый страх, от которого новое сознание стремилось освободиться.

«Так всех нас совесть обращает в трусов», — старый русский перевод знаменитой гамлетовской реплики все-таки наиболее верен, с исторической точки зрения. Ведь то же у Шекспира говорит не только Гамлет, но хотя бы и один из наемных убийц в «Ричарде III»: она, «совесть» (так рассу-

ждает этот молодец), «делает человека трусом». И прежде чем совершить злое дело, он ждет, пока у него «совесть» утихомирится, пройдет, словно немочь.

У него — проходит. У Гамлета — нет, и в этом его трагедия. Не в том, разумеется, что Гамлет не хочет и не может стать бессовестным в понятиях нашей, нынешней нравственности. Трагедия в том, что ничего другого, кроме вроде бы раз и навсегда отринутой зависимости от потустороннего, нечеловеческого авторитета, он не находит для опоры и действия, для того, чтобы поставить на место «вывихнутые суставы» эпохи. Одну эпоху ему приходится судить по нормам другой, уже ушедшей эпохи, а это, по Шекспиру, невысказано.

Перед задачей восстановления справедливости в «Гамлете» оказывается не один Гамлет, но еще по меньшей мере двое молодых, как и он сам, людей: Лаэрт и Фортинбрас. Шекспир, таким образом, рельефно, сравнительно обозначает проблему. Те двое действуют, по контрасту с Гамлетом, руководствуясь непосредственным убеждением, поистине своей волей. В особенности Лаэрту, образцовому молодому человеку своего времени, не требуется никаких санкций, кроме сыновней любви и чувства долга, чтобы отомстить за отца. Не вмешайся король Клавдий, он учинил бы скорую расправу над убийцей. А Гамлет «совестится», ищет нравственно-духовной поддержки там же, откуда получил само известие о вероломном убийстве своего отца.

Гамлет не раз на протяжении пьесы имел возможность покарать Клавдия. Почему, например, не наносит он удар, когда Клавдий молится в одиночестве? Потому, установили исследователи, что в таком случае, согласно древним поверьям, душа убитого отправилась бы прямо в рай, а Гамлету необходимо отправить ее в ад. В том-то и дело! Будь на месте Гамлета Лаэрт, он бы не упустил случая. «Оба света для меня презренны», — говорит он. Для Гамлета — не презренны, и в этом трагизм его положения. Психологическая раздвоенность гамлетовского сознания (о чем возникла целая литература) носит исторический характер: ее причина — двойственное состояние «современника», в сознании которого вдруг заговорили голоса и стали действовать силы других времен.

Если у Шекспира в хрониках, изображающих прошлое, время неуклонно идет вперед, если в комедиях после всех перемещений куда бы то ни было во времени и пространстве совершается благополучное возвращение к «здесь» и «те-

перь», то в трагедиях время вдруг обращается вспять, движется рывками туда-сюда, оказывается расшатанным, разорванным настолько, что уже никакие финальные по-своему мудрые и утешительные слова, неизменно произносимые, не могут гарантировать порядка.

В «Короле Лире» катаклизм, возникающий в результате, условно говоря, «неправильной» смены времен, представляет нечто чудовищное. Лир — прошлое, древность, косная старина, которой давно пора на покой. Его дочери и их присные — люди, освободившиеся от застарелых предрассудков. Что убеждения старины, как и фальстафовское молодечество, уже изжили себя, это говорится и показывается в трагедии на разные лады. Иногда говорится персонажами, которые не вызывают нашего сочувствия, а потому мы как бы не замечаем осуждения, не отдаем себе отчета в его полнейшей оправданности. Шекспир действительно не прост в распределении своих симпатий, но все же вполне определен. Свита, окружающая короля, превратилась в хищную и бессмысленную свору, которая вне всякого сомнения должна быть упразднена, — с этим никто из шекспировской публики не стал бы спорить. Но что представляет собой Гонерилья, разгоняющая этот сброд и — выгоняющая собственного отца?

Если в «Гамлете» обращает на себя внимание понятие «совесть», то в «Короле Лире» таким понятием оказывается «природа». В ней заключена новая мера вещей и человеческих качеств. Люди повинуются природе, собственной «натуре». «Природа, ты моя богиня! В жизни я лишь тебе послушен», — так рассуждает Эдмунд, отвергший, по его же дальнейшим словам, «проклятье предрассудков». И этот действующий исключительно по своей «натуре» честолюбец оказывается одним из наиболее антинатуральных, противоестественных лиц трагедии.

Трагедии Шекспира — художественное постижение ведущих тенденций времени. Шекспир зорек и справедлив, он сам являлся «сыном века», ему самому то время представлялось порой благоденствия, позволявшей людям раскрывать свои возможности, и он же был судьей своей эпохи; как писатель, актер и руководитель труппы, он оставался верен принципам, которые сам же с подмостков проповедовал, говоря, что цель театра «была и есть — держать как бы зеркало перед природой: являть добродетели ее черты, спеси — ее же облик, а всякому веку и сословию — его подобие и отпечаток».

* * *

«Для нас Шекспир не одно только громкое, яркое имя, которому поклоняются лишь изредка и издали; он сделался нашим достоянием, он вошел в нашу плоть и кровь» (И. С. Тургенев).

Шекспировская эпоха — это в России времена Ивана Грозного и Бориса Годунова. Именно в ту пору началось дипломатическое и деловое сближение наших стран. Не исключено, что Шекспира видел при английском дворе русский посол Г. И. Микулин. Возможно, действо о Юлии Цезаре, которое показывали в Москве во времена царя Петра I, было переделкой шекспировской пьесы. Переводы Шекспира, по-прежнему больше похожие на переделки, появляются у нас с середины XVIII столетия. Русская Шекспириана начинается поистине с пушкинской поры, в том числе при деятельном участии самого Пушкина. Есть здесь и трагические совпадения. «А вы, свидетели злодейства: вы, бледные трепещущие люди!» — прямо в дни гибели Пушкина звучали эти шекспировские строки в исполнении Павла Мочалова. Тогда в нашем «Гамлете» прозвучала строка: «Страшно! За человека страшно мне!» Она не была шекспировской, переводчик вставил ее от себя, но даже при нарушении текста ее можно воспринять как символ того сочувствия, которым с тех пор оказалось проникнуто наше отношение к Шекспиру.

Наши великие писатели, великие актеры и талантливые переводчики не просто истолковали и перевели Шекспира. Они откликнулись на его творчество, сотворив совершенно особое явление, побудившее самих англичан говорить о том, что их великий соотечественник нашел у нас вторую родину.

Шекспир стал неотъемлемой частью советской многонациональной культуры. Он вошел в плоть и кровь народов нашей страны, подтверждая пророчество требовательного современника: «Да будешь славен на все времена!»

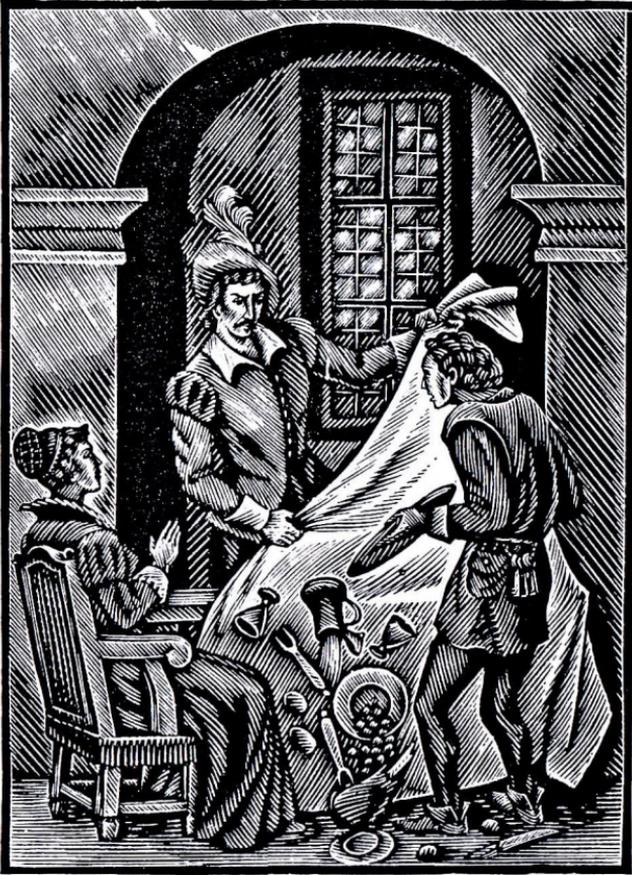
Д. Урнов





УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ

ПЕРЕВОД П. МЕЛКОВОЙ





ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лорд
Кристофер Слай, медник
Трактирщица
Паж
Актеры
Егеря и слуги
Баптиста, богатый дворянин из Падуи.
Винченцио, старый дворянин из Пизы.
Люченцио, сын Винченцио, влюбленный в Бьянку.
Петруччо, дворянин из Вероны, жених Катарины.
Гремио } женихи Бьянки.
Гортензио }
Транио }
Бьонделло } слуги Люченцио.
Грумио }
Кертис } слуги Петруччо.
Учитель.
Катарина } дочери Баптисты.
Бьянка }
Вдова.
Портной, галантерейщик, слуги Баптисты и Петруччо.

Место действия — Падуя и загородный дом Петруччо.



ИНТРОДУКЦИЯ

СЦЕНА 1

Перед трактором в пустынной местности.

Входят трактирщица и Слай.

Слай. Вот ей-богу, я тебя отколочу.

Трактирщица. Пару бы колодок тебе, мазурику!

Слай. Ты нахалка! Слаи не мазурики. Загляни-ка в хроники. Мы пришли вместе с Ричардом Завоевателем. А посему, *paucas palabris*¹, пусть все идет своим чередом. *Sessa!*²

Трактирщица. Так ты не заплатишь мне за разбитые стаканы?

Слай. Ни гроша. Проходи, Иеронимо, ложись в свою холодную постель, погрейся.

Трактирщица. Я знаю, что мне делать; пойду приведу стражу из третьего округа. *(Уходит.)*

Слай. Хоть из третьего, хоть из пятого — я им всем отвечу по закону. Я, голубушка, с места не двинусь. Пускай себе приходят на здоровье. *(Ложится на землю и засыпает.)*

Рога. Возвращается со охоты лорд с егерями и слугами.

¹ коротко говоря (искаж. исп.).

² Заткнись! (искаж. фр.)

Л о р д
(егерю)

О гончих позаботься хорошенько,
Спусти Весельчака, — он еле дышит;
А Резвого сосворь вон с тем басистым.
Видал, как стойку сделал Серебро
В углу загона, хоть уж след простыл?
За двадцать фунтов я бы пса не продал!

П е р в ы й е г е р ь

А ведь Звонарь не хуже, ваша светлость;
Чуть след утерян, он уж лает сразу,
И дважды след сегодня находил.
Из ваших псов он лучший — верьте мне.

Л о р д

Дурак! Да если б Эхо был резвее,
Я за него б дал дюжину таких.
Ну, накорми собак, следи за ними —
Охоту будем завтра продолжать.

П е р в ы й е г е р ь

Все сделаю, милорд.

Л о р д
(заметив Слая)

А это кто?
Мертвец? Иль пьяный? Дышит ли, взгляните.

В т о р о й е г е р ь

Он дышит. Если б не согрелся элем,
На холоде не спал бы мертвым сном.

Л о р д

О подлый скот! Разлегся, как свинья!
Смерть злая, как твое подобье гнусно!
Что, если шутку с пьяницей сыграть?
Снести его в роскошную постель,
Надеть белье тончайшее и перстни,
Поставить рядом стол с едою вкусной
И слуг кругом, чтоб ждали пробужденья.
Узнает этот нищий сам себя?

Первый егерь

Сейчас он ничего не понимает.

Второй егерь

Вот будет удивлен, когда проснется!

Лорд

Сочтет все волшебством иль сном чудесным.

Берите же его. Сыграем шутку!

Несите в лучшую из комнат в доме,

Развесьте сладострастные картины,

Башку ему вонючую промойте

Надушенной теплою водою,

Зажгите ароматные куренья;

Пусть музыка, едва лишь он проснется,

Мелодией небесной зазвучит.

Заговорит он — будьте наготове:

Почтительный поклон ему отвесьте;

Скажите: «Что прикажет ваша светлость?»

Подайте таз серебряный ему

С душистою водою и спросите,

Кувшин и полотенце поднося:

«Милорд, вам не угодно ль вымыть руки?»

Один пусть держит дорогие платья,

Осведомляясь, что милорд наденет;

Другой о гончих и коне расскажет

И о жене, которая вконец

Удручена его болезнью странной.

Уверьте, что безумье им владело;

А назовет себя, скажите — бредит,

Что он на самом деле — знатный лорд.

Как следует сыграйте, молодцы,

И славная получится потеха,

Лишь удалось бы меру соблюсти.

Первый егерь

Милорд, поверьте, мы сыграем ловко,

И по усердию нашему сочтет

Себя он тем, кем мы его представим.

Лорд

В постель его снесите осторожно,

А лишь проснется — сразу все за дело!

Слая уносят. Звучит труба.

Эй ты, поди узнай, кто там трубит.

Слуга уходит.

Быть может, дворянин какой-нибудь,
В пути устав, нуждается в ночлеге.

Возвращается слуга.

Ну что? Кто там?

Слуга

Актеры, ваша светлость.
Хотят вам предложить свои услуги.

Лорд

Пускай войдут.

Входят актеры.

Друзья, я рад вас видеть.

Актеры

Мы, ваша милость, вас благодарим.

Лорд

Хотите у меня остановиться?

Актер

И услужить вам, если разрешите.

Лорд

От всей души. А этого актера
Я в роли сына фермера запомнил:
Так мило он за леди увивался!
Как вас там звали — я забыл, но роль
Вам подошла, и вы сыграли славно.

Актер

Играл я, верно, Сото, ваша милость.

Лорд

Да, да; и ты сыграл великолепно.
Ну что ж, вы вовремя ко мне явились:
Задумал шутку я одну, и может
Искусство ваше пригодиться мне.

Посмотрит вашу пьесу некий лорд.
Но выдержкой вам надо запастись;
Боюсь, чтоб странные его манеры
(Он в первый раз увидит представленье)
Не вызвали бы хохота у вас, —
Не то обидится, предупреждаю:
Разгневаться он может за улыбку.

А к т е р

Мы сдержимся, милорд, не беспокойтесь,
Будь он забавнейший чудак на свете.

Л о р д (слуге)

Ступай, сведи в буфетную актеров,
Прими радушно, вкусно угости,
Все предоставь им, чем богат мой дом.

Слуга и актеры уходят.

Сходи-ка за пажом Бартоломью;
Скажи, чтоб женское надел он платье,
И в спальню к пьянице его сведи,
Зови «мадам» и кланяйся. И если
Он хочет заслужить мою любовь,
Пусть держится с достоинством таким,
Какое видел он у знатных леди
По отношенью к их мужьям вельможным.
Так он вести себя с пьянчужкой должен
И нежно говорить с поклоном низким:
«Что приказать угодно вам, милорд,
Чтобы могла покорная супруга
Свой долг исполнить и явить любовь?»
В объятье нежном, с поцелуем страстным
Пусть голову на грудь ему опустит
И слезы льет как будто бы от счастья,
Что видит в добром здравии супруга,
Который все последние семь лет
Считал себя несчастным, грязным нищим.
А если мальчик не владеет даром
По-женски слезы лить как на заказ,
Ему сослужит луковица службу:
В платок припрятать, поднести к глазам —
И слезы будут капать против воли.

Исполни все как можно поскорей
И жди моих дальнейших приказаний.

Слуга уходит.

Способен этот мальчик перенять
Манеры, грацию и голос женский.
Я жажду услышать, как назовет он
Пьянчужку дорогим своим супругом,
Как со смеху давиться будут слуги,
Ухаживая за бродягой этим.
Пойду взгляну. Присутствие мое
Умерит их излишнее веселье,
Не то оно границы перейдет.
(Уходит.)

СЦЕНА 2

Спальня в доме лорда.

Входит С л а й в сопровождении с л у г; одни несут
платье, другие таз, кувшин и прочие принадлежности.
С ними л о р д.

С л а й

Ох, ради бога, дайте кружку эля!

П е р в ы й с л у г а

А не угодно ль хересу, милорд?

В т о р о й с л у г а

Цукатов не хотите ль, ваша светлость?

Т р е т и й с л у г а

Какое платье ваша честь наденет?

С л а й. Я — Кристофер Слай; не зовите меня ни «вашей милостью», ни «вашей честью»; хересу я отродясь не пил, а уж если хотите угостить меня цукатами, так угощайте цукатами из говядины. Незачем вам спрашивать, какое я платье надену, потому что у меня не больше камзолов, чем спин, не больше чулок, чем ног, не больше башмаков, чем ступней, а иногда ступней даже больше, чем башмаков, или такие башмаки, что из них пальцы наружу торчат.

Л о р д

Спаси вас бог от этакого бреда!
Подумать только, что могучим лордом,
Богатым, знатным и высокочтимым,
Так овладели низменные мысли!

С л а й. Вы что же, хотите меня с ума свести? Разве я не Кристофер Слай, сын старого Слая из Бертонской Пустоши, разносчик по происхождению, чесальщик по образованию, медвежатник по превратности судьбы, а по теперешнему ремеслу медник? Да спросите вы Мериан Хеккет, толстую трактирщицу из Уинкота, знает ли она меня. Если она вам скажет, что я не задолжал по счету четырнадцать пенсов за светлый эль, считайте меня самым лживым мерзавцем во всем христианском мире. Что! Не одурел же я окончательно! Вот...

Т р е т и й с л у г а

Вот почему скорбит супруга ваша!

В т о р о й с л у г а

Вот почему грустят и ваши слуги!

Л о р д

Вот почему родня вас избегает!
Безумье ваше гонит их отсюда.
О благородный лорд, подумай, кто ты,
Свое происхождение припомни;
Былой свой разум снова обрети,
Очнись от недостойных сновидений.
Смотри, как за тобою ходят слуги
И угодить готовы — лишь кивни.
Ждешь музыки? Чу! Аполлон играет,

Музыка.

И в клетках соловьи залились трелью.
Захочешь спать? Положим на постель,
Нежнее, и роскошнее, и мягче
Семирамиды сладостного ложа.
Гулять пойдешь? Усыплем путь цветами.
Кататься хочешь? Оседлаем коней,
Заблещут жемчуг, золото на сбруе.
Ты любишь соколиную охоту?

Взлетит твой сокол жаворонка выше.
Пойдешь на зверя? Лай твоих собак
Заставит отозваться свод небесный
И эхом прозвучит из недр земли.

Первый слуга

Травить начнешь? Летят твои борзые
Быстрее оленя и резвее лани.

Второй слуга

Картины любишь? Их мы принесем.
Изображен Адонис у ручья
И Цитерея, скрытая в осоке,
Колеблемой ее дыханьем легким,
Как нежным дуновеньем ветерка.

Лорд

Тебе покажем мы, как деву Ио
Сумел Юпитер захватить врасплох.
Все точно нарисовано, как было.

Третий слуга

Иль Дафну, что бредет в тернистой чаше,
Изранив ноги нежные до крови;
В слезах глядит на это Аполлон,
И кажется, что все воочью видишь,
Так верно переданы кровь и слезы.

Лорд

Ты — лорд, пойми; не кто иной, как лорд!
Красавица жена твоя прекрасней
Любой из женщин нашего столетья.

Первый слуга

Пока она не портила лицо
Ручьями слез, из-за тебя пролитых,
Она была всех женщин в мире краше,
Да не уступит и теперь любой.

Слай

Я — лорд? И у меня жена-красотка?
Я, может, сплю? Иль спал я до сих пор?
Не сплю! Я говорю, я вижу, слышу,
Тут сладко пахнет, мягкие все вещи.

Ей-богу, кажется, я вправду лорд.
Не медник вовсе, не Кристофер Слай.
А ну, ведите-ка сюда жену
И дайте, повторяю, кружку эля.

Второй слуга

Угодно ль вымыть руки, ваша светлость?
Мы счастливы, что к вам вернулся разум
И вспомнили вы, кто же вы такой.
Вы спали крепким сном пятнадцать лет,
И даже пробуждаясь — тоже спали.

Слай

Пятнадцать лет! Ей-ей, вздремнул недурно!
И я не разговаривал все время?

Первый слуга

Нет, говорили, только очень странно.
Вы, лежа в этой комнате прекрасной,
Кричали, что вас вышибли за дверь,
Трактирщицу ругали беспощадно
И в суд грозились потянуть ее
За то, что эль недоливает в кружки;
Иль начинали кликать Сайсли Хеккет.

Слай. Ну да! Это дочка трактирщицы.

Третий слуга

Вам не знакомы ни трактир, ни дочка,
Ни те, кого вы называли здесь,
Ни Стивен Слай, ни Старый Джон Непс-Сало,
Ни Питер Терф, ни Генри Пимпернел,
Ни прочие, подобные им лица,
Которых не знавал никто на свете.

Слай. Ну, возблагодарим же тебя, господи боже
мой, за то, что я исцелился!

Все. Аминь.

Слай. Спасибо; но и ты не прогадаешь.

Входит паж, переодетый дамой, за ним слуга.

Паж

Как чувствует себя милорд сегодня?

С л а й

Отлично чувствую. Еды здесь вдоволь.
А где моя жена?

П а ж

Я здесь, милорд. Что приказать угодно?

С л а й

Жена моя? Что ж не зовете мужем?
Для слуг я лорд, а вам я муженек.

П а ж

Вы муж мой и милорд. Милорд и муж,
А я жена, и вам во всем послушна.

С л а й

Ну ясно! — Как мне звать ее?

Л о р д

Мадам.

С л а й

Мадама Элс или мадама Джен?

Л о р д

Мадам — и все. Так жен зовут вельможи.

С л а й

Мадам жена! Мне сказывают, спал я;
Проспал пятнадцать лет, а то и больше.

П а ж

А мне казалось — три десятка лет
Я лишена супружеского ложа.

С л а й

Долгонько! — Слуги, убирайтесь вон. —
Мадам, разденьтесь живо, и в постель!

П а ж

О трижды благородный лорд, молю вас
Ко мне не прикасаться ночь иль две
Или хотя бы до захода солнца;
Врачи мне настоятельно велели,
Боясь, чтоб к вам недуг не возвратился,

Супружеского ложа избегать —
И в этом оправдание мое.

С л а й. Да ведь дело так обстоит, что долго ждать мне невтерпеж. Но и заболеть этими снами мне опять же не хочется. Придется, видно, подождать, невзирая на плоть и кровь.

Входит слуга.

С л у г а

Актеры вашей светлости, узнав,
Что вам полегче, разыграть готовы
Веселую комедию пред вами.
По мнению врачей, полезно это,
Печаль вам чересчур сгустила кровь,
А меланхолия родит безумье.
Вам представленья нужно посмотреть,
Настроившись на радость и веселье;
Они ведь изгоняют тьму недугов
И помогают людям жизнь продлить.

С л а й. Ладно уж, пусть себе играют. А это что будет — святочная потеха или акробаты?

П а ж. Нет, это презабавная вещица.

С л а й. Из домашних вещей, что ли?

П а ж. Нет, что-то вроде хроники.

С л а й. Ну что ж, посмотрим. Давай-ка, мадама жена, садись со мной рядком, и будь что будет. Один раз молоды бываем.

АКТ I

СЦЕНА I

Падуя. Площадь.

Входят Л ю ч е н ц и о и Т р а н и о.

Л ю ч е н ц и о

Сбылось мое заветное желанье
Увидеть Падую, наук питомник,
И наконец в Ломбардию я прибыл —
Волшебный сад Италии великой.

Благодаря отцу, его заботам
И доброму ко мне расположенью,
Я заручился обществом твоим,
Испытанный слуга мой, верный Транио.
Здесь заживем и в добрый час приступим
К познанию наук и изысканьям.
Родился в Пизе я. Был город этот
Давно прославлен именами граждан
Достойнейших; среди них и мой отец
Винченцио из рода Бентиволио;
Торговлю с целым миром он ведет.
А я был во Флоренции воспитан
И должен оправдать его надежды,
Украшив добродетелью богатство.
Вот почему я, Транио, займусь
Той областью науки философской,
Которая трактует нам, что можно
Лишь добродетелью достигнуть счастья.
Что скажешь ты? Ведь, оставляя Пизу,
Я в Падую спешил как человек,
Которого влечет из мелководья
Скорее погрузиться в глубину,
Чтоб утолить томительную жажду.

Т р а н и о

Mi pardonate¹, добрый мой хозяин!
Я рад, что твердо вы решили сласть
Сладчайшей философии вкусить,
Но только, мой хозяин, преклоняясь
Пред этой добродетельной наукой,
Нам превращаться вовсе нет нужды
Ни в стойков, синьор мой, ни в чурбаны.
И, Аристотелевы чтя запреты,
Овидием нельзя пренебрегать.
Поупражняйтесь в логике с друзьями,
Риторикой займитесь в разговорах,
Поэзией и музыкой утешьтесь,
А математику и вместе с нею
И метафизику примите в дозы,
Не больших, чем желудок позволяет.
В чем нет услады, в том и пользы нет;
Что вам по нраву, то и изучайте.

¹ Простите меня (ит.).

Л ю ч е н ц и о

Спасибо, Транио! Совет хорош.
Вот если бы здесь был уже Бьонделло,
Устроиться бы сразу мы могли
И дом нанять удобный для приема
Друзей, которых в Падуе найдем.
Постой! А кто это идет сюда?

Т р а н и о

Торжественно встречают нас, наверно.

Входят Б а п т и с т а, К а т а р и н а, Б ь я н к а,
Г р е м и о и Г о р т е н з и о.

Люченцио и Транио отходят в сторону.

Б а п т и с т а

Прошу, не докучайте мне, синьоры,
Вы знаете — я тверд в своем решенье
И замуж дочку младшую не выдам,
Пока для старшей не найдется муж.
Другое дело, если кто из вас
Отдал бы предпочтенье Катарине,
Тогда, обоих зная и любя,
Не стал бы вам препятствий я чинить,
И сладили б мы дело полюбовно.

Г р е м и о

(в сторону)

Сам черт не сладит с нею, так зловредна. —
Гортензио, ее возьмете в жены?

К а т а р и н а

К чему, отец, вам превращать меня
В посмешище для пары дураков?

Г о р т е н з и о

Для пары? Вот как? Мы-то вам не пара,
Пока не поутихнете немного.

К а т а р и н а

Синьор, вам брак со мною не грозит:
Таким путем не побеждают женщин.
А не отстанете, так причешу

Я вам башку трехногим табуретом
И, как шута, измажу вас при этом.

Г о р т е н з и о

Спаси нас бог от этакого черта!

Г р е м и о

Да и меня спаси.

Т р а н и о

Синьор, глядите-ка! Ну и дела!
Она взбесилась иль как ведьма зла.

Л ю ч е н ц и о

Зато в молчанье той, в ее обличье
Я вижу тихий, скромный нрав девичий.
Тсс, Транио, молчи.

Т р а н и о

Молчу, синьор. Но вы глядите в оба.

Б а п т и с т а

А чтоб свое решенье подтвердить,
Тебе велю я, Бьянка, удалиться.
Ступай домой. Не огорчайся, дочка, —
Тебя я никогда не разлюблю.

К а т а р и н а

Любимица, уж что и говорить!
Глаза ее всегда на мокром месте.

Б ь я н к а

Что ж, радуйся, сестра, моей беде. —
Отец, я покоряюсь вашей воле.
Пусть музыка и книги мне заменят
Друзей в уединении моем.

Л ю ч е н ц и о

Ты слышишь, Транио? То речь Минервы.

Г о р т е н з и о

Ужель вы так поступите, синьор?
Как жаль, что Бьянке принесли мы горе
Своей любовью.

Г р е м и о

Вы ее запрете,
Синьор Баптиста, из-за ведьмы этой?
Страдать должна за злой язык сестры?

Б а п т и с т а

Синьоры, хватит. Это решено. —
Иди же, Бьянка.

Бьянка уходит.

А так как знаю я, что очень любит
Поэзию и музыку она,
Я для нее найму учителей;
Пусть наставляют юность. — Если вы,
Синьоры, знаете таких, прошу
Прислать их в дом ко мне. Ученым людям
Я буду рад; не пожалею денег.
Прощайте же. — Остаься, Катарина,
Еще поговорить мне надо с Бьянкой.
(Уходит.)

К а т а р и н а

А мне нельзя уйти отсюда, что ли?
Указывают! Будто я сама
Не знаю, что мне надо, что не надо.
(Уходит.)

Г р е м и о. Можешь отправляться к чертовой бабушке. Ты так прелестна, что никто не станет тебя удерживать. — Видно, Гортензио, отец и старшая дочка не очень-то между собой ладят, а нам с вами придется слюнки пускать, покуда пирог наш не подумянится. Прощайте. Но в знак любви, которую я питаю к дорогой моей Бьянке, если мне удастся подыскать ей подходящего учителя, я его порекомендую синьору Баптисте. Пусть обучает ее тому, что ей нравится.

Г о р т е н з и о. Так же поступлю и я, синьор Греммио. Однако разрешите сказать вам словечко. Хотя характер нашей ссоры и не давал нам возможности поговорить откровенно, знайте — все, что я сейчас скажу, касается нас обоих. Мы можем снова получить доступ к нашей прекрасной повелительнице и

снова стать счастливыми соперниками в любви к Бьянке — только после того как потрудимся и наладим одно дело.

Гремио. Прошу сказать, какое.

Гортензио. Ясное дело, сударь: раздобудем мужа для ее сестры.

Гремио. Мужа? Черта ей нужно, а не мужа.

Гортензио. Я говорю — мужа.

Гремио. А я говорю — черта. Неужели вы думаете, Гортензио, что при всем богатстве ее отца кто-нибудь согласится жениться на ведьме из пекла?

Гортензио. Полно, Гремио! Хоть у нас с вами и не хватит терпения выносить ее вопли, на свете есть молодцы, которые возьмут ее со всеми недостатками, было бы лишь денег вволю. Надо только напасть на такого.

Гремио. Сомневаюсь. Я бы скорее согласился взять ее приданое с условием, что меня каждый день будут бить кнутом у позорного столба.

Гортензио. Да, между гнилыми яблоками выбирать не приходится. Но так как эта помеха сделала нас друзьями, нам следует сохранять дружбу до тех пор, пока мы не выдадим замуж старшую дочь Баптисты и не освободим младшую. А там снова начнем соперничать. Дивная Бьянка! Счастлива участь того, кому она достанется! Кто окажется проворнее, тот и получит приз. Что скажете, синьор Гремио?

Гремио. Я согласен. Я подарил бы лучшего скакуна в Падуе тому, кто согласился бы ухаживать за Катариной, посвататься к ней, жениться на ней, разделить с нею ложе и избавить от нее отцовский дом. Идемте!

Гремио и Гортензио уходят.

Т р а н и о

Возможно ли, синьор мой, чтоб любовь
Вдруг овладела вами так внезапно?

Л ю ч е н ц и о

Не убедись я только что на деле,
Я сам бы не поверил в это, Транио.
Пока стоял я праздно и смотрел,
Родилась вдруг из праздности любовь.

И я тебе признаюсь откровенно, —
Ведь для меня ты так же дорог, Транио,
Как Анна для царицы Карфагенской, —
Горю я, изнываю и погибну,
Коль скромницы прелестной не добыюсь.
Дай, Транио, совет; ведь знаю — можешь.
О Транио, спаси; ведь знаю — хочешь.

Т р а н и о

Вас побранил бы, сударь, да не время.
Любовь из сердца не прогонишь бранью.
Уж раз влюбились, так одно осталось —
Redime te captum quam queas minimo¹.

Л ю ч е н ц и о

Спасибо, друг мой, продолжай. Ты прав.
Утешь меня; твои советы мудры.

Т р а н и о

Так страстно вы на девушку глядели,
Что углядеть суть дела не смогли.

Л ю ч е н ц и о

О да, я видел красоту ее:
Такой лишь Агенора дочь блистала,
Когда ей руку целовал Юпитер
На Критском берегу, склонив колена.

Т р а н и о

И это все? Так, значит, проглядели
Скандал, затеянный ее сестрицей?
Был шум такой — хоть уши затыкай!

Л ю ч е н ц и о

Движенья губ коралловых я видел;
Струило аромат ее дыханье;
Все в ней святым казалось и прекрасным.

Т р а н и о

Ну, надо в чувство привести его! —
Опомнитесь, синьор! Уж раз влюбились,
Так потрудитесь шевелить мозгами,

¹ Выкупи себя из плена как можно дешевле (лат.).

Чтоб девушку добыть. Вот дело в чем:
Сестра у ней сварлива, точно ведьма;
Пока отец не выдаст замуж старшей,
Сидеть в девицах вашей милой, сударь.
Он для того на ключ ее и запер,
Чтоб ей не докучали женихи.

Л ю ч е н ц и о

Ах, друг мой, как жесток ее отец!
А ты слышал, что он нанять желает
Наставников для обученья дочки?

Т р а н и о

Еще бы, сударь! И кой-что придумал.

Л ю ч е н ц и о

И я придумал тоже.

Т р а н и о

Ну, хозяин,
Ручаюсь, наши планы совпадут.

Л ю ч е н ц и о

Скажи мне прежде свой.

Т р а н и о

Хотите вы
Учителем явиться в дом к Баптисте
И девушку наукам обучать —
Вот план ваш!

Л ю ч е н ц и о

Верно. Выполним его!

Т р а н и о

Немыслимо! А кто, скажите, сударь,
Как сын Винченцио здесь будет жить?
Науки изучать, и дом вести,
И для друзей устраивать пирушки?

Л ю ч е н ц и о

Да перестань! Я все уже обдумал.
Мы не знакомы в Падуе ни с кем,
А ведь по лицам нашим не узнать,

Кто господин, а кто слуга; так вот,
Отныне господином станешь ты!
Ты дом веди и управляй прислугой,
А я прикинусь неаполитанцем
Иль бедняком каким-нибудь из Пизы.
Так, значит, решено! Разденься, Транио,
Возьми-ка плащ мой и цветную шляпу,
Придет Бьонделло — пусть тебе он служит,
А я велю помалкивать ему.

Т р а н и о

Да, это никогда не помешает.

Они обмениваются платьем.

Ну что ж, синьор, коль вы решили так,
Мой долг велит мне вам повиноваться.
Отец ваш мне сказал перед отъездом:
«Старайся сыну услужить во всем», —
Хоть, правда, он имел в виду другое...
Но я охотно превращусь в Люченцио
Из-за того, что я люблю Люченцио.

Л ю ч е н ц и о

И потому, что сам Люченцио любит.
О, дай мне стать рабом, чтоб той добиться,
Чей образ взор мой раненый пленил! —
А, вот он, плут!

Входит Бьонделло.

Ты где же пропадал?

Бьонделло. Где я пропадал? Нет, как это вам нравится? Вы-то сами куда пропали? Хозяин, это мой друг Транио украл у вас платье? Или вы у него украли? А может быть, вы обокрали друг друга? Ради бога, скажите, что случилось?

Л ю ч е н ц и о

Бездельник, подойди, шутить не время,
Веди себя с делами сообразно.
Меня спасая, Транио решил
Принять мой вид, надев мою одежду,
А мне отдал свою. Вот дело в чем:
Сойдя на берег и ввязавшись в драку,
Убил я человека и теперь

Боюсь, как бы меня не опознали.
Теперь служить, как мне, ты должен Транио,
Я ж должен скрыться, чтобы жизнь спасти.
Ты понял?

Бьонделло

Я? Нет, ни черта не понял.

Люченцио

Ты имя Транио забудь отныне.
Нет Транио! Он стал теперь Люченцио.

Бьонделло

Тем лучше для него. Вот мне бы так!

Транио

Пойми, ведь я не для себя стараюсь:
Забочусь только, чтобы мой хозяин
Заполучил меньшую дочь Баптисты,
Поэтому советую тебе —
Не для меня, а только для синьора —
Держать язык покрепче за зубами.
Когда одни мы — для тебя я Транио,
А при других — Люченцио, твой хозяин.

Люченцио

Ну, Транио, пойдём.
Теперь осталось выполнить одно:
Тебе в число влюбленных записаться,
А если спросишь, для чего, — отвечу:
Есть веские причины у меня.

Уходят.

Первый слуга.

Милорд заснул; совсем не смотрит пьесу.

Слай. Нет, клянусь святой Анной, смотрю. Хорошая штука, ей-богу! А что, много еще осталось?

Паж

Начало лишь, милорд.

Слай. Замечательная история, мадама жена; поскорей бы только кончилась!

СЦЕНА 2

Падуя. Перед домом Гортензио.
Входят Петруччо и Грумио.

Петруччо

Оставил я Верону ненадолго,
Чтоб в Падуе с друзьями повидаться,
Особенно с моим любимым другом
Гортензио. Не это ль дом его?
Эй, Грумио, ну, стукни-ка разок.

Грумио. Стукнуть, синьор? Кого стукнуть? Раз-
ве кто-нибудь обидел вашу милость?

Петруччо. Говорю тебе, плут, валяй на мою го-
лову, стукни покрепче!

Грумио. Стукнуть покрепче, синьор? Что вы,
синьор! Да кто я такой, синьор, чтобы стукнуть вас
покрепче?

Петруччо

Стучи в ворота, негодяй, в ворота,
Не то башку сверну тебе в два счета.

Грумио
(в сторону)

Вот ведь пристал!

(Громко.)

А стукни первый я,
От вас потом мне не было б житья.

Петруччо

Так ты не стукнешь, нет?
Сейчас задам тебе я звону, плут,
Поверь, иначе запоешь ты тут.
(Треплет Грумио за уши.)

Грумио. На помощь! На помощь! Мой хозяин спя-
тил!

Петруччо. Стучи, когда велют, мошенник!

Входит Гортензио.

Гортензио. Что тут случилось? Как! Стари-
на Грумио! Мой добрый друг Петруччо! Как вы там жи-
вете, в Вероне?

Петруччо

Явились драку вы разнять, приятель?
Con tutto il cuore ben trovato¹ — очень кстати.

Гортензио. Alla nostra casa ben venuto, molto onorato signor mio Petruccio². Встань, Грумио. Сейчас мы разберемся.

Грумио. Нет, синьор, тут латынью не отговоришься. Неужто уж и это не законный повод для меня отказаться от службы? Сами рассудите, синьор: он велел мне стукнуть его, да еще покрепче. Ну подobaет ли слуге обходиться так со своим господином? Да ведь ему уже чуть не за тридцать два перевалило!

Когда бы стукнул я его сначала,
Так не моя бы голова трещала.

Петруччо

Ну и болван! — Любезный мой Гортензио,
Велел я олуху стучать в ворота,
Так ведь его и силой не заставишь!

Грумио. Стучать в ворота! О господи! Да разве вы мне не говорили вот эти самые простые слова: «Эй ты, стукни, стукни покрепче, валяй на мою голову, стукни»? А теперь вдруг появились «ворота».

Петруччо

Прочь, негодяй, иль замолчи сейчас же!

Гортензио

Ну, полно. Я за Грумио ручаюсь;
Он старый, славный, преданный слуга.
Вы просто с ним не поняли друг друга.
Но милый мой, какой счастливый ветер
К нам в Падую занес вас из Вероны?

Петруччо

Тот ветер, друг, что гонит молодежь
За опытом и счастьем на чужбину.
Скажу я вкратце, как мои дела:

¹ От души могу сказать: это очень кстати (ит.).

² Добро пожаловать в наш дом, почтеннейший мой синьор Петруччо (ит.).

Синьор Антонио, мой отец, скончался,
Я ж устремился в этот лабиринт,
Чтоб преуспеть и выгодно жениться.
Есть деньги в кошельке, добро есть дома, —
И я решил постранствовать по свету.

Г о р т е н з и о

А что, Петруччо, если я тебе
Посватаю без долгих разговоров
Строптивую и злющую невесту?
Спасибо вряд ли скажешь за услугу;
Но поручусь я, что она богата,
Весьма богата. Впрочем, ты мне друг,
И убеждать тебя я не хочу.

П е т р у ч ч о

Таким друзьям, как мы с тобой, Гортензио,
Не нужно лишних слов. И если знаешь
Богатую невесту мне под пару, —
А для меня основа в браке — деньги, —
То будь она страшней, чем смертный грех,
Дряхлей Сивиллы, злее и строптивей
Сократовой Ксантиспы, даже хуже, —
Намерений моих не изменять ей,
Хотя б она и стала бушевать,
Как шторм на Адриатике свирепой.
Хочу я выгодно жениться в Падуе,
И будет брак мой в Падуе удачен.

Г р у м и о. Ну вот видите, синьор, он так прямо и выложил все, что думает. Дайте ему только золота — и он вам женится хоть на кукле, хоть на деревяшке, хоть на старой карге, у которой ни одного зуба во рту нет, а болезней больше, чем у пятидесяти двух кляч. Ему все нипочем, были бы деньги.

Г о р т е н з и о

(к Петруччо)

Ну, раз уж мы так далеко зашли,
Продолжу то, о чем сказал я в шутку.
Могу тебе невесту предложить.
Она богата, молода, красива,
Воспитанна, как знатная синьора,
Один порок имеет, но немалый:
Она сварлива просто нестерпимо,

Строптивя и груба сверх всякой меры.
Приди мои дела в упадок полный,
За горы золота ее не взял бы.

Петруччо

Молчи! Ты силы золота не знаешь!
Скажи мне только, кто ее отец,
А я с ней справлюсь, если даже будет
Она, как гром в ненастье, грохотать.

Гортензио

Отца зовут Баптиста Минола,
Он добрый и учтивейший синьор.
А дочка — Катарина Минола,
И всем известен злой ее язык.

Петруччо

О ней не знал, но об отце наслышан:
С ним был знаком родитель мой покойный.
Пока с ней не увижусь, не усну,
И потому прости, но я тебя
Покину в первую минуту встречи,
Коль сам туда меня ты не проводишь.

Грумио. Прошу вас, синьор, пусть себе идет, пока есть охота. Помяните мое слово, если бы она его знала так же хорошо, как я, то поняла бы, что руганью его не проймешь. Да обзови она его двадцать раз негодяем, он и глазом не моргнет. А если уж сам начнет браниться, так не уймется, пока все свое красноречие не израсходует. Вот что я вам скажу, синьор: пусть только она ему одно словечко наперекор скажет, — он ей такую фигуру отмочит, что от ее фигуры ничего не останется и будет она на свет глядеть вроде слепого котенка. Вы его не знаете, синьор.

Гортензио

Постой, Петруччо! Я пойду с тобою.
Баптиста держит в доме, как в темнице,
Свою меньшую дочь, красотку Бьянку,
А мне она дороже всех сокровищ.
Ее укрыл он от меня и прочих
Поклонников — соперников в любви.

Считая, что пороки Катарины,
Известные тебе, помехой будут
Ее замужеству, — старик решил
Упрятать Бьянку под замок, покуда
Не сбудет с рук чертовку Катарину.

Г р у м и о

«Чертовку Катарину!»! Слышал брань я,
Но хуже нет для девушки прозванья.

Г о р т е н з и о

Петруччо, милый, сделай одолженье,
Представь меня в переодетом виде
Баптисте и скажи, что я учитель,
Весьма искусный в музыке и пенье.
Проделка эта даст возможность мне
Наедине ухаживать за Бьянкой,
Ни в ком не возбуждая подозрений.

Г р у м и о. Ну и плутовство! Смотри-ка только, как
молодежь сговаривается между собой, чтобы одура-
чивать стариков!

Входят Г р е м и о и переодетый Л ю ч е н ц и о с книгой
под мышкой.

Г о р т е н з и о

Тсс, Грумио! Вот это — мой соперник. —
Петруччо, отойдем.

Г р у м и о

Хорош! Ну, прямо создан для любви.

Они отходят в сторону.

Г р е м и о

Прекрасно! Прочитал я список книг
И их велю переплести получше.
Пусть будут книги только о любви —
Иных читать не вздумайте девице.
Вы поняли меня? А сверх того,
Что вам заплатит сам синьор Баптиста,
Прибавлю щедро я. Тетради эти
Как следует велите надушить.
Ведь та, кому назначены они,

Сама любых духов благоуханней.
А что вы ей намерены читать?

Л ю ч е н ц и о

Что ни прочту, все будет вам на пользу,
Мой покровитель, можете поверить, —
Как будто с ней вы сами объяснились
И даже поуспешней, если вы
Не из ученых сами, мой синьор.

Г р е м и о

Ученость! О, великое то дело!

Г р у м и о
(в сторону)

Тетеря! О, великий ты осел!

П е т р у ч ч о

Бездельник, смолкни!

Г о р т е н з и о

Тсс, Грумио!

(Выходит вперед.)

Привет мой вам, синьор!

Г р е м и о

Синьор Гортензио, я рад вас видеть!
Сказать, куда иду я? В дом к Баптисте.
Я справиться ему пообещал
Насчет учителя для дивной Бьянки,
Мне посчастливилось найти такого:
Учен и молод, скромн поведением,
В поэзии начитан и умен;
Он подойдет ей, уверяю вас.

Г о р т е н з и о

Прекрасно. Повстречал и я синьора,
Который обещал мне музыканта,
Чтоб заниматься с нашей госпожой:
Так, значит, не отстал от вас и я
В служенье Бьянке, столь любимой мною.

Г р е м и о

Нет, мной любимой! Докажу на деле.

Г р у м и о
(в сторону)

Докажет денежный его мешок.

Г о р т е н з и о

Сейчас не время спорить о любви.
Угодно выслушать меня, синьоры?
Скажу вам новость, важную для всех.
Вот дворянин, — мы встретились случайно, —
И он готов охотно ради нас
Посвататься к сварливой Катарине
И, о приданом сговорясь, жениться.

Г р е м и о

Сказал и сделал — я люблю таких.
А он о всех ее пороках знает?

П е т р у ч ч о

Я слышал, что она весьма криклива.
Коль это все, невелика беда.

Г р е м и о

Вот как, дружок! А вы откуда родом?

П е т р у ч ч о

Я родился в Вероне, сын Антонио.
Отец мой умер, но богатство живо;
А я лет сто хочу прожить счастливо.

Г р е м и о

С такой женой? Поверить очень трудно!
Но если это вам под силу — с богом,
Я помогу! Нет, вправду вы решили,
Синьор, венчаться с этой дикой кошкой?

П е т р у ч ч о

Да, так же твердо, как я жить решил.

Г р у м и о

Решил ли он венчаться? Ну, еще бы!

П е т р у ч ч о

Не для того ли я сюда приехал?
Да разве слух мой к шуму не привык?

Да разве не слышал я львов рычання?
Не слышал, как бушующее море
Бесилось, словно разъяренный вепрь?
На бранном поле пушек не слышал я
Или с небесным громом не знаком?
В пылу сраженья я не слышал, что ли,
Сигналов боевых и ржанья коней? —
А мне твердят о женском языке!
Да он трещит едва ль не вдвое тише,
Чем на огне у фермера каштаны.
Пугайте им детей!

Г р у м и о

Уж он не струсит!

Г р е м и о

Послушайте, Гортензио!
Мне кажется, синьор явился кстати —
На счастье нам и самому себе.

Г о р т е н з и о

Я обещал, что мы участие примем,
Расходы оплатив по сватовству.

Г р е м и о

Да, безусловно, только б он женился.

Г р у м и о
(в сторону)

Хотел бы так в обеде быть уверен.

Входят Т р а н и о, богато одетый, и Б ь о н д е л л о.

Т р а н и о

Храни вас бог, синьоры! Смею ль я
Спросить у вас, как лучше мне пройти
К любезному Баптисте Минола?

Б ь о н д е л л о. Синьор имеет в виду того, у кого
две красивые дочери?

Т р а н и о

Да, именно его.

Г р е м и о

А не ее ль хотите видеть там?

Т р а н и о

Его, ее — какое дело вам?

П е т р у ч ч о

Вас не строптивая пленить сумела?

Т р а н и о

Строптивых не люблю. — Идем, Бьонделло.

Л ю ч е н ц и о
(в сторону)

Прекрасно, Транио.

Г о р т е н з и о

Синьор, минутку!
Вы свататься решили не на шутку?

Т р а н и о

А если да, кто будет оскорблен?

Г р е м и о

Никто, коль тотчас уберетесь вон!

Т р а н и о

Но для меня, синьор, как и для вас,
Свободны улицы.

Г р е м и о

Не в этот раз!

Т р а н и о

А по какой причине, объясните?

Г р е м и о

По той причине, если знать хотите,
Что Бьянка выбрана синьором Гремио.

Г о р т е н з и о

И что ее избрал синьор Гортензио.

Т р а н и о

Спокойней, господа, ведь вы дворяне;
Благоволите выслушать меня.

Баптиста — благороднейший синьор,
И мой отец ему небезызвестен;
Была бы дочь его еще прекрасней,
Пленяя вдвое больше женихов, —
Я все равно б в числе их оказался.
Прекрасная Елена, дочка Леды,
До тысячи вздыхателей имела —
Так их у Бьянки может быть и больше
На одного. Вот я и стану им,
Будь сам Парис соперником моим.

Г р е м и о

Ну, этот, кажется, нас всех обскачет.

Л ю ч е н ц и о

Спокойствие! Окажется он клячей.

П е т р у ч ч о

К чему слова вы тратите, Гортензио?

Г р е м и о

Осмелюсь я спросить у вас, синьор,
Вы дочь Баптисты видели хоть раз?

Т р а н и о

Нет, мой синьор, но знаю, что их две.
Злым языком одна из них известна.
И славится вторая кротким нравом.

П е т р у ч ч о

Стоп, стоп! Не трогать первую — моя!

Г р е м и о

Оставьте этот подвиг Геркулесу:
Он потруднее дюжины других.

П е т р у ч ч о

Синьор, могу сказать вам в утешенье:
Дочь младшую, к которой вы стремитесь,
Отец упрятал и не пустит к ней
Ни одного поклонника, покуда
Он старшей дочке мужа не найдет, —
Тогда меньшей он волю даст, не раньше.

Т р а н и о

Так, значит, вы тот самый человек,
Что всем, а в том числе и мне, поможет!
Клянусь, что если лед вы разобьете
И, подвиг совершив, добьетесь старшей,
Освободив для нас сестру меньшую, —
Счастливый обладатель юной Бьянки
Пред вами не останется в долгу.

Г о р т е н з и о

Прекрасно рассудили вы и здраво,
Но так как сами тоже влюблены,
То вам придется с нами наравне
Вознаградить синьора за услугу.

Т р а н и о

Я не замедлю с этим, для чего
Прошу под вечер всех ко мне собраться
И выпить за здоровье нашей милой.
Давайте поступать как адвокаты —
В делах браниться, пить же сообща.

Г р у м и о и Б ъ о н д е л л о

Вот это предложенье! Ну, идем.

Г о р т е н з и о

Да, я не знаю предложенья лучше.
Ну что ж, добро пожаловать, Петруччо!

Уходят.

А К Т II

С Ц Е Н А 1

Падуя. Комната в доме Баптисты.

Входят К а т а р и н а и Б ъ я н к а.

Б ъ я н к а

Не издевайся надо мной, сестрица:
Ведь и сама себя ты унижаешь,
Меня в рабу пытаясь превратить.

Обидно мне! Я все наряды эти
Отдам тебе, лишь развяжи мне руки;
Да, все мои одежды, вплоть до юбки.
И все исполню, что ты ни прикажешь;
Мой долг святой — повиноваться старшим.

К а т а р и н а

Скажи сейчас же, кто из женихов
Тебе милей. Смотри не притворяйся!

Б ь я н к а

Поверь, сестрица, среди всех мужчин
Мне ни один донине не встречался,
Кому б я оказала предпочтенье.

К а т а р и н а

Лжешь, душечка! А это не Гортензио?

Б ь я н к а

Тебе он нравится. Так я сама
Похлопочу, чтоб он тебе достался.

К а т а р и н а

А, значит, ты предпочитаешь деньги
И Гремио хотела бы в мужья?

Б ь я н к а

Как! Ревновать меня ты можешь к Гремио?
Нет, шутишь ты — теперь я понимаю,
И ты шутила надо мной все время.
Сестрица Кет, ну развяжи мне руки.

К а т а р и н а

Шутила я? Тогда и это шутка?
(*Бьет ее.*)

Входит Б а п т и с т а.

Б а п т и с т а

Да что ж это такое? Ну и наглость! —
Ты, Бьянка, отойди. Бедняжка! Плачет!
Сядь вышивать, не связывайся с ней.

(*Катарине.*)

Стыдилась бы! Вот дьявольский характер!
Обидела сестру. А ведь она

Тебя не задевает: ты слышала
От Бьянки хоть словечко поперек?

К а т а р и н а

Она меня своим молчаньем бесит!
Я этого не в силах перенести!
(Бросается к Бьянке.)

Б а п т и с т а

В моем присутствии! — Ступай-ка, Бьянка.

Бьянка уходит.

К а т а р и н а

Меня вы не выносите, я знаю,
Все — для нее. Она получит мужа,
А мне остаться старой девой, что ли,
И из-за вас в аду мартышек нянчить?
Молчите! Сяду вот и буду плакать,
Пока мне не удастся отомстить.

(Уходит.)

Б а п т и с т а

Ну есть ли кто несчастнее меня! —
Сюда идут...

Входят Г р е м и о, Л ю ч е н ц и о, бедно одетый,
П е т р у ч ч о, Г о р т е н з и о под видом музыканта,
Т р а н и о и Б ъ о н д е л л о с лютной и книгами.

Г р е м и о. День добрый, сосед Баптиста.

Б а п т и с т а. Здравствуйте, сосед Гремио. Бог
в помощь вам, синьоры.

П е т р у ч ч о

И вам, синьор. Скажите, вы отец
Прекрасной и любезной Катарины?

Б а п т и с т а

Да, у меня такая дочка есть.

Г р е м и о

Вы слишком прямо; надо постепенно.

П е т р у ч ч о

Оставьте, не мешайте мне, синьор.
(Баптисте.)

Я дворянин, приехал из Вероны,
Узнав, что Катарина, ваша дочь,
Умна, скромна, приветлива, красива
И славится любезным обхождением,
Решился я прийти, не званный вами,
Чтоб самолично убедиться в том,
Насколько справедливы эти слухи.
Для первого знакомства разрешите
Представить моего слугу, синьор.

(Представляет Гортензио.)

Искусный музыкант и математик,
Он вашу дочь обучит в совершенстве
Наукам этим, для нее не чуждым.
Его не взяв, обидите меня.
Из Мантуи он родом; имя — Личио.

Б а п т и с т а

Я рад вас видеть и его приму.
А что до Катарины, как ни грустно,
Я знаю — вам она не подойдет.

П е т р у ч ч о

Вы, верно, не хотите с ней расстаться?
Иль общество мое противно вам?

Б а п т и с т а

Нет-нет. Я только то сказал, что думал.
Как вас зовут, синьор, и чей вы сын?

П е т р у ч ч о

Меня зовут Петруччо, сын Антонио;
Повсюду он в Италии известен.

Б а п т и с т а

Отца я знал и сыну очень рад.

Г р е м и о

Остановитесь же на миг, Петруччо,
И хоть словечко дайте вставить нам.
Черт побери! Торопитесь вы слишком!

П е т р у ч ч о

Хочу покончить с делом я скорей.

Г р е м и о

Вы проклянете этот брак, ей-ей!

Сосед, я уверен, что вы очень довольны услугами, оказанными синьором Петруччо. Не хочу быть менее любезным, ибо я обязан вам более, чем все остальные, и посему смело рекомендую этого молодого человека (*представляет Люченцио*), который долго обучался в Реймсе. Он так же хорошо знает греческий, латынь и другие языки, как тот музыку и математику. Зовут его Камбио; я вас прошу принять его услуги.

Б а п т и с т а. Приношу вам тысячу благодарностей, синьор Гремио. — Добро пожаловать, милый Камбио. (*К Транио.*) Однако, любезнейший синьор, вы, кажется, человек не здешний; осмелюсь спросить о причине вашего прибытия?

Т р а н и о

Прошу, синьор, мою простите смелость,
Что сразу по приезде в этот город
Решил посвататься я к вашей дочке —
Прекрасной, добродетельнейшей Бьянке.
Небезызвестно мне решение ваше —
Для старшей мужа подыскать сначала,
Но я просил бы только об одном —
Чтоб вы, узнав мое происхождение,
Мне женихом позволили считаться
И благосклонны были, как к другим.
Люченцио зовут меня, синьор.
А вашим дочерям, для их занятий,
Я скромный инструмент принес, а также
Латинские и греческие книги.
И если вы принять их согласитесь,
Они тем самым ценность обретут.

Б а п т и с т а

Люченцио зовут вас? Вы откуда?

Т р а н и о

Я сын Винченцио, синьор, из Пизы.

Б а п т и с т а

Он важный в Пизе человек; я знаю
Его по слухам. Очень рад вас видеть.
(*К Гортензио.*)

Возьмите лютню.

(К Люченцио.)

Вы возьмите книги
И тотчас же пройдите к ученицам.
Эй, кто-нибудь!

Входит слуга.

Синьоров проводи
Немедля к дочерям; скажи, что я
Велел учителей принять любезно. —
Пройдемте в сад, потом обедать будем.
Синьоры, верьте, я вам очень рад,
Вы можете не сомневаться в этом.

Петруччо

Синьор Баптиста, медлить не могу я
И каждый день со сватовством являться.
Отец мой был известен вам, а я —
Наследник всех родительских богатств
И приумножил их — не промотал.
Итак, коль я добьюсь согласия дочки,
Приданое какое вы дадите?

Баптиста

По смерти — половину всех владений,
А к свадьбе дам я двадцать тысяч крон.

Петруччо

А я намерен закрепить за ней,
На случай, если бы вдовой осталась,
Имена мои и все аренды.
Напишем обязательства сейчас же,
И пусть они послужат нам контрактом.

Баптиста

Напишем после. Главное, добейтесь
Ее любви — все дело только в этом.

Петруччо

Вот пустяки! Не сомневайтесь, тещь:
Она строптива — но и я настойчив.
Когда же пламя с пламенем столкнутся,
Они пожрут все то, что их питало.
Хоть слабый ветер раздувает искру,

Но вихрь способен пламя погасить.
Таков и я. Она мне покорится;
Я не юнец безусый, а мужчина.

Б а п т и с т а

Ну, сватайтесь, и дай вам бог удачи,
Но ругани наслушаетесь вдоволь.

П е т р у ч ч о

Я не боюсь. Не свалит гору ветер,
Как ни силен подчас его напор.

Входит Г о р т е н з и о с разбитой головой.

Б а п т и с т а

Что с вами? Отчего так бледны, друг мой?

Г о р т е н з и о

От страха бледен, смею вас уверить!

Б а п т и с т а

Ну как, из дочки музыкантша выйдет?

Г о р т е н з и о

Скорее выйдет из нее солдат.
Оружие ей нужно, а не лютюня.

Б а п т и с т а

Ее презренья к лютне не сломили?

Г о р т е н з и о

Она сломала лютню об меня.
Сказал я только, что в ладах ошиблась,
Согнул ей руку, чтоб поставить пальцы,
Как в раздраженье дьявольском она:
«Лады? — вскричала. — Ладыте с ними сами!»
И инструментом так меняхватила,
Что сразу голова прошла сквозь деку,
И я, как у позорного столба,
Стоял, оторопев, торча из лютни.
Она ж меня тем временем честила
Негодным струнодёром и болваном
И всякими поносными словами,
Как будто их нарочно заучила,
Чтобы обидней обругать меня.

Петруччо

Клянусь душой, веселая девчонка!
Желаннее мне стала в десять раз.
Эх, перекинуться бы с ней словечком!

Б а п т и с т а
(к Гортензио)

Со мной идemте и не огорчайтесь.
Займитесь с младшей дочерью; она
Понятлива и будет благодарна. —
Синьор Петруччо, вы пройдете с нами,
Иль Катарину к вам прислать сюда?

Петруччо

Пришлите лучше. Здесь я подожду.

Баптиста, Гремио, Транио и Гортензио уходят.

Придет она — ухаживать примусь;
Начнет беситься — стану ей твердить,
Что слаще соловья выводит трели;
Нахмурится — скажу, что смотрит ясно,
Как роза, окропленная росой;
А замолчит, надувшись, — похвалю
За разговорчивость и удивлюсь,
Что можно быть такой красноречивой;
Погонит — в благодарностях рассыплюсь,
Как будто просит погостить с недельку;
Откажет мне — потребую назначить
День оглашения и день венчанья.
Она идет. Петруччо, начинай!

Входит К а т а р и н а.

День добрый, Кет! Так вас зовут, слышал я?

К а т а р и н а

Слышали так? Расслышали вы плохо.
Зовусь я от рожденья Катариной.

Петруччо

Солгали вы; зовут вас просто Кет;
То милой Кет, а то строптивой Кет,
Но Кет, прелестнейшей на свете Кет.
Кет — кошечка, Кет — лакомый кусочек,
Узнай, моя сверхлакомая Кет,
Моя любовь, отрада, утешенье,

Что, услыхав, как превозносят люди
Твою любезность, красоту и кротость, —
Хоть большего ты стоишь, несомненно, —
Я двинулся сюда тебя посватать.

К а т а р и н а

Он двинулся! Кто двинул вас сюда,
Пусть выдвинет отсюда. Вижу я,
Передвигать вас можно.

П е т р у ч ч о

То есть как?

К а т а р и н а

Как этот стул.

П е т р у ч ч о

Садись же на меня.

К а т а р и н а

Ослам таким, как ты, привычна тяжесть.

П е т р у ч ч о

Вас, женщин, тяжесть тоже не страшит.

К а т а р и н а

Ты про меня? — Ищи другую клячу.

П е т р у ч ч о

О, я тебе не буду в тягость, Кет.
Я знаю, молода ты и легка.

К а т а р и н а

Я так легка, что не тебе поймать,
А все же вещь столько, сколько надо.

П е т р у ч ч о

Жужжишь, пчела!

К а т а р и н а

Ты на сыча похож!

П е т р у ч ч о

Так горлинка достанется сычу!

К а т а р и н а

Побьет, пожалуй, горлинка сыча.

П е т р у ч ч о

Спокойнее, оса; ты зла не в меру.

К а т а р и н а

Коль я оса — остерегайся жала.

П е т р у ч ч о

А я его возьму да вырву прочь.

К а т а р и н а

Сперва найди его.

П е т р у ч ч о

Да кто не знает,
Где скрыто жало у осы? В хвосте.

К а т а р и н а

Нет, в языке.

П е т р у ч ч о

А в чем, скажи?

К а т а р и н а

Дурак!
В твоём, раз о хвосте сболтнул. Прощай.

П е т р у ч ч о

Как! Мой язык в твоём хвосте! Ну нет!
Я дворянин!

К а т а р и н а

А вот сейчас проверим.
(Бьет его.)

П е т р у ч ч о

Ударь еще — я сдачи дам, клянусь.

К а т а р и н а

Тогда с гербом простись:
Меня прибьешь — так ты не дворянин,
А герб не дворянину не положен.

Петруччо

Выходит, ты геральдики знаток?
Тогда внеси мой герб к себе в гербовник.

Катарина

А что на шлеме — петушиный гребень?

Петруччо

Пусть я петух — будь курочкой моей.

Катарина

Хорош петух! Боится кукарекать.

Петруччо

Ну полно, Кет! Ну, не смотри так кисло.

Катарина

Я кисну от кислятины всегда.

Петруччо

Здесь нет кислятины — так и не кисни.

Катарина

Нет, есть; нет, есть.

Петруччо

Где, покажи?

Катарина

Нет зеркала с собой.

Петруччо

Так это я?

Катарина

Хоть молод, а догадлив.

Петруччо

Да, молод — для тебя.

Катарина

Ты весь в морщинах.

Петруччо

Все от забот.

Катарина

А мне заботы нет!

Петруччо

Ну, Кет, послушай, так ты не уйдешь.

Катарина

Останусь — только рассержусь. Пустите.

Петруччо

Сердись — не страшно. Мне с тобой приятно.
Мне говорили — ты строптива, зла,
Но вижу я — все эти слухи ложны.
Ты ласкова, приветлива на редкость,
Тиха, но сладостна, как цвет весенний;
Не хмуришься, не смотришь исподлобья
И губы не кусаешь, словно злючка;
Перечить в разговоре ты не любишь
И с кротостью встречаешь женихов
Любезной речью, мягким обхождением.
Кто говорил мне, будто Кет хромает?
Клеветники! Нет, Кет стройна, как прутик
Ореховый. Смугла же, как орешек,
Но много слаще ядрышка его.
Пройдись, а я взгляну. Ты не хромаешь?

Катарина

Ступай, болван, командуй над прислугой!

Петруччо

Могла ли в роце выступать Диана
Так царственно, как в этом зале Кет?
Ты стань Дианой, а Диана — Кет;
Кет станет скромной, а Диана резвой.

Катарина

Да где таким речам вы научились?

Петруччо

Экспромты — от природного ума.

К а т а р и н а

Природа-мать умна, да сын безмозглый.

П е т р у ч ч о

Я не умен?

К а т а р и н а

Пошли б вы лучше спать.

П е т р у ч ч о

Я собираюсь спать в твоей постели.
Оставим болтовню. Я буду краток:
Отец тебя мне в жены отдает;
В приданом мы сошлись, а потому
Я на тебе женюсь добром иль силой.
Клянусь тем светом, что позволил мне
Узреть и полюбить твою красу, —
Ни за кого другого ты не выйдешь.
Рожден я, чтобы укротить тебя
И сделать кошку дикую — котенком,
Обычной милою домашней киской.
Вот твой отец. Отказывать не вздумай!
Я должен мужем быть твоим — и буду!

Возвращаются Б а п т и с т а , Г р е м и о и Т р а н и о .

Б а п т и с т а

Ну как, синьор? Поладили вы с дочкой?
Во всем сошлись?

П е т р у ч ч о

Могло ли быть иначе?
Нам невозможно не поладить с ней.

Б а п т и с т а

Но, дочка, что же ты невесела?

К а т а р и н а

И вы меня еще зовете дочкой!
Так вот отцовская забота ваша —
Меня за полоумного просватать,
Разбойника, нахала, грубияна,
Что наглостью рассчитывает взять!

Петруччо

Скажу вам, тещь: и вы, и все другие,
Болтавшие о ней, болтали зря.
Она сварлива так, для виду только,
На деле же голубки незлобивей;
Не вспылчива совсем, ясна, как утро;
Терпением Гризельду превзойдет,
А чистотой Лукреции подобна.
Ну, словом, так сумели мы сойтись,
Что свадьба состоится в воскресенье.

Катарина

Увижу раньше, как тебя повесят!

Гремио

Ого, Петруччо! Раньше вас повесят!

Транио

Вот так сошлись! Ну, наше дело плохо!

Петруччо

Я выбрал для себя ее, синьоры,
А раз довольны мы — что вам за дело?
Условились мы с ней, что при других
Она по-прежнему сварливой будет.
Поверить невозможно, говорю вам,
Как влюблена в меня! О Кет моя!
Она повисла у меня на шее
И щедро поцелуй за поцелуем,
За клятвой клятву расточала мне,
Покуда страсть мою не разожгла.
Эх, суслики! Не знаете вы, видно,
Что может приручить наедине
Любой тихоня злейшую чертовку. —
Дай ручку, Кет. В Венецию я еду,
Куплю уборы свадебные там. —
Отец, готовьте пир, гостей зовите,
Пусть будет Кет моя прекрасней всех.

Баптиста

Что мне сказать? Соедините руки.
Петруччо, будьте счастливы! Я рад.

Гремио и Транио

Аминь. Свидетелями будем мы.

Петруччо

Отец, жена, синьоры, до свиданья.
Я уезжаю. Воскресенье близко,
Куплю наряды, украшения, кольца.
Целуй же, Кет, меня без опасенья,
Сыграем свадьбу в это воскресенье!

Петруччо и Катарина уходят в разные стороны.

Гремио

Как быстро свадьбу сладили, однако!

Баптиста

Я роль купца играю, господа,
Что сбыл товар неведомо куда.

Транио

Товар ваш залежаться мог, синьор,
Теперь же прибыль даст иль в море сгинет.

Баптиста

Их счастье в браке — вот и прибыль мне.

Гремио

О, будьте в том уверены вполне.
Теперь поговорим о младшей дочке —
Настал желанный день. Я ваш сосед
И первым сватался к прелестной Бьянке.

Транио

Но Бьянку я люблю сильнее, чем можно
Сказать словами иль представить в мыслях.

Гремио

Не можешь ты любить, как я, глупыш!

Транио

Застудишь ты любовь.

Гремио

А ты спалишь!

Прочь, сосунок. Старик — жене опора.

Транио

Но к молодым стремятся женщин взоры.

Б а п т и с т а

Синьоры, стойте, я решу ваш спор.
Приз по заслугам! Тот из вас, кто больше
Во вдовью часть моей назначит дочке,
Тот и получит Бьянку от меня.
Вы, Гремио, что можете ей дать?

Г р е м и о

Дом городской мой серебром заставлен,
И золотой посудой, и тазами
Для омовенья рук ее нежнейших.
Он весь увешан тирскими коврами;
В ларцах слоновой кости груды денег,
А в кипарисных сундуках — наряды,
Тончайшее белье и балдахины,
Турецкие подушки с жемчугами,
Венецианское шитье золотое,
И утварь медная, и все, что нужно
В хозяйстве. У меня стоят на ферме
До ста коров с удоем по ведру,
Откормленных быков побольше сотни
И всякой прочей живности в избытке.
Я сам уже в летах, признаться должен,
Умри я завтра — ей оставлю все,
Пусть только согласится стать моею.

Т р а н и о

Все дело в этом «только». Я, синьор,
Единственный наследник у отца,
И, если дочь вы отдадите мне,
Достанется ей несколько домов
В богатой Пизе, — и любой из них
Нисколько не уступит дому Гремио.
А сверх того она получит в год
Две тысячи дукатов от имений.
Вот что составит вдовью часть ее.
Ну как, подел я вас, синьор мой Гремио?

Г р е м и о

Две тысячи дохода ежегодно?
Мои именья все того не стоят.
Но я еще корабль могу добавить;
Он в гавани стоит сейчас, в Марселе.
Что, сударь, подавились кораблем?

Т р а н и о

Все знают, что у моего отца
Три корабля помимо двух галер
И дюжина гребных судов. Все — Бьянке!
Что ни предложите, могу удвоить.

Г р е м и о

Все предложил! Нет больше ничего!
Не в силах дать я больше, чем имею.
Гожусь — меня со всем добром берите.

Т р а н и о

Ну, значит, девушка теперь моя.
(*Баптисте.*)
Вы обещали. Победил я Гремио.

Б а п т и с т а

Признаюсь, ваше предложенье лучше,
И если бы отец ваш поручился, —
Берите Бьянку. Если ж нет — простите!
Умри вы до него — что с Бьянкой будет?

Т р а н и о

Вот пустяки! Я молод, он старик.

Г р е м и о

А разве молодые-то не мрут?

Б а п т и с т а

Прошу, синьоры, выслушать меня.
Вот как решил я: в это воскресенье
Дочь Катарину замуж выдаю,
(*к Траньо*)

И в то же воскресенье Бьянка станет
Невестой вашей, коль отец согласен;
А нет — ее за Гремио я выдам.
Спасибо вам обоим. До свиданья.

Г р е м и о

Сосед, прощайте.

Баптиста уходит.

Ну, ты мне не страшен.
Балбес! Отец твой не такой дурак,

Чтоб, все отдав, идти на склоне лет
К тебе в нахлебники. Нет, милый, дудки!
Со старым лисом плохи будут шутки.

(Уходит.)

Т р а н и о

Ну, старый хрыч, тебе я отомщу!
Есть у меня еще в запасе козырь;
Я знаю, как хозяину помочь.
Не может разве мнимый сын — Люченцио
Добыть и мнимого отца — Винченцио?
Вот чудо! Ведь обычно создают
Отцы детей. Но я любви служу
И, если нужно, сам отца рожу!

(Уходит.)

А К Т Ш

С Ц Е Н А 1

Падуя. Дом Баптисты.

Входят Люченцио, Гортензио и Бьянка.

Л ю ч е н ц и о

Эй, музыкант, кончай! Ты обнаглел!
Забыл уже, какой тебе прием
Устроила синьора Катарина?

Г о р т е н з и о

Молчи, педант крикливый! Здесь сама
Гармонии царица пред тобою.
Так уступи мне первенство без спора.
Часок займись я музыкой, а там
Часок и ты для чтения получишь.

Л ю ч е н ц и о

Тупой осел! Ты так необразован,
Что назначенья музыки не знаешь.
Она должна лишь освежать наш ум,
Уставший от занятий и трудов.

Займусь я философией и чтеньем,
А ты потом сыграй для развлечения.

Г о р т е н з и о

Твоих насмешек я терпеть не стану.

Б ь я н к а

Вы обижаете меня, синьоры,
Своими пререканьями о том,
Что следует решать лишь мне одной.
Не школьница я, розги не боюсь,
Себя связать не дам я расписаньем —
Когда хочу, тогда и занимаюсь.
Давайте кончим спор и сядем здесь.

(К Гортензио.)

Возьмите вашу лютню и настройте;
А мы тем временем займемся чтеньем.

Г о р т е н з и о

Когда настрою, бросите читать?

Л ю ч е н ц и о

Как бы не так! Настраивайте лютню.

Б ь я н к а

Где мы остановились в прошлый раз?

Л ю ч е н ц и о

Вот здесь, синьора.

«Hic ibat Simois; hic est Sigeia tellus;
Hic steterat Priami regia celsa senis»¹.

Б ь я н к а

Переведите мне.

Л ю ч е н ц и о. Hic ibat — как я уже говорил; Simois — я Люченцио; hic est — сын Винченцио из Пизы; Sigeia tellus — переделся для того, чтобы завоевать вашу любовь; hic steterat — а Люченцио, что сватается к вам; Priami — мой слуга Транио; regia — переодетый в мое платье; celsa senis — для того, чтобы лучше провести старого Панталоне.

¹ Здесь протекал Симоис; здесь Сигейская земля; здесь стоял высокий дворец старца Приама (лат.).

Гортензио

Синьора, я уже настроил лютню.

Бьянка

Послушаем... Фи, как верхи фальшивят!

Люченцио

Поплюйте и настраивайте снова.

Бьянка. Смогу ли я перевести, посмотрим. *Hic ibat Simois* — я вас не знаю; *hic est Sigeia tellus* — я вам не верю; *hic steterat Priami* — будьте осторожны, чтобы он нас не услышал; *regia* — не будьте самонадеянны; *celsa senis* — не отчаивайтесь.

Гортензио

Ну вот, настроил я.

Люченцио

Низы фальшивят.

Гортензио

Низы верны; фальшивит низкий плут.

(*В сторону.*)

Учительишка дерзок и развязен;

Клянусь, за ней приволокнуться хочет,

*Pedascule!*¹ Я выслежу тебя!

Бьянка

Когда-нибудь, быть может, и поверю.

Сейчас боюсь.

Люченцио

Не бойтесь, Эакид

По делу был Аяксом наречен.

Бьянка

Учителю обязана я верить,

А то бы волю я дала сомненьям.

Оставим это, Личио, прощу вас. —

Любезные наставники, простите,

Что с вами я обоими шутила.

¹ Учителишка! (*лат.*)

Гортензио

(к Люченцио)

Оставьте нас. Пойдите прогуляйтесь.
В три голоса я петь не собираюсь.

Люченцио

Вот строгости! Нет, я уж подожду.

(В сторону.)

Я послежу. Бьюсь об заклад, что наш
Любезный музыкант в нее влюбился.

Гортензио

Синьора, прежде чем коснуться струн
И до того, как вам поставить пальцы,
Азы искусства с вами мы пройдем.
Я объясню вам построенье гаммы
Понятнее, успешнее и лучше,
Чем всякие другие музыканты.
Вот гамма — я ее переписал.

Бьянка

Но гамму я и так отлично знаю.

Гортензио

Все ж ознакомьтесь с гаммою Гортензио.

Бьянка

(читает)

«Я гамма, всех аккордов основанье.
А, ге — Гортензио пленен тобой,
В, ми — не отвергай его признанья!
С, фа — позволь тебя назвать женой.
До, сол, ге — ключ; две ноты в нем найдешь.
Е, ла, ми — сжался, иль меня убьешь».
И это гамма ваша? Нет, милей
Мне гамма старая, и я не стану
Ее менять на ваши измышленья.

Входит слуга.

Слуга

Синьора, ваш отец велит оставить
Занятъя ваши и помочь сестрице:
Ведь завтра под венец она идет.

Бьянка

Наставники любезные, прощайте!

Бьянка и слуга уходят.

Люченцио

Тогда и мне нет смысла оставаться.

(Уходит.)

Гортензио

А мне есть смысл за ним понаблюдать:
Он что-то на влюбленного походит.
Но если, Бьянка, помыслы твои
Столь низки, что любому прощельге
Ты строишь глазки, — так ступай к нему.
Но, убедившись в низости такой,
Гортензио расплатится с тобой.

(Уходит.)

СЦЕНА 2

Падуя. Перед домом Баптисты.

Входят Баптиста, Гремио, Транио, Катарина,
Бьянка, Люченцио и слуги.

Баптиста

(к Транио)

Синьор Люченцио, сегодня день
Венчанья Катарины и Петруччо,
А зятя и в помине даже нет.
Посмешищем в глазах людей мы станем!
Жених пропал, а в церкви ждет священник,
И все давно готово для венчанья.
Что скажете вы о позоре нашем?

Катарина

Позор лишь мне. Заставили насильно
И против воли сердца дать согласие
Заносчивому, грубому нахалу,
Шуту, который свататься спешил,
Да только не торопится жениться.
Я говорила вам, что он дурак

И прячет злость за наглостью своею.
А чтоб ему прослыть весельчаком,
Готов посватать тысячу невест,
Назначить свадьбу, пригласить друзей,
Не помышляя вовсе о женитьбе.
В лицо теперь мне пальцем будут тыкать:
Она, мол, стала бы женой Петруччо,
Когда б на ней изволил он жениться.

Т р а н и о

Баптиста, Катарина, успокойтесь!
Петруччо вас обманывать не станет.
Его случайность, видно, задержала.
Он хоть и груб немного, но разумен;
Хоть весельчак, да честный человек.

К а т а р и н а

Ах, лучше б я его совсем не знала!

Уходит плача; за нею Бьянка и другие.

Б а п т и с т а

Ступай, дитя! Не упрекну за слезы.
Святая не снесет такой обиды,
Не то что ты, с твоим строптивым нравом.

Входит Б ъ о н д е л л о .

Б ъ о н д е л л о . Хозяин! Хозяин! Новости, старые новости, такие новости, каких вы никогда не слышали!

Б а п т и с т а . Что это за старые новости? Как это может быть?

Б ъ о н д е л л о . А разве не новость — прибытие Петруччо?

Б а п т и с т а . Он прибыл?

Б ъ о н д е л л о . Нет, синьор.

Б а п т и с т а . Так в чем же дело?

Б ъ о н д е л л о . Он прибывает.

Б а п т и с т а . А когда он будет здесь?

Б ъ о н д е л л о . Тогда, когда будет стоять на моем месте и глядеть на вас.

Т р а н и о . Но расскажи нам твои старые новости!

Б ъ о н д е л л о . Ну как же! Петруччо едет в новой шляпе и старой куртке, в старых, трижды лицованных штанах; сапоги его служили свечными ящичка-

ми — один застегнут пряжкой, другой подвязан шнурком; старый ржавый меч из городского арсенала с изломанной рукояткой, отбитым острием и без ножен. На лошади — изъеденное молью седло, и стремяна друг с другом в родстве не состояли. Вдобавок еще лошадь больна сапом, холка сбита, зубы шатаются, селезенка ёкает, кожа в болячках, суставы распухли; страдает желтухой и головокружением; ее грызут глисты, спина с изъязном, лопатки торчат, на передние ноги припадает, удила сломаны, а недоуздок из бараньей кожи, да его, видно, так часто натягивали, чтобы лошадь не свалилась, что он разорвался и теперь в нескольких местах связан узлами. Подпруга сшита из шести кусков, а подхвостник бархатный, с дамского седла; на нем именные буквы, красиво выложенные гвоздиками, и связан он бечевкой.

Б а п т и с т а. А кто едет с ним?

Б ъ о н д е л л о. Ах, синьор, его слуга, разукрашенный не хуже лошади. На одной ноге у него бумажный чулок, на другой шерстяная гетра, и подвязаны они синим и красным шнурками. Старая шляпа, а вместо пера воткнуто сорок пестрых лент. Чудовище, истинное чудовище по наряду, и не похож ни на христианского лакея, ни на человеческого слугу.

Т р а н и о

Не зря Петруччо так смешно наряжен,
Обычно он как принято одет.

Б а п т и с т а. Я рад, что он явился, в каком бы он виде ни прибыл.

Б ъ о н д е л л о. Нет, синьор, он не прибыл.

Б а п т и с т а. Разве ты не сказал, что он прибыл?

Б ъ о н д е л л о. Кто? Петруччо прибыл?

Б а п т и с т а. Ну да; Петруччо прибыл.

Б ъ о н д е л л о. Нет, синьор; я сказал, что его лошадь прибыла, а он сидит на спине у нее.

Б а п т и с т а. Да ведь это одно и то же.

Б ъ о н д е л л о

Где видано такое?

Тут дело не простое;

Ведь конь и господин,

Хоть больше, чем один,
А все-таки не двое.

Входят Петруччо и Грумио.

Петруччо

Куда все подевались? Эй, кто дома?

Баптиста

Вы в добром здравии?

Петруччо

Куда там в добром!..

Баптиста

Но не хромаете?

Транио

Сказать по правде,
Одеты вы не так, как подобает.

Петруччо

И в лучшем платье я спешил бы так же. —
Где Кет? Где нежная моя невеста?
Как тут мой тесть? Друзья, что ж вы надулись?
Что на меня вы пялите глаза?
Я статуя диковинная, что ли,
Комета иль невиданное чудо?

Баптиста

Синьор, но ведь сегодня ваша свадьба.
Грустили мы, что вас так долго нет;
Теперь грустим сильнее, таким вас видя.
Ведь ваш наряд — позор для жениха,
Долой его, он осквернит наш праздник.

Транио

Какие неотложные дела
С невестой разлучили вас, скажите?
И что это за необычный вид?

Петруччо

Рассказ не из коротких — скучно слушать;
Достаточно, что слово я сдержал,
Хоть и пришлось явиться с опозданием.
Я на досуге оправдаюсь так,

Что, верьте, вы останетесь довольны.
Но где же Кет? Мы долго не видались,
Проходит утро — время в церкви быть.

Т р а н и о

Нельзя идти к невесте в этих тряпках,
Зайдем ко мне, наденьте мой костюм.

П е т р у ч ч о

Нет, не надену; я явлюсь к ней в этом.

Б а п т и с т а

Но ведь венчаться так вы не пойдете?

П е т р у ч ч о

Нет, только так, а не иначе! Хватит!
Она со мной венчается, не с платьем.
Когда бы мог я собственную душу,
Которую она мне поистреплет,
Сменить так просто, как лохмотья эти,
Ей лучше было бы, а мне подавно.
Но что же я, дурак, стою, болтаю,
Когда мне следует спешить к невесте,
С ней поздороваться и закрепить
Свои права над нею поцелуем?

Петруччо и Грумио уходят.

Т р а н и о

Он с умыслом так нарядился странно.
Попробуем-ка убедить его
Венчаться в более приличном виде.

Б а п т и с т а

Пойду за ним, взгляну, что будет дальше.

Баптиста, Гремио и слуги уходят.

Т р а н и о

(к Люченцио)

К любви синьоры вам добавить нужно
Еще согласие вашего отца.
Для этого, как я уж говорил,
Нам нужен подходящий человек.
Не важно, кто он, — мы его научим
И назовем Винченцио из Пизы.

Пускай он здесь поручится за вас
На суммы покрупней, чем я сулил;
Тогда плоды своих надежд пожнете,
И дочку вам отдаст синьор Баптиста.

Л ю ч е н ц и о

Когда бы жалкий этот музыкантик
Так не следил за каждым шагом Бьянки,
Я мог бы тайно обвенчаться с нею,
А там — пусть будет против целый свет —
Я за свое сумею постоять.

Т р а н и о

Мы это подготовим постепенно
И дело в нашу пользу обернем.
Мы околпачим старикашку Гремио,
Ежидного папашу Минола
И влюбчивого музыканта Личио,
Раз это нужно вам, хозяин мой.

Возвращается Г р е м и о.

Вы возвращаетесь из церкви, Гремио?

Г р е м и о

Я прежде так из школы убегал.

Т р а н и о

Муж молодой с женою тоже вышли?

Г р е м и о

Мужик он неотесанный — не муж;
Он грубиян и ей себя покажет.

Т р а н и о

Как! Он грубей ее? Нет, невозможно!

Г р е м и о

Он дьявол, дьявол, настоящий черт.

Т р а н и о

Но и она чертовка, просто ведьма.

Г р е м и о

Она дитя, ягненок рядом с ним.
Послушайте! Когда спросил священник,
Готов ли взять он в жены Катарину,
Он громко завопил: «Да, черт возьми!» —

И начал так отчаянно божиться,
Что ужаснулись все, а сам священник
От перепугу требник уронил;
Когда ж нагнулся, чтоб поднять его,
Жених ему такого дал пинка,
Что поп свалился наземь вместе с книгой.
«Ну, а теперь, — захохотал жених, —
Кому охота, поднимайте их!»

Т р а н и о

Ну, а невеста что же говорила?

Г р е м и о

Она тряслась, а он ругался, топал,
Как будто поп его надуть хотел;
Когда же кончился обряд венчанья,
Потребовал вина и тост заздравный
Так гаркнул, точно он на корабле
С матросами пирует после бури.
Мускат весь выдул и плеснул опивки
В лицо пономарю из-за того лишь,
Что тот своею жидкой бородежкой
К нему тянулся, будто ждал подачки.
Потом невесту обхватил за шею
И так ее он звонко чмокнул в губы,
Что эхо в сводах церкви отдалось.
Я со стыда сбежал, увидев это,
А вслед за мной и остальные тоже.
Столь дикой свадьбы свет еще не знал!
Но слышите?

Музыка.

Уж музыка играет.

Возвращаются П е т р у ч ч о, К а т а р и н а, Б ь я н к а,
Б а п т и с т а, Г о р т е н з и о, Г р у м и о и г о с т и.

П е т р у ч ч о

Благодарю за хлопоты, друзья.
Вы собирались сесть за стол со мною
И приготовили роскошный пир;
Но у меня по горло спешных дел,
И потому я должен вас покинуть.

Б а п т и с т а

Как! Вы хотите ехать на ночь глядя?

П е т р у ч ч о

Уеду я до наступленья ночи.
Не изумляйтесь. Если бы вы знали
Мои дела — совет бы дали ехать.
Спасибо всей компании любезной.
Вы видели, как отдал я себя
Нежнейшей, добродетельной супруге.
А вы останьтесь, попируйте с тестем.
Прошу вас выпить за мое здоровье.
Я ж должен ехать. Ну, прощайте все.

Т р а н и о

Мы просим вас остаться пообедать.

П е т р у ч ч о

Нет, не могу.

Г р е м и о

Я очень вас прошу.

П е т р у ч ч о

Нет, невозможно.

К а т а р и н а

Я прошу вас очень.

П е т р у ч ч о

Я рад.

К а т а р и н а

Остаться рады?

П е т р у ч ч о

Нет, я рад,
Что попросили вы меня остаться.
Но как бы ни просили, не останусь.

К а т а р и н а

Ну, из любви останьтесь.

Петруччо

Лошадей!

Грумио. Готовы, синьор; овес уже всех лошадей съел.

Катарина

Ну, если так —
Что хочешь делай, я не двинусь с места.
Нет, нет, и не сегодня, и не завтра,
Пока сама не захочу поехать.
Открыты двери; скатертью дорога,
И топай, пока целы сапоги.
Что до меня, то я останусь здесь.
Вот, нечего сказать, хороший муж!
Себя вы сразу показать сумели.

Петруччо

Да успокойся, киска, не сердись.

Катарина

Хочу сердиться! Вам-то что за дело? —
Отец, он будет с нами, я ручаюсь;
Пока не захочу, он не уедет.

Гремио

Заварится сейчас такая каша!..

Катарина

Прошу к столу пожаловать, синьоры.
Из женщины не трудно сделать дуру,
Когда она боится дать отпор.

Петруччо

Они пойдут к столу, как ты велела.
Прошу повиноваться новобрачной,
Идите пировать и веселиться
И пейте вдоволь за ее невинность,
Буяньте и кутите сколько влезет,
А не хотите — убирайтесь к черту!
Но милая жена со мной поедет;
Не топай, киска, не косись, не фыркай —
Я своему добру хозяин полный,
А ты теперь имущество мое:

Мой дом, амбар, хозяйственная утварь,
Мой конь, осел, мой вол — все что угодно.
Вот здесь она стоит. Посмейте тронуть —
И тут же я разделаюсь с любым,
Кто в Падуе меня задержит. Грумио,
К оружию! Хотят ограбить нас!
Спасай хозяйку, если ты мужчина.
Не бойся, Кет, тебя никто не тронет:
Я отобью хоть миллион врагов.

Петруччо, Катарина, Грумио уходят.

Б а п т и с т а

Пусть их идут. Не пара — загляденье!

Г р е м и о

Еще чуть-чуть — и со смежу б я лопнул.

Т р а н и о

Безумней в мире не бывало брака.

Л ю ч е н ц и о

Что скажете, синьора, о сестре?

Б ь я н к а

Безумная она, и брак безумный.

Г р е м и о

Она окатаринила его.

Б а п т и с т а

Друзья, хоть новобрачных с нами нет
И за столом пустуют их места,
Зато в избытке яства на пиру.
Пусть место жениха займет Люченцио;
Ты, Бьянка, сядь на место Катарины.

Т р а н и о

Чтоб к роли новобрачной приучаться?

Б а п т и с т а

Да, да, Люченцио. За стол, друзья!

Уходят.

АКТ IV

СЦЕНА 1

Загородный дом Петруччо.

Входит Г р у м и о.

Г р у м и о. Тьфу, да пропади они пропадом, все дохлые клячи, все сумасбродные хозяева и все скверные дороги! Бывал ли когда человек так истрепан? Бывал ли когда человек так забрызган? Бывал ли когда человек так измучен? Меня послали вперед развести огонь, а они приедут следом греться. Не будь я мал да горяч, так у меня бы губы примерзли к зубам, язык к нёбу, сердце к желудку, прежде чем я бы успел развести огонь, чтобы оттаять. Но, раздувая огонь, я и сам согреюсь. Ведь по этакой погоде человек и повыше меня схватит простуду. — Эй, эй, Кертис!

Входит К е р т и с.

К е р т и с. Кто это зовет меня таким застывшим голосом?

Г р у м и о. Кусок льда. Если сомневаешься, скатись вниз по моему плечу до пяток: разбега больше, чем от головы до шеи, не потребуется. Огня, славный Кертис!

К е р т и с. Мой хозяин и его жена едут, Грумио?

Г р у м и о. Едут, Кертис, едут, а потому огня, огня! Хватит воду лить.

К е р т и с. А она в самом деле так горяча и строптивая, как говорят?

Г р у м и о. Была, добрый Кертис, до этого морозца. Но ты ведь знаешь, стужа смиряет и мужчину, и женщину, и скотину. Вот она и смирила моего старого хозяина, и новую хозяйку, да и меня самого, друг мой Кертис.

К е р т и с. Убирайся ты, трехдюймовый болван! Я не скотина.

Г р у м и о. Неужто во мне только три дюйма? Да у тебя рога длиной в целый фут, а уж я по крайней мере не меньше их. Намерен ты разводить огонь, или мне нужно жаловаться хозяйке? А так как она сама под

рукой, то от ее руки тебе сразу холодно станет, за то, что медлишь со своим горячим делом.

К е р т и с. Прошу тебя, любезный Грумио, расскажи, что делается на свете?

Г р у м и о. Холодно на свете, Кертис, холодно во всех должностях, кроме твоей. А посему — давай огня. Займись своим делом — и получишь поделом, потому что хозяин и хозяйка чуть не до смерти замерзли.

К е р т и с. Ну, вот и огонь готов. Выкладывай теперь новости, милый Грумио.

Г р у м и о (*напевает*). «Эх, Джек! Ах, Джек!..» Новостей сколько тебе угодно.

К е р т и с. Ну и плут же ты отъявленный!

Г р у м и о. Давай же огня! Меня страх как продуло. Где повар? Готов ли ужин, прибран ли дом, посыпаны ли полы, сметена ли паутина? Надели слуги новые платья, белые чулки и свадебные украшения? Вымыты ли стаканы внутри, а чашки снаружи, постелен ли ковер и все ли в порядке?

К е р т и с. Все готово; поэтому прошу тебя, выкладывай новости.

Г р у м и о. Ну так вот: во-первых, моя лошадь устала, а мой хозяин с хозяйкой бултыхнулись.

К е р т и с. Как?

Г р у м и о. С седел прямо в грязь; вот тут и начинается история.

К е р т и с. Расскажи ее, добрый Грумио.

Г р у м и о. Давай ухо.

К е р т и с. Вот оно.

Г р у м и о (*бьет его*). Получай.

К е р т и с. Это значит почувствовать историю, а не выслушать.

Г р у м и о. Потому-то и говорят люди: чувствительная история. А в ухо я тебе заехал для того, чтобы постучаться и попросить внимания. Начинаю: во-первых, спускались мы с грязного пригорка, причем мой хозяин ехал позади хозяйки...

К е р т и с. Оба на одной лошади?

Г р у м и о. А тебе что?

К е р т и с. Не мне, а лошади...

Г р у м и о. Ну, так сам дальше и рассказывай. А если бы ты меня не перебил, ты бы услышал, как ее лошадь оступилась, а она свалилась под лошадь; ты бы услышал, что там была за грязь, как хозяйка

вся выпачкалась, как он ее оставил лежать под лошадью, а сам принялся лупить меня за то, что ее лошадь оступилась, как она шлепала по грязи, чтобы оттащить его от меня, как он ругался, как она умоляла — она, которой раньше и просить-то ни о чем не приходилось, — как я орал, как лошади разбежались, как ее уздечка лопнула, как я потерял подпругу, и еще много всяких интереснейших вещей, которые теперь останутся в забвении, а ты сойдешь в могилу, так ничего и не узнав.

К е р т и с. По этому расчету выходит, что он еще строптивей ее!

Г р у м и о. Вот именно. И ты, и самый важный из вас это сразу почувствуют, как только он вернется домой. Да что я заболтался? Зови сюда Натаниэля, Джозефа, Никласа, Филиппа, Уолтера, Лакомку и всех остальных. Пусть гладко причешут волосы, вычистят свои синие куртки, как следует завяжут подвязки. Пусть встанут на левое колено и не посмеют дотронуться даже до волоска в хвосте лошади хозяина, пока не приложатся к ручке. Ну как там, все готовы?

К е р т и с. Готовы.

Г р у м и о. Зови их сюда.

К е р т и с. Эй, слышите? Вы должны встретить хозяина, чтобы не ударить лицом в грязь перед хозяйкой.

Г р у м и о. Да ведь она сама лицом в грязь ударила.

К е р т и с. Кто же этого не знает?

Г р у м и о. Ты не знаешь, раз собираешь людей, чтобы перед ней в грязь лицом не ударить.

К е р т и с. Я их зову, чтобы ее разодолжить.

Г р у м и о. А она вовсе не собирается одалживаться.

Входят несколько слуг.

Н а т а н и э л ь. Добро пожаловать, Грумио!

Ф и л и п п. Ну, как дела, Грумио?

Д ж о з е ф. Эй, Грумио!

Н и к л а с. Дружице Грумио!

Н а т а н и э л ь. Как поживаешь, старина?

Г р у м и о. Добро пожаловать... Ну как дела... Эй, ты... Здорово, дружице... Ну и хватит для встречи. А теперь, друзья-щеголи, все ли готово, все ли в порядке?

Натаниэль. Все готово. Что, наш хозяин близко?

Грумио. Рукой подать, наверно, уже спешится; поэтому не... Тихо, черт побери! Я слышу его голос!

Входят Петруччо и Катарина.

Петруччо

Где эти олухи? Никто не встретит,
Коня не примут, стремя не подержат!
Где Грегори, Филипп, Натаниэль?

Слуги

Мы тут, синьор, мы тут, синьор, мы тут!

Петруччо

«Мы тут, синьор, мы тут, синьор, мы тут!»
Мужланы неотесанные, плуты!
Ни рвенья, ни заботы, ни старанья!
Где тот болван, кого вперед я выслал?

Грумио

Я здесь, синьор, и так же глуп, как прежде.

Петруччо

Ах ты растяпа, сукин сын, прохвост!
Ведь я тебе велел встречать нас в парке
И всех этих мерзавцев привести.

Грумио

У Натаниэля не готова куртка,
Разлезлись башмаки у Габриэля,
А Питер не успел покрасить шляпу,
Кинжал Уолтера еще в починке.
Лишь Ралф, Адам и Грегори одеты,
А остальные босы и в отрепьях,
Но даже в этом виде все пришли.

Петруччо

Ступайте, дурни! Подавайте ужин.

Слуги уходят.

(Поет.)

«Где ты, жизнь моя бывая,
Где...» — Кет, добро пожаловать, садись.
Ух-ха-ха-ха!

Входят слуги с ужином.

Мой милый котик, будь повеселее. —
Тащите сапоги с меня, мерзавцы!

(Поет.)

«Жил монах, молился богу,
Раз он вышел на дорогу...» —
Прочь, ротозей! Ты ногу оторвал мне.
Вот, получай!

(Бьет его.)

Не оторвешь другую! —
Развеселись же, Кет! — Эй, дайте воду! —
А где мой пес Троил? — Беги, болван,
Да позови кузена Фердинанда. —
Ты, Кет, должна поцеловаться с ним. —
Где туфли? Ну, дождусь ли я воды?

Входит слуга с кувшином и тазом.

Помойся, котик, сделай одолжение.

Слуга роняет кувшин.

Ах, сукин сын, еще ронять ты вздумал!

(Бьет его.)

К а т а р и н а

Ну, успокойтесь. Он ведь не нарочно.

П е т р у ч ч о

Пес, олух, вислоухая каналья! —
Садись же, Кет. Ты голодна, конечно.
Прочтешь молитву, или мне читать? —
Барашек это?

С л у г а

Да.

П е т р у ч ч о

Кто подал?

С л у г а

Я.

Петруччо

Он подгорел! Все начисто сгорело.
Ну что за псы! А где мошенник-повар?
Как смели вы из кухни принести
И мне подать к столу такую мерзость?
Долой ножи, тарелки, — все убрать!
(Сбрасывает блюда с мясом и посуду на пол.)
Лентяи! Бестолковые рабы!
Еще ворчите? Я вам покажу!

Катарина

Супруг мой, я прошу вас, не волнуйтесь.
Вам показалось, мясо не плохое.

Петруччо

Кет, я сказал — жаркое подгорело.
Нельзя такое есть. От этих блюд
Желчь разливается, рождая злобу.
Уж лучше попоститься нам сегодня,
Чем пережаренное мясо есть:
У нас с тобой и так довольно желчи.
Ну, потерпи! Мы утром все исправим.
А ночью попостимся за компанию.
Я в спальню провожу тебя, пойдем.

Петруччо и Катарина уходят.

Возвращаются несколько слуг.

Натаниэль. Ну, Питер, видел ты что-нибудь подобное?

Питер. Он ее бьет ее же оружием.

Возвращается Кертис.

Грумио. Где он?

Кертис

В спальне. Читает ей проповедь о воздержании.
Орет, буянит, а она не знает,
Куда деваться, что ему ответить;
Сидит, бедняжка, будто в полусне.
Уйдем скорее! Он идет сюда.

Уходят.

Входит Петруччо.

Петруччо

Свое правление я мудро начал.
Надеюсь, что и завершу успешно.
Мой сокол голоден и раздражен.
Пока не покорится — есть не дам,
А то глядеть не станет на добычу.
Еще есть способ приручить дикарку,
Чтобы на зов хозяина бежала:
Мешать ей спать, как ястребу, который
Не хочет слушаться, клюет и бьется.
Кет голодна и снова не поест;
Ночь не спала, другую спать не будет.
Сперва придрался к мясу, а теперь
К постели придерусь: перину сброшу,
Подушки, одеяла расшвыряю,
Твердя при этом, что скандал я поднял
Единственно из-за вниманья к ней.
Всю ночь она, конечно, спать не сможет,
А чуть задремлет — я начну ругаться
И ей не дам уснуть ни на минуту.
Вот способ укротить строптивый нрав.
Кто знает лучший, пусть расскажет смело —
И сделает для всех благое дело.
(Уходит.)

СЦЕНА 2

Падуа. Перед домом Баптисты.

Входят Транио и Гортензио.

Транио

Как, друг мой Личио, ужели Бьянка
Мечтает о другом, не о Люченцио?
Она меня предпочитала всем!

Гортензио

Хотите убедиться — встаньте здесь;
Проверьте-ка, чему ее он учит.

Входят Бьянка и Люченцио.

Люченцио

Как вы преуспеваете в ученье?

Бьянка

А вы чему же учите? Скажите.

Люченцио

Учу я одному — любви искусству.

Бьянка

Владеете искусством вы таким?

Люченцио

Да, милая, как сердцем вы моим.

Отходят в глубину сцены.

Гортензио

Блестящие успехи! А теперь
Вы поклялись бы, что синьора Бьянка
Лишь одному Люченцио верна?

Транио

О женское коварство! Вероломство!
Ах, Личио, я просто поражен.

Гортензио

Синьор, не заблуждайтесь. Я не Личио,
Не музыкант, каким казался вам,
Я маску больше не хочу носить
Во имя той, которая способна
Мне, дворянину, предпочесть мужлана,
Любовь свою бродяге подарив,
Узнайте же — меня зовут Гортензио.

Транио

Синьор Гортензио, мне доводилось
О ваших пылких чувствах к Бьянке слышать,
Но я теперь, воочью убедившись
В ее непостоянстве, предлагаю
Нам вместе от любви ее отречься.

Гортензио

Видали, как целуются? Люченцио,
Вот вам моя рука. Клянусь душою,
Не стоит Бьянка преданной любви,
Которую я нежно предлагал ей.

Т р а н и о

Клянусь и я ненарушимой клятвой,
Что не женюсь на ней, пусть даже просит!
Стыд и позор! Как льнет к нему, смотрите!

Г о р т е н з и о

Все отречемся — пусть идет к нему!
Что до меня, то, клятву соблюдая,
В три дня женюсь я на вдове богатой,
Которая меня не меньше любит,
Чем я любил кокетку эту, Бьянку.
Итак, Люченцио, до скорой встречи.
Отныне в женщинах ценить я буду
Не красоту, а преданное сердце,
Прощайте. Клятву я свою сдержу.
(Уходит.)

Т р а н и о

(подходя к Бьянке)

Ну, вы достигли счастья наконец,
Желанного для любящих сердец.
Гортензио и я, мы ваши шашни
Увидели и отреклись от вас.

Б ь я н к а

Вы оба отреклись? Ты шутишь, Транио?

Т р а н и о

Нет.

Л ю ч е н з и о

Значит, Личио нам не опасен.

Т р а н и о

Он свататься решил к вдове богатой
И свадьбу справить с нею в тот же час.

Б ь я н к а

Вот и прекрасно! Дай им счастья, боже!

Т р а н и о

Ее он укротит.

Б ь я н к а

Не сомневаюсь!

Т р а н и о

Ведь в школу укрощенья поступил он.

Б ь я н к а

Да разве есть такая школа, Транио?

Т р а н и о

А как же! В ней учителем Петруччо.
Он знает двадцать способов различных,
Как жен строптивых прибирать к рукам
И воли не давать их языкам.

Входит Б ь о н д е л л о.

Б ь о н д е л л о

Синьор, синьор! Я сторожил так долго,
Что хуже пса устал. Но наконец
С холма спустился старикан почтенный;
Он подойдет, пожалуй, нам.

Т р а н и о

А кто он?

Б ь о н д е л л о

Учительшка, верно, иль купец, —
Не знаю; но по виду и осанке
Сойдет вполне за вашего отца.

Л ю ч е н ц и о

Ну, Транио, что скажешь ты об этом?

Т р а н и о

Что ж, если басне он моей поверит,
То будет рад изобразить Винченцио
И поручительство Баптисте дать,
Как будто он ваш подлинный родитель.
Теперь, синьор, уйдите с вашей миллой.

Люченцио и Бьянка уходят.

Входит странствующий учитель.

У ч и т е л ь

Храни вас бог, синьор.

Т р а н и о

И вам того же.
Идете дальше или остаетесь?

У ч и т е л ь

Неделю или две пробуду здесь
И двинусь дальше. В Рим я направляюсь
И в Триполи, коль бог пошлет мне силы.

Т р а н и о

Откуда вы?

У ч и т е л ь

Из Мантуи, синьор.

Т р а н и о

Из Мантуи, синьор? Храни вас небо!
Здесь, в Падуе, рискуете вы жизнью!

У ч и т е л ь

Рискую жизнью? Я не понимаю.

Т р а н и о

Здесь мантуанцам угрожает смерть.
Синьор, ваш флот в Венеции задержан,
И герцог наш, поссорившийся с вашим,
Публично нам об этом объявил.
Прибудь сюда вы чуточку пораньше,
Все это вы слышали бы сами.

У ч и т е л ь

Ну, значит, мне конец пришел, синьор!
Ведь во Флоренции взят мною вексель,
Который здесь я должен предъявить.

Т р а н и о

Не прочь бы я вам оказать услугу...
Мы вот что с вами сделаем: скажите,
Бывали в Пизе вы когда-нибудь?

У ч и т е л ь

Бывал, синьор. И знаю, что немало
В том городе достойнейших людей.

Т р а н и о

А вам знаком один из них — Винченцио?

У ч и т е л ь

Мы незнакомы, но о нем я слышал;
Он превосходит всех своим богатством.

Т р а н и о

Синьор, он мой отец. Замечу кстати,
Что очень вы похожи друг на друга.

Б ь о н д е л л о
(в сторону)

Ни дать ни взять, как устрица на грушу.

Т р а н и о

Чтоб из беды вас выручить, готов я
Помочь вам ради моего отца.
А ваше поразительное сходство
С Винченцио — немалая удача.
Примите имя и кредит его.
И как отец со мною поселитесь.
Смотрите, разыграйте роль получше.
Понятно вам? Живите у меня,
Пока закончите свои дела.
Угодно вам принять мою услугу?

У ч и т е л ь

Приму, синьор, и буду век считать,
Что жизнью и свободой вам обязан.

Т р а н и о

Пойдемте же, сейчас мы все уладим.
Да, между прочим, должен вам заметить,
Здесь ждут приезда моего отца,
Чтоб подтвердил он вдовью часть при браке
Меж мной и дочерью купца Баптисты.
Я объясню вам, как себя вести.
Пойдемте. Вам переодеться надо.

Уходят.

СЦЕНА 3

Комната в доме Петруччо.

Входят К а т а р и н а и Г р у м и о.

Г р у м и о

Нет, нет, клянусь вам жизнью, я не смею.

К а т а р и н а

Чем хуже мне, тем бешеной Петруччо.
Ужель на мне женился он затем,
Чтоб голодом морить свою супругу?
Когда стучался нищий в наши двери,
И то он подаянье получал
Иль находил в других домах участие.
Но мне просить еще не доводилось,
И не было нужды просить, а ныне
Я голодна, смертельно спать хочу,
А спать мешают бранью, кормят криком,
И самое обидное — что он
Любовью это смеет объяснять,
Как будто, если б я спала и ела,
Болезнь могла грозить мне или смерть.
Достань какой-нибудь еды мне, Грумио;
Не важно — что, лишь было бы съедобно.

Г р у м и о

Ну, а телячья ножка, например?

К а т а р и н а

Чудесно! Принеси ее скорей!

Г р у м и о

Боюсь, она подействует на печень.
Что скажете о жирной требухе?

К а т а р и н а

Люблю ее. Неси, мой милый Грумио.

Г р у м и о

Но, впрочем, вам и это будет вредно.
А может быть, говядины с горчицей?

К а т а р и н а

О, это блюдо я охотно съем.

Г р у м и о

Пожалуй, вас разгорячит горчица.

К а т а р и н а

Ну, принеси мне мясо без горчицы.

Г р у м и о

Нет, так не выйдет. Я подам горчицу,
Иначе вам говядины не будет.

К а т а р и н а

Неси все вместе иль одно — как хочешь.

Г р у м и о

Так, значит, принесу одну горчицу?

К а т а р и н а

Вон убирайся, плут, обманщик, раб!
Меня ты кормишь только списком блюд.
Будь проклят ты с твоею гнусной шайкой,
Что лишь смеется над моей бедой!
Пошел отсюда прочь!

Входят П е т р у ч ч о с блюдом и Г о р т е н з и о.

П е т р у ч ч о

Ну как ты, Кет? Что, душечка, печальна?

Г о р т е н з и о

Как вы живете?

К а т а р и н а

Хуже быть не может.

П е т р у ч ч о

Приободрись, взгляни повеселее.
Смотри-ка, ангел мой, как я заботлив!
Сам приготовил блюдо для тебя.
Уверен, ты внимание оценишь.
(Ставит блюдо на стол.)

Как, ты молчишь? Не нравится тебе?
Так, значит, я трудился понапрасну?
Эй, все убрать!

К а т а р и н а

Нет, я прошу, оставьте.

П е т р у ч ч о

А где же благодарность за услугу?
Скажи спасибо перед тем, как есть.

К а т а р и н а

Спасибо вам, синьор.

Г о р т е н з и о

Синьор Петруччо! Как же вам не стыдно?
Прошу к столу, синьора. Сядем вместе.

П е т р у ч ч о

(тихо, к Гортензио)

Гортензио, будь другом. Съешь все сам.
(Громко.)

Ну, кушай на здоровье, дорогая,
Скорее ешь, и мы с тобой вернемся
К отцу и там повеселимся вдоволь.
Мы щегольнем, покажем все обновы,
Наряды, шляпки, бусы и браслеты,
И кружева, и ленты, и манжеты,
Шарфы и брыжи, веера и рюшки,
И всякие другие безделушки.
Ты все уж съела? Там портной хлопочет;
Твой стан украсить дивным шелком хочет.

Входит портной.

А ну, портной, показывай нам платье,
Тащи скорей.

Входит галантерейщик.

А ты что нам принес?

Г а л а н т е р е й щ и к

Вы шапочку заказывали, сударь.

Петруччо

Ты на горшке ее утюжил, что ли?
Какая гадость! Бархатная миска!
Фи, фи! Да это просто неприлично!
Ракушка или скорлупа ореха,
Игрушка, финтифлюшка, детский чепчик.
Прочь убери! И сделай-ка побольше.

Катарина

Не надо мне побольше. Эти в моде.
У всех хороших дам такие точно.

Петруччо

Сперва хорошей стань, потом получишь.
Не раньше!

Гортензио
(в сторону)

Долго ей придется ждать.

Катарина

Я тоже говорить имею право
И все сейчас скажу; я не ребенок,
Получше люди слушали меня;
А не хотите, так заткните уши;
Уж лучше дать свободу языку
И высказать, что в сердце накопилось.

Петруччо

Да, ты права! Негодная шапчонка.
Пирог из шелка, побрякушка, блюдец! —
Тебя еще сильнее за то люблю я,
Что эта дрянь тебе противна.

Катарина

Люби иль не люби, а я надену!
Она по вкусу мне, другой не надо.

Галантерейщик уходит.

Петруччо

Как наше платье? Покажи, портной.
Помилуй бог! Оно для маскарада?
А это что? Рукав или мортира?

Изрезан он, как яблочный пирог, —
Надрез, прореха, вырез и прорез!
Ну, право, как курильница в цирюльне!
Черт побери! Да что ж это такое?

Г о р т е н з и о
(в сторону)

Ей не видать ни шапочки, ни платья.

П о р т н о й

Вы приказали сшить его красиво
И в соответствии с последней модой.

П е т р у ч ч о

Да, приказал. Но вовсе не велел я
Его испортить по последней моде.
Ступай домой и прыгай через лужи.
Напрыгаешься без моих заказов.
Бери-ка платье! Делай с ним что хочешь.

К а т а р и н а

Но я прелестней не видала платья;
Изящно сшито, похвалы достойно!
Меня вы пугалом одеть хотите?

П е т р у ч ч о

Не я, а он.

П о р т н о й

Нет, вы правы, синьора.

П е т р у ч ч о

Ах, грубиян! Ты лжешь, наперсток, нитка!
Ты, ярд, три четверти, нет, четверть дюйма!
Ты, клоп, блоха, сверчок паршивый, вот кто!
Ты смеешь поносить меня, катушка,
Лоскут, тряпье, заплатка? Прочь отсюда,
Не то тебя я разутюжу так,
Что спорить ты отучишься навеки.
Я говорю — ты ей испортил платье.

П о р т н о й

Нет, сударь, вы ошиблись. Платье сшито,
Как моему хозяину велели;
Дал Грумио приказ, как надо шить.

Г р у м и о

Материю я дал, а не приказ.

П о р т н о й

Но как вы платье наказали сшить?

Г р у м и о

Черт побери! Иголкой и ниткой!

П о р т н о й

Но разве вы покрой не указали?

Г р у м и о. Много ты платьев украсил мишурой?

П о р т н о й. Порядочно.

Г р у м и о. Ну, а меня ты не обмишуришь. Много костюмов отделал? А от меня не отделаешься. И не обмишуришь и не отделаешься. Вот что я тебе скажу: я велел твоему хозяину покроить платье, но не велел раскроить его на кусочки, — значит, ты врешь.

П о р т н о й. Да вот записка насчет фасона, она вам все докажет.

П е т р у ч ч о. Читай.

Г р у м и о. Записка врет, если там сказано, что я так сказал.

П о р т н о й (*читает*). «Во-первых, свободное платье».

Г р у м и о. Хозяин, если я когда-нибудь говорил «свободное платье», — зашейте меня в подол и лупите концом суровой нитки, пока я не протяну ноги.

П е т р у ч ч о. Продолжай.

П о р т н о й (*читает*). «С маленьким закругленным воротником».

Г р у м и о. Воротничок — я признаю.

П о р т н о й (*читает*). «С пышным рукавом».

Г р у м и о. Признаю даже два рукава...

П о р т н о й (*читает*). «Изящно вырезанным».

П е т р у ч ч о. Вот это и пакостно.

Г р у м и о. Ошибка в записке, синьор; ошибка в записке. Я велел, чтобы рукава сначала были вырезаны а затем опять вшиты. И я тебе это докажу, хоть твой мизинец и вооружен наперстком.

П о р т н о й. Все, что я сказал, правда. Попадись ты мне в другом месте, я бы тебе показал.

Грумио. Я готов хоть сейчас. Бери себе записку, отдавай мне свой ярд и наступай, не щади меня.

Гортензио. Помилуй бог, Грумио. Силы-то будут уж очень неравны.

Петруччо

Скажу короче: платье не по мне.

Грумио

Да, платье по хозяйке.

Петруччо

Подними-ка,

Портной, ты это платье, и пускай
Хозяин твой поступит как захочет.

Грумио. Негодяй, если дорожишь жизнью, не смей поднимать платье моей хозяйки для твоего хозяина.

Петруччо. Ты что этим хочешь сказать?

Грумио. Ах, синьор, дело-то ведь посерьезнее, чем вам кажется. Поднять платье моей хозяйки для его хозяина! Фи, стыд, стыд, стыд!

Петруччо

(тихо, к Гортензио)

Скажи портному — всё ему уплатят.

(Портному.)

Бери же платье. Вон, без рассуждений!

Гортензио

(тихо, портному)

Портной, я завтра уплачу тебе;
Ступай, на брань не обращай вниманья,
Хозяину же передай поклон.

Портной уходит.

Петруччо

Что ж делать, Кет, придется ехать к тестю
Нам в этом скромном и обычном платье.
Хоть плох наряд — зато карман набит.
Не платье украшает человека.
Как из-за черных туч сверкает солнце,
Так честь блистает под одеждой бедной.
И разве сойка жаворонка лучше

Лишь потому, что ярче опереньем?
И предпочтем ли мы угрю гадюку
За то, что кожа у нее красивей?
Поверь мне, Кет, и ты не станешь хуже
Из-за простого, будничного платья.
А застыдишься — на меня свали.
Развеселись же. Мы немедля едем
На пир веселый к твоему отцу.
Зови-ка слуг, нам надобно спешить.
Пусть подадут коней к большой аллее;
Отправимся с тобою мы оттуда.
Теперь, наверно, около семи,
И мы как раз к обеду попадем.

К а т а р и н а

Не около семи, а ровно два —
Поспеть мы даже к ужину не сможем.

П е т р у ч ч о

Поеду в семь и ни минутой раньше.
Вот посмотри, ведь ты все время споришь,
Что б ни сказал, ни сделал, ни решил я.
Эй, распрягать! Сегодня не поеду,
А прежде чем я вздумаю поехать,
Часы покажут, сколько я сказал.

Г о р т е н з и о

Он скоро управлять захочет солнцем!

Уходят.

СЦЕНА 4

Падуя. Перед домом Баптисты.

Входят Т р а н и о и у ч и т е л ь, одетый как Винченцио.

Т р а н и о

Вот этот дом; могу я постучать?

У ч и т е л ь

Конечно. Может быть, синьор Баптиста
Меня припомнит. Вместе проживали
Мы в Генуе, в гостинице «Пегас»,
Тому лет двадцать, коль не ошибаюсь.

Т р а н и о

Ну, очень хорошо. Но вы держитесь
С достоинством, как надлежит отцу.
Не беспокойтесь.

Входит Б ъ о н д е л л о.

У ч и т е л ь

Вот и ваш слуга;
Его предупредить бы не мешало.

Т р а н и о

Не бойтесь за него. — Вот что, Бьонделло,
Советую тебе не сплеховать;
Запомни — пред тобой синьор Винченцио.

Б ъ о н д е л л о

Да уж не сомневайтесь.

Т р а н и о

Ты передал мои слова Баптисте?

Б ъ о н д е л л о

Сказал ему, что ваш отец в Венеции,
Что в Падую его сегодня ждете.

Т р а н и о

Ты молодец; возьми-ка вот и выпей. —
Идет Баптиста! Ну, смелей, синьор!

Входят Б а п т и с т а и Л ю ч е н ц и о.

Синьор Баптиста, очень рад вас видеть,
Вот тот синьор, о ком я говорил.
Теперь прощу вас, станьте мне отцом
И вашу дочь в наследство мне отдайте.

У ч и т е л ь

Не будь так тороплив, мой милый сын.
Я прибыл в Падую, синьор Баптиста,
Взыскать долги, а тут мой сын Люченцио
Признался мне, что он и ваша дочь
Друг друга нежно любят. Так как я
Хорошего слыхал о вас немало,
А дети наши влюблены друг в друга,
То, не желая мучить долго сына,

Как любящий отец, я согласился
На этот брак. Когда и вы согласны,
Мы, без сомненья, с вами сговоримся,
И вы увидите, что я готов
Всем, чем хотите, обеспечить Бьянку.
Хитрить мне не к чему, синьор Баптиста:
Вы — человек, достойный уваженья.

Б а п т и с т а

Синьор, простить прошу мои слова,
Но по душе мне ваша откровенность.
Да, совершенно верно, ваш Люченцио
И дочь моя друг друга любят, если
Они не притворяются искусно.
Поэтому, коль вы, без лишних слов,
Поступите, как надлежит отцу,
И согласитесь закрепить за Бьянкой
Достаточную вдовью часть наследства,
То свадьбе быть, и дело решено —
Ваш сын получит дочь мою в супруги.

Т р а н и о

Благодарю, синьор. А где, скажите,
Удобней будет заключить контракт
И обязательствами обменяться?

Б а п т и с т а

Не у меня. Вы знаете, Люченцио,
У стен есть уши, в доме много слуг,
И вечно Грумио вокруг шныряет,
В любой момент нам могут помешать.

Т р а н и о

Тогда прошу пожаловать ко мне;
Отец живет со мной, и мы сегодня
Покончим дело тихо и спокойно.
Скорей пошлите Камбио за дочкой,
А я нотариуса приглашу.
Мне только жаль, что времени не хватает
Получше угощенье приготовить.

Б а п т и с т а

Отлично! — Камбио, живей домой;
Пусть наготове будет дочь моя.

Ей можно рассказать, что здесь случилось, —
Приехал, мол, сюда отец Люченцио,
И брак ее с Люченцио решен.

Бьонделло

Молю богов, чтоб так оно и вышло.

Транио

Брось думать о богах. Беги скорее!

Бьонделло уходит.

Прошу, синьор Баптиста. К сожаленью,
Могу вам предложить одно лишь блюдо;
Все в Пизе наверстаем.

Баптиста

Я за вами.

Транио, учитель и Баптиста уходят.

Возвращается Бьонделло.

Бьонделло

Ну, Камбио?

Люченцио

Что скажешь мне, Бьонделло?

Бьонделло

Как Транио подмигивал, видали?

Люченцио

Что ж из того, Бьонделло?

Бьонделло. Ровно ничего; но он оставил меня
здесь, чтобы объяснить вам смысл его кивков и под-
мигиваний.

Люченцио. Прошу тебя, объясни.

Бьонделло. Дело обстоит так. Баптиста не
опасен, он сейчас разговаривает с поддельным от-
цом поддельного сына.

Люченцио. Ну и что же?

Бьонделло. Вы должны привести его дочь к ужину.

Люченцио. А потом?

Бьонделло. Старый священник из церкви святого Луки в любой час готов к вашим услугам.

Люченцио. Что же из того?

Бьонделло. Не знаю. Только, пока они там возятся с подложным обеспечением, обеспечьте девушкой себя — *cum privilegio ad imprimendum solum*¹. Спешите в церковь, да прихватите с собой священника, причетника и нескольких честных свидетелей.

А если вы не к этому стремитесь,
Смолкаю я, но Бьянки вы лишитесь.

Люченцио. Но послушай, Бьонделло...

Бьонделло. Мне некогда. Я знал одну девушку, которая успела обвенчаться в полдень, когда бегала на огород за петрушкой для начинки кролика. Так же можете сделать и вы, синьор; а засим до свиданья. Мой хозяин приказал мне отправиться в церковь святого Луки и сказать, чтобы священник был готов принять вас, когда вы появитесь со своим довеском. *(Уходит.)*

Люченцио

На все согласен я, но вот она.
Да нет, она согласна — прочь сомненья!
Ну, будь что будет! Побегу скорей,
И горе мне, коль не вернусь я с ней.
(Уходит.)

СЦЕНА 5

Проезжая дорога.

Входят Петруччо, Катарина, Гортензио и слуги.

Петруччо

Скорей, скорей, скорее — едем к тестю!
Вот дьявол, как сияет солнце ярко!

Катарина

Какое солнце? На небе луна.

¹ с исключительным правом печатания *(лат.)*.

Петруччо

А я сказал, что солнце ярко светит.

Катарина

Иль это не луна? Иль я ослепла?

Петруччо

Клянусь я сыном матери родной,
Короче говоря, самим собою,
Светить мне будет то, что я назвал.
Сказал я — солнце, значит, будет солнце.
Эй, поворачивайте лошадей!
Все спорит, спорит, только бы ей спорить!

Гортензио

(Катарине)

Не спорьте с ним, а то мы не доедем.

Катарина

Прошу, поедем, раз уж мы в пути,
Ну, пусть луна, пусть солнце — что хотите;
А назовете свечкою, клянусь,
Что это тем же будет для меня.

Петруччо

Я говорю, что солнце.

Катарина

Да, конечно.

Петруччо

Нет, то волшебница-луна. Ты лжешь.

Катарина

Луна, конечно же, царица ночи.
А скажете, что солнце — будет солнце.
Подобны вы изменчивой луне,
Но, как бы ни назвали, — так и есть,
И так всегда для Катарины будет.

Гортензио

Ты выиграл сражение, Петруччо.

Петруччо

Вперед, вперед! Катиться должен шар
По склону вниз, а не взбираться в гору.

Но тише! Кто-то к нам сюда идет.

Входит В и н ч е н ц и о.

Синьора, добрый день! Куда спешите? —
Кет, милая, по совести скажи,
Не правда ли, прелестная девица?
Румянец спорит с белизной на щечках!
Какие звезды озаряют небо
Такою красотой, как эти глазки —
Ее прелестнейший и юный лик?
Еще раз добрый день, моя синьора!
Кет, поцелуй красотку молодую.

Г о р т е н з и о

С ума сойдет старик от этих шуток.

К а т а р и н а

Привет прекрасной, нежной, юной деве!
Куда идешь ты? Где твоя обитель?
Как счастливы родители, имея
Такое дивное дитя! Счастливец
Тот, кто, веленьем благосклонных звезд,
Тебя женою назовет своей.

П е т р у ч ч о

Опомнись, Кет! В своем ли ты уме?
Ведь это же мужчина, дряхлый старец,
А вовсе не прелестная девица.

К а т а р и н а

Достойнейший отец, прости ошибку.
Глаза мои так ослепило солнцем,
Что до сих пор все кажется зеленым.
Теперь я вижу — ты почтенный старец.
Прости мне эту глупую оплошность.

П е т р у ч ч о

Синьор, ее простите и ответьте —
Куда вы? Нам, быть может, по пути, —
Тогда мы вам компанию составим.

В и н ч е н ц и о

Синьор, и вы, синьора-озорница,
Ошеломившая меня приветом, —

Из Пизы я. Зовут меня Винченцио.
Приехал в Падую проведать сына,
Которого давно уж не видал.

Петруччо

Как звать его?

Винченцио

Люченцио, синьор.

Петруччо

Вот кстати — и для нас, и для него.
Теперь я вас могу назвать отцом
Не только по годам, но и по праву:
С сестрой моей жены — синьоры этой —
Ваш сын уже, наверно, обвенчался.
Но вы не удивляйтесь, не сердитесь —
Она известна скромным поведением,
Богата, дочь родителей почтенных
И образованна, как подобает
Жене любого знатного синьора.
Позвольте вас обнять, синьор Винченцио.
Все вместе мы отправимся к Люченцио.
Ваш сын достойный будет очень рад.

Винченцио

Но правда ль это? Или пошутили,
Как часто путешественники шутят
Над теми, кто встречается в пути?

Гортензио

Нет, нет, отец, поверьте, это правда.

Петруччо

Вы зря нас приняли за шутников.
Поедем вместе — убедитесь сами.

Уходят все, кроме Гортензио.

Гортензио

Ну, друг Петруччо, ты мне придал духу.
Зазнается вдова моя не в меру —
С ней поступлю по твоему примеру.

(Уходит.)

АКТ V

СЦЕНА 1

Падуя. Перед домом Люченцио.

Входят сначала Гр е м и о, который становится в глубине сцены, затем Б ъ о н д е л л о, Л ю ч е н ц и о и Б њ а н к а.

Б ъ о н д е л л о. Потихе и побыстрей, синьор; священник уже готов.

Л ю ч е н ц и о. Лечу, Бьонделло. Но ты можешь им понадобится дома; оставь нас.

Б ъ о н д е л л о. Нет, я раньше присмотрю за тем, чтобы вы вошли в церковь, а уж потом во всю прыть пущусь к хозяйскому дому.

Люченцио, Бьянка и Бьонделло уходят.

Г р е м и о

Как странно! Камбио все нет и нет.

Входят П е т р у ч ч о, К а т а р и н а, В и н ч е н ц и о, Г р у м и о и с л у г и.

П е т р у ч ч о

Здесь дом Люченцио, синьор; вот двери.
Мой тесть живет немного ближе к рынку;
Спешу к нему. Я должен вас оставить.

В и н ч е н ц и о

Нет, нет, нам с вами надо прежде выпить;
А здесь, мой друг, я вас могу принять
И угощенье, верно уж, найдется.

(Стучит.)

Г р е м и о

Они там заняты; стучите громче.

У ч и т е л ь выглядывает из окна.

У ч и т е л ь. Кто это там стучит, как будто собирается выломать дверь?

В и н ч е н ц и о. Дома ли синьор Люченцио?

У ч и т е л ь. Он дома, синьор, но сейчас не может разговаривать с вами.

Винченцио. Ну, а если я принес ему сотни две фунтов на забавы?

Учитель. Оставьте их при себе: он ни в чем не будет нуждаться, пока я жив.

Петруччо. Ну, не говорил ли я вам, что вашего сына полюбили в Падуе? — Послушайте, синьор, шутки в сторону, — скажите, пожалуйста, синьору Люченцио, что его отец приехал из Пизы и хочет поговорить с ним.

Учитель. Ты лжешь; его отец приехал из Пизы и глядит на вас из окна.

Винченцио. Это ты его отец?

Учитель. Да, синьор. Так утверждает его мать, если ей можно верить.

Петруччо (к Винченцио). Что вы теперь скажете, синьор? Ну, знаете, нет хуже надувательства, чем присваивать себе чужое имя.

Учитель. Держите этого негодяя; он, верно, хочет надуть здесь кого-нибудь, прикрываясь моим именем.

Возвращается Бьонделло.

Бьонделло. Я оставил их вдвоем в церкви. Пошли им бог счастливого плавания! — Но кто это здесь? Мой старый хозяин Винченцио! Теперь мы пропали, конец всему!

Винченцио (заметив Бьонделло). Пойди сюда, разбойник!

Бьонделло. А это уж как мне захочется, синьор.

Винченцио. Иди сюда, мерзавец! Ты что же, забыл меня?

Бьонделло. Забыл вас? Нет, синьор. Я никак не мог забыть вас, потому что ни разу в жизни вас не видел.

Винченцио. Ты что же это, мерзкий негодяй, ни разу в жизни не видел Винченцио, отца твоего хозяина?

Бьонделло. Моего старого, достойнейшего хозяина? Ну еще бы, синьор, конечно, видел; да вот он, смотрит из окна.

Винченцио (бьет его). В самом деле?

Бьонделло. Спасите, спасите! Тут какой-то сумасшедший хочет убить меня. (Убегает.)

Учитель. На помощь, сын мой! На помощь, синьор Баптиста! (Отходит от окна.)

Петруччо. Отойдем-ка в сторону, Кет, и посмотрим, чем кончится эта кутерьма. (Отходит в сторону.)

Учитель, Транио, Баптиста и слуга выходят на улицу.

Транио. Кто вы такой, синьор, что осмеливаетесь бить моего слугу?

Винченцио. Кто я такой, синьор? Нет, кто такой вы, синьор? О бессмертные боги! Мерзкий плут! Шелковый колет! Бархатные штаны! Альый плащ! Остроконечная шляпа! О, я разорен, я разорен! В то время как я дома радею о хозяйстве, мой сын и слуга все проматывают в университете.

Транио. Что такое? В чем дело?

Баптиста. Спятил он, что ли?

Транио. Синьор, по виду вас можно принять за почтенного пожилого человека, но разговариваете вы, как сумасшедший. Какое вам дело до того, что я ношу золото и жемчуг? Благодаря моему доброму отцу я могу себе позволить это.

Винченцио. Твоему отцу! Ах ты мошенник! Твой отец изготавливает паруса в Бергамо.

Баптиста. Вы ошибаетесь, синьор, вы ошибаетесь. Ну, как его имя, по-вашему?

Винченцио. Его имя! Еще бы мне не знать его имени. Я воспитываю его с трехлетнего возраста. Его имя — Транио.

Учитель. Убирайся, убирайся отсюда, безмозглый осел! Его имя — Люченцио; он единственный сын и наследник всех моих земель, земель синьора Винченцио!

Винченцио. Люченцио! Значит, он убил своего господина! Держите его! Приказываю вам именем герцога, держите! О сын мой, сын мой! Отвечай мне, негодяй, где мой сын Люченцио?

Транио. Позовите сюда стражу.

Входят стражники.

Отправьте этого безумца в тюрьму. Отец Баптиста, прошу вас, последите, чтобы его отвели туда.

Винченцио. Отправить меня в тюрьму!

Гремио. Стой, стража! Он не пойдет в тюрьму!

Баптиста. Замолчите, синьор Гремио; я говорю вам, что он пойдет в тюрьму.

Гремио. Берегитесь, синьор Баптиста, чтобы вас не впутали в темное дело. Я готов поклясться, что это настоящий синьор Винченцио.

Учитель. Присягни, если смеешь!

Гремио. Нет, присягнуть я не смею.

Транио. Вы бы еще сказали, что я не Люченцио.

Гремио. Я знаю, что вы синьор Люченцио.

Баптиста. Уберите обманщика! В тюрьму его!

Винченцио. Так вот как вы оскорбляете чужез-
странцев, чудовищный негодяй!

Входят Бьонделло, Люченцио и Бьянка.

Бьонделло. Мы погибли! Вот, вот он. Отказы-
вайтесь от него, отказывайтесь от него — или мы все
пропали.

Люченцио

Прости, отец.

Винченцио

Ты жив, мой милый сын!

Бьонделло, Транио и учитель поспешно убегают.

Бьянка

Прости, отец.

Баптиста

А ты в чем виновата?

И где Люченцио?

Люченцио

Вот он, Люченцио,
Неложный сын неложного Винченцио.
Пока вы с мнимым спорили отцом,
Мы с Бьянкою стояли под венцом.

Гремио

Здесь заговор, нас провести хотят.

Винченцио

Где этот Транио, мошенник, шут,
Который так бесстыдно врал мне тут?

Б а п т и с т а

Постойте! Да ведь это же мой Камбио.

Б ь я н к а

Ваш Камбио в Люченцио превратился.

Л ю ч е н ц и о

Любовь свершила чудо. Из-за Бьянки
Я поменялся с Транио местами.
Он в городе изображал меня,
А я тем временем счастливо прибыл
К давно желанной гавани блаженства. —
Он роль играл по моему приказу;
Прощу тебя, отец, прости его.

Винченцио. Я расквашу нос этому негодяю,
который собирался засадить меня в тюрьму!

Баптиста (к Люченцио). Послушайте, синьор,
вы женились на моей дочери, не спросив моего
согласия!

Винченцио. Не беспокойтесь, Баптиста; мы
договоримся, поверьте. Однако я пойду и рассчита-
юсь за такую наглость. (Уходит.)

Баптиста. А я пойду и докопаюсь до глубины
их надувательства. (Уходит.)

Люченцио (Бьянке). Не бойся, твой отец не бу-
дет на нас долго сердиться.

Г р е м и о

Не спекся мой пирог, но все ж пойду;
Хоть на пиру я душу отведу.
(Уходит.)

Вперед выходят Петруччо и Катарина.

Катарина. Муженек, пойдем за ними, поглядим,
чем кончится вся эта история.

Петруччо. Раньше поцелуй меня, Кет, и пойдем.

Катарина. Как! Прямо на улице?

Петруччо. Как! Ты стыдишься меня?

Катарина. Боже упаси, синьор; я стыжусь
целоваться.

П е т р у ч ч о

Ах, так? Тогда немедленно домой!

К а т а р и н а

Нет, стой! Я поцелую, милый мой.

П е т р у ч ч о

Ну вот и хорошо! Согласна, да?
Уж лучше поздно, Кет, чем никогда.

Уходят.

СЦЕНА 2

Падуа. Комната в доме Люченцио.

Входят Баптиста, Винченцио, Гремио, учитель, Люченцио, Бьянка, Петруччо, Катарина, Гортензио и вдова, Транио, Бьонделло и Грумио. Грумио и слуги вносят угощение.

Л ю ч е н ц и о

Ну, наконец все споры позади
И мы пришли к желанному согласью.
Война окончена, настало время
Над страхами былыми посмеяться. —
Проси же, Бьянка, моего отца,
Я ж твоего с почтеньем приглашу. —
Сестрица Катарина, брат Петруччо,
Гортензио с женой своею милой,
Пируйте. Рад вас видеть у себя.
Сейчас нам подадут вино и сласти.
Садитесь, я прошу. Мы можем здесь
Беседовать и продолжать наш пир.

Садятся за стол.

П е т р у ч ч о

Вот так все и сиди, сиди да ешь.

Б а п т и с т а

Добром встречают в Падуе всегда.

П е т р у ч ч о

Да, в Падуе мы доброе нашли.

Гортензио

Хотел бы я для нас двоих того же.

Петруччо

Клянусь, Гортензио, я в страхе за вдову.

Вдова

Страх на меня нагнать вам не удастся.

Петруччо

Смышлены вы, а смысла не постигли.
Хочу сказать: он страх как вас боится.

Вдова

Кружится мир у пьяного в глазах.

Петруччо

Кругло отвечено.

Катарина

(вдове)

Как вас понять?

Вдова

Поймала я его!

Петруччо

Меня поймала! — Ты слышал, Гортензио?

Гортензио

Поймала смысл твоих речей она.

Петруччо

Сумел поправить!

(Вдове.)

Поцелуйте мужа.

Катарина

«Кружится мир у пьяного в глазах»...
Так что же этим вы сказать хотели?

Вдова

Ваш муж, с женой строптивою измучась,
И моему пророчит ту же участь.
Понятна стала мысль моя теперь?

К а т а р и н а

Дрянная мысль.

В д о в а

Я думала о вас.

К а т а р и н а

Да, знаясь с вами, я бы стала дрянью.

П е т р у ч ч о

А ну, задай ей, Кет!

Г о р т е н з и о

А ну, вдова!

П е т р у ч ч о

Готов поспорить, Кет ее уложит.

Г о р т е н з и о

Нет, это уж обязанность моя.

П е т р у ч ч о

Прекрасно сказано! Твое здоровье!

(Чокается с Гортензио.)

Б а п т и с т а

(к Гремио)

Что скажете об этих остроумцах?

Г р е м и о

Они бодаются, синьор, отлично.

Б ь я н к а

Бодаются! Ну, как здесь не состричь,
Что зуд во лбу рога вам предвещает?

В и н ч е н ц и о

А, молодая! Вот вы и проснулись!

Б ь я н к а

Не беспокойтесь, я усну опять.

П е т р у ч ч о

Ну нет! Вы сами начали остричь, —
Стрельнем и в вас мы парочкой острот.

Бьянка

Что я вам — птица? Ну, так упорхну!
Попробуйте преследовать меня.
Счастливо оставаться вам, синьоры.

Бьянка, Катарина и вдова уходят.

Петруччо

Не удался мой выстрел. В эту птичку
Вы метили, да не попали, Транио.
Так выпьем же за тех, кто промахнулся!

Транио

Я спущен был как гончая, синьор:
Что изловил — хозяину принес.

Петруччо

Недурно, хоть сравнение собачье.

Транио

Но вы-то лань травили для себя,
А вас она, слышать, не подпускает.

Баптиста

Ого, Петруччо! Это выстрел в цель.

Люченцио

Ну, Транио, спасибо за острогу!

Гортензио

Сознайтесь же, он ловко в вас попал!

Петруччо

Задел меня немножко, признаюсь,
Но тотчас же насмешка отскочила
И вас пронзила, бьюсь я об заклад.

Баптиста

Увы, как мне ни жаль, сынок Петруччо,
Твоя жена строптивей, чем у всех.

Петруччо

Нет, говорю, — и докажу немедля.
Пошлите каждый за своей женой;

Тот, чья жена окажется послушной
И прибежит по первому же зову, —
Пускай возьмет заклад, что мы поставим.

Гортензио

Согласен. Сколько ставим?

Люченцио

Двадцать крон.

Петруччо

Как, двадцать крон? Но двадцать крон я ставлю
На лошадь или на гончую собаку,
А на жену раз в двадцать надо больше.

Люченцио

Ну, сто тогда.

Гортензио

Согласен.

Петруччо

Решено.

Гортензио

Кто начинает?

Люченцио

Я. — Иди, Бьонделло,
Скажи хозяйке — пусть придет сюда.

Бьонделло

Иду.

(Уходит.)

Баптиста
(к Люченцио)

За Бьянку в половине я, сынок.

Люченцио

Нет, нет, зачем? Поставлю я один.

Возвращается Бьонделло.

Ну что?

Бьонделло

Синьор, хозяйка говорит,
Что занята, прийти никак не может.

Петруччо

Ах, занята? Прийти никак не может?
Вот так ответ!

Гремио

Еще весьма любезный,
Дай бог, чтоб вы не получили худший.

Петруччо

Надеюсь я на лучший.

Гортензио

Эй, Бьонделло,
Ступай и попроси мою жену
Прийти ко мне.

Бьонделло уходит.

Петруччо

Ах, вот как! Попроси!
Ну, отказать не сможет.

Гортензио

Я боюсь,
Что вашу упросить вам не удастся.

Возвращается Бьонделло.

А где моя жена?

Бьонделло

Ответила, что вам шутить угодно,
И не придет. Велит вам к ней идти.

Петруччо

Еще не легче! Не придет! Видали?
Нельзя стерпеть! Невероятно! Дерзко!
Эй, Грумио, иди к своей хозяйке
И передай, что я велю прийти.

Грумио уходит.

Гортензио

Ответит просто.

Петруччо

Как же?

Гортензио

«Не приду».

Петруччо

Ну что ж, тем хуже для меня — и только.

Баптиста

Помилуй бог! Смотрите! Катарина!

Входит Катарина.

Катарина

Синьор, меня вы звали? Что угодно?

Петруччо

А где жена Гортензио и Бьянка?

Катарина

Болтают там в гостиной, у камина.

Петруччо

Тащи-ка их сюда. А не пойдут —
Пинками их гони без церемоний!
Ступай и приведи обеих к нам.

Катарина уходит.

Люченцио

Коль чудеса бывают — это чудо!

Гортензио

Да, чудо. Только что оно сулит?

Петруччо

Сулит оно любовь, покой и радость,
Власть твердую, разумную покорность,
Ну, словом, то, что называют счастьем.

Б а п т и с т а

Так будь же счастлив, милый мой Петруччо!
Ты выиграл. А я тебе прибавлю
К их проигрышу двадцать тысяч крон.
Другая дочь — приданое другое!
Совсем переменялась Катарина.

П е т р у ч ч о

Чтоб мой заклад достался мне по праву,
Я покажу вам, как она послушна,
Какою стала кроткой и любезной.
Вот ваших дерзких жен ведет она,
В плен взяв их женской силой убежденья.

Возвращается К а т а р и н а с Б ь я н к о й и в д о в о й.

Кет, шапочка уродует тебя:
Скинь эту гадость, на пол брось сейчас же.

Катарина снимает шапочку и бросает ее на пол.

В д о в а

Дай бог мне в жизни горестей не знать,
Пока такой же душой я не стану!

Б ь я н к а

Такое поведенье просто глупо.

Л ю ч е н ц и о

Вот бы и вам вести себя так глупо,
А то на вашем мудром поведенье
Я сотню крон сегодня потерял.

Б ь я н к а

Так ты ведешь себя еще глупее,
Коль ставишь деньги на мою покорность.

П е т р у ч ч о

Кет, объясни строптивым этим женам,
Как следует мужьям повиноваться.

В д о в а

Вы шутите? К чему нам наставленья?

П е т р у ч ч о

Смелее, Кет! С нее и начинай.

В д о в а

Не будет этого!

П е т р у ч ч о

Нет, будет, говорю! С вас и начнет.

К а т а р и н а

Фи, стыдно! Ну, не хмурь сурово брови
И не пытайся ранить злобным взглядом
Супруга твоего и господина.
Гнев губит красоту твою, как холод —
Луга зеленые; уносит славу,
Как ветер почки. Никогда, нигде
И никому твой гнев не будет мил.
Ведь в раздраженье женщина подобна
Источнику, когда он взбаламучен,
И чистоты лишен, и красоты;
Не выпьет путник из него ни капли,
Как ни был бы он жаждою томим.
Муж — повелитель твой, защитник, жизнь,
Глава твоя. В заботах о тебе
Он трудится на суше и на море,
Не спит ночами в шторм, выносит стужу,
Пока ты дома нежишься в тепле,
Опасностей не зная и лишений.
А от тебя он хочет лишь любви,
Приветливого взгляда, послушанья —
Ничтожной платы за его труды.
Как подданный обязан государю,
Так женщина — супругу своему.
Когда ж она строптива, зла, упряма
И не покорна честной воле мужа,
Ну чем она не дерзостный мятежник,
Предатель властелина своего?
За вашу глуность женскую мне стыдно!
Вы там войну ведете, где должны,
Склонив колена, умолять о мире;
И властвовать хотите вы надменно
Там, где должны прислуживать смиренно.
Не для того ль так нежны мы и слабы,
Не приспособлены к невзгодам жизни,
Чтоб с нашим телом мысли и деянья
Сливались в гармоничном сочетанье.
Ничтожные, бессильные вы черви!

И я была заносчивой, как вы,
Строптивую и разумом и сердцем.
Я отвечала резкостью на резкость,
На слово — словом; но теперь я вижу,
Что не копьем — соломинкой мы бьемся,
Мы только слабостью своей сильны.
Чужую роль играть мы не должны.
Умерьте гнев! Что толку в спеси вздорной?
К ногам мужей склонитесь вы покорно;
И пусть супруг мой скажет только слово,
Свой долг пред ним я выполнить готова.

Петруччо

Ай да жена! Кет, поцелуй! Вот так!

Люченцио

Да, старина, твой счастлив будет брак.

Винченцио

Нам послушание детей — отрада.

Люченцио

Зато строптивость женщин хуже ада.

Петруччо

Кет, милая, в постель нам не пора ли?
Ну, что ж, друзья, вы оба проиграли.
Хоть мне никто удачи не пророчил,
Моя взяла! Желаю доброй ночи!

Петруччо и Катарина уходят.

Гортензио

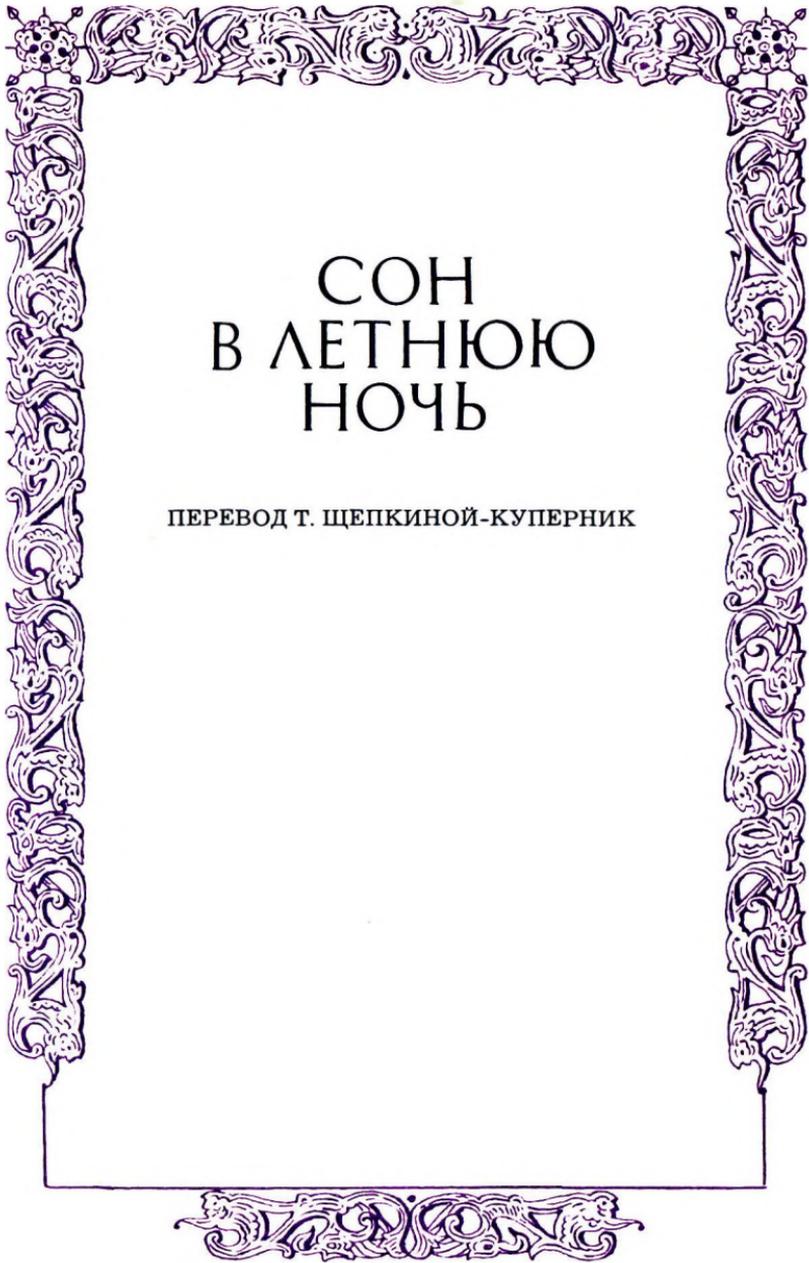
Строптивная смирилась. Поздравляю!

Люченцио

Но как она сдалась — не понимаю!

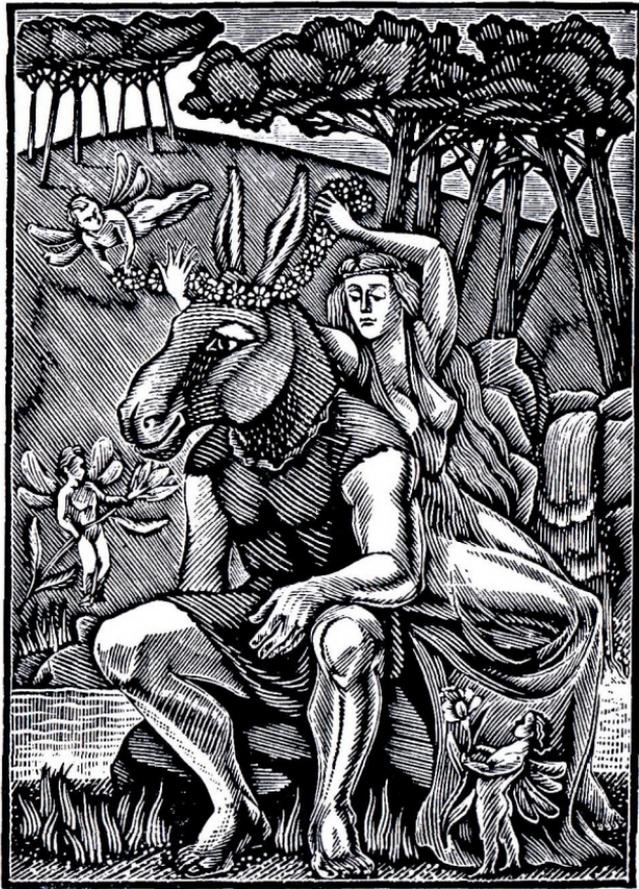
Уходят.





СОН
В ЛЕТНЮЮ
НОЧЬ

ПЕРЕВОД Т. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК





ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тезей, герцог Афинский.
Эгей, отец Гермии.
Лизандр } влюбленные в Гермию.
Деметрий }
Филострат, распорядитель увеселений при дворе
Тезея.
Пигва, плотник.
Миляга, столяр.
Основа, ткач.
Дудка, починщик раздувальных мехов.
Рыло, медник.
Заморыш, портной.
Ипполита, царица амазонок, обрученная с Тезеем.
Гермия, влюбленная в Лизандра.
Елена, влюбленная в Деметрия.
Оберон, царь фей и эльфов.
Титания, царица фей и эльфов.
Пэк, или Добрый Малый Робин, маленький эльф.
Душистый Горошек }
Паутинка } эльфы.
Мотылек }
Горчичное зерно }
Феи и эльфы, покорные Оберону и Титании, свита.

Место действия — Афины и лес поблизости.



АКТ I

СЦЕНА I

Афины, дворец Тезея.

Входят Тезей, Ипполита, Филострат и свита.

Тезей

Прекрасная, наш брачный час все ближе:
Четыре дня счастливых — новый месяц
Нам приведут. Но ах, как медлит старый!
Стоит он на пути к моим желаньям,
Как мачеха иль старая вдова,
Что юноши доходы заедает.

Ипполита

Четыре дня в ночах потонут быстро;
Четыре ночи в снах так быстро канут...
И полумесяц — лук из серебра,
Натянутый на небе, — озарит
Ночь нашей свадьбы!

Тезей

Филострат, ступай!

Расшевели всю молодежь в Афинах
И резвый дух веселья пробуди.
Печаль для похорон пусть остается:
Нам на пиру не нужно бледной гостью.

Филострат уходит.

Тезей

Тебя мечом я добыл, Ипполита,
Угрозами любви твоей добился,
Но свадьбу я в ином ключе сыграю:
Торжественно, и весело, и пышно!

Входят Эгей, Гермия, Лизандр и Деметрий.

Эгей

Будь счастлив, славный герцог наш Тезей!

Тезей

Благодарю тебя, Эгей! Что скажешь?

Эгей

Я в огорченье, с жалобой к тебе
На Гермию — да, на родную дочь! —
Деметрий, подойди! — Мой государь,
Вот тот, кому хотел отдать я дочь. —
Лизандр, и ты приблизься! — Государь мой!
А этот вот околдовал ей сердце. —
Ты, ты, Лизандр! Ты ей писал стихи,
Залогами любви менялся с ней,
Под окнами ее при лунном свете
Притворно пел любви притворной песни!
Ты в ход пускал, чтобы пленить ей сердце,
Браслеты, кольца из волос, конфеты,
Цветы, безделки, побрякушки — все,
Что юности неискушенной мило!
Коварством ты ее любовь похитил,
Ты послушанье, должное отцу,
В упрямство злое превратил! — Так если
Она при вас, мой государь, не даст
Согласия Деметрию, взываю
К старинному афинскому закону:
Раз дочь моя, могу всецело ею
Располагать; а я решил: Деметрий
Или — как предусмотрено законом
В подобных случаях — немедля смерть!

Тезей

Ну, Гермия, прекрасная девица,
Что скажешь ты? Обдумай хорошенько.

Отца должна считать ты как бы богом:
Он создал красоту твою, и ты
Им отлитая восковая форма;
Ее оставить иль разбить — он вправе.
Дементрий — человек вполне достойный.

Гермия

Лизандр мой — также.

Тезей

Да, сам по себе;
Но если твой отец не за него,
То, значит, тот достойней.

Гермия

Как бы я
Хотела, чтоб отец смотрел моими
Глазами!

Тезей

Нет! Скорей твои глаза
Должны его суждению подчиняться.

Гермия

Простите, ваша светлость, умоляю.
Сама не знаю, где нашла я смелость,
И можно ли, не оскорбляя скромность,
При всех мне так свободно говорить.
Но заклинаю, мне узнать позвольте:
Что самое плохое предстоит мне,
Когда я за Дементрия не выйду?

Тезей

Что? Смерть! Иль отречение навеки
От общества мужчин. Вот почему,
О Гермия, проверь себя. Подумай:
Ты молода... Свою спроси ты душу,
Когда пойдешь против отцовской воли:
Способна ль ты надеть наряд монашки,
Навек быть заключенной в монастырь,
Всю жизнь прожить монахиней бесплодной
И грустно петь луне холодной гимны?
Стократ блажен, кто кровь свою смиряет,

Чтоб на земле путь девственный свершить;
Но роза, в благовонье растворясь,
Счастливей той, что на кусте невинном
Цветет, живет, умрет — все одинокой!

Гермия

Так я цвести, и жить, и умереть
Хочу скорей, чем девичьи права
Отдать ему во власть! Его ярму
Душа моя не хочет покориться.

Тезей

Обдумай, Гермия! В день новолунья
(В день, что меня с моей любовью свяжет
На вечное содружество) должна
Ты быть готова: или умереть
За нарушение отцовской воли,
Иль обвенчаться с тем, кого он выбрал,
Иль дать навек у алтаря Дианы
Обет безбрачья и суровой жизни.

Деметрий

Смягчись, о Гермия! — А ты, Лизандр,
Моим правам беспорным уступи.

Лизандр

Деметрий, раз отец тебя так любит,
Отдай мне дочь, а сам женись на нем!

Эгей

Насмешник дерзкий! Да, любовь отца —
За ним и с ней все то, чем я владею.
Но дочь — моя, и все права над нею
Я отдаю Деметрию сполна!

Лизандр

Но, государь, с ним равен я рождением
Да и богатством; я люблю сильней;
По положенью я ничем не ниже,
Скорее даже выше, чем Деметрий;
А главное — что превышает все —
Я Гермией прекрасною любим!
К чему ж от прав моих мне отрекаться?

Деметрий — да, скажу ему в лицо —
В Елену, дочь Недара, был влюблен.
Ее увлек он. Нежная Елена
Непостоянного безумно любит,
Боготворит пустого человека!

Тезей

Признаться, я кой-что об этом слышал
И даже думал с ним потолковать;
Но, занятый важнейшими делами,
Забыл о том. — Иди со мной, Деметрий,
И ты, Эгей! Со мной идите оба,
И мы найдем, о чем поговорить! —
Ты ж, Гермия, старайся подчинить
Свои мечты желанию отца,
Не то предаст тебя закон афинский
(Которого мы изменить не в силах)
На смерть или на вечное безбрачье. —
Ну, Иполита... Что, любовь моя?
Идем... — Деметрий и Эгей — за мною:
Я поручу вам кое-что устроить
К торжественному дню и потолкую
О том, что вас касается обоих.

Эгей

Исполнить долг наш рады мы всегда.

Тезей, Иполита, Эгей, Деметрий и свита уходят.

Лизандр

Ну что, моя любовь? Как бледны щеки!
Как быстро вдруг на них увяли розы!

Гермия

Не оттого ль, что нет дождя, который
Из бури глаз моих легко добыть.

Лизандр

Увы! Я никогда еще не слышал
И не читал — в истории ли, в сказке ль, —
Чтоб гладким был путь истинной любви.
Но — или разница в происхожденье...

Гермия

О горе! Вышнему — плениться низшей!..

Л и з а н д р

Или различье в лётах...

Г е р м и я

О насмешка!

Быть слишком старым для невесты юной!

Л и з а н д р

Иль выбор близких и друзей...

Г е р м и я

О мука!

Но как любить по выбору чужому?

Л и з а н д р

А если выбор всем хорош, — война,
Болезнь иль смерть всегда грозят любви
И делают ее, как звук, мгновенной,
Как тень, летучей и, как сон, короткой.
Так молния, блеснув во мраке ночи,
Разверзнет гневно небеса и землю,
И раньше, чем воскликнем мы: «Смотри!» —
Ее уже поглотит бездна мрака —
Все яркое так быстро исчезает.

Г е р м и я

Но если для влюбленных неизбежно
Страданье и таков закон судьбы,
Так будем в испытаньях терпеливы:
Ведь это для любви обычной крест,
Приличный ей, — мечты, томленья, слезы,
Желанья, сны — любви несчастной свита!

Л и з а н д р

Да, ты права... Но, Гермия, послушай:
Есть тетка у меня. Она вдова,
Богатая, бездетная притом.
Живет отсюда милях так в семи.
Так вот: она меня как сына любит!
Там, Гермия, мы можем обвенчаться.
Жестокие афинские законы
Там не найдут нас. Если правда любишь,
Ты завтра в ночь уйди тайком из дома.

В лесу, в трех милях от Афин, в том месте,
Где встретил вас с Еленой (вы пришли
Свершать обряды майским утром, помнишь?),
Тебя я буду ждать.

Гермия

О мой Лизандр!
Клянусь крепчайшим луком Купидона,
Его стрелою лучшей, золотой,
Венериных голубок чистотой,
Огнем, в который бросилась Дидона,
Когда троянец поднял паруса, —
Всем, чем любовь связуют небеса,
Тьмой клятв мужских, нарушенных безбожно
(В чем женщинам догнать их невозможно),
Клянусь: в лесу, указанном тобой,
Я буду завтра ночью, милый мой!

Входит Елена.

Лизандр

Ты удержишь клятву... Но смотри — Елена!

Гермия

Привет! Куда идешь, мой друг прекрасный?

Елена

Прекрасна — я? О, не шути напрасно.
Твоя краса Деметрия пленяет,
Счастливица! Твой взор ему сияет
Светлей, чем звезды, голос твой милей,
Чем жаворонка песнь среди полей...
Будь красота прилипчивый недуг —
Я б заразилась у тебя, мой друг!
Переняла бы у тебя украдкой
И блеск очей, и нежность речи сладкой...
Будь мой весь мир — Деметрия скорей
Взяла б себе я; всем другим — владей!
Но научи меня: каким искусством
Деметрия ты завладела чувством?

Гермия

Я хмурю бровь — он любит все сильнеей.

Е л е н а

Такую власть — улыбке бы моей!

Г е р м и я

Клянусь его — в нем только ярче пламя!

Е л е н а

О, если б мне смягчить его мольбами!

Г е р м и я

Чем жестче я, тем он нежней со мной!

Е л е н а

Чем я нежней, тем жестче он со мной!

Г е р м и я

В его безумье — не моя вина.

Е л е н а

Твоей красы! О, будь моей, вина!

Г е р м и я

Я больше с ним не встречусь: не страдай.
Мы навсегда покинем этот край!
Пока я здесь жила, любви не зная,
Афины мне казались лучше рая...
И вот — любовь! Чем хороша она,
Когда из рая сделать ад вольна?

Л и з а н д р

Елена, друг, открою все тебе я:
Назавтра в ночь, едва узрит Фебея
Свой лик серебристый в зеркале речном,
Камыш усыпав жидким жемчугом, —
В час, что влюбленных тайны бережет,
Мы выйдем с ней из городских ворот.

Г е р м и я

В лесу, где часто, лежа меж цветами,
Делились мы девичьими мечтами,
Лизандр мой должен встретиться со мной,
И мы покинем город наш родной,
Ища иных друзей, иного круга.

Прощай же, детских игр моих подруга!
Прошу, о нашей помолись судьбе,
И бог пошли Деметрия тебе. —
Так помни уговор, Лизандр: до ночи
Должны поститься будут наши очи.

Л и з а н д р

Да, Гермия моя...

Гермия уходит.

Прощай, Елена!
Деметрия любви тебе желаю.
(Уходит.)

Е л е н а

Как счастлива одна в ущерб другой!
В Афинах с ней равна я красотой..
Что из того? Он слеп к моей красе:
Не хочет знать того, что знают все.
Он в заблужденье, Гермией плененный;
Я — также, им любуюсь ослепленно.
Любовь способна низкое прощать
И в доблести пороки превращать
И не глазами — сердцем выбирает:
За то ее слепой изображают.
Ей с здравым смыслом примириться трудно.
Без глаз — и крылья: символ безрассудной
Поспешности!.. Ее зовут — дитя;
Ведь обмануть легко ее шутя.
И как в игре божатся мальчуганы,
Так ей легки и нипочем обманы.
Пока он не был Гермией пленен,
То градом клятв в любви мне клялся он;
Но лишь от Гермии дохнуло жаром —
Растаял град, а с ним все клятвы даром.
Пойду ему их замыслы открою:
Он, верно, в лес пойдет ночной порою;
И если благодарность получу,
Я дорого за это заплачу.
Но мне в моей тоске и это много —
С ним вместе в лес и из лесу дорога!
(Уходит.)

СЦЕНА 2

Афины. Комната в хижине.

Входят Пигва, Миляга, Основа, Дудка, Рыло и
Заморыш.

Пигва. Вся ли наша компания в сборе?

Основа. А ты лучше сделай переключку: вызови нас всех по списку.

Пигва. Вот список с именами всех, кого нашли мало-мальски пригодными, чтобы представить нашу интермедию перед герцогом и герцогиней вечером в день их бракосочетанья.

Основа. Прежде всего, добрейший Питер Пигва, скажи нам, в чем состоит пьеса, потом прочти имена актеров — так и дойдешь до точки!

Пигва. Правильно! Пьеса наша — «Прежалостная комедия и весьма жестокая кончина Пирама и Фисбы».

Основа. Превосходная штучка, заверяю вас словом, и превеселая! Ну, добрейший Питер Пигва, теперь вызови всех актеров по списку. Граждане, стройтесь в ряд!

Пигва. Отвечайте по вызову!.. Ник Основа!

Основа. Есть! Назови мою роль и продолжай переключку.

Пигва. Тебя, Ник Основа, наметили на Пирама.

Основа. Что такое Пирам? Любовник или злодей?

Пигва. Любовник, который предоблестно убивает себя из-за любви.

Основа. Ага! Значит, тут требуются слезы, чтобы сыграть его как следует. Ну, если я возьмусь за эту роль — готовь, публика, носовые платки! Я бурю подниму... Я в некоторой степени сокрушаться буду... Но, сказать по правде, главное мое призвание — роли злодеев. Еркулеса я бы на редкость сыграл или вообще такую роль, чтобы землю грызть и все кругом в щепки разносить!

Послышится рев,
Удары бойцов —
И рухнет засов
Жестокой темницы.

А Фиб, светлый бог,
Далек и высок,
Изменит злой рок
Со своей колесницы!

Каково это было? Отменно, а? Ну, вызывай других актеров. Вот вам была манера Еркулеса, характер злодея: любовник — куда слезоточивее.

П и г в а. Френсис Дудка, починщик раздувальных мехов!

Д у д к а. Есть, Питер Пигва!

П и г в а. Ты должен взять на себя роль Фисбы.

Д у д к а. А кто это будет Фисба? Странствующий рыцарь?

П и г в а. Нет, это дама, в которую влюблен Пирам.

Д у д к а. Нет, честью прошу, не заставляйте меня играть женщину: у меня борода пробивается!

П и г в а. Ничего не значит; можешь играть в маске и будешь пищать самым тоненьким голоском.

О с н о в а. А! Если можно играть в маске — давайте, я вам и Фисбу сыграю: я могу говорить чудовищно тоненьким голосом. «Твоя, твоя... Ах, Пирам, мой любовник дорогой! Я твоя Фисба дорогая, я твоя дама дорогая!»

П и г в а. Нет! Нет! Ты должен играть Пирама, а ты, Дудка, — Фисбу.

О с н о в а. Ну ладно. Валяй дальше!

П и г в а. Робин Заморыш, портной!

З а м о р ы ш. Есть, Питер Пигва!

П и г в а. Заморыш, ты будешь играть мать Фисбы. — Томас Рыло, медник!

Р ы л о. Есть, Питер Пигва!

П и г в а. Ты — Пирамов отец. Я сыграю Фисбина отца. — Миляга, столяр, ты получаешь роль Льва. Ну вот, надеюсь, что пьеса расходится у нас прекрасно.

М и л ы г а. А у вас роль Льва переписана? Вы мне теперь же ее дадите, а то у меня память очень туга на ученье.

П и г в а. Тут и учить-то нечего, и так сыграешь: тебе придется только рычать.

О с н о в а. Давайте я вам и Льва сыграю! Я так буду рычать, что у вас сердце радоваться будет; я так буду рычать, что сам герцог обязательно скажет: «А ну-ка, пусть его еще порычит, пусть еще порычит!»

П и г в а. Ну, если ты будешь так страшно рычать, ты, пожалуй, герцогиню и всех дам насмерть перепугаешь; они тоже завопят, а этого будет довольно, чтобы нас всех перевешали!

В с е. Да, да, перевешают всех до одного!

О с н о в а. Это я с вами, друзья, согласен, что если мы настраиваем дам, так лучшего ничего не придумаю, как нас всех вздернуть. Но я сумею так переделать мой голос, что буду рычать нежно, что твой птенчик-голубенок; буду вам рычать, что твой соловушка!

П и г в а. Никакой тебе роли нельзя играть, кроме Пирама, потому что Пирам — красивый молодец, как раз такой настоящий мужчина во цвете лет, первосортный мужчина, благовоспитанный, с манерами, ну, словом, точь-в-точь такой, как ты... Тебе только и играть Пирама.

О с н о в а. Ладно, согласен, беру роль. А в какой бороде мне ее играть?

П и г в а. Да в какой хочешь.

О с н о в а. Ладно. Я вам его представлю в бороде соломенного цвета. Или лучше в оранжево-бурой? Или в пурпурово-рыжей? Или, может быть, цвета французской короны — чисто желтого цвета?

П и г в а. У некоторых французских корон и вовсе никаких волос нет, и придется тебе играть с голой физиономией... — Ну, граждане, вот вам ваши роли, и я прошу вас, умоляю вас и заклинаю вас — вызубрить их наизусть к завтрашнему вечеру. А вечером приходите в дворцовый лес, в одной миле от города: там мы при лунном свете устроим репетицию. А то, если будем собираться в городе, об этом пронюхают и выболтают нашу затею. А пока что я составлю список бутафории, которая нам нужна для пьесы. И прошу вас — не подведите меня.

О с н о в а. Придем обязательно. Там можно будет репетировать, как говорится, бесцеремоннее, вольнее. Постарайтесь, не ударьте в грязь лицом! Пока будьте здоровы!

П и г в а. Встреча — у герцогского дуба.

О с н о в а. Ладно. Хоть удавитесь, а будьте на месте.

Уходят.

АКТ II

СЦЕНА I

Лес поблизости от Афин.

Появляются с разных сторон фея и Пэк.

Пэк

А, фея! Здравствуй! А куда твой путь?

Фея

Над холмами, над долами,
Сквозь терновник, по кустам,
Над водами, через пламя
Я блуждаю тут и там!
Я лечу луны быстрее,
Я служу царице фей,
Круг в траве кроплю росой.
Буквицы — ее конвой.
Видишь золотой наряд?
Пятнышки на нем горят:
То рубины, цвет царицы,
В них весь аромат таится.
Для буквиц мне запас росинок нужен —
Вдеть каждой в ушки серьги из жемчужин.
Прощай, дух-увалень! Лечу вперед.
Сюда ж царица с эльфами придет.

Пэк

Мой царь здесь ночью будет веселиться, —
Смотри, чтоб с ним не встретилась царица!
Он на нее взбешен, разгневан — страх!
Из-за ребенка, что при ней в пажках
(Похищен у индийского султана).
Она балует, рядит мальчугана,
А Оберон-ревнивец хочет взять
Его себе, чтоб с ним в лесах блуждать.
Царица же всю радость видит в нем,
Не отдает! С тех пор лишь над ручьем,
На озаренной светом звезд полянке
Они сойдутся — вмиг за перебранки,
Да так, что эльфы все со страху — прочь,
Залезут в желудь и дрожат всю ночь!

Ф е я

Да ты... не ошибаюсь я, пожалуй:
Повадки, вид... ты — Добрый Малый Робин?
Тот, кто пугает сельских рукодельниц,
Ломает им и портит ручки мельниц,
Мешает масло сбить исподтишка,
То сливки снимает с молока,
То забродить дрожжам мешает в браге,
То ночью водит путников в овраге;
Но если кто зовет его дружкой —
Тем помогает, счастье вносит в дом.
Ты — Пэк?

П э к

Ну да, я — Добрый Малый Робин,
Веселый дух, ночной бродяга шальный.
В шутах у Оберона я служу...
То перед сытым жеребцом заржу,
Как кобылица; то еще дурачусь:
Вдруг яблоком печеным в кружку спрячусь,
И лишь сберется кумушка хлебнуть,
Оттуда я к ней в губы — скок! И грудь
Обвислую всю окачу ей пивом.
Иль тетке, что ведет рассказ плаксиво,
Трехногим стулом покажусь в углу:
Вдруг выскользнут — тррах! — тетка на полу.
Ну кашлять, ну вопить! Пойдет потеха!
Все умирают, лопааясь от смеха,
И, за бока держась, твердит весь хор,
Что не смеялись так до этих пор...
Но, фея, прочь! Вот царь. Ступай отсюда.

Ф е я

А вот она! Ах, не было бы худа!

Входят с одной стороны Оберон со своей свитой,
с другой Титания со своей.

Оберон

Не в добрый час я при сиянье лунном
Надменную Титанию встречаю.

Титания

Как, это ты, ревнивец Оберон? —
Летимте, эльфы, прочь! Я отрекаюсь
От общества и ложа Оберона.

Оберон

Постой, негодная! Не я ль супруг твой?

Титания

Так, я — твоя супруга! Но я знаю
Как ты тайком волшебный край покинул
И в образе Корина на свирели
Играл весь день и пел стихи любви
Филлиде нежной. А зачем ты здесь?
Из дальней Индии затем явился,
Что дерзкую любовницу твою,
В котурнах амазонку, нынче в жены
Берет Тезей, и хочешь ты их ложу
И счастье и радость даровать?

Оберон

Стыдись, стыдись, Титания! Тебе ли
Меня за Ипполиту упрекать?
Я знаю ведь твою любовь к Тезею!
Не ты ль его в мерцанье звездной ночи
От бедной Перигены увела?
Не для тебя ль безжалостно он бросил
Эгмею, Ариадну, Антиопу?

Титания

Всё измышленья ревности твоей!
Уж с середины лета мы не можем
Сойтись в лугах, в лесу, у шумной речки,
У камнем обнесенного ключа,
На золотом песке, омытом морем,
Водить круги под свист и песни ветра,
Чтоб криком не мешал ты нашим играм!
И ветры нам напрасно пели песни.
В отместку подняли они из моря
Зловредные туманы. Те дождем
На землю пали. Реки рассердились
И вышли, возгордясь, из берегов.
С тех пор напрасно тянет вол ярмо,
Напрасно пахарь льет свой пот: хлеба
Сгнивают, усиков не отрастив.
Пусты загоны в залитых полях,
От падали вороны разжирели...

Грязь занесла следы веселых игр;
Тропинок нет в зеленых лабиринтах:
Зарос их след, и не найти его!
Уж смертные зимы скорее просят;
Не слышно песен по ночам у них...
И вот луна, властительница вод,
Бледна от гнева, воздух весь омыла
И ревматизмы всюду развела.
Мешаются все времена в смятенье:
И падает седоголовый иней
К пунцовой розе в свежие объятия;
Зато к короне ледяной зимы
Венок душистый из бутонов летних
В насмешку прикреплен. Весна, и лето,
Рожающая осень, и зима
Меняются нарядом, и не может
Мир изумленный различить времен!
Но бедствия такие появились
Все из-за наших ссор и несогласий:
Мы — их причина, мы их создаем.

Оберон

В твоих руках все изменить: к чему
Титания перечит Оберону?
Ведь я прошу немногого: отдай
Ты мальчика в пажи мне!

Титания

Будь спокоен:
За весь твой край волшебный не отдам!
Ведь мать его была моею жрицей!
С ней в пряном воздухе ночей индийских
На золотых нептуновых песках
Сидели часто мы, суда считая.
Смеялись с ней, смотря, как паруса,
Беременные ветром, надувались...
Она шутя им мило подражала
(В то время тяжела она была
Моим любимцем) и плыла, как будто
С какой-нибудь безделкой возвращаясь
Ко мне, как бы из плаванья с товаром...
Но смертною была моя подруга,
И этот мальчик стоил жизни ей.

Любя ее, ребенка я взлелею;
Любя ее, я не отдам его!

Оберон

Как долго ты пробудешь здесь в лесу?

Титания

Должно быть, до венчания Тезея.
Коль хочешь с нами мирно танцевать
И веселиться при луне — останься.
Коль нет — ступай, и я уйду подальше.

Оберон

Отдай ребенка, я пойду с тобой!

Титания

Ни за волшебный край! — За мною, эльфы!
Коль не уйду — поссоримся навек.

Титания и ее свита уходят.

Оберон

Иди! Ты не уйдешь из леса раньше,
Чем за обиду я не отомщу. —
Мой милый Пэк, поди сюда! Ты помнишь,
Как слушал я у моря песнь сирены,
Взобравшейся к дельфину на хребет?
Так сладостны и гармоничны были
Те звуки, что сам грубый океан
Учтиво стихнул, внемля этой песне,
А звезды, как безумные, срывались
С своих высот, чтоб слушать песнь...

Пэк

Я помню!

Оберон

В тот миг я увидел (хоть ты не видел):
Между луной холодной и землею
Летел вооруженный Купидон.
В царящую на Западе Весталку
Он целился и так пустил стрелу,
Что тысячи сердец пронзить бы мог!
Но огненная стрелка вдруг погасла

Во влажности лучей луны невинной,
А царственная жрица удалилась
В раздумье девственном, чужда любви.
Но видел я, куда стрела упала:
На Западе есть маленький цветок;
Из белого он алым стал от раны!
«Любовью в праздности» его зовут.
Найди его! Как он растет, ты знаешь...
И если соком этого цветка
Мы смажем веки спящему, — проснувшись,
Он в первое живое существо,
Что он увидит, влюбится безумно.
Найди цветок и возвратись скорее,
Чем мило проплывет Левиафан.

П э к

Весь шар земной готов я облететь
За полчаса.

(Исчезает.)

О б е р о н

Добывши этот сок,
Титанию застигну спящей я,
В глаза ей брызну жидкостью волшебной,
И первый, на кого она посмотрит,
Проснувшись, — будь то лев, медведь, иль волк,
Иль бык, иль хлопотливая мартышка, —
За ним она душою устремится,
И раньше, чем с нее сниму я чары
(Что я могу другой травой сделать),
Она сама мне мальчика отдаст!
Но кто сюда идет? Я невидимкой
Могу подслушать смертных разговор.

Входит Д е м е т р и й; Е л е н а следует за ним.

Д е м е т р и й

Я не люблю тебя! Оставь меня!
Ну, где же Гермия и где Лизандр?
Хочу убить его, — убит я ею!
Сказала ты: они бежали в лес...
Ну вот, я здесь — я пнем стою в лесу,
А Гермии здесь нету и в помине!
Пошла ты прочь и не тянись за мной!

Е л е н а

Ты притянул меня, магнит жестокий,
Хоть не железо тянешь ты, а сердце,
Которое в любви верней, чем сталь.
Брось привлекать — не стану я тянуться.

Д е м е т р и й

Да разве я любезничал с тобою?
Я завлекал тебя? Сказал я прямо,
Что не люблю, не люблю тебя.

Е л е н а

А я зато люблю тебя все больше.
Ведь я твоя собачка: бей сильнее —
Я буду лишь в ответ вилять хвостом.
Ну, поступай со мной как с собачонкой:
Пинай ногою, бей, гони меня;
Позволь одно мне только, недостойной
(Могла ли бы я меньшее просить?) —
Чтоб, как собаку, ты меня терпел.

Д е м е т р и й

Не искушай ты ненависть мою.
Меня тошнит, когда тебя я вижу.

Е л е н а

А я больна, когда тебя не вижу.

Д е м е т р и й

Свою ты скромность подвергаешь риску,
Покинув город и отдав себя
Тому на волю, кто тебя не любит:
Ты доверяешь искушеньям ночи
И злым внушеньям этих мест пустынных
Сокровище невинности своей.

Е л е н а

Твоя же честь защитой будет мне!
Твое лицо мне освещает ночь.
Пустынным этот лес я не считаю;
Ты здесь со мной, ты для меня — весь мир.
Как я могу сказать, что я одна,
Когда весь мир здесь смотрит на меня?

Д е м е т р и й

Я убегу и спрячусь в чаще леса,
Тебя ж зверям я брошу на съеденье.

Е л е н а

Ах! Самый лютей зверь добрей! Ну что ж,
Беги. Пусть переменятся все сказки:
Пусть гонится за Аполлоном Дафна,
Голубка — за грифоном, лань — за тигром, —
Бесцельная погоня, если храбрость
Бежит, а робость гонится за ней!

Д е м е т р и й

Довольно, не хочу я больше слушать!
Пусти! А если побежишь за мною,
Тебе в лесу я причину обиду!

Е л е н а

Ах, ты давно обиды мне наносишь
Везде — во храме, в городе и в поле.
Стыдись! Во мне ты оскорбил всех женщин.
Нам не пристало за любовь сражаться:
Нас молят, ваше дело — умолять.
Я не отстану. Ад бывает раем,
Коль от руки любимой умираем.

Деметрий и Елена уходят.

О б е р о н

Путь добрый, нимфа! Минет ночь — и будешь
Ты убегать, он гнаться за тобой!

Появляется П э к.

Привет мой, странник! Что, нашел цветок?

П э к

Да, вот он!

О б е р о н

О! Давай его скорей!
Есть холм в лесу: там дикий тмин растет,
Фиалка рядом с буквицей цветет,

И жимолость свой полог ароматный
Сплела с душистой розою мускатной;
Там, утомясь веселою игрой,
Царица любит отдыхать порой;
Из сброшенной змеей блестящей кожи —
Для феи покрывало там на ложе.
Там ей в глаза вгущу волшебный сок,
Чтоб странный бред Титанию увлек.
Но часть — возьми: блуждает здесь по лесу
Красавица, в надменного повесу
Влюбленная. Ему глаза ты смажь,
Но постарайся, чтоб красавец наш
Ее увидел, чуть откроет вежды.
Ищи: на нем афинские одежды.
Да сделай так, смотри, чтоб непременно
Сильней ее влюбился он мгновенно.
Вернись, покуда не пропел петух.

П э к

Не бойся, все исполнит верный дух.

Уходят.

СЦЕНА 2

Другая часть леса.

Входит Титания со своей свитой.

Т и т а н и я

Составьте круг теперь и спойте песню!
Потом на треть минуты — все отсюда:
Кто — убивать червей в мускатных розах,
Кто — добывать мышшей летучих крылья
Для эльфов на плащи, кто — сов гонять,
Что ухают всю ночь, дивясь на нас.
Теперь вы убаюкайте меня,
Потом ступайте: я хочу уснуть.

П е р в ы й э л ь ф (поет)

В пестрых пятнах медяницы
И колючие ежи,

Прочь, подальше от царицы,
Змеи, черви и ужи!

Х о р

Сладкогласный соловей,
С нашей песней песню слей!
Баю, баю, баю, баю, баю, баю, баю, бай!
Козни, чары вражьих ков,
Не смущайте светлых снов.
Спи, царица, отдыхай.
Доброй ночи, баю, бай!

П е р в ы й э л ь ф

Вы не смейте делать худо,
Долгоножки-пауки!
Все улитки, прочь отсюда!
Сгиньте, черные жуки!

Х о р

Сладкогласный соловей,
С нашей песней песню слей!
Баю, баю... и т. д.

В т о р о й э л ь ф

Спокойно все... Теперь — летим.
Один — останься часовым!

Эльфы исчезают. Титания засыпает. Появляется О б е р о н.

О б е р о н

(выжимая цветок на глаза Титании)

Что увидишь, как проснешься,
Все душой тем увлечешься.
Пусть любовь тебя гнетет:
Будь то волк, медведь, иль кот,
Иль с щетиной жесткой боров —
Для твоих влюбленных взоров
Станет он всего милей.
Как придет, проснись скорей!
(Исчезает.)

Входят Л и з а н д р и Г е р м и я.

Л и з а н д р

Любовь моя! Устала ты блуждать,
Но признаюсь, что сбился я с дороги.
Не хочешь ли прилечь и подождать,
Чтоб новый день рассеял все тревоги?

Г е р м и я

Ну что ж, тогда найди себе приют;
А я на мшистый склон прилягу тут.

Л и з а н д р

На тот же мох и я прилягу тоже:
Одно в нас сердце, пусть одно и ложе!

Г е р м и я

Нет, нет, Лизандр мой! Я тебя люблю,
Но ляг подальше, я о том молю!

Л и з а н д р

Мой друг, пойми невинность слов моих,
Любовь тебе понять поможет их.
Хотел сказать я, что любовь чудесно
В одно слила два наших сердца тесно
И клятвою их так связала оба,
Что верность в них одна живет до гроба.
В местечке рядом мне не откажи:
Поверь, что не способен я ко лжи.

Г е р м и я

Словами ты играешь преискусно;
Но гордости моей как было б грустно,
Когда в тебе я допустила б ложь!
Но уваженье и любовь ты все ж
Докажешь мне, коль дальше отойдешь:
Для юноши с девицей стыд людской
Не допускает близости такой...
Ляг дальше. Спи спокойно, без забот;
И только с жизнью пусть любовь пройдет.

Л и з а н д р

Аминь, аминь, — вослед твоей мольбе,
И пусть умру, коль изменю тебе.
Здесь лягу я. Во сне найди вновь силы!

Г е р м и я

Того же и тебе желаю, милый!

Засыпают.

Входит П э к.

П э к

Я прошел весь лес насквозь:
Никого там не нашлось,
Чтоб на нем проверить мог
Я цветка волшебный сок.
Ночь... Молчанье... Тсс! Кто там?
Да не он ли это сам?
Это он, сомненья нет:
По-афински он одет.
Вот и девушка здесь тоже
Сладко спит на влажном ложе.
Ах, бедняжка! Так нежна...
И не смела лечь она
К бессердечному поближе?
О, злодей! Ну, погоди же!
(Выжимает сок цветка на глаза Лизандру.)
Властью чар поработчен,
Пусть, едва проснется, он
От любви утратит сон.
Я ж лечу: ждет Оберон!
(Исчезает.)

Входит Д е м е т р и й, за ним бежит Е л е н а.

Е л е н а

О, подожди! Убей меня, убей!

Д е м е т р и й

Я говорю: прочь с глаз моих скорей!

Е л е н а

Одну меня ты бросишь? Поцади!

Д е м е т р и й

Оставь меня, не то... Пусти! Уйди!
(Убегает.)

Е л е н а

Нет сил! В погоне я изнемогаю.
Чем больше просьб, тем меньше достигаю.
О, счастье ей, — где б ни была она, —
Что прелесть звезд глазам ее дана!
И почему те звезды так блестящи?
Не от соленых слез: я плачу чаще!
Нет, я дурна, противна, как медведь!
Зверь на меня боится посмотреть.
Так как же мне Деметрию дивиться,
Что он, как зверь, прочь от меня стремится?
Как, зеркало, ты, лживое стекло,
Равняться с ней позволить мне могло?
Но что это? Лизандр? Он здесь лежит!
Но мертв иль спит? Нет крови: не убит.
Проснитесь, о Лизандр, мой друг! Что с вами?

Л и з а н д р (просыпаясь)

Я за тебя с восторгом кинусь в пламя,
Прозрачная Елена! Вижу я,
Как в красоте сквозит душа твоя.
Деметрий где? Вот имя для того,
Кто от меча погибнет моего!

Е л е н а

Нет, нет, Лизандр, вы так не говорите.
Пускай ее он любит; но поймите:
Она вас любит — этого довольно!

Л и з а н д р

Довольно? Нет! Мне тяжело и больно,
Что с ней я время тратил добровольно!
Не Гермию люблю — люблю Елену.
Голубку взял вороне я в замену.
Ведь у рассудка воля в подчиненье,
А он сказал: ты выше без сравненья!
До времени ведь не созреть плодам:
Я молод был доселе по годам,
Но разум мой созрел до основанья
И ныне стал вождем моим желаньям.
В твоих глазах читаю в этот миг
Рассказ любви в прекраснейшей из книг.

Е л е н а

За что обречена я на мученья?
Чем заслужила эти оскорбленья?
Иль мало вам, иль мало вам того,
Что ласки я не вижу от него,
Что надо мной смеялись вы безбожно?
Нет, хуже поступить едва ль возможно!
Стыдиться б надо шутки вам дурной:
В насмешку вдруг ухаживать за мной!
Прощайте! Но должна я вам заметить,
Что больше рыцарства ждала в вас встретить.
О боги! Быть отвергнутой одним,
Чтоб грубо быть осмеянной другим!
(Убегает.)

Л и з а н д р

А! Гермии не видела она!
Спи, Гермия! Ты мне уж не нужна.
Да, так в нас вызывает отвращенье
Излишек в лакомстве иль пресыщенье.
Так ересь после возмущает тех,
Кого прельщала, — точно тяжкий грех.
Была такой ты ересью моей:
Пусть все тебя клянут, я — всех сильней!
Все силы я отдам во власть Елены:
Любить ее, служить ей без измены.
(Убегает.)

Г е р м и я (просыпаясь)

Лизандр мой, помоги! Скорей приди,
Ползучую змею сорви с груди!..
О страшный сон!.. Дрожу от страха я.
Мне снилось, что ужасная змея
Мне грызла сердце. Было тяжело, душно,
А ты смотрел с улыбкой равнодушно.
Лизандр! Как! Нет? Ушел? О мой супруг!..
Не слышит он? Откликнись, милый друг,
Во имя всей любви! Да что же это?
Лишаюсь чувств от страха. Нет ответа?
Так, значит, мне на поиски идти?
Найти его — иль смерть свою найти!
(Убегает.)

АКТ III

СЦЕНА 1

Лес.

Титания спит.

Входят Пигва, Миляга, Основа, Дудка, Рыло и
Заморыш.

Основа. Вся ли наша компания в сборе?

Пигва. Все налицо. А вот и замечательно подходящее местечко для нашей репетиции. Вот эта зеленая лужайка будет нашей сценой, эти кусты боярышника — уборной, и мы можем представлять все в точности как перед самим герцогом.

Основа. Питер Пигва!

Пигва. Что скажешь, удалец Основа?

Основа. А то, что в этой комедии о Пираме и Фисбе есть вещи, которые никому не понравятся. Во-первых, Пираму придется вынуть меч, чтобы заколоться; а дамы этого совершенно не выносят. Что же вы на это можете ответить?

Рыло. Ах ты, сделай милость — это опасная штука!

Заморыш. Я полагаю, что придется нам в конце концов самоубийство вымарать.

Основа. Ничего подобного! Я придумал такую хитрую штуку, что все великолепно обойдется. Напишите вы мне пролог, и пусть этот Пролог доложит публике, что, мол, мечи наши никакой беды наделать не могут и что Пирам на самом деле вовсе не закалывается; а чтобы окончательно их уверить в этом, пусть он скажет, что, мол, я, Пирам, вовсе и не Пирам, а ткач Основа: это всех совершенно и успокоит.

Пигва. Отлично, закажем пролог, велим его написать восьмисложными и шестисложными стихами.

Основа. Не пожалейте лишних двух стоп: пусть уж будут восьмисложные с восьмисложными.

Рыло. А не испугаются дамы Льва?

Заморыш. Ох, боюсь, что испугаются, — ручаюсь вам.

Основа. Друзья, об этом надо хорошенько подумать! Вывести Льва к дамам!.. Сохрани нас бог! Это

страшная затея. Ведь опаснее дичины нет, чем лев, да еще живой! Надо это иметь в виду.

Рыло. Так пускай другой Пролог объяснит, что Лев совсем не лев.

Основа. Нет, вот что: надо, чтобы он назвал себя по имени. Потом, чтобы полфизиономии его было видно из-под львиной шкуры. А он сам пусть заговорит и скажет что-нибудь в таком роде: «сударыня, позвольте мне просить вас...», или: «позвольте мне умолять вас...», или: «позвольте мне заклинать вас — не дрожать и не бояться: я готов за вас жизнь свою отдать! Будь я в самом деле львом — плохо мне пришлось бы здесь. Но я вовсе не лев, ничего подобного, я такой же человек, как и все другие». И тут пусть он себя назовет: так прямо и скажет, что он, мол, столяр Миляга!

Пигва. Ладно, так и порешим. Теперь остаются еще две трудности. Как устроить лунный свет в комнате? Потому что, знаете ли, у Пирама и Фисбы — свидание при лунном свете.

Рыло. А будет луна в вечер нашего представления?

Основа. Календарь, календарь! Поглядите в альманах: найдите луну, найдите луну!

Пигва. Да, будет луна.

Основа. Так чего проще — открыть пошире окно в той комнате, где мы будем играть: луну и будет видно.

Пигва. Пожалуй. А то можно еще так: кто-нибудь должен войти с кустом и с фонарем и объяснить, что он фигурирует, то есть изображает лунный свет. Отлично! А второе вот что: в комнате еще необходима стена, потому что, по пьесе, Пирам и Фисба разговаривают через щель в стене.

Рыло. Стену в комнату втащить никак не возможно. Что ты скажешь, Основа?

Основа. Опять-таки кто-нибудь нам сыграет стену! Мы его подмажем штукатуркой, глиной и цементом; это и будет значить, что он — стена. А пальцы он пускай вот так растопырит, и сквозь эту щель Пирам и Фисба и будут шептаться.

Пигва. Ну, раз все так хорошо устраивается, то у нас все обстоит благополучно. Садитесь, и пусть каждый твердит свою роль. Пирам, тебе начинать! Как только отговоришь свои слова, так ступай в кусты. И так — каждый, сообразно своей роли.

Сзади них появляется П э к.

П э к

Что здесь за сброд мужланов расшумелся
Так близко от царицы? Ба! Тут пьеса!
Ну что ж, я буду зрителем у них,
При случае, быть может, и актером!

П и г в а. Начинай, Пирам! А ты, Фисба, приготовься.

О с н о в а

«О Фисба, цвет цветочков бездыханных!»

П и г в а

«Цветов благоуханных!»

О с н о в а

«...цветов благоуханных!
Твое дыхание, о Фисба, друг драгой!
Но чу! Я слышу глас! Остаюсь здесь покуда:
А вскоре, вскоре вновь я здесь с тобою буду!»
(Уходит.)

П э к (в сторону). Чуднее я не видывал Пирама! (Исчезает.)

Д у д к а. Теперь мне говорить?

П и г в а. Ну да, тебе. Имей в виду, он только пошел взглянуть, что там за шум, и сейчас должен вернуться.

Д у д к а

«Блистательный Пирам, чей лик, белей лилей
И алых роз алей, предивно расцветает!
Юнейший юноша, всех миленьких милей,
Верней, чем верный конь, что устали не знает...
Клянусь, мы встретимся у Ниновской гробницы...»

П и г в а. «У Ниновой гробницы», малый. Да только это еще рано говорить: это ты отвечаешь Пираму. А ты хочешь всю роль сразу отбарабанить! Пирам, ну что же ты! Ты реплику прозевал; твоя реплика: «Что устали не знает...»

Д у д к а

«О! Верный конь, что устали не знает!»

Входят П э к и О с н о в а с ослиной головой.

О с н о в а

«Будь я прекрасней всех, о Фисба, все ж я твой!..»

П и г в а. О ужас! О чудо! Здесь нечистая сила! Молитесь, друзья! Спасайтесь, друзья!.. На помощь!

Пигва, Дудка, Миляга, Рыло и Заморьш убегают.

П э к

Я за вами пойду, я вас в круг заведу;
Сквозь кусты, через гать буду гнать и пугать.
То прикинусь конем, то зажгусь огоньком,
Буду хрюкать и ржать, жечь, реветь и рычать,
То как пес, то как конь, то как жгучий огонь!
(Убегает.)

О с н о в а. Чего это они все удирают? Знаю я: это шутики, чтобы напугать меня.

Вбегает Р ы л о.

Р ы л о. Ох, Основа! Тебя подменили! Что это я на тебе вижу?

О с н о в а. Чего тебе видеть, кроме собственной ослиной головы?

Рыло убегает.

Вбегает П и г в а.

П и г в а. Спаси тебя бог, Основа, спаси тебя бог! Ты стал оборотнем! (Убегает.)

О с н о в а. Вижу я их плутни! Они хотят осла из меня сделать. Напугать меня! Кабы могли... А я и с места не сдвинусь, что бы они ни вытворяли. Буду здесь разгуливать да песни петь: пускай слышат, что я и не думаю бояться. (Поет.)

«Эй, черный дрозд, эй, черный хвост,
Оранжевый носок.
И сладкозвучный певчий дрозд,
И крошка-королек!»

Т и т а н и я
(просыпаясь)

О, что за ангел пробудил меня
Среди цветов?

О с н о в а
(поет)

«Щегленок, зяблик, воробей,
Кукушка с песнею своей,
Которой человек в ответ
Сказать не часто смеет: нет!»

Да и правда: кто станет спорить с такой глупой птицей?
Кто ей скажет, что она врет, сколько бы она ни кричала
свое «ку-ку»?

Т и т а н и я

Прошу, прекрасный смертный, спой еще!
Твой голос мне чарует слух, твой образ
Пленяет взор. Достоинства твои
Меня невольно вынуждают сразу
Сказать, поклясться, что тебя люблю я!

О с н о в а. По-моему, сударыня, у вас для этого не
очень-то много резону. А впрочем, правду говоря, лю-
бовь с рассудком редко живут в ладу в наше вре-
мя, — разве какие-нибудь добрые соседи возьмутся
помирить их. Что? Разве я не умею пошутить при
случае?

Т и т а н и я. Ты так же мудр, как и хорош собой!

О с н о в а. Ну, это, положим, преувеличение. Но
будь у меня достаточно смекалки, чтобы выбраться из
этого леса, — вот бы с меня и хватило.

Т и т а н и я

Покинуть лес!.. Не думай и пытаться.
Желай иль нет — ты должен здесь остаться.
Могуществом я высшая из фей.
Весна всегда царит в стране моей.
Тебя люблю я. Следуй же за мной!
К тебе приставлю эльфов легкий рой,
Чтоб жемчуг доставать тебе со дна,
Баюкать средь цветов во время сна.
Я изменю твой грубый смертный прах:
Как эльф, витать ты будешь в облаках.
Скорей ко мне, Горчичное Зерно,
Горошек, Паутинка, Мотылек!

Появляются ч е т ы р е э л ь ф а.

Душистый Горошек
Я здесь!

Паутинка
И я!

Мотылек и Горчичное Зерно
И мы!
Все четверо

Куда лететь нам?

Титания

Вот господин ваш: вы ему служите,
Его воздушной пляской окружите,
Кормите виноградом, ежевикой,
Берите мед ему от пчелки дикой,
А из пчелиных лапок восковых
Наделайте светильников ночных;
О звезды светляков их зажигайте
И милого на отдых провожайте,
Взяв крылья мотыльков на опахала,
Чтоб спать ему луна не помешала.
Склонитесь и приветствуйте его!

Эльфы

Привет тебе! Привет! Привет, о смертный!

О с н о в а. Сердечно признателен вашей милости.
Нельзя ли узнать, как имя вашей милости?

П а у т и н к а. Паутинка.

О с н о в а. Очень рад буду с вами ближе познакомиться, любезная госпожа Паутинка. Если я обрежу себе палец, я обращусь к вам за помощью. — А ваше имя, почтеннейший?

Д у ш и с т ы й Г о р о ш е к. Душистый Горошек.

О с н о в а. Позвольте попросить вас передать поклон госпоже Горошине, вашей матушке, и господину Стручку, вашему батюшке. Очень рад буду с вами поближе познакомиться. — А как вас зовут, сударь мой, прошу вас?

Г о р ч и ч н о е З е р н о. Горчичное Зерно.

О с н о в а. Добрейший господин Горчичное Зерно! Я хорошо знаю ваше долготерпение. Этот бессовестный великан Ростбиф пожрал не одного члена вашей

семьи. Уверяю вас, я не раз проливал слезы из-за вашей родни. Очень, очень рад буду с вами поближе познакомиться.

Т и т а н и я

Идите ж с милым к моему покою.
Луна как будто плачет в высоте.
Она в слезах; цветы полны тоскою
О чьей-нибудь погибшей чистоте.
Связав ему уста, ведите молча.

Уходят.

СЦЕНА 2

Другая часть леса.
Входит О б е р о н.

О б е р о н

Хотел бы знать, проснулась ли царица
И кто ей первый на глаза попался
И стал предметом страсти роковой.

Появляется П э к.

Вот мой посол. — Ну, дух безумный мой,
Что нового в лесу у нас случилось?

П э к

В чудовище Титания влюбилась.
Пока в священном уголке своем
Покоилась царица крепким сном,
Поблизости толпа афинской черни —
Мастеровых, свободных в час вечерний, —
На репетицию явилась в лес,
Чтоб разучить глупейшую из пьес.
Сыграть ее взбрела им в ум затея
В день свадьбы благородного Тезея.
Нелепей всех в той кучке был Пирам.
Лишь он в кусты, я вмиг за ним и там
Дурацкую башку сменил ослиной.
Как только вышел с этой образиной
Он к Фисбе, тут все сразу — наутек.
Как гуси дикие, едва стрелок

Покажется, как пестрых галок стая
От выстрелов, крикливо улетаая,
В безумии взмывает к небесам, —
Все кинулись. В лесу и шум и гам:
Зовут на помощь; все в них ослабело.
Немые вещи тут взялись за дело:
Терновники протягивают лапки,
Хватают за руки, сбивают шапки,
Бежать мешают им кусты и пни...
Я их завел: пусть кружатся они!
Не выбраться оторопелой шайке.
Герой Пирам остался на лужайке,
Титания разбужена была;
Она влюбилась в тот же миг в осла.

Оберон

Удачней вышло все на этот раз,
Чем мог я ждать. А мой другой приказ?
Ты юноше глаза обрызгал соком?

Пэк

Обрызгал. Он лежал во сне глубоком,
С ним рядом я афинянку застиг:
Открыв глаза, ее увидит вмиг!

Входят Деметрий и Гермия.

Оберон

Стой! Вот и он!

Пэк

Кто? Я не разумею:
Вот девушка, но ведь другой был с нею!

Деметрий

Не мучь того, кому ты дорога!
Оставь свой гнев для злейшего врага.

Гермия

Боюсь, ты стал врагом мне настоящим;
Что, если ты убил Лизандра спящим?
По горло ты в крови; тебя кляню
Недаром я... Нырять же в глубину
И с ним меня убей!

Как солнце — дню, был милый верен мне.
Чтоб бросил он меня, одну, во сне?
Скорей могла бы я себе представить,
Что шар земной возможно пробуравить
И, проскочив через него, луна
Смутит сиянье дня у антиподов.
Да, ты его убил! Не надо слов:
Глядишь убийцей, мрачен и суров.

Д е м е т р и й

Гляжу убитым я: убит тобою.
Да, ты пронзила сердце мне враждою.
Убийца же прекрасна и горда,
Как в небесах Венерина звезда.

Г е р м и я

Ах, что мне в том? О мой Лизандр, где ты? —
Отдай его, во имя доброты.

Д е м е т р и й

Отдать бы труп его собачьей своре!

Г е р м и я

О, сам ты пес! Собака! Горе! Горе!
Нет сил стерпеть. Так ты убил, злодей?
Отныне будь ты проклят средь людей!
Раз в жизни правду мне скажи! Ответь:
В глаза ему боялся ты смотреть?
Его убил ты спящим? Так постыдно
Мог поступить лишь гад, змея, ехидна.
Но что я? Нет, твой яд еще сильнее:
Так не ужалить ни одной из змей.

Д е м е т р и й

Ты сердисься... Но гнев твой беспричинен,
И я в крови Лизандра неповинен.
Да вряд ли что и приключилось с ним.

Г е р м и я

Скажи скорей: он жив и невредим?

Д е м е т р и й

А что за это будет мне наградой?

Гермия

Что? Право на меня не кинуть взгляда.
О, ненавистен мне один твой вид:
Прочь от тебя, жив он или убит!
(Убегает.)

Деметрий

Она сейчас раздражена смертельно.
Останусь здесь: бежать за ней бесцельно.
Скорбь — тяжелей, когда не отдает
Своих долгов ей бедный Сон-банкрот.
Попробую заснуть хоть ненадолго:
Быть может, он вернет частицу долга.
(Ложится и засыпает.)

Оберон

Что сделал ты? Кого в беду вовлек?
Ты не тому впустил волшебный сок,
И верность чьей-нибудь любви сердечной
Нарушил ты небрежностью беспечной.

Пэк

Что делать? Уж таков судьбы закон:
На верную — фальшивых клятв мильон.

Оберон

Ступай, несись, как вихрь, лети быстрее!
Елену из Афин найди скорее.
Она бледна: болезнь ее — любовь.
Ей вздохи грусти отравляют кровь.
Сюда ее заманишь, в глушь лесную,
Пока его во сне я зачарую.

Пэк

Я в путь готов! Смотри, как полетел!
Помчусь быстрее всех татарских стрел.
(Исчезает.)

Оберон

Ты, цветок пурпурный мой,
Ранен Эроса стрелой,
Сок в глаза ему пролей:
Пусть, проснувшись рядом с ней,

Он найдет ее прекрасной,
Как Венеру в тверди ясной.
Пробудясь, моли ее
Сердце вылечить твое.

Появляется П э к.

П э к

Мой великий властелин,
Вот Елена из Афин.
Юноша пленен Еленой,
Полюбуйся этой сценой:
Молит он любви с тоской.
Как безумен род людской!

О б е р о н

Стань подальше. Что-то будет?
Шум Деметрия разбудит.

П э к

Два — в погоне за одной:
Это случай пресмешной.
Чем нелепей приключенье,
Тем мне больше развлеченья.

Входят Л и з а н д р и Е л е н а.

Л и з а н д р

В чем видишь ты насмешку? Я не знаю,
Где видела в слезах насмешку ты?
Но плачу я, смотри: я заклинаю.
Рожденные в слезах слова чисты.
Возможно ль счесть насмешкою пустою
То, что сияет правды чистотою?

Е л е н а

О, как хитро вы боретесь со мной!
Убьет ли правда правдой? Клятвы ваши
Принадлежат лишь Гермии одной.
Кладите ж клятвы ей и мне на чаши,
И равный вес получите на двух:
И тут и там — неуловимый пух.

Л и з а н д р

Утратил разум я, когда ей клялся.

Е л е н а

С изменою он к вам не возвращался.

Л и з а н д р

Ее Деметрий любит, не тебя.

Д е м е т р и й
(просыпаясь)

Елена! О богиня, свет, блаженство!
С чем глаз твоих сравню я совершенство?
Кристалл — тусклей! Уста твои цветут,
Они как вишни, что лобзанья ждут.
А белизна вершины Тавра снежной
Черна в сравненье с этой ручкой нежной.
О, дай же мне, о, дай поцеловать
Верх белизны и счастья печать!

Е л е н а

О стыд! О ад! Откуда эта злоба?
Терзать меня вы сговорились оба.
Будь вам учтивость не совсем чужда,
Вы б так не поступили никогда.
Мужчинами не будь вы только с виду,
Вы б женщине не нанесли обиду.
Довольно, что не терпите меня;
Но, издевательства соединя,
Хвалить меня и клясться так бесчестно,
Когда мне ваша ненависть известна!
Соперники вы были в страсти к ней, —
Соперники теперь — в беде моей.
О рыцарство, о подвиг благородный!
Чтоб вызвать слезы скорби безысходной
У бедной девы шуткою холодной,
Насмешкою! О, как вы недобры!
Шутить над беззащитной — для игры!

Л и з а н д р

Нехорошо, Деметрий, неуместно!
Что Гермию ты любишь, всем известно.
Ее любовь тебе я уступлю
От всей души: другую я люблю.
Мне уступи любовь Елены милой:
Ее любить клянусь я до могилы.

Е л е н а

Пустых насмешек слушать нету силы!

Д е м е т р и й

Лизандр! Знай, Гермия мне не нужна.
Была любовь, теперь прошла она.
Ведь сердце только у нее гостило:
Теперь домой к Елене поспешило,
Чтоб с нею быть.

Л и з а н д р

Не верь его словам!

Д е м е т р и й

Смотри — любви, какой не знаешь сам,
Ты не порочь, иль будешь ты наказан!
Вот — та, кого ты любишь, с кем ты связан.

Входит Г е р м и я.

Г е р м и я

Ночная тьма глаза лишает зренья,
Но обостряет слух наш, без сомненья,
И если нам мешает видеть ночь,
С двойною силой может слух помочь.
Тебя, Лизандр, хоть взор мой не нашел,
Но, к счастью, слух меня к тебе привел.
Как мог меня покинуть ты?

Л и з а н д р

Где ж тот,
Кто станет медлить, если страсть зовет?

Г е р м и я

Какая страсть могла тебя заставить
Прочь от меня бежать, меня оставить?

Л и з а н д р

Любовь к Елене, блещущей среди ночи
Прекрасней, чем созвездий ярких очи.
Что хочешь ты? Ужель тебе вполне
Не ясно, как ты ненавистна мне?

Гермия

Не думаешь того, что говоришь ты.
Не может быть!

Елена

Как! С ними заодно?
Так вы все трое сговорились вместе,
Чтоб злую шутку надо мной сыграть?
О Гермия, коварная подруга!
И ты могла в их заговор вступить,
Чтоб сделать из меня себе потеху?
Так всё, что прежде мы с тобой делили,
Как сестры, клятвы и часы досуга,
Когда мы время горько упрекали,
Что разлучает нас, — ах, все забыто?
Забыта дружба школьных дней невинных,
Когда, как два искусных божества,
Мы, сидя рядом, вместе вышивали
Один цветок по одному узору,
Одну и ту же песню пели в лад,
И наши души, голоса и руки —
Все было неразлучно. Мы росли
Двояшкой-вишнею, хотя по виду
Разделены, но в сущности одно:
Две ягоды на стебельке одном,
Два тела, но одна душа в обоих,
Как бы два поля, что в одном гербе
Увенчаны нашлемником единым.
И хочешь ты порвать любовь былую,
С мужчинами глумиться над подругой?
Не дружеский, не девичий поступок!
Тебя за это весь наш пол осудит,
Хоть и одна обиду я терплю.

Гермия

Не понимаю страстных слов твоих.
Я не глумлюсь, скорее ты глумишься.

Елена

Кто ж, как не ты, Лизандру приказала
Преследовать меня и восхвалять?
А твоему поклоннику другому,
Что чуть меня ногою не толкал, —

Вдруг величать меня богиней, нимфой,
Божественной, и дивной, и небесной?
К чему так говорит он с ненавистной?
Зачем Лизандр отрекся от тебя
И мне клянется пламенно в любви?
Конечно, только с твоего согласия.
Увы, не так я счастлива, как ты,
Не так окружена любовью общей;
Несчастлива я: люблю — и не любима.
Тебе б жалеть, не презирать меня!

Г е р м и я

Не понимаю, что все это значит?

Е л е н а

Так, так. Глади печально, притворяйся
И строй гримасы за моей спиной.
Перемигнувшись, продолжайте шутку,
Она, пожалуй, может вас прославить.
Когда б была в вас жалость или честь,
Вы б надо мною так не издевались.
Прощайте же! Тут и моя вина.
Но все исправит смерть или разлука.

Л и з а н д р

Стой, милая! Дай оправдаться мне,
Душа моя, любовь и жизнь, Елена!

Е л е н а

Чудесно!

Г е р м и я

Милый, не шути над ней!

Д е м е т р и й

Ты не упросишь — я его заставлю.

Л и з а н д р

Ты не заставишь, ей — не упросить.
Здесь и угрозы и мольбы бессильны.
Клянусь я жизнью, что люблю Елену,
И жизнь отдам, чтоб доказать, что лжет,
Кто скажет, что Елену не люблю я!

Д е м е т р и й

А я клянусь, что я люблю сильней.

Л и з а н д р

Ты докажи своим мечом мне это.

Д е м е т р и й

Идем — сейчас!

Г е р м и я

Лизандр, да что же это?

Л и з а н д р

Прочь, эфиопка!

Д е м е т р и й

Славно, сударь, славно!

Ха-ха! Он притворился, что взбешен,
А сам ни с места — смирный малый, право!

Л и з а н д р

Прочь, кошка! Отцепись, оставь, репейник,
Не то тебя стряхну я, как змею!

Г е р м и я

Как груб со мной ты! Что за перемена?
Мой друг...

Л и з а н д р

Твой друг? Прочь, смуглая татарка!
Прочь, гадкое лекарство, прочь, микстура!

Г е р м и я

Ты шутишь?

Е л е н а

Да, он шутит, как и ты.

Л и з а н д р

Деметрий, слово я свое сдержу.

Д е м е т р и й

Не худо б нам условие подписать:
Тебя легко удерживает слабость.

Л и з а н д р

Что ж, мне ее побить, убить? Ей боли
Не причиню я, как ни ненавижу.

Г е р м и я

Какая боль мне может быть ужасней,
Чем ненависть твоя? Ко мне? За что?
Иль я не Гермия? Ты не Лизандр?
Я так же хороша, как и была.
Ты в эту ночь еще меня любил.
Но в эту ночь меня ты и покинул.
Так ты меня покинул не шутя?

Л и з а н д р

Какие шутки? Я ушел навек.
Оставь сомненья, просьбы и надежды
И знай вернее верного: тебя
Я ненавижу, а люблю Елену.

Г е р м и я

Так вот что! Ты — обманщица, ты — язва,
Воровка! Значит, ночью ты прокралась
И сердце у него украла?

Е л е н а

Славно!

Нет у тебя ни робости, ни капли
Девичьего стыда; ты хочешь вызвать
Мой кроткий дух на резкие слова.
Стыдись, стыдись, ты, лицемерка, кукла!

Г е р м и я

Что? Кукла я? Ах, вот твоя игра!
Так ты наш рост сравнила перед ним
И похвалялась вышиной своей,
Своей фигурой, длиною фигурой...
Высоким ростом ты его пленила
И выросла во мнении его
Лишь потому, что ростом я мала?
Как, я мала, раскрашенная жердь?
Как, я мала? Не так уж я мала,
Чтоб не достать до глаз твоих ногтями!

Е л е н а
(Деметрию и Лизандру)

Хоть вы смеетесь надо мной, у вас же
Прошу защиты: так меня никто
Не проклинал! На брань не мастерица,
Я робости девической полна.
Она меня побьет! Хотя она
И ниже ростом, я не справлюсь с нею.

Г е р м и я

Пониже ростом! Слышите, опять!

Е л е н а

Но, Гермия, не надо так сердиться.
Тебя всегда я, милая, любила,
Я слушалась тебя, не обижала.
Одно лишь — что, Деметрия любя,
Ваш план ему открыла. Он за вами
Отправился; я из любви — за ним.
Но он меня прогнал и угрожал
Меня ударить, да, прибить, убить.
Пустите же меня: вернусь в Афины
С своим безумьем и за вами больше
Я следовать не буду. Отпустите!
Ты видишь, как проста я и кротка.

Г е р м и я

Ступай же прочь! Да кто тебя здесь держит?

Е л е н а

То сердце глупое, что здесь оставлю.

Г е р м и я

С Лизандром?

Е л е н а

Нет, с Деметрием.

Л и з а н д р
(Елене)

Не бойся,
Она тебя и тронуть не посмеет.

Д е м е т р и й

О да, хотя б и ты ей помогал.

Е л е н а

Но Гермия страшна бывает в гневе;
Она была уже и в школе злючкой,
Хоть и мала, неистова и зла.

Г е р м и я

Опять «мала»! И все о малом росте!
Зачем вы ей даете издеваться?
Пустите к ней!

Л и з а н д р

Прочь, карлица, пигмейка,
Зачатая на спорынье! Прочь, желудь!
Прочь, бусинка!

Д е м е т р и й

Ты чересчур услужлив
Для тех, кто у тебя услуг не просит.
Оставь! Не смей Елену защищать
И о любви с ней говорить не смей,
Не то раскаешься!

Л и з а н д р

А, я свободен!
Иди ж за мной, коль смеешь, чтоб решить,
Кто больше прав имеет на Елену.

Д е м е т р и й

Я — за тобой? Ну нет, пойдем мы вместе.

Лизандр и Деметрий уходят.

Г е р м и я

Ну, милая, из-за тебя все это!..
Куда ты? Стой!

Е л е н а

Тебе не верю я,
И ненавистна близость мне твоя.

Хоть в драке руки у тебя сильней, —
Чтоб бегать, ноги у меня длинней.
(Убегает.)

Гермия

Как странно все! Не знаю, что подумать.
(Уходит.)

Оберон

Твоя оплошность! Вечные ошибки!
Но ты нарочно сплутывал, злодей!

Пэк

Нет, верь мне: я ошибся, царь теней.
Подумай: мне велел искать героя
Ты по плащу афинского покроя.
Кого нашел я — тоже из Афин;
Так, значит, я был прав, мой властелин.
Но я-то рад, что вышло так забавно;
Над распрей их мы посмеемся славно.

Оберон

Для поединка в глушь пошли они.
Скорее, Робин, ночь им затемни
И затяни все звезды небосклона
Туманной мглой чернее Ажерона.
Соперников упрямых сбей с пути,
Чтоб им никак друг друга не найти.
То, голосу Лизандра подражая,
Дразни Деметрия не умолкая;
То за Деметрия — его брани,
Пока из сил не выбьются они.
Подобный смерти, встанет над врагами
Сон-нетопырь с свинцовыми ногами;
Тогда Лизандру веки смажь травой,
Чей сок своею силою благой
Рассеять может пагубный обман;
В глазах его прояснится туман.
Проснувшимся бывшие заблужденья
Покажутся игрою сновиденья.
Вернутся вновь они к местам родным;
Союз их вечно будет нерушим.
Пока займешься этим, поспешу
К царице я; отдать мне упрошу

Ребенка. Чары я сниму — очнется
Титания, и всюду мир вернется.

П э к

Не торопись: наш срок ведь все короче.
Быстрее летят драконы черной ночи,
Взошла звезда Авроры в небесах;
Ее завидев, духи впопыхах
Спешат домой скорее на кладбище,
А грешники, чье вечное жилище —
Дорог распутье иль речное дно,
Вернулись в мрачный свой приют давно;
Чтоб ясный день не видел их стыда,
Они сдружились с ночью навсегда.

О б е р о н

Но духи мы совсем другого рода.
Играть с зарею мне дана свобода.
В лесу мне, как охотнику, дан срок,
Пока огнем не заблестит восток
И в золото лучей блестящих струны
Не превратят зеленых волн Нептуна.
Однако все ж лети, спеши: пора!
Свои дела мы кончим до утра.
(Уходит.)

П э к

Их поведу я там и сям.
Меня боятся здесь и там,
По городам и по полям
Веди их, дух, то здесь, то там!
Один пришел.

Входит Л и з а н д р.

Л и з а н д р

Где ж ты, гордец Деметрий? Отвечай!

П э к

Здесь! Меч готов! А ты где, негодяй?

Л и з а н д р

Иду к тебе.

П э к

Скорее! Тут ровней:
Иди за мной.

Лизандр уходит на голос Пэка.

Д е м е т р и й
(входя)

Откликнись же, злодей!
Лизандр, эй, жалкий трус, да где же ты?
Куда со страха спрятался в кусты?

П э к

Сам трус! Ты что же, хвалишься кустам,
Звездам кричишь, что рвешься в бой, а сам
Скрываешься? Мальчишка! Проучу
Тебя я розгой: нечего мечу
С тобою делать.

Д е м е т р и й
А, ты здесь? Постой!

П э к

Не место драться здесь: иди за мной!

Уходят.

Л и з а н д р
(входя)

Он прочь бежит, меня же вызывает.
Приблизусь я — он снова убегает.
Куда проворнее меня, злодей!
Как я ни мчался, он бежал быстрее.
Я наконец упал во тьме ужасной.
Прилягу здесь...

(Ложится.)

Приди, о день прекрасный!
Блеснуть лишь стоит первому лучу —
Найду врага и мезтью отплачу.

Входят П э к и Д е м е т р и й.

П э к

Го-го! Чего ж ты прячешься трусливо?..

Д е м е т р и й

Так подожди! Скрываешься ты живо;
Чуть догоню, ты прячешься, как тать:
Не смеешь посмотреть, не смеешь встать.
Да где же ты?

П э к

Я здесь. Иди-ка ближе!

Д е м е т р и й

Смеешься надо мной? Ну, погоди же!
Дай встретиться с тобой при свете дня.
Ступай! Усталость вынудит меня
Холодную постель собой измерить.
Жди утром гостя — можешь мне поверить.
(Ложится и засыпает.)

Входит Е л е н а .

Е л е н а

О долгая, мучительная ночь!
Умерь часы, пошли хоть луч с востока,
Чтоб я могла уйти в Афины прочь
От тех, чья ненависть ко мне жестока.
Сон, взор тоски смыкающий порой,
Ты от себя самой меня укрой!
(Ложится и засыпает.)

П э к

Спите, спите сладким сном.
Я тайком своим цветком
Исцелю тебя, влюбленный.
(Выжимает сок на глаза Лизандра.)
Пробудись, в нее взглядишь,
Прежним счастьем упоенный.
Пусть пословица на вас
Оправдается сейчас:
Всяк сверчок знай свой шесток,
Всякий будь с своею милой,
Всяк ездок — с своей кобылой,
А конец — всему венец.
(Исчезает.)

АКТ IV

СЦЕНА 1

Там же.

Лизандр, Гермия, Деметрий, Елена спят.
Входит Титания с Основой, за ними эльфы.
В глубине Оберон, невидимый для них.

Титания

Любовь моя, здесь на цветы присядь!
Я голову поглажу дорожую.
Дай розами тебя мне увенчать.
Дай уши я большие расцелую.

Основа. Где Душистый Горошек?
Душистый Горошек. Я здесь.

Основа. Почешите-ка мне голову, Душистый Горошек. — А где Паутинка?

Паутинка. Здесь!

Основа. Госпожа Паутинка, любезная госпожа Паутинка, возьмите-ка оружие в руки и убейте вон того красноногого шмеля, что сидит на репейнике, и, милейшая моя, принесите мне его медовый мешочек. Да смотрите, милейшая госпожа Паутинка, берегитесь, чтобы мешочек не лопнул: мне будет очень прискорбно, если вы обольетесь медом, синьора. — А где господин Горчичное Зернышко?

Горчичное Зерно. Я здесь!

Основа. Пожалуйте-ка сюда вашу лапку, господин Горчичное Зернышко. Да бросьте всякие церемонии, прошу вас, любезный мой господин Горчичное Зернышко.

Горчичное Зерно. Что вам угодно приказать?

Основа. Ничего особенного, почтеннейший, только помогите кавалеру Душистому Горошку чесать меня. Надо бы мне к цирюльнику, любезнейший: мне сдаётся, что у меня лицо слишком уж заросло волосами. А я такой нежный осел: чуть меня волосок где-нибудь пощекочет — я должен скрестись.

Титания

Не хочешь ли ты музыки послушать,
Любовь моя?

О с н о в а. О, что до музыки — у меня отличное ухо. Ну что ж, пожалуй, сыграйте мне что-нибудь на щипцах и на костяшках.

Грустная музыка.

Т и т а н и я

А может быть, скажи мне, нежный друг,
Желаешь ты чего-нибудь покушать?

О с н о в а. Что ж, я, пожалуй, съел бы гарнец-другой корму: пожалуй, пожевал бы хорошего сухого овсеца. Нет, вот что: самое лучшее — дайте мне охапку сена. С хорошим, сладким сеном ничто не сравнится.

Т и т а н и я

Есть у меня один отважный эльф:
У белочек обыщет склады он
И принесет тебе орешков свежих.

О с н о в а. Я бы предпочел пригоршни две сухого гороха. Впрочем, пожалуйста, пусть ваш народец пока отстанет от меня: я чувствую, что меня одолевает сон.

Т и т а н и я

Спи! Я тебя руками обовью. —
Ступайте, эльфы, все рассейтесь прочь.

Эльфы улетают.

Так жимолость душистая ствол дуба
Любовно обвивает; пальцы вяза
Корявые плющ женственный сжимает.
Как я люблю тебя, как обожаю!

Засыпают.

Входит П э к.

О б е р о н

Ты видишь эту нежную картину?
Становится мне жаль ее безумья.
Недавно я ее за лесом встретил,
Цветы сбиравшей гнусному уроду.
Я стал ее стыдить и упрекать,
Что голову косматую ему
Украсила она венком душистым;
И та роса, что на цветах обычно

Светлей восточных жемчугов сверкает,
Теперь стояла у цветов в глазах,
Как слезы об их собственном позоре.
Когда ж над ней я вдоволь насмеялся,
Она прощенья кротко попросила,
И я тогда потребовал ребенка.
Она сейчас же уступила, эльфов
Послала отвести его ко мне.
Теперь он мой, и я хочу прогнать
Очей ее пустое заблужденье.
Ты тоже это украшенье, Пэк,
Сними с башки афинского бродяги.
Пусть он проснется вместе с остальными,
В Афины вместе с ними возвратится
И приключенья этой ночи вспомнит
Лишь как нелепую проделку сна.
Но раньше я царицу расколдую.

(Дотрагивается до ее глаз волшебным цветком.)

Будь ты прежней с этих пор:
Пусть как раньше видит взор.
Прогони, цветок Дианы,
Купидона все обманы!
Титания! Проснись, моя царица!

Т и т а н и я

Мой Оберон! Что может нам присниться!
Мне снилось, что влюбилась я в осла!

О б е р о н

Вот милый твой.

Т и т а н и я

Так правда? Я была...
О, на него теперь глядеть мне страшно.

О б е р о н

Тсс... тише! — Пэк, личину прочь с него!
Пусть музыки волшебной колдовство
На спящих сон глубокий навевает.

Т и т а н и я

Эй, музыку, чтоб сон наколдовать!

Тихая музыка.

П э к

Проснувшись, станешь дураком опять.

О б е р о н

Летите, звуки! Мы ж с тобой вдвоем
Своею пляской землю всколыхнем.
Отныне мы с тобою в дружбе, фея,
И завтра в полночь во дворце Тезея
Торжественную пляску поведем,
Благословим союз его и дом.
Влюбленных этих тут же, вместе с ним,
Мы в радостный союз соединим.

П э к

Тише... Слышишь, Оберон,
В небе жаворонка звон?

О б е р о н
(Титании)

Дай же руку! Улетим
Молча с сумраком ночным
И мгновенно опояшем
Шар земной в полете нашем.

Т и т а н и я

Да, летим! О мой супруг,
Ты расскажешь, как случилось,
Что заснула я и вдруг
Между смертных очутилась.

Улетают.

Звуки рогов.

Входят Тезей, Ипполита, Эгей и свита.

Т е з е й

Пусть кто-нибудь лесничего найдет.
Закончены все майские обряды,
И так как мы опередили день,
Могу перед возлюбленной похвастать
Я музыкаю гончих. — Всех спустите
Со своры в западной долине! Живо!
На горную вершину мы взойдем.

Оттуда мы с моей царицей будем
Внимать слиянью эха с звонким лаем.

И п п о л и т а

В лесах на Крите как-то с Геркулесом
И с Кадмом затравили мы медведя
Спартанскими собаками. Я в жизни
Прекрасней не слыхала ничего:
Все — небо, горы, лес кругом — слилось
В сплошной могучий шум, — я не слыхала
Разлада музыкальной, грома — слаще.

Т е з е й

А псы мои спартанской ведь породы:
По челюстям, по масти их узнаешь.
С подгрудками они, как у быков,
Небыстрый бег, но голосов подбор —
Что колокольный звон. Стройнее сворам
Не улюлюкали, рога не пели
Ни в Спарте, ни в Фессалии, нигде.
Суди сама! Но что это за нимфы?

Э г е й

Я вижу — дочь, мой государь, спит крепко.
А вот Лизандр. А рядом здесь Деметрий.
А вот Елена, дочь Недара-старца.
Зачем они все вместе здесь сошлись?

Т е з е й

Обряды майские свершали, верно,
И, зная, что мы явимся сюда,
Остались здесь дожидаться торжества.
Но, друг Эгей, скажи мне, не сегодня ль
Свой выбор сделать Гермия должна?

Э г е й

Да, государь.

Т е з е й

Пускай же их разбудят
Охотники игрою на рогах.

Звуки рогов и крики за сценой.

Лизандр, Гермия, Деметрий и Елена просыпаются.

Друзья, ведь валентинов день прошел,
А пташки только начали слетаться.

Л и з а н д р

Простите, государь!

Все опускаются на колени.

Т е з е й

Прошу вас, встаньте.

Я знаю, вы соперники в любви:
Что ж это за согласие стало в мире,
Что ненависть спит с ненавистью рядом
И не боится злобы и вражды?

Л и з а н д р

Я, государь, не знаю, что ответить;
Во сне иль наяву я — сам не знаю;
И как сюда попал — не знаю тоже.
Но кажется... сказать бы только правду...
Нет, нет, вот как все это было, — вспомнил:
Мы с Гермией пришли сюда; решили
Мы из Афин бежать туда, где б можно,
Афинского закона не боясь...

Э г е й

Довольно, государь, довольно с вас.
Закон, закон на голову его!
Они бежали! — Да, они хотели,
Деметрий, нас обоих обмануть:
Тебя — лишитъ жены, меня же — права
Тебе в супруги Гермия отдать.

Д е м е т р и й

Мой государь, прекрасная Елена
Открыла мне их замысел. Взбешенный,
За ними я погнался в этот лес.
Елена ж из любви пошла за мною.
И тут... я сам не знаю, государь,
Чья власть, но — несомненно, чья-то власть —
Заставила любовь мою растаять.
Она мне кажется пустой игрушкой,
Которую в дни детства я любил.
Страсть, цель и радость глаз моих теперь —
Не Гермия, а милая Елена.

Одна Елена! С ней я был помолвлен,
Когда еще я Гермии не знал.
Но как в болезни ненавидят пищу,
В здоровье ж возвращается к ней вкус,
Теперь ее люблю, хочу, желаю
И ей останусь верен я всю жизнь!

Тезей

Влюбленные, я в добрый час вас встретил;
Об этом мы еще поговорим.
Эгей, тебе придется уступить.
Сегодня ж в храме две четы влюбленных
Соединятся, как и мы, навеки.
Но утро далеко ушло вперед,
А потому отложим мы охоту.
Скорее все в Афины! Нас три пары:
Торжественно три свадьбы справим там.
Пойдем же, Ипполита!

Тезей, Ипполита, Эгей и свита уходят.

Деметрий

Все кажется мне малым и неясным,
Как будто горы в тучи расплылись.

Гермия

Я точно вижу разными глазами,
Когда двоится все.

Елена

Я точно так же.
Как будто драгоценность, я нашла
Деметрия; он — мой, и он — не мой.

Деметрий

Мне кажется, мы спим и видим сны.
Был герцог здесь? Велел идти за ним?

Гермия

И мой отец был здесь.

Елена

И Ипполита.

Л и з а н д р

И герцог в храм за ним прийти велел.

Д е м е т р и й

Так, значит, мы не спим. Пойдем скорее;
Дорогою расскажем наши сны.

Уходят.

О с н о в а (просыпаясь). Когда будет моя реплика, вы меня только кликните — и я тут как тут. Следующая моя реплика: «Прекраснейший Пирам!» Эй, Питер Пигва! Дудка, починщик мехов! Рыло, медник! Заморыш! Господи помилуй! Удрали, оставили меня тут спать одного. Ну и чудной же мне сон приснился! Такой сон мне приснился, что не хватит ума человеческого объяснить его! Ослом будет тот, кто станет рассказывать этот сон. Мне снилось, что я был... что у меня была... Круглым дураком будет тот, кто вздумает сказать, что у меня было. Глаз человеческий не слышал, ухо человеческое не видало, рука человеческая не осилила, сердце бы лопнуло, если бы рассказать, какой мне сон снился. Я ставлю Пигву написать балладу про этот сон; она будет называться: «Сон Основы», потому что в ней нет никакой основы. И я ее спою в конце пьесы перед герцогом. Даже вот что: чтобы вышло полюбезнее, я спою ее во время Фисбиной смерти.

(Уходит.)

СЦЕНА 2

Афины. Комната в доме Пигвы.

Входят П и г в а, Д у д к а, Р ы л о и З а м о р ы ш.

П и г в а. Ну что, посылали к Основе? Вернулся он домой?

З а м о р ы ш. О нем ничего не слышно: не иначе, как его унесла нечистая сила.

Д у д к а. Если он не вернется, пропала наша пьеса: ничего не выйдет.

П и г в а. Да, без него играть нельзя. Во всех Афинах не найти человека, подходящего для Пирама.

Д у д к а. Не найти! Изо всех афинских ремесленников у Основы самая умная голова.

П и г в а. И к тому же он у нас самый красивый. А уж по голосу так настоящий любовник.

Д у д к а. Какое непристойное слово — «любовник»! Скажи лучше: «любитель».

Входит М и л я г а.

М и л я г а. Друзья, герцог возвратился из храма; там с ним заодно обвенчали двух или трех дам и кавалеров. Ох, кабы наша пьеса пошла, мы бы все людьми стали.

Д у д к а. Ах, милый наш удалец Основа! Потерял он шесть пенсов в день на всю жизнь. Не миновать бы ему шести пенсов в день пожизненно: пусть бы меня повесили, если бы герцог не назначил ему шести пенсов в день. Шесть пенсов — и никаких!

Входит О с н о в а.

О с н о в а. Где они, мои молодчики? Где они, мои сердечные дружки?

П и г в а. Основа! Вот благословенный день, вот счастливый час!

О с н о в а. Ну, куманьки, и есть же у меня что переказать вам. Чудеса! Но не спрашивайте меня ни о чем. Не будь я честный афинянин, если я не расскажу вам, что со мной было. Я вам все до точности расскажу, как что случилось.

П и г в а. Рассказывай, рассказывай, драгоценный Основа!

О с н о в а. Ни слова обо мне. Все, что я вам пока скажу, — это вот что: герцог уже отобедал. Собирайте ваши пожитки. Привяжите новые шнурки к бородам и новые банты к туфлям. Велено нам всем сойтись у дворца. Каждый просмотри хорошенько свою роль. Короче сказать, наша пьеса выбрана. Во всяком случае, Фисба пусть наденет чистое белье, а Лев чтобы не вздумал обрезать ногти: они должны выглядывать из-под львиной шкуры, как когти. А главное, дорогие мои актеры, не ешьте ни луку, ни чесноку. Мы должны испускать сладостное благоуханье, и я не сомневаюсь, что зрители скажут: вот сладчайшая пьеса. Без всяких рассуждений! Марш вперед без дальних слов!

Уходят.

АКТ V

СЦЕНА I

Афины. Зал во дворце Тезея.

Входят Тезей, Ипполита, Филострат,
вельможи и свита.

Ипполита

Как странен, мой Тезей, рассказ влюбленных!

Тезей

Скорее странен, чем правдив. Не верю
Смешным я басням и волшебным сказкам.
У всех влюбленных, как у сумасшедших,
Кипят мозги: воображенье их
Всегда сильнее холодного рассудка.
Безумные, любовники, поэты —
Все из фантазий созданы одних.
Безумец видит больше чертовщины,
Чем есть в аду. Безумец же влюбленный
В цыганке видит красоту Елены,
Поэта взор в возвышенном безумье
Блуждает между небом и землей.
Когда творит воображенье формы
Неведомых вещей, перо поэта,
Их воплотив, воздушному «ничто»
Дает и обиталище и имя.
Да, пылкая фантазия так часто
Играет: ждет ли радости она —
Ей чудится той радости предвестник.
Напротив, иногда со страха ночью
Ей темный куст покажется медведем.

Ипполита

Не говори; в событиях этой ночи
Есть не одна игра воображенья.
Как сразу изменились чувства их!
Мне кажется, что правда в этом есть.
Но все-таки как странно и чудесно!

Тезей

Вот и они идут, сияя счастьем.

Входят Лизандр, Гермия, Деметрий и Елена.

Привет, друзья! Пусть радость и любовь
Живут среди вас.

Л и з а н д р

Пусть вам сторицей радость
Сопутствует на царственном пути.

Т е з е й

Что ж нам придумать? Маскарад или танцы?
Чем сократить нам вечность трех часов
От ужина до сна? Где наш придворный
Веселья поставщик? Что у него
В запасе есть? Какая-нибудь пьеса,
Чтоб облегчить тоску часов ползучих?
Где Филострат?

Ф и л о с т р а т

Я здесь, великий герцог.

Т е з е й

Скажи, что ты нам нынче приготовил?
Какие маски, танцы? Чем заполнить
Часы пустые, если не весельем?

Ф и л о с т р а т

Вот список всех готовых развлечений.
Пусть ваша светлость выберет любое,
С чего начать.

(Подает ему бумагу.)

Т е з е й

(читает)

«Сражение кентавров, —

Афинский евнух пропоет под арфу».

Не стоит: это я читал жене

В честь Геркулеса, предка моего.

«Как пьяные вакханки растерзали
Фракийского певца в своем безумье».

Старо: уж это мне играли раз,

Когда из Фив с победой я вернулся.

«Плач муз, скорбящих о судьбе Науки,
Скончавшейся в жестокой нищете».

Какая-нибудь острая сатира,

Негодная для свадебных торжеств.

«Любовь прекрасной Фисбы и Пирама,
Короткая и длительная драма,
Веселая трагедия в стихах».
Короткая и длительная пьеса,
Веселая трагедия притом?
Горячий лед! Но как согласовать
Все эти разногласья?

Ф и л о с т р а т

Государь,
Вся эта пьеса — в десять слов длиной;
Короче пьесы нет, насколько помню;
Но лишние все эти десять слов —
Вот чем она длинна. Ни слова в ней
Нет путного, ни путного актера.
Трагедия она лишь потому,
Что в ней герой Пирам с собой кончает.
На репетиции до слез дошел я,
Но признаюсь, что никогда еще
Так весело не плакал я от смеха.

Т е з е й

А кто актеры?

Ф и л о с т р а т

Все простые люди,
Ремесленники из Афин. Привыкли
Не головой работать, а руками,
И вдруг свою неразвитую память
Обременили пьесой в вашу честь.

Т е з е й

И мы ее посмотрим.

Ф и л о с т р а т

Нет, мой герцог,
Нет, это не для вас; я слушал пьесу.
В ней ничего нет, ровно ничего!
Но, может быть, вас все же позабавят
Их тяжкие усилия вас развлечь.

Т е з е й

Да, эту пьесу будем мы смотреть!
Не может никогда быть слишком плохо,

Что преданность смиренно предлагает, —
Зови их! Дам прошу занять места.

Филострат уходит.

И п п о л и т а

Я не люблю над нищетой смеяться
И видеть, как усердье гибнет даром.

Т е з е й

Нет, милая, здесь этого не будет.

И п п о л и т а

Сказал он: ничего они не стоят.

Т е з е й

Тем будем мы добрей, благодаря
Их за ничто. Мы примем добродушно
Ошибки их. Где преданность бессильна,
Она усердьем искупает все.
Меня в моих поездках иногда
Ученые встречать хотели речью,
Заране приготовленной, и вдруг
Теряли нить: бледнели, забывали
Готовые слова и в заключенье,
Не кончив, обрывали речь свою.
И, веришь ли, любимая моя,
В молчанье их я находил привет,
И в скромности смущенного почтенья
Читал я большее, чем в болтовне
Напыщенных и смелых краснобаев.
Мне кажется, что у любви правдивой
Чем меньше слов, тем больше будет чувства.

Входит Ф и л о с т р а т.

Ф и л о с т р а т

Итак, коль вашей светлости угодно,
Пролог готов.

Т е з е й

Пускай войдет сюда!

Звуки труб.

Входит П и г в а, он же Пролог.

Пролог

«Не думайте. Коль мы не угодим,
Что может быть. У нас желанья мало
Искусством скромным вас занять своим.
Вот нашего конца сейчас начало.
Мы не жалеем своего труда
Вас оскорбить. Не входит в наши цели
Вас развлекать. Явились мы сюда
Не с тем. Чтоб вы об этом пожалели,
Актеры здесь. Их стоит показать,
Чтоб вы узнали все, что надо знать».

Тезей. Этот молодец не очень-то считается со знаками препинания.

Лизандр. Он пустил свой пролог, как необъезженного жеребца: он не знает, где ему остановиться. Отсюда мораль, государь: недостаточно говорить, надо еще говорить правильно.

Ипполита. Действительно, он сыграл свой пролог, как ребенок играет на флейте: звук есть, но управлять им он не умеет.

Тезей. Его речь похожа на спутанную цепь: все звенья целы, но в беспорядке. А теперь что будет?

Входят Пирам, Фисба, Стена, Лунный Свет
и Лев, как в пантомиме.

Пролог

«Почтенные, сей вид не ясен вам?
Дивитесь: скоро все вам станет ясно.
Сей человек, известно будь, Пирам,
Девицу же звать Фисбою прекрасной.
В известке с глиной человек — Стена,
Любовников жестокая преграда:
Сквозь щель ее шептаться (вот она!)
Бедняжечкам — и то уже отрада.
Вот этот малый — Лунный Свет; при нем —
Терновый Куст, фонарик и собака,
Чета влюбленных виделась тайком
В лучах луны, сияющей среди мрака.
Зверь, Львом рекомый, что наводит страх,
Завидел Фисбу, что спешила к другу.

Он напугал ее — и вот с испугу
Красавица бежала впопыхах,
Свой плащ при этом уронив, к несчастью.
Лев вмиг его порвал кровавой пастью.
Тут появился, строен и высок,
Пирам. Узрел в крови он плащ девицы
И сразу острый в грудь вонзил клинок.
Тем временем, под сенью шелковицы,
Узрев, что мертвый друг ее лежал,
Вонзила Фисба в грудь свою кинжал.
Подробно вам доскажут остальное
Луна, Стена, Лев и влюбленных двое».

Пролог, Пирам, Фисба, Лев и Лунный Свет уходят.

Т е з е й. Интересно, заговорит ли и Лев?

Д е м е т р и й. В этом ничего не будет удивительного: отчего бы и не поговорить Льву, когда столько ослов разговаривают?

С т е н а

«В сей интермедье решено так было,
Что Стену я представлю, медник Рыло.
Стена такая я, что есть во мне
Дыра, иль щель, иль трещина в стене.
Влюбленные не раз сквозь эту щелку
Все про любовь шептались втихомолку.
Известка с глиной, с камешком должна
Вам показать, что я и есть Стена.
А вот и щель — направо и налево:
Шептаться будут здесь Пирам и дева».

Т е з е й. Можно ли требовать, чтобы известь и глина говорили лучше?

Д е м е т р и й. Государь, это положительно самая остроумная стена, какую мне приходилось слышать.

Входит П и р а м.

П и р а м

Тише! Пирам подходит к стене.

П и р а м

«О ночи тьма! Ночь, что как мрак черна!
Ночь, что везде, где дня уж больше нет!

О ночь, о ночь! Увы, увы, увы!
Боюсь, забыла Фисба свой обет!
А ты, Стена, любезная Стена,
Отцов-врагов делящая владенья, —
Пусть станет мне хоть щель в тебе видна
Для моего предмета лицезренья.

Стена растопыривает пальцы.

Пошли тебе Юпитер благодать!
Но ах, увы! — что вижу я сквозь Стену?
Стена-злодейка, девы не видать!
Будь проклята, Стена, ты за измену!»

Т е з е й. По-моему, Стена тоже должна напугаться, раз она обладает всеми чувствами.

П и р а м. Никак это не возможно, ваша светлость: «за измену» — это реплика для Фисбы: она теперь должна войти, а мне надо ее заметить сквозь стену. Вы увидите, что все будет точка в точку, как я сказал. А вот и она идет.

Ф и с б а

«Не ты ль, Стена, внимала вопль печали,
Что от меня отторжен мой Пирам?
Вишневые уста мои лобзали
Твою известку с глиной пополам».

П и р а м

«Я вижу голос; дай взгляну я в щелку.
Услышу ль Фисбы я прекрасный лик?
О Фисба!»

Ф и с б а

«Ты ли к щелке там приник?
Я думаю...»

П и р а м

«Что думаешь без толку?
Я, как Лизандр, не ведаю измены».

Ф и с б а

«И я, пока жива, верней Елены».

П и р а м

«Шафал Прокрусу так не обожал».

Ф и с б а

«И я верна не меньше, чем Шафал».

П и р а м

«Целуй сквозь щель: уста твои так сладки».

Ф и с б а

«Целую не уста — дыру в стене!»

П и р а м

«К гробнице Ниньевой придешь ко мне?»

Ф и с б а

«Хоть умереть, приду я без оглядки!»

Пирам и Фисба уходят.

С т е н а

«Тут роль свою закончила Стена,
И может хоть совсем уйти она».

(Уходит.)

Тезей. Вот и нет больше преграды между соседями.

Деметрий. Это неизбежно, государь, если стены имеют уши и подслушивают без разрешения.

Ипполита. Я никогда ничего глупее не слышала!

Тезей. Лучшие пьесы такого рода — и то только тени; а худшие не будут слишком плохи, если воображение поможет им.

Ипполита. Но это должно сделать наше воображение, а не их.

Тезей. Если мы будем воображать о них не меньше того, что они сами о себе воображают, они могут представиться отличными людьми. А вот идут два благородных зверя: Луна и Лев.

Входят Лев и Лунный Свет.

Л е в

«Сударыни, в ком нежных чувств излишек
Пугается при виде малых мышек,

Боюсь, чтоб вы не начали кричать,
Коль будет грозный лев при вас рычать.
Но я не лев и не его подруга;
Я лишь столяр; не надобно испуга.
Когда б, как лев, забрался я сюда,
Ведь мне была бы самому беда».

Тезей. Какое кроткое животное и какое рассудительное!

Деметрий. Самое милое животное, государь, какое я видел.

Лизандр. Этот лев по храбрости — настоящая лисица.

Тезей. Верно, а по благоразумию — настоящий гусь.

Деметрий. Не совсем так, государь, потому что его храбрость не пересиливает его благоразумия, а лисица всегда пересилит гуся.

Тезей. Во всяком случае, его благоразумие не пересилит его храбрости, потому что гусь никогда не пересилит лисицы. Однако предоставим его собственному его благоразумию и послушаем, что скажет Луна.

Лу н н ы й С в е т

«Двурогую луну фонарь являет сей,
А я — тот человек, что обитает в ней».

Тезей. Вот тут самая большая ошибка: человека надо было поместить в фонаре; какой же он иначе человек на луне?

Деметрий. Он не решился туда влезть из-за свечки: смотрите, как она нагорела.

Ипполита. Мне надоела эта луна; пора бы ей перемениться!

Тезей. Судя по слабому пламени ее разума, она уже на ущербе; но из любезности нам надо дождаться.

Лизандр. Продолжай, Луна.

Лу н н ы й С в е т. Все, что я должен сказать, это вот что: только объяснить вам, что фонарь — это луна, а я — человек на луне; этот терновый куст — мой терновый куст, а эта собака — моя собака.

Деметрий. Собственно, все это должно бы бы-

ло находиться в фонаре: ведь это все на луне. Но тише: вот идет Фисба.

Входит Ф и с б а.

Ф и с б а. «Вот Нина старого гробница. Где ж мой милый?..»

Л е в (рычит). «У-у-у!..»

Фисба убегает.

Т е з е й. Отлично рычишь, Лев!

И п п о л и т а. Отлично светишь, Луна! Право, Луна светит очень мило!

Лев разрывает плащ Фисбы и убегает.

Т е з е й. Отлично разодрал, Лев!

Д е м е т р и й. Тут является Пирам...

Л и з а н д р. И Лев исчезает.

Входит П и р а м.

П и р а м

«Благодарю, Луна, за солнечны лучи,
За то, что ярко так сияешь ты в ночи.
Твой свет мерцающий, золотой, лазурно-ясный
Поможет Фисбы мне увидеть лик прекрасный.

Но страх какой!
О рыцарь, стой!
Разит судьбина злая.
Темно в очах...
Возможно ль? Ах!
Друг, дева дорогая!
Твой плащ в крови! Беда!
О фурии, сюда!
Вы, парки, приходите
Разрезать жизни нити,
Ты, злобный рок, спеши:
Рази, грози, убей, добей,
Кончай и сокруши!»

Т е з е й. Такое отчаяние и смерть милого друга, право, могут опечалить.

И п п о л и т а. Клянусь душой, мне жаль этого человека.

П и р а м

«Зачем, Природа, жизнь даруешь львам,
Чтоб красоту твою они губили?
Увы, она была милей всех дам,
Что на земле росли, цвели, любили.
О, лейтесь, токи слезны!
Сюда, мой меч любезный!
Рази меня, клинок,
В тот самый левый бок,
Где слышен сердца стук.
Избавь меня от мук!

(Закальвается.)

И вот я мертв, ах, ах!
Мой дух уж в небесах!
На небо улетаю,
Лишь кости здесь слагаю.
Язык, свой свет сокрой!..
Луна, лети долой!

Лунный Свет уходит.

Несчастный, умирай!
Ай-ай-ай-ай-ай-ай!»

(Умирает.)

Д е м е т р и й. Какие же он кости слагает? Всего одно очко: ведь он один.

Л и з а н д р. Меньше, чем одно очко, приятель: он умер — значит, он пустышка.

Т е з е й. С помощью хорошего хирурга он мог бы исцелиться и оказаться ослом.

И п п о л и т а. Как же это Лунный Свет ушел раньше, чем Фисба вернулась? Ведь ей надо отыскать своего любовника.

Т е з е й. Она его отыщет при свете звезд. Вот и она: ее отчаянием заканчивается пьеса.

Входит Ф и с б а.

И п п о л и т а. По-моему, из-за такого Пирама отчаяние не может быть слишком продолжительным: надеюсь, она будет краткой.

Д е м е т р и й. Пылинка перетянет чашу весов, если начать взвешивать, кто из них лучше, Пирам или Фисба: он как мужчина (боже нас упаси!) или она как женщина (сохрани нас боже!).

Лизандр. Вот она уже высмотрела его своими прелестными глазками.

Деметрий. И начинает его оплакивать.

Фисба

«Ты спишь ли, голубок?
Как! Умер мой дружок?
Проснись! Ты нем иль мертв совсем
И очи тьмой покрыты?
Твоя исчезла красота —
Вишневый нос алее роз,
Твои лилейные уста
И желтые ланиты...
Любовники, стенайте все:
Вот он лежит во всей красе!
Ах, чудный взор его очей
Был зеленее, чем порей.
Прощай, мой ненаглядный!
Вы, три сестры, сюда скорей,
С руками молока белей;
Теперь они у вас в крови:
Вы нить шелковую любви
Порвали беспощадно.
Молчи, язык! К чему тут речь?
Приди сюда, мой верный меч!
Рази скорей — вот грудь моя.
(Закалывается.)
Прощайте, все друзья:
Кончает Фисба жизнь свою, —
Адью, адью, адью!»
(Умирает.)

Тезей. Лев и Луна остались в живых, чтобы скоронить мертвых.

Деметрий. Да, и Стена тоже.

Основа. Нет, смею вас уверить, стена, которая разделила их отцов, больше не существует. Угодно вам посмотреть эпилог или прослушать бергамский танец в исполнении двух наших актеров?

Тезей. Не надо эпилога: ваша пьеса в извинении не нуждается. Какие же извинения? Раз все актеры умерли, бранить некого. Если бы сочинитель этой пьесы сыграл Пирама и удавился бы подвязкой Фисбы, то это была бы отличная трагедия и прекрасно

исполненная; но она и так хороша. Покажите нам ваш бергамский танец, а эпилог не нужен.

Танец.

Ах! Полночь языком своим железным
Двенадцать отсчитала. Спать скорее!
Влюбленные, настал волшебный час.
Боюсь, что утром так же мы просним,
Как незаметно за ночь засиделись.
Нам пьеса сократила ночи ход.
В постель, друзья, — еще нам две недели
Ночных забав и новых развлечений.

Уходят.

СЦЕНА 2

Там же.

Появляется П э к.

П э к

Вот голодный лев рычит,
И на месяц воеет волк.
Утомленный пахарь спит.
Труд окончен, шум замолк.
Гаснут рдяные дрова,
В темноте кричит сова,
И больному крик тот злобный
Предвещает холм надгробный.
Час настал, чтоб на погосте
Разверзалась пасть гробов.
Возле церкви всюду гости —
Бродят тени мертвецов.
Мы ж Гекате вслед летим,
И, как сны во тьме, мы таем;
Но пока везде чудим,
Дом счастливый облетаем.
Не мешай ничто покою,
Даже мышь не смей скрести.
Послан я вперед с метлою
Сор за двери весь смести.

Появляются Титания и Оберон со свитой.

Оберон

Осветите спящий дом
Сонным мертвенным огнем.
Каждый эльф и крошка-фея,
Легче птичек всюду рея,
Вторьте песенке моей
И пляшите веселей!

Титания

Прежде песню разучите,
Нота в ноту щебечите;
Легким роем все потом
Осветим мы с пеньем дом.

Поют и танцуют.

Оберон

До зари по всем углам
Разлетитесь здесь и там.
Я же царственное ложе
Прежде всех благословлю;
Остальных влюбленных тоже
Светлым счастьем наделю.
В дар прекрасным новобрачным
Верность чувств мы принесем.
Пусть счастливым и удачным
Будет их союз во всем.
Я породы благородство
Навсегда их детям дам.
Не коснется их уродство,
Знак, пятно, рубец иль шрам —
Все природы поврежденья,
Что бывают от рожденья;
Вы росой полевою
Окропите мирный кров:
Будь над царственной четою
Счастье, мир во век веков!
Отправляйтесь, разлетайтесь,
На заре ко мне являйтесь.

Оберон, Титания и свита уходят.

Пэкс

Коль я не смог вас позабавить,
Легко вам будет все исправить:

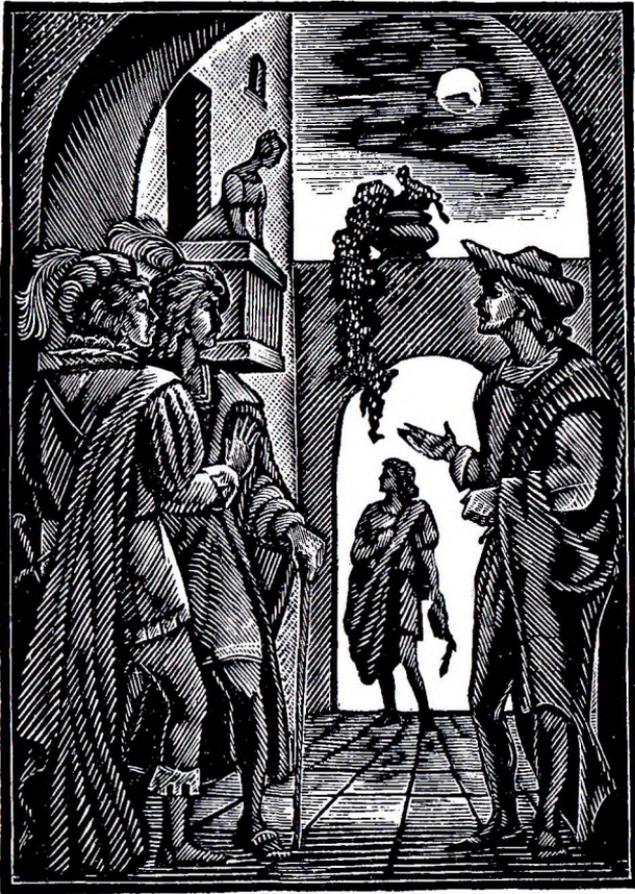
Представьте, будто вы заснули
И перед вами сны мелькнули.
И вот, плохому представленью,
Как бы пустому сновиденью,
Вы окажите снисхожденье.
Мы будем благодарны ввек.
Притом клянусь, как честный Пэк,
Что если мы вам угодили
И злобных змей не разбудили,
То лучше все пойдет потом.
Давайте руки мне на том.
Коль мы расстанемся друзьями,
В долгу не буду перед вами.
(Исчезает.)





МНОГО ШУМА ИЗ НИЧЕГО

ПЕРЕВОД Т. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК





ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Педро, принц Арагонский.
Дон Хуан, его побочный брат.
Клавдио, молодой знатный флорентинец.
Бенедикт, — молодой знатный падуанец.
Леонато, мессинский губернатор.
Антонио, его брат.
Бальтазар, слуга дона Педро.
Борачио } приближенные дона Хуана.
Конрад }
Отец Франциск, монах.
Кизил, полицейский пристав.
Булава, помощник его.
Протоколист.
Мальчик.
Геро, дочь Леонато.
Беатриче, племянница Леонато.
Маргарита } камеристки Геро.
Урсула }
Гонцы, стража, свита, слуги.

Место действия — Мессина.



АКТ I

СЦЕНА 1

Перед домом Леонато.

Входят Леонато, Геро, Беатриче и гонец.

Леонато. Я вижу из этого письма, что герцог Арагонский прибудет сегодня вечером к нам в Мессину.

Гонец. Сейчас он уже близко: я его оставил мили за три отсюда.

Леонато. Сколько же дворян потеряли вы в этом сражении?

Гонец. Очень немного; а из знатных — никого.

Леонато. Победа — двойная, когда победители возвращаются без потерь. В письме сообщается, что дон Педро весьма отличил молодого флорентинца по имени Клавдио.

Гонец. Он вполне заслужил это, и дон Педро, упомянув о нем, лишь воздал ему должное: синьор Клавдио превзошел все, что можно было ожидать от него в его возрасте: он дрался как лев во образе агнца. Словом, он превысил все надежды настолько, что это превышает мое умение рассказывать.

Леонато. В Мессине у него есть дядя, которого эти вести очень порадуют.

Гонец. Я уже вручил ему письма: он очень обрадовался им — до такой степени, что радость из стыдливости прибегла к наружным признакам горести.

Леонато. Он заплакал?

Гонец. Неудержимо.

Л е о н а т о. Сердечный избыток сердечности! Что может быть правдивее лица, омытого подобными слезами? Насколько лучше плакать от радости, чем радоваться слезам!

Б е а т р и ч е. А скажите, пожалуйста, синьор Фехтовальщик вернулся с войны или нет?

Г о н е ц. Я такого имени не слышал, синьора. В нашем войске такого человека не было.

Л е о н а т о. О ком это ты спрашиваешь, племянница?

Г е р о. Кузина имела в виду синьора Бенедикта из Падуи.

Г о н е ц. А, он вернулся; и такой же весельчак, как всегда.

Б е а т р и ч е. Он по всей Мессине развесил объявления, вызывая Купидона на состязание в стрельбе острыми стрелами; а дядюшкин шут прочел вызов, расписался за Купидона и предложил состязаться тупыми стрелами. Скажите, пожалуйста, много людей он на этой войне убил и съел? То есть много ли он убил? Потому что съесть всех, кого он убьет, обещала я.

Л е о н а т о. Право, племянница, ты слишком нападаешь на синьора Бенедикта; но я не сомневаюсь, что он поладит с тобой.

Г о н е ц. Он очень отличился на войне, сударыня.

Б е а т р и ч е. Верно, у вас был залежалый провиант, и он помог вам с ним управиться? Он доблестный обжора, желудок у него превосходный.

Г о н е ц. Он превосходный воин, сударыня.

Б е а т р и ч е. Да, когда с дамами; а каков-то он с кавалерами?

Г о н е ц. С кавалером он — кавалер, а с воином — воин: он полон всяких достоинств.

Б е а т р и ч е. Прямо-таки начинен ими, как пирог; но что до качества начинки... все мы — люди смертные.

Л е о н а т о. Не принимайте, сударь мой, всерьез выходок моей племянницы. Между нею и синьором Бенедиктом идет шуточная война: стоит им только сойтись, как сейчас же начинается перестрелка остротами.

Б е а т р и ч е. Увы, он никогда не остается в выигрыше! В нашей последней стычке четыре из его пяти умственных способностей получили тяжелое увечье, и теперь им управляет одна-единственная; если у него хоть малая толика ума осталась — так хватит разве на то,

чтобы отличить его от его лошади. Это единственное, что дает ему право называться разумным существом. А кто теперь его приятель? У него ведь каждый месяц новый названный братец.

Г о н е ц. Возможно ли?

Б е а т р и ч е. Очень даже возможно; его верность — все равно что фасон его шляп: меняется с каждой новой болванкой.

Г о н е ц. Я вижу, сударыня, что этот кавалер не записан у вас в книге почета.

Б е а т р и ч е. Нет! Будь это так, я сожгла бы всю мою библиотеку. Но все-таки — кто же его приятель? Неужели нет какого-нибудь молодого шалопа, который готов с ним вместе отправиться хоть к самому черту?

Г о н е ц. Он чаще всего бывает в обществе благородного Клавдио.

Б е а т р и ч е. О господи! Он пристанет к нему, как болезнь: он прилипчивее чумы, а кто им заразится, тот непременно сойдет с ума. Помоги, создатель, благородному Клавдио! Если он заразился Бенедиктом, лечение обойдется ему в тысячу фунтов.

Г о н е ц. Разрешите мне быть вашим другом, синьора.

Б е а т р и ч е. Сделайте одолжение, милый друг.

Л е о н а т о. Ну, племянница, тебе-то уж не грозит опасность сойти с ума.

Б е а т р и ч е. Разве что в январе жара хватит.

Г о н е ц. Идет дон Педро.

Входят дон Педро, дон Хуан, Клавдио
Бенедикти Бальтазар.

Д о н П е д р о. Добрейший синьор Леонато, вы сами причиняете себе беспокойство. Другие стараются избежать лишних расходов, а вы сами напрашиваетесь на них.

Л е о н а т о. Беспокойство никогда не является в мой дом в лице вашего высочества. Ведь когда беспокойство исчезает — остается облегчение, а когда вы от меня уезжаете — остается огорчение, а счастье говорит: «прости».

Д о н П е д р о. Вы слишком охотно берете на себя заботы. — Это, вероятно, ваша дочь?

Л е о н а т о. По крайней мере, ее мать не раз мне это говорила.

Бенедикт. А вы разве сомневались в этом, что спрашивали ее?

Леонато. Нет, синьор Бенедикт, потому что вы тогда были еще ребенком.

Дон Педро. Получайте, Бенедикт. Теперь ясно, чем вы стали, когда сделались мужчиной. — Но, право, ее лицо ясно говорит, кто ее отец. (*К Геро.*) Будьте счастливы, сударыня; вы походите лицом на достойнейшего человека.

Бенедикт. Хотя синьор Леонато и отец ей, однако я уверен, что она за всю Мессину не согласилась бы иметь его голову на своих плечах, — как ни велико между ними сходство.

Беатриче. Удивляюсь, как это вам охота все время болтать, синьор Бенедикт, когда на вас никто не обращает внимания.

Бенедикт. Как, милейшая Шпилька, вы еще живы?

Беатриче. Может ли Шпилька умереть, когда у нее есть такой удобный предмет для укулов, как синьор Бенедикт? Сама Любезность должна превратиться в Шпильку в вашем присутствии.

Бенедикт. Тогда Любезность станет оборотнем. Но одно верно: в меня влюблены все дамы, за исключением вас одной. А я, хоть и от всего сердца хотел бы, чтобы мое сердце не было таким жестоким, ни одной из них не люблю.

Беатриче. Какое счастье для женщин! Иначе им пришлось бы терпеть убийственного поклонника. Благодарю бога и мою холодную кровь за то, что в этом я похожа на вас: для меня приятнее слушать, как моя собака лает на ворон, чем как мужчина клянется мне в любви.

Бенедикт. Да укрепит небо вашу милость в подобных чувствах! Это избавит немало синьоров от царапин на физиономии.

Беатриче. Если физиономия вроде вашей, так от царапин хуже не станет.

Бенедикт. Ну, вам бы только попугаев обучать.

Беатриче. Птица моей выучки будет лучше, чем животное, похожее на вас.

Бенедикт. Хотел бы я, чтобы моя лошадь равнялась быстротой и неутомимостью с вашим язычком. Впрочем, продолжайте с богом; я кончил.

Б е а т р и ч е. Вы всегда кончаете лошадиной остро-
той. Я это давно знаю.

Д о н П е д р о. Отлично, Леонато. — Синьор Клав-
дио и синьор Бенедикт, мой дорогой друг Леонато при-
глашает нас всех к себе. Я ему сказал, что мы пробудем
здесь по меньшей мере месяц, но он выражает сердеч-
ное желание, чтобы какая-нибудь случайность задер-
жала нас еще дольше. И я готов поклясться, что это не
притворство, а чистая правда.

Л е о н а т о. Если вы в этом поклянетесь, ваше высо-
чество, то не рискуете оказаться клятвоприступником.
(Дону Хуану.) Позвольте мне приветствовать и вас, ваша
светлость. Раз вы примирились с вашим братом, я весь
к вашим услугам.

Д о н Х у а н. Благодарю. Я не люблю лишних слов,
но... Благодарю.

Л е о н а т о. Не угодно ли вашему высочеству прой-
ти вперед?

Д о н П е д р о. Вашу руку, Леонато: войдемте вме-
сте.

Все, кроме Бенедикта и Клавдио, уходят.

К л а в д и о. Бенедикт, заметил ты дочь синьора
Леонато?

Б е н е д и к т. Заметить не заметил, но видел ее.

К л а в д и о. Какая скромная молодая девушка!

Б е н е д и к т. Как вы спрашиваете меня: как чест-
ный человек — только затем, чтобы узнать мое иск-
реннее мнение, или хотите, чтобы я ответил вам, по
своему обыкновению, как признанный враг женского
пола?

К л а в д и о. Нет. Прошу тебя, отвечай просто и пря-
мо.

Б е н е д и к т. Что ж, по-моему, для большой похва-
лы она слишком мала; для высокой — слишком низка
ростом; для ясной — слишком смугла. Одно могу сказать
в ее пользу: будь она иной, она была бы нехороша; а та-
кая, как есть, она мне не нравится.

К л а в д и о. Ты думаешь, что я шучу? Нет, я прошу
тебя сказать искренне, как она тебе нравится.

Б е н е д и к т. Да что ты, купить ее, что ли, хочешь,
что так о ней расспрашиваешь?

К л а в д и о. Разве может кто-нибудь в мире купить
такую драгоценность?

Б е н е д и к т. О да, и даже найти футляр, чтобы уложить ее. Но что это ты — серьезно говоришь или так, играешь в остроумие, вроде болтунов, утверждающих, что Купидон — хороший охотник на зайцев, а Вулкан — отличный плотник? Скажи, в каком ключе надо тебе подпевать, чтобы попасть в тон твоей песне?

К л а в д и о. На мой взгляд, это прелестнейшая девушка, какую я когда-либо видел.

Б е н е д и к т. Я могу еще обходиться без очков, однако ничего такого не вижу. Вот ее сестра — не вселись в нее бес — была бы лучше ее настолько, насколько первые дни мая лучше конца декабря. Но, я надеюсь, тебе не захотелось обратиться в женатого человека? Или захотелось?

К л а в д и о. Я не поверил бы самому себе, если бы поклялся в противном, согласись только Геро стать моей женой.

Б е н е д и к т. Вот до чего дело дошло! Да неужели же во всем мире нет ни одного человека, который бы желал носить на голове шапку, не вызывая подозрений? Неужели так мне никогда и не видать шестидесятилетнего холостяка? Ну что ж, валяй! Раз ты непременно хочешь носить ярмо, подставляй шею и вздыхай напролет все воскресные дни. — Смотри, дон Педро идет сюда: должно быть, он ищет нас.

Входит дон Педро.

Дон Педро. Какие это секреты задержали вас здесь, помешав последовать за Леонато?

Б е н е д и к т. Я бы хотел, чтобы ваше высочество принудили меня открыть вам все.

Дон Педро. Повелеваю тебе именем твоей присяги на верность.

Б е н е д и к т. Ты слышишь, граф Клавдио? Я умею хранить тайны, как немой, — ты в этом не должен сомневаться. Но именем моей присяги на верность — слышишь, присяги на верность! — он влюблен! «В кого?» (Это спрашивает ваше высочество.) Заметьте, до чего быстр его ответ: «В маленькую Геро, дочь Леонато».

К л а в д и о. Если это действительно так, ответ правильный.

Б е н е д и к т. Как в старой сказке, ваше высочество: «Это не так, и не было так, и дай боже, чтобы этого не было».

К л а в д и о. Если страсть моя внезапно не исчезнет, дай боже, чтобы так оно и было.

Д о н П е д р о. Аминь, если вы любите ее; она вполне достойна любви.

К л а в д и о. Вы это говорите, чтобы меня поймать, ваше высочество?

Д о н П е д р о. Клянусь честью, я искренне высказал свои мысли.

К л а в д и о. И я, клянусь истиной, высказал свои.

Б е н е д и к т. А я клянусь и честью и истиной, что высказал свои.

К л а в д и о. Что я люблю ее — я это чувствую.

Д о н П е д р о. Что она достойна любви — я это знаю.

Б е н е д и к т. А вот я так не чувствую, как ее можно любить, и не знаю, достойна ли она любви. Таково мое мнение, и его из меня огнем не выжечь: готов за него на костре умереть.

Д о н П е д р о. Ты всегда был закоренелым еретиком в отношении прекрасного пола.

К л а в д и о. И он всегда выдерживал эту роль только благодаря силе воли.

Б е н е д и к т. Я очень благодарен женщине — за то, что она меня родила, и за то, что меня выкормила, тоже нижайше благодарю; но чтобы у меня на лбу играла роговая музыка или чтобы привесить мне рожок на невидимый ремешок, — нет, тут уж пусть женщины меня извинят. Я не желаю оскорбить своим недоверием какую-нибудь одну из них и потому не верю ни одной. Окончательный вывод тот, что меня не проведешь, и я до конца жизни останусь холостяком.

Д о н П е д р о. Прежде, чем умру, я еще увижу тебя побледневшим от любви.

Б е н е д и к т. От злости, от болезни или от голода, ваше высочество, но уж никак не от любви. Если я начну бледнеть от любви, вместо того чтобы краснеть от вина, — позволяю вам выколоть мне глаза пером плохого стихоплета и повесить меня вместо вывески над входом в публичный дом в качестве слепого Купидона.

Д о н П е д р о. Ну, если ты когда-нибудь отречешься от своих слов, ты будешь славной мишенью для насмешек.

Б е н е д и к т. Если отрекусь, повесьте меня, как кошку, в кувшине и стреляйте в меня. И кто в меня попадет, того можете хлопнуть по плечу и назвать Адамом Беллом.

К л а в д и о. Время покажет! Говорят ведь: «И дикий бык свыкается с ярмом!»

Б е н е д и к т. Дикий бык — может быть; но если благоразумный Бенедикт влезет в ярмо — спилите у быка рога и нацепите мне их на голову, потом размалуйте меня и подпишите под портретом огромными буквами, как пишут: «Здесь сдается внаем хорошая лошадь», — «Здесь показывают женатого Бенедикта».

К л а в д и о. Если это случится, ты, пожалуй, станешь бодаться.

Д о н П е д р о. Нет. Если только Купидон не растратил в Венеции всех своих стрел, не миновать тебе этого потрясения.

Б е н е д и к т. Скорее землетрясение случится.

Д о н П е д р о. Время покажет. А пока что, любезнейший синьор Бенедикт, отправляйтесь к Леонато, передайте ему мой привет и скажите, что я не премину прийти к нему на ужин. Он затеял большие приготовления...

Б е н е д и к т. Вот такое поручение особенно охотно исполню. «А засим вручаю вас...»

К л а в д и о. «...милости божией. Писано в моем доме, если бы он был у меня...»

Д о н П е д р о. «...июля шестого дня. Ваш любящий друг Бенедикт».

Б е н е д и к т. Нечего смеяться, нечего смеяться. Красноречие ваше заштопано лохмотьями, да и те плохо держатся на нем. Вы бы посовестились пускать в ход старые остроты. На этом я вас оставляю. *(Уходит.)*

К л а в д и о

Я вас прошу помочь мне, государь.

Д о н П е д р о

Моя любовь помочь тебе готова.

Но как? Скажи — и выучит она

Урок труднейший, чтоб тебе помочь.

К л а в д и о

Есть сын у Леонато, государь?

Д о н П е д р о

Наследница и дочь одна лишь — Геро.
Ее ты любишь?

К л а в д и о

О мой государь,
Когда мы шли в поход, что ныне кончен,
Я любовался ею, как солдат,
Которому суровый долг мешает
Дать нежной склонности расцвести в любовь.
Но я вернулся — бранные заботы
Меня покинули; на место их
Стеклись толпою сладкие желанья
И шепчут мне: прекрасна Геро,
Что до войны была уж мне мила.

Д о н П е д р о

Теперь всех слушателей, как влюбленный,
Потоком слов ты станешь донимать!
Ты любишь Геро — ну так и люби.
С ее отцом и с ней поговорю я:
Она твоею будет. Не затем ли
Ты стал плести искусный свой рассказ?

К л а в д и о

Как нежно вы врачуете любовь,
По бледности поняв ее страданья!
Чтоб вы ее внезапной не сочли,
Хотел помочь я делу длинной речью.

Д о н П е д р о

Зачем же шире речки строить мост?
Подарок лучший — то, в чем есть потребность.
Смотри, как это просто: ты влюблен,
А я тебе лекарство предоставляю.
Сегодня ночью будет маскарад.
Я за тебя могу сойти под маской,
Скажу прекрасной Геро, что я Клавдио,
От сердца к сердцу все открою ей,
И слух ее я силой в плен возьму

И пылким приступом влюбленной речи.
Затем с ее отцом я потолкую,
И в заключение — она твоя.
Давай скорее примемся за дело.

Уходят.

СЦЕНА 2

Комната в доме Леонато.

Входят с разных сторон Леонато и Антонио.

Леонато. Ну что, братец? Где же мой племянник, где твой сын? Позаботился он о музыке?

Антонио. Хлопочет изо всех сил. Но послушайка, братец; я сейчас расскажу тебе такие новости, что тебе и во сне не снились.

Леонато. А хорошие это новости?

Антонио. Смотря по тому, как развернутся события; но на первый взгляд неплохие, я бы сказал даже — очень хорошие. Принц и граф Клавдио прогуливались в густой аллее у меня в саду, и один из моих слуг подслушал их разговор. Принц признавался Клавдио, что он влюблен в мою племянницу, твою дочь, и намерен открыться ей нынче вечером, во время танцев; и если получит ее согласие, то времени терять не станет, а сейчас же переговорит с тобой.

Леонато. А у него есть царь в голове? У того, кто это тебе говорил?

Антонио. Это малый смышленный; я пошлю за ним — расспроси его сам.

Леонато. Нет-нет. Будем считать это сном, пока все не сбудется в действительности. Но дочь мою надо предупредить — на случай, если это окажется правдой. Ступай, расскажи ей это.

Входят слуги.

Вы, голубчики, знаете, что вам надо делать. (К Антонио.) Эй, дружок, сделай милость, пойдем со мной. Придется тебе проявить всю свою сноровку. Уж постарайся, голубчик, помоги мне в хлопотах.

Уходят.

СЦЕНА 3

Там же.

Входят дон Хуан и Конрад.

Конрад. Что это значит, ваша светлость? Почему вы так безмерно печальны?

Дон Хуан. Причина этому превыше всякой меры; оттого и у моей печали нет границ.

Конрад. Вам бы следовало послушаться доводов рассудка.

Дон Хуан. Ну, а если я их послушаюсь, какую пользу мне это принесет?

Конрад. Если это и не доставит вам быстрое облегчение, то, по крайней мере, поможет терпеливо переносить неприятности.

Дон Хуан. Странно! Ты сам говоришь, что родился под знаком Сатурна, а вместе с тем пытаешься предложить мне нравственные средства против смертельного недуга. Я не умею скрывать свои чувства: когда у меня есть причина для печали, я должен быть печальным и ни на чьи шутки не улыбаться; когда я голоден, я должен есть и никого не дожидаться; когда меня ко сну клонит, должен спать, не заботясь ни о чьих делах; когда мне весело, смеяться — и никогда не подделываться под чье бы то ни было настроение.

Конрад. Да, но вам не следует выказывать свой характер, пока вы не будете вполне самостоятельны. Вы так недавно восставали против вашего брата; сейчас он вернул вам свою милость, но, чтобы вам утвердиться в ней, уж вы сами должны позаботиться о хорошей погоде. Сумейте выбрать время для своей жатвы.

Дон Хуан. Я бы лучше хотел быть чертополохом у забора, чем розой в саду его милости. По моей натуре, мне приятнее терпеть общее презрение, чем притворством красть чью-нибудь любовь. Хоть и нельзя сказать, что я льстиво добродетелен, никто не странет отрицать, что я откровенный негодяй. Мне доверяют, надев намордник, и дают свободу, опутав ноги. Вот я и решил: не буду петь в клетке! Снимите с меня намордник — я буду кусаться; дайте мне свободу — я буду делать все, что хочу. Пока что дай мне быть самим собой и не старайся изменить меня.

К о н р а д. Неужели вы не можете извлечь какой-нибудь пользы из вашего недовольства?

Д о н Х у а н. Я из него извлекаю всю пользу, какую могу, потому что это все, что у меня есть! Кто это идет?

Входит Б о р а ч и о.

Что нового, Борачио?

Б о р а ч и о. Я только что с великолепного ужина. Леонато по-царски принимает вашего брата. Могу вам сообщить о предстоящей свадьбе.

Д о н Х у а н. Нельзя ли из этого устроить какую-нибудь каверзу? Какой дуралей хочет обручиться с работами?

Б о р а ч и о. Представьте себе, правая рука вашего брата.

Д о н Х у а н. Кто? Очаровательный Клавдио?

Б о р а ч и о. Он самый.

Д о н Х у а н. Прекраснейший кавалер. Но на ком же? На ком? Кто прельстил его?

Б о р а ч и о. Представьте себе, Геро — дочь и наследница Леонато.

Д о н Х у а н. Быстро же он оперился! Но как ты это узнал?

Б о р а ч и о. Мне приказали покурить в комнатах. И вот, когда я зашел в одну непроветренную комнату, вдруг вижу: идут мне навстречу принц и Клавдио под ручку и о чем-то серьезно разговаривают. Я мигом юркнул за занавеску и оттуда все слышал — как они условились, что принц посватает Геро и, получив ее согласие, вручит ее графу Клавдио.

Д о н Х у а н. Ого! Пойдем-ка туда. Пожалуй, тут есть на чем сорвать мою досаду. Этот юный выскочка — причина моего падения, и, если я хоть как-нибудь сумею насолить ему, я буду очень счастлив. Верны ли вы оба и беретесь ли мне помочь?

К о н р а д. По гроб жизни, ваша светлость.

Д о н Х у а н. Пойдем же на их великолепный ужин. Их веселье еще увеличивается сознанием, что я побежден. О, если бы повар разделял мои чувства! Но пойдем посмотрим, что тут можно сделать.

Б о р а ч и о. Мы к услугам вашей светлости.

Уходят.

АКТ II

СЦЕНА I

Зал в доме Леонато.

Входят Леонато, Антонио, Геро, Беатриче и другие.

Леонато. А графа Хуана не было за ужином?

Антонио. Я не видел его.

Беатриче. Какое кислое выражение лица у этого господина! Стоит на него взглянуть — и меня потом целый час изжога мучает.

Геро. Он очень меланхолического нрава.

Беатриче. Вот если бы взять среднее между ним и Бенедиктом, превосходный вышел бы человек: один — совсем истукан, ничего не говорит; другой, как любимый сынок, вечно болтает без умолку.

Леонато. Значит, если бы половину языка синьора Бенедикта в уста графа Хуана, а половину меланхолии графа Хуана на лицо синьора Бенедикта...

Беатриче. ...да еще вдобавок стройные ноги, дядюшка, и побольше денег в кошельке. О, такой мужчина покорила бы любую женщину в мире, если бы только мог заслужить ее благосклонность!

Леонато. Право, племянница, ты никогда не найдешь себе мужа, если будешь так остра на язык.

Антонио. Да, уж очень любит она бодаться.

Беатриче. Не страшно! Ведь говорят: «Бодливой корове бог рог не дает».

Леонато. Так ты думаешь, что и тебе бог рог не даст?

Беатриче. Конечно, если он не даст мне мужа, о какой милости я коленапреклоненно молю его денно и ночью. О господи! Бородатый мужчина — какой ужас! Да я лучше соглашусь спать на шерстяных простынях!

Леонато. Может попасться и безбородый.

Беатриче. А что мне с ним делать? Одеть его в мое платье и сделать своей горничной? У кого есть борода, тот уже не юноша; у кого ее нет, тот еще не мужчина. Если он уже не юноша, он для меня не годится; если он еще не мужчина, я для него не гожусь. Лучше уж наймусь к вожжаку медведей и буду водить его обезьян в аду.

Л е о н а т о. Что же это, ты намерена отправиться в ад?

Б е а т р и ч е. Нет, только до ворот, дядюшка! Там меня встретит дьявол — этот старый рогоносец — и скажет: «Ступай на небо, Беатриче, ступай на небо! Тут вам, девицам, нет места!» Тогда я ему оставлю обезьян, а сама — к святому Петру на небеса. Он мне укажет, где помещаются холостяки, и тут пойдет у нас веселье день-деньской.

А н т о н и о (к Геро). А ты, племянница, надеюсь, будешь повиноваться отцу?

Б е а т р и ч е. О, конечно. Кузина сочтет своим долгом присесть и сказать: «Как вам будет угодно, батюшка!» — Но смотри, кузина, пусть это будет красивый малый, а то лучше присядь в другой раз и скажи: «Как будет угодно мне, батюшка!»

Л е о н а т о. Хорошо-хорошо, племянница. А я все-таки надеюсь в один прекрасный день увидеть тебя замужем.

Б е а т р и ч е. Нет, пока бог не создаст мужчину из какой-нибудь другой материи, чем земля! Не обидно ли для женщины, чтобы ею управлял комок земли? Отдавать отчет в своем поведении куску грубой глины. Нет, дядюшка, я этого не желаю. Все мужчины мне братья по Адаму, а выходить за родственников я считаю грехом.

Л е о н а т о. Помни, дочка, что я тебе сказал: если принц будет просить твоего согласия, ты знаешь, что ему ответить.

Б е а т р и ч е. Он погрешит против музыки, кузина, если посватается не в такт. Если принц будет слишком настойчив, ты скажи ему, что во всякой вещи надо соблюдать меру, и протанцуй ему свой ответ. Потому что — поверь мне, Геро, — сватовство, венчанье и раскаянье — это все равно что шотландская джигга, менуэт и синкпес. Первое протекает горячо и бурно, как джигга, и так же причудливо; венчанье — чинно и скромно, степенно и старомодно, как менуэт; ну, а потом приходит раскаянье и начинает разбитыми ногами спотыкаться в синкпесе все чаще и чаще, пока не свалится в могилу.

Л е о н а т о. Ты все видишь в дурном свете, племянница!

Б е а т р и ч е. У меня хорошее зрение, дядюшка. Днем я могу даже церковь разглядеть.

Леонато. Вот и маски, братец. Дадим им место.

Входят дон Педро, Клавдио, Бенедикт,
Бальтазар, дон Хуан, Борачио, Маргарита,
Урсула и другие, в масках.

Дон Педро. Не угодно ли вам пройтись с вашим поклонником, синьора?

Геро. Если вы будете идти медленно, смотреть нежно и ничего не говорить, я готова пройтись с вами, — особенно чтобы уйти в сторону.

Дон Педро. Вместе со мной?

Геро. Может быть, и так, если мне вздумается.

Дон Педро. А в каком случае вам это вздумается?

Геро. Если мне понравится ваше лицо. А то вдруг, упаси боже, лютия окажется такой же, как футляра!

Дон Педро. Моя маска — вроде крыши Филемоновой хижины: внутри нее — Юпитер.

Геро. Так отчего же на ней нет соломь?

Маргарита. Говорите тише, если хотите потолковать о любви.

Бальтазар (*уводит ее в сторону*). Хотел бы я вам понравиться!

Маргарита. А я бы этого не хотела — ради вас самих, потому что у меня очень много недостатков.

Бальтазар. Ну, например, хоть один.

Маргарита. Я молюсь вслух.

Бальтазар. Тем более вы мне милы: кто будет вас слушать, может приговаривать: «аминь».

Маргарита. Пошли мне боже хорошего танцора!

Бальтазар. Аминь.

Маргарита. И убери его с глаз моих, как только танец кончится! Ну что же, пономарь?

Бальтазар. Ни слова больше: пономарь получил ответ.

Урсула. Я вас узнала: вы синьор Антонио.

Антонио. Даю слово, нет.

Урсула. Я вас узнала по тому, как у вас голова трясется.

Антонио. Сказать по правде, я его передразниваю.

Урсула. Нет, так ловко это проделывать умеет только сам синьор Антонио. И рука у вас сухая и с той и с другой стороны, точь-в-точь как у него. Узнала, узнала!

Антонио. Даю слово, нет.

У р с у л а. Полно, полно! Вы думаете, я не узнаю вас по вашему замечательному остроумию? Разве талант можно скрыть? Будет, не спорьте: вы — Антонио, вы — Антонио. Достоинства всегда обнаруживаются — и дело с концом!

Б е а т р и ч е. Вы так и не скажете мне, кто это вам говорил?

Б е н е д и к т. Простите, нет.

Б е а т р и ч е. И не скажете мне: кто вы?

Б е н е д и к т. Пока — нет.

Б е а т р и ч е. Что я капризница и что все мое остроумие заимствовано из «Ста веселых рассказов» — это, наверно, сказал синьор Бенедикт.

Б е н е д и к т. А кто он такой?

Б е а т р и ч е. Я уверена, что вы его отлично знаете.

Б е н е д и к т. Уверю вас, нет.

Б е а т р и ч е. Он ни разу не заставлял вас смеяться?

Б е н е д и к т. Да кто же он такой, скажите, пожалуйста!

Б е а т р и ч е. Принцев шут, совсем плоский шут. Единственный его талант — выдумывать самые невероятные сплетни. Нравится он одним только распутникам, да и те ценят в нем не остроумие, а подлость. Он одновременно забавляет людей и возмущает их, так что они и смеются и колотят его. Я уверена, он где-нибудь здесь крейсирует. Хотела бы я, чтобы он причалил ко мне.

Б е н е д и к т. Когда я познакомлюсь с этим господином, я передам ему ваш отзыв о нем.

Б е а т р и ч е. Сделайте милость! Он только разразится на мой счет двумя-тремя сравнениями; а если этого никто не заметит и не рассмеется, он погрузится в меланхолию — и тогда за ужином уцелеет какое-нибудь крылышко от куропатки, потому что в этот вечер шут не будет ужинать.

Музыка.

Нам нужно следовать за первой парой.

Б е н е д и к т. Во всем хорошем, надеюсь?

Б е а т р и ч е. Ну, если она поведет нас к дурному, я ее покину при первом же туре.

Танцы.

Все, кроме дона Хуана, Борачио и Клавдио, уходят.

Дон Хуан. Положительно, мой брат влюблен в Геро. Он увел ее отца, чтобы просить ее руки. Дамы последовали за ней, и осталась только одна маска.

Борачио. Это Клавдио, я его узнаю по осанке.

Дон Хуан. Вы не синьор Бенедикт?

Клавдио. Вы угадали; он самый.

Дон Хуан. Синьор, вы очень близки с моим братом. Он влюбился в Геро. Прошу вас, постарайтесь как-нибудь отвлечь его от нее. Она неровня ему по рождению: вы сыграете благороднейшую роль в этом деле.

Клавдио. Откуда вы знаете, что он ее любит?

Дон Хуан. Я слышал, как он клялся ей в любви.

Борачио. Я тоже. Он клялся, что готов на ней жениться сегодня же вечером.

Дон Хуан. Однако пойдем ужинать.

Дон Хуан и Борачио уходят.

Клавдио

Вот так я отвечал за Бенедикта;
Но Клавдио дурную весть услышал.
Так, значит, принц хлопочет за себя!
Во всех делах бывает дружба верной,
За исключением любовных дел.
Любя, надейся лишь на свой язык
И доверяй любовь своим лишь взглядам.
Посредникам не верь: растает верность
В крови от чар колдуньи-красоты.
Случается все это ежечасно,
А я о том забыл. — Прощай же, Геро!

Входит Бенедикт.

Бенедикт. Граф Клавдио?

Клавдио. Он самый.

Бенедикт. Ну что ж, идем?

Клавдио. Куда?

Бенедикт. Очевидно, до ближайшей ивы, по вашему же делу, граф. Как вы намерены носить свою гирлянду? На шее, как цепь богатого ростовщика? Или через плечо, как перевязь лейтенанта? Так или иначе, а вам ее надеть придется: принц подцепил вашу Геро.

Клавдио. На здоровье.

Бенедикт. Гм! Так говорят честные торговцы скотом, продав быка. Но скажите-ка, вы ожидали, что принц так удружит вам?

К л а в д и о. Прошу вас, оставьте меня.

Б е н е д и к т. Ого! Это вроде как слепой дерется: мальчишка стянул мясо, а вы колотите по столбу.

К л а в д и о. Если вы не удалитесь, так я уйду.
(Уходит.)

Б е н е д и к т. Увы, бедная подстреленная птичка! Теперь пойдет и спрячется в камышах. Но как странно: синьора Беатриче и знает меня и не знает! Принцев шут. А, может быть, я получил это прозвище потому, что всегда весел? Ну нет, тут я сам к себе несправедлив; репутация моя не такова. Это только злой и едкий язык Беатриче выдает ее мысли за общее мнение. Ну хорошо же, я сумею за себя отомстить.

Входит дон Педро.

Д о н П е д р о. Послушайте, синьор, где граф? Вы его видели?

Б е н е д и к т. По правде говоря, ваша светлость, я сыграл роль госпожи Молвы. Я его нашел здесь — он был грустен, как заброшенная сторожка в лесу. Я сказал ему — и думаю, что сказал правду, — что вашей светлости удалось добиться благосклонности молодой особы, и вызвался проводить его до ближней ивы, чтобы сплести ему гирлянду в знак траура, как покинутому любовнику, или связать пук розог, потому что его стоит высечь.

Д о н П е д р о. Высечь? Но в чем же он провинился?

Б е н е д и к т. Сглупил, как школьник: на радостях, что нашел птичье гнездо, показал его товарищу — а тот его и украл.

Д о н П е д р о. Доверчивость ты ставишь ему в вину? Виноват тот, кто украл.

Б е н е д и к т. А все-таки не мешает и пучок розог связать, и гирлянду сплести: гирлянда ему самому пригодится, а розги он мог бы предоставить вам, потому что, как я понимаю, вы-то его гнездо и украли.

Д о н П е д р о. Я только научу пташек петь, а потом верну владельцу.

Б е н е д и к т. Если они запоют в лад с вашими словами, то вы честный человек.

Д о н П е д р о. Беатриче очень сердита на вас: кавалер, с которым она танцевала, сказал ей, что вы плохо о ней отзывались.

Бенедикт. О, да она сама обошлась со мной так, что бревно не выдержало бы! Дуб, будь на нем хоть один зеленый листочек, и тот не смолчал бы: сама моя маска начала, кажется, оживать и браниться с ней. Не догадавшись, что это я сам с ней, она заявила мне, что я «принцев шут», что я несноснее осенней распутицы, и пошло, и пошло: насмешка за насмешкой сыпались с такой невероятной быстротой, что я себя чувствовал мишенью, в которую стреляет целая армия. Ее слова — кинжалы; каждое из них наносит рану. Будь ее дыханье так же ядовито, как ее речи, около нее не осталось бы ничего живого: она бы отравила все и всех, вплоть до Полярной звезды. Я бы не женился на ней, даже если бы в приданое за ней дали все, чем владел Адам до грехопадения. Она бы самого Геркулеса засадила за вертел, а палицу заставила бы его расщепить на растопку. Бросим о ней говорить. Вы должны будете согласиться, что это сама адская богиня Ата в модном наряде. Молю бога, чтобы какой-нибудь чародей заговорил нас от нее. Поистине, пока она на земле, в аду живет спокойно, как в святом убежище, и люди нарочно грешат, чтобы попасть туда. Где она, там смуты, ссоры и беспокойство.

Входят К л а в д и о, Г е р о и Л е о н а т о, с другой стороны — Б е а т р и ч е.

Д о н П е д р о. А вот и она.

Бенедикт. Не угодно ли вашему высочеству дать мне какое-нибудь поручение на край света? Я готов за малейшим пустяком отправиться к антиподам, что бы вы ни придумали; хотите, принесу вам зубочистку с самой отдаленной окраины Азии, сбегая за меркой с ноги пресвитера Иоанна, добуду волосок из бороды Великого Могола, отправлюсь послом к пигмеям? Все будет мне приятнее, чем перекинуться тремя словами с этой гарпией. Есть у вас для меня какое-нибудь дело?

Д о н П е д р о. Единственно, чего я хочу от вас, — это наслаждаться вашим приятным обществом.

Бенедикт. О боже мой, нет — это кушанье мне не по вкусу: я терпеть не могу трещоток. *(Уходит.)*

Д о н П е д р о. Да-да, синьора Беатриче, вы потеряли сердце синьора Бенедикта.

Б е а т р и ч е. Это правда, ваше высочество: он мне его на время давал взаймы, а я ему за это платила проценты — и он получил обратно двойное сердце. Он его

у меня когда-то выиграл мечеными костями, так что ваше высочество правы, говоря, что оно для меня потеряно.

Д о н П е д р о. Вы его положили на обе лопатки, синьора, на обе лопатки.

Б е а т р и ч е. Только бы не он меня, — чтобы мне не народить дураков. Я привела вам графа Клавдио, за которым вы меня посылали.

Д о н П е д р о. Что это, граф? Отчего вы так печальны?

К л а в д и о. Я не печален.

Д о н П е д р о. Так что же, больны?

К л а в д и о. И не болен, ваше высочество.

Б е а т р и ч е. Граф ни печален, ни весел, ни болен, ни здоров. Он просто благопристойен, благопристойен, как апельсин, и такого же желтого цвета — цвета ревности.

Д о н П е д р о. Я нахожу, синьора, что ваше описание весьма правильно. Но клянусь — если это так, то воображение обмануло его. — Знай, Клавдио, я посватался от твоего имени, и прекрасная Геро согласна. Я переговорил с ее отцом — он тоже согласен. Назначай день свадьбы, и дай тебе бог счастья.

Л е о н а т о. Граф, возьмите мою дочь и с ней все мое состояние. Его высочество устроил этот брак, и да скажет милость небесная: «аминь».

Б е а т р и ч е. Говорите, граф: сейчас ваша реплика.

К л а в д и о. Молчание — лучший глашатай радости. Если бы я мог высказать, как я счастлив, я не был бы счастлив. — Геро, вы — моя, как и я — ваш; я себя отдаю за вас и в восторге от этой мены.

Б е а т р и ч е. Теперь говори ты, кузина, а если не можешь, то закрой ему рот поцелуем, — пусть и он больше не говорит.

Д о н П е д р о. Поистине, синьора, у вас веселое сердце.

Б е а т р и ч е. Да, ваше высочество, я ему очень благодарна, моему бедному глупенькому сердцу, что оно все принимает с лучшей стороны. Кузина говорит графу на ушко, что он завоевал ее сердце.

К л а в д и о. Совершенно верно, кузина.

Б е а т р и ч е. Вот мы с вами и породнились! Так-то вот все на свете устраиваются, кроме только одной меня, бедной чернушки. Остается мне сесть в уголок и кричать: «Дайте мне мужа!»

Д о н П е д р о. Синьора Беатриче, я вам доставлю мужа.

Б е а т р и ч е. Лучше бы мне его доставил ваш батюшка. Нет ли у вашего высочества брата, похожего на вас? Ваш батюшка наготовил превосходных мужей, — лишь бы девушки им нашлись под пару.

Д о н П е д р о. Хотите пойти за меня?

Б е а т р и ч е. Нет, ваше высочество, разве только у меня будет еще муж для будничных дней. Ваше высочество слишком драгоценны, чтобы носить вас каждый день. Но простите меня, ваше высочество; такая уж я уродилась: болтаю одни пустяки и ничего серьезного.

Д о н П е д р о. Я не простил бы вам только молчания: веселость очень вам к лицу. Без сомненья, вы родились в веселый час!

Б е а т р и ч е. Нет, конечно: моя матушка ужасно кричала. Но в это время в небе плясала звезда, под ней-то я и родилась. — Кузина и кузен, дай вам бог счастья!

Л е о н а т о. Племянница, ты позаботишься, о чем я тебя просил?

Б е а т р и ч е. Извините, дядя. — Прощу прощения, ваше высочество. *(Уходит.)*

Д о н П е д р о. Клянусь честью, превеселая девушка!

Л е о н а т о. Да, ваше высочество, элемента меланхолии в ней очень мало. Она бывает серьезна, только когда спит. Да и то не всегда: моя дочь рассказывает, что Беатриче нередко видит во сне какие-нибудь проказы, и тогда она просыпается со смехом.

Д о н П е д р о. Она и слышать не хочет о замужестве?

Л е о н а т о. Никоим образом: насмешками всех женихов отваживает.

Д о н П е д р о. Вот была бы превосходная жена для Бенедикта.

Л е о н а т о. О господи! Ваше высочество, да они в неделю заговорили бы друг друга насмерть.

Д о н П е д р о. Граф Клавдио, когда же свадьба?

К л а в д и о. Завтра, ваше высочество. Время тащится на костылях, пока любовь не исполнит всех своих обрядов.

Л е о н а т о. Нет, мой дорогой сын, не раньше понедельника, ровно через неделю. И то это слишком мало времени, чтобы все устроить, как мне хочется.

Д о н П е д р о. Я вижу, ты покачиваешь головой, услышав о такой отсрочке. Но ручаюсь тебе, Клавдио, что время у нас пролетит незаметно. Пока что я попытаюсь совершить один из подвигов Геркулеса — возбудить безумную любовь между синьором Бенедиктом и синьорой Беатриче. Мне ужасно хочется устроить этот брак, и я не сомневаюсь в успехе предприятия, если только вы все трое будете мне помогать и действовать по моим указаниям.

Л е о н а т о. Ваше высочество, я весь к вашим услугам, если даже мне придется для этого не спать десять ночей подряд.

К л а в д и о. Я также, ваше высочество.

Д о н П е д р о. И вы тоже, красавица Геро?

Г е р о. Я готова исполнить любое скромное поручение, чтобы помочь кузине получить хорошего мужа.

Д о н П е д р о. А Бенедикт — не самый безнадежный из всех, кого я знаю. Смело могу сказать в похвалу ему; он благородного происхождения, испытанной смелости и неоспоримой честности. Я научу вас, как подействовать на вашу кузину, чтобы она влюбилась в Бенедикта, а сам с вашей помощью так настрою Бенедикта, что при всем своем острым уме и привередливом вкусе он влюбится в Беатриче. Если мы этого добьемся, не зовите больше Купидона стрелком: он уступит нам свою славу, и мы станем единственными божествами любви. Идемте со мной, я вам расскажу мой план!

Уходят.

СЦЕНА 2

Другая комната в доме Леонато.

Входят д о н Х у а н и Б о р а ч и о.

Д о н Х у а н. Значит, это правда: граф Клавдио женится на дочери Леонато?

Б о р а ч и о. Да, ваша светлость; но я могу этому помешать.

Д о н Х у а н. Каждая помеха, каждая преграда, каждое препятствие будет лекарством для меня. Я болен ненавистью к нему, и все, что противоречит его желани-

ям, совпадает с моими. Как ты можешь помешать этой свадьбе?

Борачио. Нечестным путем, ваша светлость, но так искусно, что нечестности этой никто не заметит.

Дон Хуан. Расскажи в двух словах: как?

Борачио. Кажется, я говорил вашей светлости — уже с год тому назад, — что я пользуюсь милостями Маргариты, камеристки Геро?

Дон Хуан. Припоминаю.

Борачио. Я могу в неурочный час ночи попросить ее выглянуть из окна спальни ее госпожи.

Дон Хуан. Что же тут такого, что могло бы расстроить свадьбу?

Борачио. От вас зависит приготовить настоящий яд. Ступайте к принцу, вашему брату, и без обиняков скажите ему, что он позорит свою честь, способствуя браку славного Клавдио, к которому вы преисполнены величайшего уважения, с такой грязной распутницей, как Геро.

Дон Хуан. Какие же доказательства я представлю?

Борачио. Вполне достаточные для того, чтобы обмануть принца, вывести из себя Клавдио, погубить Геро и убить Леонато. Вам этого мало?

Дон Хуан. Чтобы только досадить им, я на все готов.

Борачио. Ступайте же. Улучите минутку, чтобы поговорить с доном Педро и графом Клавдио наедине. Скажите им, что вы знаете о любовной связи Геро со мной. Притворитесь, что вами руководит дружеское расположение к ним, что вы открываете все это, дорожа честью вашего брата, который устраивает эту свадьбу, и репутацией его друга, которого хотят обмануть поддельной девственностью. Они едва ли без доказательств поверят этому. Представьте им улики самые убедительные: они увидят меня под окном спальни Геро и услышат, как я буду называть Маргариту «Геро», а Маргарита меня — «Борачио». Покажите им это как раз в ночь накануне свадьбы. Я подстрою тем временем так, что Геро не будет в комнате, и неверность ее будет предположена так правдоподобно, что ревность станет уверенностью, и все приготовления к свадьбе рухнут.

Д о н Х у а н. К какому бы роковому исходу это дело ни привело, я берусь за него! Устрой это половчее, и награда тебе будет — тысяча дукатов.

Б о р а ч и о. Будьте только настойчивы в обвинениях, а уж моя хитрость не посрамит себя.

Д о н Х у а н. Пойду узнаю, на какой день назначена свадьба.

Уходят.

СЦЕНА 3

Сад Леонато.

Входит Б е н е д и к т.

Б е н е д и к т. Мальчик!

Входит м а л ь ч и к.

М а л ь ч и к. Синьор?

Б е н е д и к т. В моей комнате на окне лежит книга: принеси мне ее сюда, в сад.

М а л ь ч и к. Слушаю, синьор. Я здесь.

Б е н е д и к т. Знаю, что здесь. Но я хотел бы, чтобы ты исчез, а потом появился здесь снова.

Мальчик уходит.

Удивляюсь я: как это человек, видя, какими глупцами становятся другие от любви, издевается над этим пустым безумием — и вдруг сам становится предметом насмешек, влюбившись. Таков Клавдио. Помню я время, когда он не признавал другой музыки, кроме труб и барабанов, — а теперь он охотнее слушает тамбурин и флейту. Помню, как он готов, бывало, десять миль пешком отмахать, чтобы взглянуть на хорошие доспехи, — а сейчас может не спать десять ночей подряд, обдумывая фасон нового колета. Говорил он, бывало, просто и дельно, как честный человек и солдат; а теперь превратился в какого-то краснбая: его речи — это фантастическая трапеза с самыми невиданными блюдами. Неужели и я могу так измениться, пока еще смотрят на мир мои глаза? Не знаю. Не думаю. Клятвы не дам, что любовь не превратит меня в устрицу. Но в одном клянусь смело: пока я еще не стал устрицей, подобным глупцом любовь меня не сделает. Одна женщина прекрасна, — но я уцелел.

Другая умна, — но я уцелел. Третья добродетельна, — но я уцелел. Пока я не встречу женщины, привлекающей во всех отношениях зараз, — ни одна не привлечет меня. Она должна быть богата — это обязательное условие; умна — или мне ее не надо; добродетельна — или я за нее не дам ни гроша; красива — иначе я и не взгляну на нее; кротка — иначе пусть и близко ко мне не подходит; знатна — иначе ни за какие деньги ее не возьму; она должна приятно разговаривать, быть хорошей музыкантшей, а волосы пусть будут такого цвета, как богу угодно. Вот и принц с мсье Купидоном! Спрячусь в беседке. (*Прячется.*)

Входят дон Педро, Клавдио и Леонато, за ними —
Бальтазар с музыкантами.

Дон Педро

Ну что ж, хотите музыку послушать?

Клавдио

Да, добрый принц. Как вечер тих! Он будто
Притих, чтобы гармонии внимать.

Дон Педро

Ты видел, где укрылся Бенедикт?

Клавдио

Отлично видел. Музыку прослушав,
Поймаем мы лисенка в западню.

Дон Педро

Ну, Бальтазар, спой снова нам ту песню.

Бальтазар

Не заставляйте, ваша светлость, вновь
Позорить музыку столь скверным пенъем.

Дон Педро

Вернейшая порука мастерства —
Не признавать свое же совершенство.
Пой! Что ж, тебя молить мне, как невесту?

Бальтазар

Когда на то пошло, я вам спою:
Ведь часто о любви невесту молят,

Невысоко ценя ее и все же
Клянясь в любви.

Д о н П е д р о

Ну полно, начинай!
А хочешь дальше спорить — спорь, но только
По нотам.

Б а л ь т а з а р

Раньше сообщу вам ноту:
Нет в нотах у меня достойных нот.

Д о н П е д р о

Он говорит как будто бы по нотам.
Нет в нотах нот, — довольно же нотаций!

Музыка.

Б е н е д и к т (*в сторону*). Теперь последует божественная песня! И душа его воспарит! Не странно ли, что овечьи кишки способны так вытягивать из человека душу? Нет, что до меня, так я бы за свои деньги лучше бы послушал роговую музыку.

Б а л ь т а з а р
(поет)

К чему вздыхать, красотки, вам?
Мужчины — род неверный:
Он телом — здесь, душою — там,
Все ветрены безмерно.
К чему ж вздыхать?
Их надо гнать,
Жить в радости сердечной
И вздохи скорби превращать —
Гей-го! — в припев беспечный.
Не пойте ж нам, не пойте вы
Напевов злой кручины:
Спокон веков уж таковы
Коварные мужчины.
К чему ж вздыхать?
Их надо гнать,
Жить в радости сердечной
И вздохи скорби превращать —
Гей-го! — в припев беспечный.

Д о н П е д р о. Честное слово, хорошая песня.

Б а л ь т а з а р. Но плохой конец, ваше высочество.

Д о н П е д р о. Нет-нет: ты поешь совсем недурно, на худой конец.

Б е н е д и к т (в сторону). Если бы пес так был, его бы повесили. Молю бога, чтобы его голос не накликал мне беду. По-моему, лучше ночного ворона слушать, какое бы несчастье он ни сулил.

Д о н П е д р о. Да, конечно. Послушай, Бальтазар, раздобудь нам, пожалуйста, самых лучших музыкантов: мы хотим завтра ночью устроить серенаду под окнами синьоры Геро.

Б а л ь т а з а р. Постараюсь, ваше высочество.

Д о н П е д р о. Так сделай это. Прощай.

Бальтазар и музыканты уходят.

Послушайте, Леонато, что это вы говорили сегодня? Будто ваша племянница Беатриче влюбилась в Бенедикта?

К л а в д и о. Да-да! (Тихо, дону Педро.) Подкрадывайтесь, подкрадывайтесь: дичь уже села. (Громко, к Леонато.) Вот уж не подумал бы никогда, что эта особа может в кого-нибудь влюбиться.

Л е о н а т о. Я тоже. А всего удивительнее, что она с ума сходит по Бенедикту, которого, судя по ее поведению, она всегда ненавидела.

Б е н е д и к т (в сторону). Возможно ли? Так вот откуда ветер дует!

Л е о н а т о. По чести, ваше высочество, не знаю, что об этом и подумать. Но она безумно любит его: это превосходит всякое воображение.

Д о н П е д р о. Может быть, она только притворяется?

К л а в д и о. Похоже на то.

Л е о н а т о. Бог мой! Притворяется! Да никогда притворная страсть так не походила на истинную, как у нее!

Д о н П е д р о. Но в чем же эта страсть выражается?

К л а в д и о (тихо). Насаживайте приманку на крючок: рыба сейчас клонет.

Л е о н а т о. В чем выражается? Она сидит и... да вы слышали, как моя дочь рассказывала.

К л а в д и о. Да, правда.

Д о н П е д р о. Что? Что? Прошу вас! Вы изумляете

меня: я всегда считал ее сердце неуязвимым для стрел любви.

Л е о н а т о. Я тоже готов был поклясться в этом. Особенно по отношению к Бенедикту.

Б е н е д и к т (в сторону). Я бы счел это за надувательство, если бы не его седая борода. Плутуовство не может скрываться под такой почтенной внешностью.

К л а в д и о (тихо). Яд подействовал: подлейте еще.

Д о н П е д р о. Что же, она открыла свои чувства Бенедикту?

Л е о н а т о. Нет. И клянется, что никогда этого не сделает: это-то ее и мучает.

К л а в д и о. Совершенно верно. Ваша дочь передавала, что она говорит: «Как же я, которая всегда относилась к нему с таким пренебрежением, и вдруг напишу ему, что люблю его?»

Л е о н а т о. И говорила это она, когда садилась за письмо к нему. Раз двадцать она вставала в одной рубашке и исписала целый лист с обеих сторон. Так дочь рассказывала.

К л а в д и о. Кстати, о листе бумаги: я вспомнил одну забавную мелочь, о которой рассказывала ваша дочь.

Л е о н а т о. Да-да! Когда она написала письмо и стала перечитывать, то вдруг заметила, что если письмо сложить, то имена «Бенедикт» и «Беатриче» ложатся вместе.

К л а в д и о. Вот-вот.

Л е о н а т о. Тогда она разорвала письмо в мелкие клочки и стала корить себя за нескромность — писать к тому, кто, как она знает, только посмеется над ней. «Я сужу по себе, — говорит она, — ведь если бы он вздумал написать мне, я бы подняла его на смех. Да-да, хоть и люблю его, а на смех бы подняла».

К л а в д и о. А потом падает на колени, стонет, рыдает, бьет себя в грудь, рвет на себе волосы, молится, проклиная: «О мой милый Бенедикт! Боже, пошли мне сил!»

Л е о н а т о. Действительно, она все это проделывает, — так говорит моя дочь. Страсть ею так владеет, что моя дочь боится — как бы она с отчаяния не сделала что-нибудь над собой. Истинная правда!

Д о н П е д р о. Надо, чтобы Бенедикт узнал об этом от кого-нибудь другого, раз уж она сама не хочет открыться ему.

К л а в д и о. К чему? Он только бы высмеял это и измучил бедную девушку еще больше.

Д о н П е д р о. Если бы он так поступил, так его повесить мало! Она прелестная, милая девушка и, уж вне всяких сомнений, добродетельная.

К л а в д и о. И необычайно умна при этом.

Д о н П е д р о. Умна во всем, если не считать того, что влюбилась в Бенедикта.

Л е о н а т о. Ах, ваше высочество, когда рассудок и страсть борются в таком хрупком теле, можно поставить десять против одного, что победит страсть. Мне жаль ее, и я имею для этого достаточное основание, будучи ее дядей и опекуном.

Д о н П е д р о. Хотел бы я, чтобы она избрала меня предметом своего увлечения: я отбросил бы все другие соображения и сделал бы ее своей дражайшей половиной. Прошу вас, расскажите все это Бенедикту: посмотрим, что он скажет.

Л е о н а т о. Вы думаете, это будет хорошо?

К л а в д и о. Геро уверена, что Беатриче умрет. Она сама говорит, что умрет, если он ее не полюбит; и тут же добавляет, что скорее умрет, чем признается ему в любви; и еще — что если он посватается к ней, то она скорее умрет, чем отступится от своей обычной насмешливости.

Д о н П е д р о. Она права. Если она признается ему в своей любви, очень возможно, что он станет над ней издеваться. Ведь вы знаете, какой он заносчивый человек.

К л а в д и о. Но красавец мужчина!

Д о н П е д р о. Это правда, внешность у него счастливая.

К л а в д и о. Ей-богу, по-моему, он очень умен.

Д о н П е д р о. Да, у него бывают проблески остроумия.

Л е о н а т о. Я считаю его очень храбрым человеком.

Д о н П е д р о. Настоящий Гектор, уверяю вас. А в делах чести необычайно мудр: он либо старается избежать поединка, либо уж если решается на него, так с истинно христианским страхом.

Л е о н а т о. Если в нем есть страх божий, так он и должен соблюдать мир, а уж если нарушать его, так со страхом и трепетом.

Д о н П е д р о. Так он и поступает: он человек богобоязненный, хоть этому и трудно поверить, судя по его

слишком вольным иногда шуткам. Но мне жаль вашу племянницу. Хотите, разыщем его и расскажем о ее любви?

К л а в д и о. Нет, не говорите ему ничего: может быть, ее сердце само справится с этой страстью.

Л е о н а т о. Невозможно: скорее оно перестанет биться.

Д о н П е д р о. Ну, хорошо. Мы узнаем о дальнейшем от вашей дочери. А тем временем пусть все это немного поостынет. Я очень люблю Бенедикта, но хотел бы, чтобы он взглянул на себя беспристрастно и понял, насколько он недостоин такой прекрасной жены.

Л е о н а т о. Не угодно ли пожаловать, ваше высочество? Обед готов.

К л а в д и о (*тихо*). Если после этого он в нее не влюбится, я перестану верить чему бы то ни было.

Д о н П е д р о (*тихо*). Теперь надо расставить такие же сети и для нее. Этим пусть займутся ваша дочь и ее камеристка. Вот-то будет потеха, когда каждый из них вообразит, что другой его обожает, а на самом деле — ничего подобного. Хотел бы я видеть эту сцену: славная получится пантомима! Пошлем ее звать его к обеду!

Дон Педро, Клавдио и Леонато уходят.

Б е н е д и к т (*выходит из беседки*). Нет, это не может быть подстроено: разговор шел в самом серьезном тоне. Они узнали всю правду от Геро. По-видимому, они жалеют Беатриче. Кажется, страсть ее дошла до предела. Влюбилась в меня! За это надо вознаградить ее. Слышал я, как они обо мне судят: думают, что я зазнаюсь, если замечу ее любовь; по их словам, она скорей умрет, чем выдаст чем-нибудь свое чувство. Я никогда не собирался жениться; но не надо казаться гордым. Счастлив тот, кто, услышав о своих недостатках, может исправиться. Они говорят, что она красавица: это правда — могу сам засвидетельствовать; и добродетельна — и это так: ничего не могу возразить; и умна, если не считать того, что влюбилась в меня, — по чести, это не очень-то говорит в пользу ее ума, но и не доказывает ее глупости, потому что я готов в нее по уши влюбиться. Конечно, тут не обойдется без разных сарказмов и затасканных острот по поводу того, что я так долго издевался над браком. Но разве вкусы не меняются? В юности человек любит

какое-нибудь кушанье, а в старости его в рот не берет. Неужели колкости и шуточки, эти бумажные стрелы, которыми перебрасываются умы, должны помешать человеку идти своим путем? Нет, мир должен быть населен! Когда я говорил, что умру холостяком, я думал, что не доживу до свадьбы! Вот идет Беатриче. Клянусь дневным светом, она прехорошенькая девушка! Я замечаю в ней некоторые признаки влюбленности!

Входит Беатриче.

Беатриче. Меня, против моей воли, прислали просить вас идти обедать.

Бенедикт. Прекрасная Беатриче, благодарю вас за труд.

Беатриче. Мне стоило не больше труда заслужить вашу благодарность, чем вам поблагодарить меня. Если бы это было трудно, я бы не пришла.

Бенедикт. Значит, это поручение доставило вам удовольствие?

Беатриче. Так, на грошик. У вас нет аппетита, синьор? Тогда прощайте. *(Уходит.)*

Бенедикт. Эге! «Меня, против моей воли, прислали просить вас идти обедать» — в этом заключается двойной смысл. «Мне стоило не больше труда заслужить вашу благодарность, чем вам поблагодарить меня!» — это то же, что сказать: «Всякий труд для вас мне так же легок, как вам — благодарность». Если я не сжалюсь над ней, я буду негодяем! Будь я турок, если не полюблю ее! Постараюсь достать ее портрет. *(Уходит.)*

АКТ III

СЦЕНА I

Сад Леонато.

Входят Геро, Маргарита и Урсула.

Геро

Ступай скорее, Маргарита, в зал.
Там ты найдешь кузину Беатриче
Беседующей с Клавдио и принцем:
Шепни ей на ушко, что мы с Урсулой

В саду гуляем и о ней толкуем;
Скажи ей, что подслушала ты нас,
И предложи ей спрятаться в беседке,
Где жимолость так разрослась на солнце,
Что солнечным лучам закрыла вход:
Так фаворит, монархом вознесенный,
Порою гордо восстает на власть,
Что гордость эту в нем и породила.
Здесь спрячется она, чтоб нас подслушать.
Сыграй получше роль свою. Ступай.

М а р г а р и т а

Ручаюсь вам, она придет, и скоро.
(Уходит.)

Г е р о

Как только Беатриче подойдет,
Давай, Урсула, лишь о Бенедикте,
Гуляя по аллее, говорить.
Лишь назову его — ты начинай
Хвалить его превыше всякой меры.
Я ж буду говорить, что Бенедикт
Любовью к Беатриче прямо болен.
Ведь Купидон отлично может ранить
Своей стрелой и через слух.

В глубине сцены показывается Б е а т р и ч е.

Начнем!

Смотри: как пеночка, к земле приникнув,
Скользит она в траве, чтоб нас подслушать.

У р с у л а

Удильщику всего приятней видеть,
Как рыбка золотыми плавниками
Вод рассекает серебро, чтоб жадно
Коварную приманку проглотить.
Так мы сейчас поймаем Беатриче,
Что в жимолости притаилась там.
Не бойтесь, диалога не испорчу.

Г е р о

Пойдем поближе, чтоб не проронила
Она ни крошки из приманки сладкой.

Подходят к беседке.

Нет, право, слишком уж она спесива.
Душа ее пуглива и дика,
Как горный сокол!

У р с у л а

Но скажите, правда ль,
Что Бенедикт влюблен в нее так страстно?

Г е р о

Так говорят и принц, и мой жених.

У р с у л а

И поручили вам сказать ей это?

Г е р о

Просили, да. Но я их убедила —
Пусть, если только любят Бенедикта,
Внушат ему, чтоб чувство поборол он
И никогда любви ей не открыл.

У р с у л а

Но почему? Ужель он не достоин
Счастливого супружеского ложа,
Какое заслужила Беатриче?

Г е р о

Клянусь Амуром, он всего достоин,
Чего мужчина может пожелать.
Но женщины с таким надменным сердцем
Природа до сих пор не создавала;
Глаза ее насмешкою блестят,
На все с презреньем глядя; ум свой ценит
Она так высоко, что все другое
Ни в грош не ставит. Где уж там любить!
Она любви не может и представить —
Так влюблена в себя.

У р с у л а

Да, это верно.
Уж лучше о любви его совсем
Не говорить ей, чтоб не засмеяла.

Г е р о

Да, ты права. Как ни был бы мужчина
Умен, красив собою, молод, знатен, —

Навыорот она его представит.
Будь миловиден — «годен в сестры ей»,
А смугл — так «кляксу сделала природа,
Шутя рисуя»; коль высок — так «пика
С тупой верхушкой»; мал — «плохой брелок»;
Красноречив — «игрушка ветра, флюгер»;
А молчалив — так «неподвижный пен»;
Так вывернет любого наизнанку
И никогда не будет справедливой
К заслугам доблести и прямоты.

У р с у л а

Разборчивость такая не похвальна.

Г е р о

И быть такою странной, своенравной,
Как Беатриче, — вовсе не похвально.
Но кто посмеет это ей сказать?
Осмелься я — да ведь она меня
Насмешкой уничтожит, вгонит в гроб!
Пусть лучше, словно пламень приглушенный,
Наш Бенедикт зачахнет от любви:
Такая легче смерть, чем от насмешки.
Ужасно от щекотки умереть!

У р с у л а

Но все ж сказать бы; что она ответит?

Г е р о

Нет, лучше к Бенедикту я отправлюсь
И дам совет — преодолеть любовь,
Да что-нибудь дурное с доброй целью
Про Беатриче сочиню. Кто знает,
Как можно страсть убить одним лишь словом!

У р с у л а

Ах, нет, не обижайте так сестру.
Она не может быть так безрассудна,
Чтоб, при живом ее уме, который
Так ценят в ней, отвергнуть жениха
Столь редкого, синьора Бенедикта.

Г е р о

В Италии такого больше нет,
За исключением Клавдио, конечно.

У р с у л а

Прошу вас не прогневаться, но я
Скажу вам так: синьора Бенедикта
По храбрости, уму и красоте
Во всей Италии считают первым.

Г е р о

Да, слава превосходная о нем.

У р с у л а

А славу заслужил он превосходством. —
Когда же ваша свадьба?

Г е р о

Хотела бы, чтоб завтра. — Ну, пойдем;
Посмотрим платья; ты мне дашь совет —
В какое лучше завтра нарядиться.

У р с у л а (тихо)

Попалась птичка, уж ручаюсь вам!

Г е р о (тихо)

Коль так, в любви случайно все на свете:
Есть у Амура стрелы, есть и сети.

Геро и Урсула уходят.

Б е а т р и ч е (выходит из беседки)

Ах, как пылают уши! За гордыню
Ужель меня все осуждают так?
Прощай, презренье! И прости отныне,
Девичья гордость! Это все пустяк.
Любовью за любовь вознагражу я,
И станет сердце дикое ручным.
Ты любишь, Бенедикт, — так предложу я
Любовь союзом увенчать святым.
Что ты достоин, все твердят согласно,
А мне и без свидетельства это ясно.
(Уходит.)

СЦЕНА 2

Комната в доме Леонато.

Входят дон Педро, Клавдио, Бенедикт и Леонато.

Дон Педро. Я дождусь только, когда вы отпразднуете свадьбу, а затем отправлюсь в Арагон.

Клавдио. Я провожу вас туда, ваше высочество, если вы разрешите мне.

Дон Педро. Нет, это слишком омрачило бы новый блеск вашего счастья. Это все равно что показать ребенку новое платье и запретить его надевать. Я только позволю себе попросить Бенедикта быть моим спутником: он с головы до пят — воплощенное веселье. Два-три раза он перерезал тетиву у Купидона, и этот маленький мучитель не отваживается больше стрелять в него. Сердце у него крепкое, как колокол, и язык хорошо привешен, так что у него всегда что на сердце, то и на языке.

Бенедикт. Господа, я уже не тот, что прежде.

Леонато. Вот и я то же говорю: по-моему, вы стали серьезнее.

Клавдио. Хочу надеяться, что он влюблен.

Дон Педро. Черт побери этого гуляку! Да в нем нет ни капли настоящей крови, чтобы почувствовать настоящую любовь. Если он загрустил, значит, у него нет денег.

Бенедикт. У меня зуб болит.

Дон Педро. Вырвать его!

Бенедикт. К черту его!

Клавдио. Сперва послать к черту, а потом вырвать.

Дон Педро. Как! Вздыхать от зубной боли?

Леонато. Из-за какого-нибудь флюса или нарыва?

Бенедикт. Другому легко советы давать, а вот сами бы попробовали.

Клавдио. А я все-таки говорю: он влюблен.

Дон Педро. В нем нет ни малейшего признака любви, если не считать его любви к странным переодеваниям: сегодня он одет голландцем, завтра — французом, а то и вместе соединяет две страны: от талии книзу у него Германия — широчайшие штаны, а от талии

кверху — Испания: не видно камзола. Если только он не влюблен в эти глупости, как мне кажется, то во всяком случае не поглупел от влюбленности, как вам кажется.

К л а в д и о. Если он не влюблен в какую-нибудь женщину, так ни одной старой примете нельзя верить. Он каждое утро чистит свою шляпу — к чему бы это?

Д о н П е д р о. Видел его кто-нибудь у цирюльника?

К л а в д и о. Нет, но цирюльника у него видели, и то, что было украшением его щек, пошло на набивку теннисных мячей.

Л е о н а т о. Правда, он выглядит гораздо моложе, сбрав бороду.

Д о н П е д р о. Мало того: он натирается мускусом; заметили, как от него пахнет?

К л а в д и о. Яснее ясного: прелестный юноша влюблен.

Д о н П е д р о. Но главное доказательство — это его меланхолия.

К л а в д и о. А бывало ли когда-нибудь, чтобы он так мыл свою физиономию?

Д о н П е д р о. Да, или подкрашивался? Об этом уже поговаривают.

К л а в д и о. А вся его веселость переселилась в струну лютни и управляется струнными ладами.

Д о н П е д р о. Печальный случай. Это выдает его. Ясно, ясно: он влюблен.

К л а в д и о. А я знаю, кто в него влюблен.

Д о н П е д р о. Хотел бы и я это знать. Ручаюсь, что кто-нибудь, кто не знает его.

К л а в д и о. Напротив, она знает все его недостатки и тем не менее умирает от любви к нему.

Д о н П е д р о. Придется ее похоронить лицом кверху.

Б е н е д и к т. Все это зубной боли не заговорит! — Почтенный синьор Леонато, пройдемтесь немного: у меня есть для вас десяток умных слов, которых эти пустомели не должны слышать.

Бенедикт и Леонато уходят.

Д о н П е д р о. Клянусь жизнью, он будет свататься к Беатриче.

К л а в д и о. Без сомнения, Геро и Маргарита уже

разыграли свою комедию с Беатриче, и теперь, когда эти два медведя встретятся, они уже не погрызутся.

Входит д о н Х у а н.

Д о н Х у а н. Мой повелитель и брат, храни вас бог.

Д о н П е д р о. Добрый день, братец.

Д о н Х у а н. Если у вас есть минута досуга, я бы хотел поговорить с вами.

Д о н П е д р о. Наедине?

Д о н Х у а н. Если позволите. Впрочем, граф Клавдио может слушать, так как то, что я имею сообщить, касается его.

Д о н П е д р о. В чем дело?

Д о н Х у а н (к Клавдио). Ваша милость собирается венчаться завтра?

Д о н П е д р о. Вы же знаете это.

Д о н Х у а н. Я не уверен в этом, если он узнает то, что известно мне.

К л а в д и о. Если есть какое-нибудь препятствие, прошу вас, откройте его.

Д о н Х у а н. Вы вправе думать, что я не люблю вас. Дайте срок — время покажет; и будьте лучшего мнения обо мне после того, что я вам сейчас сообщу. Что касается моего брата, он, видимо, очень расположен к вам и от чистого сердца помог вам устроить этот брак. Поистине, это плохая услуга и напрасный труд.

Д о н П е д р о. Что такое? В чем дело?

Д о н Х у а н. Я затем и пришел, чтобы все рассказать вам. Оставляя в стороне разные подробности — ибо уже и без того мы слишком долго о ней толкуем, — скажу просто: девушка нечестна.

К л а в д и о. Кто? Геро?

Д о н Х у а н. Вот именно, она: дочь Леонато, ваша Геро, чья угодно Геро!

К л а в д и о. Нечестна?

Д о н Х у а н. Это слово слишком мягко, чтобы выразить ее безнравственность. Я бы сказал: она хуже чем нечестна. Придумайте худшее выражение, и я применю его к ней. Не удивляйтесь, пока не получите доказательства. Пойдемте сегодня ночью со мной. Вы увидите, как лазают в окна ее спальни даже накануне ее свадьбы. Если и тогда любовь ваша устоит, венчайтесь завтра; но для вашей чести было бы лучше изменить ваши намерения.

К л а в д и о. Может ли это быть?

Д о н П е д р о. Не хочу и думать об этом.

Д о н Х у а н. Если вы не захотите верить своим глазам, отрицайте очевидность. Последуйте за мной — я покажу вам достаточно. А когда вы всё увидите и услышите — поступите соответственно.

К л а в д и о. Если я увижу этой ночью что-нибудь такое, что помешает мне жениться на ней, я завтра в той самой церкви, где хотел венчаться, при всех осрамлю ее.

Д о н П е д р о. А я, который был твоим сватом, присоединюсь к тебе, чтобы опозорить ее.

Д о н Х у а н. Не стану больше порочить ее, пока вы сами не увидите все. Потерпите до полуночи — дальнейшее само за себя скажет.

Д о н П е д р о. О, день неожиданных несчастий!

К л а в д и о. О, ужасное злополучие!

Д о н Х у а н. «О, счастливо предотвращенный позор!» — скажете вы, увидав развязку.

Уходят.

СЦЕНА 3

Улица.

Входят Кизил, Булава и сторожа.

К и з и л. Вы люди честные и верные?

Б у л а в а. Еще бы! А то не стоили бы они того, чтобы претерпеть спасение души и тела.

К и з и л. Нет, мало было бы с них такого наказания, будь у них хоть капля верноподданничества, — раз они выбраны в охрану самого принца.

Б у л а в а. Ладно, дай им теперь наказ, сосед Кизил.

К и з и л. Во-первых, кто, по-вашему, всех непригоднее быть полицейским?

Первый сторож. Хью Овсянка или Франсис Уголек, потому что они оба читать и писать умеют.

К и з и л. Подойди поближе, сосед Уголек. Бог тебе послал добрую славу; потому что красота — это дар судьбы, а грамотность — ну, это уж от природы.

Второй сторож. И то и другое, господин пристав...

К и з и л. Тебе дано? Я так и знал, что ты это ответишь. Ну, так вот, за свою красоту воздай богу благода-

рение, да не хвались ею; а что до грамотности, то применяй ее там, где в этой чепухе нет надобности. Ты, говорят, самый непригодный на полицейскую должность — так бери фонарь. Вот тебе наказ: хватай всех праздношатающихся и останавливай всех именем принца.

Второй сторож. А если кто не захочет остановиться?

Кизил. Не обращай на него внимания; пусть себе уходит. А затем созови всех остальных сторожей, и возблагодарите господа, что избавились от мошенника.

Булава. Если он не остановился по твоему приказанию, значит, он не из подданных принца.

Кизил. Правильно, потому что страже можно вмешиваться только в дела принцевых подданных. Затем, вы не должны производить на улицах шума. Разговаривать да болтать для ночных сторожей — дело самое дозволительное и никак не допустимое.

Второй сторож. Зачем разговаривать? Мы лучше всхрапнем. Мы знаем, что сторожам полагается.

Кизил. Да, ты рассуждаешь как сторож бывалый и надежный. И я так думаю: кто спит, тот не грешит. Смотри только, чтобы у вас алебарды не стащили. Ну, затем надо вам в пивные заходить, и кого там найдете пьяных — гнать их домой спать.

Второй сторож. А если кто не захочет домой?

Кизил. Так оставьте его в покое, пока не протрезвится. И если он и на это не согласится, скажите, что он не тот, за кого вы его приняли.

Второй сторож. Слушаю, господин пристав.

Кизил. Если встретите вора, то в силу вашего звания можете его заподозрить, что он человек не порядочный. А чем меньше с такими людьми связываться, тем лучше для вашего достоинства.

Второй сторож. А если мы наверняка знаем, что он вор, надо нам его хватать?

Кизил. По правде сказать, в силу вашего звания можете его схватить. Но я так полагаю: тронь деготь — замараешься. Самый для вас спокойный выход: если захватите вора — дайте ему возможность самому показать, что он за птица, и улизнуть из вашей компании.

Булава. Тебя, братец, недаром зовут милосердным человеком, соседушка.

Кизил. Верно, я по своей воле и собаки бы не по-

весил, а тем более человека, в котором есть хоть капля честности.

Булава. Если услышите ночью, что где-нибудь младенец плачет, позовите мамку, чтобы успокоила его.

Второй сторож. А если мамка спит и не слышит?

Кизил. Тогда проходите с миром; пусть уж ребенок сам криком ее разбудит. Если овца не слышит, как ее ягненок блеет, тем более на мычанье теленка не отзовется.

Булава. Что верно, то верно.

Кизил. Вот и вся недолга. Ты — пристав, стало быть, представляешь особу самого принца. Если принца ночью встретишь, ты и его можешь задержать.

Булава. Нет, ей-богу, этого он, мне думается, не может.

Кизил. Ставлю пять монет против одной! Всякий, кто знает судебные у сыновления, скажет тебе: можешь, но только с согласия его высочества. Потому что стража никого не должна оскорблять, а насильно задерживать человека — это уж оскорбление.

Булава. Ей-богу, верно!

Кизил. Ха-ха-ха! Ну, ребята, доброй ночи. Если что особенно важное случится, зовите меня. Слушайте вашего собственного разума и советов товарищей. Спокойной ночи. Идем, соседка.

Второй сторож. Ладно, господа хорошие, мы свое дело знаем: посидим вот тут у церкви на лавочке часов до двух, а потом на боковую.

Кизил. Еще одно слово, соседки: приглядывайте-ка за домом синьора Леонато. Там завтра свадьба, так всю ночь будет суматоха. Прощайте. А главное — будьте бдительны. Честью прошу.

Кизил и Булава уходят.

Входят **Борачио** и **Конрад**.

Борачио. Ну, Конрад!

Второй сторож (*тихо*). Тихо! Не шевелись!

Борачио. Конрад! Да где же ты?

Конрад. Здесь я, брат, у самого твоего локтя.

Борачио. Клянусь обедней, то-то у меня локоть чешется. Я думал, что у меня парша завелась.

Конрад. Я тебе это еще припомню! А теперь досказывай свою историю.

Б о р а ч и о. Станем сюда под навес, а то дождь накрапывает. Я расскажу тебе все без утайки, как истый пьяница.

П е р в ы й с т о р о ж (*тихо*). Тут дело нечисто, ребята. Стойте смирно!

Б о р а ч и о. Так знай: я заработал у дона Хуана тысячу дукатов.

К о н р а д. Неужели за подлость так дорого платят?

Б о р а ч и о. Ты лучше спроси: неужели подлость может быть так богата? Ведь когда богатый подлец нуждается в бедном, так бедный может заломить какую угодно цену.

К о н р а д. Удивляюсь.

Б о р а ч и о. Что доказывает твою неопытность! Не все ли равно, какого фасона на человеке камзол, или шляпа, или плащ?

К о н р а д. Ну да, все равно — одежда.

Б о р а ч и о. Я про фасон говорю.

К о н р а д. Ну да: фасон фасоном.

Б о р а ч и о. Фу! Я мог бы сказать: а дурак дураком. Разве ты не знаешь, какой ловкач этот фасон? Как хочет, так людей и уродует и обворовывает.

П е р в ы й с т о р о ж (*в сторону*). Знаю я, про кого они говорят: этот Фасон уж лет семь как воровством занимается. А разгуливает как настоящий кавалер! Я его имя запомнил.

Б о р а ч и о. Ты ничего не слышал?

К о н р а д. Нет, это флюгер на крыше скрипит.

Б о р а ч и о. Так вот, разве ты не знаешь, какой ловкий вор этот фасон? Как он всем людям от четырнадцати до тридцати пяти лет головы кружит? Фасон рядит их то как фараоновых солдат на закопченных картинах, то как вааловых жрецов на старых церковных окнах, то как бритого Геркулеса на засаленных и вытертых стеновых коврах, причем гультфик на штанах сделан величиной будто для его палицы.

К о н р а д. Все это я знаю. Знаю и то, что фасон скорее изнашивает платья, чем человек. Но у тебя самого, видно, от фасонов голова закружилась, что ты перескочил со своей истории на разглагольствования о фасонах!

Б о р а ч и о. Ничуть не бывало. Знай же, что этой ночью я любезничал с Маргаритой — камеристкой синьоры Геро, причем называл ее «Геро»; а она высунулась ко мне из окна спальни своей госпожи и тысячу раз же-

лала мне доброй ночи. Я плохо рассказываю свою историю: мне надо было сначала сказать тебе, что принц, Клавдио и мой хозяин издали, из сада, подсматривали наше нежное свидание. А свел, и привел, и подвел их мой хозяин — дон Хуан.

К о н р а д. И они приняли Маргариту за Геро?

Б о р а ч и о. Двое из них, принц и Клавдио. Но этот дьявол, мой господин, отлично знал, что это была Маргарита. И вот, отчасти вследствие его заверений, которыми он сначала опутал их, отчасти из-за ночной темноты, которая ввела их в заблуждение, а главное — из-за моей подлости, подтвердившей клевету дона Хуана. — Клавдио пришел в ярость и убежал, поклявшись, что завтра в церкви вместо свадьбы осрамит Геро при всем честном народе, рассказав все, что видел ночью, и отошлет ее домой невенчанною.

П е р в ы й с т о р о ж (*выступая вперед*). Именем принца — стой!

В т о р о й с т о р о ж. Позовите сюда пристава. Мы тут открыли такое беспутное распутство, какого еще не бывало в нашем государстве.

П е р в ы й с т о р о ж. И некто Фасон с ними заодно: я его знаю, у него еще локон на лбу.

К о н р а д. Братцы, братцы!..

В т о р о й с т о р о ж. Ладно, вы нам этого Фасона предоставите, ручаюсь вам.

К о н р а д. Братцы...

П е р в ы й с т о р о ж. Нечего разговаривать. Мы вас арестуем. Извольте повиноваться и следовать за нами.

Б о р а ч и о. В славную историю мы попали, нечего сказать: напоролись прямо на алебарды.

К о н р а д. Слава сомнительная, ручаюсь тебе. Ладно, мы повинуемся.

Уходят.

СЦЕНА 4

Комната Геро.

Входят Геро, Маргарита и Урсула.

Г е р о. Милая Урсула, разбуди кузину Беатриче и скажи ей, что пора вставать.

У р с у л а. Слушаюсь, синьора.

Г е р о. Да попроси ее прийти сюда.

У р с у л а. Будет исполнено. *(Уходит.)*

М а р г а р и т а. Право, мне кажется, что другой воротник будет лучше.

Г е р о. Оставь, дорогая Маргарита, я надену этот.

М а р г а р и т а. Уверяю вас, этот не так красив; ручаюсь, что и кузина ваша то же скажет.

Г е р о. Кузина моя — дурочка, и ты тоже. Не надену никакого другого.

М а р г а р и т а. Ваша новая накладка мне ужасно нравится; вот только волосы должны были бы быть чуточку потемнее. А фасон вашего платья, право, замечательный! Я видела платье герцогини Миланской, которое так расхваливают.

Г е р о. Говорят, что-то необыкновенное.

М а р г а р и т а. Честное слово, в сравнении с вашим — просто ночной капот! Золотая парча с отделкой и с серебряным кружевом, усыпано жемчугом, верхние рукава, нижние рукава, круглая баска на голубоватой подкладке; но что касается тонкости, красоты и изящества фасона, так ваше в десять раз лучше.

Г е р о. Дай бог, чтобы мне в нем было радостно! У меня ужасно тяжело на сердце.

М а р г а р и т а. Скоро станет еще тяжелее: мужчина ведь весит.

Г е р о. Фи, как тебе не стыдно!

М а р г а р и т а. Чего же мне стыдиться? Что я высказываю честные мысли? Разве брак не честное дело, даже для нищего? И разве ваш повелитель не честный человек, даже и без свадьбы? Вам, верно, хотелось бы, чтобы я сказала: «С вашего позволения, ваш муж»? Мои слова надо понимать без задней мысли. Я никого не хотела обидеть. Что плохого, если сказать: «Ваш муж весит»? По-моему, ничего, если речь идет о законном муже и законной жене; иначе это было бы не тяжело, а совсем легко. Спросите хоть синьору Беатриче; да вот она сама идет сюда.

Входит Б е а т р и ч е.

Г е р о. С добрым утром, кузина.

Б е а т р и ч е. С добрым утром, милая Геро.

Г е р о. Что с тобой? Отчего у тебя такой унылый вид?

Б е а т р и ч е. Вероятно, я потеряла всякий другой тон.

М а р г а р и т а. Затяните тогда «Свет любви». Его поют без припева. Вы пойте, а я попляшу.

Б е а т р и ч е. Да, «Свет любви» — это как раз тебе подходит. Найдись только для тебя муж — о приплюде уж ты позаботишься.

М а р г а р и т а. Какие вы ужасные вещи говорите! Делаю вид, будто их не слышала.

Б е а т р и ч е. Скоро пять часов, кухня: тебе пора уже быть готовой. Я прескверно себя чувствую. Ох-хо-хо!

М а р г а р и т а. О чем этот вздох? О соколе, о скакуне или о супруге?

Б е а т р и ч е. О букве «С», с которой начинаются все эти слова.

М а р г а р и т а. Ну, если вы не стали вероотступницей, так больше нельзя держать путь по звездам.

Б е а т р и ч е. На что эта дурочка намекает, скажите?

М а р г а р и т а. Я? Ни на что. Пошли, господа, каждому исполнение его желаний!

Г е р о. Вот перчатки, которые мне прислал граф: как они чудно пахнут!

Б е а т р и ч е. У меня нос заложило, кухня, совсем дышать не могу: такая тяжесть!

М а р г а р и т а. Девушка — и отяжелела! Видно, основательно простудилась.

Б е а т р и ч е. Милостивый боже! С каких пор это ты принялась за остроуты?

М а р г а р и т а. С тех пор как вы их бросили. А разве остроумие ко мне так уж нейдет?

Б е а т р и ч е. Что-то незаметно его. Ты бы его к чепцу приколола. Право, я совсем больна.

М а р г а р и т а. Возьмите настойку *Carduus Benedictus*¹ и приложите к сердцу. Это лучшее средство против тошноты.

Г е р о. Уколола, как чертополохом.

Б е а т р и ч е. *Benedictus*! Почему *Benedictus*? На что ты намекаешь?

М а р г а р и т а. Напекаю? И не думаю намекать. Я просто говорила о целебном чертополохе. Вы, пожалуй, думаете, что я считаю вас влюбленной? О нет, клянусь, я не так глупа, чтобы думать все, что мне

¹ Целебный чертополох (лат.).

вздумается, и не хочу думать того, что мне может вздуматься, да и вообще не могу подумать, — хоть и не знаю, до чего бы додумалась, — что вы влюблены, или будете влюблены, или можете быть влюблены. Хотя вот Бенедикт был совсем вроде вас, — а теперь все же стал настоящим мужчиной. Он клялся, что ни за что никогда не женится, — а теперь, хоть и не по сердцу, кушает свою порцию и не поморщится. Можете ли вы также перемениться — не знаю, но, по-моему, вы стали смотреть такими же глазами, как все другие женщины.

Б е а т р и ч е. Ох какую прыть твой язычок развил!
М а р г а р и т а. Да, но мимо цели не проскачет.

Входит У р с у л а.

У р с у л а. Синьора, приготовьтесь. Принц, граф, синьор Бенедикт, дон Хуан и все городские кавалеры собрались, чтобы проводить вас в церковь.

Г е р о. Помогите мне одеться, милая кузина, милая Маргарита, милая Урсула.

Уходят.

СЦЕНА 5

Другая комната в доме Леонато.

Входят Леонато, Кизил и Булава.

Леонато. Чего вы от меня хотите, почтенный сосед?

Кизил. Да вот, синьор, мне бы с вами маленькую конфиденцию: дело вас касается...

Леонато. Только покороче, прошу вас. Сейчас время для меня очень хлопотливое.

Кизил. Вот уж правда, время такое, синьор.

Булава. Что верно, то верно: такое время.

Леонато. Так в чем же дело, друзья?

Кизил. Кум Булава, синьор, порасскажет вам кое-что. Человек он старый, разум у него уж не такой острый, как мне бы, с божьей помощью, того хотелось бы. Но, даю слово, человек он честный, с головы до пят.

Булава. Да, благодарение богу, человек я чест-

ный: любого старика возьмите — честнее меня не будет.

К и з и л. Сравнения тут ни при чем: поменьше слов, кум Булава.

Л е о н а т о. Какие вы, однако, канительщики, братцы!

К и з и л. Вашей чести угодно нас так называть, хотя мы всего лишь смиренные принцевы слуги. Однако скажу по совести: будь у меня этой канители столько, сколько у короля, я всю бы ее предоставил вашей чести.

Л е о н а т о. Всю канитель — мне? Ого!

К и з и л. Да, и будь ее даже на тысячу фунтов больше, потому что у вас в городе такая превосходная репетиция, как мало у кого. И хоть я маленький человек, а рад это слышать.

Б у л а в а. Также и я.

Л е о н а т о. Но я хотел бы знать, что вы имеете мне сообщить.

Б у л а в а. Так что, ваша милость, наша стража нынче ночью — не при вас будь сказано — изловила парочку таких мошенников, каких в Мессине еще не видывали.

К и з и л. Добрейший старик, синьор, любит толковать. Как говорится, старость в двери — ум за двери. Господи прости, много чего на своем веку видывал. — Правильно сказано, кум Булава, правильно, — божий ты человек! А все-таки если двое на одной лошади едут, так кому-нибудь приходится сидеть позади. — Честнейшая душа, ваша милость, честью клянусь: мало таких найдется из тех, что хлеб жуют. Но, благодарение богу, не все люди бывают одинаковы. Так-то, соседушка.

Л е о н а т о. Действительно, братец, ему за тобой не угнаться.

К и з и л. Это уж божий дар.

Л е о н а т о. Я должен оставить вас.

К и з и л. Одно словечно, ваша милость: наша стража действительно задержала две обзрительных личности, и мы хотели бы их нынче утром допросить в присутствии вашей милости.

Л е о н а т о. Допросите их сами и принесите мне потом протокол. Я сейчас очень занят, вы сами видите.

К и з и л. Все исполним в аккуратности.

Л е о н а т о. Выпейте по стакану вина перед уходом. Прощайте.

Входит слуга.

С л у г а. Ваша милость, вас ждут, чтобы вы вручили вашу дочь жениху.

Л е о н а т о. Иду-иду. Я готов.

Леонато и слуга уходят.

К и з и л. Сходи, кум, за Франсисом Угольком, веди ему принести в тюрьму перо и чернильницу: мы там учиним допрос этим молодцам.

Б у л а в а. Это нужно сделать умненько.

К и з и л. Да уж ума не пожалеем, ручаюсь тебе. (Показывая на голову.) Здесь хватит, чтобы загнать их в тупик. Только приведи ученого писца, чтобы записать всю эту э к с - к о м м у н и к а ц и ю. Встретимся в тюрьме.

Уходят.

АКТ IV

СЦЕНА 1

Внутренность церкви.

Входят дон Педро, дон Хуан, Леонато, монах, Клавдио, Бенедикт, Геро, Беатриче и другие.

Л е о н а т о. Покороче, отец Франциск. Совершите только свадебный обряд, а наставление об их обязанностях вы прочтете потом.

М о н а х (к Клавдио). Вы пришли сюда, синьор, затем, чтобы заключить брачный союз с этой девушкой?

К л а в д и о. Нет.

Л е о н а т о. Он пришел, чтобы вступить в брачный союз, уж заключите его вы, отец Франциск.

М о н а х (к Геро). Вы пришли сюда, синьора, затем, чтобы вступить в брачный союз с графом?

Г е р о. Да.

М о н а х. Если кому-либо из вас известны тайные препятствия к заключению этого союза, ради спасения ваших душ предписываю вам открыть их.

К л а в д и о. Известно вам какое-нибудь препятствие, Геро?

Г е р о. Нет, мой супруг.

М о н а х. А вам, граф?

Л е о н а т о. Решусь ответить за него: нет.

К л а в д и о. О, на что только не решаются люди! На что только они не дерзают! Чего только они не делают каждодневно, сами не зная, что они делают!

Б е н е д и к т. Это еще что за междометия? Можно бы найти и повеселее, например: ха-ха-ха!

К л а в д и о

Постой, монах. — Отец, прошу ответить:
Вы с легкою душой и добровольно
Мне отдаете в жены вашу дочь?

Л е о н а т о

Да, сын мой, как ее господь мне дал.

К л а в д и о

А чем вам отплачу? Какой ценою —
За этот щедрый, драгоценный дар?

Д о н П е д р о

Ничем. Вернув ее обратно разве.

К л а в д и о

Принц! Благодарности учусь у вас. —
Возьмите ж дочь обратно, Леонато.
Гнилым плодом не угощайте друга:
Ее невинность — видимость, обман.
Смотрите: покраснела, как девица!
О, как искусно, как правдоподобно
Скрывать себя умеет хитрый грех!
Не знак ли добродетели чистейшей
Румянец этот? Кто бы не поклялся
Из всех вас здесь, что девушка она,
Судя по виду? Но она не дева.
Она познала ложа страстный жар.
Здесь краска не стыдливости — греха.

Л е о н а т о

Что это значит, граф?

К л а в д и о

Что не женюсь я
И душу не свяжу с развратной тварью.

Л е о н а т о

О, дорогой мой граф, когда вы сами
Над юностью победу одержали
И погубили девственность се...

К л а в д и о

Я знаю, вы сказать хотите: если
Я ею овладел, то потому лишь,
Что видела она во мне супруга,
Грех предвосхищенный смягчая тем...
Нет, Леонато:
Ее не соблазнил я даже словом,
Но ей выказывал, как брат сестре,
Любви безгрешной искренность и робость.

Г е р о

Когда-либо иной я вам казалась?

К л а в д и о

«Казалась»? Постыдись! Я так сказал бы:
Ты кажешься Дианою небесной
И чище нерасцветшего цветка;
Но в страсти ты несдержанней Венеры
И хуже, чем пресытившийся зверь,
Что бесится в животном сладострастье.

Г е р о

Здоров ли граф? Он говорит так странно.

К л а в д и о

Что ж вы молчите, принц?

Д о н П е д р о

Что я скажу?
Я честь свою тем запятнал, что друга
Хотел связать с развратницей публичной.

Л е о н а т о

Что слышу я? Иль это снится мне?

Д о н Х у а н

Нет, это явь, и слышите вы правду.

Б е н е д и к т
(в сторону)

Здесь свадьбою не пахнет!

Г е р о

Правду? Боже!

К л а в д и о

Я ль это, Леонато?

А это принц? А это — брат его?

А это — Геро? Не обман ли зренья?

Л е о н а т о

Все это так; но что же из того?

К л а в д и о

Один вопрос задать хочу я Геро;
А вы священной отцовской властью
Ей прикажите нам ответить правду.

Л е о н а т о

Дитя мое, я требую всей правды.

Г е р о

О господи, спаси! Какая мука!

Что надо вам? Зачем такой допрос?

К л а в д и о

Чтоб честно вы назвали ваше имя.

Г е р о

Иль оно не Геро? Это имя

Кто может очернить?

К л а в д и о

Сама же Геро

Невинность Геро может очернить.

Какой мужчина с вами говорил
У вашего окна вчера за полночь?
Когда вы девушка, ответьте мне.

Г е р о

Я в этот час ни с кем не говорила.

Д о н П е д р о

Так вы не девушка! — О Леонато,
Мне жаль вас, но, клянусь моею честью,
Я сам, мой брат и бедный граф видали
И слышали средь ночи, как она
С каким-то проходимцем говорила,
Который, как завзятый негодяй,
Припоминал позорную их связь
И тайные свиданья.

Д о н Х у а н

Стыд! Их речи
Нельзя ни повторить, ни передать;
Чтоб выразить их, слух не оскорбляя,
Нет слов хоть сколько-нибудь скромных. —
Грустно,
Красавица, что так порочна ты.

К л а в д и о

О Геро! Что за Геро ты была бы,
Когда бы вполовину так прекрасна
Была душой и сердцем, как лицом!
Прощай! Ты хуже всех — и всех прекрасней!
Невинный грех и грешная невинность!
Из-за тебя замкну врата любви,
Завешу взоры черным подозреньем,
Чтоб в красоте лишь зло предполагать
И никогда в ней прелести не видеть.

Л е о н а т о

Кто даст кинжал мне, чтоб с собой покончить?

Геро лишается чувств.

Б е а т р и ч е

Ты падаешь, кузина? Что с тобой?

Д о н Х у а н

Уйдем! Разоблаченье этих дел
Сразило дух ее.

Дон Педро, дон Хуан и Клавдио уходят.

Б е н е д и к т

Что с Геро?

Б е а т р и ч е

Умерла? На помощь, дядя!
О Геро! — Дядя! — Бенедикт! — Отец!

Л е о н а т о

О рок, не отклоняй десницы тяжкой!
Смерть — лучший для стыда ее покров,
Какой желать возможно.

Б е а т р и ч е

Геро! Геро!

М о н а х

Утешься, Беатриче.

Л е о н а т о

Что? Очнулась?

М о н а х

А почему же не очнуться ей?

Л е о н а т о

Как почему? Да разве все живое
Ей не кричит: «позор»? Ей не отвергнуть
Того, в чем обличил ее румянец. —
Не открывай глаза для жизни, Геро!
О, если бы я знал, что не умрешь ты,
Что дух твой может пережить позор, —
Тебя убил бы я своей рукою!
А я жалел, что дочь одну имею!
Я сетовал на скупость сил природы!
О, слишком много и тебя одной!
Зачем ты мне прекрасною казалась?

Зачем я милосердною рукой
Не подобрал подкидьша у двери?
Пусть запятнал бы он себя позором, —
Я б мог сказать: «Здесь нет моей вины.
Позор его — позор безвестной крови».
Но ты — моя, моя любовь, и радость,
И гордость. Ты моя, моя настолько,
Что сам я не себе принадлежал,
Скорей тебе, — и вот свалилась в яму
Столь черной грязи, что в безбрежном море
Не хватит капель, чтоб тебя омыть,
Ни соли, чтоб от порчи уберечь
Гнилую плоть!

Б е н е д и к т

Прошу вас, успокойтесь.
Что до меня, я так всем поражен...
Не знаю, что сказать.

Б е а т р и ч е

Клянусь душой, сестру оклеветали.

Б е н е д и к т

Вы прошлой ночью спали вместе с ней?

Б е а т р и ч е

Не с нею, нет. Но до последней ночи
Я вместе с нею целый год спала.

Л е о н а т о

Так-так! Еще сильнее подтвердилось
То, что и без железа тверже.
Солгут ли принцы? И солжет ли граф,
Любивший так, что омывал слезами
Ее позор. Уйдите! Пусть умрет.

М о н а х

Послушайте меня.
Недаром я молчал, предоставляя
Всему своим свершиться чередом.
Я наблюдал за ней, и я заметил,
Как часто краска ей в лицо кидалась,
Как часто ангельскою белизной
Невинный стыд сменял в лице румянец.

Огонь, в глазах ее сверкавший, мог бы
Сжечь дерзкие наветы на ее
Девичью честь. Глупцом меня зовите,
Не верьте наблюдениям моим,
Что опыта печатью подтверждают
Мою ученость книжную; не верьте
Моим летам, ни званию, ни сану —
Когда не злостной сражена ошибкой
Девича милая.

Л е о н а т о

Не может быть!
Ты видишь сам: лишь тем свой грех смягчая,
Она его не хочет ложной клятвой
Отягощать. Она не отрицает!
Зачем прикрыть ты хочешь извиненьем
То, что предстало в полной наготе?

М о н а х

Кто тот, с кем вас в сношеньях обвинили?

Г е р о

Кто обвинял, тот знает; я не знаю.
И если с кем-нибудь была я ближе,
Чем допускает девичья стыдливость,
Пускай господь мне не простит грехов!
Отец мой, докажи, что я с женщиной
Вела беседу в неурочный час,
Что этой ночью тайно с ним встречалась, —
Гони меня, кляни, пытай до смерти!

М о н а х

В каком-то странном заблужденье принцы.

Б е н е д и к т

Двоим из них присуще чувство чести.
И если кто-нибудь их ввел в обман —
Тут происки проклятого бастарда:
Ему бы только подлости творить.

Л е о н а т о

Не знаю. Если есть в словах их правда,
Убью ее своей рукой; но если

Ее оклеветали, то, поверьте,
Я проучу наглейшего из них.
Года во мне не иссушили крови,
Не выела во мне рассудка старость,
Не лишила меня богатства Судьба,
Превратности не отняли друзей.
В злой час для наших недругов найдутся
И руки сильные, и разум ясный,
И средства, и подмога от друзей,
Чтоб рассчитаться с ними.

М о н а х

Подождите:

Я в этом деле вам подам совет.
Ведь принцы вашу дочь сочли умершей:
Так вот, ее от всех на время скройте
И объявите, что она скончалась,
И, соблюдая траур показной,
На родовом старинном вашем склепе
Повесьте эпитафии, свершив
Пред этим похоронные обряды.

Л е о н а т о

Зачем? К чему все это поведет?

М о н а х

К тому, что клеветавшие на Геро
Раскаются тогда: и то уж благо.
Но не о том мечтал я, замышляя
Свой необычный план: чреват он бóльшим.
Узнавши с ваших слов, что умерла
Она под гнетом тяжких обвинений,
Жалеть ее, оплакивать все станут,
Оправдывать. Ведь так всегда бывает:
Не ценим мы того, что мы имеем,
Но стоит только это потерять —
Цены ему не знаем и находим
В нем качества, которых не видали
Мы прежде. Вот и с Клавдио так будет:
Узнав, что он своим жестоким словом
Убил ее, в своем воображенье
Он в ней увидит прежний идеал.
Все, что в ней было милого, живого,
Каким-то новым светом облечется,

Прелестнее, нежней, полнее жизни
В глазах его души, чем это было
При жизни Геро. Если он любил,
Оплакивать ее тогда он станет,
Жалеть о том, что обвинил ее, —
Хотя б еще в ее виновность верил.
Устроим так, и верьте мне: успех
Прекрасней увенчает наше дело,
Чем я могу представить вам сейчас.
Но если бы я даже ошибался,
То слух о смерти Геро заглушит
Молву о девичьем ее бесчестье;
А в худшем случае он нам поможет
Укрыть ее поруганную честь
В каком-нибудь монастыре, подальше
От глаз, от языков и от обид.

Б е н е д и к т

Послушайтесь монаха, Леонато.
Хотя, как вам известно, близок я
И Клавдио и принцу и люблю их,
Но я клянусь быть с вами заодно,
Как заодно ваш дух и ваше тело.

Л е о н а т о

Я так сейчас тону в потоке горя,
Что за соломинку готов схватиться.

М о н а х

Я рад согласью вашему. Итак,
Каков недуг, такое и леченье.

(К Геро.)

Умри, чтоб жить! И, может быть, твой брак
Отсрочен лишь. Мужайся и — терпенье.

Все, кроме Бенедикта и Беатриче, уходят.

Б е н е д и к т. Синьора Беатриче, вы все это время плакали?

Б е а т р и ч е. Да, и еще долго буду плакать.

Б е н е д и к т. Я не желал бы этого.

Б е а т р и ч е. И не к чему желать; я и так плачу.

Б е н е д и к т. Я вполне уверен, что вашу прекрасную козину оклеветали.

Б е а т р и ч е. Ах, что бы я дала тому человеку, который доказал бы ее невинность!

Б е н е д и к т. А есть способ оказать вам эту дружескую услугу?

Б е а т р и ч е. Способ есть, да друга нет.

Б е н е д и к т. Может за это дело взяться мужчина?

Б е а т р и ч е. Это мужское дело, да только не ваше.

Б е н е д и к т. Я люблю вас больше всего на свете. Не странно ли это?

Б е а т р и ч е. Странно, как вещь, о существовании которой мне неизвестно. Точно так же и я могла бы сказать, что люблю вас больше всего на свете. Но мне вы не верьте, хотя я и не лгу. Я ни в чем не признаюсь, но и ничего не отрицаю. Я горюю о своей кухне.

Б е н е д и к т. Клянусь моей шпагой, Беатриче, ты любишь меня!

Б е а т р и ч е. Не клянитесь шпагой, лучше проглотите ее.

Б е н е д и к т. Буду клясться ею, что вы меня любите, и заставлю проглотить ее того, кто осмелится сказать, что я вас не люблю.

Б е а т р и ч е. Не пришлось бы вам проглотить эти слова!

Б е н е д и к т. Ни под каким соусом! Клянусь, что я люблю тебя.

Б е а т р и ч е. Да простит мне господь!

Б е н е д и к т. Какой грех, прелестная Беатриче?

Б е а т р и ч е. Вы вовремя перебили меня: я уж готова была поклясться, что люблю вас.

Б е н е д и к т. Сделай же это от всего сердца.

Б е а т р и ч е. Сердце все отдано вам: мне даже не осталось чем поклясться.

Б е н е д и к т. Прикажи мне сделать что-нибудь для тебя.

Б е а т р и ч е. Убейте Клавдио!

Б е н е д и к т. Ни за что на свете!

Б е а т р и ч е. Вы убиваете меня вашим отказом. Прощайте.

Б е н е д и к т. Постоите, милая Беатриче...

Б е а т р и ч е. Я уже ушла, хоть я и здесь. В вас нет ни капли любви. Прощу вас, пустите меня!

Б е н е д и к т. Беатриче!

Б е а т р и ч е. Нет-нет, я ухожу.

Б е н е д и к т. Будем друзьями.

Б е а т р и ч е. Конечно, безопаснее быть моим другом, чем сражаться с моим врагом.

Б е н е д и к т. Но разве Клавдио твой враг?

Б е а т р и ч е. Разве он не доказал, что он величайший негодяй, тем, что оклеветал, отвергнул и опозорил мою родственницу? О, будь я женщиной! Как! Носить ее на руках, пока не добился ее руки, и затем публично обвинить, явно оклеветать с неудержимой злобой! О боже, будь я женщиной! Я бы съела его сердце на рыночной площади!

Б е н е д и к т. Выслушайте меня, Беатриче...

Б е а т р и ч е. Разговаривала из окна с мужчиной! Славная выдумка!

Б е н е д и к т. Но, Беатриче...

Б е а т р и ч е. Милая Геро! Ее оскорбили, оклеветали, погубили!

Б е н е д и к т. Беат...

Б е а т р и ч е. Принцы и графы! Поистине рыцарский поступок! Настоящий граф! Сахарный графчик! Уж именно сладкий любовник! О, будь я женщиной, чтобы проучить его! Или имей я друга, который выказал бы себя женщиной вместо меня! Но мужество растаяло в любезностях, доблесть в комплиментах, и мужчины превратились в сплошное пустословие и краснбайство. Теперь Геркулес тот, кто лучше лжет и клянется. Но раз по желанию я не могу стать женщиной, мне остается лишь с горя умереть женщиной.

Б е н е д и к т. Постой, дорогая Беатриче. Клянусь моей рукой, я люблю тебя.

Б е а т р и ч е. Найдите вашей руке, из любви ко мне, лучшее применение, чем клятвы.

Б е н е д и к т. Убеждены ли вы в том, что граф Клавдио оклеветал Геро?

Б е а т р и ч е. Убеждена, как в том, что у меня есть душа и убеждение.

Б е н е д и к т. Довольно; обещаю вам, что пошлю ему вызов. Целую вашу руку и покидаю вас. Клянусь моей рукой, Клавдио дорого мне заплатит. Судите обо мне по тому, что обо мне услышите. Идите утешьте вашу кузину. Я буду всем говорить, что она умерла. Итак, до свиданья.

Уходят.

СЦЕНА 2

Тюрьма.

Входят Кизил, Булава и протоколист в
судейских мантиях; стража вводит Конрада и
Борачио.

Кизил. Вся диссамблея в сборе?

Булава. Эй, табурет и подушку для писца.

Протоколист. Где тут злоумышленники?

Кизил. Так что я и мой приятель.

Булава. Так-так, правильно: мы должны провести экзаменацию.

Протоколист. Да нет, где обвиняемые, с которых будут снимать показание? Пусть они подойдут к старшему из вас.

Кизил. Да, понятно, пусть они ко мне подойдут. — Как тебя зовут, приятель?

Борачио. Борачио.

Кизил. Запишите, пожалуйста: Борачио. — А тебя как звать, малый?

Конрад. Я дворянин, сударь, и мое имя — Конрад.

Кизил. Запишите: дворянин Конрад. — Веруете ли вы в бога, господа?

Конрад и Борачио. Да, сударь, надеемся, что так.

Кизил. Запишите: надеются, что веруют в бога. Да поставьте бога на первом месте: упаси боже поставить бога после таких мерзавцев! — Ну, судари мои, уже доказано, что вы немногим лучше мошенников, и вскорости все в этом убедятся. Что вы о себе скажете?

Конрад. Что мы вовсе не мошенники, сударь.

Кизил. Удивительно хитрый малый, честное слово! Но я с ним справлюсь. — Подойдите-ка вы поближе. Словечко вам на ушко, сударь: говорю вам — утверждают, что вы мошенники.

Борачио. А я утверждаю, что мы не мошенники.

Кизил. Ладно, отойдите в сторонку. — Ей-богу, они сговорились. Записали вы, что они не мошенники?

Протоколист. Господин пристав, вы неправильно ведете допрос: вы должны вызвать сторожей, которые являются обвинителями.

Кизил. Ну, конечно, это самый лучший способ.

Пусть подойдет стража. — Ребята, именем принца приказываю вам: обвиняйте этих людей.

Первый сторож. Вот этот человек, сударь, говорил, что дон Хуан, принцев брат, подлец.

Кизил. Запишите: принц дон Хуан — подлец. Да ведь это подлинное клятвопреступление — принцева брата назвать подлецом!

Борачио. Господин пристав...

Кизил. Сделай милость, помолчи, милейший; право, мне твоя физиономия не нравится.

Протоколист. Что он еще говорил?

Второй сторож. Что он получил от дона Хуана тысячу дукатов, чтобы ложно обвинить синьору Геро.

Кизил. Чистейший грабеж, который только можно себе представить!

Булава. Клянусь обедней, верно!

Протоколист. Еще что?

Первый сторож. Что граф Клавдио, поверив его словам, решил осрамить Геро при всем честном народе и отказаться от женитьбы на ней.

Кизил. Ах, мерзавец! Ты будешь за это осужден на вечное и скупление.

Протоколист. Еще что?

Второй сторож. Это все.

Протоколист. Всего этого более чем достаточно, и никакие отпирательства, братцы, вам уже не помогут. Дон Хуан сегодня утром тайно бежал. Геро была по указанной причине обвинена, отвергнута и скоростижно умерла от потрясения. Господин пристав, велите связать этих молодцов и отвести их к синьору Леонато. Я пойду вперед и ознакомлю его с протоколом допроса. *(Уходит.)*

Кизил. Мы с ними живо управимся.

Булава. Связать их!

Конрад. Прочь, болван!

Кизил. Господи боже мой! Где протоколист? Пусть запишет: принцев слуга — болван! Вяжите их! Ах ты, жалкий мошенник!

Конрад. Убирайся прочь, осел! Осел!

Кизил. Как! Никакого подозрения к моему чину! Никакого подозрения к моему возрасту! Ах, будь здесь протоколист, чтобы записать, что я осел! — Ты, негодяй, хоть и полон почтения, а свидетели на тебя найдутся. Я парень не дурак, да подымай выше — принцев слуга, да подымай выше — отец семейства, да

подымай выше — не хуже кого другого во всей Мессине. И законы я знаю — вот как! И денег у меня довольно — вот как! И де ф е к т о в у меня сколько хочешь — вот как! Да у меня два мундира, да и все у меня в порядке — вот как! — Ведите его! Экая досада: не успели записать, что я осел!

Уходят.

АКТ V

СЦЕНА 1

Перед домом Леонато.

Входят Леонато и Антонио.

Антонио

Таким путем ты сам себя убьешь!
Разумно ли так поддаваться горю
Во вред себе?

Леонато

Прошу, оставь советы.
Они проходят через слух бесследно,
Как в решете вода. Оставь советы!
Меня утешить мог бы только тот,
Чьи горести совпали бы с моими.
Дай мне отца, чтоб так же дочь любил,
Чью радость так же вырвали б жестоко, —
И пусть он говорит мне о терпенье.
Измерь его страданья по моим,
И если между ними нет различья
И скорбь его точь-в-точь моей равна
Во всех чертах, и образах, и видах
И если он с усмешкой, вместо вздоха,
«Прочь горе!» крикнет, бороду погладив,
Остротами заштопав грудь, пропьет
С кутилами беду, — дай мне его —
И от него я научусь терпению.
Но нет такого человека, брат!
Советовать умеет каждый в горе,
Которого еще не испытал.

В беде же сам совет на ярость сменит,
Кто от нее прописывал лекарства,
Хотел связать безумье шелковинкой
И сердца боль заговорить словами.
Нет, нет! Всегда советуют терпеть
Тем, кто под тяжким грузом скорби гнется.
Но смертным не дано ни сил, ни власти
Свои советы на себе проверить,
Когда беда у них. Оставь советы!
Сильней, чем увещанья, боль кричит.

А н т о н и о

Так в чем ребенок разнится от мужа?

Л е о н а т о

Прошу, молчи. Я только плоть и кровь.
Такого нет философа на свете,
Чтобы зубную боль сносил спокойно, —
Пусть на словах подобен он богам
В своем презренье к бедам и страданьям.

А н т о н и о

Но не бери всю тяжесть на себя:
Обидчики пусть тоже страдают.

Л е о н а т о

Вот тут ты прав. Я так и поступлю.
Мне сердце говорит — невинна Геро;
И это должен Клавдио узнать,
И принц, и все, кто дочь мою позорил.

Входят дон Педро и Клавдио.

А н т о н и о

Вот принц и Клавдио спешат сюда.

Д о н П е д р о

День добрый.

К л а в д и о

Добрый день вам, господа.

Л е о н а т о

Послушайте...

Д о н П е д р о

Спешим мы, Леонато.

Л е о н а т о

Спешите, принц? Желаю вам удачи.
Вы так спешите? Что же, все равно.

Д о н П е д р о

Не затевайте ссор, старик почтенный.

А н т о н и о

Когда бы ссорой мог помочь он делу,
Один из нас лежал бы мертвым здесь.

К л а в д и о

Кто оскорбил его?

Л е о н а т о

Кто? Ты, притворщик!
Ты, ты. Да, нечего за меч хвататься.
Не испугаешь!

К л а в д и о

Пусть рука отсохнет,
Что старости бы стала угрожать.
Без умысла рука взялась за меч.

Л е о н а т о

Молчи, шутить со мной я не позволю!
Я не безумец и не враль пустой,
Чтоб, прикрываясь старости правами,
Хвалиться тем, что «в молодости делал»
Иль «сделал бы, не будь я стар». Но слушай:
Ты так меня и Геро оскорбил,
Что принужден я, сан мой забывая,
Мои седины и обиды лет,
Тебя на поединок вызвать. Знай:
Ты дочь мою безвинно опорочил,
И клевета пронзила сердце ей.
Она лежит теперь в гробнице предков,
Где никогда позор не почивал.
Ее ж позор ты создал подлой ложью.

К л а в д и о

Как! Я?!

Л е о н а т о

Да, ты. Ты, говорю тебе!

Д о н П е д р о

Старик, неправда это.

Л е о н а т о

Принц, ту правду

Я докажу сейчас же, невзирая
На все его искусство в фехтованье,
На юность майскую и сил расцвет.

К л а в д и о

Довольно! Я с тобой не стану биться.

Л е о н а т о

Не ускользнешь! Ты дочь мою убил;
Убив меня — убьешь ты мужа, мальчик.

А н т о н и о

Обоих нас, мужей, убить он должен.
Но все равно! Я первым с ним дерусь.
Пусть победит меня, но мне ответит.
За мной, молокосос! Иди за мною!
Тебя хочу я отстегать, мальчишка, —
Да, слово дворянина, отстегать!

Л е о н а т о

Мой брат...

А н т о н и о

Молчи. Бог видит, как любил я Геро!
Она мертва, убита подлецами,
Которые так жаждут поединка,
Как жажду я змею схватить за жало.
Мальчишки, хвастуны, молокососы!

Л е о н а т о

Антонио...

А н т о н и о

Молчи. О, я их знаю
И цену им. Я вижу их насквозь:
Лгуны, буяны, франты, пустоцветы,
Что только лгут, язвят, клеветуют, льстят,
Кривляются, десятком страшных слов
И грозным видом запугать хотели б
Своих врагов, когда бы лишь посмели, —
Вот и всего.

Л е о н а т о

Но, брат Антонио...

А н т о н и о

Не в этом дело.
Ты не мешайся: предоставь мне все.

Д о н П е д р о

Мы не хотим вас раздражать, синьоры.
Я всей душой скорблю о смерти Геро,
Но честью вам клянусь: ее вина
Доказана вполне и непреложно.

Л е о н а т о

Мой принц!..

Д о н П е д р о

Я вас не стану слушать.

Л е о н а т о

Нет?

Пойдем же, брат: я слушать их заставлю.

А н т о н и о

Да: иль один из нас за то заплатит.

Леонато и Антонио уходят.

Входит Бенедикт.

Д о н П е д р о. Смотри, вон тот, кого искали мы.

К л а в д и о. Ну, синьор, что нового?

Б е н е д и к т. Добрый день, ваше высочество.

Д о н П е д р о. Привет, синьор. Вы пришли почти
вовремя, чтобы разнять почти драку.

К л а в д и о. Нам чуть не откусили носов два беззубых старика.

Д о н П е д р о. Леонато и его брат. Что ты на это скажешь? Если бы мы с ними сразились, боюсь, что мы оказались бы слишком молоды для них.

Б е н е д и к т. В несправедливой ссоре настоящей храбрости нет. Я искал вас обоих.

К л а в д и о. Мы сами тебя повсюду разыскивали. На нас напала ужасная меланхолия, и нам хотелось бы ее разогнать. Не поможешь ли нам своим остроумием?

Б е н е д и к т. Оно в моих ножнах. Прикажете его вытащить?

Д о н П е д р о. Разве ты носишь свое остроумие сбоку?

К л а в д и о. Этого еще никто не делал, хотя многим их остроумие вылезает боком. Мне хочется попросить тебя ударить им, как мы просим музыкантов ударить в смычки. Сделай милость, развлеки нас.

Д о н П е д р о. Клянусь честью, он выглядит бледным. — Ты болен или сердит?

К л а в д и о. Подбодрись, дружок! Хоть говорят, что забота и кошку уморить может, у тебя такой живой нрав, что ты можешь и заботу уморить.

Б е н е д и к т. Синьор, я ваши насмешки поймаю на полном скаку, если они ко мне относятся. Нельзя ли выбрать другую тему для разговора?

К л а в д и о. Так дайте ему другое копые: он разломал свое на куски.

Д о н П е д р о. Клянусь дневным светом, он все более меняется в лице. По-моему, он не на шутку сердит.

К л а в д и о. Если так, он знает, какую занять позицию.

Б е н е д и к т. Разрешите сказать вам словечко на ухо.

К л а в д и о. Не вызов ли, боже упаси?

Б е н е д и к т *(тихо, к Клавдио)*. Вы негодяй. Я не шучу. Я готов подтвердить это, где вам будет угодно, как вам будет угодно и когда вам будет угодно. Я требую удовлетворения, или я при всех назову вас трусом. Вы убили прелестную девушку, и смерть ее дорого обойдется вам. Жду вашего ответа.

К л а в д и о *(громко)*. Я охотно принимаю ваше приглашение и рассчитываю, что вы хорошо меня угостите.

Д о н П е д р о. Что такое? Пирушка?

К л а в д и о. Да, я ему очень благодарен. Он приглашает меня на телячью голову и каплуна. И, если мне не удастся его разрезать как следует, можете считать, что мой нож никуда не годится. А не будет ли там еще вальдшнепа?

Б е н е д и к т. Ваше остроумие легко на ногу — бежит хорошей иноходью.

Д о н П е д р о. Надо рассказать тебе, как на днях Беатриче расхваливала твое остроумие. Я сказал, что у тебя тонкий ум. «Верно, — говорит, — такой тонкий, что и не заметишь». — «Я хочу сказать, широкий ум». — «Да, — говорит, — плоскость необозримая». — «Я хочу сказать, приятный ум». — «Правильно, — говорит, — никого не обидит». — «Я хотел сказать, что он большой умница». — «Вот именно, — говорит, — ум за разум заходит». — «Он отлично владеет языками». — «Верно, — говорит, — он мне поклялся кое в чем в понедельник вечером, а во вторник утром уже нарушил клятву. Он двуязычный человек, хорошо владеет двумя языками». Так она битый час выворачивала наизнанку твои достоинства; но в конце концов заявила со вздохом, что лучше тебя нет человека во всей Италии.

К л а в д и о. При этом горько заплакала и сказала, что ей нет до тебя дела.

Д о н П е д р о. Да, так оно и было. Но дело в том, что, если бы она не ненавидела его смертельно, она бы его страстно полюбила. Дочь старика нам все рассказала.

К л а в д и о. Решительно все. И то, как «бог видел его, когда он прятался в саду».

Д о н П е д р о. Но когда же мы водрузим рога дикого быка на голову мудрого Бенедикта?

К л а в д и о. Да, и с надписью: «Здесь живет Бенедикт, женатый человек».

Б е н е д и к т. Прощай, мальчик. Ты понял меня. Предоставляю вас вашему болтливому настроению. Вы сыплете остротами, как хвастуны машут мечами, — не задевая, слава богу, никого. — Ваше высочество, я очень вам благодарен за ваши милости ко мне, но принужден оставить вас. Ваш побочный брат бежал из Мессины. Вы с ним сообща убили прелестную невинную девушку. А с этим молокососом мы еще встретимся. Пока желаю ему счастливо оставаться. *(Уходит.)*

Д о н П е д р о. Он говорил серьезно.

К л а в д и о. Как нельзя более серьезно. Ручаюсь вам, что это из-за любви к Беатриче.

Д о н П е д р о. Он вызвал тебя на дуэль?

К л а в д и о. Без всяких околничностей.

Д о н П е д р о. Какая забавная штука — человек, когда он надевает камзол и штаны, а рассудок забывает дома!

К л а в д и о. Он ведет себя как великан перед мартышкой, а в сущности, перед таким человеком и мартышка — мудрец.

Д о н П е д р о. Но довольно! Надо собраться с мыслями и отнестись к делу серьезно. Он, кажется, сказал, что будто мой брат скрылся?

Входят К и з и л, Булава и стража с Конрадом
и Б о р а ч и о.

К и з и л. Идем, идем, сударь. Если правосудие не справится с вами, так не вешать ему на своих весах ничего путного. Хотя вы и лицемер проклятый, вас уж там разберут.

Д о н П е д р о. Что это? Двое из приближенных моего брата связаны! И один из них — Борачио!

К л а в д и о. Спросите, за что их арестовали, ваше высочество.

Д о н П е д р о. Господа, в чем провинились эти люди?

К и з и л. Так что, сударь, они сделали ложный донос; кроме того, сказали неправду; во-вторых, оклеветали; в-шестых и последних, оболгали благородную девицу; в-третьих, подтвердили неверные вещи; и, в заключение, они лгуны и мошенники.

Д о н П е д р о. Во-первых, я спрашиваю: что они сделали? В-третьих, я спрашиваю: в чем их вина? В-шестых и последних: за что они арестованы? И, в заключение: в чем их обвиняют?

К л а в д и о. Правильное рассуждение, по всем пунктам, честью клянусь, один и тот же вопрос в разных формах.

Д о н П е д р о. Что вы совершили, господа, что вас ведут связанными к допросу? Этот ученый пристав так хитроумен, что ничего не понять. В чем ваше преступление?

Б о р а ч и о. Добрый принц, не велите меня вести к допросу: выслушайте меня сами, и пусть граф убьет ме-

ня. Я обманул ваши собственные глаза. То, чего ваша мудрость не могла обнаружить, открыли эти круглые дураки. Сегодня ночью они подслушали, как я признавался вот этому человеку в том, что ваш брат дон Хуан подговорил меня оклеветать синьору Геро. Я рассказал ему, как вас привели в сад и вы там видели мое свидание с Маргаритой, одетой в платье Геро, как затем вы опозорили Геро в самый момент венчания. Моя подлость занесена в протокол. Но я охотнее запечатлею ее своей смертью, чем повторю рассказ о своем позоре. Девушка умерла от ложного обвинения, взведенного на нее мной и моим хозяином. Короче говоря, я не желаю ничего, кроме возмездия за мою низость.

Д о н П е д р о
(к Клавдио)

Он не вонзил ли сталь в тебя речами?

К л а в д и о

Внимая им, я выпил страшный яд.

Д о н П е д р о
(к Борачио)

Ужель мой брат толкнул тебя на это?

Б о р а ч и о

Да, и за труд он заплатил мне щедро.

Д о н П е д р о

В себе он вероломство воплощал
И, подлость эту совершив, бежал.

К л а в д и о

О Геро, вновь в душе воскрес твой образ
В той красоте, какую я любил!

К и з и л. Ну, уведите истцов! Теперь протоколист уже реформировал обо всем синьора Леонато. А главное, господа, не забудьте подтвердить в надлежащее время и в надлежащем месте, что я — осел.

Б у л а в а. А вот идет и синьор Леонато с протоколистом.

Входят Леонато и Антонио с протоколистом.

Л е о н а т о

Где негодяй? Я на него взгляну,
Чтоб, встретивши такого же злодея,
Я мог поостеречься. Кто из них?

Б о р а ч и о

Хотите знать злодея? Он пред вами.

Л е о н а т о

Так это ты, подлец, убил словами
Невинное создание?

Б о р а ч и о

Я один.

Л е о н а т о

Нет, негодяй, ты на себя клеветещь.
Гляди: вот два почтенных человека,
А третий скрылся, — это дело их!
Спасибо, принцы, за убийство Геро.
Вы к вашим громким подвигам прибавьте
Еще и это славное деянье.

К л а в д и о

Не знаю, как просить вас о терпенье,
Но не могу молчать. Назначьте сами,
Какое вы хотите, искупленье
За этот грех, — хотя лишь тем я грешен,
Что заблуждался.

Д о н П е д р о

Как и я, клянусь.

Но, чтоб вину загладить перед старцем,
Приму любую тягостную кару,
Что он назначит мне.

Л е о н а т о

Я не могу вам повелеть, чтоб вы
Ожить велели ей: вы в том не властны.
Но я прошу вас огласить в Мессине,
Что умерла невинною она.
И, если даст любовь вам вдохновенье,
Ее почтите надписью надгробной:
Пусть в эту ночь она звучит, как гимн,

А завтра утром я вас жду к себе.
И, если не могли вы стать мне зятем,
Племянником мне будьте. Дочка брата —
Двойник покойной дочери моей.
Она наследница отца и дяди.
Отдайте ж ей, что назначалось Геро, —
И месть умрет.

К л а в д и о

Какое благородство!
Я тронут вашей добротой до слез.
Согласен я; во всем располагайте
Отныне бедным Клавдио.

Л е о н а т о

Так завтра утром жду обоих вас.
Пока — прощайте. Этого злодея
Сведем мы в очной ставке с Маргаритой:
Она замешана в позорном деле,
Подкуплена...

Б о р а ч и о

Нет, нет, клянусь душою,
Она не знала цели разговора,
Но честною была всегда и верной, —
Я в этом за нее ручаюсь вам.

К и з и л. Кроме того, сударь, хоть это и не занесено в протокол белым по черному, но этот истец и обидчик назвал меня ослом. Прошу вас, пусть это припомнят, когда будут назначать ему наказание. И еще: стража слышала, как они толковали о некоем Фасоне. Говорят, он всегда носит у уха камертон, ходит в локонах и у всех клянчит деньги взаймы. И он так давно этим занимается, никогда не отдавая долгов, что люди очерствели душой и не хотят больше давать ему денег взаймы во имя божие. Прошу вас допросить его по этому пункту.

Л е о н а т о. Благодарю тебя за заботу и честный труд.

К и з и л. Ваша милость говорит как признательный и почтительный юноша, и я хвалю за вас бога.

Л е о н а т о. Вот тебе за труды.

К и з и л. Благослови, господи, вашу обитель.

Лео н а т о. Ступай. Я снимаю с тебя надзор за арестованными. Благодарю тебя.

К и з и л. Поручаю этому отъявленному мерзавцу вашу милость. И прошу вашу милость: примерно накажите себя, другим в поученье. Спаси господи вашу милость. Желая всякого благополучия вашей милости. Верни вам бог здравие. Имею честь уволить себя от вашего присутствия, а коли желательна приятная встреча, так с божьего н е д о з в о л е н и я. —Идем, сосед!

Кизил, Булава и протоколист уходят.

Лео н а т о

Итак, до завтра, господа. Прощайте!

А н т о н и о

Ждем утром вас. Прощайте, господа.

Д о н П е д р о

Придем.

К л а в д и о

Всю ночь скорбеть о Геро буду.

Дон Педро и Клавдио уходят.

Лео н а т о

(первому сторожу)

Ведите их. Допросим Маргариту,
Как с мерзким плутом сблизилась она.

Все уходят в разные стороны.

СЦЕНА 2

Сад Леонато.

Входят, навстречу друг другу, Б е н е д и к т и
М а р г а р и т а.

Б е н е д и к т. Прошу тебя, милая Маргарита, сослужи мне службу: помоги мне поговорить с Беатриче.

М а р г а р и т а. А вы напишете за это сонет в честь моей красоты?

Б е н е д и к т. В таком высоком стиле, Маргарита,

что ни один смертный не дотянется до него. Даю слово, ты вполне заслуживаешь этого.

М а р г а р и т а. Чтобы ни один смертный не дотянулся до меня? Неужели же мне век сидеть под лестницей?

Б е н е д и к т. Остроумие у тебя что борзая: сразу хватает.

М а р г а р и т а. А ваше похоже на тупую рапиру: попадает, но не ранит.

Б е н е д и к т. Остроумие, подобающее мужчине: не хочет ранить даму. Так прошу тебя, позови Беатриче: я побежден и отдаю тебе щит.

М а р г а р и т а. Отдавайте нам мечи — щиты у нас свои найдутся.

Б е н е д и к т. Если вы будете пускать в ход щиты, нам придется прибегнуть к пикам, а для девушек это небезопасно.

М а р г а р и т а. Так я сейчас позову к вам Беатриче. Полагаю, что ноги у нее есть. (Уходит.)

Б е н е д и к т. Значит, она придет. (Поет.)

«О бог любви,
С небес взгляни,
Ты знаешь, ты знаешь,
Как слаб и жалок я...»

Я подразумеваю: в искусстве пения, потому что в смысле любви ни знаменитый пловец Леандр, ни Троил, первый прибегший к сводникам, ни весь набор былых щеголей, чьи имена так плавно катятся по гладкой дороге белых стихов, не терзался любовью так, как я, несчастный. Правда, на рифмы я не мастер: бился, бился — ничего не мог подобрать к «прекрасная дама», кроме «папа и мама», — рифма слишком невинная; к «дорога» — «рога», — рифма слишком опасная; к «мудрец» — кроме «глупец», — рифма слишком глупая. Вообще очень скверные окончания. Нет, я родился не под поэтической планетой и не способен любезничать в торжественных выражениях.

Входит Б е а т р и ч е.

Милая Беатриче, неужели ты пришла потому, что я позвал тебя?

Б е а т р и ч е. Да, синьор, и уйду по вашему приказанию.

Бенедикт. О, оставайся до тех пор, пока...

Беатриче. Вы уже сказали «до тех пор»; так прощайте! Впрочем, я не уйду, пока не получу того, зачем пришла: что было у вас с Клавдио?

Бенедикт. Кроме бранных слов — ничего. По этому случаю я тебя поцелую.

Беатриче. Слова — ветер, а бранные слова — сквозняк, который вреден; поэтому я уйду без вашего поцелуя.

Бенедикт. Ты не можешь не исказить прямого смысла слов: таково уж твое остроумие. Но я тебе скажу прямо: Клавдио принял мой вызов, и мы должны вскоре с ним встретиться — или я его ославлю трусом. А теперь скажи, пожалуйста: за какой из моих недостатков ты влюбилась в меня?

Беатриче. За все вместе. Они так искусно охраняют в вас владычество дурного, что не допускают никакой хорошей примеси. А теперь я спрошу: какое из моих достоинств заставило вас заболеть любовью ко мне?

Бенедикт. Заболеть любовью? Отлично сказано: я действительно болен любовью, потому что люблю тебя вопреки моей воле.

Беатриче. Значит, вопреки вашему сердцу? Увы, бедное сердце! Но, если вы ему противоречите из-за меня, я тоже хочу ему противоречить из-за вас. Я никогда не полюблю врага моего друга.

Бенедикт. Мы с тобой слишком умны, чтобы любезничать мирно.

Беатриче. Судя по этому признанию, вряд ли: ни один умный человек умом хвалиться не станет.

Бенедикт. Старо, старо, Беатриче: это было верно во времена наших прабабушек. А в наши дни, если человек при жизни не соорудит себе мавзолея, так о нем будут помнить, только пока колокола звонят да вдова плачет.

Беатриче. А сколько же времени это длится, по-вашему?

Бенедикт. Трудно сказать. Думаю так: часок на громкие рыдания и четверть часика на заплаканные глаза. Поэтому для умного человека — если только ее величество Совесть этому не препятствует — выгоднее всего самому трубить о своих достоинствах, как я это и делаю. Ну, довольно о похвалах мне, который — могу

это засвидетельствовать — вполне достоин их. А теперь скажите мне, как себя чувствует ваша кузина?

Б е а т р и ч е. Очень плохо.

Б е н е д и к т. А вы?

Б е а т р и ч е. Тоже очень плохо.

Б е н е д и к т. Молитесь богу, любите меня и старайтесь исправиться. Теперь я с вами прощусь, потому что кто-то спешит сюда.

Входит У р с у л а.

У р с у л а. Синьора, пожалуйста скорее к дядюшке. У нас в доме страшный переполох. Стало известно, что синьору Геро ложно обвинили, принц и Клавдио были обмануты, а виновник всего, дон Хуан, бежал и скрылся. Идите скорее.

Б е а т р и ч е. Хотите пойти со мной, чтобы узнать, в чем дело?

Б е н е д и к т. Я хочу жить в твоём сердце, умереть у тебя на груди и быть погребённым на дне твоих глаз; а кроме того, хочу пойти с тобой к твоему дядюшке.

Уходят.

СЦЕНА 3

Церковь.

Входят дон Педро, Клавдио и трое или четверо вельмож с факелами.

К л а в д и о

Так это — склеп фамильный Леонато?

О д и н и з в е л ь м о ж

Да, граф.

К л а в д и о

(читает по свитку)

«Убитой гнусной клеветой
Прекрасной Геро здесь могила.
В награду Смерть ее покой
Бессмертной славой озарила,

И жизнь, покрытую стыдом,
Смерть явит в блеске неземном!»
(Прикрепляет свиток к гробнице.)
Вещайте здесь хвалу над нею,
Меж тем как в скорби я немею.
Теперь — торжественный начните гимн.

ПЕСНЯ

Богиня ночи, о, прости
Убийц твоей невинной девы!
К ее могиле принести
Спешим мы скорбные напевы.
Ты, полночь, с нами здесь рыдай,
Наш стон и вздохи повторяй
Уныло, уныло.
Могила, милый прах верни!
Взываем в гробовой сени
Уныло, уныло.

К л а в д и о

Спи с миром! Буду я вперед
Свершать обряд здесь каждый год.

Д о н П е д р о

Уж близко утро — факелы гасите.
Замолкли волки; первый луч зари
Пред колесницей Феба шлет. Взгляните:
Спешит уж день, огнем восток пестря.
Благодарю вас всех; ступайте с богом.

К л а в д и о

Прощайте; расходитесь по домам.

Д о н П е д р о

Идем. Одежду сменим на другую
И — к Леонато, где с утра нас ждут.

К л а в д и о

Пошли ж нам, Гименей, судьбу другую,
Чем та, что мы оплакивали тут.

Уходят.

СЦЕНА 4

Комната в доме Леонато.

Входят Леонато, Антонио, Бенедикт,
Беатриче, Маргарита, Урсула, монахи и Геро.

Монах

Я говорил вам, что она невинна!

Леонато

Как невиновны Клавдио и принц;
Лишь по ошибке обвинили Геро.
Но Маргарита здесь не без вины,
Хотя и против воли, как нам ясно
Установил подробнейший допрос.

Антонио

Я рад, что все окончилось удачно.

Бенедикт

Я тоже. Иначе я должен был бы
Сразиться с Клавдио на поединке.

Леонато

Прекрасно. Дочь моя и все вы, дамы,
Пока в свои покои удалитесь.
Когда вас позовут, придите в масках.

Дамы уходят.

Леонато

(к Антонио)

И принц и Клавдио мне обещали
Прийти с утра. Ты знаешь роль свою:
Племяннице отцом на время станешь
И Клавдио отдашь в супруги.

Антонио

Спокоен будь: я роль свою исполню.

Бенедикт

Отец Франциск, мне вас просить придется...

Монах

О чем, мой сын?

Б е н е д и к т

Одно из двух: связать иль развязать.

(К Леонато.)

Синьор мой, наконец-то на меня
Взглянула благосклонно Беатриче.

Л е о н а т о

Ей одолжила дочь моя глаза.

Б е н е д и к т

И я ей отвечаю нежным взглядом.

Л е о н а т о

Которым вы обязаны как будто
Мне, Клавдио и принцу. В чем же дело?

Б е н е д и к т

Таит загадку ваш ответ, синьор.
Но к делу: дело в том, чтоб ваша воля
Совпала с нашей. Нас соедините
Сегодня узами святого брака, —
В чем, брат Франциск, нужна и ваша помощь.

Л е о н а т о

Согласен я.

М о н а х

И я готов помочь вам.
Вот принц и Клавдио.

Входят дон Педро, Клавдио и двое или
трое вельмож.

Д о н П е д р о

Приветствую почтенное собрание.

Л е о н а т о

Привет, мой принц; и Клавдио, привет.
Мы ждали вас. Ну что же, вы решились
С племянницей моею обвенчаться?

К л а в д и о

Согласен, будь она хоть эфиопка.

Л е о н а т о

Брат, позови ее; свершим обряд.

Антонио уходит.

Д о н П е д р о

День добрый, Бенедикт. Но что с тобой?
Ты смотришь февралем; морозом, бурей
И тучами лицо твое мрачится.

К л а в д и о

Он вспоминает дикого быка.
Смелей! Твои рога позолотим мы —
И всю Европу ты пленишь, как встарь
Европу бог Юпитер полонил,
Во образе быка явив свой пыл.

Б е н е д и к т

Тот бык мычать с приятностью привык.
Теленка дал подобный странный бык
Корове вашего отца, и, кстати, —
По голосу вы брат того теляти.

Входят Антонио и дамы в масках.

К л а в д и о

Ответ за мной, — сейчас не до того.
Которая ж из дам моя по праву?

А н т о н и о

Вот эта: я ее вручаю вам.

К л а в д и о

Она — моя? — Но дайте вас увидеть.

Л е о н а т о

О нет, пока не поклянетесь вы
Перед святым отцом с ней обвенчаться.

К л а в д и о

Так дайте руку: пред святым отцом
Я — ваш супруг, когда вам так угодно.

Геро
(снимая маску)

При жизни — ваша первая жена:
И вы — мой первый муж, пока любили.

К л а в д и о

Вторая Геро!

Геро

Истинно — вторая.
Та умерла запятанной, а я
Живу и, так же как жива, невинна.

Д о н П е д р о

Та Геро! Та, что умерла!

Л е о н а т о

Она
Была мертва, пока жило злоречье.

М о н а х

Я разрешу вам все недоуменья,
Когда окончим мы святой обряд,
О смерти Геро рассказав подробно.
Пока же чуду вы не удивляйтесь
И все за мной последуйте в часовню.

Б е н е д и к т

Отец, постойте. Кто здесь Беатриче?

Б е а т р и ч е
(снимает маску)

Я за нее. Что от нее угодно?

Б е н е д и к т

Вы любите меня?

Б е а т р и ч е

Не так чтоб очень.

Б е н е д и к т

Так, значит, дядя вац, и принц, и Клавдио
Обмануты: они клялись мне в том.

Б е а т р и ч е

Вы любите меня?

Б е н е д и к т

Не так чтоб очень.

Б е а т р и ч е

Так Геро, Маргарита и Урсула
Обмануты: они клялись мне в том.

Б е н е д и к т

Они клялись, что вы по мне иссохли.

Б е а т р и ч е

Они клялись, что насмерть влюблены вы.

Б е н е д и к т

Все вздор! Так вы не любите меня?

Б е а т р и ч е

Нет — разве что как друга... в благодарность...

Л е о н а т о

Брось! Поклянись: ты любишь Бенедикта.

К л а в д и о

Я присягну, что любит он ее.
Вот доказательство — клочок бумаги:
Хромой сонет — его ума творенье —
В честь Беатриче.

Г е р о

Вот вам и другой,
Украденный у ней, — ее здесь почерк:
Признание в нежной страсти к Бенедикту.

Б е н е д и к т. Вот чудеса! Наши руки свидетельствуют против наших сердец. Ладно, я беру тебя; но, клянусь дневным светом, беру тебя только из сострадания.

Б е а т р и ч е. Я не решаюсь вам отказать; но, клянусь светом солнца, я уступаю только усиленным убеждениям, чтобы спасти вашу жизнь; ведь вы, говорят, дошли до чахотки.

Б е н е д и к т. Стой! Рот тебе зажму я! (Целует ее.)

Д о н П е д р о. Как Бенедикт женатый поживает?

Б е н е д и к т. Вот что я вам скажу, принц: целая коллегия остряков не заставит меня отказаться от моего намерения. Уж не думаете ли вы, что я испугаюсь какой-нибудь сатиры или эпиграммы? Если бы острое словцо оставляло след, мы бы все ходили перепачканные. Короче говоря: раз уж я решил жениться, так и женюсь, хотя бы весь мир был против этого. И нечего трунить над тем, что я прежде говорил другое: человек — существо непостоянное, вот и все. — Что касается тебя, Клавдио, я хотел было тебя поколотить, но раз ты сделался теперь чем-то вроде моего родственника, то оставайся невредим и люби мою кузину.

К л а в д и о. А я-то надеялся, что ты откажешься от Беатриче: тогда я вышиб бы из тебя дух за такую двойную игру. А теперь, без сомнения, ты будешь ее продолжать, если только кузина не будет хорошенько присматривать за тобой.

Б е н е д и к т. Ладно, ладно, мир! — Давайте-ка потанцуем, пока мы еще не обвенчались: пусть у нас порезвятся сердца, а у наших невест — ноги.

Л е о н а т о. Танцевать будете после свадьбы!

Б е н е д и к т. Нет, до свадьбы, клянусь честью! — Эй, музыка! — У вас, принц, унылый вид. Женитесь, женитесь! Плох тот посох, у которого на конце нет рога.

Входит г о н е ц.

Г о н е ц

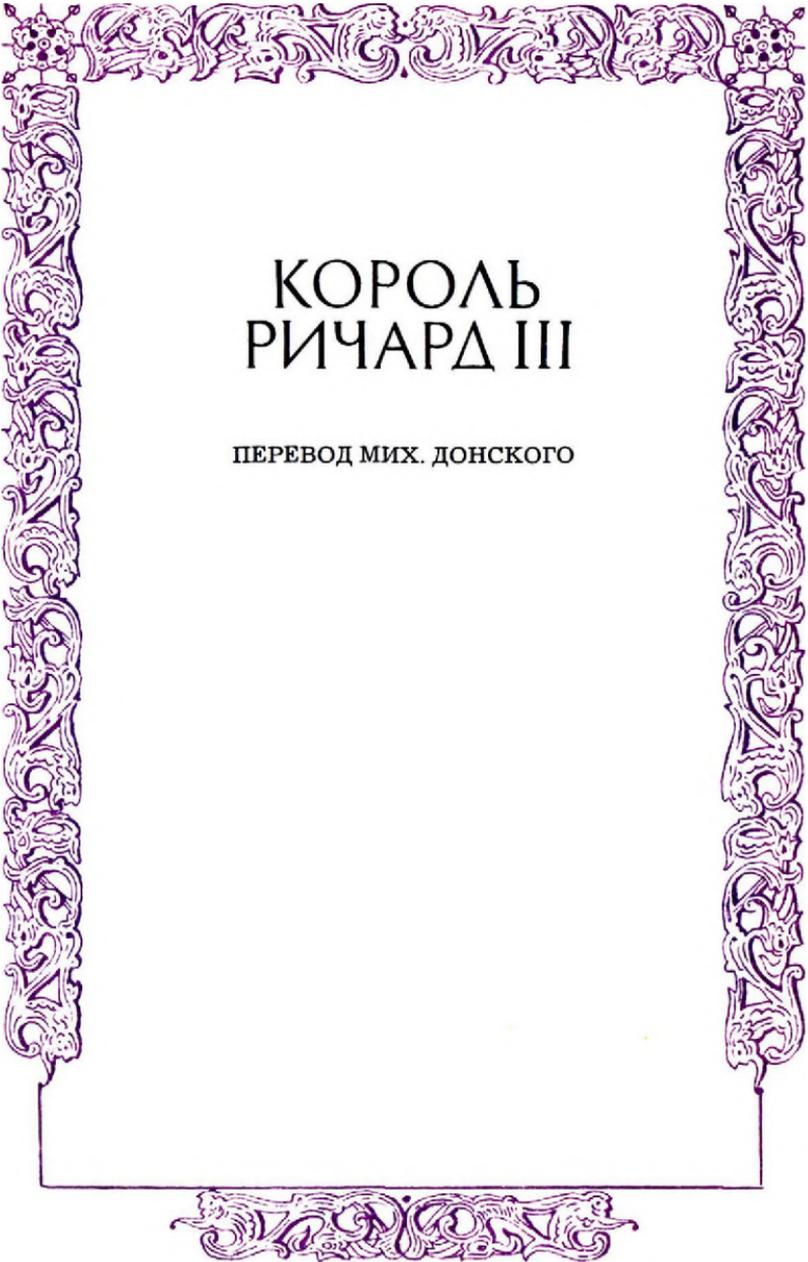
Принц! Дон Хуан, ваш брат бежавший, схвачен
И приведен под стражею в Мессину.

Б е н е д и к т. Забудем о нем до завтра, а там уж я придумаю ему славное наказание. Эй, флейты, начинайте!

Танцы.

Все уходят.





КОРОЛЬ РИЧАРД III

ПЕРЕВОД МИХ. ДОНСКОГО





ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король Эдуард IV.
Эдуард, принц Уэльский }
Ричард, герцог Йоркский } сыновья короля.
Георг, герцог Кларенс }
Ричард, герцог Глостер, } братья короля.
потом король Ричард III
Генрих, граф Ричмонд, потом король
Генрих VII.
Кардинал Борчер, архиепископ Кентерберийский.
Томас Ротрем, архиепископ Йоркский.
Джон Мортон, епископ Илийский.
Герцог Бекингем.
Герцог Норфолк.
Граф Серри, его сын.
Граф Риверс, брат королевы Елизаветы.
Маркиз Дорсет }
Лорд Грей } сыновья Елизаветы от первого брака.
Граф Оксфорд.
Лорд Хестингс, лорд-камергер.
Лорд Стенли.
Лорд Ловел.
Сэр Томас Воген.
Сэр Ричард Ретклиф.
Сэр Уильям Кетсби.
Сэр Джеймс Тиррел.
Сэр Джеймс Блант.
Сэр Уолтер Херберт.
Сэр Роберт Брекенбери, комендант Тауэра.
Сэр Уильям Брендон.
Кристофер Эрсуик, священник.
Священник.
Трессел }
Беркли } дворяне из свиты леди Анны.

Лорд-мэр Лондона.

Шериф Уилтширский.

Королева Елизавета, жена короля Эдуарда IV.

Королева Маргарита, вдова короля Генриха VI.

Герцогиня Йоркская, мать короля Эдуарда IV.

Леди Анна, вдова Эдуарда, принца Уэльского, сына

Генриха VI, потом — жена короля Ричарда III.

Малолетний сын и малолетняя дочь герцога
Кларенса.

Духи убитых Ричардом III людей, лорды,
придворные, слуги, писец, горожане, тю-
ремщик, убийцы, гонцы, солдаты и др.

Место действия — Англия.



АКТ I

СЦЕНА I

Лондон. Улица.

Входит Г л о с т е р.

Г л о с т е р

Итак, преобразило солнце Йорка
В благое лето зиму наших смут.
И тучи, тяготевшие над нами,
Погребены в пучине океана.
Победный лавр венчает нам чело,
Мы сбросили помятые доспехи,
Мы гул боев сменили шумом пиршеств
И клики труб музыкой сладкогласной.
Свиреполикий бог войны разгладил
Морщинистый свой лоб: уж он не мчится
На скакунах, закованных в броню,
Вселяя ужас в души побежденных;
Нет, развлекая дам, он бойко пляшет
Под нежный звон сластолюбивой лютни.
Но я, чей облик не подходит к играм,
К умильному глядению в зеркала;
Я, слепленный так грубо, что уж где мне
Пленять распутных и жеманных нимф;
Я, у кого ни роста, ни осанки,
Кому взамен мошенница природа
Всучила хромоту и кривобокость;
Я, сделанный небрежно, кое-как
И в мир живых отправленный до срока
Таким уродливым, таким увечным,
Что лают псы, когда я прохожу, —
Чем я займусь в столь сладостное время,
На что досуг свой мирный буду тратить?

Стоять на солнце, любоваться тенью,
Да о своем уродстве рассуждать?
Нет!.. Раз не вышел из меня любовник,
Достойный сих времен благословенных,
То надлежит мне сделаться злодеем,
Прокляв забавы наших праздных дней.
Я сплел силки: умелым толкованьем
Снов, вздорных слухов, пьяной болтовни
Я ненависть смертельную разжег
Меж братом Кларенсом и королем.
И если искренен и простодушен
Король Эдуард настолько же, насколько
Я сам умен и лжив и вероломен,
То быть Георгу Кларенсу в тюрьме:
Ведь буква «Г», согласно предсказанью,
Должна детей Эдуарда умертвить. —
Нырните, мысли, в глубь души: вот Кларенс.

Входят К л а р е н с под стражей и Б р е к е н б е р и.

Брат, здравствуй. Что я вижу — ты под стражей.

К л а р е н с

Его величество, в заботе нежной
О безопасности моей, изволил
Меня препроводить с эскортом в Тауэр.

Г л о с т е р

За что?

К л а р е н с

За то, что я зовусь Георг.

Г л о с т е р

Мой бедный брат, твоя ли в том вина?
Тогда в тюрьму твоих бы надо крестных!
А может быть, желает государь,
Чтоб заново ты был там окрещен?
Но что случилось, Кларенс? Объясни.

К л а р е н с

И рад бы, Ричард, только сам не знаю.
Он, видно, снам и прорицаньям верит.
Как понял я, задумал наш король
Изъять из алфавита букву «Г».

Один вещун ему-де напрозорчил,
Что у его потомков буква «Г»
Отнимет трон. А так как я — Георг,
Ему во мне почудилась угроза.
И вот из-за таких нелепых бредней
Отправлен государем я в тюрьму.

Г л о с т е р

Вот так всегда, когда идут мужчины
На поводу у женщин. Не король
Тебя, мой Кларенс, отправляет в Тауэр,
А леди Грей, жена его, — она
Толкнула короля на эту крайность.
Иль не она с достопочтенным братцем
Энтони Вудвилем ему внушили,
Чтоб лорда Хестингса послал он в Тауэр?
Лишь нынче, бедный, выпущен оттуда.
В опасности, в опасности мы, брат.

К л а р е н с

Кто ж нынче в безопасности? По правде,
Одни лишь родственники королевы,
Да те гонцы, что под покровом ночи
С любовными посланьями снуют
Меж нашим королем и миссис Шор.
Ты слышал, как униженно лорд Хестингс
Просил заступничества у нее?

Г л о с т е р

И, помолясь пред этим божеством,
Лорд-камергер вернул себе свободу.
Так вот: к монаршему благоволенью
И нам есть верный путь, — определиться
В ливрейные лакеи к миссис Шор.
Наш государь дал столько власти ей
И женушке — увядшей и ревнивой, —
Что подлинно настало бабье царство.

Б р е к е н б е р и

Милорды, я прошу меня простить,
Но государь мне повелел строжайше,
Чтоб в разговоры не вступал ни с кем
Брат короля, — кто б нам ни повстречался.

Г л о с т е р

Ах, так! Тогда прошу, дражайший сэр,
Послушайте, о чем мы говорим.
У нас в речах крамолы нет. Толкуем,
Что добродетелен и мудр король;
Что наша королева — в цвете лет
И не ревнива; что у миссис Шор
Прелестнейшая ножка, губки — вишни,
Открытый взгляд, отнюдь не злой язык;
Что вышли в знать родные королевы.
Как, сэр, не станете ж вы отрицать?

Б р е к е н б е р и

Ну, в это я не путаюсь, милорд.

Г л о с т е р

Не путаетесь? С миссис Шор? Ну, друг,
Кто путается с ней, тот не болтает.
Все, кроме одного, молчат об этом.

Б р е к е н б е р и

А кто же тот один, милорд?

Г л о с т е р

Хитрец!

Конечно, муж ее. Что, донесешь?

Б р е к е н б е р и

Простите, ваша светлость: я обязан
Беседу вашу с герцогом прервать.

К л а р е н с

Что ж, Брекенбери, выполняй свой долг.
Мы подчиняемся.

Г л о с т е р

У королевы

Мы не в чести, и надо подчиняться. —
Прощай. А я отправлюсь к королю.
Любой ценой, — хоть для того пришлось бы
Мне величать сестрой вдовицу Грей, —
Освобожу тебя из заточенья.
Но то, что ты у брата в злой опале,
Я принимаю к сердцу, как никто.

Кларенс

Да, это горестно для нас обоих.

Глостер

Но ты недолго будешь в заключение,
Поверь, уж я об этом позабочусь.
Ты потерпи.

Кларенс

Приходится. Прощай.

Кларенс, Брекенбери и стража уходят.

Глостер

Ступай, простак! Назад ты не вернешься.
Я так тебя люблю, что не замедлю
На небеса твою отправить душу,
Коль примут мой подарок небеса.
Кто это? Вышедший на волю Хестингс?

Входит лорд Хестингс.

Хестингс

Желаю здравствовать, светлейший герцог.

Глостер

И вам, достойнейший лорд-камергер.
Я счастлив видеть вас опять на воле.
Как заточенье вы перенесли?

Хестингс

Как подобает узнику: с терпением.
Но только бы, милорд, теперь дожить
До дня, когда я отблагодарю
Всех тех, кто засадил меня в темницу.

Глостер

Да, да. И Кларенс лишь о том мечтает.
Одни у вас и у него зраги,
И навредили вам они обоим.

Хестингс

Не горько ли: орла сажают в клетку,
А коршуны вольны чинить разбой.

Г л о с т е р

Что нового на свете?

Х е с т и н г с

Нет худших новостей, чем здесь, у нас:
Король наш болен, слаб и удручен,
И лекари боятся за него.

Г л о с т е р

Воистину плохая эта новость.
Своею невоздержанностью давней
Король разрушил царственную плоть.
Сколь это тягостно... Так слег он?

Х е с т и н г с

Слег.

Г л о с т е р

Ступайте же к нему. А я за вами.

Хестингс уходит.

Король умрет, надеюсь. Но пред тем
Успеет в рай послать гонцом Георга.
А я уж постараюсь раззадорить
Гнев короля, приладив к стрелам лжи
Сталь веских доводов. И если только
Мой тайный замысел осуществится,
То Кларенсу до завтра не дожить.
А там пусть бог возьмет к себе Эдуарда,
Отдав сей мир на попечение мне.
Для этого придется в жены взять
Мне младшую дочь Уорика. Я, правда,
Убил ее супруга и отца...
Ха! Тем полней ей возьму потерю,
Став для нее супругом и отцом.
Да, я женюсь! — не столь из-за любви,
Сколь ради достижения тайной цели,
К которой этот брак меня приблизит.
Но, зверя не загнав, не делят шкуру.
Ведь Кларенс цел, король живет и правит.
Сдержись, воображенье, не спеши;
Умрут, — тогда сочтем мы барыши.

(Уходит.)

СЦЕНА 2

Лондон. Другая улица.

Входит погребальная процессия. Гроб с телом короля Генриха VI сопровождает эскорт, вооруженный алебардами, дворяне и леди Анна в трауре.

Л е д и А н н а

Поставьте здесь свою честную ношу, —
Уж если честь покоится в гробу, —
Оплакать дайте мне, как подобает,
Ланкастера безвременную гибель.
Застывший лик святого короля!
Холодный прах Ланкастерского дома!
Прости, что твой я призываю дух,
Чтоб он услышал плач несчастной Анны,
Вдовы Эдуарда, сына твоего,
Заколотого тою же рукой,
Рукой, тебе нанесшей эти раны.
Жизнь улетела прочь сквозь эти окна, —
В них тщетно лью я слез моих бальзам.
Будь проклята злодейская рука!
И сердце бессердечного убийцы!
И кровь того, кто пролил эту кровь!
Да будет он, виновник наших бед,
Сам жертвою таких ужасных бедствий,
Каких я пожелать бы не могла
Ни паукам, ни аспидам, ни жабам,
Ни самым мерзким гадам на земле!
И если будет у него ребенок,
Пусть он родится жалким недоноском,
Пусть ужаснет он собственную мать
Своим нечеловеческим уродством,
А злобным нравом пусть пойдет в отца!
И если он возьмет жену, то пусть
В замужестве она рыдает горше,
Чем я в своем сиротстве и вдовстве! —
Продолжим скорбный путь наш из собора
В обитель Чертси: погребенье — там.
Когда устанете, остановитесь,
Вновь буду плакать я над королем.

Носильщики поднимают гроб.

Входит Г л о с т е р.

Г л о с т е р

Эй! Опустите наземь мертвеца.

Л е д и А н н а

Кто чародейством вызвал сатану,
Чтоб воспрепятствовать святому делу?

Г л о с т е р

Мерзавцы! Наземь гроб! Не то, клянусь,
Самих вас превращу я в мертвецов.

1 - й д в о р я н и н

Милорд, с дороги! Пропустите гроб.

Г л о с т е р

Ах, дерзкий пес! Сам уберись с дороги,
Раз приказал я. Алебарду прочь!
Не то, клянусь, я с ног тебя собью
И раздавлю, ты, наглое отродье!

Носильщики опускают гроб.

Л е д и А н н а

Как! Вы дрожите? Страх вас обуял?
Увы! Не порицаю вас: вы — люди,
Слепит глаза людей вид сатаны. —
Исчезни, гнусное исчадье ада!
Ты властен был над бранным телом жертвы,
Но над душою ты не властен. Прочь!

Г л о с т е р

Во имя милосердия, святая,
Злых слов не расточай!

Л е д и А н н а

Во имя господя, нечистый, сгинь!
Наш мир счастливый превратил ты в ад,
Где лишь проклятья слышатся да стоны.
Вид гнусностей твоих тебе приятен?
Любуйся же: вот дело рук твоих.
Смотрите! Раны Генриха раскрылись,
Кровоточат их высохшие рты!
Казнись, казнись, чудовищный урод:
Явился ты — и заструилась кровь

Из жил пустых, холодных и бескровных;
Противно это столь же естеству,
Сколь естеству твои дела противны.
О, нам явивший кровь, господь, отмсти!
Пусть небо громом поразит убийцу,
Иль пусть земля разверзнется под ним,
Пожрет его, кто, наущенный адом,
Безвинной кровью землю напоил.

Г л о с т е р

Вам ведомы ль законы милосердья?
Там сказано: за зло плати добром
И проклинающих благословляй.

Л е д и А н н а

Тебе, подлец, неведомы законы
Ни божьи, ни людские. Пожалеть
Способен даже самый лютый зверь!

Г л о с т е р

Я не способен. Стало быть, не зверь я.

Л е д и А н н а

О, чудо! Дьявол истину изрек.

Г л о с т е р

Двойное чудо: ангел разъярился.
Дозволь мне, воплощенье совершенств,
Себя перед тобою оправдать
В злодействах, мне приписанных молвой.

Л е д и А н н а

Дозволь мне, воплощенье всех пороков,
Стократ тебя, проклятого, проклясть
За совершенные тобой злодейства.

Г л о с т е р

Ты, прелесть чью не выразит язык,
Послушай, дай мне вымолить прощенье.

Л е д и А н н а

Ты, гнусность чью постичь не в силах сердце,
Повесься, может быть, тогда прощу.

Г л о с т е р

Так поступив, признал бы обвиненья.

Л е д и А н н а

Так поступив, прощенье заслужил бы,
Достоинно отомстив себе за то,
Что недостойно истреблял других.

Г л о с т е р

А если я не истреблял?

Л е д и А н н а

Вот как!

Иль живы все они? Увы, убиты.
И кем? Тобой, прислужник сатаны!

Г л о с т е р

Я мужа твоего не убивал.

Л е д и А н н а

Так, может быть, он жив?

Г л о с т е р

Нет, он погиб, но от руки Эдуарда.

Л е д и А н н а

И ты не подавился гнусной ложью!
А разве королева Маргарита
Не видела, как твой злодейский меч
Дымился кровью мужа моего?
Ты вслед за ним сразил бы и ее,
Не отведи удар твой два брата.

Г л о с т е р

Тому причиной злой ее язык:
Грех братьев на меня она взвалила.

Л е д и А н н а

Твоя тому причиной кровожадность:
Ты и во сне одни убийства видишь.
Так короля убил не ты?

Г л о с т е р

Пусть я.

Л е д и А н н а

Ах, изверг, пусть? Так пусть тебя господь
Навеки проклянет на злое дело.
Как ласков был он, добр, великодушен!

Г л о с т е р

Тем богу он нужней на небесах.

Л е д и А н н а

Да, он на небесах. Ты там не будешь.

Г л о с т е р

Ну что ж, пускай меня благодарит
За то, что я послал его туда:
Ведь там он более, чем здесь, на месте.

Л е д и А н н а

Тебе одно лишь место впору — ад.

Г л о с т е р

Нет, есть еще одно — сказать посмею ль?

Л е д и А н н а

Тогда тюрьма!

Г л о с т е р

О нет, твоя постель.

Л е д и А н н а

Пусть населят твою постель кошмары!

Г л о с т е р

Да, так и есть, пока я — не с тобой.

Л е д и А н н а

Надеюсь.

Г л о с т е р

А я знаю. Но, миледи,
Чтоб кончить наш словесный поединок
И оборот беседе дать иной,
Спрошу: не столь же ли достоин кары
Винovníк смерти твоего супруга
И свекра твоего, как их убийца?

Л е д и А н н а

Ты сам, палач, один всему виной.

Г л о с т е р

О нет, твоя краса всему виной!
Твоя краса мне в снах моих внушала
Предать мечу весь мир лишь для того,
Чтоб час один прожить в твоих объятьях.

Л е д и А н н а

Будь так, убийца, тут же я ногтями
Красу бы эту сорвала с лица.

Г л о с т е р

Как! Мне глядеть на гибель красоты?
Вам на нее не дам я посягнуть,
Она сияет мне, как миру солнце,
Она мне светлый день, она мне жизнь!

Л е д и А н н а

Пусть ночь затмит твой день, смерть сгубит жизнь!

Г л о с т е р

Не проклинай себя: ведь ты мне — все.

Л е д и А н н а

Что ж, если так, — тем отомщу тебе.

Г л о с т е р

Твоя вражда природу оскорбляет:
Ты мстишь тому, кем ты любима страстно.

Л е д и А н н а

Моя вражда разумна, справедлива:
Я мщу тому, кем был убит мой муж.

Г л о с т е р

Но тот, кто отнял у тебя супруга,
Хотел тебе дать лучшего супруга.

Л е д и А н н а

Нет в целом мире лучшего, чем он.

Г л о с т е р

Есть тот, кто больше любит вас, миледи.

Л е д и А н н а

Кто ж он?

Г л о с т е р

Плантагенет.

Л е д и А н н а.

Так звался муж.

Г л о с т е р

Да, имя то же, но порода лучше.

Л е д и А н н а

И где ж он?

Г л о с т е р

Здесь.

Леди Анна плюет ему в лицо.

Зачем же ты плюешь?

Л е д и А н н а

Хотела б я смертельным плюнуть ядом!

Г л о с т е р

Как не подходит яд к таким устам.

Л е д и А н н а

Но как подходит яд к презренной жабе.
Прочь с глаз моих! Ты отравил мне взор.

Г л о с т е р

Любимая! Твой взор — моя отрава.

Л е д и А н н а

Жаль, я не василиск: ты был бы мертв.

Г л о с т е р

И лучше бы мне сразу умереть,
Чем быть убитым заживо тобой.
Твои глаза из глаз моих исторгли,
Стыжусь сказать, ребяческие слезы.
Из этих глаз не вытекла слеза
Ни в час, когда отец мой Йорк с Эдуардом

Рыдали, слыша горестный рассказ
О том, как Ретленда убил злой Клиффорд;
Ни в час, когда твой доблестный отец
Повествовал о смерти моего
И перехватывало ему горло,
Когда у всех, кто слушал, были щеки
Мокры, подобно листьям под дождем.
О нет, из мужественных глаз моих
Не выдавило горе ни слезинки;
Бессильна скорбь над ними, но всеильна
Твоя краса: взгляни, — я слеп от слез.
Досель язык мой нежных слов не знал,
Не шел я с просьбой ни к врагу, ни к другу.
Но вот теперь я раб твоей красы,
И сердце гордое смиренно просит,
Слова подсказывая языку.

Леди Анна смотрит на него с презрением.

Г л о с т е р

Нет, не криви презреньем этих губ!
Они сотворены для поцелуев!
Но не прощает мстительное сердце.
Тогда возьми вот этот острый меч,
Пронзи им эту преданную грудь,
Исторгни душу, полную тобой,
Смотри, я жду смертельного удара,
О смерти на коленях я молю.

(Подставляет грудь для удара.)

Леди Анна пытается нанести удар мечом.

Чего ты ждешь? Я Генриха убил.
Но виновата в том твоя краса.
Не медли же! Я заколол Эдуарда.
Но твой небесный лик тому виной.

Леди Анна роняет меч.

Меч подними иль подними меня.

Л е д и А н н а

Встань, лицемер! Тебе хочу я смерти,
Но не под силу мне быть палачом.

Г л о с т е р

Тогда скажи, я сам убью себя.

Л е д и А н н а

Уже сказала я.

Г л о с т е р

Сказала в гневе.

Но вновь скажи, и, слову подчинясь,
Моя рука, которая во имя
Любви к тебе твою любовь убила,
Во имя этой же любви убьет
Неизмеримо большую любовь.
И к двум смертям ты будешь сопричастна.

Л е д и А н н а

Как знать, что в твоём сердце?

Г л о с т е р

О том язык поведал.

Л е д и А н н а

Боюсь, что оба лживы.

Г л о с т е р

Тогда нет правды в людях.

Л е д и А н н а

Вложи свой меч в ножны.

Г л о с т е р

Скажи, что ты прощаешь.

Л е д и А н н а

О том узнаешь после.

Г л о с т е р

Могу ли жить надеждой?

Л е д и А н н а

Живут все люди ею.

Г л о с т е р

Прошу, прими мой перстень.

Л е д и А н н а

Принять — не обменяться.

(Надевает перстень на палец.)

Г л о с т е р

Как взят твой палец в плен моим кольцом,
Так мое сердце у тебя в плену;
Владей же и кольцом моим, и сердцем.
Но если бы твой раб смиренный, верный
Мог испросить у щедрости твоей
Еще один знак милости, он был бы
Навеки очастливлен.

Л е д и А н н а

Что еще?

Г л о с т е р

Позвольте мне отдать печальный долг
Тому, по ком скорбеть я должен первый.
Проследуйте, прошу вас, в Кросби-хаус,
А я, предав торжественно земле
Останки благородного монарха
В монастыре Чертсейском и могилу
Слезами покаянья оросив,
Немедленно явлюсь пред ваши очи.
По множеству причин, — об этом после, —
Молю согласье дать.

Л е д и А н н а

Даю от всей души. Я рада видеть
Раскаяние ваше. — Трессел, Беркли,
Вы будете меня сопровождать.

Г л о с т е р

Со мной вы не проститесь?

Л е д и А н н а

Вам все мало?

Участь у вас уменью льстить, скажу:
Вообразите, что уже простилась.

Леди Анна, Трессел, Беркли уходят.

Г л о с т е р

Несите гроб.

Д в о р я н е

В Чертсейский монастырь?

Г л о с т е р

Нет, к Белым Братьям. Ждите там меня.

Уходят все, кроме Глостера.

Кто женщину вот этак обольщал?

Кто женщиной овладевал вот этак?

Она моя, — хоть скоро мне наскучит.

Ха!

Нет, каково! Пред ней явился я,

Убийца мужа и убийца свекра;

Текли потоком ненависть из сердца,

Из уст проклятья, слезы из очей, —

И тут, в гробу, кровавая улика;

Против меня — бог, совесть, этот труп,

Со мною — ни ходатая, ни друга,

Один лишь дьявол разве да притворство;

И вопреки всему — она моя!

Как! Неужели ею позабыт

Ее супруг, славнейший принц Эдуард,

Кого, — тому три месяца всего лишь, —

При Тьюксбери в сердцах я заколол?

Природа на него не поскупилась:

Второго рыцаря, чтоб был, как он, —

Юн, мудр, отважен, и хорош собой,

И царственен — не сыщешь в целом свете.

И вдруг теперь она склоняет взор

Ко мне, к тому, кто сладостного принца

Скосил в цвету и дал ей вдовью долю?

Ко мне, кто весь не стоит пол-Эдуарда?

Ко мне, кто так уродлив, так убог?

Нет, герцогство поставлю против пенса,

Что я досель не знал себе цены!

Черт побери! Как это мне ни странно,

Я для нее — мужчина хоть куда!

Придется, видно, зеркало купить,

Нанять портняжек дюжину-другую:

Пусть приоденут этот стройный стан.

Уж раз теперь к себе мы втерлись в милость —

Расщедримся на нашу красоту.

Сейчас спихну вот этого в могилу

И возвращусь к любимой — повздыхать.

Пока ж я зеркалом не обзавелся,

Свети мне, солнце, чтобы целый день

Мог лицедреть я собственную тень.

(Уходит.)

СЦЕНА 3

Лондон. Комната во дворце.

Входит королева Елизавета, Риверс и Грей.

Риверс

Утешьтесь, государыня, я верю,
Что вновь король здоровье обретет.

Грей

От ваших мук он мучится сильнее.
Вас богом заклинаю — успокойтесь,
Веселостью больного подбодрите.

Королева Елизавета

Вдруг он умрет, — что ждет меня тогда?

Риверс

Утрата мужа, больше ничего.

Королева Елизавета

В такой утрате слиты все утраты.

Грей

В потере горькой, — слава небесам, —
Наследный принц утехой будет вам.

Королева Елизавета

Ах, он так юн! До совершеннолетия
Опекой будет ведать Ричард Глостер,
А он не любит ни меня, ни вас.

Риверс

Уже объявлено, что он протектор?

Королева Елизавета

Нет, не объявлено, но решено.
Случись что с королем, все так и будет.

Входят Бекингем и Стенли.

Грей

Явились лорды Бекингем и Стенли.

Бекингем

Приветствуем мы нашу королеву.

С т е н л и

Да возвратит вам бог былую радость.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Милорд, едва ли бы графиня Ричмонд
Сказала после ваших слов «аминь».
И все ж, хотя супруга ваша, Стенли,
Меня не жалует, я не плачу
Вам злобой за ее высокомерье.

С т е н л и

Я вас молю не верить злостным сплетням,
Распущенным о ней клеветниками.
А если б и была тут доля правды,
Почтите это слабостью, причудой
Больной души, где места нет вражде.

Р и в е р с

Вы виделись сегодня с королем?

С т е н л и

Мы оба, герцог Бекингем и я,
Сейчас с его величеством расстались.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Ну, как вам кажется, — ему не лучше?

Б е к и н г е м

Надейтесь, государыня, он бодр.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Спаси его господь! Вы совещались?

Б е к и н г е м

О да. Его величество желает,
Чтоб герцог Глостер с вашими родными
Пришли к согласью. Хочет также он
Их примиренья с лордом-камергером.
Он повелел их всех позвать к нему.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Дай бог! Но примиренью не бывать.
Боюсь, что наше счастье на закате.

Входят Г л о с т е р, Х е с т и н г с и Д о р с е т.

Г л о с т е р

Мне строят козни. Я от них устал.
Все уши прожужжали государю:
Я, дескать, груб; их, дескать, невзлюбил я.
Клянусь, что дурно служат королю
Те, кто наушничают и клеветуют.
Лишь потому, что не привык я льстить,
Лукавить, лгать, умильно улыбаться,
Раскланиваться на французский лад,
Не перенял ужимок обезьяньих,
Врагом зловредным я у них прослыл.
Иль честный, безобидный человек
Не может жить спокойно, чтоб над ним
Не измывались лживые проныры?

Р и в е р с

И кто же это, благородный герцог?

Г л о с т е р

Ты, в ком ни совести, ни благородства.
Я обижал тебя? Тебе вредил? —
Тебе? Тебе? Кому из вашей клики?
Чума на вас! Едва лишь государю, —
Да будет он бодрей, чем нужно вам! —
Немного полегчает, вы опять
Наветами терзать его идете.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Брат Глостер, вы ошиблись. Государь
Не по внушенью жалобщиков, сам,
Своею собственной державной волей
Послал за вами. Может быть, заметив
В поступках ваших проявленье злобы
К моим родным, и к детям, и ко мне,
Желает он понять ее причины,
Чтоб уничтожить эту неприязнь.

Г л о с т е р

Не знаю, что сказать. Мир измельчал.
Орлам сесть негде, воробьям — раздолье.
Когда шуты повывлезли в вельможи,
Вельможам остается лезть в шуты.

Королева Елизавета

Так, так. Нам мысль понятна: вам на зависть
Возвысились я и мои друзья.
Не дай нам бог попасться в ваши руки.

Глостер

Пока бог дал, что мы у вас в руках.
Мой брат в тюрьме по вашим наущеньям,
Я сам — в опале, родовая знать
В пренебрежение полною; но зато
Из всех щелей полезли в знать людишки,
Кого вчера и знать никто не знал.

Королева Елизавета

Творец, который тихий мой удел
Величием тревожным заменил,
Свидетель мне, что короля вовек
Я против Кларенса не подстрекала,
Напротив, заступалась за него.
Милорд, меня вы тяжко оскорбили
Таким несправедливым подозреньем.

Глостер

Осмелитесь, быть может, отрицать,
Что из-за вас попал в тюрьму лорд Хестингс?

Риверс

Осмелится, милорд! По той причине...

Глостер

Осмелится, лорд Риверс? О, конечно,
Осмелится не только отрицать.
Осмелится вам надавать отличий
И отрицать свое участие в этом:
Мол, по заслугам все, не по родству.
Осмелится!.. И смелости венец...

Риверс

Что — смелости венец?

Глостер

Что смелости венец? Венец. Корона.
Вот смелость — обвенчаться с королем,
С молоденьким и холостым красавцем.
Брак вашей матушки был поскромней.

Королева Елизавета
Милорд, я слишком долго вам прощала
И грубости, и едкие насмешки.
Клянусь, что государю расскажу,
Какие вы чините мне обиды.
Уж лучше быть какой-нибудь батрачкой,
Чем королевой, что должна сносить
Попреки, дерзости и оскорбления.

В глубине сцены появляется королева Маргарита.

Несладко быть английской королевой.

Королева Маргарита
(в сторону)

Пусть бог еще уменьшит эту сладость:
Твое величье, титул, трон — мои.

Глостер
(Елизавете)

Что? Королю грозитесь рассказать?
Рассказывайте! Я и сам, пожалуй,
При короле все это повторю.
Пускай меня за это бросят в Тауэр, —
Пришла пора сказать. Мой труд забыт.

Королева Маргарита
(в сторону)

Нет, сатана! Я все отлично помню:
Тобой убит мой муж, король наш Генрих,
Тобой убит мой бедный сын Эдуард.

Глостер

Еще задолго до того, как стали
Вы — королевой, муж ваш — королем,
Как лошадь, я тащил его поклажу:
Искоренял врагов его спесивых
И щедро награждал его друзей.
Я, чтобы царственная кровь текла в нем,
Лил кровь свою.

Королева Маргарита
(в сторону)

Да, много лил ты крови,
И лучшей, чем его или твоя.

Г л о с т е р

А вы в то время и супруг ваш Грей
Злокозненно к Ланкастерам примкнули.
И Риверс. Иль не в войске Маргариты
Сражен был при Сент-Олбенсе ваш муж?
Я вам напомним, если вы забыли,
Кем прежде были вы и кем вы стали,
А также — кем был я и кем я стал.

К о р о л е в а М а р г а р и т а
(в сторону)

Убийцей гнусным был ты и остался.

Г л о с т е р

А бедный Кларенс! Изменил он тестю,
Нарушил клятву, — господи, прости!..

К о р о л е в а М а р г а р и т а
(в сторону)

Нет, покарай господь!

Г л о с т е р

...чтоб возвести Эдуарда на престол, —
И вместо благодарности — тюрьма!
Ах, было б сердце у меня кремнем,
Как у Эдуарда! Или у него —
Податливым и мягким, как мое!
Я слишком прост для жизни в этом мире.

К о р о л е в а М а р г а р и т а
(в сторону)

Оставь же этот мир и ввергнись в ад,
Нечистый дух! Там царствие твое.

Р и в е р с

Милорд, в годину тягостной вражды
Мы королю законному служили,
И так же мы служить бы стали вам,
Когда б вы были нашим государем.

Г л о с т е р

Я? Государем? Я скорей пошел бы
В разносчики. Об этом и не мыслю.

Королева Елизавета

Вы правы. Мало радости, милорд,
Вкусили б вы, став здешним королем,
Как мало радости, уж вы поверьте,
Мне оттого, что здесь я королева.

Королева Маргарита (в сторону)

Да, мало радости быть королевой.
Я — королева, радостей мне нет.
Нет, больше сдерживаться не могу! —
(Выходит вперед.)

Эй вы, пираты! Что, не поделили
Награбленное у меня добро?
Что ж, глядя на меня, вы не дрожите,
Как подданные перед королевой,
Как перед свергнутой бунтовщики?
(Глостеру.)

Что прядешься, сиятельный мерзавец?

Глостер

Зачем сюда пожаловала, ведьма?

Королева Маргарита

Затем, чтоб сосчитать твои злодеяния.
Пока я счет не кончу, не уйдешь.

Глостер

Иль ты не изгнана под страхом смерти?

Королева Маргарита

О да. Но для меня изгнание горше,
Чем смерть сама, коль здесь она придет.
Я мужа числю за тобой и сына.
(Елизавете.)

А за тобой — корону. — А за вами —
Долг подданных. Все горести мои
По праву — ваши. Радости же ваши
Украдены бесстыдно у меня.

Глостер

Тебя пред смертью проклял мой отец,
Когда, глумясь, ты на чело героя

Напялила бумажную корону
И слезы из его очей исторгла,
А чтоб он их отер, дала ему
Платок, пропитанный невинной кровью
Бедняжки Ретленда! Страданья Йорка
Проклятьем тяготееют над тобой.
Сам бог тебя карает, а не мы.

Королева Елизавета

Бог справедлив: он за невинных мстит.

Хестингс

Убить дитя! Что может быть гнуснее?
Ужасное, неслыханное зверство.

Риверс

Рассказ об этом плакать заставлял
Людей, не знавших, что такое жалость.

Дорсет

Все, как один, пророчили отмщенье.

Бекингем

Лил слезы даже сам Нортемберленд.

Королева Маргарита

Как! Вы тут грызлись, вы готовы были
Друг дружке горло перервать, — и вдруг
Все на меня накинулись вы разом!
Ужель проклятье Йорка прозвучало
На небесах столь громко, что все это —
Смерть Генриха, смерть милого Эдуарда,
Потеря трона и мое изгнание —
Расплата за плаксивого щенка?
Так, стало быть, доносятся проклятья
Сквозь тучи к небесам? Тогда, о тучи,
Дорогу дайте и моим проклятьям!
Пусть ваш король умрет, как умер наш,
Но не в бою умрет, а от обжорства. —
Пусть твой Эдуард, что ныне принц Уэльский,
Как мой Эдуард, что был Уэльским принцем,
Убит злодейски будет, не созрев.
Ты царствуешь, как царствовала я,
Утратить же свой престол, как я, при жизни,

И смерть детей оплачь, и все живи,
Чтоб видеть, так же, как и я, другую,
Отнявшую твои права, твой сан;
И после многих долгих скорбных дней
Умри низложенной, бездетной, вдовой. —
Ты, Риверс, и ты, Дорсет, и ты, Хестингс,
Смотрели безучастно, как сражен был
Кровавыми кинжалами мой сын. —
Умрите же и вы во цвете лет...

Г л о с т е р

Довольно каркать, гнусная чертовка!

К о р о л е в а М а р г а р и т а

Не помянув тебя? Стой, пес, и слушай.
Когда у неба есть бичи ужасней,
Чем те, что на тебя я призываю,
Пусть даст оно твоим грехам созреть,
А там свой гнев обрушит на тебя,
На сеятеля смут в несчастном мире.
Червь угрызений пусть тебя изложет!
Подозревай своих друзей в измене,
Изменников возьми себе в друзья!
Пускай к тебе, лишь ты смежишь глаза,
Слетаются ужасные виденья
И сонмы бесов мучают твой дух!
Ты, корни подрывающий кабан!
Ты, кто отмечен в самый час рожденья
Как выродок, как адское исчадье!
Ты, чрева материнского позор!
Такому поношению природы,
Такому поруганью благородства
Одно лишь имя...

Г л о с т е р

Маргарита.

К о р о л е в а М а р г а р и т а

Ричард.

Г л о с т е р

А? Вы меня окликнули?

Королева Маргарита
Тебя?

Глостер

Ах, не меня. Спасибо. Я-то думал,
Что мне вы надавали бранных кличек.

Королева Маргарита
Тебе. Но в репликах я не нуждаюсь.
Еще я не закончила проклятья.

Глостер

А я закончил словом «Маргарита».

Королева Елизавета
Проклятья ваши упадут на вас же.

Королева Маргарита
Ты, кукла! Сколок моего величья!
Зачем подкармливаешь паука,
В чьей паутине скоро ты увязнешь?
Ах, глупая! Ты точишь нож, который
Тебя убьет. Еще настанет день,
И ты попросишь у меня проклятий
Для ядовитой кривоножкой жабы.

Хестингс

Ну, будет! Лжепророчества твои
И злобные проклятья нам постыли.

Королева Маргарита
Наглец! А вы? Вы не постыли мне?

Риверс

Имей вы добрых слуг, вы знали б тверже,
В чем долг ваш.

Королева Маргарита
Знай вы тверже, в чем ваш долг,
Мне добрыми бы слугами вы были;
Твердите ж мне, что я вам — королева,
А вы мне — подданные. Вот ваш долг.

Дорсет

Не спорьте с ней: она сошла с ума.

Королева Маргарита

Маркизишка? Тебе-то уж молчать бы.
Твой новый герб блестит, как новый грош.
Вам, выскочкам, где вам понять, что значит:
Родившись для величья, стать ничем.
Кто высоко, тот вечно на ветру,
А упадет — так разобьется насмерть.

Глостер

И то сказать, запомните, маркиз.

Дорсет

И вам, милорд, запомнить не мешает.

Глостер

О да! Но я-то высоко рожден:
В гнезде, что свито на вершине кедра.
Я с ветром в дружбе, солнца не боюсь.

Королева Маргарита

Увы, увы! Ты людям застишь солнце:
Пример — мой сын, что в смертной спит тени.
Ты тучами свирепости своей
Затмил мое лучистое светило,
Безжалостно окутал вечной тьмой.
Свое гнездо в гнезде вы нашем свили.
Всевидящий господь! Не потерпи!
Что кровью нажито, в крови да сгинет!

Риверс

Помилосердствуйте! Иль постыдитесь.

Королева Маргарита

Вы ждете милосердия? Стыда?
А вы со мною были милосердны?
Убить мои надежды постыдились?
Я обездолена немилосердно,
На жизнь постыдную обречена.
И свирепеет скорбь моя в стыде.

Бекингем

Довольно!

Королева Маргарита

О светлейший Бекингем!
Тебе в знак дружбы я целую руку.
Будь счастлив ты и дом твой благородный!
Не запятнал себя ты нашей кровью
И незачем мне проклинать тебя.

Бекингем

И всех других: проклятья остаются
У проклинающего на устах.

Королева Маргарита

Нет, к небесам возносятся они
И мирный сон создателя тревожат.
О Бекингем, следи за этим псом,
Поберегись: коль он хвостом виляет,
То хочет укусить; когда ж укусит,
Смертельным будет яд его клыков.
Держись подальше, будь настороже:
Грех, смерть и ад отметили его.
Все духи зла ему покорно служат.

Глостер (Бекингему)

О чем она, милорд?

Бекингем

Я, ваша светлость,
Ее словам не придаю значенья.

Королева Маргарита

Вот как! Ты пренебрег моим советом!
Льстишь дьяволу, кого беречься должен?
Когда пронзит он мукой твое сердце,
В тот день меня вспомянешь ты и скажешь:
«Все это Маргарита предрекла».
Пусть каждого из вас он ненавидит,
А вы — его и всех вас вместе — бог!
(Уходит.)

Хестингс

Мороз по коже от ее проклятий.

Р и в е р с

Да! Почему она не под замком?

Г л о с т е р

Судить ее не смею: горький жребий,
Клянусь пречистой девой, выпал ей.
В чем грешен перед ней — о том жалею.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Уж я-то ей вреда не причинила.

Г л о с т е р

Но все ее несчастья — вам на пользу.
А я вот слишком горячо старался
Для кой-кого, кто охладел ко мне.
С беднягой Кларенсом уж расплатились:
Его за все труды — в хлев, на закланье.
Прости, всевышний, тем, по чьей вине!

Р и в е р с

Согласно заповеди христианской
Нам должно за обидчиков молиться.

Г л о с т е р

Я так и делаю всегда.

(В сторону.)

Еще бы!

Ведь проклиная, проклял бы себя.

Входит К е т с б и.

К е т с б и

Его величество просить изволит
Вас, государыня, и вашу светлость,
И вас, милорды.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Кетсби, я иду.

А вы, милорды?

Р и в е р с

Следуем за вами.

Уходят все, кроме Глостера.

Г л о с т е р

Чиня разбой, кричу я первый: «Грабят!»
Свой тайный замысел осуществляя,
Вину я взваливаю на других.
Упрятав Кларенса, о нем рыдаю
Я перед стадом легковых дурней, —
Меж ними Хестингс, Стенли, Бекингом, —
Мол, королева и ее родня
На брата нащептали королю.
Поверили. Хотят, чтоб отомстил
Я Риверсу, и Вогану, и Грею.
Тут я, вздохнув, ссылаюсь на Писанье:
Господь велит воздать добром за зло,
И краденой евангельской ветошкой
Я наготу злодейства прикрываю,
Лелея адский план, святого корчу.
Но вот они, пособники мои.

Входят д в о е у б и й ц.

Ну, храбрые надежные друзья!
Вы собрались покончить с этим делом?

1 - й у б и й ц а

Да, ваша милость. Только нужен пропуск,
Без этого туда нам не попасть.

Г л о с т е р

Я позаботился: он у меня.

(Подает им пропуск.)

Покончив с делом, приходите в Кросби.
Вам надо, братцы, действовать быстреей,
Не размякать, не слушать уговоров.
Ведь Кларенс — краснойбай: начнете слушать, —
Еще, поди, разжалобит он вас.

1 - й у б и й ц а

Ну нет, милорд. Болтать нам недосуг.
Болтун — плохой работник. Уж поверьте,
Мы руки пустим в ход, не языки.

Г л о с т е р

Я вижу, что скорей заплачут камни,
Чем вы. Хвалю. Вот это — молодцы!
Ну, к делу, к делу!

1 - й у б и й ц а

Мы идем, милорд.

Уходят.

СЦЕНА 4

Лондон, Тауэр.

Входят К л а р е н с и т ю р е м щ и к .

Т ю р е м щ и к

Как сумрачны вы нынче, ваша светлость

К л а р е н с

О да, провел я тягостную ночь:
Дурные сны, ужасные виденья.
Клянусь христовой верой, если б мог я
Купить ценой второй подобной ночи
Несчетное число счастливых дней, —
Я отказался бы: так было страшно.

Т ю р е м щ и к

Нельзя ль узнать, что снилось вам, милорд?

К л а р е н с

Мне снилось, что я вырвался отсюда
И за море, в Бургундию плыву.
На корабле со мной и брат мой Глостер.
И он меня выводит из каюты
На палубу. И, взоры устремив
К английским берегам, припоминаем
Мы вереницу горестных событий
В войне между Ланкастером и Йорком.
Вот так по зыбкой палубе шагаем
Мы с Глостером, и вдруг он оступился;
Бросаюсь я ему помочь, но тут
Он, падая, меня толкает за борт
В кипенье вздыбленных морских валов.
О боже! Как мучительно тонул я!
Еще в моих ушах — рычанье волн!
Еще в моих глазах — виденья смерти!
Я видел тьмы погибших кораблей,
Тьмы рыбами обглоданных скелетов;

И якоря, и золотые слитки,
И камни драгоценные, и жемчуг —
Сокровища, которым нет цены, —
Морское дно покровом устилали;
И там и сям из черепных глазниц,
Взамен очей, в них прежде обитавших,
Таращились глумливо самоцветы,
Подмигивая вязкой глубине,
Над россыпью скелетов насмехаясь.

Т ю р е м щ и к

И в смертный миг вам времени хватило
Так разглядеть все тайны глубины?

К л а р е н с

Представь! Я многократно был готов
С душой расстаться, но пучина злая
Не выпускала дух мой на простор,
В свободную воздушную стихию;
И дух мой пленный, распирая грудь,
Готов был рвотой вырваться наружу.

Т ю р е м щ и к

И вы проснулись от предсмертной муки?

К л а р е н с

Нет, смерть пришла, но сон мой не прервался.
О, что за буря поднялась в душе!
Мне снилось: по безрадостной реке
Угрюмый лодочник, в стихах воспетый,
Меня повлек в обитель вечной ночи.
И первый, с кем смущенная душа
Там встретилась, был тесть мой, славный Уорик.
«Какую казнь, — воскликнул он, — ты примешь
За клятвopреступление свое
Здесь, в этом темном царстве, лживый Кларенс!»
Сказав, исчез. Вослед — другая тень:
Лик ангела; на золотых кудрях
Кровь запеклась. И крикнул он: «Вот Кларенс!
Коварный, лживый, вероломный Кларенс,
Что заколол при Тьюксбери меня.
О фурии, его предайте мукам!»
Рой демонов, откуда ни возьмись,
Вдруг окружил меня; они вопили

Невыносимо, и от диких воплей
Проснулся я, дрожа, не понимая,
Где я; мне все казалось, что в аду:
Так потрясен я был ужасным сном.

Т ю р е м щ и к

Да, было отчего тут испугаться.
Я слушаю — и то ведь страх берет.

К л а р е н с

Ах, друг, и впрямь я совершил все это,
Что нынче камнем на душу легло, —
Для брата все! И вот мне чем он платит.
О господи! Когда молитвой жаркой
Тебя я не смягчу и ты захочешь
Возмездие послать за преступленья,
То покарай меня, но пощади
Невинную жену, детей несчастных. —
Побудь со мной. Так тяжело на сердце.
Ах, если бы мне удалось заснуть.

Т ю р е м щ и к

Я не уйду. Пошли вам бог покой.

Кларенс засыпает в кресле. Входит комендант Таузра Б р е -
к е н б е р и .

Б р е к е н б е р и

Да, скорбь не знает ни календаря,
И ни часов: день, ночь — ей все едино.
Горды своими титулами принцы,
Но блеск снаружи, рой забот внутри;
Они, прельстясь мечтанием неверным,
Ввергаются в пучину верных бедствий.
Так в чем отличие черни от господ?
Ни в чем, коль внешний блеск не брать в расчет.

Входят д в о е у б и й ц .

1 - й у б и й ц а . Эгей! Есть тут живая душа?

Б р е к е н б е р и

Чего тебе? И как сюда вошел ты?

1 - й у б и й ц а . Мне бы потолковать с Кларенсом.
А вошел я сюда собственными ногами.

Брекенбери

Немногословен ты.

2 - й у б и й ц а. Да уж это лучше, чем болтать попусту. — Покажи ему предписание, да и дело с концом.

1-й убийца подает Брекенбери бумагу, тот ее читает.

Брекенбери

Тут сказано: сдать герцога я должен
С рук на руки подателям сего.
Не стану углубляться в суть приказа,
Чтоб непричастность сохранить к нему.
Вот вам ключи. А там вон — спящий герцог.
Я — к королю. Его удостоверю,
Что полномочия свои сдал вам.

1 - й у б и й ц а. Отлично, сэр. Это очень даже разумно. Счастливого вам пути.

Брекенбери и тюремщик уходят.

2 - й у б и й ц а. Так что ж, мне его заколоть во сне?

1 - й у б и й ц а. Нет. А то еще, проснувшись, он скажет, что мы его убили, как трусы.

2 - й у б и й ц а. Проснувшись? Дурак ты, — не проснётся уж ему до Страшного суда.

1 - й у б и й ц а. Вот тогда-то он и скажет, что мы за-резали спящего.

2 - й у б и й ц а. Стоило помянуть мне «Страшный суд», и сразу страшно стало.

1 - й у б и й ц а. Струсил, стало быть?

2 - й у б и й ц а. Убивать-то не струсил: на то у нас приказ есть; только боязно свою душу погубить — тут никакой приказ не спасет.

1 - й у б и й ц а. Я думал, что ты решился.

2 - й у б и й ц а. Я и решился: оставить его в живых.

1 - й у б и й ц а. А вот я пойду сейчас к герцогу Глостеру и все ему расскажу.

2 - й у б и й ц а. Нет, постой-ка! Может, эта жалостливость еще выйдет из меня. Не успеешь сосчитать до двадцати, как она испарится.

1 - й у б и й ц а. Ну, как теперь?

2 - й у б и й ц а. Вроде бы еще капля совести осталась.

1 - й у б и й ц а. А ты вспомни, сколько нам денег от-
валят, когда дело будет сделано.

2 - й у б и й ц а. Черт подери, я и забыл про деньги.
Пусть умрет!

1 - й у б и й ц а. А где ж она теперь, твоя совесть?

2 - й у б и й ц а. У герцога Глостера в кошельке.

1 - й у б и й ц а. Стало быть, как распустил он завяз-
ки кошелька, чтобы с нами расплатиться, твоя совесть
оттуда и выпорхнет?

2 - й у б и й ц а. И пусть себе летит. Кому она нужна?

1 - й у б и й ц а. А ну как она к тебе вернется?

2 - й у б и й ц а. Так я и стану с ней связываться. Это
каверзная штука: она превращает мужчину в труса.
Украд бы — нельзя, совесть корит, ругнулся бы —
нельзя, совесть стыдит, переспал бы с соседской же-
ной — нельзя, совесть не велит. Она вроде как дух с
красным от стыда лицом, который бунтуется у человека
внутри. И все норовит подставить тебе ножку. Однажды
нашел я случаем кошелек с золотом, а совесть застави-
ла вернуть его владельцу. С ней свяжешься — нищим
станешь. Недаром ее из всех городов и весей в шею го-
нят — опаснейшая штука. Ежели человек хочет жить
хорошо, да с самим собой ладить, должен он без совести
обходиться.

1 - й у б и й ц а. А, дьявол! Вот и меня начала тере-
бить: не убивай, мол, герцога.

2 - й у б и й ц а. Призови черта на помощь и не под-
давайся совести; не то и охнуть не успеешь, как она тебя
оседлает.

1 - й у б и й ц а. Не на того напала: я крепкий орешек.

2 - й у б и й ц а. Хорошо сказано! Ты, вижу, от своего
не отступишься. Ну что, пора за работу?

1 - й у б и й ц а. Хвати его по темени рукояткой меча,
а потом мы его утопим в бочке мальвазии, что стоит за
дверьми.

2 - й у б и й ц а. Знатно придумано! Стало быть,
окунем?

1 - й у б и й ц а. Тсс... Он просыпается.

2 - й у б и й ц а. Бей!

1 - й у б и й ц а. Нет, сперва с ним еще потолкуем.

К л а р е н с
(просытаясь)

Ты где, тюремщик? Дай-ка мне вина.

1 - й у б и й ц а

Вина, милорд, вам будет, хоть залейся.

К л а р е н с

Во имя божье, кто ты?

1 - й у б и й ц а

Я человек, как вы.

К л а р е н с

Но ты не принц, как я.

1 - й у б и й ц а

Но я и не изменник.

К л а р е н с

С лица простолюдин, а голос грозный.

1 - й у б и й ц а

Лицо — мое, а голос — короля.

К л а р е н с

Загадочно и страшно говоришь ты.
В твоих глазах угроза. Как ты бледен!
Кто вас послал? Зачем вы оба здесь?

1 - й и 2 - й у б и й ц ы
(вместе)

Чтоб... Чтоб... Чтоб...

К л а р е н с

Чтоб умертвить меня?

1 - й и 2 - й у б и й ц ы
(вместе)

Да, да.

К л а р е н с

Вы не решались это мне сказать,
Ужели ж вы решитесь это сделать?
И чем, друзья мои, я вас обидел?

1 - й у б и й ц а.

Не нас обидели, а короля.

Кларенс

Но с королем я скоро помирюсь.

2 - й у б и й ц а

Нет, ваша милость! Приготовьтесь к смерти!

Кларенс

Так вас двоих из всех людей избрали —
Невинного убить? В чем обвинен я?
На основании каких улик?
Когда, какой придирчивый судья
Дотошное дознание вел? И кем
Приговорен несчастный Кларенс к смерти,
Пока перед судом он не предстал?
Мне угрожать — прямое беззаконье!
Я заклинаю вас спасеньем вашим,
Христовой кровью, пролитой за нас —
Подите прочь! Не троньте! Злодеяньем
Проклятье навлечете на себя.

1 - й у б и й ц а

Мы исполняем данный нам приказ.

2 - й у б и й ц а

А отдал нам приказ наш государь.

Кларенс

Слепые исполнители приказов!
Да разве государь всех государей
Не высек на скрижалях: «Не убий!»?
И вы презрите заповедь господню,
Покорствуя приказу человека?
Страшитесь: бог карающей десницей
Воздаст тому, кто заповедь попрал.

2 - й у б и й ц а

Вот и тебя карает он теперь
За клятвопреступление и убийство.
Причастием скрепил ты свой обет:
На стороне Ланкастеров сражаться.

1 - й у б и й ц а

Нарушил свой обет — и перед богом
Изменник ты. Предательский клинок
Всадил ты в сына своего владыки.

2 - й у б и й ц а

Кого клялся растить и защищать.

1 - й у б и й ц а

О божьей заповеди поминаешь,
А сам не надругался ты над ней?

К л а р е н с

Увы! Кого же ради совершил
Злодейство я? Не ради ли Эдуарда?
Нет, он не мог послать ко мне убийц:
За этот грех равно мы с ним в ответе.
А если бог карает за грехи,
Он — знайте — это делает открыто;
Не вырывайте из десницы божьей
Стрелу возмездья. Бог, карая грешных,
В окольных не нуждается путях.

1 - й у б и й ц а

А кто толкнул тебя стать палачом,
Когда цветущий королевский отпрыск,
Плантагенет, сражен тобой был насмерть?

К л а р е н с

Любовь к Эдуарду, дьявол и мой гнев.

1 - й у б и й ц а

Наш долг, любовь к Эдуарду и твой грех
Повелевают нам — убить тебя.

К л а р е н с

Когда вы оба любите Эдуарда,
Не можете меня вы ненавидеть:
Я брат ему и я его люблю.
А если вас деньгами соблазнили —
Ступайте к брату Глостеру, и он
За жизнь мою заплатит вам дороже,
Чем брат Эдуард заплатит вам за смерть.

2 - й у б и й ц а

Ошиблись вы: вас ненавидит Глостер.

К л а р е н с

Неправда, любит! Мы с ним так дружны!
К нему ступайте от меня.

Убийцы

А как же.

Кларенс

Напомните: когда отец наш Йорк
Благословил победоносной дланью
Трех сыновей своих, их заклиная
Любить друг друга, он не помышлял,
Что может быть расторгнут наш союз.
Об этом вспомнит Глостер — и заплачет.

1-й убийца

Как плачут камни — так и нас учил он.

Кларенс

Зачем клеветешь? Ласков он ко мне.

1-й убийца

Вот-вот, как снег к цветочкам. Вы ошиблись:
Он сам приказ нам отдал — вас убить.

Кларенс

Неправда! Нет! Он так меня жалел,
Сжимал в объятьях и, рыдая, клялся
Любой ценою вызволить меня.

1-й убийца

А он и вызволит: отправит вас
Из сей юдоли слез к утехам рая.

2-й убийца

Милорд, молитесь. Надо умереть.

Кларенс

Свет благочестья есть в твоей душе:
Ты дал совет мне с богом примириться;
Ужель ты в слепоте души посмеешь
На господу восстать, убив меня?
Подумайте: кто вас толкнул на грех, —
За грех свершенный вас возненавидит.

2-й убийца

Что ж делать?

К л а р е н с

Пожалеть!

И души вы свои тогда спасете.

1 - й у б и й ц а

Жалеть? Жалеют женщины да трусы.

К л а р е н с

Нет! Не жалеет — дьявол, зверь, дикарь!
Любой из вас, когда бы он был принцем
И заперт был в тюрьме, как я теперь,
Увидев пред собою двух убийц,
Молить о жизни стал бы! —
Послушай, друг! Ты смотришь с состраданьем.
О, если мне твои глаза не лгут,
Стань рядом, умоляй со мною вместе,
Как будто сам ты в горести такой же, —
Принц горемычный, — просишь горемык.

2 - й у б и й ц а

Эй, оглянитесь-ка!

1 - й у б и й ц а

(нанося удар)

Вот так!.. И вот еще!.. А если мало,
В мальвазию тебя я окуну.
(Уходит, унося тело.)

2 - й у б и й ц а

Кровавое, отчаянное дело!
Хотел бы, как Пилат, умыть я руки,
Быть непричастным к мерзкому убийству.

Возвращается 1 - й у б и й ц а.

1 - й у б и й ц а

Ты что? И не подумал мне помочь!
Клянусь, узнает герцог, как ты струсил.

2 - й у б и й ц а

Ох, если б он узнал, что его брата
Я спас от смерти... Забирай все деньги.
В убийстве злом раскаиваюсь я.
(Уходит.)

1 - й у б и й ц а

А я так нет. Проваливай ты, трус!
Припрячу мертвеца, покуда герцог
Не скажет, как его похоронить,
Кошелек в карман — и тягу, от беды:
Сработал дельце — заметай следы.
(Уходит.)

АКТ II

СЦЕНА I

Лондон. Комната во дворце.

Трубы. Входит больной король Эдуард,
королева Елизавета, Дорсет, Риверс,
Хестингс, Бекингем, Грей и другие.

Король Эдуард

Так! Нынче потрудился я на благо, —
Вы, пэры, укрепляйте сей союз.
Всяк день я жду, что вестника за мною
Пришлет Спаситель, чтоб меня спасти
От здешних тягот; и на небеса
Отыдет с миром дух, раз удалось мне
Мир заключить промеж моих друзей.
Довольно враждовать вам, Риверс, Хестингс!
Рука с рукой клянитесь быть друзьями.

Риверс

Клянусь, что в сердце нет угрюмой злобы,
И вот печать любви — моя рука.

Хестингс

Клянусь! И если лгу — не знать мне счастья.

Король Эдуард

И не лукавьте пред владыкой вашим,
Не то господь, владыка всех владык,
Накажет вас за ваше двоедушие,
Заставит вас друг друга погубить.

Х е с т и н г с

Я Риверса люблю — клянусь вам жизнью.

Р и в е р с

И я — всем сердцем Хестингса люблю.

К о р о л ь Э д у а р д

Взываю также к вам я, королева,
К вам, Дорсет, сын наш, к вам, лорд Бекингом:
И вы причастны к тягостным раздорам.
Милорду Хестингсу, моя супруга,
Для поцелуя руку протяните,
Как дружбы непритворной вашей знак.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Милорд, навек забыты наши распри,
Клянусь вам счастьем всех моих родных.

К о р о л ь Э д у а р д

Прошу вас, Дорсет, Хестингс, обнимитесь.

Д о р с е т

Вовек не изменю обету дружбы.

Х е с т и н г с

И я клянусь вам в этом же, милорд.

Хестингс и Дорсет обнимаются.

К о р о л ь Э д у а р д

Теперь, обняв родных моей супруги,
Скрепи и ты, вельможный Бекингом,
Всеобщее единство — мне на радость.

Б е к и н г е м

(королеве)

Когда вражду взамен любви и дружбы
К вам, государыня, и к вашим близким
Проявит Бекингом, — пускай господь
Меня казнит враждой моих друзей.
Пусть в час, когда мне будет нужен друг,
Я в том, кого сочту оплотом дружбы,
Найду бездушье, вероломство, ложь!

Пусть это все свершится, если к вам
Иль к вашим родичам я охладею.

Все обнимаются.

К о р о л ь Э д у а р д

Сердечный твой обет, лорд Бекингем,
Бальзам для моего больного сердца.
Лишь брата Глостера недостает,
Чтоб это примиренье стало полным.

Входит Г л о с т е р.

Б е к и н г е м

А вот и он, наш благородный герцог.

Г л о с т е р

День добрый королю и королеве.
Сиятельнейшим пэрам добрый день!

К о р о л ь Э д у а р д

Поистине, день добрым был для нас.
В благих делах его мы провели,
Вражду сменив любовью, распрю — миром
В собранье гордых и суровых пэров.

Г л о с т е р

Достойный труд, мой славный государь!
И если кто в собрании высоком
Из подозрительности, по навету
Меня почел врагом;
И если я нечаянно иль в гневе
Кого из них обидел, — я хотел бы,
Чтоб дружески мы помирились с ним.
Раздоры — смерть моя, их ненавижу,
Мечтаю о согласье и любви. —
Да будет, государыня, меж нами
Отныне мир, — я милость заслужу. —
И вы, мой благородный Бекингем,
Забудьте наши прошлые размолвки. —
Лорд Риверс и лорд Грей, ко мне напрасно
Питали вы вражду, — покончим с ней. —
Вас, герцоги, вас, графы, вас, милорды,
Всех об одном прошу: да будет мир.
С любым из земляков, живущих ныне,
Не больше я способен враждовать,

Чем только что родившийся младенец.
Хвала творцу, смирившему мне душу.

Королева Елизавета

Мы будем помнить этот день, как праздник.
Да ниспошлет согласие нам господь.
Но об одном прошу вас, государь:
Снимите с брата Кларенса опалу.

Глостер

Как! В дружбе я вам клялся для того,
Чтоб надо мной при короле глумились?
Иль не известно всем, что герцог мертв?

Общее смятение.

Изволите над трупом насмеяться?

Король Эдуард

Известно всем, что мертв? Кому известно?

Королева Елизавета

Всевидящее небо! Что творится?

Бекингем
(Дорсету)

Лорд Дорсет, побледнел и я, как все?

Дорсет

О да, милорд, и нет тут человека,
Кто б на щеках румянец сохранил.

Король Эдуард

Но как же мертв? Приказ был отменен.

Глостер

И все ж он мертв — по вашему приказу.
Видать, приказ Меркурий нес крылатый,
С отменой полз калека колченогий,
Он подоспел как раз к похоронам.
А между тем есть люди (ни рождением,
Ни верностью престолу не сравнятся
Им с Кларенсом несчастным), что погрязли
Коль не в злодействах, так в злоумышлениях,
Но тени подозренья нет на них.

Входит Стенли и преклоняет колено.

С т е н л и

К вам, государь, с прошением я покорным.

К о р о л ь Э д у а р д

Молчи — душа исполнена печали.

С т е н л и

Не встану, — выслушайте, государь.

К о р о л ь Э д у а р д

Ну, говори скорей: чего ты просишь?

С т е н л и

Прощенья челядинцу моему:
Убил он нынче одного буяна
Из свиты Норфолка, — так не казните!

К о р о л ь Э д у а р д

Ужель язык мой, осудивший брата,
Отважится помиловать раба?
Мой брат не убивал; он согрешил
Лишь в мыслях, а наказан лютой смертью.
Кто за него просил? Кто на коленях
Взывал ко мне, дабы смягчить мой гнев?
Молил не совершать братоубийства?
О родственной любви мне говорил?
Напоминал о том, как бедный Кларенс
Из-за меня от тестя отступился?
Кто битву мне при Тьюксбери напомнил?
Я Оксфордом был выбит из седла,
А Кларенс выручил меня и крикнул:
«Живи, мой брат, наш будущий король!»
Кто мне напомнил наш ночной привал,
Когда мы замерзали в чистом поле,
И он меня своим плащом укутал,
А сам дрожал от холода всю ночь?
Но приступ зверской ярости все это
Стер с памяти моей, — и вот никто
Не сжалился, никто мне не напомнил.
Когда же конюх или спальник ваш,
Пресветлый образ божий оскверняя,
Убьет кого-то в пьяной потасовке,
Вы тотчас — в ноги королю: «Прости!»
И, вопреки закону, я прощаю.

А вот за брата моего — никто,
И в том числе я сам, неблагодарный,
Ни слова не замолвил мне. Бедняга!
Надменнейшим из вас он помогал,
Но не нашел ни в ком из вас защиты.
О боже! Я боюсь, твой правый гнев
Падет на нас и на потомков наших. —
Поддай мне руку, Хестингс! — Бедный Кларенс!

Король Эдуард и королева Елизавета с несколькими
лордами уходят.

Г л о с т е р

Вот! Вот плоды поспешности. Заметьте,
Как, услышав о том, что Кларенс мертв,
Смутилась королевина родня.
Они толкнули короля на это.
Но бог воздаст им. А сейчас — к нему:
Нуждается он в нашем утешенье.

Б е к и н г е м

Мы все за вами следуем, милорд.

Уходят.

СЦЕНА 2

Лондон. Королевский дворец.

Входит герцогиня Йоркская с двумя
детьми Кларенса.

С ы н К л а р е н с а

Отец наш умер, бабушка? Скажи.

Г е р ц о г и н я

Нет, внучек.

Д о ч ь К л а р е н с а

Зачем же плачешь ты, бьешь в грудь себя
И причитаешь: «Ах, несчастный Кларенс!»?

С ы н К л а р е н с а

Зачем глядишь, качая головой,
И говоришь нам «Бедные сиротки!»,
Коль скоро жив отец наш благородный?

Герцогиня

Ах, детки, вы ошиблись: я горюю
О короле больном — вдруг он умрет, —
Совсем не об отце покойном вашем:
Покойников не воскресишь слезами.

Сын Кларенса

Ах, бабушка, созналась ты, он умер.
И дядя наш, король, тому виной.
Но бог отмстит: ему в молитвах буду
Напоминать об этом каждый день.

Дочь Кларенса

Я тоже, каждый день.

Герцогиня

Тсс, дети, тсс!.. Король вас крепко любит.
Невинным несмышленным малолеткам,
Где вам понять, кто вас осиротил.

Сын Кларенса

Нет, бабушка: наш добрый дядя Глостер
Мне объяснил, что это королева
Подговорила короля отправить
Отца в тюрьму: изменник, дескать, он.
Наш дядя мне рассказывал и плакал,
Жалел меня и нежно целовал,
Сказал, чтоб я считал его отцом:
Меня он любит, как родного сына.

Герцогиня.

О злая ложь в обличье доброты!
Порок, надевший маску благодетелья!
Он сын мой — и при этом мой позор.
Но ложь не с молоком моим всосал он.

Сын Кларенса

Ты думаешь, что дядя притворялся?

Герцогиня

Да, внучек.

Сын Кларенса

Не может быть... Послушай: что за шум?

Входит королева Елизавета с распущенными
волосами, за ней — Риверс и Дорсет.

Королева Елизавета

О, не мешайте мне рыдать, вопить,
Терзать себя и проклинать судьбу!
Вступив в союз с отчаяньем, воюю
С душой своей, сама себе я враг!

Герцогиня

Что означает этот бурный выход?

Королева Елизавета

Он о трагедии оповещает:
Эдуард, мой муж, твой сын, король наш — мертв!
Как жить ветвям, когда подрублен корень?
Как зеленеть листве, коль высох ствол?
Кто хочет жить — давайте плакать вместе,
Кто хочет умереть — поторопитесь,
Чтоб души быстрокрылые, настигнув
Дух короля, ему служили верно
Там, в королевстве вечного покоя.

Герцогиня

О, скорбь твоя мне так же не чужда,
Как и супруг твой не был мне чужим.
И я, как ты, оплакала супруга
И стала жить, смотря на милый образ,
Что отразился в наших сыновьях.
Но вдребезги завистливая смерть
Разбила вдруг два зеркала державных;
Одно — кривое — зеркало осталось,
И с болью в нем я вижу свой позор.
Вдовою стала ты, но все ж ты — мать,
И в детях утешенье ты найдешь.
А подкосив меня утратой мужа,
Смерть вырвала из слабых рук моих
И костыли — двух старших сыновей.
Вся скорбь твоя в сравненье с этим горем
Идет вполгоря. И за мной права —
Тебя перестонать и переплакать.

Сын Кларенса

Когда отец наш умер, разве, тетя,
Вы плакали? И мы не плачем с вами.

Дочь Кларенса

Никто сиротство наше не оплакал, —
Не ждите слез по вашему вдовству.

Королева Елизавета

Помощников не надобно мне в скорби:
Не пересох источник слез моих.
Все родники пожертвовали влагу
Моим глазам, и с помощью луны,
Господствующей над стихией водной,
Я утоплю в моих слезах весь мир.
О мой супруг! О милый мой Эдуард!

Дети Кларенса

О наш отец! О милый, милый Кларенс!

Герцогиня

О сыновья мои, Эдуард и Кларенс!

Королева Елизавета

Эдуард мне был опорой, — нет его.

Дети Кларенса

Нам Кларенс был опорой, — нет его.

Герцогиня

Два сына были мне опорой, — нет их.

Королева Елизавета

Кого постигло горшее вдовство?

Дети Кларенса

Кого постигло горшее сиротство?

Герцогиня

Кого постигла горшая бездетность?
И это я, уввы, мать их печалей:
Они горюют каждый по себе,
Горюю я одна со всеми вместе.
Я с нею плачу по ее Эдуарду,
Она ж со мной по Кларенсу не плачет;
По Кларенсу с детьми я плачу вместе,
Они ж со мной не плачут по Эдуарду.

Излейте же вы трое на меня,
Втройне скорбящую, все ваши слезы, —
И вашу боль я, как сиделка скорби,
Рыданиями своими облегчу.

Д о р с е т
(королеве Елизавете)

О, дорогая матушка, утешьтесь:
Не следует роптать на божью волю.
Неблагодарными зовем мы тех,
Кто с недовольством хмурым платит долг
Великодушному заимодавцу;
Еще чернейшая неблагодарность
Роптать на небо: дав нам жизнь взаймы,
Оно потребовать уплаты вправе.

Р и в е р с

Вам нужно, государыня, подумать,
Как матери заботливой, о сыне,
О юном принце, и за ним послать —
Отрада в нем. Пусть принца коронуют.
Эдуард почил, — с ним схороните скорбь,
С Эдуардом юным вновь воскреснет радость.

Входят Г л о с т е р, Б е к и н г е м, С т е н л и,
Х е с т и н г с, Р е т к л и ф и д р у г и е.

Г л о с т е р

Сестра, мужайтесь! Все мы плачем с вами
О нашей закатившейся звезде.
Увы, слезами горю не помочь. —
А, матушка, простите, не заметил.
Прошу у вас, колена преклонив,
Благословения.

Г е р ц о г и н я

Пусть бог благословит и в сердце вложит
Любовь, смиренность, жалость, верность долгу.

Г л о с т е р

Аминь.

(В сторону.)

...И мирную пошлет мне старость —
Такой припев у этой песни. Странно, —
Его их светлость нынче опустила.

Б е к и н г е м

О горестные принцы и вельможи,
На коих пал печали тяжкий груз,
Утешьтесь единением всеобщим!
Король, посеяв, не увидел жатвы,
Но сын его сберет нам урожай.
На раны, нанесенные нам распрей,
Наложены лубки, жгуты, повязки, —
Теперь им нужен ласковый уход.
Я полагаю, нужно отрядить
За принцем в Ладлоу небольшую свиту,
Чтоб в Лондоне его короновать.

Р и в е р с

Но почему же небольшую свиту?

Б е к и н г е м

Дабы во многолюдстве не открылись
Чуть затянувшиеся раны смут.
Вдвойне опасно это для страны,
Где власть главы лишилась, не окрепнув,
Где лошади, порвавшие построжки,
Несутся врассыпную, кто куда.
Предупредить, я мыслю, мы должны
Не только что угрозу — тень угрозы.

Г л о с т е р

Надеюсь, что король нас помирил;
Я буду верен нашему союзу.

Р и в е р с

Равно, как я, и полагаю, — все.
Но как бы неокрепшее единство
Не показалось скрытою враждой:
Большой отряд не возбудил бы толков.
Согласен я с милордом Бекингом.
Пошлем за принцем небольшой отряд.

Х е с т и н г с

И я согласен.

Г л о с т е р

Что ж, быть по сему.
Подумаем, кого отправить в Ладлоу.

Сестра и матушка, дадите ль нам вы
Свое согласие?

Королева Елизавета и герцогиня
(вместе)

От всей души.

Уходят все, кроме Бекингема и Глостера.

Бекингем

Милорд, кто б ни отправился за принцем,
Нам с вами дома не с руки сидеть.
В пути найдется случай написать
Заглавный лист для нашей с вами книги,
И чванных родственников королевы
От принца я сумею оттеснить.

Глостер

Мое второе я, советчик мудрый,
Пророк, оракул! Дорогой мой брат,
Я, как дитя, во всем тебе послушен.
Так — в Ладлоу! Здесь торчат нам ни к чему.

Уходят.

СЦЕНА 3

Лондон. Улица.

Входят с разных сторон двое горожан.

1 - й горожанин

Сосед, здорово! Ты куда спешишь?

2 - й горожанин

Чего-то мне, сосед, не по себе.
Ты слышал новость?

1 - й горожанин

Да, король скончался.

2 - й горожанин

Плохая весть! Теперь не жди добра.
Боюсь, опять усобицы начнутся.

Входит 3 - й горожанин.

3 - й г о р о ж а н и н
Соседи, добрый день.

1 - й г о р о ж а н и н
День добрый, сэр.

3 - й г о р о ж а н и н
Слыхали, что Эдуард, король наш, умер?

2 - й г о р о ж а н и н
А как же, сэр. Храни теперь нас бог!

3 - й г о р о ж а н и н
Да, я боюсь — не миновать нам смуты.

1 - й г о р о ж а н и н
Нет! Сын его, бог даст, взойдет на трон.

3 - й г о р о ж а н и н
Беда стране, где правит малолеток.

2 - й г о р о ж а н и н
Уж верно будет опекун назначен
На время малолетства короля,
А там он возмужает и начнет
Вникать в дела и править государством.

1 - й г о р о ж а н и н
Уже так было с Генрихом Шестым:
Когда он унаследовал престол,
Ему едва пошел десятый месяц.

3 - й г о р о ж а н и н
Уже так было? Нет, друзья мои.
Тогда не занимать было державе
Мужей совета опытных и мудрых.
И доблестно за короля стояли
Его дядья.

1 - й г о р о ж а н и н
Дядья у короля
И нынче есть, и со сторон обеих.

3 - й г о р о ж а н и н

Эх, кабы все — со стороны отцовской,
Иль не было б их вовсе по отцу!
А так их спор о первенстве затронет
Нас первых — и тогда спаси нас бог!
Сдастся мне — опасен герцог Глостер;
А сыновья и братья королевы
Тщеславны и надменны, — править надо
Не им, а ими, чтобы наконец
Оправилось больное государство.

1 - й г о р о ж а н и н

Ну-ну, небось все будет хорошо.

3 - й г о р о ж а н и н

Коль небо в тучах, — надевай, брат, плащ;
Коль опадают листья, — жди зимы;
Коль солнце село, — жди ночного мрака;
Ненастье коль не в пору, — будет голод.
Дай бог, чтоб дело обернулось лучше,
Чем я предвижу и чем стоим мы.

2 - й г о р о ж а н и н

И то сказать: людьми владеет страх.
Сейчас ты с кем бы ни заговорил, —
Глядят угрюмо и полны боязни.

3 - й г о р о ж а н и н

Да, так бывает перед днями смуты.
Предчувствие грозящих людям бед
Им свыше посылается: не так ли
Морская зыбь пророчит ураган?
Положимся на бога. Вы куда?

2 - й г о р о ж а н и н

Да нам велели в ратушу идти.

3 - й г о р о ж а н и н

И мне. Ну что ж, тогда идемте вместе.

Уходят.

СЦЕНА 4

Лондон. Дворец.

Входят архиепископ Йоркский, малолетний герцог Йоркский, королева Елизавета и герцогиня Йоркская.

Архиепископ

Ночь провели в Нортгемптоне они,
А к вечеру придут в Стони-Стрэтфорд.
Здесь надо ждать их завтра-послезавтра.

Герцогиня

Не терпится мне принца увидеть:
Я думаю, совсем большой он вырос.

Королева Елизавета

Я слышала, что — нет, что сын мой Йорк,
Пожалуй, брата ростом обогнал.

Герцог Йоркский

Да, мама; только этому не рад я.

Герцогиня

Зачем же, внучек? Рослым быть не худо.

Герцог Йоркский

Нет, бабушка; однажды дядя Риверс
За ужином сказал, что перерос
Я брата. «Да, — промолвил дядя Глостер, —
Мал колосок, зато репей высок».
Зачем же мне расти? Что проку в том?
Быть лучше колосом, не сорняком.

Герцогиня

Ты прав, ты прав. Хотя присловье это
К нему же самому неприменимо:
В младенчестве он был такой заморыш,
Так плохо рос, что, верно, должен был бы
Стать добрым колосом на радость всем.

Архиепископ

Ну что ж, таким и стал он, герцогиня.

Герцогиня

Да? Матери простительно сомненье.

Герцог Йоркский

Когда бы я сиятельному дяде
Напомнил, как он рос, то я задел бы
Его больней, чем он задел меня.

Герцогиня

Да неужели? Ну-ка, расскажи.

Герцог Йоркский

Я слышал, будто дядя рос так быстро,
Что через два часа после рожденья
Мог корку грызть, тогда как у меня
Прорезался в два года первый зуб.
Что, бабушка? Я дядю подкусил бы?

Герцогиня

Кто это, внучек, рассказал тебе?

Герцог Йоркский

Его кормилица.

Герцогиня

Его кормилица? Да ведь ее
До твоего рожденья схоронили.

Герцог Йоркский

Ну, не она, — тогда не знаю кто.

Королева Елизавета

Болтун! Угомонись — ты слишком дерзок.

Архиепископ

Не гневайтесь, ведь он еще дитя.

Королева Елизавета

У стен есть уши.

Архиепископ

Гонец явился к нам.

Входит гонец.

Какие вести?

Г о н е ц

Такие, что и вымолвить мне тяжко.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а
Как принц?

Г о н е ц

Он, государыня, здоров.

Г е р ц о г и н я

Так что ж тогда случилось?

Г о н е ц

Лорд Риверс и лорд Грей и вместе с ними
Сэр Томас Воген — в Помфрете, под стражей.

Г е р ц о г и н я

Кто приказал?

Г о н е ц

Вельможный герцог Глостер,
Светлейший герцог Бекингем.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

За что?

Г о н е ц

Я сообщил вам все, что знаю сам.
А почему тех благородных лордов
Под стражу взяли — неизвестно мне.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

О, горе мне! Я вижу, дом наш гибнет!
Тигр бросился на трепетную лань!
Бесстыдный узурпатор посягает
На неокрепший беззащитный трон.
Что ж, пусть грядут кровь, смерть, опустошенья!
Начертано все это предо мной!

Г е р ц о г и н я

Проклятье вам, дни смуты, дни тревог!
Без счета уж я вас перевидала.
Супруг мой пал, корону добывая,
Моих сынов то возносила ввысь
Капризная судьба, на радость мне,

То низвергала в пропасть, мне на горе.
Когда ж они превозмогли, покончив
С междоусобьем, тотчас начались
И в стане победителей раздоры:
Восстали брат на брата, кровь на кровь,
И сами на себя. О, удержишь,
Неистовый, бессмысленный разбой,
Смири свою проклятую свирепость
Иль дай мне смерть, чтоб мне смертей не видеть!

Королева Елизавета
Скорей, мой сын! В убежище, во храм!
Прощайте, матушка.

Герцогиня

Постой, я с вами.

Королева Елизавета
Вам нет причин бояться.

Архиепископ
(королеве Елизавете)

В путь, миледи,
С собой все драгоценности возьмите
И все необходимое, а я
Вам государственную сдам печать.
Да будет бог так милостив ко мне,
Как я привязан к вам и к вашим близким.
Пойдемте же. Я отведу вас в храм.

Уходят.

АКТ III

СЦЕНА I

Лондон. Улица.
Трубы.

Входят малолетний принц Уэльский, герцоги
Глостер и Бекингем, кардинал Борчер,
Кетсби и другие.

Бекингем

Светлейший принц, я поздравляю вас
С прибытием в столицу вашу, Лондон.

Г л о с т е р

С прибытием, мой дорогой племянник,
Властитель дум моих. Тяжелый путь
В унынье вас поверг.

П р и н ц

Напротив, дядя:
Унынье сделало дорогу тяжкой.
А где другие дяди? Где они?

Г л о с т е р

Ах, принц, вам в вашей юности невинной
Житейской лжи еще не распознать.
По внешности вы судите о людях,
Но знает бог, что внешность и душа
В согласии друг с другом слишком редко.
Дядья, которых ждали вы, опасны:
Вы слушали медовые их речи,
Не видели, что яд у них в сердцах.
Спаси вас бог от них, от лжедрузей!

П р и н ц

Избави бог меня от лжедрузей.
Но дяди ведь не лжедрузья.

Г л о с т е р

К вам, принц,
Мэр Лондона с приветствием явился.
Входит лорд - мэр Лондона со свитой.

Л о р д - м э р

Принц, дай господь здоровья вам и счастья!

П р и н ц

Благодарю, милорд.
(Свите лорд-мэра.)
И всех вас тоже.

Лорд-мэр со свитой отходит в глубину сцены.

А я-то ждал, что мама с братцем Йорком
Еще до въезда в город встретят нас.
И Хестингс — вот лентяй! — не потрудился
Нас известить: приедут ли они.

Б е к и н г е м

Да вот и он, в испарине от спешки.

Входит Х е с т и н г с.

П р и н ц.

Милорд, я рад вас видеть. Где же мама?

Х е с т и н г с

Зачем — не знаю (то известно богу),
Но королева с вашим братом Йорком
Укрылась в храме. Юный герцог рвался
Со мной — ваше высочество встречать,
Но матушка его не отпустила.

Б е к и н г е м

Вот беспричинное недружелюбие!
Лорд кардинал, а не смогли бы вы
От королевы получить согласие
На то, чтоб мог явиться герцог Йорк
Пред августейшим братом? — Коль откажет,
Тогда, лорд Хестингс, вам его придется
Насильно вырвать из ревнивых рук.

К а р д и н а л

Милорд, коль скоро слабый голос мой
Сумеет убедить мать-королеву,
То герцог Йоркский тотчас будет здесь.
Но если к увещаниям она
Останется глуха, — избави боже
Вторженьем в храм священные нарушить
Права убежища. Нет, ни за что
В таком грехе я не приму участия.

Б е к и н г е м

Бессмысленно упрямы вы, милорд,
И ваша совестливость старомодна.
Судите здраво, как велит наш век.
Взять герцога из храма — не кощунство.
Ведь храм дает убежище лишь тем,
Кто отправляет в нем свое служенье,
Иль тем, кто сам там попросил укрытья;
Принц не относится ни к тем, ни к этим,
Храм быть ему убежищем не может.

А потому, взяв герцога из церкви,
Вы не нарушите церковных прав.
О взрослых, укрывавшихся во храме,
Я слышал, но о детях — никогда.

К а р д и н а л

Милорд, меня вы переубедили.
Лорд Хестингс, вы со мной?

Х е с т и н г с

Иду, милорд.

П р и н ц

Скорей, спешите, добрые милорды!

Кардинал и Хестингс уходят.

(Глостеру.)

Скажите, дядя, где же будем жить
До коронации моей мы с братом?

Г л о с т е р

Где вам благоугодно, государь.
Но если дать позволите совет, —
На день-другой вам лучше выбрать Тауэр,
А там мы поразмыслим, где бы вам
Жить было здоровее и приятней.

П р и н ц

Всего бы меньше мне хотелось в Тауэр.
Его воздвиг, как будто, Юлий Цезарь?

Б е к и н г е м

Начало Юлий Цезарь положил,
Но крепость перестроена позднее.

П р и н ц

А как узнали, что ее он строил —
Из летописи или по преданью?

Б е к и н г е м

Из летописи, милостивый принц.

П р и н ц

А все ж, милорд, когда б известье это
И не попало в хроники, наверно,

Передавалось бы из уст в уста
Потомками вплоть до скончанья дней.

Г л о с т е р
(в сторону)

Он мудр не по годам. Как говорят,
Такие дети редко долговечны.

П р и н ц

Что вы сказали, дядя?

Г л о с т е р

Я сказал,
Что слава и без хроник долговечна.
(В сторону.)

Жонглирую словами я: точь-в-точь —
Порок в нравоучительной пиесе.

П р и н ц

Да, Юлий Цезарь знаменит недаром:
Он доблестью свой ум обогатил,
Умом свою увековечил доблесть.
Непобежденный смертью победитель,
Уйдя из жизни, в вечной славе жив.
И я признаюсь вам, лорд Бекингем...

Б е к и н г е м

В чем, мой светлейший принц?

П р и н ц

Хочу, когда я вырасту большой,
Вернуть французские владенья наши,
А нет, — пускай погибну как солдат,
Не запятнав свой титул королевский.

Г л о с т е р
(в сторону)

Обычно слишком ранняя весна
Короткое нам предвещает лето.

Входят герцог Йоркский, Хестингс
и кардинал

Б е к и н г е м

А вот к нам, в добрый час, и герцог Йоркский.

П р и н ц

Ах, Ричард!.. Ты здоров ли, милый брат?

Г е р ц о г Й о р к с к и й

Да, государь. Ведь ты стал государем?

П р и н ц

Увы, к несчастью нашему, ты прав:
Смерть унесла того, кто этот титул
Мог прославлять, — и титул потускнел.

Г л о с т е р

Здоров ли мой племянник герцог Йорк?

Г е р ц о г Й о р к с к и й

Спасибо, дядя Глостер. Да, милорд,
Сказали вы, что в рост идет репейник,
А принц, мой брат, меня намного выше.

Г л о с т е р

Вы правы.

Г е р ц о г Й о р к с к и й

Стало быть, репейник — он?

Г л о с т е р

О, разве так посмел бы я сказать?

Г е р ц о г Й о р к с к и й

А кто из нас двоих вам ближе, дядя?

Г л о с т е р

Он мной, как государь, повелевает,
Вы ж вправе мной располагать, как родич.

Г е р ц о г Й о р к с к и й

Тогда мне подарите свой кинжал.

Г л о с т е р

Кинжал, племянник? Вот — от всей души.

П р и н ц

Ты, братец, попросайка.

Герцог Йоркский

Наш дядя добрый, не откажет он.
Да это ведь пустяк, отдать не жалко.

Глостер

Я большего для вас не пожалею.

Герцог Йоркский

И большего? Мне дали бы и меч?

Глостер

С охотой, милый, будь бы он полегче.

Герцог Йоркский

Так вам не жаль подарков легковесных?
Чуть повесомей, попрошайке — «нет»?

Глостер

Тяжелый меч вам был бы ни к чему.

Герцог Йоркский

А я не знал, что этот меч — никчемный.

Глостер

Так взяли б меч, мой маленький племянник?

Герцог Йоркский

И с благодарностью такой точь-в-точь.

Глостер

С какой?

Герцог Йоркский

Да с маленькой, каков я сам.

Принц

Наш братец Йорк неисправимо дерзок.
Как можно, дядя, все это сносить?

Герцог Йоркский

Хотели вы сказать: меня носить?
Брат высмеял нас с вами, дядя Глостер:
У вас, мол, подходящая спина,
Чтобы меня носить вам, как мартышку.

Б е к и н г е м
(*тихо, Хестингсу*)

Смотрите, как он тонко повернул,
Чтоб дядя не обиделся на шутку,
И над собой он мило потрунил.
Такой мальш и так разумен — чудо!

Г л о с т е р
(*принцу*)

Милорд, быть может, вам продолжить путь?
Тогда как я с милордом Бекингемом
Отправлюсь вашу матушку просить,
Чтоб вас встречать она явилась в Тауэр.

Г е р ц о г Й о р к с к и й

Постойте, государь! Зачем нам в Тауэр?

П р и н ц

Милорд протектор говорит — так нужно.

Г е р ц о г Й о р к с к и й

Да я там не смогу заснуть от страха.

Г л о с т е р

Чего ж бояться вам?

Г е р ц о г Й о р к с к и й

Чего? А страшный призрак — дядя Кларенс?
Он там убит, мне бабушка сказала.

П р и н ц

Мне нечего бояться мертвых дядей.

Г л о с т е р

Надеюсь, и живых?

П р и н ц

Надеюсь — нет, пока все дяди живы.
Пойдем, милорд! Все думаю о них...
С тяжелым сердцем путь держу я в Тауэр.

Трубы.

Уходят все, кроме Глостера, Бекингема и Кетсби.

Б е к и н г е м
(Глостеру)

Милорд, уж не зловредная ли мать
Болтливого ребенка научила
Подшучивать над вами непристойно?

Г л о с т е р

Должно быть, так. Занятный мальчуган!
Смышлен, находчив, смел, развязен, дерзок.
Ну, словом, в мать от головы до пят.

Б е к и н г е м

Бог с ними. — Кетсби, подойди сюда.
Ты клялся столь же верно помогать нам,
Сколь свято нашу тайну сохранять.
О чем дорóгой совещались мы —
Ты знаешь. Как ты думаешь: легко ли
Лорд Хестингс согласится с нами в том,
Что должен благородный герцог Глостер
Воссесть на трон прекрасной сей страны?

К е т с б и

Он, в память короля, так любит принца,
Что действовать ему во вред не станет.

Б е к и н г е м

А Стенли как? Он с нами не пойдет?

К е т с б и

Как Хестингс, так и он.

Б е к и н г е м

Ну что ж, тогда ступай, мой добрый Кетсби,
И с лордом Хестингсом речь заведи
Издалека — разведай, как он мыслит.
Да позови его на завтра в Тауэр:
О коронации посовещаться.
Увидишь, что склоняется он к нам, —
Его ты подогрей, ему откройся.
А будет неподатливым, холодным —
Таким же будь и ты, прерви беседу
И дай нам знать о помыслах его.
Нам два совета завтра предстоят,
И на тебя надеемся мы крепко.

Г л о с т е р

И от меня ему поклон. Скажи,
Что свору недругов его заклятых
Ждет завтра в Помфрете кровопусканье.
Так пусть на радостях мой друг, лорд Хестингс,
Покрепче поцелует миссис Шор.

Б е к и н г е м

Итак, берись за дело, добрый Кетсби.

К е т с б и

Со всем моим старанием, милорды.

Г л о с т е р

До ночи мы услышим о тебе?

К е т с б и

Услышите, милорд.

Г л о с т е р

Обоих нас найдешь ты в Кросби-хаус.

Кетсби уходит.

Б е к и н г е м

Но если мы узнаем, что лорд Хестингс
К нам не примкнет, — что делать нам, милорд?

Г л о с т е р

Что делать? Голову долой — и все!
Лишь я взойду на трон, ты мне напомни,
Чтоб дал тебе я графство Херифорд
Со всем добром, что брат Эдуард оставил.

Б е к и н г е м

Напомню вам о щедром обещанье.

Г л о с т е р

Душевно буду рад его сдержать.
Сейчас поужинаем, а потом
В подробностях наш замысел обсудим.

Уходят.

СЦЕНА 2

Перед домом лорда Хестингса.

Входит гонец.

Гонец
(стучит в дверь)

Милорд! Милорд!

Хестингс
(за сценой)

Кто там?

Гонец

Гонец от лорда Стенли.

Хестингс

Который час?

Гонец

Сейчас пробьет четыре.

Входит лорд Хестингс.

Хестингс

Не спится господину твоему.

Гонец

Как видно, так, по порученьям судя.
Велел он вас приветствовать сперва.

Хестингс

А что еще?

Гонец

Еще велел сказать, что сон он видел:
Кабан сорвал с него клыками шлем.
Потом сказал, что нынче — два совета,
И первый может обернуться так,
Что на втором вам с ним придется худо.
А потому он спрашивает вас,
Угодно ль вам, милорд, с ним заодно
Ускочить в седло и гнать коней на север
От тяжких бед, что чует он душой?

Х е с т и н г с

Ступай, приятель, к лорду своему,
Скажи, чтоб двух советов не страшился:
В одном из них сидим мы оба сами,
В другом сидит надежный друг мой Кетсби,
И если что-нибудь коснется нас,
Меня тотчас уведомят об этом.
А что до снов, — ужели так он прост,
Чтоб верить их обманным наважденьям?
Бежать от кабана, пока он сам
Не бросился? Мы лишь раздражим зверя,
Который и не думал трогать нас.
Скажи, чтоб господин твой шел сюда,
И мы отправимся с ним вместе в Тауэр.
Кабан для нас там будет как ручной.

Г о н е ц

Иду, милорд. Все передам ему.

Входит К е т с б и.

К е т с б и

Желаю здравствовать, лорд-камергер.

Х е с т и н г с

А, с добрым утром, Кетсби! Как вы рано!
Что слышно в нашем шатком государстве?

К е т с б и

И впрямь оно шатается, милорд.
И твердо встанет на ноги, я верю,
Лишь если Глостер обретет венец.

Х е с т и н г с

Что? Обретет венец? Корону то есть?

К е т с б и

Да, благородный лорд.

Х е с т и н г с

Скорее голову мою снесут,
Чем я снесу, чтоб голова его
Украсилась короной незаконно.
Ты думаешь, он метит на нее?

К е т с б и

Клянусь, что так. И верит он, что вы
Возглавите приверженцев его.
И с тем вам шлет он доброе известье:
Сегодня в Помфрете врагов всех ваших,
Всю королевину родню — казнят.

Х е с т и н г с

И то сказать, — не мне грустить об этом.
Всегда мы с ними были во вражде.
Но чтоб за Ричарда я стал и продал
Наследников монарха моего?
Нет, видит бог, скорей расстанусь с жизнью!

К е т с б и

Господь вас в том да укрепит, милорд.

Х е с т и н г с

Подумать! Даже год спустя я буду
От радости смеяться, вспоминая,
Что дожил до погибели врагов,
Поссоривших меня с моим монархом.
Ну, Кетсби! Не пройдет и двух недель, —
Я кой-кого, кто и не ждет, отправлю...

К е т с б и

Как тяжело умирать, мой добрый лорд,
Когда не ждешь, не подготовлен к смерти.

Х е с т и н г с

Ох, тяжело, тяжело! А выходит так
И с Риверсом, и с Вогеном, и с Греем.
Да выйдет и кой с кем еще из тех,
Кто мнит — ничто, мол, им не угрожает,
Как нам с тобой, кого вельможный Ричард
И герцог Бекингом всем сердцем любят.

К е т с б и

Превыше всех вы в мненье их обоих.
(В сторону.)
И будет красоваться всех превыше
Твоя башка на Лондонском мосту.

Х е с т и н г с

Да, знаю. Что ж, я это заслужил.

Входит С т е н л и.

Х е с т и н г с

Ну, вот! А что рогадины не взяли?
Бойтесь кабана, а безоружны.

С т е н л и

Милорд, привет вам. С добрым утром, Кетсби.
Вы шутите, но мне, клянусь распятьем,
Не по себе от этих двух советов.

Х е с т и н г с

Мне жизнь мила не менее, чем вам.
А нынче для меня, могу заверить,
Ценнее, чем когда-либо, она.
Поверьте, друг: я так не ликовал бы,
Когда б не знал — ничто нам не грозит.

С т е н л и

Те господа, что в Помфрете сейчас,
Смеялись тоже, покидая Лондон,
И думали: ничто им не грозит.
Но видите — настал их черный день.
Быть может, это просто вспышка злобы?
Дай бог, чтоб страх мой беспричинным был.
Так, значит, в Тауэр? Уже светло.

Х е с т и н г с

Сейчас идем, милорд. А вам известно,
Что нынче этих лордов обезглавят?

С т е н л и

За преданность с них головы долой!
Не лучше ли прогнать долой их судей?
Ну что ж, пойдем, милорд.

Входит п о с ы л ь н ы й.

Х е с т и н г с

Ступайте-ка вперед. А я хочу
Потолковать вот с этим добрым малым.

Стенли и Кетсби уходят.

Ну, как живешь, приятель?

П о с ы л ь н ы й

Веселей,
Чем ваша милость спрашивать изволит.

Х е с т и н г с

И я живу повеселее, друг,
Чем в пору нашей предыдущей встречи:
Тогда меня вели под стражей в Тауэр
По воле королевиной родни,
А нынче, — но помалкивай об этом, —
Тех недругов моих ведут на казнь,
И я возвысился как никогда.

П о с ы л ь н ы й

Дай бог и дальше этак, ваша светлость.

Х е с т и н г с

Спасибо, друг.

(Бросает ему кошелек.)

Вот, выпей за меня.

П о с ы л ь н ы й

Храни вас бог, милорд.

(Уходит.)

Входит священник.

С в я щ е н н и к

Милорд! Я счастлив видеть вашу светлость.

Х е с т и н г с

Благодарю, сэр Джон, от всей души.
За прошлую я не расчелся требу,
В воскресный день вам уплачу должок.

С в я щ е н н и к

Я подожду, милорд.

Входит Бекингом.

Б е к и н г е м

Вы со священником, лорд-камергер?
Священник нужен вашим трем друзьям,
Что в Помфрете. Вам каяться не к спеху.

Х е с т и н г с

Вы правы. Я и сам о тех подумал,
Увидев преподобного отца.
Вы по дороге в Тауэр?

Б е к и н г е м

Туда, милорд, однако ненадолго, —
Я прежде вас оттуда ворочусь.

Х е с т и н г с

Должно быть, так: я буду там обедать.

Б е к и н г е м
(в сторону)

И ужинать, — хоть ты того не знаешь. —
Пойдемте?

Х е с т и н г с

Я за вами, ваша светлость.
Уходят.

СЦЕНА 3

Помфретский замок.

Входят Р е т к л и ф и стража, ведущая на казнь
Р и в е р с а, Г р е я и В о г е н а.

Р и в е р с

Сэр Ричард Ретклиф, говорю тебе:
Увидишь нынче, как встречают смерть
Во имя чести, верности и долга.

Г р е й

Пусть принца бог от вас убережет,
Проклятая вы стая кровопийц!

В о г е н

Еще свою оплачете вы участь!

Р е т к л и ф

Пора! Окончен жизни вашей срок.

Р и в е р с

О Помфрет, Помфрет! Замок роковой,
Столь благородной кровью обогранный!
Ведь Ричарда Второго зарубили
В твоих царевбийственных стенах.
И мы тебя, на вящий твой позор,
Своею напоим невинной кровью.

Г р е й

Настигло нас проклятье Маргариты
За то, что мы и Хестингс допустили,
Чтоб Ричардом был сын ее убит.

Р и в е р с

И Ричард ею проклят был, и Хестингс,
И Бекингом. Услышь ее, господь,
Казни их так же, как ты нас казнишь!
Но пощади мою сестру с детьми, —
Умилостивит пусть тебя, господь,
Кровь наша, что прольется беззаконно.

Р е т к л и ф

Довольно! Пробил ваш последний час.

Р и в е р с

Давайте же обнимемся, Грей, Воген!
Прощай!.. Прощай!.. До встречи в небесах.

Уходят.

СЦЕНА 4

Лондон. Тауэр.

Входят Бекингом, Стенли, Хестингс, епископ
Илийский, Ретклиф, Ловел и другие лор-
ды и занимают места за столом.

Х е с т и н г с

Собрались мы, сиятельные пэры,
Дабы день коронации назначить.
Как судите? Назначим, с богом, день.

Б е к и н г е м

А все уже для праздника готово?

С т е н л и

Готово. Надлежит лишь выбрать день.

Е п и с к о п

Быть может, завтра? День — благоприятный.

Б е к и н г е м

А как об этом мыслит лорд-протектор?
Кто посвящен в намеренья его?

Е п и с к о п

Кому же знать их, герцог, как не вам?

Б е к и н г е м

Что! Мне, милорд?
Друг друга знаем мы в лицо, но души...
С моей душой не в большем он знакомстве,
Чем я — с его, я — с вашей, вы — с моей.
Вот вы, лорд Хестингс, с ним весьма близки.

Х е с т и н г с

Да, герцог мне оказывает честь
Своею дружбой. Но не говорили
Еще о коронации мы с ним,
И мне его сужденье неизвестно.
Но вы, милорды, назначайте день,
За герцога — я голос свой подам:
Он, верно, не посетует на это.

Входит Г л о с т е р

Е п и с к о п

А вот сам лорд-протектор, в добрый час.

Г л о с т е р

Приветствую, сиятельные лорды!
Проспал. Надеюсь, это опозданье
Не повредило замыслам великим,
Которые должны мы утвердить.

Б е к и н г е м

Когда бы к выходу вы опоздали,
За вас бы подал реплику лорд Хестингс, —
То бишь о коронации сужденье.

Г л о с т е р

Рискнуть на это мог бы только он:
Мы так дружны с ним, он меня так любит.

Х е с т и н г с

Благодарю, милорд.

Г л о с т е р

Милорд епископ,
Я, бывши в Холборне, у вас в саду
Отличную приметил землянику.
Вы не пошлете ли собратъ — на пробу?

Е п и с к о п

О да, с великой радостью, милорд.
(Уходит.)

Г л о с т е р

Лорд Бекингом, прошу вас — на два слова.
(Отводит Бекингема в сторону.)

У Хестингса выпытывать стал Кетсби,
За нас ли он? И пылкий лорд вскипел:
Мол, сложит голову, но не позволит,
Чтоб сын его любимого монарха
(Так раболепно выразился он)
Лишен был королевского престола.

Б е к и н г е м

Милорд, не выйдете ли? Я — за вами.

Глостер и Бекингом уходят.

С т е н л и

Но мы не выбрали день торжества.

Я полагаю, завтра слишком рано.

Что до меня, я был бы рад отсрочке,

Дабы мог подготовиться вполне.

Возвращается е п и с к о п Й л и й с к и й.

Е п и с к о п

А где же герцог Глостер?

За земляникой я уже послал.

Х е с т и н г с

Как весел нынче герцог, как приветлив!
Одушевлен приятной, верно, мыслью, —

Так с нами поздоровался тепло.
Он меньше всех людей в крещеном мире
Любовь и ненависть таить способен.
Что в сердце у него — то на лице.

С т е н л и

И что ж вы по лицу узрели в сердце?

Х е с т и н г с

Что он ни на кого тут не в обиде.
Иначе бы в глазах прочли мы гнев.

С т е н л и

Отвечу вам: дай бог, чтоб было так.

Входят Г л о с т е р и Б е к и н г е м.

Г л о с т е р

Спрошу вас всех: чего достоин тот,
Кто, замышляя смерть мою, прибег
К бесовским козням, к злomu чародейству,
Меня испортил адским волшебством?

Х е с т и н г с

Известно всем, милорд, как вас люблю я,
И потому в собрание этом первый
Я злоумышленников осужу:
Кто б ни были, одна им кара — смерть.

Г л о с т е р

Возьмите же в свидетели злодейства
Свои глаза! Меня околдовали:
Моя рука — вот! — как больная ветка
Вдруг высохла! А напустили порчу
Вдова Эдуарда, гнусная колдунья,
В союзе с мерзкой потаскухой Шор.

Х е с т и н г с

Ну, если их виной, милорд...

Г л о с т е р

Что! Если?

Ты, покровитель непотребной шлюхи,
Глумишься надо мной своими «если»?
Изменник! Голову ему долой!

Клянусь, пока ее я не увижу,
Не сяду есть. — Кончайте, Ловел, Ретклиф! —
Все прочие, — кто за меня, — пойдем!

Уходят все, кроме Хестингса, Ретклифа и Ловела.

Х е с т и н г с

О, горе, горе Англии — что мне!
Глупец! — я мог бы все предотвратить!
Кабан срывает шлемы — снилось Стенли.
Бежать бы! — но, смеясь, я пренебрег.
Мой конь споткнулся трижды на пути
И заартачился при въезде в Тауэр:
Знать, чуял, что везет меня на бойню.
Теперь и впрямь мне нужен тот священник...
А с тем посыльным как я говорил!
Как ликовал я, что моим врагам
Сегодня в Помфрете резню устроят,
А мой удел довольство и почет.
О Маргарита! Как твое проклятье
Обрушилось на голову мою!

Р е т к л и ф

Короче! Герцогу пора обедать,
Уж он заждался вашей головы.

Х е с т и н г с

Мы быстротечных милостей людских
Взыскуем, позабыв господню милость!
Но ищущему милостей не лучше,
Чем пьянице на корабельной мачте:
Ведь можно от малейшего толчка
Свалиться вниз, в бездонную пучину.

Л о в е л

Что проку в жалобах? Пора. Идем!

Х е с т и н г с

О изверг Ричард! О моя страна!
Ужаснейшие дни тебе пророчу!
На плаху? Что ж! Ведите — и ему
Отдайте голову. Пусть поглумятся.
Но будет смех весельчакам не впрок:
Их собственный конец уж недалек.

Уходят.

СЦЕНА 5

Лондон. На стенах Тауэра.

Входят Глостер и Бекингем в заржавленных
доспехах не по росту, придающих им странный вид.

Г л о с т е р

Ну, друг, сумеешь ты дрожать, бледнеть,
Дыханье прерывать на полуслове,
И снова начинать, и вновь смолкать,
Как если б ужас помутил твой ум?

Б е к и н г е м

Да уж доверься мне: как истый трагик
Я буду озираться, бормотать,
Дрожать, пугаться шороха травинки,
Изображая ужас. Дикий взгляд,
Улыбки вымученные, — все это
На службу нашим замыслам поставлю.
Однако где же Кетсби?

Г л о с т е р

Вот он. Смотри: лорд-мэра он ведет.

Входят лорд-мэр и Кетсби.

Стеречь подъемный мост!

Б е к и н г е м

Чу! Барабан...

Г л о с т е р

Глаз, Кетсби, не спускать со стен!

Б е к и н г е м

Лорд-мэр, затем послали мы за вами...

Г л о с т е р

Эй, оглянись!.. К оружию! Вот враги!..

Б е к и н г е м

Нам в помощь бог и наша правота.

Входят Ловел и Ретклиф с головой Хестингса.

Г л о с т е р

Постой! Друзья идут к нам: Ретклиф, Ловел.

Л о в е л

Вот голова, с которой распростился
Изменник подлый, вероломный Хестингс.

Г л о с т е р

Как я его любил! — слез не унять.
Я мнил, что в целом христианском мире
Нет существа беззловнее, чем он.
Он книгой был, в которую мой дух
Записывал заветнейшие мысли.
Под маской добродетели искусно
Скрывал свою порочность он и слыл
Почти безгрешным, если не считать,
Что с Шоровой женой он жил во блуде.

Б е к и н г е м

О да! Свою предательскую сущность
Скрывал он, как никто.
Вообразите, а точней — поверьте,
Что если б не защита провиденья,
Мы б не могли и рассказать об этом:
Он замышлял сегодня на совете
Меня и лорда Глостера убить.

Л о р д - м э р

Да неужели так?

Г л о с т е р

Вы что? Язычники мы или турки?
Да разве б мы решились без суда
Предать его, злодея, скорой смерти,
Не будь такая крайняя опасность?
Его казнить мы вынуждены были,
Дабы спасти страну, спасти себя.

Л о р д - м э р

Храни вас бог! Казнен он по заслугам.
Вы действовали правильно, милорды:
Изменникам преподали урок.

Чего же было от него и ждать,
Коль скоро спутался он с миссис Шор?

Г л о с т е р

Однако, чтоб его подвергнуть казни,
Решили подождать мы вашу милость.
Увы, усердье этих двух друзей
Опредило наши пожеланья.
Хотелось, чтоб услышали вы сами,
Как каялся изменник, как трусливо
В подробностях весь заговор раскрыл.
А то б вы все могли удостоверить
Перед народом, чтоб никто не вздумал
Порочить нас и сожалеть о нем.

Л о р д - м э р

Милорд, я все усвоил с ваших слов,
Как если б сам и видел все и слышал.
Почтеннейших из граждан соберу
И разъясню спасительность сих действий.

Г л о с т е р

Мы и хотели все решить при вас,
Дабы пресечь злокозненные слухи.

Б е к и н г е м

И опозданье вам не помешает
Свидетелем быть нашей правоты.
Счастливым путь, достойнейший лорд-мэр!

Лорд-мэр уходит.

Г л о с т е р

Ступай за ним, за ним, мой Бекингом!
Он в ратушу помчался со всех ног.
Там, улучивши миг, ты им вверни
Про незаконность всех детей Эдуарда.
Им расскажи, как он велел казнить
Трактирщика, который пошутил, —
Мол, сын его наследует корону:
Бедняга разумел трактир, на коем
Как вывеска корона красовалась.
Напомни, как он был сластолюбив
И в похоти по-скотски неразборчив.

Как настигал их дочерей и жен
Свирепым сердцем, завидушим взором
И делал их добычей сладострастья.
Тут надо бы коснуться и меня.
Скажи им, что когда Эдуард родился
У матушки моей, то мой отец,
Йорк доблестный, во Франции сражался;
Что, сопоставив сроки, не хотел он
Признать своим рожденного ребенка;
Что, как известно, и лицом Эдуард
С моим отцом нисколько не был схож.
Но только осторожно, лишь намеком:
Ведь знаешь сам, что мать моя жива.

Б е к и н г е м

Не сомневайтесь: буду так речист,
Как если б для себя я хлопотал
О призе золотом. Милорд, прощайте.

Г л о с т е р

А сладив дело, приведи их всех
В Бейнардский замок. Там меня найдете
Среди достопочтеннейших отцов
И высокоученейших прелатов.

Б е к и н г е м

Иду. И к трем, — ну, к четверем часам
Из ратуши вы ждите новостей.
(Уходит.)

Г л о с т е р
(Ловелу)

Спешите за достопочтенным Шоу.
(Кетсби.)
А ты за братом Пенкером. Пусть оба
В Бейнардском замке будут через час.

Ловел, Кетсби и Ретклиф уходят.

Теперь я втайне прикажу убрать
Щенят Георга Кларенса подальше,
Да повелю, чтоб ни живой души
Не допускали к малолетним принцам.
(Уходит.)

СЦЕНА 6

Лондон. Улица.

Входит п и с е ц с бумагой в руке.

П и с е ц

Вот грамота, в ней благородный Хестингс
Изменником объявлен. Я ее
Перебелил на славу, — крупно, четко, —
Для оглашенья у святого Павла.
Смотрите, как подстроено: ведь я
Писал ее одиннадцать часов, —
Мне Кетсби с вечера ее прислал, —
На черновик ушло никак не меньше,
А пять часов назад был Хестингс жив,
Ни в чем не обвинен, не заподозрен!
Вот времена! Ну кто настолько глуп,
Чтоб не заметить явной подтасовки?
Как страшен мир! Зло напролом идет,
А все молчат, воды набравши в рот.
(Уходит.)

СЦЕНА 7

Лондон. Перед Бейнардским замком.

Входят с одной стороны Г л о с т е р, с другой Б е к и н г е м.

Г л о с т е р

Ну, как? Ну, как? Что говорит народ?

Б е к и н г е м

Да что, милорд, — клянусь пречистой девой, —
Ни слова, будто все вдруг онемели.

Г л о с т е р

Ты говорил им про детей Эдуарда,
Что незаконные они?

Б е к и н г е м

А как же!

О брачном договоре с леди Льюси,
И о другом — с французскою принцессой;

О неумной похоти его,
О том, как он насильничал их жен,
Как мелочно жесток был; что темно
Его происхождение: он родился,
Когда во Франции был ваш отец,
И не был он похож лицом на Йорка.
Ввернул, что вы, мол, не в пример ему,
Лицом и духом — вылитый отец.
Победы над шотландцами припомнил,
Сказал о вашем воинском искусстве,
О мудрости в решении мирных дел,
О щедрости, смиренье, добронравье...
Ну, словом, ничего не упустил,
Что пригодиться бы могло для дела.
Кончая речь, я к ним воззвал: пусть каждый,
Кто хочет блага для родной страны,
Кричит: «Да здравствует король наш Ричард!»

Г л о с т е р

И что ж они?

Б е к и н г е м

Помилуй бог, не крикнул ни один.
Как камни, как немые истуканы,
Глазели друг на друга, побледнев.
Я стал их упрекать, спросил у мэра,
Что значит их упрямое молчанье;
Он мне: народ к речам, мол, не привык,
Приучен, мол, глашатая он слушать.
Тут я его пересказать заставил
Всю речь мою. «Так герцог говорит»,
«Так герцог мыслит». — От себя ни слова.
Он кончил, и подручные мои,
Что сгрудились поодаль, заорали
В десяток глоток, кинув шапки вверх:
«Да здравствует король английский Ричард!»
Воспользовавшись этим, я сказал:
«Спасибо вам, сограждане, друзья:
Единодушным криком одобренья
Свидетельствуете вы, как вы мудры,
Как люб вам Ричард». С этим я ушел.

Г л о с т е р

Чурбаны бессловесные! Ни звука?

Б е к и н г е м

Клянусь, милорд!

Г л о с т е р

Так нам не ждать лорд-мэра с его братьей?

Б е к и н г е м

Сейчас придут. Смятенье разыграйте,
Не сразу выходите, — пусть попросят.
Вы выйдете, молитвенник держа,
И два священника по сторонам,
А разглагольствовать мне предоставьте.
Да поломайтесь, словно вы девица,
Что, уступая, взвизгивает «нет!».

Г л о с т е р

Иду. И если с жаром будем мы —
Ты требовать от имени народа,
Я упираться, — все пойдет на лад.

Б е к и н г е м

Скорей наверх: лорд-мэр стучит в ворота.

Глостер уходит.

Входят л о р д - м э р и г о р о ж а н е.

Б е к и н г е м

Добро пожаловать, милорд. А я
Все жду и жду: боюсь, не выйдет герцог.

Из замка выходит К е т с б и.

Какой ответ прислал мне герцог, Кетсби?

К е т с б и

Милорд, он просит ваше посещение
На завтра-послезавтра отложить.
Сейчас душеспасительной беседой
Он занят с преподобными отцами,
И ход благочестивых размышлений
Для дел мирских не может он прервать.

Б е к и н г е м

Вернитесь к его светлости, друг Кетсби,
Скажите, — я, лорд-мэр и олдермены

Пришли к нему в великий этот час;
О всенародном благе речь идет,
Нам нужно с герцогом посоветаться.

К е т с б и

Ему тотчас все это передам.
(Уходит.)

Б е к и н г е м
(лорд-мэру)

Ну вот, милорд! Наш герцог — не Эдуард:
Не предается похоти в постели,
Но молится, колени преклонив;
Не с куртизанками проводит время —
С монахами толкует о Писанье;
Не спит, нарачивая праздный жир,
Но в размышленьях возвышает душу.
О, если б добродетельнейший принц
Бразды правленья взял! Какой счастливой
Была бы наша Англия тогда.
Но я боюсь, — его не упротить.

Л о р д - м э р

Избави бог! Ужели он откажет?

Б е к и н г е м

Я этого страшусь. Но вот и Кетсби.

Входит К е т с б и.

Ну, что ответил герцог?

К е т с б и

Он удивлен, зачем вы, ваша светлость,
Пришли сюда с такой толпой народа,
Его не предуведомив об этом.
Бойтся он, что умысел тут злой.

Б е к и н г е м

Как горько мне, что благородный герцог
Меня в злоумышленье заподозрил.
Могу поклясться небом, мы полны
К нему любовью. Так и передайте.

Кетсби уходит.

Когда святой благочестивый муж
За четки взялся, с ним не сговоришься:
Столь сладостен молитвенный восторг.

К е т с б и возвращается.

На галерее появляется Г л о с т е р между двумя
е п и с к о п а м и.

Л о р д - м э р

Смотрите, — он! С епископами вместе.

Б е к и н г е м

О да, с двумя столпами благочестья,
Поддержкой над пучиной суеты.
Взгляните, — и молитвенник в руке! —
Отличье добродетельного мужа.
— Светлейший принц! Плантагенет великий!
Склони к мольбам свой милостивый слух!
Прости, что мы отважились прервать
Твои благочестивые раздумья!

Г л о с т е р

Милорд, вам извиняться нет нужды:
Я сам прошу простить меня за то,
Что, погружен в молитвенное бденье,
На дружеский призыв не сразу вышел.
Но что, милорд, вас привело ко мне?

Б е к и н г е м

Что? Божья воля, верю я, а также
Глас всей страны, оставшейся без власти.

Г л о с т е р

Должно быть, я в неведение нанес
Какую-то обиду горожанам
И вы пришли мне высказать ее?

Б е к и н г е м

О да. Но вы, склонясь на наши просьбы,
Могли бы искупить свою вину.

Г л о с т е р

О, искуплю! Ведь я христианин.

Б е к и н г е м

Так знайте же: вы виноваты в том,
Что отказались от верховной власти,
От скипетра и трона ваших предков,
Наследственный свой долг, свои права
И бремя славы царственного древа
Обрушив на его гнилую ветвь.
Проснитесь же во имя нужд страны
От сладостной дремоты ваших мыслей!
Наш благородный остров все утраты
Вернуть бы мог, но светлый его лик
Обезображен шрамами бесчестья;
К его державному стволу привиты
Дурные черенки; вот-вот он канет
Во мрак безвестности, во тьму забвенья.
Мы молим вас спасти свой край родной:
Принять всю тяжесть власти самому
И управлять страной полновластно
Не как протектор, опекун, наставник
Иль управитель вотчиной чужой,
Но как наследный, кровный государь.
Вот почему пришли мы всем народом,
Как любящие, верные друзья;
Я, уступив их требованиям бурным,
Пришел, милорд, вас умолять за них.

Г л о с т е р

Что делать мне? В молчанье удалиться
Иль горько вас корить? На что подвигнуть
Меня должны мой сан и ваша речь?
Не отвечать? Но вы решить могли бы,
Что золотым ярмом верховной власти,
Предложенным мне вами безрассудно,
Безмолвное прельстилось честолюбье;
А стану я вас упрекать за просьбу,
Рожденную столь преданной любовью, —
Обиду нанесу моим друзьям.
Не промолчу, чтоб вы не заблуждались,
И обижать упреками не стану,
Однако же решительно скажу:
«Благодарю за честь; но в вашей просьбе
Не по заслугам воздана мне честь.
Во-первых, если б даже предо мной

Препятствий не было, когда бы к трону
Прямой вел путь наследственного права,
И то б я рад был скрыться от величья, —
Так многогрешен я, так духом слаб.
Я — утлый челн, и океан мне страшен.
Я в фимиаме славы задохнусь.
Но нет во мне нужды, хвала творцу,
А если вы в нужде, — не я вам нужен.
Державный плод есть на державном древе,
Со временем созреет этот плод,
Окажется достойным славы предков
И осчастливит нас своим правленьем.
Вы ждете от меня, я — от него.
Ему по праву выпал славный жребий.
Чтоб стал я отнимать? Избави бог!»

Б е к и н г е м

Хоть благородна ваша речь, милорд,
Но слабы ваши доводы и шатки,
Коль вдуматься как следует в их суть.
«Эдуард, — сказали вы, — сын короля».
Но он не сын законной королевы.
Был с леди Льюси обручен ваш брат, —
Что подтвердит родительница ваша, —
Потом, ее отринув, был помолвлен
С сестрой французского монарха Боной;
Оставив их обеих, предпочел
Он нищую, отцветшую вдову,
Перешагнувшую за полдень жизни,
К тому ж еще — с оравой детей.
Прельстив его сластолюбивый взор,
Она его величие столкнула
В постыдное, срамное двоеженство.
С ней в незаконном браке прижил он
Сынка, — и вот его зовем мы принцем.
Я доводы привел бы и сильней,
Когда бы из почтенья кой к кому
Границы языку я не поставил.
Итак, милорд, мы просим вас принять
Высокий сан, — коль не из снисхожденья
К нам всем, а вместе с нами и к стране,
То для того, чтобы в роду великом,
Очищенном от порчи лихолетия,
Восстановить преемственную власть.

Л о р д - м э р

Милорд, вас молят подданные ваши.

Б е к и н г е м

Отвергнете ль всеобщую любовь?

К е т с б и

Обрадуйте, милорд, уважьте просьбу!

Г л о с т е р

Зачем взвалить хотите этот груз
На плечи мне? Я не гожусь для трона.
Не гневайтесь, но я на вашу просьбу
Не смею дать согласия и не дам.

Б е к и н г е м

Отказ! Любовь и верность вам мешают
Племянника от трона отстранить.
Нам ведомо, как вы мягкосердечны,
По-женски совестливы и нежны
Не только что ко всем своим родным, —
И к прочим людям, без различья званий,
А все ж, согласны вы иль не согласны,
Племянник ваш не будет королем.
Тогда на трон мы возведем другого,
Предав забвенью и стыду ваш род.
И с тем сейчас уходим мы отсюда. —
Пойдемте! Больше не о чем просить!

Г л о с т е р

Не гневайся, мой добрый Бекингом!

Бекингом уходит. Лорд-мэр, олдермены и горожане отходят
в глубину сцены.

К е т с б и

Светлейший принц! Верните их скорее!
Страну в печаль повергнет ваш отказ.

Г л о с т е р

Взвалить на плечи целый мир забот!..
Ну что ж, верни их.

Кетсби отходит к лорд-мэру и его спутникам и потом уходит.

Я ведь не из камня,
И ваши просьбы тронули меня,
Хоть восстают душа моя и совесть.

Возвращаются Б е к и н г е м и К е т с б и.

О Бекингом! О мудрые мужи!
Коль скоро вы решили мне на плечи
Взвалить груз власти, должен поневоле
Я это бремя на себя принять.
Но если, подчинившись вам, я встречусь
Со сплетней грязной, с черной клеветой,
Пусть честь мою от пятен оградит
Настойчивость безжалостная ваша.
О, видит бог, и видели вы сами,
Как от стремлений сих я был далек.

Л о р д - м э р

Храни вас бог! Мы видим. Всем расскажем.

Г л о с т е р

И, рассказав, вы скажете лишь правду.

Б е к и н г е м

Я вас приветствую как короля:
Да здравствует король английский Ричард!

В с е

Аминь.

Б е к и н г е м

Угодно ль завтра вам короноваться?

Г л о с т е р

То в вашей воле: как угодно вам.

Б е к и н г е м

Тогда придем мы завтра, государь.
Сейчас, счастливые, простимся с вами.

Г л о с т е р
(*епископам*)

А мы вернемся вновь к святым занятиям. —
Прощайте, Бекингом, и вы, друзья.

(*Уходит.*)

АКТ IV

СЦЕНА 1

Лондон. Перед Тауэром.

Входят: с одной стороны королева Елизавета, герцогиня Йоркская и маркиз Дорсет, с другой — леди Анна, герцогиня Глостерская, которая ведет за руку маленькую дочь Кларенса Маргариту Плантагенет.

Герцогиня

Кто нам навстречу? Маленькая внучка!
И любящая тетья, Анна Глостер,
Ведет племянницу, — как видно, в Тауэр,
Приветствовать сердечно юных принцев. —
Дочь, как я рада вам.

Леди Анна

Пусть бог пошлет
Обеим вам спокойствие и радость.

Королева Елизавета

И вам, сестра. Куда идете вы?

Леди Анна

Мы в Тауэр. Должно быть, вы туда же,
И с той же самой целью, что у нас:
Приветствовать там наших милых принцев?

Королева Елизавета

Как вы добры, сестра. Пойдемте вместе.

Входит Брекенбери.

А вот и комендант выходит к нам. —
Прошу, любезный комендант, скажите,
Как поживают принц и герцог Йорк?

Брекенбери

Они, миледи, в добром здравье. Только
Вас допустить я к принцам не могу...
Король строжайше это воспретил.

Королева Елизавета
Король! Как?..

Брекенбери

Я ошибся, — лорд-протектор.

Королева Елизавета
Не дай бог Ричарду так ошибиться!
Он между мной и их любовью встал?
Я — мать. Кто к детям путь мне преградит?

Герцогиня

И я, мать их отца, должна их видеть.

Леди Анна

Я тетка им, но их люблю, как мать.
Впустите нас. В ответе буду я.

Брекенбери

О нет, миледи. Не могу помочь вам.
Я клятву дал. Прошу меня простить.
(Уходит.)

Входит лорд Стенли.

Стенли

Когда б вас трех я встретил часом позже,
Я, герцогиня, к вам бы обратился,
Как к матери двух славных королев.
(Леди Анне.)

Я к вам, миледи. Сей же час в аббатстве
Вас с Ричардом должны короновать.

Королева Елизавета

Разрежьте мне шнуры!..
Скорей — свободы стиснутому сердцу,
Иль от смертельной вести упаду!

Леди Анна

О, злая новость! Страшное известье!

Дорсет

Мужайтесь! — Матушка, вам легче стало?

Королева Елизавета

О Дорсет, сын, оставь меня, беги!
Смерть мчится за тобою по пятам.
Своим я детям приношу несчастье.
Коль хочешь вырваться из адской хватки,
Спасайся за море, туда, где Ричмонд.
Скорее прочь, прочь с этой бойни, сын!
Иначе ты умножишь список жертв
И сбудется проклятье Маргариты:
Что суждено утратить мне при жизни
И мужа, и корону, и детей.

Стенли

Полн мудрости, миледи, ваш совет.
(Дорсету.)
Скорей! Бесценны краткие часы.
Я напишу, чтоб сын тепло вас принял, —
Гонец с письмом нагонит вас в пути.
Коль вы замешкаетесь, будет поздно.

Герцогиня

О злобный вихрь, нам пагубу несущий!
О мое проклятое богом чрево!
Ты василиска выкинуло в мир, —
Неотвратимый взгляд его смертелен.

Стенли

(Леди Анне)

Прошу, миледи, следуйте за мной.
С великой я поспешностью к вам послан.

Леди Анна

С великим отвращеньем я иду.
Дай бог, чтобы железом раскаленным
Лег золотой венец и сжег мне мозг!
Пусть мне елей смертельным будет ядом!
Пусть прежде, чем услышу восклицанья:
«Храни бог королеву», — я умру.

Королева Елизавета

Ступай, бедняжка! Знай, твоей судьбе
Я не завидую. Мне в утешенье
Напастей на себя не накликай.

Л е д и А н н а

Вот как! Не накликать?
Когда предстал он, нынешний мой муж,
Передо мной у Генрихова гроба,
Который провожала я в слезах,
Предстал, едва смыв с рук святую кровь
И Генриха, и моего супруга, —
Я, глянув Ричарду в лицо, сказала:
«Будь проклят ты! Меня из новобрачной
Ты превратил в увядшую вдову.
Так если ты жену себе возьмешь,
Пусть скорбь твою не покидает ложе,
И пусть твою жену, — когда найдется
Безумная, что выйдет за тебя, —
Своей ты жизнью горше обездолишь,
Чем мой супруг меня — своею смертью».
Увы, за время меньшее, чем нужно,
Чтоб это мне проклятье повторить,
Поймал он сердце женское мое
На грубую приманку слов медовых.
И вот мое проклятие сбылось:
И час подряд на Ричардовом ложе
Мне не вкусить златую свежесть сна, —
Я от его кошмаров пробуждаюсь.
К тому же, как дочь Уорика, ему
Я ненавистна, и меня он сгубит.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Несчастливая! Мне жаль тебя. Прощай.

Л е д и А н н а

Оплакиваю и себя, и вас.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Прости! Ты в скорби шествуешь к величью.

Л е д и А н н а

Прощай! Ты в бедах расстаешься с ним.

Г е р ц о г и н я

(Дорсету)

Ну, — к Ричмонду. И добрый путь тебе.
(Леди Анне.)

Ну, — к Ричарду! С тобой твой добрый ангел!

(Королеве Елизавете.)

Ну, в храм. И добрых помыслов тебе.

А мне пора и на покой, в могилу.

Терплю, терплю уж восемьдесят лет:

На каждый светлый час — неделя бед.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Постой, еще оглянемся на Тауэр. —

О древняя твердыня, сжался! Сжался

Над бедными малютками, которых

В твоих стенах замуровала злоба.

Молю, о каменная колыбель,

Суровая неласковая нянька,

Безмолвный сотоварищ детских игр,

Молю: моих детей не обижай!

С отчаяньем кричу тебе: прощай!

Уходят.

СЦЕНА 2

Лондон. Тронный зал во дворце.

Трубы. Входят: Р и ч а р д в королевском одеянии, Б е к и н г е м, К е т с б и, п а ж и д р у г и е.

К о р о л ь Р и ч а р д

Все отойдите. — Герцог Бекингем!

Б е к и н г е м

Державный мой властитель?

К о р о л ь Р и ч а р д

Дай руку.

Садится на трон. Трубы.

Ныне с помощью твоей

Король английский Ричард сел на трон.

Но как узнать: даны мне знаки власти

На краткий день иль ею наслажусь?

Б е к и н г е м

Да будет ваша власть неколебима!

Король Ричард

Ах, Бекингем!.. Проверю пробным камнем
Я золото усердия твоего.
Жив юный принц Эдуард... Тебе понятно?

Бекингем

Что дальше, государь?

Король Ричард

Как что? Я быть желаю королем.

Бекингем

Но вы — король, мой царственный властитель.

Король Ричард

Ха! Я — король? Ты прав... Но жив Эдуард.

Бекингем

Да, государь.

Король Ричард

Какой печальный вывод,
Что все еще он жив: «Да, государь!»
А прежде не был ты столь непонятлив.
Сказать прямой? Пора бы двух щенков
Похоронить. И сделать надо быстро.
Ну, что теперь ты скажешь? Отвечай.

Бекингем

Мой государь, вы приказать вольны.

Король Ричард

Вот как! — Ты — лед. Вся прыть твоя замерзла.
Ну, ты согласен, что пробил их час?

Бекингем

Милорд, я должен дух перевести,
Собратся с мыслями, чтоб вам ответить.
Я ждать вас не заставлю, государь.

(Уходит.)

Кетсби

(тихо, одному из придворных)

Король разгневан: закусил губу.

К о р о л ь Р и ч а р д

Мне легче говорить с безмозглым дурнем,
Или с шальным мальчишкой! Хуже нет,
Когда тебя пронизывают взглядом.
Взлетев высоко, стал он осторожен...
Эй, паж!

П а ж

Мой государь?

К о р о л ь Р и ч а р д

Ты не знаком ни с кем, кто бы пошел
За золото на тайное убийство?

П а ж

Есть дворянин озлобленный, чья гордость
С его достатком скромным не в ладу.
А золото не хуже двух десятков
Ораторов: на все подговорит.

К о р о л ь Р и ч а р д

Как звать его?

П а ж

Джеймс Тиррел, государь.

К о р о л ь Р и ч а р д

А, слышал. Позови его сюда.

Паж уходит.

Опасливый, лукавый Бекингом
Не будет впредь наперсником ближайшим.
Со мною шел он долго, неустанно —
И вздумал дух перевести? Что ж, пусть.

Входит С т е н л и.

А, вот и вы. Что нового, лорд Стенли?

С т е н л и

Мой добрый государь! Узнал сейчас я:
Лорд Дорсет тайно к Ричмонду бежал.

К о р о л ь Р и ч а р д

Эй, Кетсби!.. Распусти повсюду слух,
Что тяжко, мол, больна моя супруга.

Я прикажу ее не выпускать.
Да подыщи дворянчика, из бедных,
Дочь Кларенса я выдам за него.
Мальчишка глуп, не будет мне опасен.
Ты что, заснул? Еще раз: всем тверди,
Что при смерти, мол, королева Анна.
Займись-ка этим. Надо уничтожить
Надежды неприятелей моих.

Кетсби уходит.

Племянницу, дочь короля Эдуарда,
Мне надо в жены взять. Не то мой трон
Стоит как будто на стеклянных ножках.
Прикончив тех, взять в жены их сестру?..
Не очень-то надежный путь к успеху!
Но дело слишком далеко зашло:
Я весь в крови, и зло рождает зло.
Слезливой жалости во мне нет места.

Входят паж и Тиррел.

Король Ричард

Так это — Тиррел?

Тиррел

Джеймс Тиррел, верноподданный слуга.

Король Ричард

Не лжешь?

Тиррел

Вы испытайте, государь.

Король Ричард

А ты помог бы мне прикончить друга?

Тиррел

Конечно, государь.

Но предпочту прикончить двух врагов.

Король Ричард

О том и речь! О двух врагах смертельных.
От них покоя нет мне, нет мне сна.
Их поручить хочу твоим заботам, —
Двух незаконнорожденных, что в Таузере.

Т и р р е л

Лишь доступ, государь, мне дайте к ним,
И мигом я избавлю вас от них.

К о р о л ь Р и ч а р д

Твои слова — как музыка! Вот пропуск.
Встань, Тиррел, на ухо тебе скажу.

(Шепчет ему на ухо.)

Ну, вот и все. Скажи, что сделал дело,
И будешь мной приближен и любим.

Т и р р е л

Исполню все тотчас.

К о р о л ь Р и ч а р д

До вечера мы о тебе услышим?

Т и р р е л

О да, мой государь.

(Уходит.)

Входит Б е к и н г е м.

Б е к и н г е м

Я, государь, обдумал пожеланье,
Что высказать изволили вы мне.

К о р о л ь Р и ч а р д

Оставим... Дорсет к Ричмонду бежал.

Б е к и н г е м

Да, я об этом слышал.

К о р о л ь Р и ч а р д

Лорд Стенли, Ричмонд пасынок вам. То-то.

Б е к и н г е м

Осмелюсь вам напомнить, государь,
О вашей щедрости, скрепленной словом:
Обещано мне графство Херифорд
Со всем имуществом, что там осталось.

К о р о л ь Р и ч а р д

Смотрите за своей женою, Стенли:
Напишет Ричмонду, — вам отвечать.

Б е к и н г е м

Что государь на просьбу скажет мне?

К о р о л ь Р и ч а р д

По предсказанью Генриха Шестого, —
Тогда был Ричмонд чуть ли не в пеленках, —
Он должен стать английским королем.
Король? Все может быть...

Б е к и н г е м

Мой повелитель!..

К о р о л ь Р и ч а р д

Но почему-то сам пророк тогда
Не предсказал, что будет мной убит.

Б е к и н г е м

Вы, государь, мне обещали графство.

К о р о л ь Р и ч а р д

Да, Ричмонд!.. В Экстере я как-то был,
Учтивый мэр повел меня там в замок
И Руджмонтом его назвал. Я вздрогнул:
Ведь мне предрек один ирландский бард,
Что, Ричмонда увидев, я умру.

Б е к и н г е м

Милорд...

К о р о л ь Р и ч а р д

Который час?

Б е к и н г е м

Осмелюсь вам о вашем обещанье
Напомнить...

К о р о л ь Р и ч а р д

А? Который час?

Б е к и н г е м

Час? Десять

Сейчас пробьет.

К о р о л ь Р и ч а р д

Пусть бьет. Ты не сбивай.

Б е к и н г е м

Как не сбивай?

К о р о л ь Р и ч а р д

Меня ты с мысли сбил
Назойливыми просьбами своими.
Не расположен нынче я дарить.

Б е к и н г е м

Ответьте же мне прямо: да иль нет?

К о р о л ь Р и ч а р д

Тсс. Не мешай. Сказал — не расположен.

Все уходят, кроме Бекингема.

Б е к и н г е м

Ах, так! За службу верную — пинок?
Вот для чего возвел его на трон я!
О Хестингсе тут вспомнить не мешает.
Так на коня и — к замку Брекнок вскачь,
Пока не снес мне голову палач.

(Уходит.)

СЦЕНА 3

Лондон. Комната во дворце.

Входит Т и р р е л.

Т и р р е л

Чудовищное дело совершилось.
Такой постыдной богомерзкой бойней
Страна себя пятнает в первый раз.
Я нанял двух — их Дайтон звать и Форрест —
Безжалостное совершить закланье;
На что уж оба эти молодца
Кровавые собаки, мясники,
И то до слез растаяли, раскисли,
Рассказывая жалостную быль.
«Вот так лежали детки», — молвил Дайтон.
«Вот так, — добавил Форрест, — обхватив
Невинными ручонками друг дружку.

Их губки — как четыре алых розы,
Целующиеся на стебельке.
Молитвенник лежал у изголовья.
Тут, — Форрест мне, — я чуть не передумал,
Да сатана...» Головорез умолк.
А Дайтон досказал: «Мы задушили
Нежнейшее, что создала природа
От сотворенья мира по сей день».
Они умолкли оба, слов лишась
От угрызений совести. И я
К кровавому явился королю
С вестями этими.

Входит король Ричард.

А вот и он. —

Желаю здравствовать, мой повелитель!

Король Ричард

А, добрый Тиррел! С радостным известьем?

Тиррел

Коль вас обрадует, что ваш приказ
Исполнен, — радуйтесь: все совершилось.

Король Ричард

Ты видел трупы?

Тиррел

Видел, государь.

Король Ричард

И сам похоронил, мой милый Тиррел?

Тиррел

Похоронил их капеллан тюремный,
Сказать по правде, я не знаю где.

Король Ричард

Ты сразу после ужина зайди.
О смерти их подробно мне расскажешь.
Да поразмысли, что просить в награду,
Исполнится желание твое.
Пока ступай.

Т и р р е л

Смиренно удаляюсь.
(Уходит.)

К о р о л ь Р и ч а р д

Сын Кларенса упрятан мной надежно,
Дочь — худородному я отдал в жены,
Щенки Эдуарда — в лоне Авраама,
И удалилась Анна в лучший мир.
Известно мне: задумал Ричмонд брак
С племянницей моей Елизаветой, —
Такой союз престол к нему приблизит.
Но прежде я явлюсь к ней женихом.

Входит К е т с б и.

К е т с б и

Мой государь!

К о р о л ь Р и ч а р д

С худыми или добрыми вестями
Вломился ты?

К е т с б и

С худыми, государь:
Епископ Или к Ричмонду бежал.
А Бекингом с валлийцами своими
Идет на нас, их войско все растет.

К о р о л ь Р и ч а р д

Епископ с Ричмондом куда опасней,
Чем Бекингом с ватагой мужичья.
Научен я, что робкое сомнение
На службе у медлительности вялой,
А та сулит бессилие и гибель.
Стремительность, дай мне свои крыла,
Служи мне, как Юпитеру Меркурий,
И на изменников я гряну бурей! —
Скликать бойцов! Когда мне враг грозит,
Советники мои лишь меч да щит.
(Уходит.)

СЦЕНА 4

Лондон. Перед дворцом.

Входит королева Маргарита.

Королева Маргарита

Созрело счастье Йорков: спелый плод
Исчезнет скоро в смрадном зеве смерти.
Хитро я укрывалась тут, следя,
Как клонятся враги мои к закату.
Ужасную завязку этой драмы
Воочью увидав, я отправляюсь
Во Францию, с надеждой, что развязка
Такой же будет черной, горькой, страшной.
Чу!.. Кто там? Обездоленная, спрячься!

Отходит к глубину сцены.

Входят королева Елизавета и герцогиня
Йоркская

Королева Елизавета

О сыновья! О милые малютки!
О неуспевшие расцвести цветы!
Коль ваши души над землей витают
И приговора ждут от судии, —
Пускай ко мне слетят на легких крыльях,
Пускай услышат, как рыдает мать!

Королева Маргарита
(в сторону)

Пускай слетят и скажут: поделом
Детей накрыла ночь своим крылом.

Герцогиня

Мне столько горестей пришлось оплакать,
Что онемели скорбные уста.
Эдуард Плантагенет, зачем ты умер?

Королева Маргарита
(в сторону)

И мой был сын Эдуард Плантагенет.
Погублен мой, — и вашего уж нет.

Королева Елизавета

Ты отлетел, господь, от бедных агнцев
И дал пожрать их волку? Или спал ты
В тот страшный час, небесный властелин?

Королева Маргарита
(в сторону)

А в час, когда пал муж мой? Пал мой сын?

Герцогиня

Ты, призрак во плоти, ходячий труп,
Упырь, источник бед, срам мирозданья,
Живой синодик безотрадных дней, —
Ты, беспокойный дух, оставь в покое
Честную землю, ту, что нечестиво
Невинной кровью жертв ты опоил.
(Садится на землю.)

Королева Елизавета

Ах, если бы мне лечь в тебя, земля,
Вот так же просто, как сажусь — чтоб плакать!
Не временный мне отдых дай, но вечный!
Ах, есть ли кто несчастнее, чем я?
(Садится на землю рядом с герцогиней.)

Королева Маргарита
(выходя вперед)

Коль давность горя почитать как возраст,
Тогда я здесь старейшая из всех,
У бед моих есть право первородства.
(Садится рядом с ними.)

Что ж, если можно поделиться горем,
Припомним вместе ваше и мое.
Мой сын Эдуард! — Он Ричардом убит.
Супруг мой Генрих! — Ричардом убит.
Эдуард твой юный — Ричардом убит.
Твой юный Ричард — Ричардом убит.

Герцогиня

Супруг мой Ричард Йорк тобой убит.
И Ретленда ты помогла убить.

Королева Маргарита

И Кларенс, сын твой, Ричардом убит.
Твоя утроба вытолкнула в мир

Чудовище, которое нас губит.
Тот пес, что, быв еще слепым щенком,
Имел уж зубы, чтоб терзать ягнят
И лакомиться их невинной кровью,
Тот изверг, исказивший образ божий,
Тот на земле невиданный тиран,
В чьем королевстве стон стоит и плач, —
Твоим был чревом порожден на свет
Затем лишь, чтоб нас всех загнать в могилу.
О праведный, карающий господь!
Хвала тебе за то, что адский пес
Пожрал потомство матери своей
И горечь наших слез ей дал изведать.

Герцогиня

Вдова Ланкастера, не торжествуй,
Что горько мне: тебе я сострадала.

Королева Маргарита

Терпи. Изголодалась я по мщенью
И насыщаюсь, до него дожив.
Твой мертв Эдуард, убивший моего,
Другой Эдуард твой мертв — за моего.
Твой юный Йорк пошел к нему в довесок:
Ведь мой один ценней был их двоих.
Твой Кларенс мертв — он убивал Эдуарда.
И зрители трагедии кровавой —
Распутный Хестингс, Риверс, Воген, Грей —
Безвременно сошли в могильный мрак.
Лишь Ричард жив — служитель преисподней,
Торгаш кровавый, что скупает души
И шлет туда. Но близок, близок жалкий
И недостойный жалости конец.
Земля разверзлась, адский огонь пылает,
Хохочут бесы, молятся святые, —
Все ждут, что будет изгнан он отсюда.
О боже, подытожь его грехи,
Чтоб я могла воскликнуть: «Пес издох!»

Королева Елизавета

О да, ты предрекла, что день настанет,
И я твоих проклятий попрошу
Для ядовитой кривобокой жабы.

Королева Маргарита

Тебя тогда звала я жалкой куклой,
Ничтожным сколком моего величья!
Ты силишься быть тем, чем я была.
Ты пышное заглавье жалкой пьесы.
Ты вознеслась, чтобы скатиться вниз.
Ты мать двух принцев, посланных в насмешку
Злым роком. Ты мечтанье о былом.
Ты — вывеска величья, ты — пустышка,
Ты — пестроцветная мишень для стрел,
Ты — скоморох, что корчит королеву.
Где твой супруг? Где братья? Где два сына?
Где радости твои? Кто закричит
«Да здравствует», завидевши тебя?
Где льстиво изогнувшиеся пзры?
Где за тобой бегущая толпа?
Все было да прошло. А что теперь?
Ты кто — жена? Нет, горькая вдовица.
Ты — мать? Нет, плакальщица по сынам.
Ты королева? Нет, ничто в короне.
Ты даришь милости? Нет, просишь их.
Ты надо мной смеешься? Нет, смешна мне.
Ты повелительница? Нет, раба.
Так повернулось колесо возмездья,
И времени принесена ты в жертву.
Что ж, вспоминай о том, чем ты была,
И мучься вдвое, ставши тем, чем стала.
Ты забрала престол мой; будет честно
Забрать и долю горестей моих.
Пока на плечи гордые твои
Легла еще лишь половина груза,
Согнувшего меня, но ляжет весь.
Прощайте же, — ты, горе-королева,
И ты, супруга Йорка. Путь лежит мой
Во Францию. Из дальней стороны
Мне будут беды Англии смешны.

Королева Елизавета

Постой, постой, искусница в проклятьях!
Дай мне урок, как проклинать врагов.

Королева Маргарита

Не спи, не ешь, все думай днем и ночью
О мертвом счастье, о живых скорбях.

Воображай детей милей, чем были.
Убийцу их — гнуснее, чем он есть.
Все размышляй о горестной утрате —
И хлынет из тебя поток проклятий.

Королева Елизавета
Мои слова бессильны... Помогите!

Королева Маргарита
Скорбь даст им силу, и падут враги.
(Уходит.)

Герцогиня
Слова! У горя есть ли в них нужда?

Королева Елизавета
Летучие ходатаи скорбей,
Крылатые заступники печалей,
Душеприказчики былых утех!
Ужель их можно удержать в неволе?
Не защитят, не оградят права,
Но могут сердце облегчить слова.

Герцогиня
Что ж, если так, — дай языку свободу.
Пойдем, и горьким дымом наших слов
Задушим зверя — сына моего,
Как задушил твоих он сыновей.
Чу!.. Он!.. Так пусть твои услышит вопли.

Трубы и барабаны. Входит король Ричард с войсками.

Король Ричард
Кто преградить посмел нам с войском путь?

Герцогиня
О та, кто преградить могла бы путь
Тебе ко всем твоим злодействам, изверг,
В своей утробе задушив тебя.

Королева Елизавета
Прикрыт твой лоб короной золотой,
Но будь закон законом, — заклеями б
Железом раскаленным лоб злодея,

Убившего наследника короны,
Несчастливых сыновей моих и братьев!
О мразь! Ответь, где сыновья мои?

Герцогиня

Злой гад, злой гад, ответь, где брат твой Кларенс?
Где Нед Плантагенет, его дитя?

Королева Елизавета

Где дорогие Риверс, Воген, Грей?

Герцогиня

Где благородный Хестингс?

Король Ричард

Эй! Дуйте в трубы! Бейте в барабаны!
Не дам я небу слушать бабы сплетни
Про божьего помазанника! Эй!

Трубы и барабанная дробь.

Иль вы учтивы будете со мною,
Иль эти ваши вопли утоплю
Я в исступленном грохоте войны.

Герцогиня

Ты сын мне?

Король Ричард

Да, благодаренье богу,
И моему родителю, и вам.

Герцогиня

Тогда покорствуй, если я корю.

Король Ричард

Миледи, я пошел отчасти в вас
И не люблю выслушивать упреки.

Герцогиня

И все ж я выскажу...

Король Ричард

Я буду глух.

Герцогиня

Смягчу свои слова и буду кроткой.

Король Ричард

И краткой, матушка: ведь я спешу.

Герцогиня

Ах, ты спешишь? А я тебя ждала,
Свидетель бог, ждала в тоске и в муках.

Король Ричард

Иль, выйдя в мир, я вас не облегчил?

Герцогиня

О нет. Ты вышел в мир и, как бог свят,
Мир для меня преобразился в ад.
Я тяжело мучилась, тебя рожая,
Ребенком был ты злым и своенравным,
А в отрочестве — диким и свирепым,
А в юности — бесстрашным, дерзким, наглым,
А в зрелые года — честолюбивым,
Лукавым, кровожадным, вероломным;
Повадкой мягче стал, но тем опасней
Злодей, когда он с виду незлобив.
Припомни-ка хотя единый час,
Когда бы от тебя я знала радость.

Король Ричард

Не помню. Разве что вы были рады,
Иной раз завтракая без меня.
Но если так противен вам мой вид, —
Не смею вам я докучать, миледи, —
Эй, бейте, барабаны!

Герцогиня

Стой! Послушай!..

Король Ричард

От вас уж много слышал горьких слов.

Герцогиня

Скажу тебе еще одно лишь слово,
И впредь уж нам с тобой не говорить.

Король Ричард

Итак?

Герцогиня

Иль праведный господь тебя убьет,
Не дав тебе с победой возвратиться,
Иль я умру от старости и горя, —
Но больше уж не встречусь я с тобой.
Так напоследок от меня прими
Тягчайшее проклятье. Пусть в день битвы
Тебя оно сильней отяготит,
Чем полное твоё вооруженье!
Молюсь теперь я за твоих врагов.
А души светлые детей Эдуарда
Да вдохновят противников твоих,
Да предрекут им счастье и победу.
Ты любишь кровь — в крови и утони.
Во сраме жил — кончай во сраме дни!
(Уходит.)

Королева Елизавета

Причин есть больше проклинать, сил —
меньше.
Прибавлю лишь к ее словам «аминь».
(Собирается уйти.)

Король Ричард

Миледи, стойте!.. Надобно мне с вами
Поговорить.

Королева Елизавета

Ведь принцев-сыновей
Нет больше у меня, чтоб ты убил их;
А дочерям — в монастыре молиться,
Не во дворце рыдать. Оставь им жизнь!

Король Ричард

Итак, у вас есть дочь — Елизавета.
Она прекрасна, царственна, чиста.

Королева Елизавета

Так что ж, — ее за это умертвишь?
Позволь ей жить! За это я готова
Ее обезобразить, опорочить,

Я обвиню себя в прелюбодействе:
Оставь ей жизнь, и я дам клятву в том,
Что не был ей мой муж, Эдуард, отцом.

Король Ричард
Ее происхожденья не порочь!

Королева Елизавета
Порочу, чтобы жизнь ей сохранить.

Король Ричард
Ее хранит ее происхожденье.

Королева Елизавета
Но братьев ей оно не сохранило.

Король Ричард
Увы, созвездья были им враждебны.

Королева Елизавета
Нет, им враждебны были лжедрузья.

Король Ричард
Не знает милосердия судьба.

Королева Елизавета
Коль судьбами вершит немилосердный.
Столь злая смерть детей бы не постигла,
Когда бы не твоя столь злая жизнь.

Король Ричард
Не скажете ли вы, что я, их дядя,
Убил их?

Королева Елизавета
О добросердечный дядя,
У них отнявший трон, свободу, жизнь!
Ту руку, что пронзила их сердца,
Рассудок твой несправедно направил.
Убийца наострил тупой кинжал
О каменное Ричардово сердце,
И агнцам он моим впился в нутро.
Скорбя, мы укрощаем лютость скорби,
Не то б о мальчиках не говорила,

А якорными крючьями ногтей
Тебе в глаза вцепилась; но меня,
Суденьшко, истерзанное бурей,
Втащили волны в эту гавань смерти,
Где бьюсь я об утес твоей груди.

К о р о л ь Р и ч а р д

Миледи, столь же пылко, как себе
Желаю я побед в грядущих сечах,
Хочу вам блага, чтобы окупился
Весь нанесенный мною вам ущерб.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Какие блага скрытый лик небес
Скрывает, чтоб, раскрывшись, дать мне благо?

К о р о л ь Р и ч а р д

Возвысятся, миледи, ваши чада.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Возвысятся? Взойдут на эшафот?

К о р о л ь Р и ч а р д

Нет, на вершину славы и величья,
Достигнут высшей власти на земле.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Не хочешь ли польстить моим печалям?
Какие же величие и славу
Предназначаешь ты для чад моих?

К о р о л ь Р и ч а р д

Все, что мое, и самое себя —
Отдам я одному из чад твоих.
Но только пусть сначала канут в Лету
Разгневанной души воспоминанья
О том, в чем якобы виновен я.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Короче! Чтоб твое великодушье
Короче не было, чем речь о нем.

К о р о л ь Р и ч а р д

Я вашу дочь люблю от всей души.

Королева Елизавета
О! Чует материнская душа...

Король Ричард
И что вы чувствуете?

Королева Елизавета
Что от души душитель любит дочь,
Как от души душил он сыновей,
За что его благодарю душевно.

Король Ричард
Не торопитесь извращать слова.
Я говорю: «Я вашу дочь люблю
И сделать рад английской королевой».

Королева Елизавета
А кто, скажи мне, будет королем?

Король Ричард
Тот, кто ей даст корону. Кто ж еще?

Королева Елизавета
Как! Ты?

Король Ричард
Я, я. Что вы ответите, миледи?

Королева Елизавета
А как ты будешь свататься?

Король Ричард
Об этом
Хотел я вас спросить: вам лучше знать.

Королева Елизавета
Совет исполнишь?

Король Ричард
С радостью, миледи.

Королева Елизавета
Тогда пошли к ней сватом человека,
Который братьев умертвил ее:

Пусть ей снесет он два кровавых сердца!
Да вырежи на них: «Эдуард» и «Йорк».
Коль станет плакать, — ей подай платок,
Пропитанный невинной братней кровью
(Не так ли поступила Маргарита
С твоим отцом, когда убит был Ретленд?), —
Пусть тем платком она отрет глаза.
А если не пленишь ее и этим,
Пошли ей список подвигов своих.
Ей опиши, как ты ее избавил
Сперва от дяди Кларенса, а после
От дяди Риверса; как ей на пользу
Покончил с доброй ее теткой, Анной.

К о р о л ь Р и ч а р д

Глумитесь? Чтоб ее завоевать
Это не путь.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Пути иного нет.
Вот разве что ты свой изменишь облик,
Не будешь тем, кто это все свершил.

К о р о л ь Р и ч а р д

Скажи, что все из-за нее свершилось.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Нет, все равно ты будешь ей противен:
Уж слишком выкуп за любовь кровав.

К о р о л ь Р и ч а р д

Что сделано, того не воротить.
Мы действуем иной раз без оглядки,
Жалеем о содеянном — потом.
Но если трон у ваших сыновей
Я отнял, — ваша дочь его получит.
И если ваше истребил потомство,
То я вознагражу вас за потерю
Своим от вашей дочери потомством.
Ведь по любви чуть ниже званье бабки,
Чем самое святое званье — мать.
А внуки — те же дети, только младше
На покое — ваша кровь и плоть;

И в муках вам их не рожать, — лишь ночь
Послушать, как стенает ваше чадо.
Вам ваши дети омрачали юность,
Мои — лелеять будут вашу старость.
Утратили вы сына-короля,
Но тем приобрели дочь-королеву.
Я не могу вернуть все, что хотел бы,
Примите ж то, что я могу вам дать.
С отчаяньем в душе свои стопы
Направил на чужбину сын ваш, Дорсет.
А наш союз вернет его домой
К вершинам власти, к славе и почету.
Король, назвав женою вашу дочь,
Звать будет Дорсета любимым братом.
И сызнова вы — королева-мать.
И все руины бедственных времен
Отстроятся в двойном великолепье.
О! Много впереди счастливых дней!
И каждая слеза из ваших глаз
Вернется к вам жемчужиной востока,
Повысившись в цене двадцатикратно:
Ведь счастье выплатит вам долг с лихвой.
Ступай же тотчас к дочери своей,
Пусть твой житейский опыт даст ей смелость;
Ты слух ее готовь к речам любви
И сердце нежное воспламени ей
Стремлением к державному венцу;
Открой ей тайну сладостно-безмолвных
Часов, что ожидают новобрачных.
А я, вот этой дланью покарав
Бунтовщика, тупицу Бекингема,
К ней с лаврами вернусь и поведу
На свадебное ложе. Ей одной
Принадлежат плоды моей победы,
Ей — Цезарю, кем Цезарь побежден.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Но как сказать, чтоб ей понятней было?
Кто хочет стать ей мужем? Брат отца,
Иль, может, лучше — дядя? Или тот,
Кем сгублены ее дядья и братья?
Как жениха назвать, чтобы при этом
Бог, совесть, честь моя и ее сердце
Таким не возмутились сватовством?

Король Ричард
Скажи, что наш союз даст мир стране.

Королева Елизавета
Мир, схожий с непрерывной цепью войн.

Король Ричард
Скажи, — король ей не велит, но просит...

Королева Елизавета
...Того, что запрещает царь царей.

Король Ричард
Скажи, — всевластной станет королевой.

Королева Елизавета
Чтоб титул свой оплакивать, как я.

Король Ричард
Скажи, что вечно будет мной любима.

Королева Елизавета
Но долго ль будет длиться эта вечность?

Король Ричард
Вплоть до конца ее бесценных дней.

Королева Елизавета
Но много ль у нее бесценных дней?

Король Ричард
Как соизволят небо и природа.

Королева Елизавета
Как заблагорассудят ад и Ричард.

Король Ричард
Скажи, что властелин подвластен ей.

Королева Елизавета
Но ей, подвластной, эта власть претит.

Король Ричард
Красноречивей за меня проси.

Королева Елизавета
Речам правдивым ни к чему прикрасы.

Король Ричард
Так о моей любви скажи попроще.

Королева Елизавета
О лжи сказать попроще — выйдет грубо.

Король Ричард
Ответы ваши горячи, но мелки.

Королева Елизавета
Нет, холодны и глубоки они —
Точь-в-точь как сыновей моих могилы.

Король Ричард
Струн этих не касайтесь: это в прошлом.

Королева Елизавета
Могу ли не касаться этих струн,
Пока не порвались все струны сердца?

Король Ричард
Миледи, я клянусь святым Георгом,
И орденом Подвязки, и короной...

Королева Елизавета
...что осквернил, покрыл стыдом, украл...

Король Ричард
Клянусь...

Королева Елизавета
Ничем. Тебе ведь нечем клясться.
Георг в твоих устах утратил святость,
Утратил рыцарскую честь твой орден,
И нет величья в краденой короне.
Чтоб я поверила, ты тем клянись,
Чего еще пока не осрамил.

Король Ричард
Клянусь собой!

Королева Елизавета
Ты — воплощенье зла.

Король Ричард
Отцом покойным.

Королева Елизавета
Ты — позор отцовский.

Король Ричард
Вселенной.

Королева Елизавета
Ты принес ей только беды.

Король Ричард
Тогда творцом!

Королева Елизавета
Пред ним ты весь в грехах.
Когда бы чтил ты клятву перед богом,
Тогда б согласья, что твой брат скрепил,
Ты не расторг, и был бы жив мой брат;
Когда бы чтил ты клятву перед богом,
Венчающий тебя металл державный
Увенчивал бы сына моего,
И были б живы оба милых принца,
Которых ты, клятвопреступник, сделал
Добычей тленья, пищей для червей.
Так чем же клясться будешь ты?

Король Ричард
Грядущим.

Королева Елизавета
Его ты изуродовал былым.
В грядущем мне еще лить много слез
Из-за злодейств, тобой уже свершенных.
А дети, чьих отцов ты истребил?
Еще им долго плакать, бесприютным.
А матери, чьих сыновей убил ты?
Еще им долго плакать, одиноким.
Нет, не клянись грядущим: ведь на нем —
Проклятье зла, свершенного в былом.

Король Ричард

Как верно то, что я хочу победы
На бранном поле, так же верно то,
Что каюсь я и что стремлюсь к добру.
Да сгину я от самого себя,
Да преградят мне небеса путь к счастью,
Да не пошлет день света мне, ночь — сна,
Да будут все созвездья мне враждебны,
Коль всей душой, и мыслями, и сердцем
Благоговейно не люблю твою
Прекраснейшую царственную дочь!
В ней — счастье для меня и для тебя!
А если нет, — меня, тебя, ее,
Всю Англию и тьму людей крещеных
Погибель ждет, изничтоженье, смерть.
Мой с ней союз — иного нет спасенья,
Мой с ней союз — он должен нас спасти.
Вот почему, возлюбленная мать, —
Так звать вас надлежит мне, — поручаю
Вам быть ходатаем моей любви.
Речь обо мне ведите: не о том,
Каким я был, — о том, каким я стану;
Не о бывших — о будущих свершеньях.
О долге и о тяжких временах
Твердите ей и мелочным упрямством
Не погубите замыслов великих.

Королева Елизавета

На уговоры дьявола поддаться?

Король Ричард

Коль уговоры дьявола — к добру.

Королева Елизавета

Забыть себя? Забыть, кто я такая?

Король Ричард

Коль память причиняет только вред.

Королева Елизавета

Но ты ведь погубил моих детей!

К о р о л ь Р и ч а р д

Их в лоне дочери твоей зачну
И, выношены в нем, они родятся
На свет для вящей радости твоей.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Мне дочь склонять, чтоб вышла за тебя?

К о р о л ь Р и ч а р д

И станете вы матерью счастливой.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Отправлюсь к ней. Вы напишите мне,
И я вам сообщу ее решенье.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ей передайте нежный поцелуй,
Знак верности. Прощайте.

Королева Елизавета уходит.

Наконец-то!

Сдалась, пустая, глупая бабенка.

Входит Ретклиф, за ним Кетсби.

А, вы! Какие вести?

Р е т к л и ф

Государь!

На западе замечен сильный флот.
А к берегу стекаются толпой
Приверженцы сомнительные наши.
Видать — не для сраженья, без оружья.
Сдается, Ричмонд этот флот привел,
И высадку начнет он тем же часом,
Как подойдет на помощь Бекингам.

К о р о л ь Р и ч а р д

Послать за Норфолком — во весь опор!
Скачи ты, Ретклиф. Или Кетсби. Где он?

К е т с б и

Я здесь, милорд.

К о р о л ь Р и ч а р д

Мчись к Норфолку.

К е т с б и

Да, государь, тотчас, во весь опор.

К о р о л ь Р и ч а р д
(Ретклифу)

Поди сюда. Ты — в Солсбери скачи
И сразу же...

(К Кетсби.)

Тупой ленивый скот!

Что стал столбом? Что к Норфолку не скачешь?

К е т с б и

Сначала должен знать я, государь,
С каким приказом к герцогу явиться.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ты прав, мой добрый Кетсби!.. Передай:
Пусть он поднимет войско, — все, что сможет, —
И в Солсбери навстречу мне спешит.

К е т с б и

Иду.

(Уходит.)

Р е т к л и ф

Мне в Солсбери — с каким приказом?

К о р о л ь Р и ч а р д

Как в Солсбери? Я сам туда иду.

Р е т к л и ф

Но вы мне повелели...

Входит Стенли.

К о р о л ь Р и ч а р д

Я раздумал. —

Какие вести ты принес нам, Стенли?

С т е н л и

Не слишком радостны они для слуха,
Но и не столь уж плохи — как взглянуть.

Король Ричард

Вот как? Ты что — загадки задаешь?
Ни хороши, ни плохи... Что ты кружишь,
А не выкладываешь напрямик?

Стенли

Граф Ричмонд в море вывел корабли.

Король Ричард

Пусть он пойдет на дно, проглочен морем,
Трусишка этот беглый!.. А зачем?

Стенли

Не знаю, лишь гадать могу, милорд.

Король Ричард

И что ж ты нагадал?

Стенли

Что Дорсет, Бекингем, епископ Или
Его призывали на английский трон.

Король Ричард

Иль трон мой пуст? Иль выронил свой меч я?
Иль умер государь? В стране нет власти?
Кто жив еще из Йорков, кроме нас?
Кому здесь быть на троне, как не Йорку?
Зачем же он шныряет по морям?

Стенли

Тут я гадать не смею, мой король.

Король Ричард

Посмел гадать, что в короли он метит,
Не смеешь угадать, куда плывет.
Не хочешь ли перебежать к нему?

Стенли

Нет, государь; зачем не доверять мне?

Ричард

А где ж твои войска, чтоб дать отпор?
Где все твои друзья? Твои вассалы?

На запад ринулись, чтобы помочь
Бунтовщикам в их высадке на сушу?

С т е н л и

На севере стоят мои друзья.

К о р о л ь Р и ч а р д

Прохладные друзья для короля!
На севере! Когда их государю
На западе нужны сейчас войска.

С т е н л и

Мне не было приказа, государь.
Лишь соизвольте отпустить меня, —
Я войско соберу и встречусь с вами,
Где и когда велите мне, милорд.

К о р о л ь Р и ч а р д

Да, отпустить, — ты к Ричмонду сбежишь!
Я, сэр, не верю вам.

С т е н л и

Мой государь,
Чем заслужил я это подозренье?
Лжецом я не был, им не буду впредь.

К о р о л ь Р и ч а р д

Скачи собирай людей. Но сын твой Джордж
Останется при нас. Не сдержишь слово —
Он голову не сдержит на плечах

С т е н л и

Храните сына, я вам буду верен.
(Уходит.)

Входит 1-й гонец.

1-й гонец

Мой государь, от преданных друзей
Весть достоверная из Девоншира:
Сэр Эдуард Кортни и прелат спесивый
Епископ Экстер, старший его брат,
С сообщниками подняли мятеж.

Входит 2-й гонец.

2-й гонец

Державный повелитель! В графстве Кент
Восстали Гилдфорды. К ним примыкает
Час от часу все больше недовольных,
И воинство мятежное растет.

Входит 3-й гонец.

3-й гонец

О государь мой! Войско Бекингема...

Король Ричард

Прочь, воронье! Довольно каркать смерть!
(Бьет гонца.)
Вот! Вот тебе — до лучших новостей.

3-й гонец

Я вашему величеству хотел
Сказать, что ливнями и наводнением
Застигнут Бекингом. Его войска
Рассеялись, а сам он в одиночку
Скрывается — никто не знает где.

Король Ричард

Прости! Вот кошелек — он снимет боль.
А догадались объявить награду
Тому, кто выдаст нам бунтовщика?

3-й гонец

Да, государь. Объявлена награда.

Входит 4-й гонец.

4-й гонец

Сэр Томас Ловел и маркиз лорд Дорсет
Восстали в Йоркшире, мой государь.
Но вашему величеству принес я
И радостную весть: бретонский флот
Рассеян бурей. Ричмонд выслал шлюпку
На дорсетширский берег, чтоб разведать:
Там недруги его или друзья?
Узнав, что там, мол, люди Бекингема,
Его сторонники, — он не поверил,
Поставил паруса и повернул
Туда, откуда он приплыл — к Бретани.

К о р о л ь Р и ч а р д

В поход! В поход! Готовы мы к борьбе,
И если к нам не вторглись иноземцы, —
Раздавим собственных бунтовщиков.

Входит К е т с б и.

К е т с б и

Мой государь, взят герцог Бекингем.
Весть лучшая из двух, что я принес,
Вторая — та, что высадился Ричмонд
И с сильным войском в Милфорде стоит.
Похуже первой, но что есть, то есть.

К о р о л ь Р и ч а р д

В путь! К Солсбери! Пока мы здесь болтаем,
Победу можно было б одержать
Иль битву проиграть по-королевски.
Пусть кто-нибудь доставит Бекингема
К нам в Солсбери. Вы все за мной. Вперед!

Трубы. Все уходят.

СЦЕНА 5

Комната в доме лорда Стенли.

Входят Стенли и сэр Кристофер Эрсуик.

С т е н л и

Сэр Кристофер, ты Ричмонду скажи:
Кровавый боров у себя в хлеву
Заложником оставил Джорджа Стенли.
Восстану — сложит голову мой сын.
Лишь этот страх мне выступить мешаает.
Спеши к нему, ручайся за меня
И передай: с охотой королева
Ему отдаст в супруги свою дочь.
Но где сейчас стоит наш славный Ричмонд?

Э р с у и к

Он в Уэльсе: в Пемброке иль Харфорд-Уэсте.

С т е н л и

А кто к нему примкнул из нашей знати?

Э р с у и к

Прославленный воитель Уолтер Херберт,
Сэр Гилберт Толбот и сэр Уильям Стенли,
Бесстрашный Пемброк, Оксфорд, сэр Джеймс Блант
И Райс-ап-Томас с верною дружиной
И славных множество еще дворян.
Свои войска они ведут на Лондон
И ждут, что враг их встретит на пути.

С т е н л и

Скачи же к Ричмонду и передай
Мое письмо — я в нем все изложил.
(*Подает письмо.*)

Прощай.

Уходят.

А К Т V

С Ц Е Н А 1

Солсбери. Равнина.

Входят шериф Уилтширский и окруженный
стражею с алебардами Бекингем, которого ведут
на казнь.

Б е к и н г е м

Так Ричард говорить со мной не станет?

Ш е р и ф

Нет. Подчинитесь уж судьбе, милорд.

Б е к и н г е м

Вы, Хестингс, сыновья Эдуарда, Риверс,
Ты, кроткий Генрих и твой сын Эдуард,
Вы, Грей и Воген, — все, кто умерщвлен
Коварно, тайно и неправосудно!

Коль в этот час вы сумрачно и гневно
Взираете на мир сквозь тучи эти, —
Возрадуйтесь погибели моей! —
Сегодня, кажется, День всех усопших?

Ш е р и ф

И впрямь, милорд.

Б е к и н г е м

День всех усопших стал мне Судным днем.
Ведь в этот день при короле Эдуарде
Клялся я в верности его потомству
И королеве, и ее родне.
Я в этот день клялся: коль изменю,
Пускай и мне вернейший друг изменит...
И дух мой в этот день, в День всех усопших,
Предстанет за грехи держать ответ.
Всевидающий судья, чье имя все
Я поминал, обет исполнил мой,
Пустое слово обернулось делом.
Вот так он меч, злодеем наостренный,
Ему же поворачивает в грудь.
Сбылось оно, проклятье Маргариты, —
Она сказала: «В день, когда пронзит
Он мукой твое сердце, ты вспомнешь,
Что Маргарита это предрекла».
Ну что ж, ведите к плахе. Ждет топор.
Мне зло за зло, позор мне за позор.
(Уходит.)

СЦЕНА 2

Поле близ Темурта.

Входят с барабанами и знаменами Ричмонд, Оксфорд,
сэр Джеймс Блант, сэр Уолтер Херберт и
другие военачальники с войсками.

Р и ч м о н д

Вы, братья по оружию, вы, друзья,
Стонавшие под игом самовластья!
До сердца нашей родины дошли мы,
Не повстречав препятствий на пути.

Есть вести добрые от лорда Стенли:
Кровавый, мерзкий, бешеный кабан,
Что ваши истоптал сады и нивы,
Что кровь из ваших жил лакал, как пойло,
И внутренности ваши пожирал,
«Залег поганый боров, — пишет Стенли, —
Близ Лестера, отсюда — день пути».
Во имя божье, храбрые друзья!
Один лишь страдный день на бранном поле,
И жатвой нашей будет вечный мир.

О к с ф о р д

Как совесть нам велит, — единодушно
Обрушимся мы все на кровопийцу.

Х е р б е р г

Его друзья переметнутся к нам.

Б л а н т

Его друзья из страха в дружбе с ним,
Они в беде тотчас его покинут.

Р и ч м о н д

Да, все за нас. Вперед, во имя божье!
Объединит крылатая надежда
Единой волей сотни наших воль, —
Король с ней — бог, а нищий с ней — король.

Уходят.

СЦЕНА 3

Босуортское поле.

Входят король Ричард в доспехах, герцог
Норфолк, граф Серри, Ретклиф и другие.

Король Ричард

Здесь станем лагерем, на этом поле.
Зачем так пасмурен ваш взор, граф Серри?

Серри

Зато безоблачна моя душа.

Король Ричард

Лорд Норфолк!..

Норфолк

Что угодно, государь?

Король Ричард

Придется перевестаться мечами.

Не так ли, Норфолк? А?

Норфолк

Да, государь:

И наносить, и отражать удары.

Король Ричард

Здесь ставьте мой шатер. Здесь нынче лягу.

Солдаты ставят королевский шатер.

А завтра где? Э, что там, все равно.

Известно ль, как сильны бунтовщики?

Норфолк

Их тысяч шесть, ну — семь, никак не больше.

Король Ричард

Так, стало быть, мы втрое их сильней,
Да королевский сан — он словно крепость,

А у врага такой опоры нет.

Ну, скоро ль там шатер? Пойдем, милорды,

За мной, друзья, осмотрим поле боя,

Да всех военачальников ко мне.

Не должно упущений быть ни в чем:

День завтрашний нелегким будет днем.

Уходят.

Входят на другом конце поля Ричмонд, сэр Уильям
Брендон, Оксфорд и другие военачальни-
ки. Солдаты ставят шатер Ричмонда.

Р и ч м о н д

Усталое ушло на отдых солнце,
След колесницы огненной его
Назавтра нам сулит погожий день.
Сэр Уильям Брендон, вам я вверю знамя.
Чернила и бумагу мне в шатер:
Составлю план сраженья, всем отрядам
Места назначу, поделивши скупо
Немногочисленные наши силы.
Со мною вместе будьте вы, лорд Оксфорд,
Сэр Уильям Брендон и сэр Уолтер Херберт.
Граф Пемброк при своем полку остался.
Мой добрый Блант, прошу вас, пожелайте
Ему покойной ночи от меня,
И пусть он пред рассветом будет здесь.
Еще одно, мой храбрый капитан:
Известно вам, где лагерь лорда Стенли?

Б л а н т

Коль я не ошибаюсь (но уверен,
Что точно различил я знамя Стенли),
Его отряд не меньше, как в полмили
На юг от главных королевских сил.

Р и ч м о н д

Когда б могли вы без большого риска,
Мой благородный Блант, к нему пробраться
И важное письмо ему доставить...

Б л а н т

Доставлю, — жизнью вам клянусь, милорд.
Дай бог вам доброй ночи.

Р и ч м о н д

И вам тоже. —
Прошу, друзья, в шатер — посоветаться
О завтрашнем сраженье. Тут свежо.

Входит с военачальниками в шатер.

Подходят к своему шатру король Ричард, Норфолк,
Ретклиф, Кетсби и другие.

Король Ричард
Который час?

Кетсби
Уж девять, государь.
Пора поужинать.

Король Ричард
Я не хочу.
Подайте мне бумагу и чернила.
Забрало мне исправили на шлеме?
Мои доспехи принесли в шатер?

Кетсби
Да, государь, готово все.

Король Ричард
Мой Норфолк,
К своим обязанностям приступай.
Поставь в дозор надежнейших людей.

Норфолк
Иду, мой государь.

Король Ричард
Встань с жаворонками, мой добрый Норфолк.

Норфолк
Приказ исполню, государь.
(Уходит.)

Король Ричард
Эй, Кетсби!

Кетсби
Да, государь?
Король Ричард

Гонца отправить к Стенли:
Чтоб он привел к нам войско до восхода,

Иначе Джордж, его наследник, канет
В бездонную пучину вечной тьмы.

Кетсби уходит.

(Слуге.)

Налей мне кубок. И поставь ночник.
К утру седлай мне белого. Да копыя
Проверь, чтоб крепки были и легки.
Да, Ретклиф!

Р е т к л и ф

Государь?

К о р о л ь Р и ч а р д

Скажи, ты нынче

Угрюмого Нортумберленда видел?

Р е т к л и ф

Пока совсем не смерклось, с графом Серри
Он за отрядом обходил отряд
И ободрял бойцов.

К о р о л ь Р и ч а р д

Так, так, прекрасно.

Налей вина... Не чувствую я нынче
Той бодрости, того подъема духа,
Которые присущи мне всегда.

(Выпивает вино.)

Поставь. А где чернила и бумага?

Р е т к л и ф

Здесь, государь.

К о р о л ь Р и ч а р д

Проверишь стражу и ступай к себе.
А в мой шатер приходи перед рассветом,
Поможешь мне надеть доспех. Ступай.

Ретклиф и слуги уходят. Король Ричард засыпает.

С т е н л и входит в шатер Ричмонда, где находятся
Р и ч м о н д и л о р д ы.

С т е н л и

Да будет осенен твой шлем победой.

Р и ч м о н д

Пусть ниспошлет тебе ночная тьма
Свою защиту, благородный отчим.
Скажи, здорова ль матушка моя?

С т е н л и

Да. Молится за Ричмонда она
И шлет тебе свое благословенье.
Но к делу. На исходе тишина,
Завеса тьмы редеет на востоке.
Нет времени, я кратким должен быть.
Готовься битву завязать чуть свет,
И смертоносноглазая война
Решит твою судьбу в кровавой сече.
Мне, как ни жаль, тянуть придется время
И выступить на стороне твоей
В последний миг, решив исход сраженья.
Сейчас примкнуть к тебе я не могу, —
Иначе будет на глазах отца
Твой брат, мой Джордж любимый, предан
смерти.

Прощай. Сейчас не время и не место
Для излиятий дружбы и любви,
Для той беседы вольной, задушевной,
Что знаменует встречу двух друзей.
Даст бог — наговоримся на досуге.
Прощай. Будь храбр, — победа за тобой!

Р и ч м о н д

Милорды, проводите лорда Стенли.
Как дух мой ни встревожен, надо лечь,
Не то мне поутру свинцовый сон
Не даст подняться на крылах победы.
Покойной ночи, добрые друзья.

Все, кроме Ричмонда уходят.

О ты, господь, о ты, мой полководец,
Взгляни с любовью на моих солдат!
Карающий твой меч вложи им в руки, —
Да сокрушит он шлемы всех врагов,
Что узурпатор против нас сплотил!
Орудьями возмездья сделай нас,
И мы тебя восславим в час победы!
Тебе мой бодрствующий дух вручаю

Пред тем, как окна глаз моих закрыть.
И в бденье, и во сне — пребудь со мной!
(Засыпает.)

Является призрак принца Эдуарда, сына Генриха VI.

Призрак принца Эдуарда
(Ричарду)

Тебе на сердце камнем завтра лягу!
Припомни, как в расцвете юных лет
Я был тобой при Тьюксбери заколот.
Тебе за то — отчаянье и смерть!
(Ричмонду.)

Мужайся, Ричмонд! Души убиенных
Несчастных принцев будут за тебя.
Сын Генриха с тобой в союзе, Ричмонд!

Является призрак Генриха VI.

Призрак Генриха VI
(Ричарду)

Когда был смертным я, изрешетил ты
Помазаннику тело. Вспомни это.
Твоя судьба — отчаянье и смерть!
За Генриха — отчаянье и смерть!
(Ричмонду.)

Ты добр и чист. Победа за тобой!
Тот Генрих, что предрек тебе корону,
Тебе пророчит жизнь и процветанье!

Является призрак Кларенса.

Призрак Кларенса
(Ричарду)

Тебе на сердце камнем завтра лягу
Я, захлебнувшийся твоим вином,
Коварством сгубленный несчастный Кларенс.
В час битвы завтра вспомнишь обо мне
И выронишь ты меч свой бесполезный.
Тебе в удел — отчаянье и смерть!
(Ричмонду.)

За отпрыска Ланкастерского дома
Мольбы возносят сгубленные Йорки.
Бог за тебя! Живи и процветай!

Являются призраки Риверса, Грея и Вогена.

Призрак Риверса

(Ричарду)

Тебе на сердце камнем завтра лягу
Я, Риверс, в Помфрете тобой казненный.
Отчаянье и смерть!

Призрак Грея

(Ричарду)

Припомни Грея
В сраженье — и отчаётся твой дух!

Призрак Вогена

(Ричарду)

Ты вспомнишь Вогена и ужаснешься,
И выпадет из рук твоих копьё.
И ждут тебя отчаянье и смерть!

Все вместе

(Ричмонду)

Восстань! Вонзили мы обиды наши
Злодею в грудь. Восстань и победи!

Является призрак Хестингса.

Призрак Хестингса

(Ричарду)

Злодей кровавый, пробудись для зла,
Чтоб кончить дни свои в бою кровавом.
За Хестингса — отчаянье и смерть!

(Ричмонду.)

Ты, чистая душа, восстань, восстань!
За нашу Англию иди на брань!

Являются призраки маленьких принцев.

Призраки принцев

(Ричарду)

Племянников задушенных припомни.
Свинцом тебе на грудь мы ляжем, Ричард,
Утопим в бездне гибели и срама.
Тебе за нас — отчаянье и смерть!

(Ричмонду.)

Спи мирно и проснись, готовый к бою.
Не страшен вебрь, коль ангелы с тобою.
Живи, родоначальник королей!

Погубленные сыновья Эдуарда
Желают процветания тебе.

Является призрак леди Анны.

Призрак леди Анны
(Ричарду)

Я, Анна, я, несчастная жена,
что часа не спала с тобой спокойно,
Пришла к тебе твой потревожить сон.
В час битвы завтра вспомнишь обо мне
И выронишь ты меч свой бесполезный.
Тебе в удел — отчаянье и смерть!

(Ричмонду.)

Ты, ясная душа! Пусть в ясном сне
Перед тобой появится победа.
Твой враг мне муж, но буду в час борьбы
За Ричмонда я возносить мольбы.

Является призрак Бекингема.

Призрак Бекингема
(Ричарду)

Тебя я первый продвигал к престолу,
Твоей последней жертвою я стал.
В разгаре битвы вспомни Бекингема
И, устрась грехов своих, умри!
Перелистай во сне свои злодейства!
Ты, окровавивший земную твердь,
Казнись, дрожи! Отчаянье и смерть!

(Ричмонду.)

Тебе на помощь не успел прийти я,
Но знай, — помогут силы всеблагие.
Бог за тебя и ангельская рать,
Кичливому врагу не устоять.

Призраки исчезают. Король Ричард просыпается.

Король Ричард

Сменить коня... Перевяжите раны!..
Помилуй, боже... Что я! Это — сон.
О, как ты мучаешь, трусиха совесть!
Мерцанье звезд... Стоит глухая ночь.
Холодный пот. И дрожь. Ужель боюсь я?
Кого, себя? Здесь больше никого.

Я это — я. И сам себе я друг.
Здесь есть убийца? Нет... Есть: это я.
Тогда бежать!.. От самого себя?
Я отплачу!.. Как, самому себе?
Увы, себя люблю я. Но за что?
За то добро, что сам себе я сделал?
О нет, скорее на себя я зол
За мной самим содеянное зло!
Да, я злодей... Нет, я солгал, неправда!
Дурак, хвали себя!.. Дурак, не лъсти!..
У совести моей сто языков,
И каждый о себе напоминает,
И я во всех рассказах их — злодей.
Я клятвы нарушал — какие клятвы!
Я убивал — кого я убивал!
И все грехи — ужасные грехи! —
Вопят суду: «Виновен! Он виновен!»
Отчаянье! Никто меня не любит.
Умру — не пожалеет ни один.
И в ком бы мог я встретить жалость, если
Во мне самом нет жалости к себе?
Казалось души всех убитых мною,
Сойдясь в шатре, сулили поутру
Обрушить на главу мою возмездье.

Входит Ретклиф.

Ретклиф

Милорд!

Король Ричард

О дьявол! Кто это?

Ретклиф

Я, Ретклиф.

Мой государь, в деревне петухи
Рассвет уже вторично возвестили.
Соратники все ваши на ногах
И надевают бранные доспехи.

Король Ричард

О Ретклиф! Я ужасный видел сон!..
Как думаешь, — соратники надежны?

Р е т к л и ф

Не сомневаюсь.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ретклиф, я боюсь!

Р е т к л и ф

Не бойтесь, государь, пустых видений.

К о р о л ь Р и ч а р д

Виденья ночи нынешней, клянусь,
Дух Ричарда сильнее ужаснули,
Чем въявь — десятитысячное войско
С таким вождем, как этот жалкий Ричмонд.
Еще не брезжит день. Пойдем побродим
По лагерю, прислушаемся к толкам:
Не думает ли кто перебежать?

Уходят.

Ричмонд просыпается в своем шатре. Выходят л о р д ы.

Л о р д ы

Граф Ричмонд, с добрым утром.

Р и ч м о н д

Заботливые, верные друзья,
Я вас прошу — простите лежебоку.

Л о р д ы

Как вам спалось, милорд?

Р и ч м о н д

Блаженный сон! Сладчайшие виденья,
Какие только могут нам присниться,
Слетелись в мой шатер, лишь вы ушли.
Явились души всех, кого замучил
Злой Ричард, — все победу мне сулили.
Признаюсь, — жарко радуется сердце,
Когда я дивный вспоминаю сон.
Который час?

Л о р д ы

Без малого четыре.

Р и ч м о н д

Пора надеть доспехи и начать.

(Выходит к войскам.)

К тому, что я уже сказал вам прежде,
Не много, дорогие земляки,
Добавлю я: не время для речей;
Но помните: за нас и бог, и правда.
Моления святых, молитвы жертв
Нас защитят как крепостные стены.
Все вражье войско, кроме полководца,
Желает не ему, а нам победы.
Ведь кто их вождь? Он попросту, друзья,
Кровавый угнетатель и убийца.
Он на крови возник и утвердился.
Он средств не разбирал; зато, достигнув,
Уничтожал всех тех, кто средством был.
Поддельный он алмаз, чей ярок блеск
Лишь от сверканья краденого трона.
Он изначала божьим был врагом.
Так вот: коль с божьим бьетесь вы врагом, —
Бог воинов своих не даст в обиду;
Коль притеснителя взяли вы свергнуть, —
Свободно вы вздохнете без него;
Коль поднялись вы на врагов отчизны, —
Отчизна вам сторицей возместит;
Коль поднялись вы на спасенье жен, —
С победой жены ваши вас поздравят;
Коль за детей своих вы встали грудью, —
То дети тех детей вас будут чтить.
Итак, за бога и за справедливость —
Знамена выше! Обнажим мечи!
За неуспех в ответе буду я:
Мой хладный труп в могиле будет хладной.
Случись успех — свою получит долю
Последний самый из моих солдат.
Трубите, трубы! Бейте, барабаны!
Смелее! Ричмонд непоколебим!
Бог и святой Георг! Мы победим!

Уходят.

Входят король Ричард, Ретклиф, Кетсби,
свита и войска.

К о р о л ь Р и ч а р д
Так что же говорит Нортемберленд?

Р е т к л и ф
Что Ричмонд новичок в военном деле.

К о р о л ь Р и ч а р д
Он прав. А что сказал на это Серри?

Р е т к л и ф
Он улыбнулся и сказал: «Тем лучше».

К о р о л ь Р и ч а р д
Он молвил правду: так оно и есть.

Бьют часы.
Который час? Подай мне календарь.
Кто нынче видел солнце?

Р е т к л и ф
Я не видел.

К о р о л ь Р и ч а р д
Оно пренебрегло землей: по книге
Ему взойти бы надо час назад.
Кому-то выпал черный день... А, Ретклиф?

Р е т к л и ф
Да, государь.

К о р о л ь Р и ч а р д
Не выйдет нынче солнце.
На нас глядит нахмуренное небо,
А на земле роса, как капли слез...
Нет солнца! Что ж, разделим огорченье
Мы с Ричмондом: одни и те же тучи
Нависли надо мною и над ним.

Входит Н о р ф о л к.
Н о р ф о л к
К оружью, государь! Враг вышел в поле.

Король Ричард

Скорей! Скорей! Готовьте мне коня!
Пошлите к Стенли: пусть ведет свой полк.
А я войска построю на равнине.
Расставить силы я задумал так:
Передовые — в ширину равнины,
И пешие, и конные отряды;
А лучники за ними посредине.
Пехоту герцог Норфолк поведет,
Возглавит всадников граф Томас Серри.
Потом, когда завяжется сражение,
Я выведу свой полк, который с флангов
Отборной конницей поддержан будет.
А сверх того за нас — святой Георг!
Ну, что ты нам на это скажешь, Норфолк?

Норфолк

Отличный план, державный полководец.
Но вот что я нашел в своем шатре.
(*Подает бумагу.*)

Король Ричард

«Сбавь прыти, Джек Норфолк, послушай совета.
Твой Ричард пропал, его песенка спета».
Враг изощряется!
Военачальники, все по местам!
Нет, не смутить наш дух пустыми снами!
Ведь совесть — вздор. О ней твердят лишь трусы,
Стращая тех, кто смел и кто силен.
Кулак — нам совесть, меч — вот наш закон.
Вперед же, в бой! Нам нет пути назад.
Когда не в рай, — сойдем все вместе в ад!
(*Обращается к войскам.*)

Что вам добавить к сказанному прежде?
Припомните, с кем предстоит вам бой:
С бродягами, с отребьем, с беглым сбродом,
С бретонской рванью, подлым мужичьем,
С блевотиной объевшейся страны —
Толпой насильников, разбойной шайкой.
Нарушили они покой ваш мирный;
У вас есть земли — надо отобрать,
У вас есть жены — нужно обесчестить.
А кто у них за главаря? Щенок,
Что выкормлен из милости в Бретани.

Он — неженка: испытывал он стужу?
Вот разве что гуляя по снежку...
Так вышвырнем же в море эту мразь!
Отхлещем всласть французских голодранцев,
Которым, видно, надоело жить!
Когда бы не мечта — пограбить нас,
Они повесились бы с голодухи.
Уж если сломят нас, — пусть сломят люди,
Не выродки, которых наши деды
В самой Бретани били и топтали
И в память встреч брюхатили их жен.
И этим отдадим мы наши земли?
Им наших жен в забаву отдадим?
Им дочерей насильничать позволим?

Вдали слышны барабаны.

Чу! Вот их барабан!
Вперед, дворяне! Латники, вперед!
Вы, лучники, без промаха стреляйте!
Вы, всадники, в коней вонзите шпоры,
И копий треск пусть небо ужаснет!

Входит г о н е ц.

Ну, что сказал лорд Стенли? Он подходит?

Г о н е ц

Милорд, он отказался.

К о р о л ь Р и ч а р д

Снять Джорджу голову!

Н о р ф о л к

Мой государь, враг перешел болото.
Казните Джорджа Стенли после битвы.

К о р о л ь Р и ч а р д

Забилось сто сердец в моей груди!
Знамена развернуть и — на врага!
Пусть гневом огнедышащих драконов
Зажжет нас древний клич: «Святой Георг!»
Вперед! На шлемах наших — блеск победы!

Уходят.

СЦЕНА 4

Другая часть поля.
Шум сражения.

Входит Норфолк с войском, ему навстречу Кетсби.

Кетсби

Скорей, милорд! Скорей на помощь к нам!
Нечеловеческие чудеса
Творит король, опасность презирая.
Он потерял коня, он бьется пешим,
В пасть к смерти рвется, Ричмонда ища.
Скорей, милорд! Иначе все погибло.

Шум сражения.

Входит король Ричард.

Король Ричард

Коня! Коня! Корону за коня!

Кетсби

Спасайтесь, государь! Коня добуду.

Король Ричард

Холоп! Я жизнь свою поставил на кон,
И я останусь до конца игры.
Шесть Ричмондов, должно быть, нынче в поле:
Я пятерых убил, а он все жив!
Коня! Коня! Корону за коня!

Уходят.

СЦЕНА 5

Другая часть поля.

Шум битвы. Входят, сражаясь, король Ричард и Ричмонд. Ричмонд убивает короля Ричарда и уходит. Войска короля Ричарда бегут. Трубы. Входят Ричмонд, Стенли с короной в руках, лорды и войска.

Ричмонд

Хвала творцу и нашему оружию,
Мои победоносные друзья!
Бой выигран. Издох кровавый пес.

С т е н л и

Отважный Ричмонд, честь тебе и слава!
Вот — с головы кровавого злодея
Украденную им я снял корону,
Чтоб ею увенчать твое чело.
Носи — себе на радость, нам на счастье.

Р и ч м о н д

О всемогущий, молви нам «аминь!»
Но жив ли, я хочу узнать, Джордж Стенли?

С т е н л и

Да, жив, милорд. Он в Лестере сейчас.
И мы туда, коль будет вам угодно.

Р и ч м о н д

Кто из вельмож пал со сторон обеих?

С т е н л и

Джон герцог Норфолк и лорд Уолтер Феррес,
Сэр Роберт Брекенбери, Уильям Брендон.

Р и ч м о н д

Как должно, с почестями схоронить их.
Оповестить, что вражеских солдат
Помилуем, коль явятся с повинной.
Верны обету, мы конец положим
Войне меж Белой розою и Алой.
И улыбнется их союзу небо,
Взиравшее сурово на раздор.
Кто не изменник — скажет пусть «аминь»!
Британия безумствовала долго,
Самой себе удары нанося:
Брат в ослепленье проливал кровь брата,
Отец оружие поднимал на сына,
Сын побуждаем был к отцеубийству.
Своей враждой Ланкастеры и Йорки
Всех ввергли во всеобщую вражду.
Так пусть же Ричмонд и Елизавета,
Наследники прямые двух династий,
Соединятся волею творца!
И, милостью господней, их потомки
Да принесут грядущим временам

Блаженный мир, беспечное довольство,
Чреду счастливых, безмятежных дней!
О милосердный боже, притупи
Предательский клинок, который мог бы
Вернуть былое, чтобы вновь отчизна
Кровавыми слезами облилась.
Конец междоусобьям и крамолам,
Что нашим скорбь несли холмам и долам.
Нет больше распрей, кончена вражда.
Да будет мир на долгие года!

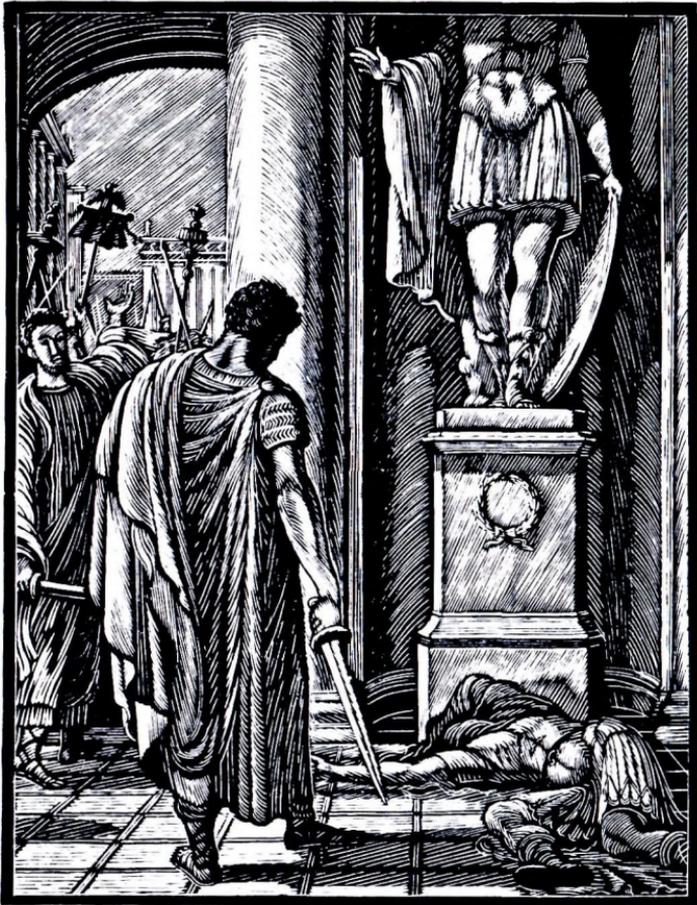
Уходят.





ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

ПЕРЕВОД МИХ. ЗЕНКЕВИЧА





ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

| | | |
|---------------------------------------|---|------------------------------------|
| Юлий Цезарь. | | |
| Октавий Цезарь | } | триумвиры после смерти Цезаря. |
| Марк Антоний | | |
| Марк Эмилий Лепид | | |
| Цицерон | } | сенаторы. |
| Публий | | |
| Попилий Лена | | |
| Марк Брут | | |
| Кассий | } | заговорщики против Юлия Цезаря. |
| Каска | | |
| Требоний | | |
| Лигарий | | |
| Деций Брут | | |
| Метелл Цимбр | | |
| Цинна | | |
| Флавий | } | трибуны. |
| Марулл | | |
| Артемидор Книдский, учитель риторики. | | |
| Прорицатель. | | |
| Цинна, поэт. | | |
| Другой поэт. | | |
| Луцилий | } | друзья Брута и Кассия. |
| Титиний | | |
| Мессала | | |
| Юный Катон | | |
| Волумний | } | слуги Брута. |
| Варрон | | |
| Клит | | |
| Клавдий | | |
| Стратон | | |
| Луций | | |
| Дарданий | | |

Пиндар, слуга Кассия.
Кальпурния, жена Цезаря.
Порция, жена Брута.

Сенаторы, граждане, стража,
служители и пр.

Место действия — Рим; окрестность Сард; окрестность
Филипп.



АКТ I

СЦЕНА I

Рим. Улица.

Входят Флавий, Маруллы и толпа граждан.

Ф л а в и й

Прочь! Расходитесь по домам, лентяи.
Иль нынче праздник? Иль вам неизвестно,
Что, как ремесленникам, вам нельзя
В дни будничные выходить без знаков
Своих ремесл? — Скажи, ты кто такой?

П е р в ы й г р а ж д а н и н

Я, сударь, плотник.

М а р у л л

Где ж кожаный передник и отвес?
Зачем одет ты в праздничное платье? —
Ты, сударь, кто такой?

В т о р о й г р а ж д а н и н. По правде говоря, сударь, перед хорошим ремесленником я, с вашего позволения, только починщик.

М а р у л л

Какое ремесло? Ответь мне толком.

В т о р о й г р а ж д а н и н. Ремесло, сударь, такое, что я надеюсь заниматься им с чистой совестью; ведь я, сударь, залатываю чужие грехи.

М а р у л л

Какое ремесло? Эй ты, бездельник.

В т о р о й г р а ж д а н и н. Прошу вас, сударь, не расходитесь: ежели у вас что-нибудь разойдется, я вам залатаю.

М а р у л л

Что мелешь ты? Меня латать ты хочешь, грубиян!

В т о р о й г р а ж д а н и н. Да, сударь, залатаю вам подошвы.

Ф л а в и й

Так, значит, ты сапожник?

В т о р о й г р а ж д а н и н. Воистину, сударь, я живу только шилом: я вмешиваюсь в чужие дела — и мужские, и женские — только шилом. Я, сударь, настоящий лекарь старой обуви; когда она в смертельной опасности, я ее излечиваю. Все настоящие люди, когда-либо ступавшие на воловьей коже, ходят только благодаря моему ремеслу.

Ф л а в и й

Что ж не работаешь сегодня дома?
Зачем людей по улицам ты водишь?

В т о р о й г р а ж д а н и н. Затем, сударь, чтобы они поизносили свою обувь, а я получил бы побольше работы. В самом деле, сударь, мы устроили себе праздник, чтобы посмотреть на Цезаря и порадоваться его триумфу!

М а р у л л

Порадоваться? А каким победам?
Каких заложников привел он в Рим,
Чтоб свой триумф их шествием украсить?
Вы камни, вы бесчувственной, чем камни!
О римляне, жестокие сердца.
Забыли вы Помпея? Сколько раз
Взбирались вы на стены и бойницы,
На башни, окна, дымовые трубы
С детьми в руках и терпеливо ждали
По целым дням, чтоб видеть, как проедет
По римским улицам Помпей великий.

Вдали его завидев колесницу,
Не вы ли поднимали вопль такой,
Что содрогался даже Тибр, услышав,
Как эхо повторяло ваши крики
В его пещерных берегах?
И вот вы платье лучшее надели?
И вот себе устроили вы праздник?
И вот готовитесь устлать цветами
Путь триумфатора в крови Помпея?
Уйдите!
В своих домах падите на колени,
Моля богов предотвратить чуму,
Что, словно меч, разит неблагодарных!

Ф л а в и й

Ступайте, граждане, и соберите
Всех неимущих и для искупленья
Ведите к Тибру их, и лейте слезы,
Пока течение низкое, поднявшись,
Не поцелует берегов высоких.

Все граждане уходят.

Смотри, смягчились даже грубияны;
Они ушли в молчанье виноватом. —
Иди дорогой этой в Капитолий;
Я здесь пойду; и если где увидишь,
Снимай все украшения со статуй.

М а р у л л

Но можно ль делать это?
У нас сегодня праздник Луперкалий.

Ф л а в и й

Что ж из того! Пусть Цезаря трофеи
На статуях не виснут. Я ж пойду,
Чтоб с улиц разгонять простой народ;
И ты так делай, увидав скопление.
Из крыльев Цезаря пощиплем перья,
Чтоб не взлетел он выше всех других;
А иначе он воспарит высоко
И в страхе рабском будет нас держать.

Уходят.

СЦЕНА 2

Площадь.

Трубы. Входят Цезарь, Антоний, который должен участвовать в беге; Кальпурния, Порция, Деций, Цицерон, Брут, Кассий и Каска; за ними большая толпа, и среди нее прорицатель.

Цезарь

Кальпурния!

Каска

Молчанье! Цезарь говорит.

Музыка смолкает.

Цезарь

Кальпурния!

Кальпурния

Мой господин!

Цезарь

Когда начнет Антоний бег священный,
Встань прямо на пути его. — Антоний!

Антоний

Великий Цезарь?

Цезарь

Не позабудь коснуться в быстром беге
Кальпурнии; ведь старцы говорят,
Что от священного прикосновенья
Бесплодие проходит.

Антоний

Не забуду.

Исполню все, что Цезарь повелит.

Цезарь

Ступайте и свершите все обряды.

Музыка.

Прорицатель

Цезарь!

Цезарь

Кто звал меня?

Кассия

Эй, тише! Замолчите, музыканты!

Музыка смолкает.

Цезарь

Кто из толпы сейчас ко мне взывал?

Пронзительнее музыки чей голос

Звал — «Цезарь!» Говори же: Цезарь внемлет.

Прорицатель

Остерегись ид мартовских.

Цезарь

Кто он?

Брут

Пророчит он тебе об идах марта.

Цезарь

Пусть выйдет он. Хочу его я видеть.

Кассия

Выдь из толпы, пред Цезарем предстань.

Цезарь

Что ты сказал сейчас мне? Повтори.

Прорицатель

Остерегись ид марта.

Цезарь

Он бредит. Что с ним говорить. Идемте.

Трубный сигнал. Все, кроме Брута и Кассия, уходят.

Кассий

Пойдешь ли ты на празднество смотреть?

Брут

Нет.

К а с с и й

Прошу, иди.

Б р у т

Я не любитель игр, и нет во мне
Той живости, как у Антония.
Но не хочу мешать твоим желаньям
И ухожу.

К а с с и й

Брут, с некоторых пор я замечаю,
Что нет в твоих глазах той доброты
И той любви, в которых я нуждаюсь.
В узде суровой, как чужого, держишь
Ты друга, что тебя так любит.

Б р у т

Кассий,

Ошибся ты. Коль взор мой омрачен,
То видимую скорбь я обращаю
Лишь к самому себе. Я раздираем
С недавних пор разладом разных чувств
И мыслей, относящихся к себе.
От них угрюмей я и в обращенье;
Пусть не печалятся мои друзья —
В число их, Кассий, входишь также ты, —
К ним невниманье вызвано лишь тем,
Что бедный Брут в войне с самим собой
Забыл выказывать любовь к другим.

К а с с и й

Так, значит, я твоих не понял чувств;
Поэтому в груди я затаил
Немало дум, внимания достойных.
Свое лицо ты можешь, Брут, увидеть?

Б р у т

Нет, Кассий; ведь себя мы можем видеть
Лишь в отражении, в других предметах.

К а с с и й

То правда.
И сожаления достойно, Брут,

Что не имеешь ты зеркал, в которых
Ты мог бы доблесть скрытую свою
И тень свою увидеть. Ведь я слышал,
Что многие из самых лучших римлян
(Не Цезарь славный), говоря о Бруте,
Вздыхая под ярмом порабощенья,
Желали бы, чтоб Брут открыл глаза.

Б р у т

В опасности меня ты вовлекаешь.
Ты хочешь, чтобы я искал в себе
То, чего нет во мне.

К а с с и й

Поэтому, Брут, выслушай меня:
И так как ты себя увидеть можешь
Лишь в отраженьи, то я, как стекло,
Смирненно покажу тебе твой лик,
Какого ты пока еще не знаешь.
Во мне не сомневайся, милый Брут:
Я не болтун и не унижу дружбы,
Случайному знакомству расточая
Слова любви; вот если б ты узнал,
Что льщу я людям, обнимаю их,
А после поношу; что на пирах
Всем пьяницам я открываю тайны,
Тогда ты мог бы мне не доверять.

Трубы и крики.

Б р у т

Что там за крик? Боюсь я, что народ
Избрал его в цари.

К а с с и й

А, ты боишься?

Так, значит, этого ты не желаешь.

Б р у т

Нет, Кассий, хоть его я и люблю.
Но для чего меня ты удержишь здесь?
И что такое сообщить мне хочешь?
Коль это благу общему полезно,
Поставь передо мной и честь и смерть,
И на обеих я взгляну спокойно.

Богам известен выбор мой: так сильно
Я честь люблю, что смерть мне не страшна.

К а с с и й

В тебе я эту доблесть знаю, Брут,
Она знакома мне, как облик твой,
И я о чести буду говорить.
Не знаю я, как ты и как другие
Об этой жизни думают, но я
И не могу, и не желаю жить
Склоняясь в страхе перед мне подобным.
Родились мы свободными, как Цезарь;
И вскормлены, как он; и оба можем,
Как он, переносить зимою стужу.
Однажды в бурный и ненастный день,
Когда Тибр гневно бился в берегах,
Сказал мне Цезарь: «Можешь ли ты, Кассий,
За мною броситься в поток ревущий
И переплыть туда?» Услышав это,
Я в воду бросился, как был, в одежде,
Зовя его, и он поплыл за мной.
Поток ревел, но, напрягая мышцы,
Его мы рассекали, разбивая,
И, с ним борясь, упорно плыли к цели.
Но не доплыли мы еще, как Цезарь
Мне крикнул: «Кассий, помоги, тону».
Как славный предок наш Эней из Трои
Анхиза вынес на своих плечах,
Так вынес я из волн ревущих Тибра
Измученного Цезаря; и вот
Теперь он бог, а с ним в сравненье Кассий
Ничтожество, и должен он склоняться,
Когда ему кивнет небрежно Цезарь.
В Испании болел он лихорадкой.
Когда был приступ у него, я видел,
Как он дрожал. Да, этот бог дрожал.
С трусливых губ его сбежала краска,
И взор, что держит в страхе целый мир,
Утратил блеск. Я слышал, как стонал он.
Да, тот, чьи речи римляне должны
Записывать потомкам в назиданье,
Увы, кричал, как девочка больная:
«Подай мне пить, Титиний!» — Как же может,
О боги, человек настолько слабый

Величественным миром управлять
И пальму первенства нести?

Крики. Трубы.

Б р у т

Опять они кричат!
Я думаю, то знаки одобренья,
И почестями вновь осыпан Цезарь.

К а с с и й

Он, человек, шагнул над тесным миром,
Возвысясь, как Колосс; а мы, людишки,
Снуем у ног его и смотрим — где бы
Найти себе бесславную могилу.
Порой своей судьбою люди правят.
Не звезды, милый Брут, а сами мы
Виновны в том, что сделались рабами.
Брут и Цезарь! Чем Цезарь отличается от Брута?
Чем это имя громче твоего?
Их рядом напиши, — твое не хуже.
Произнеси их, — оба так же звучны.
И вес их одинаков, и в заклятье
«Брут» так же духа вызовет, как «Цезарь».
Клянусь я именами всех богов,
Какою пищей вскормлен Цезарь наш,
Что вырос так высоко? Жалкий век!
Рим, ты утратил благородство крови.
В какой же век с великого потопа
Ты славился одним лишь человеком?
Кто слышал, чтоб в обширных стенах Рима
Один лишь признан был достойным мужем?
И это прежний Рим необозримый,
Когда в нем место лишь для одного!
Мы от своих отцов не раз слышали,
Что Брут — не ты, а славный предок твой —
Сумел бы от тирана Рим спасти,
Будь тот тиран сам дьявол.

Б р у т

Уверен я в твоей любви и знаю,
К чему ты хочешь побудить меня.
Что думаю о нынешних делах,
Я расскажу тебе потом: сейчас же,

Во имя нашей дружбы, я прошу,
Не растравляй меня. Все, что еще добавишь,
Я выслушаю. Мы отыщем время,
Чтобы продолжить этот разговор.
А до тех пор, отважный друг, запомни:
Брут предпочтет быть жителем деревни,
Чем выдавать себя за сына Рима
Под тем ярмом, которое на нас
Накладывает время.

К а с с и й

Я рад, что слабые мои слова
Такую искру высекли из Брута.

Б р у т

Окончен бег, и Цезарь к нам идет.

Входит Ц е з а р ь и его с в и т а.

К а с с и й

Когда пойдут, тронь Каску за рукав,
И он с обычной едкостью расскажет,
Что важного произошло сегодня.

Б р у т

Так сделаю, но, Кассий, посмотри —
У Цезаря на лбу пылает гнев,
Все, как побитые, за ним идут;
Кальпурния бледна; у Цицерона
Глаза, как у хорька, налиты кровью.
Таким он в Капитолии бывает,
Когда сенаторы с ним несогласны.

К а с с и й

Нам Каска объяснит, что там случилось.

Ц е з а р ь

Антоний!

А н т о н и й

Цезарь?

Ц е з а р ь

Хочу я видеть в свите только тучных,
Прилизанных и крепко спящих ночью.

А Кассий тощ, в глазах холодный блеск.
Он много думает, такой опасен.

А н т о н и й

Не бойся, Цезарь; не опасен он;
Он благороден и благонамерен.

Ц е з а р ь

Он слишком тощ! Его я не боюсь:
Но если бы я страху был подвержен,
То никого бы так не избегал,
Как Кассия. Ведь он читает много
И любит наблюдать, насквозь он видит
Дела людские; он не любит игр
И музыки, не то что ты, Антоний.
Смеется редко, если ж и смеется,
То словно над самим собой с презреньем
За то, что не сумел сдержать улыбку.
Такие люди вечно недовольны,
Когда другой их в чем-то превосходит,
Поэтому они весьма опасны.
Я говорю, чего бояться надо,
Но сам я не боюсь: на то я Цезарь.
Стань справа, я на это ухо глух,
Откройся, что ты думаешь о нем.

Трубный сигнал. Цезарь и его свита, кроме Каски, уходят.

К а с к а

Ты дернул за рукав меня. В чем дело?

Б р у т

Да, Каска. Расскажи, что там случилось.
Чем Цезарь огорчен.

К а с к а

А разве не были вы с ним?

Б р у т

Тогда б не спрашивал о том, что было.

К а с к а. Ну, ему предложили корону, и когда ему поднесли ее, то он отклонил ее слегка рукой, вот так; и народ начал кричать.

Б р у т

А во второй раз почему кричали?

К а с к а

Из-за того же.

К а с с и й

А в третий? Ведь они кричали трижды?

К а с к а

Из-за того же.

Б р у т

Ему корону предлагали трижды?

К а с к а. Клянусь, что трижды, и он трижды отталкивал ее, с каждым разом все слабее, и, когда он отталкивал, мои достопочтенные соседи орали.

К а с с и й

Кто подносил корону?

К а с к а

Кто? Антоний.

Б р у т

Любезный Каска, расскажи подробней.

К а с к а. Пусть меня повесят, но я не смогу рассказать подробно: это было просто шутовство; я всего и не заметил. Я видел, как Марк Антоний поднес ему корону; собственно, это была даже и не корона, а скорее коронка, и, как я вам сказал, он ее оттолкнул раз, но, как мне показалось, он бы с радостью ее ухватил. Затем Антоний поднес ее ему снова, и он снова оттолкнул ее, но, как мне показалось, он едва удержался, чтобы не вцепиться в нее всей пятерней. И Антоний поднес ее в третий раз, и он оттолкнул ее в третий раз, и каждый раз, как он отказывался, толпа орала, и неистово рукоплескала, и кидала вверх свои пропотевшие ночные колпаки, и от радости, что Цезарь отклонил корону, так заразила воздух своим зловонным дыханием, что сам Цезарь чуть не задохнулся; он лишился чувств и упал; что касается меня, то я не расхохотался только из боязни открыть рот и надыхаться их вонью.

К а с с и й

Но отчего лишился Цезарь чувств?

К а с к а. Он упал посреди площади с пеной у рта, и язык у него отнялся.

Б р у т

Понятно, он страдает ведь падучей.

К а с с и й

Не Цезарь, нет, но ты, и я, и Каска,
Мы все падучей этою страдаем.

К а с к а. Не понимаю, на что ты намекаешь, но я сам видел, как Цезарь упал. Назови меня лжецом, если разный сброд не хлопал и не свистел ему, так же как актерам в театре, когда они нравятся или не нравятся.

Б р у т

Что он сказал потом, придя в себя?

К а с к а. Клянусь, перед тем как упасть, заметив, что чернь радуется его отказу от короны, он распахнул одежду и предложил им перерезать ему горло. Будь я человеком дела, я бы поймал его на слове, провалиться мне в преисподнюю как последнему негодяю. Да, он упал. А когда пришел в себя, то сказал, что если сделал или сказал что-нибудь неподходящее, то просит милостиво извинить это его болезнью. Три или четыре девки рядом со мной завопили: «О, добрая душа» — и простили его от всего сердца: но они не стоят внимания; если бы даже Цезарь заколол их матерей, они все равно вели бы себя так же.

Б р у т

И после этого ушел он мрачный?

К а с к а. Да.

К а с с и й. А Цицерон что-нибудь сказал?

К а с к а. Да, но только по-гречески.

К а с с и й. Что же он сказал?

К а с к а. Почему я знаю, пусть я ослепну, если я хоть что-нибудь понял; но те, которые понимали его, пересмеивались и покачивали головой, однако для меня это было греческой тарабарщиной. Могу сообщить вам еще

новость: Марулл и Флавий за снятие шарфов со статуй Цезаря лишены права произносить речи. Прощайте. Там было еще много глупостей, да я всего не упомянул.

К а с с и й. Не придешь ли ты вечером ко мне на ужин?

К а с к а. Я зван в другое место.

К а с с и й. Так не зайдешь ли завтра на обед?

К а с к а. Да, если я буду жив, а ты не откажешься от приглашения и твой обед будет стоить того.

К а с с и й. Отлично. Я жду тебя.

К а с к а. Жди. Прощайте оба. (*Уходит.*)

Б р у т

Каким же простаком он стал теперь,
А в школе был таким живым и быстрым.

К а с с и й

Он и сейчас такой при исполнении
Отважных и достойных предприятий.
Поверь, его медлительность притворна,
А неотесанность — приправой служит
К островам, чтобы с лучшим аппетитом
Их переваривали.

Б р у т

Да, это так. Теперь тебя оставлю.
А завтра, если хочешь, я приду
К тебе для разговора, или ты
Приди ко мне, я буду ждать тебя.

К а с с и й

Приду к тебе. А ты о Риме думай.

Брут уходит.

Брут, благороден ты; но все ж я вижу,
Что благородный твой металл податлив.
Поэтому-то дух высокий должен
Общаться лишь с подобными себе.
Кто тверд настолько, чтоб не соблазниться?
Меня не терпит Цезарь. Брута ж любит.
Когда б я Брутом был, а он был Кассий,
Ему б я не поддался. Нынче ж ночью
Ему под окна я подброшу письма,
Как будто бы они от разных граждан;

В них напишу, что имя Брута чтится
Высоко в Риме, намекнув при этом
На властолюбье Цезаря туманно.
Покрепче, Цезарь, свой престол храни:
Встряхнем его, иль хуже будут дни.
(Уходит.)

СЦЕНА 3

Улица. Гром и молния.

Входят с противоположных сторон К а с к а с обнаженным мечом и Ц и ц е р о н.

Ц и ц е р о н

Привет, о Каска. Цезаря домой
Ты проводил? Но чем ты так взволнован?

К а с к а

А ты спокоен, если вся земля
Заколебалась вдруг? О Цицерон,
Я видел, как от бури расщеплялись
Дубы ветвистые, как океан
Вздымался гордо, пенясь и бушуя,
До угрожающих туч достигая;
Но никогда до нынешнего дня
Я бури огненной такой не видел.
Иль там, на небесах, междоусобье,
Иль мир наш, слишком надерзлив богам,
Побудил их на разрушенье.

Ц и ц е р о н

Что ж более чудесного ты видел?

К а с к а

Какой-то раб — его в лицо ты знаешь —
Вверх поднял руку левую, и вдруг
Она, как двадцать факелов, зажглась,
Не тлея и не чувствуя огня.
Затем — мой меч еще в ножны не вложен —
У Капитолия я встретил льва.
Взглянув свирепо, мимо он прошел,
Меня не тронув; там же я столкнулся
С толпой напуганных и бледных женщин.

Они клялись, что видели, как люди
Все в пламени по улицам бродили.
Вчера ж ночная птица в полдень села
Над рыночною площадью, крича
И ухая. Все эти чудеса
Совпали так, что и сказать нельзя:
«Они естественны, они обычны».
Я думаю, что зло они вещают
Для той страны, в которой появились.

Ц и ц е р о н

Да, наше время странно, необычно:
Но ведь по-своему толкуют люди
Явления, смысла их не понимая.
Придет ли Цезарь в Капитолий завтра?

К а с к а

Да, и Антонию он поручил
Сказать тебе, что завтра он придет.

Ц и ц е р о н

Прощай же, Каска; грозовое небо
Не для гуляний.

К а с к а

Цицерон, прощай.

Цицерон уходит.

Входит К а с с и й.

К а с с и й

Кто это?

К а с к а

Римлянин.

К а с с и й

То голос Каски.

К а с к а

Твой слух хорош. Ну, Кассий, что за ночь!

К а с с и й

Ночь добрая для доблестных людей.

К а с к а

Кто знал, что будет небо так грозить?

К а с с и й

Все знавшие, что мир несчастьем полон.
Я, например, по улицам бродил,
Предав себя зловецей этой ночи.
И, распахнувшись, Каска, как ты видишь,
Открыл я грудь свою ударам молний;
Когда ж твердь неба голубой зигзаг
Раскалывал, я выставлял себя
Как цель под ослепительную вспышку.

К а с к а

Зачем же так ты небо испытуешь?
Удел людской наш — в страхе трепетать,
Когда нам боги в знаменях шлют
Ужасных вестников для устрашенья.

К а с с и й

Ты, Каска, туп. В тебе нет искры жизни,
Что в каждом римлянине есть, иль ты
Ее не чувствуешь совсем. Ты бледен,
И перепуган, и дивишься в страхе
При виде гнева странного небес;
Но если поразмыслишь над причиной
Того, что духи и огни блуждают,
Что звери неверны своим повадкам,
Что старцев превзошли умом младенцы,
Что все они, внезапно изменив
Своей природе и предначертанью,
Чудовищами стали, — ты поймешь,
Что небо в них вселило этот дух,
Их сделав знаменьем предупрежденья
О бедствии всеобщем.
Тебе могу назвать я человека,
Он, с этой ночью схож,
Гремит огнем, могилы разверзает
И в Капитолии, как лев, рычит.
Не выше он тебя или меня
По личным качествам, но стал зловец
И страшен, как все эти изверженья.

К а с к а

На Цезаря ты намекаешь, Кассий?

К а с с и й

Кто б ни был он. Ведь и сейчас у римлян
Тела и мышцы те же, что у предков.
Но — жалкий век! В нас дух отцов угас,
И нами правит материнский дух,
Ярму мы подчиняемся по-женски.

К а с к а

Сенаторы вновь завтра соберутся,
Чтоб Цезаря провозгласить царем;
И будет он везде — на суше, в море,
Но не в Италии — носить корону.

К а с с и й

Я знаю, где носить кинжал я буду:
От рабства Кассий Кассия избавит.
Так, боги, вы даете слабым силу
И учите тиранов побеждать:
Ни камни башен, ни литые стены,
Ни подземелья душные, ни цепи
Не могут силу духа удержать;
Жизнь, если ей тесны затворы мира,
Всегда себя освободить сумеет.
Я это знаю, пусть весь мир узнает,
Что по желанью я могу с себя
Стряхнуть гнет тирании.

Снова гром.

К а с к а

Как и я!

У каждого раба в руках есть средство
Освободиться от своих оков.

К а с с и й

Так почему же Цезарь стал тираном?
Несчастный! Разве мог бы стать он волком,
Когда б не знал, что римляне — бараны;
Пред римлянами-ланями он лев.
Кто хочет развести скорей огонь,
Тот жжет солому. Римляне, вы щепки,
Вы мусор, коль годитесь лишь на то,
Чтоб освещать ничтожество такое,
Как Цезарь. Но куда меня, о скорбь,

Ты завлекла? Быть может, я открылся
Рабу угодливому; что ж, готов
К ответу я. Ведь я вооружен,
И все опасности я презираю.

К а с к а

Ты с Каской говоришь; он не болтун,
Не зубоскал. И вот моя рука:
Сплоти людей, чтоб зло предотвратить,
И ни на шаг тогда я не отстану
От вожака.

К а с с и й

Союз наш заключен.
Узнай же, Каска, я уже склонил
Немало благородных, честных римлян,
Чтоб разделить со мною предприятие
С опасным и почетным завершением.
Они, собравшись, ждут меня сейчас
Под портиком Помпея; в ночь такую
На улицах пустынно и безлюдно,
И даже небо мрачное похоже
На дело, что готовы мы свершить, —
Кроваво так же, огненно и грозно.

К а с к а

Остерегись, идет поспешно кто-то.

Входит Ц и н н а.

К а с с и й

Я по походке Цинну узнаю.
Он друг наш. — Цинна, ты куда спешишь?

Ц и н н а

Ищу тебя. Кто здесь? Метеллий Цимбр?

К а с с и й

Нет, это Каска. К нам и он примкнул.
Скажи, меня там ожидают, Цинна?

Ц и н н а

Я Каске рад. Но как ужасна ночь!
Из нас кой-кто чудесное увидел.

К а с с и й

Там ждут меня? Скажи.

Ц и н н а

Да, ждут.

О Кассий, если б мог ты
И доблестного Брута к нам привлечь.

К а с с и й

Доволен, Цинна, будь: письмо вот это
На преторское кресло положи,
Чтоб Брут его нашел; другое ж брось
К нему в окно; а это, третье, воском
К статуе Брута древнего прилепишь.
У портика Помпея ждем тебя.
Брут Деций и Требоний тоже там?

Ц и н н а

Все, кроме Цимбера; он за тобой
Пошел в твой дом. Я быстро все исполню
И письма все, как ты велел, подброшу.

К а с с и й

И приходи потом в театр Помпея.

Цинна уходит.

Должны с тобой мы, Каска, до рассвета
Увидеть Брута дома: ведь сейчас он
Наш на три четверти и целиком
Наш будет после этой новой встречи.

К а с к а

Народ глубоко почитает Брута.
То, что казалось бы в нас преступленьем,
Поддержкою своею, как алхимик,
Он в доблесть претворит и в добродетель.

К а с с и й

Ты верно понял, в чем его значенье
И для чего он нужен нам. Идем,
Ведь за полночь уже, мы до рассвета
Его разбудим, и он будет наш.

Уходят.

АКТ II

СЦЕНА I

Рим. Сад Брута.

Входит Б р у т.

Б р у т

Эй, Луций, встань!
По звездам распознать я не могу,
Далеко ль до утра. Проснись, эй, Луций, пробудись!
О, если б мог я так же крепко спать.
Живее, Луций! Эй, проснись же, Луций!

Входит Л у ц и й.

Л у ц и й

Ты звал, мой господин?

Б р у т

В покой мой принеси светильник, Луций.
Когда зажжешь, то позови меня.

Л у ц и й

Все будет сделано, мой господин.
(Уходит.)

Б р у т

Да, только смерть его: нет у меня
Причины личной возмущаться им,
Лишь благо общее. Он ждет короны;
Каким тогда он станет — вот вопрос.
На яркий свет гадюка выползает,
И осторожней мы тогда ступаем.
Короновать его — ему дать жало,
Чтоб зло по прихоти он причинял.
Величье тягостно, когда в разладе
Власть с состраданьем. Я не замечал,
Чтоб в Цезаре его пристрастья были
Сильнее разума. Но ведь смиренность —
Лестница для юных честолюбий:
Наверх взбираясь, смотрят на нее,
Когда ж на верхнюю ступеньку встанут,

То к лестнице спиною обратятся
И смотрят в облака, презрев ступеньки,
Что вверх их возвели. Вот так и Цезарь.
Предотвратим же это. Пусть причины
Для распри с ним пока еще не видно,
Решим, что, как и все, он, возвеличась,
В такие ж крайности потом впадет.
Пусть будет он для нас яйцом змеиным,
Что вылупит, созрев, такое ж зло.
Убьем его в зародыше.

Входит Л у ц и й.

Светильник я зажег, мой господин.
Кремень искал я у окна и вот
Нашел письмо с печатью, но его
Там не было, когда я спать пошел.
(*Подает письмо.*)

Б р у т

Приляг опять, еще не рассвело.
Не мартовские ль иды завтра, мальчик?

Л у ц и й

Не знаю, господин.

Б р у т

Взгляни же в календарь и мне скажи.

Л у ц и й

Сейчас, мой господин.

(*Уходит.*)

Б р у т

По небу так сверкают метеоры,
Что я могу читать при свете их.

(*Вскрывает письмо и читает.*)

«Ты спишь, о Брут: проспись, познай себя.

Иль Рим... Воспрянь, рази, спасай».

«Ты спишь, о Брут: проснись».

Такие подстрекательства мне часто

Подбрасывали, и я их читал.

«Иль Рим...». Как должен это я дополнить?

Иль Рим под игом одного? Как, Рим?

Из Рима предками моими изгнан

Тарквиний был, когда он стал царем.

«Воспрянь, рази, спасай». Меня зовут
Воспрянуть и спастать? О Рим, клянусь,
Что, если будешь ты спасен, спасенье
Получишь ты от Брутовой руки!

Входит Л у ц и й.

Л у ц и й

Четырнадцать дней мартовских прошло.

Стук за сценой.

Б р у т

Так. Отвори ступай; стучится кто-то.

Л у ц и й уходит.

Я сна лишился с той поры, как Кассий
О Цезаре мне говорил.
Меж выполнением замыслов ужасных
И первым побуждением промежутков
Похож на призрак иль на страшный сон:
Наш разум и все члены тела спорят,
Собравшись на совет, и человек
Похож на маленькое государство,
Где вспыхнуло междоусобье.

Входит Л у ц и й.

Л у ц и й

Мой господин, у входа брат твой Кассий,
Тебя он хочет видеть.

Б р у т

Он один?

Л у ц и й

Пришли с ним и другие.

Б р у т

Ты знаешь их?

Л у ц и й

Нет, господин мой: головы склонив,
Они одеждой лица закрывали.

И я не мог черты их разглядеть,
Как ни старался.

Б р у т

Пусть они войдут.

Луций уходит.

То заговорщики. О заговор,
Стыдишься ты показываться ночью,
Когда привольно злу. Так где же днем
Столь темную пещеру ты отыщешь,
Чтоб скрыть свой страшный лик? Такой и нет.
Уж лучше ты его прикрой улыбкой:
Ведь если ты его не приукрасишь,
То сам Эреб и весь подземный мрак
Не помешают разгадать тебя.

Входят заговорщики: К а с с и й, К а с к а, Д е ц и й,
Ц и н н а, М е т е л л Ц и м б р и Т р е б о н и й.

К а с с и й

К тебе мы вторглись, твой покой нарушив,
Брут, здравствуй. Разбудили мы тебя?

Б р у т

Я встал уже, и я не спал всю ночь.
Знакомы ль мне пришедшие с тобой?

К а с с и й

Ты знаешь каждого из них, и каждый
Тебя глубоко чтит, и каждый хочет,
Чтоб о себе ты был того же мненья,
Как лучшие из римлян о тебе.
Требоний здесь.

Б р у т

Приветствую его.

К а с с и й

Вот Деций Брут.

Б р у т

Привет мой и ему.

К а с с и й

Вот Каска, вот и Цинна, вот и Цимбер.

Б р у т

Привет им всем!
Что за бессонные заботы встали
Меж вашим сном и ночью?

К а с с и й

Могу ль тебе сказать?

Брут и Кассий шепчутся.

Д е ц и й

Вот где восток. Не правда ль, там светает?

К а с к а

Нет.

Ц и н н а

Не прав ты, кромка облаков сереет,
То первые предвестники рассвета.

К а с к а

Сознайтесь же, что оба вы ошиблись.
Я покажу мечом, где всходит солнце;
Сейчас, весной, на повороте года,
Оно встает гораздо ближе к югу.
Два месяца пройдет — и луч рассвета
Мы северней увидим. А сегодня
Заря за Капитолием блеснет.

Б р у т

Все, как один, мне дайте ваши руки.

К а с с и й

И подтвердим решенье наше клятвой.

Б р у т

Не надо клять. Коль нас не побуждают
Вид скорбный граждан, собственная мука,
Зло, что царит кругом, — коль мало вам
Таких причин, — то лучше разойдемся,
Чтобы на ложе праздности возлечь,
И пусть надменно тирания правит,
Готовя смертный жребий нам. Но если
В тех побужденьях пламени довольно,

Чтоб трусы им зажглись и закалился
Дух плавкий женщин, то, сограждане,
Что, кроме дела нашего, нас может
К восстанью побудить? Иль не порукой
Нам скрытность римлян, что сказали слово
И не отступятся? Какая клятва
Нужна, когда мы честно обязались,
Что это будет или мы падем?
Пуускай клянутся трусы, и жрецы,
И падаль дряхлая, и те страдалцы,
Что терпят зло. Клянутся в темном деле
Лишь те, кому не верят. Не пятняйте
Высокодоблестного предприятия
И непреклонного закала духа
Предположеньем, что нужны нам клятвы
Для дела нашего. Иль в каждой капле
Той крови благородной, что течет
У римлянина каждого, есть примесь
Нечистая, раз может он нарушить
Хоть в чем-нибудь свое же обещанье.

К а с с и й

Не стоит ли склонить и Цицерона?
Я думаю, он тоже будет с нами.

К а с к а

Нельзя нам упускать его.

Ц и н н а

Конечно.

М е т е л л

Вы правы. Серебро его волос
Нам купит общее расположение.
Все будут восхвалять нас, говоря,
Что ум его направил наши руки;
И нашу юность, наш порыв мятежный
Он скроет величавостью своей.

Б р у т

О нет, ему не надо открываться,
Он никогда поддерживать не станет
Того, что начали другие.

К а с с и й

Верно.

К а с к а

Он непригоден нам.

Д е ц и й

Один ли только Цезарь должен пасть?

К а с с и й

Ты, Деций, прав. И было бы неверно,
Чтоб Марк Антоний, Цезарев любимец,
Его бы пережил; мы в нем найдем
Врага лукавого; его приемы
Известны нам, уж он-то ухитрится
Нам навредить. Предупредим опасность,
Пусть вместе с Цезарем падет Антоний.

Б р у т

Не слишком ли кровав наш путь, Кай Кассий, —
Снять голову, потом рубить все члены?
В смертоубийстве гнев, а после злоба.
Антоний — лишь часть Цезарева тела.
Мы против духа Цезаря восстали,
А в духе человеческом нет крови.
О, если б без убийства мы могли
Дух Цезаря сломить! Но нет, увы,
Пасть должен Цезарь. Милые друзья,
Убьем его бесстрашно, но не злобно.
Как жертву для богов его заколем,
Но не изрубим в пищу для собак;
Пусть наши души, как хозяин хитрый,
К убийству подстрекают слуг, а после
Бранят для вида. Идя на это дело.
Должна вести не месть, а справедливость.
Когда так выступим, то все нас примут
За искупителей, не за убийц.
А об Антонии не стоит думать;
Что может сделать Цезаря рука,
Когда он обезглавлен?

К а с с и й

Опасаюсь

Я все ж его: он Цезарю так предан.

Б р у т

Не стоит, Кассий, говорить о нем.
Коль Цезаря он любит, пусть умрет
С тоски по нем — вот все, что может сделать.
И то навряд ли: слишком уж он предан
Увеселеньям, сборищам, распутству.

Т р е б о н и й

Он не опасен нам. Пускай живет.
Он после сам над этим посмеется.

Бьют часы.

Б р у т

Чу! Бьют часы.

К а с с и й

Пробило три часа.

Т р е б о н и й

Пора нам уходить.

К а с с и й

Но неизвестно,
Решится ли сегодня выйти Цезарь;
Он с некоторых пор стал суеверен,
Оставив мненье прежнее свое
О снах и разных предзнаменованьях.
Узнав об ужасах и чудесах,
О небывалых страхах этой ночи,
Услышав предвещания авгуров,
Он в Капитолий не пойдет, быть может.

Д е ц и й

О нет, не бойтесь! Если так решит он,
Отворю его. Он любит слушать,
Что ловят деревом единорога,
Медведя — зеркалом, слона же — ямой,
Силками — льва, а человека — лестью.
Скажу ему, что лесть он ненавидит —
И он доволен будет этой честью.
Мне предоставьте.
Сумею я его разубедить
И привести из дома в Капитолий.

К а с с и й

Нет, лучше вместе все придем за ним.

Б р у т

К восьми часам — и уж никак не позже!

Ц и н н а

Пусть соберутся все без опозданья.

М е т е л л

Ведь Цезарем обижен Кай Лигарий,
За то что он Помпея восхвалял.
И как никто из вас о нем не вспомнил!

Б р у т

Поэтому, Метелл, зайди к нему;
Меня он любит, и не без причины.
Пришли его, и с ним я сговорюсь.

К а с с и й

Восходит утро. Брута мы оставим.
Расстанемся, наш уговор запомнив,
И римлянами выкажем себя.

Б р у т

Друзья, смотрите весело и бодро,
И пусть наш вид не выдаст тайных целей;
Играйте так, как римские актеры,
И без запинки исполняйте роли.
Итак, желаю доброго вам утра!

Все, кроме Брута, уходят.

Как, Люций! Вновь уснул! Что ж, упивайся
Медвяной тягостной росой дремоты;
Не знаешь ты тех призраков, видений,
Которыми забота мозг наш мучит,
Ты спишь так крепко.

Входит П о р ц и я.

П о р ц и я

Брут, мой господин!

Б р у т

Что, Порция? Что ты так рано встала?
Для хрупкого здоровья твоего
Опасна эта утренняя сырость.

П о р ц и я

Как и тебе. Ты нелюбезно, Брут,
Мое покинул ложе, а вчера
Вдруг встал от ужина и стал ходить,
Вздыхая и скрестив в раздумье руки.
Когда ж спросила я тебя, в чем дело,
То на меня ты посмотрел сурово,
Потом, рукою проведя по лбу,
В ответ ногой нетерпеливо топнул.
Настаивала я, но ты молчал
И гневным мановением руки
Дал знак мне удалиться; я ушла,
Боясь усилить это недовольство,
Владевшее тобою, и надеясь,
Что просто ты находишься не в духе,
Как иногда случается со всяким.
Но ты не ешь, не говоришь, не спишь,
И если б вид твой так же изменился,
Как изменился нрав твой, то тебя,
Брут, не узнала б я. Мой повелитель,
Открой же мне причину этой скорби.

Б р у т

Я не совсем здоров, и это все.

П о р ц и я

Брут мудр, и если бы он заболел,
То меры принял бы для излеченья.

Б р у т

Я и лечусь. Спать, Порция, иди.

П о р ц и я

Как, болен Брут — и для леченья бродит
Полуодет и впитывает сырость
Туманного рассвета? Болен Брут —
И, крадучись, постель он покидает,
Чтоб подвергаться злой заразе ночи,
Чтобы холодный и нечистый воздух
Болезнь его усилил? Нет, мой Брут;

Недуг опасный твой в душе гнездится,
И я по праву и по положенью
Должна узнать причину; на коленях
Былой красой тебя я заклинаю,
И клятвами твоими, и той клятвой
Великой, что в одно связала нас, —
Открой мне, как себе, как половине
Своей, всю скорбь; скажи, кто те, что
К тебе зашли, шесть или семь их было, —
И даже здесь они скрывали лица.

Б р у т

Встань, Порция. Встань, нежная моя!

П о р ц и я

Я б не склонялась, будь, как встарь, ты нежен.
Скажи мне, Брут: быть может, по закону
Жене запрещено знать тайны мужа?
Быть может, мой супруг, я часть тебя,
Но с тем ограничением, что могу
Делить с тобой лишь трапезы и ложе
И изредка болтать? Но неужели
Лишь на окраине твоих утех
Я жить должна? Иль Порция для Брута
Наложницею стала, не женой?

Б р у т

Я чту тебя как верную супругу,
Такую ж близкую, как капли крови
В моем печальном сердце.

П о р ц и я

А если так, то знать хочу я тайну.
Пускай я женщина, но ведь меня
В супруги благородный Брут избрал;
Пускай я женщина, но ведь меня
Все доброй славой чтут как дочь Катона.
С таким супругом и с таким отцом —
Поверь мне, Брут, тверда я, как мужчина.
Откройся мне, и тайну я не выдам;
Иль твердость я свою не доказала,
Когда себе я рану нанесла
Сюда в бедро? Коль это я стерпела,
То тайну мужа я не выдам.

Б р у т

Боги,

Да буду я такой жены достоин.

Стук за сценой.

Стучат. На время, Порция, уйди.

Доверю вскоре сердцу твоему

Моей души тревогу,

Все думы, и заботы, и сомненья,

Из-за которых я угрюм и хмур.

Уйди скорее.

Порция уходит.

Кто стучится, Луций?

Входят Л у ц и й и Л и г а р и й.

Л у ц и й

С тобою хочет говорить больной.

Б р у т

То Кай Лигарий, присланный Метеллом.

Ступай, мой мальчик. — Здравствуй, Кай Лигарий.

Л и г а р и й

Мне трудно говорить, и все же — здравствуй!

Б р у т

Некстати, храбрый Кай, твоя повязка!

О, если бы ты был сейчас здоров!

Л и г а р и й

Я выздоровлю, если Брут мне скажет,

Что есть для подвига достойный повод.

Б р у т

Лигарий, есть для подвига предлог.

Да, повод есть — достойный из достойных.

Л и г а р и й

Клянусь богами Рима, я здоров!

Недуги, прочь! О римлянин великий,

Потомок славный доблестного предка!

Ты, словно заклинатель, оживил

Мой омертвельный дух. Скажи; готов я
С любой неодолимой силой биться
И победить. Так что же надо делать?

Б р у т

Нам нужно возвратить больным здоровье.

Л и г а р и й

Отняв притом здоровье у кого-то?

Б р у т

Да. Расскажу тебе, в чем дело, Кай,
Дорогою к тому, к кому пойдем,
Чтоб это совершить.

Л и г а р и й

Идем скорей.

Воспламенившись, за тобой пойду —
На что, не знаю сам: с меня довольно,
Что Брут меня ведет.

Б р у т

За мною следуй.

Уходят.

СЦЕНА 2

Дом Цезаря.

Гром и молния. Входит Цезарь в ночной одежде.

Цезарь

И небо и земля разверзлись ночью;
Во сне Кальпурния кричала трижды:
«На помощь. Цезаря хотят убить!»
Эй, слуги!

Входит слуга.

С л у г а

Господин мой?

Цезарь

Скажи жрецам, чтоб закололи жертву,
И прорицанья их мне сообщи.

С л у г а

Исполню, господин.
(Уходит.)

Входит К а л ь п у р н и я.

К а л ь п у р н и я

Как, Цезарь? Ты уйти из дома хочешь?
Не должен ты сегодня выходить.

Ц е з а р ь

Нет, Цезарь выйдет: ведь всегда опасность
Ко мне крадется сзади, но, увидев
Мое лицо, тотчас же исчезает.

К а л ь п у р н и я

Ты знаешь, Цезарь, я не суеверна,
Но я теперь боюсь. Сказал мне стражник,
Что ужасы такие он видал,
Каких себе представить мы не можем.
На улице вдруг львица окотилась;
Могилы выплюнули мертвецов;
По правилам военного искусства
Меж туч сражались огненные рати,
И кровь бойцов кропила Капитолий,
Был ясно слышен грозный грохот битвы:
Стонали раненые, ржали кони...
По улицам метались привиденья,
Ужасным воем поражая слух.
О Цезарь. Это все необычайно,
И я страшусь.

Ц е з а р ь

Как можно избежать
Судьбы, нам предназначенной богами?
Нет, Цезарь выйдет; знаменья эти
Даны не только Цезарю, а всем.

К а л ь п у р н и я

В день смерти нищих не горят кометы,
Лишь смерть царей огнем вещает небо.

Ц е з а р ь

Трус умирает много раз до смерти,
А храбрый смерть один лишь раз вкушает!

Из всех чудес всего необъяснимей
Мне кажется людское чувство страха,
Хотя все знают — неизбежна смерть
И в срок придет.

Входит слуга.

Что говорят авгуры?

С л у г а

Советуют, чтоб ты не выходил.
Из жертвы внутренности вынимая,
Они в животном сердца не нашли.

Ц е з а р ь

Так посрамить желают боги трусость:
Скотиною без сердца Цезарь был бы,
Когда б из страха дома он остался.
Не будет этого: опаснее ее,
Что Цезарь поопаснее ее.
Мы — как два льва, два брата-близнеца.
Из нас двоих я старше и страшней.
Нет, Цезарь выйдет.

К а л ь п у р н и я

О, увы, в тебе

Самонадеянность убила мудрость.
Не выходи сегодня; пусть мой страх
Тебя удержит дома, а не твой,
Пошлем мы Марк Антония в сенат.
Пусть скажет он, что болен ты сегодня.
Прошу тебя об этом на коленях.

Ц е з а р ь

Антоний скажет им: я нездоров;
Чтоб ублажить тебя, останусь дома.

Входит Деций.

Ц е з а р ь

Вот Деций Брут, он передаст им это.

Д е ц и й

Приветствую тебя, достойный Цезарь!
Пришел я проводить тебя в сенат.

Цезарь

Ты вовремя пришел, чтоб отнести
Сенаторам приветствие мое,
Сказать, что к ним прийти я не могу.
Ложь — не могу, и вовсе ложь — не смею.
Я не хочу прийти; скажи так, Деций.

Кальпурния

Скажи, он болен.

Цезарь

Цезарь — им солжет?

Затем ли я так далеко в победах
Простер над миром длань, чтоб опасаться
Седобородым правду говорить?
Скажи им, Деций, — Цезарь не придет.

Деций

Великий Цезарь, объяснить им надо,
В чем дело, а не то осмеян буду,
Когда им передам слова.

Цезарь

Во мне причина — не хочу прийти,
И этого довольно для сената.
Но я тебя люблю и потому
Тебе открою все. Меня жена,
Кальпурния, удерживает дома.
Ей снилось, будто статуя моя
Струила, как фонтан, из ста отверстий
Кровь чистую и много знатных римлян
В нее со смехом погружали руки.
Сон кажется ей знаменьем зловецим,
И, на колени встав, она молила,
Чтобы остался я сегодня дома.

Деций

Но этот сон неверно истолкован,
Значение его благоприятно:
Из статуи твоей струилась кровь,
И много римлян в ней омыло руки, —
И это значит, что весь Рим питаем
Твоею кровью и что знать теснится
За знаками отличья и наград.
Вот все, что сон Кальпурнии вещает.

Цезарь

Ты сон ее истолковал отлично.

Деций

Да, если внемлешь ты моим словам.
Узнай же, что сенаторы решили
Корону поднести тебе сегодня.
Узнав, что ты не явишься, они
В решение поколеблются, и слово
Крылатое из уст в уста пойдет:
«Прервем сенат, пока хороших снов
Супруга Цезарева не увидит».
Коль ты не выйдешь, то шептаться будут:
«А Цезарь испугался!»
Прости меня, о Цезарь, лишь любовь
К твоим делам велит сказать мне правду;
Мой разум подчинен любви.

Цезарь

Нелепы страхи все твои, Кальпурния!
И стыдно мне, что я поддался им. —
Подайте тогу, я иду.

Входит Публий, Брут, Лигарий, Метелл, Каска,
Требоний и Цинна.

А вот и Публиций, он пришел за мной.

Публий

С добрым утром, Цезарь.

Цезарь

Здравствуй, Публий. —
Как, Брут, и ты сегодня встал так рано? —
Тебе привет мой, Каска. — Кай Лигарий,
И Цезарь не был так к тебе враждебен,
Как лихорадка, что тебя сгноила. —
Который час?

Брут

Пробило восемь, Цезарь.

Цезарь

Благодарю я всех вас за вниманье.

Входит Антоний.

Как, и Антоний! Ночь в пирах проводит
И все же встал. Антоний, с добрым утром!

А н т о н и й

Великий Цезарь! С добрым утром!

Ц е з а р ь

Пусть приготовят все.

Я виноват, что ждать вас заставляю.

А, Цинна, и Метелл, и ты, Требоний.

С тобою будет разговор особый,

Ко мне сегодня должен ты прийти.

Будь ближе, чтобы о тебе я помнил.

Т р е б о н и й

Да, Цезарь.

(В сторону.)

И так близко, что друзьям

Твоим захочется, чтоб я был дальше.

Ц е з а р ь

Друзья, пойдем со мной вина отведать,

А после вместе выйдем как друзья.

Б р у т

(в сторону)

Так только кажется тебе, о Цезарь,

И мысль об этом мучит сердце Брута.

Уходят.

СЦЕНА 3

Улица около Капитолия.

Входит А р т е м и д о р, читая письмо.

А р т е м и д о р. «Цезарь, остерегайся Брута; опасайся Кассия; держись подальше от Каски; следи за Цинной; не доверяй Требонию; наблюдай за Метеллом Цимбером; Деций Брут тебя не любит; ты оскорбил Кая Лигария. У всех этих людей одно намерение, и оно направлено против Цезаря. Если ты не бессмертен, будь осмотрителен: доверчивость расчищает дорогу для заговора. Да защитят тебя всемогущие боги!

Твой друг Артемидор».

Здесь подожду, пока он не пройдет,
И, как проситель, дам ему письмо.
Душа скорбит о том, что доблесть может
Пасть от зубов завистничества злого.
Прочтешь письмо, о Цезарь, — будешь жить;
А нет — так Судьбы в заговоре с ними.
(Уходит.)

СЦЕНА 4

Другая часть той же улицы, перед домом Брута.

Входят Порция и Луций.

Порция

Прошу тебя, беги к сенату, мальчик;
И не расспрашивай, скорей иди.
Что ж ты стоишь?

Луций

Не знаю порученья.

Порция

Хотела б я, чтоб ты назад вернулся
Скорей, чем порученье дам тебе.
О твердость, будь со мной и между сердцем
И языком моим воздвигни гору!
Мужчина духом, женщина я силой.
Как трудно женщине не выдать тайну.
Ты здесь еще?

Луций

Что, госпожа, мне делать?
Бежать до Капитолия, вернуться
Сюда назад — и больше ничего?

Порция

Мне сообщи, как выглядит мой муж.
Ведь вышел он больным; и посмотри,
Что Цезарь делает, кто близ него. —
Чу, мальчик. Что за шум?

Луций

Не слышу, госпожа.

П о р ц и я

Так слушай лучше.
Я слышу, гул внезапный и мятежный
Из Капитолия доносит ветер.

Л у ц и й

Не слышу ничего.

Входит прорицатель.

П о р ц и я

К нам подойди.

Откуда ты?

П р о р и ц а т е л ь

Из дому, госпожа.

П о р ц и я

Который час?

П р о р и ц а т е л ь

Девятый, госпожа.

П о р ц и я

Отправился ли Цезарь в Капитолий?

П р о р и ц а т е л ь

Нет, госпожа; я здесь стою и жду,
Когда пройдет он мимо в Капитолий.

П о р ц и я

Ты хочешь Цезарю подать прошение?

П р о р и ц а т е л ь

Да, госпожа, и, если Цезарь будет
Так милостив к себе, чтобы мне внять,
Я попрошу, чтоб он был добр к себе.

П о р ц и я

Узнал ты, что ему грозит опасность?

П р о р и ц а т е л ь

Покуда нет еще, но может быть.
Прощайте. Эта улица тесна.

За Цезарем спешащая толпа
Сенаторов, и преторов, и разных
Просителей здесь слабого задавит.
Найду просторней место, чтобы Цезарь
Меня услышал, мимо проходя.
(Уходит.)

П о р ц и я

И я должна уйти. Ах, горе мне,
Как слабо сердце женщины. О Брут,
Пусть делу твоему поможет небо.
Ведь мальчик слышал. Есть у Брута просьба,
Но Цезарь ей не внемлет. — Сил нет больше.
Беги с моим поклоном к Бруту, Луций;
Скажи, что весела я, и назад
Мне принеси ответ его скорее.

Уходят в разные стороны.

АКТ Ш

СЦЕНА 1

Рим. Перед Капитолием. Заседание сената.
Толпа народа; среди нее Артемидор и
прорицатель.

Трубы.

Входят Цезарь, Брут, Кассий, Каска, Деций,
Метелл, Требоний, Цинна, Антоний,
Лепид, Попилий, Публий и другие.

Цезарь

Настали иды марта.

Прорицатель

Но, Цезарь, не прошли.

Артемидор

Привет, о Цезарь, прочитай письмо.

Деций

Требоний просит, чтоб ты на досуге
Прочел его смиренное прошение.

А р т е м и д о р

Прочти мое сперва, оно тебя
Касается. Прочти, великий Цезарь.

Ц е з а р ь

Что нас касается, пойдет последним.

А р т е м и д о р

Не медли, Цезарь; прочитай сейчас.

Ц е з а р ь

Иль он с ума сошел?

П у б л и й

Эй ты, дорогу!

К а с с и й

Что подаешь на улице прошение?
Ступай же в Капитолий.

Цезарь идет вверх к сенату, остальные — за ним.

П о п и л и й

Желаю я успеха вам сегодня.

К а с с и й

Успеха в чем, Попилий?

П о п и л и й

До свиданья.

(Направляется к Цезарю.)

Б р у т

А что сказал Попилий Лена?

К а с с и й

Он пожелал успеха нам сегодня.
Боюсь, что заговор открыт.

Б р у т

Смотри, он к Цезарю подходит.

К а с с и й

Не медли, Каска, помешать нам могут.
Что делать, Брут? Коль заговор раскрыт,

Иль Кассий, или Цезарь не вернется,
Я закодю себя.

Б р у т

Будь тверже, Кассий,
То не о нас Попилий говорит,
Смеется он, и Цезарь так спокоен.

К а с с и й

Требоний действует: смотри, как он
Антония уводит за собой.

Антоний и Требоний уходят, Цезарь и сенаторы занимают
свои места.

Д е ц и й

Так где ж Метелл? Пускай вперед он выйдет
И Цезарю свою изложит просьбу.

Б р у т

Он вышел; ближе следуйте за ним.

Ц и н н а

Ты, Каска, первым нанесешь удар.

К а с к а

Готовы ль все?

Ц е з а р ь

Какие беспорядки
Должны исправить Цезарь и сенат?

М е т е л л

Великий и могущественный Цезарь.
Ты видишь, Цимбр перед тобой смиренно
Склоняется.

(Опускается на колени.)

Ц е з а р ь

Предупреждаю, Цимбр,
Что пресмыканье и низкопоклонство
Кровь зажигают у людей обычных
И прежнее решение иль указ
В игрушку превращают. Но не думай,
Что Цезарь малодушен, как они,

Что кровь его расплавить можно,
Чем кровь безумцев, то есть сладкой лестью,
Низкопоклонством и виляньем псиним.
Твой брат изгнанью предан по декрету;
Коль будешь ты молить и унижаться.
Тебя, как пса, я отшвырну с дороги.
Знай, Цезарь справедлив и без причины
Решенья не изменит.

М е т е л л

Чей голос более, чем мой, достоин,
Чтобы великий Цезарь внял мольбе
О возвращенье брата моего?

Б р у т

Не лestia, твою целую руку, Цезарь,
Молю тебя о том, чтоб Публий Цимбр
Из ссылки был тобою возвращен.

Ц е з а р ь

Как, Брут?

К а с с и й

Прощенье, Цезарь, милость, Цезарь!
К твоим ногам склоняется и Кассий
С мольбой о том, чтоб Цимбра ты простил.

Ц е з а р ь

Будь я как вы, то я поколебался б,
Мольбам я внял бы, если б мог молить.
В решеньях я неколебим, подобно
Звезде Полярной: в постоянстве ей
Нет равной среди звезд в небесной тверди.
Все небо в искрах их неисчислимых;
Пылают все они, и все сверкают,
Но лишь одна из всех их неподвижна;
Так и земля населена людьми,
И все они плоть, кровь и разуменье;
Но в их числе лишь одного я знаю,
Который держится неколебимо,
Незыблемо; и человек тот — я.
Я это выкажу и в малом деле:
Решив, что Цимбр из Рима будет изгнан,
Решенья своего не изменю.

Ц и н н а

Великий Цезарь!

Ц е з а р ь

Иль Олимп ты сдвинешь?

Д е ц и й

О Цезарь!..

Ц е з а р ь

Брут — и тот молил напрасно.

К а с к а

Тогда пусть руки говорят!

Каска первый, затем остальные заговорщики и Марк Брут поражают Цезаря.

Ц е з а р ь

И ты, о Брут! Так падай, Цезарь!

(Умирает.)

Ц и н н а

Свобода! Вольность! Пала тирания!

По улицам об этом разгласите.

К а с с и й

На ростры поднимитесь и кричите:

«Свобода, вольность и освобожденье!»

Б р у т

Народ, сенаторы, не бойтесь, стойте!

Смотрите: властолюбья долг оплачен!

К а с к а

Взойди на ростру, Брут.

Д е ц и й

И Кассий тоже.

Б р у т

Где Публий?

Ц и н н а

Он здесь и потрясен восстаньем этим!

М е т е л л

Смотрите, чтобы Цезаря друзья
Не вздумали...

Б р у т

Пустая болтовня! — Не бойся, Публий;
Мы ни тебе, ни римлянам другим
Вреда не причиним, — скажи всем это.

К а с с и й

Оставь нас, Публий; ведь народ нахлынет
И старости твоей не пощадит.

Б р у т

Уйди; пусть отвечают за деянье
Свершившие его.

Возвращается Т р е б о н и й.

К а с с и й

Антоний где?

Т р е б о н и й

В свой дом в смятенье скрылся.
Бегут, вопя, мужи и жены, дети,
Как в Судный день.

Б р у т

Узнаем судьб решение;
Мы знаем, что умрем, но люди тщатся
Как можно дольше дни свои продлить.

К а с к а

Тот, кто отнимет двадцать лет у жизни,
Отнимет столько же у страха смерти.

Б р у т

Раз так, то смерть есть благо. Были мы
Друзьями Цезарю, его избавив
От страха смерти. — Римляне, склонитесь,
Омоем руки Цезаревой кровью
По локоть и, мечи обрызгав ею,
Идемте все немедленно на форум
И, потрясая красное оружие,
Воскликнем все: «Мир, воляность и свобода!»

К а с с и й

Склонясь, омойтесь. Ведь пройдут века,
И в странах, что еще не существуют,
Актеры будут представлять наш подвиг.

Б р у т

И снова кровью истечет наш Цезарь,
Лежащий здесь, у статуи Помпея,
Как прах ничтожный.

К а с с и й

Да, и каждый раз
Нас, совершивших это, назовут
Людьми, освободившими отчизну.

Д е ц и й

Пора нам уходить.

К а с с и й

Да, вместе выйдем;
Брут впереди, а мы за ним; пусть видят,
Что в Риме нет сердец смелей и лучше.

Входит слуга.

Б р у т

Кто там идет? Антония посланец.

С л у г а

Так, Брут, велел мой господин склониться, —
Так Марк Антоний приказал мне — пасть
И, распростершись, так тебе сказать:
Брут благороден, мудр, и храбр, и честен;
Велик был Цезарь царствен, смел и добр.
Скажи, что Брута я люблю и чту,
А Цезаря боялся, чтил, любил.
И если Брут дозволит, чтоб Антоний
Мог невредим к нему прийти узнать,
Чем Цезарь заслужил такую смерть,
То Брут живой ему дороже будет,
Чем мертвый Цезарь, и себя он свяжет
С судьбой и делом доблестного Брута
Среди опасностей и смут грядущих
Как верный друг. Так говорит Антоний.

Б р у т

Он — римлянин и доблестный и мудрый,
Его всегда я чтил.
Скажи, что если он придет сюда,
То все узнает и, ручаюсь честью,
Уйдет нетронут.

С л у г а

Он сейчас придет.
(Уходит.)

Б р у т

Я думаю, он станет нашим другом.

К а с с и й

О, если б так. Его я опасаюсь,
И, как всегда, предчувствие мое
Меня в том не обманет.

Входит А н т о н и й.

Б р у т

Вот он идет. Привет, о Марк Антоний!

А н т о н и й

Великий Цезарь! Ты лежишь во прахе?
Ужели слава всех побед, триумфов
Здесь уместилась? Так покойся с миром. —
Все ваши замыслы мне неизвестны,
Кому еще хотите кровь пустить;
Коль мне, то самый подходящий час —
Час смерти Цезаря, и нет оружия
Достойнее того, что обагрилось
Чистейшею и лучшей в мире кровью.
Прошу вас, — если вам я неугоден,
Пока дымятся кровью ваши руки,
Меня убейте. И тысячелетье
Прожив, не буду к смерти так готов;
Нет места лучшего, нет лучшей смерти,
Чем пасть близ Цезаря от ваших рук,
От вас, решающих все судьбы века.

Б р у т

Антоний, смерти не проси у нас.
Мы кажемся кровавы и жестоки —

Как наши руки и деянья наше;
Но ты ведь видишь только наши руки,
Деяние кровавое их видишь,
А не сердца, что полны состраданья.
Лишь состраданье к общим бедам Рима —
Огонь мертвит огонь, а жалость — жалость —
Убило Цезаря. Но для тебя
Мечи у нас притуплены, Антоний,
И наши руки, так же как сердца,
В объятия тебя принять готовы
С любовью братской, с дружбой и почетом.

К а с с и й

В раздаче новых почестей и ты
С другими наравне получишь голос.

Б р у т

Будь терпелив, пока мы успокоим
Народ, который вне себя от страха.
Тогда мы объясним тебе причины,
За что я, Цезаря всегда любивший,
Его убил.

А н т о н и й

Я знаю вашу мудрость.
Кровавые мне ваши руки дайте;
И первому, Марк Брут, тебе жму руку;
Второму руку жму тебе, Кай Кассий;
Тебе, Брут Деций, и тебе, Метелл;
И Цинне, и тебе, мой храбрый Каска;
Последним ты, но не в любви, Требоний.
Патриции — увы! — что я скажу?
Доверие ко мне так пошатнулось,
Что вправе вы сейчас меня считать
Одним из двух — иль трусом, иль льстецом. —
О, истинно тебя любил я, Цезарь!
И если дух твой носится над нами,
То тягостнее смерти для тебя
Увидеть, как Антоний твой мирится
С убийцами, им руки пожимая
Здесь, о великий, над твоим же трупом!
Имей я столько ж глаз, как ты ранений,
Точащих токи слез, как раны — кровь,
И то мне было б легче, чем вступить

С убийцами твоими в соглашенье.
Прости мне, Юлий. Как олень затравлен,
Ты здесь лежишь, охотники ж стоят,
Обагрены твоею алой кровью.
Весь мир был лесом этого оленя,
А он, о мир, был сердцем для тебя.
Да, как олень, сражен толпою знати.
Ты здесь лежишь.

К а с с и й

Марк Антоний!

А н т о н и й

Прости меня, Кай Кассий. —
О Цезаре так скажут и враги,
В устах же друга то простая скромность.

К а с с и й

Не порицаю, что его ты хвалишь,
Но с нами как себя ты поведешь?
Скажи, решил ли ты стать нашим другом,
Иль не рассчитывать нам на тебя?

А н т о н и й

Я руки ваши жал, но я отвлекся
От этого, на Цезаря взглянув.
Друзья, я с вами весь и вас люблю,
И я надеюсь, вы мне объясните,
Чем и кому был Цезарь так опасен.

Б р у т

Иначе б диким зрелищем то было.
Но побужденья наши так высоки,
Что, будь ты сыном Цезаря, Антоний,
Ты внял бы им.

А н т о н и й

Лишь этого хочу.
А сверх того прошу я вас, чтоб тело
Дозволили мне вынести на площадь
И на похоронах его с трибуны,
Как подобает другу, речь держать.

Б р у т

Да, Марк Антоний.

К а с с и й

Брут, одно лишь слово.

(Тихо, Бруту.)

Не знаешь сам, что делаешь: нельзя
Нам допускать, чтоб речь держал Антоний;
Как знать, не возбудит ли он народ
Своею речью?

Б р у т

Ты меня прости.

Сам на трибуну первым я взойду
И разъясню, за что убит был Цезарь;
Скажу, что будет говорить Антоний
С согласия нашего и разрешенья,
Что праху Цезаря мы отдадим
Все почести, какие подобают.
Нам это только пользу принесет.

К а с с и й

Как знать, что будет. Мне это не любо.

Б р у т

Итак, возьми прах Цезаря, Антоний.
В надгробной речи нас не порицай.
Но Цезарю воздай хвалу как должно,
Сказав, что это разрешили мы;
А иначе ты будешь отстранен
От похорон; и говорить ты будешь
С трибуны той же самой, что и я,
Когда окончу речь.

А н т о н и й

Быть по сему.

Мне большего не надо.

Б р у т

Приготовь же

Прах Цезаря и приходи на форум.

Все, кроме Антония, уходят.

А н т о н и й

Прости меня, о прах кровоточащий,
Что кроток я и ласков с палачами.

Останки благороднейшего мужа,
Кому в потоке времени нет равных.
О, горе тем, кто эту кровь пролил!
Над ранами твоими я пророчу, —
Рубиновые губы уст немых
Открыв, они через меня вещают —
Проклятье поразит тела людей;
Гражданская война, усобиц ярость
Италию на части раздерут;
И кровь и гибель будут так привычны,
Ужасное таким обычным станет,
Что матери смотреть с улыбкой будут,
Как четвертует их детей война;
И жалость всякую задушит дикость;
Дух Цезаря в погоне за отмщеньем,
С Гекатою из преисподней выйдя,
На всю страну монаршьим криком грянет:
«Пощады нет!» — и спустит псов войны,
Чтоб злодеянье вся земля узнала
По смраду тел, просящих погребенья.

Входит слуга.

Ты послан от Октавия, не так ли?

С л у г а

Да, Марк Антоний.

А н т о н и й

Цезарь писал ему, чтоб в Рим он прибыл.

С л у г а

Он получил письмо и скоро будет.

Тебе же устно он передает...

(Увидев тело.)

О Цезарь!

А н т о н и й

Великодушен ты; уйди и плачь.

Скорбь заразительна; мои глаза,

Увидев перлы скорби на твоих,

Слезятся. Где сейчас твой господин?

С л у г а

Стал на ночь лагерем, семь миль от Рима.

А н т о н и й

Спеши назад, скажи, что здесь случилось:
Рим в трауре, в опасном возбужденье,
И Рим Октавию небезопасен;
Так передай ему. Нет, подожди.
Мы вместе тело вынесем на площадь,
Там буду речь держать и попытаюсь
Узнать, как отзывается народ
На злодеянье этих кровопийц;
И сообразно этому потом
Октавию доставишь донесенье.
Ну, помогай.

Уходят, унося труп Цезаря.

СЦЕНА 2

Форум.

Входят Брут, Кассий и толпа граждан.

Гражданае

Хотим мы знать причину! Объясните!

Брут

Друзья, за мной и слушайте меня. —
Ты ж, Кассий, избери другую площадь,
Толпу разделим. —
Кто хочет выслушать меня, останьтесь;
Кто хочет, пусть за Кассием идет;
Мы объясним, зачем для блага всех
Убит был Цезарь.

Первый гражданин

Брута буду слушать.

Второй гражданин

Я Кассия послушаю, а после,
Все выслушав, их доводы сравним.

Кассий уходит с частью граждан. Брут всходит на роstrу.

Третий гражданин

Молчанье! Говорит достойный Брут.

Терпенье до конца.

Римляне, сограждане и друзья! Выслушайте, почему я поступил так, и молчите, чтобы вам было слышно; верьте мне ради моей чести и положитесь на мою честь, чтобы поверить; судите меня по своему разумению и пробудите ваши чувства, чтобы вы могли судить лучше. Если в этом собрании есть хоть один человек, искренне любивший Цезаря, то я говорю ему: любовь Брута к Цезарю была не меньше, чем его. И если этот друг спросит, почему Брут восстал против Цезаря, то вот мой ответ: не потому, что я любил Цезаря меньше, но потому, что я любил Рим больше. Что вы предпочли бы: чтоб Цезарь был жив, а вы умерли рабами, или чтобы Цезарь был мертв и вы все жили свободными людьми? Цезарь любил меня, и я его оплакиваю; он был удачлив, и я радовался этому; за доблести я чтил его; но он был властолюбив, и я убил его. За его любовь — слезы; за его удачи — радость; за его доблести — почет; за его властолюбие — смерть. Кто здесь настолько низок, чтобы желать стать рабом? Если такой найдется, пусть говорит, — я оскорбил его. Кто здесь настолько одичал, что не хочет быть римлянином? Если такой найдется, пусть говорит, — я оскорбил его. Кто здесь настолько гнусен, что не хочет любить свое отечество? Если такой найдется, пусть говорит, — я оскорбил его. Я жду ответа.

В с е. Такого нет, Брут, нет.

Б р у т. Значит, я никого не оскорбил. Я поступил с Цезарем так, как вы поступили бы с Брутом. Причина его смерти записана в свитках Капитолия; слава его не умалена в том, в чем он был достоин, и вина его не преуменьшена в том, за что он поплатился смертью.

Входит А н т о н и й и д р у г и е с телом Цезаря.

Вот его тело, оплакиваемое Марком Антонием, который, хотя и непричастен к его убийству, но выиграет от этого — он будет жить в республике. В таком же выигрыше будет и любой из вас. С этим я уйду, — и так же, как я поразил моего лучшего друга для блага Рима, так сохраню я этот кинжал для себя, если моей отчизне потребуется моя смерть.

В с е

Живи, о Брут! Живи! Живи!

Первый гражданин
С триумфом отнесем его домой.

Второй гражданин
Воздвигнем статую ему, как предкам.

Третий гражданин
Пусть станет Цезарем.

Четвертый гражданин
В нем увенчаем
Все лучшее от Цезаря.

Первый гражданин
Проводим его домой с почетом.

Б р у т
Сограждане!

Второй гражданин
Брут говорит. Молчанье!

Первый гражданин
Потише, эй!

Б р у т

Друзья, позвольте, я уйду один,
А вас прошу с Антонием остаться.
Почтенье праху Цезаря воздайте,
А также славе доблестной его,
О них в надгробном слове Марк Антоний
Здесь с разрешенья нашего вам скажет.
Я ухожу, а вы не расходитесь,
Пока Антоний речи не закончит.
(Уходит.)

Первый гражданин
Останемся Антония послушать.

Третий гражданин
Антоний благородный, на трибуну
Ты поднимись. — Послушаем его.

А н т о н и й

Обязан Бруту я за разрешение
Здесь речь держать.

(Всходит на роstrу.)

Ч е т в е р т ы й г р а ж д а н и н

Что он сказал о Бруте?

Т р е т и й г р а ж д а н и н

Что он обязан Бруту разрешеньем
Здесь перед нами всеми речь держать.

Ч е т в е р т ы й г р а ж д а н и н

Пусть говорит почтительней о Бруте.

П е р в ы й г р а ж д а н и н

Ведь Цезарь был тиран.

Т р е т и й г р а ж д а н и н

В том нет сомненья,

Но, к счастью, от него избавлен Рим.

В т о р о й г р а ж д а н и н

Послушаем Антония. Молчанье!

А н т о н и й

О римляне!

В с е

Послушаем его.

А н т о н и й

Друзья, сограждане, внимлите мне.
Не восхвалять я Цезаря пришел,
А хоронить. Ведь зло переживает
Людей, добро же погребают с ними.
Пусть с Цезарем так будет. Честный Брут
Сказал, что Цезарь был властолюбив.
Коль это правда, это тяжкий грех,
За это Цезарь тяжко поплатился.
Здесь с разрешенья Брута и других, —
А Брут ведь благородный человек,

И те, другие, тоже благородны, —
Над прахом Цезаря я речь держу.
Он был мне другом искренним и верным,
Но Брут назвал его властолюбивым,
А Брут весьма достойный человек.
Гнал толпы пленников к нам Цезарь в Рим,
Их выкупом казну обогащал,
Иль это тоже было властолюбьем?
Стон бедняка услыша, Цезарь плакал,
А властолюбье жестче и черстей;
Но Брут назвал его властолюбивым,
А Брут весьма достойный человек.
Вы видели, во время Луперкалий
Я трижды подносил ему корону,
И трижды он отверг — из властолюбья?
Но Брут назвал его властолюбивым,
А Брут весьма достойный человек.
Что Брут сказал, я не опровергаю,
Но то, что знаю, высказать хочу.
Вы все его любили по заслугам,
Так что ж теперь о нем вы не скорбите?
О справедливость! Ты в груди звериной,
Лишились люди разума. Простите;
За Цезарем ушло в могилу сердце.
Позвольте выждать, чтоб оно вернулось.

Первый гражданин
В его словах как будто много правды.

Второй гражданин
Выходит, если только разобраться, —
Зря Цезарь пострадал.

Третий гражданин
А я боюсь,
Его заменит кто-нибудь похуже.

Четвертый гражданин
Вы слышали? Не взял короны Цезарь;
Так, значит, не был он властолюбив.

Первый гражданин
Тогда они поплатятся жестоко.

Второй гражданин
От слез глаза его красны, как угли.

Третий гражданин
Всех благородней в Риме Марк Антоний.

Антоний

Вчера еще единым словом Цезарь
Всем миром двигал: вот он недвижим,
Без почестей, пренебрегаем всеми.
О граждане, когда бы я хотел
Поднять ваш дух к восстанью и отмщенью,
Обидел бы я Кассия и Брута,
А ведь они достойнейшие люди.
Я не обижу их, скорей обижу
Покойного, себя обижу, вас,
Но не таких достойнейших людей.
Вот здесь пергамент с Цезаря печатью,
Найдённый у него, — то завещанье.
Когда бы весь народ его услышал, —
Но я читать его не собираюсь, —
То раны Цезаря вы лобызали б,
Платки мочили бы в крови священной,
Просили б волосок его на память
И, умирая, завещали б это
Как драгоценнейшее достоянье
Своим потомкам.

Четвертый гражданин
Прочти нам завещанье, Марк Антоний.

Все

Прочти нам Цезарево завещанье!

Антоний

Друзья, терпенье. Мне нельзя читать.
Нельзя вам знать, как Цезарь вас любил.
Вы — люди, а не дерево, не камни;
Услышав Цезарево завещанье,
Воспламенитесь вы, с ума сойдете;
Не знаете вы о своем наследстве,
А иначе — о, что бы здесь свершилось!

Ч е т в е р т ы й г р а ж д а н и н
Мы слушаем. Читай скорей, Антоний,
Прочти нам Цезарево завещанье.

А н т о н и й

Терпенье. Можете вы подождать.
О завещанье я вам проболтался,
Боюсь обидеть тех людей достойных,
Что Цезаря кинжалами сразили.

Ч е т в е р т ы й г р а ж д а н и н
Достойных! Нет, предатели они.

В с е

Читай нам завещанье!

В т о р о й г р а ж д а н и н

Они злодеи, убийцы. Читай же завещанье!

А н т о н и й

Хотите, чтоб прочел я завещанье?
Над прахом Цезаря все станьте кругом,
Я покажу того, кто завещал.
Могу ль сойти? Вы разрешите мне?

В с е

Сходи.

В т о р о й г р а ж д а н и н

Спускайся.

Антоний сходит с ростры.

Мы разрешаем.

Ч е т в е р т ы й г р а ж д а н и н

Станьте в круг.

П е р в ы й г р а ж д а н и н

От тела и носилок отойдите.

В т о р о й г р а ж д а н и н

Место Антонию, благородному Антонию!

А н т о н и й

Так не теснитесь. Расступитесь шире.

В с е

Назад! Назад! Раздайтесь!

А н т о н и й

Коль слезы есть у вас, готовьтесь плакать.
Вы эту тогу знаете; я помню,
Как Цезарь в первый раз ее надел:
То было летним вечером, в палатке,
В тот день, когда он нервиев разбил.
Смотрите! След кинжала — это Кассий;
Сюда удар нанес завистник Каска,
А вот сюда любимый Брут разил:
Когда ж извлек он свой кинжал проклятый,
То вслед за ним кровь Цезаря метнулась,
Как будто из дверей, чтоб убедиться —
Не Брут ли так жестоко постучался.
Ведь Брут всегда был Цезарев любимец,
О боги, Цезарь так любил его!
То был удар из всех ударов злейший:
Когда увидел он, что Брут разит,
Неблагодарность больше, чем оружие,
Его сразила; мощный дух смутился,
И вот, лицо свое закрывши тогой.
Перед подножием статуи Помпея,
Где кровь лилась, великий Цезарь пал.
Сограждане, какое то паденье!
И я и вы, мы все поверглись ниц,
Кровавая ж измена торжествует.
Вы плачете; я вижу, что вы все
Растроганы: то слезы состраданья.
Вы плачете, увидевши раненья
На тоге Цезаря? Сюда взгляните,
Вот Цезарь сам, убийцами сраженный.

П е р в ы й г р а ж д а н и н

О скорбный вид!

В т о р о й г р а ж д а н и н

О благородный Цезарь!

Т р е т и й г р а ж д а н и н

Злосчастный день!

Ч е т в е р т ы й г р а ж д а н и н

Предатели, убийцы!

Первый гражданин
О зрелище кровавое!

Второй гражданин

Мы отомстим!

Все

Мечь! Восстанем! Найти их! Сжечь! Убить!
Пусть ни один предатель не спасется.

Антоний

Сограждане, по стойте.

Первый гражданин

Молчанье! Марк Антоний говорит.

Второй гражданин

Мы слушаем его, мы пойдем за ним, мы умрем с ним.

Антоний

Друзья мои, я вовсе не хочу,
Чтоб хлынул вдруг мятеж потоком бурным.
Свершившие убийство благородны;
Увы, мне неизвестны побужденья
Их личные, они мудры и честны
И сами все вам могут объяснить.
Я не хочу вас отворотить от них.
Я не оратор, Брут в речах искусней;
Я человек открытый и прямой
И друга чтит; то зная, разрешили
Мне говорить на людях здесь о нем.
Нет у меня заслуг и остроумья,
Ораторских приемов, красноречья,
Чтоб кровь людей зажечь. Я говорю
Здесь прямо то, что вам самим известно:
Вот раны Цезаря — уста немые,
И я прошу их — пусть вместо меня
Они заговорят. Но будь я Брутом,
А Брут Антонием, тогда б Антоний
Воспламенил ваш дух и дал язык
Всем ранам Цезаря, чтоб, их услышав,
И камни Рима, возмуться, восстали.

Все

Восстанем мы!

Первый гражданин

Сожжем дотла дом Брута!

Третий гражданин

Скорее заговорщиков ловите!

Антоний

Внемлите мне, сограждане, внемлите!

Все

Молчанье, эй! Антоний говорит.

Антоний

Друзья, восстали вы, еще не зная,
Чем Цезарь заслужил любовь такую.
Увы, не знаете; я вам открою;
Забыли вы о завещанье.

Все

Он прав: узнать нам надо завещанье.

Антоний

Вот завещанье с Цезаря печатью.
Он римлянину каждому дает,
На каждого по семьдесят пять драхм.

Второй гражданин

О, благородный Цезарь! Месть за смерть!

Третий гражданин

О, Цезарь царственный!

Антоний

Дослушайте меня!

Все

Молчанье, эй!

Антоний

Он завещал вам все свои сады,
Беседки и плодовые деревья
Вдоль Тибра, вам и всем потомкам вашим
На веки вечные для развлечений,
Чтоб там вы отдыхали и гуляли.
Таков был Цезарь! Где найти другого?

Первый гражданин
Нет, никогда. Скорей, скорей идемте!
Мы прах его сожжем в священном месте
И подождем предателей дома.
Берите тело.

Второй гражданин
Огня добудьте.

Третий гражданин
Скамьи ломайте.

Четвертый гражданин
Скамьи выламывайте, окна, все!

Граждане уходят с телом.

Антоний

Я на ноги тебя поставил, смута!
Иди любым путем.

Входит слуга.

Ну как дела?

Слуга

Октавий прибыл в Рим, мой господин.

Антоний

Где ж он?

Слуга

С Лепидом вместе в Цезаревом доме.

Антоний

Сейчас отправлюсь я туда к нему.
Он прибыл кстати. Весела Фортуна
И потому ни в чем нам не откажет.

Слуга

Я слышал, он сказал, что Брут и Кассий
Промчались бешено в ворота Рима.

Антоний

Пронюхали, наверно, что народ
Я подстрекнул. К Октавию идем.

Уходят.

СЦЕНА 3

Улица.

Входит поэт Цинна.

Цинна

Мне снилось, что я с Цезарем пирую.
Предчувствия гнетут воображение;
Я не хотел из дома выходить,
Но что-то тянет прочь.

Входят граждане.

Первый гражданин. Как твое имя?
Второй гражданин. Куда идешь?
Третий гражданин. Где ты живешь?
Четвертый гражданин. Женат ты или холост?

Второй гражданин. Отвечай всем прямо.

Первый гражданин. Да, и коротко.

Четвертый гражданин. Да, и толково.

Третий гражданин. Да, и правдиво, это будет лучше для тебя.

Цинна. Как мое имя? Куда я иду? Где я живу? Женат я или холост? Ответить всем прямо, коротко, толково и правдиво. Говоря толково, я холостяк.

Второй гражданин. Это все равно что сказать: все женатые глупцы. Ты мне за это еще ответишь. Отвечай прямо.

Цинна. Прямо — я шел на похороны Цезаря.

Первый гражданин. Как друг или враг?

Цинна. Как друг.

Второй гражданин. Вот это прямой ответ.

Четвертый гражданин. Где живешь, — коротко.

Цинна. Коротко — я живу у Капитолия.

Третий гражданин. Как зовут тебя, — правдиво.

Цинна. Правдиво — меня зовут Цинна.

Первый гражданин. Рвите его на клочки: он заговорщик.

Цинна. Я поэт Цинна! Я поэт Цинна!

Четвертый гражданин. Рвите его за плохие стихи, рвите его за плохие стихи!

Цинна. Я не заговорщик Цинна.

Второй гражданин. Все равно, у него то же имя — Цинна; вырвать это имя из его сердца и разделаться с ним.

Третий гражданин. Рвите его! Рвите его! Живей, головни, эй! Головни. К дому Брута и к дому Кассия. Жгите всё. Одни к дому Деция, другие к дому Каски, третьи к дому Лигария. Живей, идем!

Уходят.

АКТ IV

СЦЕНА 1

Антоний, Октавий и Лепид сидят за столом.

Антоний

Погибнут все, отмеченные нами.

Октавий

И брат твой в их числе. Лепид, согласен?

Лепид

Согласен.

Октавий

Так отметь его, Антоний.

Лепид

Но при условии, что жить не будет
И Публий, сын твоей сестры, Антоний.

Антоний

Умрет и он; ему знак смерти ставлю.
В дом Цезаря иди теперь, Лепид,
За завещанием, и мы решим,
Как сократить расходы из наследства.

Лепид

А сами вы где будете? Иль здесь, иль в Капитолии?

Октавий

Здесь или в Капитолии.

Лепид уходит.

А н т о н и й

Вот жалкий, недостойный человек.
Ему бы на посылках быть, а он,
Когда мы натрое разделим мир,
Получит третью часть?

О к т а в и й

Считая так,
Ты допустил, чтоб он голосовал.
Когда решалось, кто достоин смерти
И попадет в проскрипционный список.

А н т о н и й

Годами старше я, чем ты, Октавий.
Мы почести возложим на него,
Чтоб с нас самих снять этот груз позорный,
И он пойдет, как с золотом осел,
Потев и кряхтя под тяжкой ношей,
Куда мы поведем или погоним;
Когда ж он нам сокровища доставит,
Мы снимем их, его ж погоним прочь.
Пусть, как осел, он хлопает ушами,
На выгоне пасясь.

О к т а в и й

Так можно сделать,
Но он испытанный и храбрый воин.

А н т о н и й

Как и мой конь, Октавий, и за это
Ему я обеспечиваю корм;
Его я тоже обучил сражаться,
Сворачивать, и мчаться, и стоять,
Его движеньями я управляю.
Примерно так же нужно и Лепида
Учить, и направлять, и понукать.
Безмозглый человек, он ум питает
Отбросами чужими, подражаньем
И старые обноски с плеч чужих
Берет за образец. О нем довольно,
Он лишь орудье. А теперь, Октавий,
Поговорим о главном: Брут и Кассий
Собрали войско, соберем и мы;
Поэтому союз наш закрепим,
Сплотим друзей, приложим все усилия.

Давай немедленно вдвоем обсудим,
Как лучше козни скрытые открыть
И явные опасности рассеять.

О к т а в и й

Согласен я. Ведь мы с тобой в облове
И в окруженье лающих врагов;
Боюсь, у многих скрыта под улыбкой
Тьма козней злых.

Уходят.

СЦЕНА 2

Перед палаткой Брута в лагере около Сард.
Барабанный бой. Входят Брут, Луцилий и солдаты; Титиний и Пиндар встречают их.

Б р у т

Стой!

Л у ц и л и й

Скажи пароль. И стой!

Б р у т

Ну как, Луцилий! Далеко ли Кассий?

Л у ц и л и й

Он близко, и уже явился Пиндар,
Чтоб передать тебе его привет.

Б р у т

Он шлет привет мне. — Господин твой, Пиндар,
Сам в раздраженье или чрез других
Дал веский повод мне для сожаленья
О сделанном; но, если он прибудет,
Все разъяснится.

П и н д а р

Я не сомневаюсь,
Он явится к тебе таким, как был,
Исполнен и вниманья и почтенья.

Б р у т

Не сомневаюсь в том. — Скажи, Луцилий,
Какой прием оказан был тебе?

Луцилий

С почетом и любезностью, как должно,
Но не с таким доверчивым радушьем
И дружеским свободным обращеньем,
Как раньше то бывало.

Брут

Это значит,
Что пылкий друг остыл; заметь, Луцилий,
Когда любовь пресыщена и тает,
То внешний церемониал ей нужен.
Уверток нет в прямой и честной вере;
А человек пустой, как конь строптивый,
Выказывает стать свою и прыть,
Но, получив удар кровавых шпор,
Вдруг никнет и, не выдержавши пробы,
Как кляча, падает. Ведет он войско?

Луцилий

Заночевать они хотели в Сардах;
Часть бóльшая, вся конница сюда
Прибудет с Кассием.

Топот за сценой.

Брут

Чу! Вот и он.
Идем к нему навстречу.

Входит Кассий с войском.

Кассий

Эй, стой!

Брут

Стой, эй! Отдать приказ!

Первый солдат

Стой!

Второй солдат

Стой!

Третий солдат

Стой!

К а с с и й

Мой брат, как ты несправедлив ко мне.

Б р у т

О боги! Я ль несправедлив к врагам?
Могу ль я быть несправедливым к брату?

К а с с и й

Спокойствие твое зловеще, Брут,
И если только...

Б р у т

Успокойся, Кассий.

Спокойно скажешь все, тебя я знаю.
Но здесь, перед глазами наших войск,
Не будем ссориться, — им нужно видеть
Лишь знаки нашей дружбы. Отведи их,
Потом в моей палатке все упреки
Мне выскажешь открыто, Кассий.

К а с с и й

Пиндар,

Скажи начальникам, чтоб отвели
Свои отряды дальше.

Б р у т

Луцилий, сделай то же. Пусть никто
Не входит к нам во время совещанья.
У входа встанут Луций и Титиний.

Уходят.

СЦЕНА 3

Палатка Брута.

Входят Б р у т и К а с с и й.

К а с с и й

Ты оскорбил меня тем, что запятнан
И осужден тобою Люпий Пелла
За взяточничество и поборы с Сард,
А все мои ходатайства о нем
Отвергнуты, хотя его я знаю.

Б р у т

Ты оскорбил себя, прося о нем.

К а с с и й

В такое время, как сейчас, нельзя
Наказывать за мелкие проступки.

Б р у т

И про тебя ведь, Кассий, говорят,
Что будто бы ты на руку нечист
И недостойных званьем облакаешь
За золото.

К а с с и й

Я на руку нечист!

Не будь ты Брутом, то, клянусь богами,
Такая речь была б твоей последней.

Б р у т

А имя Кассия порок прикрыло,
И наказанье головой поникло.

К а с с и й

Наказанье!

Б р у т

Припомни март и мартовские иды:
Иль Цезарь пал не ради правосудья?
Иль негодьями он был сражен
Несправедливо? Разве кто из нас,
Сразивших мужа первого на свете
За покровительство разбою, станет
Себя пятнать позорным лихоимством
И продавать величье нашей чести
За хлам ничтожный, липнуций к рукам?
Быть лучше псом и лаять на луну,
Чем быть таким.

К а с с и й

Брут, не трави меня.

Я не стерплю; ты, позабывшись, хочешь
Меня унижить. Я солдат и старше
Тебя по опыту, умею лучше
Вести переговоры.

Б р у т
Нет, нет, Кассий.

К а с с и й
Я прав.

Б р у т
Нет, ты не прав.

К а с с и й
Довольно, или из себя я выйду.
Остерегись, не искушай меня.

Б р у т
Ничтожный, прочь!

К а с с и й
Возможно ль?

Б р у т
Выслушай мои слова.
Иль ярости твоей мне уступить?
Иль трепетать пред взглядами безумца?

К а с с и й
О боги, боги! Как снести мне это?

Б р у т
И больше вынесешь, сломив гордыню.
Рабам показывай, как вспылчив ты,
Пуускай они дрожат. Мне ль уступать?
Иль должен я почтительно склоняться
Пред вспысками твоими? Нет, клянусь,
Яд желчный свой в себе ты переваришь,
Хотя б тебя взорвал он; я ж отныне
Над гневностью твоей смеяться буду
И потешаться.

К а с с и й
До того ль дошло?

Б р у т
Ты говоришь, что как солдат ты лучше.
Так докажи на деле хвастовство,

Доставь мне удовольствие: ведь я
Учиться рад у доблестных людей.

К а с с и й

Ты всячески меня поносишь, Брут.
Я говорил, что я как воин старше,
Иль я не так сказал?

Б р у т

Мне все равно.

К а с с и й

И Цезарь так не оскорблял меня.

Б р у т

И ты его не смел так раздражать.

К а с с и й

Не смел?!

Б р у т

Нет.

К а с с и й

Не смел так раздражать?!

Б р у т

Не смел из страха.

К а с с и й

Не злоупотребляй моей любовью,
Иль то свершу, о чем сам пожалею.

Б р у т

Ты сделал то, о чем жалеть сам должен.
Мне не страшны твои угрозы, Кассий,
Вооружен я доблестью так крепко.
Что все они, как легкий ветер, мимо
Пронесятся. Я посылал к тебе
За золотом и получил отказ.
Я не могу добыть бесчестьем денег;
Скорее стану я чеканить сердце,
Лить в драхмы кровь свою, чем вымогать
Гроши из рук мозолистых крестьян
Бесчестным способом. Ведь я просил

Те деньги на оплату легионам,
И ты мне отказал. Так сделал Кассий?
Иль Каю Кассию я отказал бы?
Когда Марк Брут так скуп и алчен станет,
Чтоб прятать деньги от своих друзей,
Тогда, о боги, молниями всеми
Его сразите!

К а с с и й
Я не отказал.

Б р у т
Ты отказал.

К а с с и й
Нет, и безумен тот,
Кто мой ответ принес. Мне сердце ранил Брут.
Друг переносит недостатки друга,
А Брут преувеличивает их.

Б р у т
Ты начал их выказывать на мне.

К а с с и й
Меня не любишь ты.

Б р у т
Я не люблю твои пороки.

К а с с и й
Глаз друга должен их не замечать.

Б р у т
Льстецы не видят даже и пороки
Величиной с Олимп.

К а с с и й
Придите же, Антоний и Октавий,
И одному лишь Кассию отмстите,
Мир Кассию постыл, он ненавидим
Любимым другом, опорочен братом,
Как раб, поруган. Все его ошибки
Записаны, затвержены на память,
Чтоб в зубы мне швырнуть. О, душу всю
Я б выплакал из глаз! Вот мой кинжал,

Вот грудь моя нагая, и в ней сердце
Богаче золота и руд Плутона.
Когда ты римлянин, возьми его;
Я, отказавший в золоте, дам сердце;
Рази меня, как Цезаря. Я знаю,
Что в ненависти ты его любил
Сильней, чем Кассия.

Б р у т

Вложи кинжал,
Излей свой гнев как хочешь на свободе,
Как хочешь поноси, ты только вспылчив.
О, Кассий, ты в ярмо впряжен с ягненком,
В нем гнев таится, как в кремне огонь;
Он при ударе высекает искру
И тотчас остывает.

К а с с и й

Будет Кассий
Посмешищем для Брута своего,
Когда он распалится в раздраженье?

Б р у т

Я тоже в раздраженье говорил.

К а с с и й

Ты сознаешься в этом? Дай мне руку.

Б р у т

И сердце вместе с ней.

К а с с и й

О Брут.

Б р у т

В чем дело?

К а с с и й

Иль нет в тебе любви ко мне настолько,
Чтобы сносить ту вспылчивость, что мать
Передала мне?

Б р у т

Да, отныне, Кассий,
Когда вспылишь на Брута, знать он будет,
Что мать твоя бранится с ним, и только.

П о э т
(за сценой)

К военачальникам меня пустите,
У них там ссора, и нельзя одних
Их оставлять.

Л у ц и л и й
(за сценой)

Нет, к ним ты не пойдешь.

П о э т
(за сценой)

Лишь смерть меня удержит.

Входит п о э т в сопровождении Л у ц и л и я, Т и т и н и я
и Л у ц и я.

К а с с и й

Что там? В чем дело?

П о э т

Военачальники! Как вам не стыдно?
Любовь и дружба быть меж вас должны,
Поверьте мне — я больше жил, чем вы.

К а с с и й

Ха-ха! Рифмует циник очень плоско.

Б р у т

Ступай отсюда прочь. Уйди, бесстыдник.

К а с с и й

Терпенье, Брут; ведь он всегда таков.

Б р у т

Терплю я шутовство в другое время.
Война не дело этих стихоплетов. —
Любезный, прочь!

К а с с и й

Ступай, ступай отсюда!

Поэт уходит.

Б р у т

Луцилий и Титиний, мой приказ
Начальникам — встать лагерем здесь на ночь.

К а с с и й

Потом вернитесь и с собой Мессалу
К нам приведите.

Луцилий и Титиний уходят.

Б р у т

Луций, дай вина!

К а с с и й

Не знал я, что так вспылчив ты бываешь.

Б р у т

О Кассий, угнетен я тяжелой скорбью.

К а с с и й

Ты философию свою забыл,
Когда случайным бедам поддаешься.

Б р у т

Кто тверже в скорби: ведь Порция мертва.

К а с с и й

Как, Порция?

Б р у т

Она мертва.

К а с с и й

Как смерти я избег, тебе переча?
О, тяжкая и скорбная утрата.
Что за болезнь?

Б р у т

Тоска по мне в разлуке,
Скорбь, что враги, Октавий и Антоний,
Сильнее нас, известья оба эти
Совпали; и в расстройстве чувств она,
Слуг отославши, проглотила пламя.

К а с с и й

И умерла?

Б р у т

Да, умерла.

К а с с и й

О боги!

Возвращается Л у ц и й с вином и светильником.

Б р у т

О ней ни слова больше. — Дай мне кубок! —
В нем утоплю я нашу ссору, Кассий.

(Пьет.)

К а с с и й

Тост благородный будит в сердце жажду, —
Налей мне, Луций, кубок через край.
Пить без конца готов за дружбу Брута.

(Пьет.)

Б р у т

Войди, Титиний.

Луций уходит.

Входят Т и т и н и й и М е с с а л а.

Мой привет, Мессала.
Тесней вокруг светильника садитесь,
И наши затруднения обсудим.

К а с с и й

Нет Порции!

Б р у т

Прошу, о ней ни слова. —
Мессала, получил я извещение
О том, что Марк Антоний и Октавий
Собрали против нас большое войско
И с ним идут походом на Филиппы.

М е с с а л а

Я получил такое ж сообщение.

Б р у т

И что еще?

М е с с а л а

Проскрипцией вне всякого закона
Октавий, и Антоний, и Лепид
Предали смерти сто сенаторов.

Б р у т

В том наши письма разнятся немного,
Мне пишут о семидесяти павших
Сенаторах, в числе их Цицерон.

К а с с и й

Как — Цицерон?

М е с с а л а

И Цицерон казнен,
Проскрипция коснулась и его.
Не от жены ль ты письма получил?

Б р у т

Нет, Мессала.

М е с с а л а

И в письмах ничего о ней не пишут?

Б р у т

Ничего, Мессала.

М е с с а л а

Это странно.

Б р у т

К чему вопрос? Иль есть о ней известья?

М е с с а л а

Нет, Брут.

Б р у т

Как римлянин, скажи мне прямо правду.

М е с с а л а

И ты, как римлянин, снеси всю правду:
Она погибла необычной смертью.

Б р у т

Прости, о Порция. — Мы все умрем, Мессала.
Лишь мысль о том, что смертна и она,
Дает мне силу пережить утрату.

М е с с а л а

Так переносит горе муж великий.

К а с с и й

Я на словах все это также знаю,
На деле же осуществить не в силах.

Б р у т

За дело, за живое. Ваше мнение
О том, чтоб нам самим идти к Филиппам?

К а с с и й

Я против.

Б р у т

Почему?

К а с с и й

Вот почему:

Пусть лучше враг отыскивает нас,
Он утомит войска, растратит средства
И понесет урон, мы ж сохраним
На отдыхе и силы и подвижность.

Б р у т

Хороший довод лучшему уступит.
Все жители вокруг, вплоть до Филипп,
Нам подчиняются по принуждению,
Раздражены поборами и данью,
И неприятель, проходя среди них,
Свои ряды пополнить может ими,
И станет он смелее, подкрепленный.
Всех этих выгод мы его лишим,
Когда мы встретимся с ним при Филиппах,
Народ в тылу оставив.

К а с с и й

Слушай, брат мой...

Б р у т

Постой. Прими в расчет, что от друзей
Все взято нами; наши легионы
Здесь в полном сборе; наш успех созрел,
Враг на подъеме, набирает силы;
А нам с вершины под уклон идти.
В делах людей прилив есть и отлив,
С приливом достигаем мы успеха.
Когда ж отлив наступит, лодка жизни
По отмелям несчастий волочится.

Сейчас еще с приливом мы плывем.
Воспользоваться мы должны теченьем
Иль потеряем груз.

К а с с и й

Итак, вперед!

Идем и под Филиппами их встретим.

Б р у т

Подкралась тьма во время разговора,
И мы должны природе подчиниться
И дать себе хотя бы скудный отдых.
Все ль обсудили мы?

К а с с и й

Все. Доброй ночи.

С рассветом выступаем мы туда.

Б р у т

Луций!

Входит Л у ц и й.

Одежду дай.

Луций уходит.

Прощай, Мессала. —

Титиний, доброй ночи! — Славный Кассий,
Спокойно спи и отдыхай.

К а с с и й

Мой брат!

Начало ночи было неспокойно.
Не будет больше между нас разлада!
Не так ли, Брут?

Б р у т

Теперь все хорошо.

К а с с и й

Спокойной ночи, Брут.

Б р у т

Спокойной ночи, брат.

Т и т и н и й, М е с с а л а

Спокойной ночи, Брут.

Б р у т

Прощайте все.

Кассий, Титиний и Мессала уходят.

Входит Л у ц и й с одеждой.

Одежду дай. А люгня где твоя?

Л у ц и й

В палатке здесь.

Б р у т

Ты говоришь так сонно.

Я не виню тебя: не спал ты долго.

Пусть Клавдий и еще один из стражи

В моей палатке лягут на подушках.

Л у ц и й

Варрон и Клавдий!

Входят В а р р о н и К л а в д и й.

В а р р о н

Что, господин?

Б р у т

Ложитесь спать здесь у меня в палатке,

Быть может, вскоре вас я подниму

И к Кассию с известием отправлю.

В а р р о н

Так лучше нам не спать и быть на страже.

Б р у т

Не нужно, лучше спать ложитесь оба.

Быть может, посылать вас не придется, —

Вот книга, Луций. Я ее искал,

Хоть сам же положил в карман одежды.

Варрон и Клавдий ложатся.

Л у ц и й

Мой господин ее мне не давал.

Б р у т

Прости меня, мой мальчик, я забывчив.

Не можешь ты пободрствовать немного

И мне на люгне что-нибудь сыграть?

Луций

Коль господин мой хочет.

Брут

Да, мой мальчик,

Тебя я беспокою, ты ж послушен.

Луций

Ведь это долг мой.

Брут

Не требую я долга свыше сил.

Я знаю, юность любит отдохнуть.

Луций

Я спал, мой господин.

Брут

И хорошо, и должен лечь опять.

Сыграй немного. Если жить останусь,

Тебя я отдарю.

Музыка и пение.

Дремотный звук. Не ты ли, сон-убийца,

К нему жезлом свинцовым прикоснулся

И музыку прервал? Спи, нежный отрок,

Не буду я тебя будить, ты дремлешь

И можешь лютню, выронив, разбить.

Возьму ее; спокойной ночи, мальчик.

Взгляну — не перевернута ль страница,

Где я читал? Вот, кажется, она.

Входит призрак Цезаря.

Как потускнел светильник! Эй, кто там?

Глаза мои устали; оттого

Почудилось им страшное виденье.

Но близится оно... Что ты такое?

Кто ты такой — бог, добрый дух иль демон,

Что леденеет кровь и волос дыбом

Становится? Ответь мне, кто ты?

Призрак

Я твой злой гений, Брут.

Брут

Зачем явился?

П р и з р а к

Сказать, что встретимся мы при Филиппах.

Б р у т

Тебя увижу вновь?

П р и з р а к

Да, при Филиппах.

Б р у т

Тебя готов я при Филиппах встретить.

Призрак уходит.

Пришел в себя, а он уже исчез,
Злой гений, я с тобой поговорил бы. —
Эй, Луций! Клавдий и Варрон! Проснитесь!
Клавдий!

Л у ц и й

Я не настроил струны.

Б р у т

Он думает, что все еще играет. —
Проснись же, Луций!

Л у ц и й

Мой господин?

Б р у т

Какой ты видел сон, что так кричал?

Л у ц и й

Я не заметил, чтобы я кричал.

Б р у т

Нет, ты кричал. Ты видел что-нибудь?

Л у ц и й

Нет, господин.

Б р у т

Спи, Луций. — Пробудись же, Клавдий.
(Варрону.)

Вставай и ты!

В а р р о н

Мой господин?

К л а в д и й

Мой господин?

Б р у т

Что вы кричали громко так во сне?

В а р р о н, К л а в д и й

Кричали мы?

Б р у т

Да, что вы увидали?

В а р р о н

Я ничего не видел.

К л а в д и й

И я тоже.

Б р у т

Спешите к Кассию с моим посланьем.
Пусть с войском раньше выступит, а мы
За ним последуем.

В а р р о н, К л а в д и й

Приказ исполним.

Уходят.

А К Т V

С Ц Е Н А 1

Равнина у Филипп.

Входят О к т а в и й, А н т о н и й и их войска.

О к т а в и й

Сбылись надежды наши, Марк Антоний.
Ты говорил, что враг вниз не сойдет,
А будет на горах вверху держаться.
Совсем не так: вон их войска, вблизи,
Они хотят нас у Филипп настигнуть,
Ударив раньше, чем на них ударят.

А н т о н и й

Я лучше знаю их и понимаю,
Что гонит их сюда. Они бы рады

Уйти в другое место, но спустились
С трусливой храбростью, надеясь этим
Нам выказать свою неустрашимость.
Но это ложь.

Входит вестник.

Вестник

Готовьтесь, полководцы;
Противник движется в порядке стройном,
И поднял он знамена боевые.
Немедленно мы действовать должны.

Антоний

Октавий, ты веди свои войска,
Не торопясь, налево по равнине.

Октавий

Направо поведу, а ты налево.

Антоний

Зачем перечишь мне в такое время?

Октавий

Я не перечу; просто так хочу.

Движение войск.

Барабанный бой. Входят Брут, Кассий и их войска:
Луцилий, Титиний, Мессала и другие.

Брут

Они стоят и ждут переговоров.

Кассий

Титиний, стой: мы выйдем говорить.

Октавий

Антоний, дать ли нам сигнал к сраженью?

Антоний

Нет, Цезарь, лучше отразим их натиск.
Пойдем; вожди их говорить хотят.

Октавий

Ни с места до сигнала.

Б р у т

Начнем с речей, а биться после будем.

О к т а в и й

Но мы речей не любим так, как вы.

Б р у т

Речь добрая удара злого лучше.

А н т о н и й

Ты злой удар приправил речью доброй.
Не ты ли, Брут, его ударив в сердце,
Кричал: «Да здравствует! Живи, о Цезарь!»

К а с с и й

Как тыразишь, не знаем мы, Антоний,
Слова ж твои ограбили пчел Гиблы,
Ты мед у них похитил.

А н т о н и й

Но не жало.

Б р у т

Не только мед и жало, но и голос.
Ведь ты жужжанье их украл, Антоний,
И, прежде чем ударить нас, жужжишь.

А н т о н и й

Не так, как вы, злодеи, чьи кинжалы
Сшибались, в тело Цезаря вонзаясь.
По-обезьяньи скалясь, ластясь псами,
Вы рабски Цезарю лобзали ноги,
А Каска, трус, как пес подкравшись сзади,
Ударил в шею Цезаря. Льстецы!

К а с с и й

Льстецы! Ну, Брут, благодари себя:
Язык его не поносил бы нас,
Когда бы внял ты Кассию.

О к т а в и й

Поближе к делу: спор нас в пот бросает,
А битва выжмет капли покрасней.

Смотрите:
На заговорщиков я вынул меч.
Когда он в ножны вложится опять?
Не раньше, чем отмстятся тридцать три
Все раны Цезаря иль новый Цезарь
Вновь кровью обагрят мечи убийц.

Б р у т

От рук убийц ты, Цезарь, не падешь,
Коль ты с собой их не привел.

О к т а в и й

Надеюсь.

Я не рожден для Брутова меча.

Б р у т

О юноша, и отпрыск самый лучший
Почетней этой смерти не найдет.

К а с с и й

Школяр-драчун не стоит этой чести
В придачу с маскарадником, кутилой.

А н т о н и й

Все тот же Кассий!

О к т а в и й

Прочь пойдем, Антоний! —

Убийцы, вызов вам в лицо бросаем:
Осмелитесь, — сегодня ждем вас в поле,
Коль нет — в другой раз наберитесь духа.

Октавий, Антоний и их войска уходят.

К а с с и й

Дуй, ветер! Бей, прибой! Плыви, корабль!
Поднялась буря, и всем правит случай.

Б р у т

Луцилий, на два слова.

Л у ц и л и й
(выходя вперед)

Что, начальник?

Брут и Луцилий разговаривают в стороне.

К а с с и й

Мессала!

М е с с а л а
(*выходя вперед*)

Что прикажешь мне?

К а с с и й

Мессала,

Сегодня день рожденья моего,
Родился Кассий в этот день. Дай руку
И будь свидетелем, что против воли
Я на одно сражение, как Помпей,
Поставить должен все свободы наши.
Ты знаешь, я сторонник Эпикура,
Но мнение свое переменял
И склонен верить в предзнаменованья.
Когда от Сард мы шли, на наше знамя
Спустились два орла, как на насест.
Из рук солдат они хватали пищу
И до Филипп сопровождали нас.
Сегодня ж утром вдруг они исчезли,
И вороны и коршуны взамен их
Кружат над нами и на нас глядят
Как на добычу; тени их спустились,
Как полог роковой, и наше войско
Под ним готово испустить свой дух.

М е с с а л а

Не думай так.

К а с с и й

Я верю лишь отчасти,
Но дух мой бодр, и я решился твердо
Опасностям всем противостоять!

Б р у т

Вот так, Луцилий.

К а с с и й

Благородный Брут,
К нам боги благосклонны; да продлятся
Нам дни до старости средь дружбы мирной!
Но переменчивы дела людские,
И к худшему должны мы быть готовы.

Ведь если мы сраженье проиграем,
То здесь беседуем в последний раз.
Что ты тогда решишься предпринять?

Б р у т

Согласно философии своей
Катона за его самоубийство
Я порицал; и почему, не знаю,
Считаю я и низким и трусливым
Из страха перед тем, что будет, — жизнь
Свою пресечь. Вооружась терпением,
Готов я ждать решенья высших сил,
Вершительниц людских судеб.

К а с с и й

Так, значит,

Согласен ты, сраженье проиграв,
Идти в триумфе пленником по Риму?

Б р у т

Нет, Кассий, нет. Ты, римлянин, не думай,
Что Брута поведут в окопах в Рим.
Нет, духом он велик. Но этот день
Окончит начатое в иды марта.
Не знаю, встретимся ли мы опять,
Поэтому простимся навсегда.
Прощай же навсегда, навеки, Кассий!
И если встретимся, то улыбнемся;
А нет, — так мы расстались хорошо.

К а с с и й

Прощай же навсегда, навеки, Брут!
И если встретимся, то улыбнемся;
А нет, — так мы расстались хорошо.

Б р у т

Так выступай. О, если б знать заране,
Чем кончится сегодня наша битва!
Но хорошо, что будет день окончен,
Тогда конец узнаем. — Эй, вперед!

Уходят.

СЦЕНА 2

Поле битвы.

Боевой сигнал. Входят Брут и Мессала.

Брут

Скачи, скачи, Мессала, и приказ
К тем легионам отвези скорей.

Громкий боевой сигнал.

Пусть разом нападают; я заметил,
Что дрогнуло Октавия крыло,
Удар внезапный опрокинет их.
Скачи, Мессала: пусть ударят сверху.

Уходят.

СЦЕНА 3

Другая часть поля.

Боевые сигналы. Входят Кассий и Титиний.

Кассий

Смотри, Титиний, как бегут мерзавцы!
И для своих я сделался врагом.
Вот этот знаменосец побежал,
И, труса заколовши, взял я знамя.

Титиний

О Кассий, Брут приказ дал слишком рано.
Октавия он одолеть успел,
Но грабить кинулись его солдаты,
А нас Антоний окружил кольцом.

Входит Пиндар.

Пиндар

Беги, мой господин, беги скорей!
Ведь Марк Антоний захватил твой лагерь.
Спасайся, Кассий доблестный, спасайся!

Кассий

Но холм от них далек. Взгляни, Титиний,
Не там ли лагерь мой, где видно пламя?

Т и т и н и й

Да, там.

К а с с и й

Титиний, из любви ко мне
Вскочи на моего коня и мчись,
Его пришпорив, до того вон войска
И вновь назад — чтобы я знал наверно,
Враги ли это там или друзья.

Т и т и н и й

Вернусь назад я с быстротою мысли.

(Уходит.)

К а с с и й

Ты, Пиндар, поднимись на холм повыше,
Я зреньем слаб; следи за ним глазами
И говори о всем, что видно в поле.

Пиндар всходит на холм.

Дал жизнь мне этот день и жизнь возьмет.
И там, где начал, должен я окончить.
Круг жизни завершен. Что там ты видишь?

П и н д а р
(сверху)

О господин!

К а с с и й
Какие вести?

П и н д а р

Титиний отовсюду окружен.
За ним, пришпорив, всадники несутся;
Он скачет. Вот они его нагнали.
Титиний! Спешились. С коня сошел он.
Он взят.

Крик.

Они от радости кричат.

К а с с и й

Довольно. Не смотри.
Я трус и дожил до того, что вижу,
Как лучший друг взят на глазах моих!

Пиндар спускается.

Ко мне приблизься.
Тебя в плен захватил я у парфян,
И ты тогда, спасенный мной, поклонялся
Исполнить все, что прикажу тебе.
Теперь приблизься и исполни клятву.
Свободен будь; и этим вот мечом,
Сразившим Цезаря, убей меня.
Не возражай; держись за рукоять;
Как только я лицо свое закрою,
Убей меня мечом.

Пиндар закалывает его.

Отмщен ты, Цезарь,
Мечом тем самым, что тебя сразил.
(Умирает.)

П и н д а р

Свободен я; но не такой ценой
Хотел добыть свободу я. О Кассий!
Далеко Пиндар убежит отсюда,
И не услышат римляне о нем.
(Уходит.)

Входят Титиний и Мессала.

М е с с а л а

В расчете мы, Титиний; ведь Октавий
Разбит войсками доблестного Брута,
Как легионы Кассия Антонием.

Т и т и н и й

Известье это Кассия подбодрит.

М е с с а л а

Где ты его оставил?

Т и т и н и й

В скорби здесь,
На этом вот холме, с ним Пиндар, раб.

М е с с а л а

Не он ли это на земле лежит?

Т и т и н и й

Лежит, как мертвый, он. О, горе мне!

Мессала

То он?

Титиний

Нет, это было им, Мессала,
Нет больше Кассия. Как ты, о солнце,
Кроваво заходящее пред ночью,
День Кассия померк в его крови, —
Угасло солнце Рима! День наш кончен;
Мгла, гибель близки; завершен наш подвиг!
Неверье в мой успех его сгубило.

Мессала

Неверие в успех его сгубило.
Ужасная ошибка, дочь печали,
Зачем морочишь ты воображенье
Несуществующим? Зачавшись быстро,
Не знаешь ты счастливого рожденья
И губишь мать, родившую тебя.

Титиний

Эй, Пиндар! Где ты, Пиндар, отзовись!

Мессала

Ищи его, Титиний. Я ж пойду,
Чтоб доблестного Брута прямо в уши
Сразить известьем этим; да, сразить, —
Пронзающая сталь и копья с ядом
Приятней были б для ушей его,
Чем эта весть.

Титиний

Спеши к нему, Мессала,
Я ж Пиндара покуда поищу.

Мессала уходит.

Зачем меня послал ты, храбрый Кассий?
Иль не нашел друзей я? Не они ль
Меня венком победным увенчали,
Чтоб передать тебе? Не слышал ты их кликов?
Увы, ты это все превратно понял.
Прими же на чело свое венок,
Твой Брут дал для тебя его, и я
Исполню порученье. Брут, приди
Взглянуть, как мной увенчан Кассий Кай.

Вот, боги, римлянина долг: найди,
Меч Кассия, и сердце здесь в груди.
(Убивает себя.)

Боевой сигнал. Входит Мессала вместе с Брутом,
юным Катонем, Стратоном, Луцилием и дру-
гими.

Б р у т

Где, где, Мессала, прах его лежит?

М е с с а л а

Вон там, и вместе с ним Титиний в скорби.

Б р у т

Простерт Титиний навзничь.

К а т о н

Тоже мертв.

Б р у т

О Юлий Цезарь, ты еще могуч!
И дух твой бродит, обращая наши
Мечи нам прямо в грудь.

Отдаленные боевые сигналы.

К а т о н

Титиний Храбрый!

Взгляните: мертвый Кассий им увенчан!

Б р у т

Таких двух римлян больше нет на свете!
Последний из всех римлян, о прости!
Не сможет никогда Рим породить
Подобного тебе. Другья, я должен
Ему слез больше, чем сейчас плачу.
Сейчас не время, Кассий, нет, не время.
На остров Фазос прах его доставьте:
Не место в лагере для погребенья.
Оно расстроит нас. — Идем, Луцилий,
И ты, Катон; на поле все пойдем. —
Войска ведите, Лабеон и Флавий.
Час третий. Римляне, еще до тьмы
В бою вновь счастье попытаем мы.

Уходят.

СЦЕНА 4

Другая часть поля.

Боевой сигнал. Входят, сражаясь, солдаты обеих армий; затем — Брут, юный Катон, Луцилий и другие.

Б р у т

Вперед, сограждане, не падать духом!

К а т о н

Меж нас нет выроdkов! Эй, кто со мной?
Свое я имя оглашаю в поле.
Отец мой Марк Катон, я сын его!
Тиранам враг и друг своей отчизне!
Я сын Катона Марка, эй вы там!

Б р у т

Я — Брут, Марк Брут! Узнайте же, кто я.
Брут, друг своей страны! Узнайте Брута!
(Уходит сражаясь.)

Юный Катон, сраженный, падает.

Л у ц и л и й

О юный доблестный Катон, ты пал?
Ты умираешь храбро, как Титиний,
И доказал, что ты Катона сын.

П е р в ы й с о л д а т

Сдавайся иль умри!

Л у ц и л и й

Сдаюсь, чтоб умереть.
Довольно ли, чтоб ты меня убил?
(Предлагает деньги.)
Убей же Брута, славься этой смертью.

П е р в ы й с о л д а т

Нет, не уьем. Ведь это знатный пленник!

В т о р о й с о л д а т

Антонию скажите: Брут захвачен.

Первый солдат
Сейчас скажу. Вот он сюда идет.

Входит Антоний.

Брут взят, Брут нами взят, мой господин.

Антоний

Где ж он?

Луцилий

Не здесь, Антоний. Брут вам не отдастся.
Ручаюсь я, что никогда живым
Враг не захватит доблестного Брута.
Ему защитой боги от позора!
Найдете ль вы его живым иль мертвым,
Все ж верен Брут останется себе.

Антоний

Не Брута взяли вы, друзья; но все же
Цена его не меньше. Охраняйте
Его с почетом. Я б хотел иметь
Таких людей друзьями, не врагами.
Узнайте, жив ли Брут или убит,
И обо всем в Октавия палатку
Нам сообщите после.

Уходят.

СЦЕНА 5

Другая часть поля.

Входят Брут, Дарданий, Клит, Стратон и
Волумний.

Брут

Остатки жалкие друзей, на отдых!

Клит

Статилий поднял факел, господин мой,
Но не вернулся: в плен взят иль приколот.

Брут

Присядь же, Клит. Приколот, да, сейчас
Прикальвают нас. Послушай, Клит.
(Шепчет ему.)

К л и т

О, господин? Нет, ни за что на свете.

Б р у т

Молчи.

К л и т

Нет, я скорей убью себя.

Б р у т

Дарданий, слушай.

(Шепчет ему.)

Д а р д а н и й

Чтоб я это сделал?

К л и т

Дарданий!

Д а р д а н и й

О Клит!

К л и т

О чем ужасном Брут тебя просил?

Д а р д а н и й

Убить его. Смотри, он размышляет.

К л и т

Перепополняет душу Брута скорбь
Так, что она из глаз его струится.

Б р у т

Волумний добрый, на одно лишь слово...

В о л у м н и й

Что хочешь ты сказать?..

Б р у т

Вот что, Волумний,

Тень Цезаря ко мне являлась дважды
Средь мрака ночи, — в первый раз у Сард
И прошлой ночью в поле у Филипп.
Я знаю, что мой час пришел.

В о л у м н и й
Нет, Брут!
Б р у т

О нет, не ошибаюсь я, Волумний.
Ты видишь, что свершается на свете:
Врагами загнаны мы к ловчей яме.

Звучит боевой сигнал.

И лучше прыгнуть нам в нее самим,
Чем ждать, пока столкнут. Волумний добрый,
Ты помнишь, в школе мы учились вместе.
Прошу тебя во имя старой дружбы,
Держи мой меч — я брошусь на него.

В о л у м н и й
Не дружеская то услуга, Брут.

Снова боевой сигнал.

К л и т

Беги, мой господин. Нельзя здесь медлить!

Б р у т

Прощайте все, и ты, и ты, Волумний. —
Стратон, все это время ты дремал.
Прощай и ты, Стратон. — Сограждане,
Я рад сердечно, что ни разу в жизни
Людей мне изменивших не встречал.
Прославлюсь я несчастным этим днем,
И больше, чем Октавий и Антоний,
Достигшие своей победы низкой.
Прощайте все; язык мой досказал
Повествование о жизни Брута.
Перед глазами ночь. Покоя жажду,
Я заслужил его своим трудом.

Боевой сигнал. Крик за сценой: «Бегите! Бегите! Бегите!»

К л и т

Беги, мой господин!

Б р у т

Сейчас! За вами!

Клит, Дарданий и Волумний уходят.

А ты, Стратон, останься с господином.
Ведь ты как будто человек достойный
И не лишенный искры благородства.
Ты отверни лицо и меч держи,
Я брошусь на него. Стратон, согласен?

Стратон

Дай руку мне. Прощай, мой господин.

Брут

Прощай, Стратон. О Цезарь, не скорбя,
Убью себя охотней, чем тебя!
(Бросается на свой меч и умирает.)

Боевой сигнал. Отступление. Входят Октавий,
Антоний, Мессала, Луцилий и войско.

Октавий

Кто этот человек?

Мессала

Служитель Брута. Где же Брут, Стратон?

Стратон

Не будет он в плену, как ты, Мессала,
И победитель может сжечь его.
Брут лишь самим собою побежден.
Никто его убийством не прославлен...

Луцилий

Не сдался Брут живым. Спасибо, Брут,
Ты подтвердил Луцилия слова.

Октавий

Беру к себе всех, кто служил у Брута.
Скажи — согласен ли ты мне служить?

Стратон

Да, коль на то Мессала согласится.

Октавий

Мессала, согласись.

Мессала

Как умер Брут, Стратон?

С т р а т о н

Он бросился на меч, что я держал.

М е с с а л а

Октавий, так возьми к себе на службу
Того, кто Бруту до конца служил.

А н т о н и й

Он римлянин был самый благородный
Все заговорщики, кроме него,
Из зависти лишь Цезаря убили,
А он один — из честных побуждений,
Из ревности к общественному благу.
Прекрасна жизнь его, и все стихии
Так в нем соединились, что природа
Могла б сказать: «Он человеком был!»

О к т а в и й

За эту доблесть мы его как должно,
Торжественно и пышно похороним,
Положим прах его в моей палатке,
Все воинские почести отдав.
Войска на отдых! И пойдем скорее
Делить счастливейшего дня трофеи.

Уходят.





КОРОЛЬ
ГЕНРИХ IV

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРЕВОД Б. ПАСТЕРНАКА





ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Король Генрих Четвертый.
Генрих, принц Уэльский
Джон, принц Ланкастерский } сыновья короля.
Граф Уэстморленд.
Сэр Уолтер Блент.
Томас Перси, граф Вустер.
Генрих Перси, граф Нортумберленд.
Генрих Перси, по прозванию Готспер Горячая Шпора,
его сын.
Эдмунд Мортимер, граф Марчский.
Ричард Скруп, архиепископ Йоркский.
Арчибальд, граф Дуглас.
Оуэн Глендаур.
Сэр Ричард Вернон.
Сэр Джон Фальстаф.
Сэр Майкл, друг архиепископа Йоркского.
Пойнс.
Гедсхиль.
Пето.
Бардольф.
Леди Перси, жена Готспера и сестра Мортимера.
Леди Мортимер, жена Мортимера и дочь Глендаура.
Мистрис Куикли, трактирщица в Истчипе.
Лорды, офицеры, шериф, буфетчик, трактирные слуги, коридорные, два извозчика, проезжие и свита.

Место действия — Англия начала XV века.



АКТ I

СЦЕНА I

Лондон. Тронный зал во дворце.

Сидит на троне король Генрих, стоят, окружая его, принц Джон Ланкастерский, граф Уэстморленд, сэр Ричард Вернон, сэр Уолтер Блент и свита.

Король

Хоть до сих пор волнениям нет конца,
Пора подумать об успокоенье
И подготовке будущей войны,
На этот раз, далеко на чужбине.
Отчизна наша больше уст своих
Не будет обогащать сыновней кровью.
Война не будет разорять полей,
Топтать цветов подковами не будет.
Глазами, как огни недобрых звезд,
Смотреть не будут братья друг на друга.
Не будут поножовщина и кровь
Разъединять людей одной породы.
Отныне близкие и земляки
Окажутся в одном ряду друг с другом.
Клинок войны, как нож в худом чехле,
Не будет ранить своего владельца.
Отныне наша цель — господень гроб.
Сплотимся для крестового похода!
Составим ополченье англичан,
Которых руки в материнском чреве
Крестом сложились, как бы клятву дав

Освободить мечом святую землю
С пречистыми следами ног того,
Кто пригвожден к кресту был в этом крае
Четырнадцать веков тому назад.
Хотя мы год твердим об этом деле,
Оно не двигается ни на шаг.
Скажите, что по этому вопросу
Решил совет вчерашний, Уэстморленд?

У э с т м о р л е н д

Мы утверждали подати и сборы
Как раз на эти нужды, государь,
Когда пришла дурная весть из Уэльса.
Вождь герфордширцев Мортимер взят в плен
Разбойничьими шайками Глендаура.
Убита тысяча его солдат.
Над их телами женщины Уэльса
Глумились так, что выговорить срам.

К о р о л ь

Неужто весть об этом избиенье
Оттянет наш задуманный поход?

У э с т м о р л е н д

У нас не только это огорченье.
В воздвиженье при Гольмдоне сошлись
Отважный Перси, знаменитый Готспер
И богатырь шотландский Арчибальд.
Бой был кровопролитный поначалу,
Судя по отголоскам их стрельбы.
Чем кончилось сраженье, неизвестно.
Гонец оттуда ускакал верхом
В разгаре боя, до его исхода.

К о р о л ь

Вот перед вами друг наш Уолтер Блент.
Он весь в пыли и только что с дороги.
Я вас поздравлю. Дуглас побежден.
На поле тысячи солдатских трупов,
Десятки офицерских. Взяты в плен
Сын и наследник Дугласа граф Мордейк,
Граф Этол, Меррей, Энгус и Ментейс.
Не правда ли, богатая добыча
И громкая победа? Правда, брат?

У э с т м о р л е н д

Принц крови был бы рад такой победе.

К о р о л ь

Увы, нож в сердце мне твои слова.
Завидую отцу Нортумберленду,
Что у него такой удачный сын.
Как лучший ствол среди деревьев леса,
Он выше прочих целой головой.
Он баловень судьбы и гордость века.
В сравненье с ним мой Гарри шалопай.
Как счастлив был бы я узнать, что феи
Нам обменяли наших сыновей
И что мое дитя зовется Перси,
В то время как его — Плантагенет!
Но лучше ран не бередить. Ты слышал
Про эту дерзость? Перси не дает
Мне пленников, захваченных в сраженье,
И на словах передает с гонцом,
Что только графа Файфского уступит.

У э с т м о р л е н д

Его так дядя Вустер научил,
Который вам вредит, где только может.
Вот Готспер и зазнался и шумит,
По молодости лет, забыв приличие.

К о р о л ь

Но я за ним послал, чтоб разбранить.
Придется отложить опять на время
Поход крестовый в Иерусалим.
(Поднимаясь с трона.)
Скажите лордам, — в среду совещанье
В Виндзоре — и пожалуйте назад.
Необсужденных дел гораздо больше,
Чем в гневе наспех можно разобрать.

У э с т м о р л е н д

Все будет сделано, мой повелитель.

Трубы.

Уходят.

Лондон. Комната принца Генриха.

Входят навстречу друг другу п р и н ц Г е н р и х и
Ф а л ь с т а ф.

Ф а л ь с т а ф. Который час, Гарри?

П р и н ц. У тебя так ожирели мозги от десертных вин, расстегивания жилета после ужина и спанья днем по углам на скамейках, что ты спрашиваешь совсем не то, что тебя интересует. Я понимаю, если бы часы были стаканами вина, минуты — жареными каплунами, стук маятников — болтовней служанок, а циферблаты — вывесками трактиров, время дня близко касалось бы тебя. А то какое тебе до него дело?

Ф а л ь с т а ф. Ты попал прямо в точку, Гарри. Действительно, такие ловкачи по чужим карманам, как мы, скорее ночные, чем дневные птицы. И знаешь, душенька, когда ты сделаешься королем, да хранит господь твою милость, виноват, величество, должен был бы я сказать, потому что милости тебе от господина не будет...

П р и н ц. Неужели не будет?

Ф а л ь с т а ф. Не будет нисколько, даже на скромный утренний завтрак.

П р и н ц. Ну, допустим. Что же дальше? Короче, короче!

Ф а л ь с т а ф. Так вот, душенька, когда ты взойдешь на престол, позаботься, чтобы нас, рыцарей ночного часа, не звали грабителями среди бела дня. Заведи для нас титулы лесничих луны или телохранителей темноты. Пусть будет известно, что у нас высокие побуждения, если в своей деятельности мы, подобно морю, руководствуемся положением луны на небе и действуем под ее охраной.

П р и н ц. Очень дельное соображение. В судьбе награбленного такие же приливы и отливы, как на море. Например, прилив золота в понедельник, после грабежа, сменяется его отливом во вторник, после кутежа. За обмелением, которое спускает тебя вниз с трактирной лестницы, наступает наводнение, которое поднимает тебя на вершину виселицы.

Ф а л ь с т а ф. Клянусь богом, это правда, мой ненаглядный. Статьи, скажи, неужели в твоё царствование не отменяют в Англии варварского обычая вешанья, и за-

кон по-прежнему будет сковывать молодую предприимчивость? Слушай, когда ты воцаришься, не вешай, пожалуйста, воров.

П р и н ц. Хорошо. Это будешь делать ты.

Ф а л ь с т а ф. В самом деле? Это очень мило с твоей стороны. Ты увидишь, я рассужу всех правильно.

П р и н ц. Ты уже рассудил неправильно. Я собираюсь сделать тебя палачом, а не судьей.

Ф а л ь с т а ф. Ну что же, Гарри, спасибо. Я доволен всем, что бы ни шло от тебя: служить ли смотрителем твоей тюрьмы или хранителем твоего гардероба.

П р и н ц. Чтобы получать платье с моего плеча?

Ф а л ь с т а ф. Или с плеч казненных. Однако поговорим о другом. Я сегодня какой-то кислый, как выдраный кот или ученый медведь на привязи.

П р и н ц. Или как беззубый лев, или как лютия влюбленного.

Ф а л ь с т а ф. Да. Или как сопенье линкольнширской волынки.

П р и н ц. Или как протухшее жаркое из зайца, или тоска Мурфильдских болот.

Ф а л ь с т а ф. У тебя самые неожиданные сравнения, и тем не менее ты самый несравненный, протоканальский и неподражаемый из всех принцев, каких я знаю. Но выслушай меня, Гарри. Перестань развращать меня. Подумай, как необходимо нам обоим доброе имя. А где приобрести нам этот товар? На днях мне попало из-за тебя на улице от одного королевского советника. Он говорил очень основательно, а я не обратил на него внимания. Тем не менее он говорил очень основательно. И, что существенно, при свидетелях.

П р и н ц. Как по Писанию. Премудрость возвышает голос свой на улице, и никто не слушает ее.

Ф а л ь с т а ф. У тебя отвратительная привычка переверять тексты, способная соблазнить даже святого. Ты в жизни оказал дурное влияние на меня, душа Гарри, да простит тебя бог. До знакомства с тобой я был невинен. А теперь, говоря правду, я не многим лучше самых нечестивых. Я должен бросить такую жизнь, и я ее брошу, клянусь богом, а если не брошу, можешь сказать, что я мерзавец. Никакой принц на свете не заставит меня погубить мою душу.

П р и н ц. Где бы нам раздобыть денег на завтрашний день, Джек?

Фальстаф. Где вздумаешь, душенька, за мной дело не станет. А то можешь сказать, что я мерзавец, и лишит меня рыцарского достоинства.

Принц. Хорошо же подвигается твое исправление! От приступа благочестия к возобновленью воровства!

Фальстаф. В самом деле, Гарри? Ну что же, таково мое призванье. Каждый трудится на своем поприще.

Входит **Пойнс**.

А, вот **Пойнс**. Сейчас мы узнаем, не выследил ли **Гедсхиль** чего-нибудь нового. О, если бы на свете была справедливость, какое место в аду было бы достаточно жарко для него? Это негодяй самой чистой воды из всех когда-либо разбойничавших на большой дороге.

Принц. Здравствуй, Нед!

Пойнс. Здравствуй, Гарри. Ну, что говорит наш кающийся грешник? Как поживает наше вино с сахаром? Джек, чем кончились твои переговоры с чертом о твоей душе, которую ты ему продал в страстную пятницу за бокал мадеры и холодную каплунию ножку?

Принц. Сэр Джон не нарушит слова. Черт получает свое. Джек верен заповеди. Дьяволу — дьяволово.

Пойнс. Да, чтоб не забыть. Господа, господа! Завтра в четыре часа утра всем быть в сборе на **Гедских холмах**. Мимо пройдут богомольцы в **Кентербери** и купцы с деньгами и товарами в **Лондон**. Я достал вам маски. Лошади у вас свои. В ожидании нас **Гедсхиль** будет ночевать в **Рочестере**. Завтра мы задаем пир в **Истчипе**. Дело не представит никакой трудности. Участникам я обеспечиваю полные карманы денег, уклонившимся желаю болтаться на виселице.

Фальстаф. Поедем, Гарри?

Принц. Кто? Я? Воровать? Грабить? Ни за что на свете.

Фальстаф. Значит, у тебя нет решимости рискнуть на десять шиллингов? Тогда нет у тебя никакой чести. Ты не мужчина и не товарищ, и, уж во всяком случае, не принц королевской крови.

Принц. Эх, была не была, раз в жизни сделаю глупость!

Фальстаф. Вот это дело.

Принц. Будь что будет, остаюсь дома.

Ф а л ь с т а ф . Ну так клянусь богом, когда ты станешь королем, я отплачу тебе государственной изменой.

П р и н ц . Велика важность!

П о й н с . Сэр Джон, оставь меня с принцем наедине. У меня для него такие доводы, что он поедет.

Ф а л ь с т а ф . Хорошо. Да придаст тебе бог убедительности, а ему разума, чтобы он понял, что шутки ради неподдельный принц может раз в жизни подделаться под вора. Прощайте. Вы найдете меня в Истчипе.

П р и н ц . Прощай, закатившаяся молодость! Прощай, бабье лето!

Фальстаф уходит.

П о й н с . Ну вот. Милый, премилый принц, поедемте с нами завтра. Я задумал шутку, но с этим мне одному не справиться. Фальстаф, Бардольф, Пето и Гедсхиль совершат намеченное ограбление. Мы с ними не поедем. Когда они завладеют добычей, мы нападём на них и отнимем ее. Это будет замечательно, даю вам голову на отсечение.

П р и н ц . Хорошо. Но как нам отвязаться от них при выезде?

П о й н с . Мы выедем до них или попозднее и назначим им место встречи. В нашей власти не явиться туда. Тогда они возьмутся за дело сами, и только его доведут до конца, как мы нападём на них.

П р и н ц . Да, но ведь они отлично знают наш внешний вид: лошадей, одежду, вооруженье.

П о й н с . Лошадей они не увидят. Я привяжу их в лесу. Маски мы переменим. А платье мы прикроем плащами. Я их приготовил.

П р и н ц . Да, но сладим ли мы с ними? Их четверо.

П о й н с . Оставьте, пожалуйста. Двое такие трусы, каких свет не создавал, и тотчас удерут. А третий защищается только, пока это не опасно. Мы их сейчас же рассеем. Но дело не в этом. Главная умора в том, что нам будет врать за ужином этот плут и обжора. Мы услышим, как человек тридцать навалилось на него и как храбро он от них отбивался. И каково будет зрелище, когда мы уличим его!

П р и н ц . Ладно. Я поеду. Позаботьтесь обо всем необходимом и приходите за мной завтра в Истчип. Я там буду ужинать. Прощайте.

П о й н с . Прощайте, милорд. *(Уходит.)*

П р и н ц

Я всем вам знаю цену, но пока
Потворщик первый вашим безобразьям.
Мне в этом солнце подает пример.
Оно дает себя туманить тучам,
Чтоб после тем сильнее ослепить
Своим внезапным выходом из мрака.
Когда б мы праздновали каждый день,
То отдых был бы тягостней работы.
Но праздник — редкость, праздник — торжество.
Нас радует лишь то, что непривычно.
Так именно, когда я прекращу
Разгул и обнаружу исправленье,
Какого никому не обещал,
Людей я озадачу переменой
И лучше окажусь, чем думал свет.
Благодаря моим бывлым порокам
Еще яснее будет, чем я стал,
Как оттеняет темная подушка
Блеск золота, лежащего на ней.
Все, что теперь я трачу на пирушки,
Со временем верну я до полушки.

(Уходит.)

СЦЕНА 3

Лондон. Зал совета во дворце.

Трубы. Король Генрих на троне, кругом — принц Джон, Нортумберленд, Вустер, Готспер, сэр Уолтер Блент, рыцари, стража и свита.

К о р о л ь

Я кроток был и слишком терпелив
И мог вам нерешительным казаться.
Вы бросили стесняться и теперь
Мое терпенье топчете ногами.
Но берегитесь, я переменюсь.
Я мягок был, как пух, как масло, гладок,
И все спускал. Вот я и потерял
Свои права на ваше уваженье,
Которое привыкли воздавать
Лишь грубой силе люди грубой силы.

Вустер

Мой государь, наш дом не заслужил,
Чтобы ему о силе говорила
Та сила, для которой этот дом
Служил опорой при возвышеньи.

Нортумберленд

Мой повелитель...

Король

Вустер, выйди вон.
В твоих глазах недобрый блеск и вызов.
Вы слишком дерзки, сударь. Короли
Не терпят, чтоб на них смотрели хмуро.
Вы слышите? Вы можете идти.
Мы позовем вас, если будет нужно.

Вустер уходит.

(Нортумберленду.)

Вы что-то собирались нам сказать?

Нортумберленд

С отказом возвратить гольмдонских пленных
Все обстоит не так, как донесли.
Сын отказал не так определенно,
И ваши сведенья — несчастный плод
Ошибки или недоразуменья.

Готспер

Я их не отказался выдавать,
А вот как было дело. После битвы,
Когда, склонясь на меч и чуть дыша
От напряженья ярости и жажды,
Сидел я, подошел какой-то лорд,
Нарядный, как жених, и свежebritый,
Как поле после жатвы. Он держал
Меж пальцев склянку с мускусной струею,
Вертел в руках, и нюхал, и чихал,
И нес какой-то вздор, и улыбался.
Когда солдаты стали выносить
Убитых, он им сделал замечанье,
Чтоб трупы проносили стороной,
Откуда не повеет разложением.

Так щечбеча, он мимоходом, вскользь
Потребовал, чтоб я вам выдал пленных.
Я знаю, это право королей,
Но я взбешен был этим попугаем,
И раны о себе давали знать —
Ей-богу, я не помню, как ответил,
Что выдам пленных или не отдам,
Но я утратил самообладанье.
Он был прилизан и благоухал,
И рассуждал, как барышня, о пушках
И ранах, и хвалил мне спермацет
Как лучшее лекарство от контузий.
Он очень сожалел, что из земли
Выкапывают гадкую селитру,
Которая цветущим существам
Приносит смерть или вредит здоровью,
И уверял, что, если б не стрельба,
Он сам бы, может быть, пошел в солдаты.
Понятно, что на эту ерунду
Не мог я отвечать ему серьезно,
Чего прошу мне не вменять в вину,
Чтоб неприятность с этим господином
Не стала разделяющей стеной
Меж вашим тронном и моей любовью.

Б л е н т

Забудем этот случай, государь.
Смягчающих так много обстоятельств!
Каких бы Гарри Перси ни сказал
Случайных слов такому-то тогда-то,
Они перестают существовать,
Раз он теперь готов их взять обратно.

К о р о л ь

Но пленных и сейчас он не дает.
Он ставит предварительным условием,
Чтоб выкупили шурина его,
Безумца Мортимера. А известно,
Что Мортимер нарочно погубил
Моих солдат и сдался в плен Глендауру,
На дочери которого женат.
На что теперь мне этот перебежчик?
К чему на труса истощать казну?

Он вырыл яму сам себе, предатель.
Пусть помирает с голоду в горах.
Клянусь, я буду всех считать врагами,
Кто грош хотя б попросит, чтоб помочь
Нарушившему верность Мортимеру.

Г о т с п е р

Нарушившему верность! Но кому
Нарушил верность он? Измена разве,
Что счастья не было ему в бою?
Чтоб рот зажать всем этим наговорам,
Достаточно напомнить, сколько ран
Он получил в смертельном поединке
С Глендауром! Схватка длилась целый час.
Поймите, как она была упорна!
Бойцы, переводя три раза дух,
Из Северна три раза пили воду,
Поток которого бежал, журча
Меж камышей, дрожавших от испуга.
Кто б стал так сильно кровью истекать
И жертвовать собою для притворства?
Нет, не ломал комедий Мортимер.
Все это выстрадал он добровольно.
Поэтому не надо клеветать
И случай с ним изображать изменой.

К о р о л ь

Неправда все с начала до конца.
Ты выдумал, не дрался он с Глендауром
(Поднимаясь.)

Он с дьяволом один бы на один
Мог драться с той же самою удачей.
Тебе не стыдно врать? Но все равно.
Чтоб впредь о Мортимере я не слышал!
Пришли мне пленных и поторопись,
А то заговорю я по-другому.
Я не шучу. Милорд Нортумберленд,
Мы разрешаем вам уехать с сыном.
(Уходя.)

Пришли мне пленных, чтоб не пожалеть.

Трубы.

Все уходят, кроме Нортумберленда и Готспера.

Готспер

Нет, не пришлю ни за какие деньги.
Сейчас за ним вдогонку побегу
И прямо выложу, что накипело,
Хоть стоило бы это головы.

Нортумберленд

Да ты с ума сошел? В припадке гнева?
Остановись. Вот дядя твой идет.

Возвращается Вустер.

Готспер

«Чтоб впредь о Мортимере я не слышал!»
Ан вот я буду, буду говорить!
Пусть сгину я, когда я с ним не сблизусь!
Да нет, я кровь свою отдам за то,
Чтоб Мортимера возвести на место,
Где восседает этот самодур,
Проклятый Болинброк неблагодарный.

Нортумберленд
(Вустеру)

Вот до чего довел его король.

Вустер

О чем шла речь у вас, когда я вышел?

Готспер

Он хочет пленных всех до одного.
Мое условие — выкуп Мортимера.
Едва он это имя услышал,
Как вздрогнул и позеленел от злости.

Вустер

Еще бы! Мортимер был наречен
Преемником покойного Ричарда.

Нортумберленд

Я был при том и слышал сам указ.
Ричард его наследником назначил
Пред выездом в Ирландию, в поход,
Откуда, по причине наших козней,
Он должен был вернуться и затем
Был свергнут и убит.

В у с т е р

За умерщвление
Которого должны мы отвечать
И опозорены пред целым светом.

Г о т с п е р

Я не ослышался? Король Ричард
Наследником назначил Мортимера?
И вы при этом были?

Н о р т у м б е р л е н д

Да, я сам.

Г о т с п е р

Тогда я ничему не удивляюсь,
И мне понятно, почему король
Мог пожелать ему голодной смерти.
Но вы-то что смотрели? Для чего
Надели вы венец на человека,
Не помнящего вашего добра?
Зачем участвовали в преступленьи?
Затем, чтоб стать во мнении людей
Сообщниками зла, орудьем казни,
Подобно виселице, топору,
Ступенькам лестницы или веревке?
Вы видите, не ставит ни во что
Вас этот изворотливый правитель!
Так что ж, терпеть и дальше этот стыд?
Ведь в будущем прочтут и не поверят,
Как люди лучшей крови, вроде вас,
Могли содействовать такой проделке
(А видит бог, как вы повинны в ней),
Что вырван был Ричард, цветущий розан,
И насажден терновник Болинброк.
Но разве это все? Вдвойне позорно,
Что вас забыл, надул и гонит прочь
Тот, для кого покрывались вы бесславьем.
Но честь не поздно ведь еще спасти
И сызнова подняться в общем мненьи.
Достоинство отомстите королю
За то, что он высокомерен с вами.
Он спит и видит, как бы вас сгубить,
Чтоб навсегда покончить с вами счеты.
Поэтому...

В у с т е р

Племянник, перестань.
Сейчас я загляну с тобой, как в книгу,
На дно души, где я таю мечту
О страшном шаге. Этот шаг опасен,
Как переход по тонкому копыю
Над пропастью с клокочущим потоком.

Г о т с п е р

Что ж, и пройду. А если упаду,
Мне, значит, утонуть судьба судила.
Во мне опасность зажигает кровь.
Не нахожу забавы в травле зайцев:
Достойнее охотиться на львов.

Н о р т у м б е р л е н д

Чуть услышал про трудную задачу,
Воображенье так уж и кипит.

Г о т с п е р

Поверите ли, для стяжанья славы
Я, кажется, взобрался б на луну
И, не колеблясь, бросился б в пучину,
Которой dna никто не достигал.
Но только б быть единственным и первым.
Я в жизни равенства не признаю.

В у с т е р

Он бог весть где витает и не хочет
Перенестись сюда на землю к нам.
Минуты две внимания, племянник.

Г о т с п е р

Позвольте, дядя...

В у с т е р

Вот что я скажу:
Шотландских пленных...

Г о т с п е р

Я себе оставлю.
Хотя б спасение его души
Зависело от них, он не получит
Ни одного шотландца.

В у с т е р

Погоди.

Ты слова не даешь сказать. Шотландцев
Ты можешь не давать.

Г о т с п е р

И не отдам.

Не сомневайтесь. Он платить не хочет

За выкуп Мортимера, запретил

О Мортимере даже заикаться,

Но я зайду к нему, когда он спит,

И громко крикну имя Мортимера.

Нет!

Я этим звукам выучу скворца

И дам ему, чтоб злить его, в подарок.

В у с т е р

Племянник, слушай. Слово дай сказать.

Г о т с п е р

Торжественно пред вами отрекаюсь

От всех желаний, кроме жажды мстить

И злить как можно больше Болинброка.

А принца Уэльского я б отравил

Стаканом пива, если б не боялся,

Что этот сын в обузу королю

И он обрадуется избавленью.

В у с т е р

Прощай, племянник. Мы поговорим,

Когда ты будешь несколько спокойней.

Н о р т у м б е р л е н д

Кто укусил тебя, что ты оглох?

Откуда это женское упрямство?

Ты не желаешь слушать никого.

Г о т с п е р

Когда заходит речь о Болинброке,

Я весь горю, и трудно усидеть,

Как от ожогов розог и укусов

Или крапивы, или муравьев.

Вы помните — постойте — при Ричарде —

Забыл название замка, как его?..

Ах, черт возьми, ну этот, в Глостершире,
Где дядя короля, безумный Йорк
Стоял двором, — в том самом замке, словом,
Где я склонил колени в первый раз
Пред королем улыбок, Болинброком.
Черт! Вертится на языке. В тот день
Вы с ним приехали из Ревенсберга.

Н о р т у м б е р л е н д

Не в замке Беркли?

Г о т с п е р

В нем, конечно, в нем.
Как предо мной тогда он рассыпался!
Как по-собачьи льстил и лебезил!
«Я отплачу, когда я выйду в люди».
«Мой Гарри Перси!» «Мой названный брат»!
Чтоб черт тебя подрал, какой обманщик!
Ну, погоди же ты, прости господь!
Теперь я кончил. Говорите, дядя.

В у с т е р

Да нет, мы подождем.

Г о т с п е р

Я все сказал.

В у с т е р

Тогда еще раз о шотландских пленных.
Ты их без выкупа освободи.
Сын Дугласа за это пусть поможет
Тебе набрать в Шотландии солдат.
Зачем они понадобятся, после
Я точно изложу тебе в письме.

(Нортумберленду.)

А вы, милорд, пока он будет занят
В Шотландии, должны расположить
Его преосвященство в нашу пользу.

Г о т с п е р

Епископа Йоркского?

В у с т е р

Ну да.

Он не простил, что в Бристоле казнили

Его родного брата. Он отмстит
За лорда Скрупа. Это не догадка.
Я твердо знаю, что я говорю.
Сухого хвороста повсюду кучи —
И только искры ждут, чтоб запылать.

Готспер

Я чувствую. Ей-богу, пахнет дымом.

Нортумберленд

Ты дичи слишком рано не спугни.

Готспер

Мы победим. Не может быть сомненья.
Шотландцы, Йорк, а третий — Мортимер?
Не правда ль, угадал?

Вустер

Ты догадался.

Готспер

Великолепный план.

Вустер

Дремать нельзя.

Наш заговор — для нас вопрос спасенья.
Теперь, что мы ни делай, все равно
Король в нас будет видеть недовольных,
И он не успокоится, пока
Не уберет нас со своей дороги.
Видали, как сейчас он был угрюм?
Вот первые предвестия разрыва.

Готспер

Да, да. Но мы за это отомстим.

Вустер

Прощай, племянник. Соблюдай границы,
Которые тебе я предпишу.
Придет пора, я съедусь с Мортимером
И Глендауром, и там устроим сбор
И Дугласовых и твоих отрядов.
Настало время овладеть судьбой,
Которую из рук мы упустили.

Нортумберленд
Будь счастлив, брат. Мне верится в успех.

Готспер

Прощайте. Я не буду знать покоя,
Покамест армий к битве не построю.

Уходят.

АКТ II

СЦЕНА 1

Рочестер. Постоялый двор.

Входит извозчик с фонарем.

Извозчик (зевая). Э-хе-хе! Должно быть, уже четыре часа утра, не меньше, чтоб я лопнул. Медведица уже вон где, над дымовой трубою, а лошадь еще не выючена. Эй, конюх!

Конюх (за сценой). Сейчас, сейчас!

Извозчик. Слушай, Том, подложи кобыле пакли под седло. У нее вся спина в ранах, у горемычной.

Входит второй извозчик.

Второй извозчик. Подают гнилой горох и чечевицу, только лошадей морить. Такое собачье место! Со смерти Робина тут все вверх дном.

Первый извозчик. Как вздорожал овес, так я больше не видал, чтобы он, бедный, смеялся. Это был зарез для покойника.

Второй извозчик. По всей лондонской дороге нет хуже двора в смысле блох. У меня все тело искусано, и я весь, как линь, пятнистый.

Первый извозчик. Как они в меня впились с первых петухов, так до утра уже не отпускали. Конюх! Да куда ж он запропастился, этот окаянный конюх, чтоб он провалился! Вылезай, вылезай!

Второй извозчик. Со мной копченый окорок и два тюка имбиря в Черинг-Кросс.

Первый извозчик. Батюшки, индюшки в корзине не кормлены, спасибо, напомнил! Конюх, что

ты, оглох? Да когда же ты, черт, проспишься, чтоб тебе пусто было! Вот мы проломим тебе голову, будешь ты прохлаждаться!

Входит Г е д с х и л ь.

Г е д с х и л ь. Здорово, извозчики. Который час?

П е р в ы й и з в о з ч и к. Думается, часа два.

Г е д с х и л ь. Одолжи мне на минуту фонарь, я взгляну на своего мерина в конюшне.

П е р в ы й и з в о з ч и к. Ишь ты что выдумал, «одолжи»! Больно хитер. Видали мы таких, видали.

Г е д с х и л ь (второму извозчику). Ну так дай мне свой.

В т о р о й и з в о з ч и к. Фонарь? Как бы не так. Вперед дай полюбуюсь, как тебя повесят.

Г е д с х и л ь. Извозчики, когда вы, каналы, рассчитываете попасть в Лондон?

В т о р о й и з в о з ч и к. Приедем когда надо. Как раз будет время завалиться спать, будь покоен. Пойдем, кум Мегс, разбудим господ. Они будут рады попутчикам, у них много груза.

Извозчики уходят.

Г е д с х и л ь. Коридорный!

К о р и д о р н ы й (за сценой). Мигом, как говорят карманники.

Г е д с х и л ь. Или еще лучше: как говорят коридорные. Одно другого стоит.

Входит к о р и д о р н ы й.

К о р и д о р н ы й. С добрым утром, мистер Гедсхиль. Подтверждается, что я вам сказал вчера. Владелец леса из Кента везет с собой двести фунтов стерлингов золотом. Он в этом признался вчера за ужином своему спутнику. Тот что-то вроде сборщика податей, и тоже с большим багажом. Но одному богу известно, что в нем.

Г е д с х и л ь. Напорются они по дороге на каких-нибудь молодчиков, даю тебе голову на отсечение.

К о р и д о р н ы й. А на что мне ваша голова? Сохраните ее лучше для петли. Уж коли на то пошло, вы первый молодчик и есть. Вам от петли не уйти.

Г е д с х и л ь. Что ты мне, дурак, толкуешь про петлю? Ведь если дойдет до нее дело, мне висеть не одному. Рядом вздернут старого сэра Джона, а это, сам знаешь, не

иголка. У нас, брат, компаньонами такие люди, что ты бы ахнул! Они скуки ради балуются нашим ремеслом, и ты сам понимаешь, если бы что вышло наружу, это сейчас же замнут, чтобы их не замарать. Нет, брат, я знаю, что делаю. С мелкой разбойничьей сошкой я не знаюсь. Босомыги-оборванцы, усачи-головорезы с опухшими носами и всякая голь кабацкая — не нашего прихода. У нас в деле верхи общества, бургомистры, разбойники почище нас с тобой, и орудуем мы как за каменной стеной, в безнаказанности. Мы сорвали, понимаешь ли ты, папоротников цвет, и все стали невидимками.

К о р и д о р н ы й. Ну, что вас не видать, так это, полагаю, не папоротник, а, главным образом, ночные потемки.

Г е д с х и л ь. Ладно. Дай руку. Помалкивай. Как честный человек, обещаю тебе долю в добыче.

К о р и д о р н ы й. Зачем как честный? Тогда вы обманете. Лучше поклянитесь по-настоящему, как продуманной мошенник.

Г е д с х и л ь. Ладно, ступай. Вели конюху вывести мою лошадь. Прощай, грязная личность.

Уходят.

СЦЕНА 2

Большая дорога у Гедских холмов.

Входят **п р и н ц Г е н р и х** и **П о й н с**, переодетые.

П о й н с. В кусты, в кусты! Я увел лошадь Фальстафа, и он беснуется.

П р и н ц. Спрячься.

Уходят в глубину сцены.

Входит **Ф а л ь с т а ф**, переодетый.

Ф а л ь с т а ф. Пойнс! Пойнс, чтоб тебе пусто было! Пойнс!

П р и н ц (*выступая вперед*). Тсс! Что ты бушуешь, толстопузый?

Ф а л ь с т а ф. Где Пойнс, Гарри?

П р и н ц. Он на холме. Я сейчас пойду за ним. (*Снова удаляется в глубь сцены.*)

Ф а л ь с т а ф. Это мне за то, что я опять снюхался с этим проходимцем. Мерзавец увел мою лошадь и привязал черт знает где. Если я сделаю еще шаг пешком, я упаду. Тогда я умру, по крайней мере, естественной смертью, а не на виселице за убийство этого негодяя. Каждый час все эти двадцать два года я даю себе слово раззнакомиться с ним, но он словно чем-то приворожил меня. Ей-богу, пусть меня удавят, если негодяй не подсыпал мне каких-то любовных порошков. А то это необъяснимо. Пойнс! Гарри! Провалитесь вы оба! Бардольф! Пето! Пусть меня уморят голодом, если я двинусь еще хоть шаг дальше. Пора опомниться и расплеваться с ними. Если я этого не сделаю, я самое подлое существо из всех, кто только жевал зубами пищу с сотворенья мира. Восемь ярдов неровной местности для меня хуже, чем семьдесят миль ровной. Негодяи прекрасно это знают. До чего же мы дойдем, если совести не будет даже между ворами?

Слышен свист. Он отвечает.

Фью! Чума возьми вас всех! Где моя лошадь, собачьи дети? Где моя лошадь, чтоб вы околели!

П р и н ц (*выступая вперед*). Тише, толстопузый! Ляг на землю и послушай, не едет ли кто-нибудь по дороге.

Ф а л ь с т а ф. А что, есть у тебя рычаги, чтобы поднять меня потом с земли? Своими силами я уже не подымусь ни за какую золотую наличность в королевской казне Англии. Душка принц, разыщи мою лошадь!

П р и н ц. Опомнись, невежа! Что я тебе, конюх?

Ф а л ь с т а ф. Чтоб тебе в таком случае удавиться на твоём собственном ордене Подвязки. Если меня схватят, я покажу на вас. Чтоб мне отравиться хересом, если я не сочиню на вас всех пасквиля с музыкой, чтоб его распевали на всех перекрестках. Безобразие, когда шутка заходит так далеко, да еще пешком.

Входят П о й н с с одной стороны, а с другой —
Г е д с х и л ь, Б а р д о л ь ф и П е т о, переодетые.

Г е д с х и л ь. Стой!

Ф а л ь с т а ф. А я и не сижу, к сожаленью.

П о й н с. Это наш разведчик. Его голос.

Б а р д о л ь ф. Что нового?

Г е д с х и л ь . Запахивайтесь плащами. Надевайте маски. С горы текут королевские денежки. Они направляются в королевское казначейство.

Ф а л ь с т а ф . Врешь, брат, — в королевские питейные заведения.

Г е д с х и л ь . Хватит на всех.

Ф а л ь с т а ф . Чтобы быть повешенными.

П р и н ц . Вы вчетвером остановите их, где дорога суживается. Я и Нед спустимся ниже. Если они минуют вас благополучно, то наскочат на нас.

П е т о . Сколько их там?

Г е д с х и л ь . Человек восемь или десять.

Ф а л ь с т а ф . Как бы нападающей стороной не оказались они.

П р и н ц . Струсил, сэр Джон Тостый?

Ф а л ь с т а ф . Ну, конечно, куда нам до Джона Тонкого, вашего дедушки! Тем не менее мы не струсил.

П р и н ц . Мы это проверим.

П о й н с . Да, Джек, твоя лошадь за изгородью. Когда она тебе понадобится, найдешь ее там. Будь здоров и смотри не осрались.

Ф а л ь с т а ф . Ну вот я и опять размяк, и пальцем его не трону, хоть режьте меня.

П р и н ц (в сторону, Пойнсу). Нед, где наши плащи?

П о й н с (в сторону, принцу). Здесь, рядом. Пойдемте.

Принц и Пойнс уходят.

Ф а л ь с т а ф . Ну, господа, счастливой удачи вам всем! По местам!

Скрываются. Появляются п р о е з ж и е .

Первый проезжий. Пройдемтесь немножко. Воры. Стой!

Второй проезжий. Господи Иисусе!

Ф а л ь с т а ф . Вали их на землю и коленом на горло! У, саранча ненасытная! Пожили, мироеды! Надо и другим. На землю их — и долой с них шкуру!

Первый проезжий. Разорили! Погубили! Пропали мы с нашими чадами!

Проезжие бегом покидают сцену, преследуемые Бардольфом, Гедсхилем и Пето.

Фальстаф (носясь по сцене с вынутым мечом).
Разорили, чревоугодники? А ваши сундуки и кубышки, объедалы? Пошевеливайтесь, золотые мешки! Мы вам покажем — заедать молодой наш век! Может быть, среди вас есть люди почтенные, присяжные заседатели? Мы вам покажем присяжных заседателей! (*Уходит.*)

Возвращаются **принц Генрих** и **Пойнс**, под плащами.

Принц. Воры связали честных людей. Теперь, в свою очередь, мы оберем воров и от трудов праведных отправимся веселиться в Лондон. Разговоров будет на неделю, смеху — на месяц, а шутка запомнится на всю жизнь.

Пойнс. Спрячемся. Они идут.

Прячутся. Возвращаются **Фальстаф**, **Гедсхиль**, **Бардольф** и **Пето**, нагруженные мешками.

Фальстаф. Ну, ребята, давайте поделимся — и по лошадям, пока не рассвело.

(*Садятся в кружок.*)

Если вы теперь не убедились, какие трусы принц и Пойнс, на свете нет справедливости. Храбрости у Пойнса не больше, чем в дикой утке.

Во время дележа на них бросаются принц и Пойнс.

Принц. Ваши деньги!

Пойнс. Негодяи!

Гедсхиль, **Бардольф**, **Пето** и, после короткого сопротивления, **Фальстаф** убегают, оставив на земле добычу.

Принц

Досталось без борьбы. Скорее в путь.
Они от нас пустились врассыпную
И разбегаются по сторонам,
За стражников друг друга принимая.
Поедем, Нед. Придется попотеть
И землю салом покропить **Фальстафу**.
Мне и смешно и вместе жаль его.

Пойнс

Как он ревел! Как племенной бычице!

Уходят.

СЦЕНА 3

Уоркуорт. Комната в замке.

Входит Готспер, читая письмо.

Готспер. «Со своей стороны, милорд, я считал бы радостью быть с вами, принимая во внимание мою любовь к вашему дому». Он считал бы радостью! Что ж он ее себе не доставит? Принимая во внимание его любовь к нашему дому! Свои амбары, однако же, он, как видно, любит еще больше. Посмотрим дальше. «Дело, за которое вы беретесь, опасно». Что же, это бесспорно. Все на свете опасно. Выйти на свежий воздух, выпить, лечь спать. Да, но поймите, милорд дуралеевич, что в гуще крапивы, которая называется опасностью, мы срываем цветок, который называется благополучьем. «Дело, за которое вы беретесь, опасно; друзья, о которых вы пишете, ненадежны; время теперь неподходящее, и под вашим заговором нет достаточной почвы для борьбы с таким сильным противником». Вы так думаете? Вы так думаете? А я вам на это скажу, что вы тупой, бессмысленный трус да и лгун к тому же. Вот идиот! Клянусь богом, таких обдуманных заговоров еще не бывало. Друзья преданны и проверены. Очень хороший заговор, отличные друзья, большие надежды. Да, да. Великолепный заговор, отличные друзья! Какое бездушное животное! Если заговор неудачен, отчего же архиепископ Йоркский одобряет его? У, черт, мокрая курица, так бы и пробил ему голову веером его супруги! А мой отец, мой дядя и я сам? Разве мы не участвуем в мятеже? Разве лорд Эдмунд Мортимер, архиепископ Йоркский и Оуэн Глендаур не с нами? А про Дугласа вы забыли? Разве нет их письменного обещанья присоединиться к нам девятого числа следующего месяца? И разве уже некоторые не в походе? Так что же это за малонер и язычник? Теперь этот трус, увидите, отправится к королю и все расскажет. О, я готов надавать себе пощечин за то, что предложил такую чудную вещь этой размазне. Черт с ним. Пусть доносит. Мы готовы. Сегодня я выступаю.

Входит леди Перси.

Здравствуй, Кет! Через два часа я должен буду уехать.

Л е д и П е р с и

Мой милый, отчего замкнулся ты?
Чем провинилась я, что две недели
Я без тебя изгнанницей живу?
Что отбивает у тебя охоту
Привольно жить, спокойно есть и спать?
Зачем ты стал смотреть так часто в землю
И вздрагивать, когда сидишь один?
Куда девался прежний твой румянец?
Ведь весь ты мой. Имущество мое
Как смел отдать ты грустным размышленьям?
На днях к тебе вошла я. Ты дремал,
Шепча во сне о битвах и доспехах.
Осаживая мысленно коня,
Ты вскрикивал во сне: «Вперед. Смелее!»
Я слышала твой возбужденный бред
О частоколах, вылазках, прикрытьях,
О пленных и убитых, обо всем,
Чем только может быть полно сраженье.
Ты так был этим поглощен во сне!
На лбу твоём блестели капли пота,
Как пузыри на пенистой воде,
И на лице менялось выраженье.
Ты перекашивал свои черты,
Как будто с болью сдерживал дыханье.
Что значит это все? Мне надо знать,
Какая тяжесть на сердце у мужа,
А то не любит больше он меня.

Г о т с п е р

Сюда! Кто там?

Входит слуга.

Ушел с пакетом Джильямс?

С л у г а

Да, час назад.

Г о т с п е р

А Батлер от судьи

Вернулся с лошадьми?

С л у г а

С одной вернулся.

Готспер
С саврасой? Карнаухой?

Слуга

Точно так.

Готспер

Конь этой масти нас поднимет к власти.
Немедленно седлать. О, espérance!
Пусть Батлер ждет меня с конем у входа.

Слуга уходит.

Леди Перси

Однако, милый друг...

Готспер

Что «милый друг»?

Леди Перси

Что прочь тебя несет?

Готспер

Мой конь, родная.

Леди Перси

Несносная мартышка, перестань!
Конца, ей-богу, нет твоим причудам!
Я, Гарри, знать хочу твои дела.
Мне чудится, что занят вновь постройкой
Воздушных замков брат мой Мортимер
И, верно, требует твоей поддержки?
Но если ты осмелишься пойти
Так далеко...

Готспер

К нему? Пешком? Едва ли.

Леди Перси

Не смей вилять, болтушка попугай!
Сейчас же отвечай мне без утайки,
А то я палец выверну тебе.

Готспер

Пусти, пусти! Так что ты знать желаешь?
Люблю ли я тебя? Понятно, нет.
Окончились турниры поцелуев,
И в куклы стало некогда играть.
Теперь в ходу разбитые короны
И спрос на перебитые носы.
Когда коня мне подведут, однако?
Так что ты, Кет? Что говоришь ты, Кет?

Леди Перси

Как, ты действительно меня не любишь?
И ты не шутишь? Ладно. Не люби.
Я отплачу такую же монетой.
Нет, ты меня серьезно разлюбил?
Скажи мне, это правда, ты не шутишь?

Готспер

Сойдем во двор. Пред тем как уезжать,
Я клятвенно с коня тебя уверю,
Что твой навек. Но обещаю и ты
Не спрашивать вперед, куда я еду.
Раз еду, значит, надо уезжать.
Сегодня должен я тебя оставить.
Ты — умница, однако не умней,
Чем ты сама. Ты — верная супруга,
Но — женщина и, стало быть, молчать
Умеешь лишь о том, чего не знаешь.
Таких границ я и держусь с тобой.

Леди Перси

Таких границ?

Готспер

Да, это неизбежно.
Но через день ты выедешь ко мне
И разгадаешь тайны все на месте.
Согласна?

Леди Перси

Хоть и нет, — принуждена.

Уходят.

СЦЕНА 4

Комната в трактире «Кабанья голова».

Входит принц Генрих.

Принц. Ой не могу, Нед! На помощь! Выйди из этой душной комнаты. Меня рассмешили до упаду.

Входит Пойнс.

Пойнс. Где ты пропадал, Гарри?

Принц. В компании четырех дубовых голов и сорока дубовых бочек. Я спустился на самое дно общества и выпил на «ты» со всей трактирной прислугой. Хочешь, я скажу тебе, как их зовут? Том, Дик и Френсис. Для них уже нет сомненья, что хотя я еще только принц Уэльский, а не король Англии, но зато уже признанный король учтивости и не задираю носа, как некоторые, вроде Фальстафа. Наоборот, я совсем простой и, что называется, душа нараспашку. После коронации они обещают мне покровительство всех истчипских приказчиков. Между прочим, вот их словарь. Напиться значит у них «накраситься». Кружку полагается выпивать залпом, а если кто-нибудь остановится, чтобы передохнуть, кругом кричат «переиграть» и требуют повторенья. Словом, в какие-нибудь четверть часа я так насобачился, что теперь всю жизнь могу распивать и растабарывать с кем угодно из простонародья. Видишь, Нед, как ты много потерял. Но слушай, мой сахарный, кстати, вот тебе на один пенс сахару, который мне только что всучил младший половой. Это один из тех, для которых весь английский язык сводится к двум-трем выраженьям, вроде: «Восемь шиллингов и шесть пенсов», «пожалуйста, пожалуйста», «сейчас, сейчас», «пинту сладкого в кабинет с полумесяцем» и тому подобное. Да, так, значит, слушай, зачем я тебя позвал. В ожиданье Фальстафа надо что-нибудь выкинуть. Пойди в соседнюю комнату. С моим младшим половым я заведу разговор о сахаре, который он мне дал. Зови, не переставая, «Френсис», так, чтобы он все время разрывался между мной и тобою и на все мои вопросы отвечал только «сейчас, сейчас». Выйди за дверь. Поупражняемся.

Пойнс уходит.

По и н с (за сценой). Френсис!

П р и н ц. Великолепно.

По и н с (за сценой). Френсис!

Входит Ф р е н с и с.

Ф р е н с и с. Сейчас, сейчас, сэръ! Загляни, Ральф, в гранатовую комнату.

П р и н ц. Поди сюда, Френсис.

Ф р е н с и с. Чего изволите, милорд?

П р и н ц. Сколько тебе еще осталось прослужить в мальчиках, Френсис?

Ф р е н с и с. Пять лет, ей-богу, не вру, а если считать...

По и н с (за сценой). Френсис!

Ф р е н с и с. Сейчас, сейчас, сэръ.

П р и н ц. Пять лет! Царица небесная, за такой срок может надоестъ звон посуды. А скажи, Френсис, что тебе смотреть на хозяина? Отчего не удрать тебе раньше срока?

Ф р е н с и с. О сэръ, я могу поклясться на всех библиях Англии...

По и н с (за сценой). Френсис!

Ф р е н с и с (пытаясь уйти). Сейчас, сэръ.

П р и н ц. Сколько тебе лет, Френсис?

Ф р е н с и с (возвращаясь). Сейчас соображу. В михайлов день мне исполнится...

По и н с (за сценой). Френсис!

Ф р е н с и с. Сейчас, сэръ. (Пытаясь уйти.) Погодите немного, милорд.

П р и н ц. Только минуту, Френсис. Я насчет сахара, который ты мне дал. Тут на один пенс, не правда ли?

Ф р е н с и с (возвращаясь). Очень жаль, что не на два.

П р и н ц. Я дам тебе за него тысячу фунтов в любое время, которое ты мне укажешь.

По и н с (за сценой). Френсис!

Ф р е н с и с. Сейчас, сейчас.

П р и н ц. Сейчас, Френсис? Нет, ты слишком нетерпелив. Сейчас нельзя. Но завтра или в будущий четверг, — пожалуйста. Однако, Френсис...

Ф р е н с и с. Слушаю, милорд.

П р и н ц. Однако вот какой уговор. Ты должен обобрать этого господина в кожаном камзоле со стеклянными пуговицами, стриженного под гребенку, с агатовым перст-

нем, в темных чулках с подвязками, сладкоречивого, с сумкой из испанской кожи.

Френсис. О, господи, сэръ, на кого вы намекаете?

Принц. Стало быть, пить у вас ничего нет, кроме красного муската? Осторожнее, Френсис, не замарай фуфайки. Нет, милостивый государь, в Берберии этого бы не случилось.

Френсис. Виноват, не понимаю, милорд.

Пойнс (за сценой). Френсис!

Принц. Марш, каналья! Тебя зовут. Не слышишь, что ли?

Принц и Пойнс начинают звать его одновременно, и он не знает, куда ему кинуться. Входит буфетчик.

Буфетчик. Что это такое? Тебе кричат «Френсис», сам ты ни с места? Живо к гостям в ту комнату!

Френсис уходит.

Милорд, пришли старый сэръ Джон и с ним человек пять-шесть народу. Прикажете впустить?

Принц. Да, немного погода.

Буфетчик уходит.

Пойнс!

Пойнс возвращается.

Пойнс. Сейчас, сейчас, сэръ.

Принц. Фальстаф с остальными ворами стоит у входа. Ты представляешь себе, какая сейчас будет потеха?

Пойнс. Порезвимся, как сверчки. А чем кончилась ваша шутка с половым?

Принц. Мне лезет сейчас в голову вздор, смешнее которого не было с сотворения мира.

Входит Френсис с вином.

Который час, Френсис?

Френсис (пробегая мимо). Сейчас, сейчас. (Убегает.)

Принц. И подумать, что этот мальчишка, у которого меньше слов, чем у попугая, рожден женщиной! Вся его премудрость состоит в беганье вверх и вниз по лестнице, а его разговоры не выходят из рамок трактирного счета. Да, так видишь ли, я еще не остепенился. Далеко мне до Перси Готспера, этой горячей шпоры севера. На-

бьет он с утра душ до сотни шотландцев, моет руки перед завтраком и говорит жене: «Надоела мне эта безмятежная жизнь, я соскучился по настоящему делу». А она спрашивает: «Дорогой Гарри, сколько народу убил ты сегодня?» — «Напоите саврасого», — говорит он, а спустя час отвечает: «Маловато. Человек четырнадцать. Не о чем толковать». Теперь можно позвать Фальстафа. Я изображу Гарри Перси, а эта скотина будет госпожой Мортимер, моей женой. «Rivo!», как кричат пьяницы. Сюда его, эту отбивную котлету, сюда его, жирный ком сала!

Входят Фальстаф, Гедсхиль, Бардольф,
Пето и Френсис.

Пойнс. Здравствуй, Джек. Откуда ты?

Фальстаф. Горе трусам, горе и проклятье! Аминь, говорю я, да будет так. Стакан хереса, малый! Больше я вам не товарищ. Займусь вязаньем носков, их штопаньем и подшивкой — вот мое занятие. Да, да. Я, кажется, сказал, стакан хереса, каналья? Вывелась на свете доблесть.

Френсис подает требуемое. Фальстаф пьет.

Прынц. Видал ли ты когда-нибудь тарелку с маслом под ласками летнего солнца? Взгляни на эту потную глыбу.

Фальстаф. В вине известь, мошенники! (*Выплескивает вино.*)

Френсис уходит.

Кругом одно надувательство. Но общество трусов еще хуже, чем херес с известью. Проклятые трусы! Будь верен себе, старый Джек. Ты можешь умереть со спокойной совестью. Зовите меня селедкой, если мужество, настоящее мужество не перевелось на земле. Во всей Англии не наберется трех смельчаков, которые бы не были повешены. Один из них полнеет и старится, не оставь его господи. Дрянной мир, надо сказать. Отчего я не ткач? Распевал бы я себе псалмы и этим коротал бы время. Горе трусам, говорю я.

Прынц (*подходя к Фальстафу*). Что ты там бормочешь, шерстяной мешок?

Фальстаф. Королевский сын, нечего сказать! Быть мне без одного волоса, если я не прогоню тебя де-

ревянной скалкой из твоего королевства и всех твоих подданных, как стадо гусей, вместе с тобою. Принц Уэльский, нечего сказать!

П р и н ц. Ах ты, старое бревно, это еще что за разговоры?

Ф а л ь с т а ф. А разве вы не струсили, отвечайте мне, ты и Пойнс?

П о й н с. Посмей еще раз назвать меня трусом, и я заколю тебя, тунеядец!

Ф а л ь с т а ф. Назвать тебя трусом? Пропади я пропадом, если я это сделаю. Это не требуется. Тысячу фунтов отдал бы я за то, чтобы научиться бегать, как ты. У вас красивые талии, господа. Наверное, вот почему вам не стыдно показывать людям спины. И этот поворот кругом вы называете круговой порукой? К черту такую круговую поруку! Дайте мне людей, которые смотрят в глаза опасности. стакан хереса, мальчик. С утра у меня не было во рту ни капли, чтоб я лопнул!

П р и н ц. Только что пил и даже губ еще не утер.

Ф р е н с и с возвращается с другим стаканом.

Ф а л ь с т а ф. Не важно. *(Пьет.)* Горе трусам, говорю я.

Френсис уходит.

П р и н ц. Что все это значит?

Ф а л ь с т а ф. Это значит, что четверо из нас захватили сегодня ночью тысячу фунтов.

П р и н ц. Где они, Джек? Давай их сюда.

Ф а л ь с т а ф. Где они! Их отняли у нас силой. Человек сто напали на нас четверых.

П р и н ц. Неужели сто?

Ф а л ь с т а ф. Считаю меня последним мерзавцем, если я не отбивался два часа врукопашную от доброго десятка. Я спасся чудом. Безрукавка проткнута у меня в восьми местах, штаны — в четырех. Щит изрублен вдоль и поперек, меч в зазубринах, как ручная пила. Вот, полюбуйте. *(Показывает свой меч.)* Никогда, с тех пор как я ношу оружие, я не держался лучше. Но все было напрасно. Горе трусам. Спросите остальных, пусть они сами расскажут. Если они хоть чем-нибудь уклонятся от правды, то они — детища тьмы и сыновья порока.

П р и н ц. Ну что же, господа? Как было дело?

Г е д с х и л ь. Мы вчетвером совершили нападение человек на двенадцать.

Ф а л ь с т а ф. Нет, самое меньшее на шестнадцать, милорд.

Г е д с х и л ь. И связали их.

П е т о. Нет, нет, мы их не связывали.

Ф а л ь с т а ф. Вы врете, мы их связали, каждого поодиночке. Если это неправда, то я иудей, древний иудей.

Г е д с х и л ь. Когда мы стали делить добычу, подо-спели шесть или семь новых и напали на нас.

Ф а л ь с т а ф. Они развязали первых. К ним присоеди-нились еще новые.

П р и н ц. И вы сцепились со всеми?

Ф а л ь с т а ф. Со всеми! Смотря как понимать твоё выражение. Но можешь сказать, что я пучок редиски, если я не имел дела с пятьюдесятью. Если их наброси-лось меньше пятидесяти двух или трех на бедного ста-рого Джека, можешь думать, что я не двуногое существо.

П р и н ц. Надеюсь, ты не убил кого-нибудь, не дай бог.

Ф а л ь с т а ф. Ну, обращение к богу тут уже не по-может. Двое из них пошли в засол. Двое, я уверен, получили по заслугам, два мерзавца в плащах. Говорю тебе, Гарри, если я прикрашиваю, можешь плюнуть мне в глаза и сказать, что я старая кляча. Ты знаешь мой прием защиты. Смотри, вот так я стал для отраже-ния удара, так поднял меч. Откуда ни возьмись, четыре негодая в плащах...

П р и н ц. Как четыре? Ты ведь только что сказал, что два.

Ф а л ь с т а ф. Четыре, Гарри. Я сказал — четыре.

П о й н с. Да, да, он сказал четыре.

Ф а л ь с т а ф. Эти четыре стали в шеренгу и ата-ковали меня. Недолго думая, я дал вонзиться всем семи их мечам в свой щит вот так.

П р и н ц. Семи мечам? Только что их было четыре.

Ф а л ь с т а ф. В плащах.

П о й н с. Да, четыре, в плащах.

Ф а л ь с т а ф. Семь, клянусь этой рукоятью. Неуже-ли ты можешь допустить, что я такой лгун?

П р и н ц. Не прерывай его. Их число будет по-степенно возрастать.

Ф а л ь с т а ф. Ты слушаешь, Гарри?

П р и н ц. Слушаю не отрываясь.

Ф а л ь с т а ф. Слушай, слушай, ты не пожалеешь. Так вот, эти девять в плащах, о которых была речь...

П р и н ц. Ну, что я говорил? На два прибавилось.

Ф а л ь с т а ф. Они стали отступать. Я не дал им уйти, настиг, и семи из одиннадцати как не бывало.

П р и н ц. Невероятно! Одиннадцать человек в плащах, незаметно получившиеся из двух!

Ф а л ь с т а ф. Но тут черт принес этих трех вырождков в зеленом. Пользуясь темнотой, они набросились на меня сзади. Было темно, хоть глаз выколи. Ты бы не различил своей собственной руки, Гарри.

П р и н ц. Эти небылицы похожи на того, кто их выдумывает. Они так же нелепы, чудовищно раздуты, и их лживость так же очевидна с первого взгляда. Ах ты, торба с овсом, дармоед ты бессовестный, ах ты, сукин сын, грязная ты кадушка с салом...

Ф а л ь с т а ф. Опомнись, опомнись! Как можно отрицать доказанное?

П р и н ц. Как же ты узнал, что эти люди в зеленом, если было так темно, что ты не видел собственной руки? Объясни нам это. Что ты на это скажешь?

П о й н с. Да, да, объясни нам это, Джек.

Ф а л ь с т а ф. Как, все на одного? По принуждению я не отвечаю. Черт возьми, я бы этого не сделал даже под самой страшной пыткой. Шутка ли сказать, отвечать по принуждению! Если б даже объяснения были не дороже ежевики, я бы их не дал по принуждению.

П р и н ц. Ну, долго я тебя принуждать не стану. Слушайте, господа. Этот полнокровный трус, этот сокрушитель конских хребтов и кроватей, эта непомерная гора мяса...

Ф а л ь с т а ф. Эй, полегче, ты, заморыш, рыба кожа, кишка коровья, телячий язык! У человека не хватит голоса перебрать все то, на что ты похож худобой. Молчал бы лучше, портновский аршин, колчан без стрел, сточившийся клинок! *(Переводит дыхание.)*

П р и н ц. Вот именно, отдохнись и продолжай. А когда ты истощишь свои низкие сравнения, будь любезен выслушать.

П о й н с. Да, да, выслушай его, Джек.

П р и н ц. Мы оба видели, как вы напали вчетвером на четверых, связали их и присвоили их имущество. Теперь я что-то прибавлю, и после моих слов от тебя ни-

чего не останется. Мы напали на вас, и вы со страху побросали всю вашу добычу. Она у нас, мы можем вам ее показать. Надо сказать, Фальстаф, ты уносил свои потроха с величайшим проворством и при этом ревел, как племенной бык. Спрашивается, каким надо быть негодяем, чтобы взять после этого свой меч, изрубить его и уверять, что это случилось в бою? Любопытно, какую лазейку придумаешь ты теперь, когда ты так явно опозорен?

Фальстаф прячет лицо за щитом.

Поинс. Правда, интересно, Джек, что ты придумаешь?

Фальстаф (*отбрасывая щит*). Я узнал вас с первого взгляда. Ей-богу, как родной отец. Скажите сами, господа, мог ли я броситься с оружием на наследника престола? А вдруг я убил бы его? Ты знаешь, Гарри, я храбр, как Геркулес. Ничто не может остановить меня, когда я разойдусь. Кроме инстинкта. Лев из чувства породы никогда не тронет истинного принца, вы подумайте! О, инстинкт — великая вещь! Сегодня я сробел, потому что инстинкт остановил меня. Я горжусь этим вдвойне. Горжусь тем, что львиный нюх не обманул меня, горжусь тем, что твоя королевская кровь не осталась неузнанной. Однако на что мы тратим время, ребята! Черт побери, я рад, что деньги у вас. Запирай двери, хозяйка! Ночь шумим, утром каемся. Гуляй, мои золотые! Дети мои, богатыри мои, какие слова дружбы достаточны для вас? Итак, веселимся. Сымпровизируем какую-нибудь комедию.

Принц. По рукам. И темою послужит твое бегство.

Фальстаф. Довольно, Гарри. Ни слова больше об этом, если любишь меня.

Входит трактирщица.

Трактирщица. Господи Иисусе, милорд принц!

Принц. А, миледи трактирщица! Что скажешь?

Трактищица. Ах, милорд, там у дверей какой-то придворный спрашивает вас. Он говорит, что он к вам от вашего батюшки.

Принц. Тогда выставь этого придворного на двор моей матушке.

Фальстаф. Какой он из себя?

Трактирщица. Старик.

Ф а л ь с т а ф. Почему он не в постели в такое время? Можно мне поговорить с ним?

П р и н ц. Сделай одолжение, Джек.

Ф а л ь с т а ф. Хорошо. Я пошлю его к черту. (Уходит.)

П р и н ц. Ну, господа, видит бог, вы дрались на славу. Речь о вас, Пето, и, Бардольф, о вас. Вы тоже львы, у вас верный инстинкт, вы удрали, чтобы не тронуть истинного принца.

Б а р д о л ь ф. Я побежал, потому что увидел, что бегут другие.

П р и н ц. Признайтесь откровенно, отчего меч у Фальстафа так иззубрен?

П е т о. Очень просто. Он изрубил его своим кинжалом и сказал, что всеми правдами и неправдами заставит вас поверить, что это случилось в побоище. Он подговаривал и нас сделать то же самое.

Б а р д о л ь ф. Он нам советовал расцарапать носы пыреем до крови, выпачкать платье и сказать, что это кровь убитых. Впервые за последние десять лет я опять краснел, как в детстве, слушая эти жульнические наущенья.

П р и н ц. Что ты сочиняешь? Краска не сходит у тебя с лица с тех пор, как ты стащил первый стакан хереса и был пойман с поличным. Восемнадцать лет твой нос пылает не переставая. С таким пушечным фитилем на лице, и ты бежал! Какой инстинкт руководил тобою?

Б а р д о л ь ф (показывая на свой нос). Вы про эти зарева и северные сиянья?

П р и н ц. Да, про них.

Б а р д о л ь ф. Как выдумаете, что означает эта краснота?

П р и н ц. Запой и нищету.

Б а р д о л ь ф. Нет, — вспльчивость, если взять эти пятна в корне.

П р и н ц. Ну нет, если их взять, то они означают виселицу.

Рассердившись, Бардольф уходит.

Ф а л ь с т а ф возвращается.

А, вот худышка Джек, вот он, скелетик! Ну, что слышно, моя вата для набивки? Скажи, Джек, сколько лет ты не видал своих коленей?

Фальстаф. Своих коленей? В твоём возрасте, Гарри, я был в талии тоньше орлиного когтя и свободно пролезал в мужской перстень с большого пальца. Меня изменили огорченья. Частые вздохи пучат человека, как кислое тесто. Ты спрашиваешь, что нового? Плохие, брат, новости. Это тебя спрашивал сэр Джон Бреси по поручению твоего отца. Тебя вызывают утром во дворец. Северный сорванец Перси да ещё этот из Уэльса, ну знаешь, который выпорол нечистого, налепил нос Люциферу и держит дьявола в подчиненье, — ну, черт возьми, ты его знаешь.

Поинс. А, Глендаур?

Фальстаф. Оуэн, как же, он самый. Так вот, Оуэн, его зять Мортимер, старик Нортумберленд и этот сверхшотландец Дуглас, который берет на коне разбег вверх по отвесной горе...

Принц. И на всем скаку попадает из пистолета в летящего воробья?

Фальстаф. Да, храбрости ему не занимать стать. Этот не побежит.

Принц. Как же ты хвалил только что его разбег?

Фальстаф. Верхом, глупенький, верхом. А я говорю, пеший. Пеший он не отступит.

Принц. А по инстинкту?

Фальстаф. Ну, по инстинкту другое дело. Так вот, этот шотландец, потом какой-то Мордейк и ещё целая тысяча других синих шапок объединились. Ночью бежал Вустер. У твоего отца поседела борода, когда он узнал это. Сейчас можно будет покупать землю по цене тухлой макрели.

Принц. А летом, если эта туземная суматоха не уляжется, обесценится и человеческая жизнь. Людей будут сбывать сотнями, как кузнечные гвозди.

Фальстаф. Правильно, друг мой. Эта отрасль промышленности будет процветать. Но воображаю, Гарри, как в глубине души ты перепуган! Ты прав, трудно подыскать более страшную угрозу на твоём пути к престолу, чем этот черт Дуглас, этот оборотень Перси и этот дьявол Глендаур. Тебя, конечно, это повергает в содроганье, не правда ли? И у тебя заледенела кровь?

Принц. Честное слово, нисколько. Очевидно, мне недостает твоего инстинкта.

Фальстаф. Ну, хорошо. Но тебя страшно проберут завтра у отца. Если ты меня любишь, подготовься.

П р и н ц. Хорошо. Вообразим, что ты мой отец. Допрашивай меня о моем образе жизни, а я буду отвечать.

Ф а л ь с т а ф. Отлично. Этот стул будет моим треном, этот нож — моим скипетром, а эта подушка — моей короной. Если последняя искра благодати не угасла в тебе, ты будешь тронут. Дайте мне стакан хереса, чтобы у меня покраснели глаза, словно я плакал. Я буду играть с большим чувством, как в «Царе Камбизе».
(Пьет.)

П р и н ц. Вот я становлюсь на колени.

Ф а л ь с т а ф. А вот мой монолог. Расступитесь, рыцари.

Т р а к т и р щ и ц а. Господи Иисусе, как красиво!

Ф а л ь с т а ф

Не плачь, супруга. Слезы — суета.

Т р а к т и р щ и ц а. Как бедный папаша расстраивается!

Ф а л ь с т а ф

Прошу вас, лорды, надо увести
Рыдающую горько королеву.

Т р а к т и р щ и ц а. Господи Иисусе, какой искусник! Совершенно как эти паршивцы комедианты!

П р и н ц. Как, ты еще ругаешься, негодный мальчишка? Прочь с глаз моих! Тебя насильно сбивают с истинного пути. Злой дух в образе старого толстяка преследует тебя. Подобие бочки в дружбе с тобой. Зачем ты знаешься с этим чурбаном? Этот человек — целая кладовая всякого свинства, это — вздутие от водянки и чудовищный бурдюк с хересом, это — целиком зажаренный ярмарочный бык с кашей. Чем он одарен, кроме уменья пробовать херес? Чему научился, кроме разрезывания и пожирания каплунов? Чем он проявил себя, кроме обмана и подлости? Какие у него достоинства? — Никаких. Какие недостатки? — Все решительно.

Ф а л ь с т а ф. Поясните, пожалуйста, ваше величество, кого вы разумеете?

П р и н ц. Я имею в виду совратителя юношества, мерзопакостного и седобородого сатану Фальстафа.

Ф а л ь с т а ф. Милорд, этого человека я знаю.

П р и н ц. Я думаю!

Фальстаф. Однако я не решусь сказать, что он чем-нибудь хуже меня. Что он стар, так это весьма прискорбно, и об этом говорят его седые волосы. Но чтобы он был, с вашего позволения, распутником, это я категорически отвергаю. Если херес с сахаром — преступление, то все мои знакомые трактирщики должны погибнуть. Если полнота навлекает ненависть, то, следовательно, тощие фараоновы коровы заслуживают любви. Нет, добрый государь. Можете удалить Пето, удалите Бардольфа, удалите Пойнса. Но не смотрите косо на доброго Джека Фальстафа, на бескорыстного и храброго друга Джека Фальстафа, тем более храброго, что он стар. Не разлучайте его с Гарри, не оставляйте вашего Гарри в одиночестве. Не будет с ним толстого Джека — отвернется от него и весь мир.

Принц. Ничего не поможет. Я прогоню его.

Стук в дверь. Трактирщица уходит. Вбегает **Бардольф**.

Бардольф. Принц, принц, у дверей шериф с несметной стражей!

Фальстаф. Вон, бродяга! Не мешай представлению. У меня еще много оправданий в пользу этого Фальстафа.

Торопливо возвращается **трактирщица**.

Трактирщица. Господи Иисусе! О, милорд, милорд!

Принц. Тише, что там такое? Словно увидали черта верхом на скрипичном смычке.

Трактирщица. У порога шериф со стражей. Они хотят обыскать дом. Как быть, впустить их?

Фальстаф. Помни, Гарри, цени настоящее золото и не смешивай его с подделкой. Надеюсь, ты меня не выдашь. Если же ты не выгородишь меня перед шерифом, я, наверное, не оскандалюсь на виселице, и веревка удавит меня так же скоро, как всякого другого.

Принц. Спрячься за драпировкой, а вы, господа, на чердак. Ну, смотреть у меня соколами, как полагается честным людям с чистой совестью.

Фальстаф. Все это у меня когда-то было, да в незапамятные времена. Лучше я спрячусь. *(Прячется за занавеской)*.

Бардольф, Гедсхиль и Пето уходят.

П р и н ц. Позовите шерифа.

Трактирщица уходит.

Входит шериф с извозчиком.

Что вам угодно, господин судья?

Ш е р и ф

Во-первых, виноват, милорд. Но в доме
Скрывается сомнительный народ.

П р и н ц

Кто именно?

Ш е р и ф

Одно лицо известно.

Упитанный толстяк.

И з в о з ч и к

Как масла ком.

П р и н ц

Его здесь нет. Он послан мной по делу.
Но завтра, слово вам даю, судья,
Предстанет он пред вами и ответит
За все, в чем может быть он обвинен.
С чем вас почтительно и отпускаю.

Ш е р и ф

Сейчас уйду, милорд. У двух господ.
Похищено в дороге двести фунтов.

П р и н ц

Возможно. Если их ограбил он,
То и поплатится. Итак, прощайте.

Ш е р и ф

Спокойной ночи, благородный принц.

П р и н ц

Скорее, полагаю, с добрым утром.

Ш е р и ф

Милорд, вы правы. Два часа утра.

Шериф и извозчик уходят.

П р и н ц. Эта сальная морда пользуется не меньшей известностью, чем собор святого Павла. Давай его сюда.

П о й н с. Фальстаф! (Отдергивает занавеску.) Спит, как убитый, и храпит, как лошадь.

П р и н ц. Действительно, как тяжело он дышит! Обыщи его карманы.

Пойнс обыскивает его.

Что ты нашел?

П о й н с. Какие-то записки, милорд.

П р и н ц. Посмотрим, что в них написано. Читай.

П о й н с (читает). «Сверх того, каплун — два шиллинга два пенса, сверх того, одна порция соуса — четыре пенса, сверх того, хересу два галлона — пять шиллингов восемь пенсов, сверх того, еще хересу дополнительно и анчоусов к нему — два шиллинга шесть пенсов, сверх того, хлеба на полпенни».

П р и н ц. Ты подумай, на такую прорву хереса хлеба только на полпенни! Спрячь остальные бумажки, прочтем на досуге. Не надо будить его, пусть выспится. Немного попозднее я пойду во дворец. Всем нам надо будет отправиться на войну. Я тебе выхлопочу хорошее место. Этому разбойнику я достану назначенье в пехоте. Надо его проучить, пусть побегает. Награбленные деньги будут возвращены с избытком. Зайди за мной завтра утром пораньше, а теперь прощай, Пойнс.

П о й н с. Прощайте, милорд.

Уходят.

АКТ III

СЦЕНА 1

Бангор. Комната в доме архиепископа.

Входят Готспер, Вустер, Мортимер
и Глендаур.

Мортимер

Все заодно, друзья дают согласие, —
Начало обещает нам успех.

Готспер

Лорд Мортимер, Глендаур, — садитесь, дядя...
Какое свинство, карту я забыл!

Глендаур

Нет, вот она. Вы сами сядьте, Перси.
Садитесь, Готспер. Всякий раз, как вас
Зовут при короле по этой кличке,
Он вам желает на небо попасть.

Готспер

А вам в тартарары.

Глендаур

Вполне понятно.

При появлении моем на свет
Пылало небо и земля дрожала.

Готспер. Это событие произошло бы и в том случае, если бы у вашей матери окотилась кошка, а вас не было бы и в помине.

Глендаур

Я говорю вам, при моем рожденье
Земля тряслась.

Готспер

А я вам говорю,
Что если вас она перепугалась,
Отказываюсь я ее понять.

Глендаур

Земля дрожала, и пылало небо.

Готспер

Ну так ее бросало в дрожь
Пыланье неба, а не страх пред вами.
Бывают схватки боли у земли,
Когда ей пучит изнутри утробу,
Тогда бедняжку корчит и трясет
И валяются дома и колокольни.
По-видимому, приступ тех же спазм
Был у нее в день вашего рожденья.

Г л е н д а у р

Я в жизни к возраженьям не привык.
Позвольте повторить вам с новой силой:
При появлении моем на свет
Пылало небо, с гор сбегали козы,
Ревели в исступлении стада.
Все это были знаменья особой
Заранее отмеченной судьбы.
И правда, будущее показало,
Что я не из числа простых людей.
Нет никого в Шотландии, Уэльсе
И Англии, кто б мог мне послужить
Образчиком, нет никого на свете,
Кто мог бы стать со мною наравне
В проникновенье в тайные науки
И магией так полно овладел.

Г о т с п е р. Наверное, правда, никто не говорит лучше вас по-уэльски. Но позвольте, я пойду обедать.

М о р т и м е р

Оставьте спор. Он выйдет из себя.

Г л е н д а у р

Я духов вызывать из тьмы умею.

Г о т с п е р

И я, как, впрочем, всякий человек.
Все дело в том лишь, явятся ли духи.

Г л е н д а у р

Я чертом управлять вас научу.

Г о т с п е р

А я вас научу над ним смеяться.
Любите правду. Это черту смерть.
Заполучите черта мне заклятьем,
А я его вам в ложке утоплю.
Не надо лгать, — и победите черта.

М о р т и м е р

Окончите бесплодный этот спор.

Г л е н д а у р

Три раза Болинброк тягаться думал
Со мною силой. Трижды уходил
Несолоно хлебавши.

Г о т с п е р

Солонее

Из вас двоих пришлось, как видно, вам?

Г л е н д а у р

Вот карта. Надо землю на три части,
Как мы уговорились, разделить.

М о р т и м е р

На карте обозначил архидьякон
Три равных, одинаковых куска.
Вся Англия от Северна и Трента
На юг и на восток дается мне.
Уэльский край от Северна на запад
Получит Глендаур. Вам мы отдаем
На север вверх от Трента весь остаток.
Я договор велел переписать
В трех списках. Мы подпишем их сегодня,
А завтра, Вустер, вы и я начнем
Передвиженье в Шрусбери к шотландцам
И вашему отцу, как уговор.
Мой тесть Глендаур еще не кончил сборов.
Потерпим две недели без него.

(Глендауру.)

А вы за этот срок вооружите
Своих соседей, челядь и крестьян.

Г л е н д а у р

Надеюсь быть у вас гораздо раньше
И привезу с собою ваших жен.
Теперь вы лучше с ними не прощайтесь,
Во избежанье океана слез,
Который будет непременно пролит.

Г о т с п е р

Я все смотрю, земельный мой надел
От Бертона на север меньше ваших.
В него вдаются в нескольких местах

Извилины реки и сокращают
Мне этот край на целый полукруг.
Я здесь построю на реке плотину,
И тихий Трент отсюда потечет
По новому и ровному протоку.
Я больше виться так ему не дам
И портить богатейшую долину.

Г л е н д а у р

Вы не дадите виться? То есть как?
Как вьется он, так он и будет виться.

М о р т и м е р

Не забывайте также и того,
Что он на следующем повороте
Вознаграждает вас в убыток мне
Таким же точно вырезом и клином.

В у с т е р

Здесь можно без особенных хлопот
Перекопать на самом деле реку,
Что в выигрыше даст нам этот мыс.

Г о т с п е р

На это я затрат не пожалею.

Г л е н д а у р

Я против этого.

Г о т с п е р

Вы против?

Г л е н д а у р

Да.

Г о т с п е р

Но кто мне помешает это сделать?

Г л е н д а у р

Кто помешает? Помешаю я.

Г о т с п е р

По-уэльски лучше б это вы сказали.
Предпочитаю вас не понимать.

Г л е н д а у р

Английский знаю я не хуже вас.
Я при дворе английском был воспитан,
Где в юности для арфы сочинил
Большое множество английских песен,
Обогатив посильно ваш язык —
Талант, которым вы не отличались.

Г о т с п е р

Чему я необыкновенно рад.
Мне было б легче кошкою мяукать,
Чем промышлять рифмованным враньем.
Когда со звоном падает подсвечник
Или скрипит без смазки колесо,
То у меня от них, по крайней мере,
Не ноют зубы. Для меня стихи
Как поступь старой лошади разбитой.

Г л е н д а у р

Ну ладно, перекапывайте Трент.

Г о т с п е р

Не стоит. Мне случилось втрое больше
Дарить, не глядя. Но в делах с людьми
Я буду торговаться для порядка
Из-за десятой доли волоска.
Готовы договоры? Можно ехать?

Г л е н д а у р

Ночь лунная, в пути светло как днем.
Потороплю писца и приготовлю
К минуте расставанья ваших жен.
Что будет с дочерью моей, не знаю.
Без Мортимера жизнь ей не мила.
(Уходит.)

М о р т и м е р

Зачем вы злите тестя, милый Перси?

Г о т с п е р

Он может ведь в отчаянье привести.
Я вот как сыт его абракадаброй.
В ушах звенит от муравьев, кротов,

Волшебников Мерлинов, предсказаний,
Бескрылых грифов и бесперых рыб.
Львов на гербах, лежащих и стоящих.
Где столько дичи мне переварить!
Вчера он протомил меня полночи,
Перечисляя имена чертей,
Ему подвластных. Я его не слушал
И только лишь поддакивал в ответ.
Он хуже бабы злой и старой клячи
И нестерпим, как дом, где печь дымит.
От жизни с ним и этих разговоров
Я б из дворца на мельницу сбежал
От пирогов и вин на хлеб и воду.

М о р т и м е р

Напрасно. Это ценный человек,
Начитанный, сокровищница знаний,
Добряк, храбрец и золотое дно
Отзывчивости и гостеприимства.
Он любит вас и в уваженье к вам
Прощает ваши колкие ответы.
Они б другому даром не прошли.
Но не играйте этим предпочтеньем.

В у с т е р

Ты, правда, слишком груб и вздоришь с ним
Без перерыва с самого приезда.
Напрасно думать, будто резкий тон
Есть признак прямодушия и силы.
В основе тут отсутствие манер.
Напротив, самомненье и бахвальство
Не могут делать чести никому.

Г о т с п е р

Спасибо. Я усвою светский лоск.
Но вот пришли прощаться наши жены.

Возвращается Г л е н д а у р в сопровождении л е д и
М о р т и м е р и л е д и П е р с и.

М о р т и м е р

Я уэльского не знаю, а жена —
Английского. Не правда ли, несчастье!

Г л е н д а у р

Дочь плачет. «Мортимера, — говорит, —
Не отпущу. Сама пойду в солдаты».

М о р т и м е р

А вы ей объясните, что на днях
Ее к нам привезете с леди Перси.

Глендаур и леди Мортимер разговаривают по-уэльски.

Г л е н д а у р. Как об стену горох. Ничего не желает,
дура, слышать.

Леди Мортимер обращается к мужу по-уэльски.

М о р т и м е р

Я понимаю. Говор слез твоих
Без перевода с уэльского понятен.
Я б отвечал на том же языке,
Когда бы мне не стыдно было плакать.

Леди Мортимер снова обращается к нему по-уэльски.

И я могу понять беседу чувств
По звуку поцелуя, но покоя
Не обрету, пока не научусь
По-уэльски. У тебя наречье это
Звучит волшебным, будто это песнь
Какой-то королевы, заключенной
В далеком замке среди густых лесов.

Г л е н д а у р

Не надо распускать себя. Бедняжка
Сойдет с ума.

Леди Мортимер снова обращается к Мортимеру по-уэльски.

М о р т и м е р

Невеждою стою
Перед тобой.

Г л е н д а у р

Дочь говорит, прилягте
Здесь на камыш, и просит положить
К ней на колени голову. Хотите,
Она споет любимый ваш напев?

У вас сомкнутся слипшиеся веки,
Отяжелеет сразу голова,
И вы забудетесь на перепутье
Меж сном и бдением, полночью и днем.

М о р т и м е р

Спасибо ей. Я буду рад послушать,
Покамест перепишут договор.

Г л е н д а у р

Ну, вот, располагайтесь. Музыканты,
Играющие аккомпанемент,
Еще в десятке тысяч миль отсюда,
Но заиграют ровно через миг.

Г о т с п е р. Приляжем, Кет. Это по твоей части. Дай
я положу тебе голову на колени.

Л е д и П е р с и. Вот тебе, вот тебе, бесстыдник!

Глендаур произносит несколько слов по-уэльски.
Начинается музыка.

Г о т с п е р. Теперь я вижу, что дьявол понимает
по-уэльски. Кроме того, я сообразил, отчего черти так
взбалмошны. Слышишь, как благозвучна эта чертов-
щина?

Л е д и П е р с и. Если бы сумасбродство было осно-
ванием музыкальности, ты был бы гением в этой области,
потому что ты само упрямство и сплошная причуда. Ле-
жи смирно, неугомонный, а то мы ничего не услышим.
Сейчас леди будет петь по-уэльски.

Г о т с п е р. Я бы с большим удовольствием послу-
шал, как моя легавая Леди будет выть по-ирландски.
Однако тише. Она действительно поет.

Леди Мортимер поет уэльскую песню.

Теперь спой ты, Кет.

Л е д и П е р с и. Как бы не так! Ни за какие ковриж-
ки!

Г о т с п е р. «Как бы не так, ни за какие коврижки!»
У тебя выраженья, словно ты жена булочника. «Как бы
не так», «держи карман пошире», «накажи меня бог»,
«чтоб мне света не видать».

Ты божишься, как будто ты весь век
За Финсберийский вал не выходила.

Уж если речи клятвой подкреплять,
То крупно, во весь голос, по-дворянски.
А клятвы с ароматом имбиря
Оставь воскресным парам на гулянье,
Мещанам с бархатом на обшлагах.
Спой, дорогая.

Л е д и П е р с и

Нет, я петь не буду.

Г о т с п е р. Ну, как хочешь. Петь — это слабость портных и птицеловов. Что, готовы соглашенья? Тогда я выезжаю через два часа. Немного погода надо будет прощаться. *(Уходит.)*

Г л е н д а у р

Пойдемте, Мортимер. Вы так же вялы,
Как Перси пылок и нетерпелив.
Наверно, договор готов. Подпишем,
И вы отправитесь.

М о р т и м е р

Душевно рад.

Уходят.

СЦЕНА 2

Лондон. Приемная во дворце.

Сидит король. Его окружают принц Генрих, принц Джон Ланкастерский, граф Уэстморленд, сэр Уолтер Блент и другие. Стража и свита.

К о р о л ь

Оставьте, господа, нас. Я и принц
Должны поговорить без посторонних.
Но скоро вы понадобится нам.
Не удаляйтесь.

Все, кроме короля и принца Генриха, уходят.

Право, я не знаю,
Наверно, я так бога прогневил,

Что он мне превращает в наказание
Родного сына, собственную плоть?
Меня ты убеждаешь каждым шагом,
Что избран для меня таким бичом.
Иначе как понять, скажи на милость,
Твой образ жизни, низменный разгул
И эту неразборчивость во вкусах?
Скажи мне, как все это примирить
С твоей высокой королевской кровью?

П р и н ц

Я утверждать не смею, государь,
Что чист кругом пред светлостью вашей,
Но часть упреков должен отстранить.
Когда я опровергну измышленья,
Что сеют обо мне клеветники,
Простите мне те несколько проступков,
Которые по молодости лет
Действительно я совершил и каюсь.

К о р о л ь

Прости тебя господь. Но я дивлюсь
Твоим привязанностям, милый Гарри.
У наших предков был другой полет.
Ходить в совет ты не считаешь нужным,
Тебя в нем заменяет младший брат.
Ты стал чужой двору и принцам крови.
Надежды времени разбиты в прах,
И все кругом тебе пророчат гибель.
Когда б я так у всех был на виду,
Так примелькался, так глаза мозолил,
Я королем не мог бы стать. Народ
Доволен был бы старым государем,
И я бы затерялся без следа,
Как нечто недостойное вниманья.
Но я был редкостью среди людей
И поражал при встрече, как комета.
Кругом шептали: «Это Болинброк».
И спрашивали: «Где он? Покажите».
Я был приветлив, как лазурь небес,
И привораживал престонародье.
Все радовались мне, как королю,
В присутствии законного монарха,

Но я к себе привыкнуть не давал,
Как к золоту церковных облачений.
Я появлялся редко, ослеплял
И превращал свой выход в светлый праздник.
А вьюн-король мелькал в толпе шутов,
Менял забавы, остывал к забавам
И комедьянтам позволял трунить
Над королевскою своею особой.
На улице любой кому не лень
Ему вдогонку отпускал остроты,
А он воображал, что он любим,
И счастлив был, что так для всех доступен.
Понятно, что, как всякою едой,
И этим медом под конец объелись.
От пищи неумеренной тошнит.
Чуть больше, чем немного, — слишком много.
Весной, как зарядит она свое,
Все слышат, но не слушают кукушку.
Встречаясь часто взглядом с королем,
Не обращали на него вниманья,
А если даже кто и замечал,
То не смотрел зажмурясь, как на солнце,
А как на чей-нибудь приход не в срок
Недружелюбным взором исподлобья.
Ты, Гарри, стал на тот же самый путь.
Ты жертвуешь своим высоким званьем.
Твой круг гуляк отталкивает всех,
Все отвернулись от тебя в обиде,
Лишь я гляжу не отрывая глаз,
И нежность застилает их слезами.

П р и н ц

Стыжусь все это слышать, государь,
И правда постараюсь измениться.

К о р о л ь

Ты иногда мне кажешься таким,
Каким Ричард был к моему приезду,
А Перси — это мой живой портрет.
Вот подобала бы кому корона,
Хотя наследник по закону ты.
Но разве спрашивает о законе
Тот, кто гремит оружием, как он?
Его бы не смутило льва рычанье.

Он мальчик, как и ты, а посмотри,
Каких епископов и старых лордов
Его приказы посылают в бой.
А как его прославила победа
Над Дугласом, который не имел
Соперников по смелости набегов,
А по предвиденью и быстроте
Считался первым полководцем в мире!
И Готспер трижды ведь его разбил,
Дитя-герой и новый Марс в пеленках.
Да что разбил, — взял в плен, освободил
И с ним в союзе хочет ниспровергнуть
Мой трон и наш общественный покой.
Ты слышал, граф Нортгумберленд и Перси,
Епископ Йоркский, Дуглас, Мортимер,
Составив втайне заговор, восстали?
Кому я, впрочем, это говорю!
Ведь ты мой наихудший враг заклятый
И к ним примкнешь, я в этом убежден,
Чтоб выкинуть проделку почуднее.
Да, да, я знаю, ты, как трус, пойдешь
Против меня, виляя по-собачьи
Перед врагами, чтобы показать,
Как далеко зашел ты в вырожденье.

П р и н ц

Все будет, вы увидите, не так.
Но, боже правый, до каких пределов
Восстановили вас против меня!
Все искуплю я головою Перси
И как-нибудь, в счастливый день побед
Назваться вашим сыном буду вправе.
Я буду весь в крови и в этот день
С себя следы позора кровью смою.
Да, в день тот встретятся лицом к лицу
Счастливец этот, чудо-рыцарь Готспер
И бедный Гарри, ваш забытый сын.
И пусть бы вдесятеро горделивей
Носил он шлем, и пусть бы в десять раз
Униженной носил я осужденье,
Мы поменяемся, и я возьму
Всю честь его, а он — мое бесчестье.
Он мой батрак, он копит для меня
Блеск подвигов своих, он мне по счету

Отдаст их все, а если не отдаст,
Я счет их у него из сердца вырву.

(Становится на колени.)

Я это обещаю совершить
И, если мне поможет бог, исполню.
Тогда моя удача исцелит
Отеческие раны в вашем сердце.
А если счастье мне не суждено,
Смерть избавляет нас от обязательств,
А лучше я сто тысяч раз умру
В сраженье, чем нарушу эту клятву.

К о р о л ь

Сто тысяч раз умрут бунтовщики.
(Подходит к принцу, поднимает его с колен и обнимает.)
Тебя командующим я назначу.

Входит сэр Уолтер Блент.

Что скажешь, добрый Блент? Твое лицо
Встревожено.

Б л е н т

Тревожна весть, с которой
Я к вам сейчас врываюсь. Вот о чем
Доносит нам лорд Мортимер Шотландский.
Одиннадцатого числа сошлись
Граф Дуглас и английские повстанцы
Под Шрусбери. Их много. Если к ним
Примкнут все, давшие им обещанье.
Мятеж их примет очень грозный вид.

К о р о л ь

Граф Уэстморленд сегодня вышел. Следом
Идет лорд Джон Ланкастерский, мой сын.
Твое известье очень запоздало.
Ты, Гарри, в среду выступишь, а я —
В четверг. Мы в Бриджнорсе назначим встречу.
Иди чрез Глостершир. Я убежден,
Что дней через двенадцать мы сойдемся.
Итак, за дело. Медлить я не дам.
Отсрочка наша на руку врагам.

Уходят.

СЦЕНА 3

Истчип. Комната в трактире «Кабанья голова».

Входят Фальстаф и Бардольф.

Фальстаф. Я страшно похудел с последнего выезда, Бардольф! Я разрушаюсь. Кожа висит на мне, как платье на какой-нибудь высокопоставленной старушке. Я высох, как печеное яблоко. Надо принести покаяние не откладывая, пока еще я в силах, а то скоро я не буду в состоянии исповедоваться. Пусть я буду перечным зерном или ломовою лошадью на пивоварне, если я не забыл внутреннего вида храма. Внутренность церкви! Господи боже мой, плохие знакомства погубили меня.

Бардольф. Сэр Джон, вы в таком унынии. Видно, вы недолго протянете.

Фальстаф. В том-то и дело. Слушай, спой мне что-нибудь неприличное. Разгони мою тоску. Когда-то я был примерной нравственности, да, высоконравственной личностью. Я ругался умеренно. Играл в азартные игры не чаще семи раз в неделю. Ходил в нехорошие места только по четвертям, раз в четверть часа. Было три или даже четыре случая, что я возвратил занятые деньги. Жизнь моя протекала в разумных границах. А что теперь?

Бардольф. Как было не выйти из границ при такой толщине, сэр Джон? Очертанья стерлись.

Фальстаф. Наведи порядок у себя на роже, а потом учи меня, как мне жить. Ты наш адмирал, у тебя флагманский фонарь на носу. Ты у нас рыцарь ордена ламповщиков.

Бардольф. Заладили вы одно, сэр Джон. Мое лицо не сделало вам ничего дурного.

Фальстаф. Нет, конечно. Напротив. Я пользуюсь им как черепом или напоминаньем о смерти, с назидательной целью. Чуть я посмотрю на тебя, как задумаюсь о преисподней и вспомню богатого в притче, одевавшегося в пурпур и потом горевшего в пламени. Если бы в тебе был хоть проблеск добродетели, я бы клялся твоим лицом. «Клянись этим пламенным мечом обращающимся», — говорил бы я. Но ты существо пропащее, и, не считая небольшого освещенного участка на твоём лице, весь ты, конечно, сын крошечной тьмы. Если в

ночь нашего налета, когда ты бегал за моей лошастью, я не принял тебя за блуждающий огонек или шаровую молнию, можешь сказать, что я не люблю денег. Ты — наше вечное празднество с кострами и фейерверками и сберег мне, по крайней мере, семьсот фунтов стерлингов на факелах, когда по ночам мы перекочевывали с тобою из кабака в кабак. Впрочем, на херес, выпитый тобою по этому случаю, я мог бы построить лучший свечной завод в Европе. Да, двадцать три года, видит бог, поддерживаю я огонь в этой саламандре.

Бардольф. Далась вам моя наружность, подавитесь вы ею!

Фальстаф. Сохрани бог, я бы умер от изжоги.

Входит трактирщица.

А, почтенье нашей курочке! Ну что, выяснили вы, кто очистил мои карманы?

Трактирщица. Опомнитесь, сэр Джон! Стану я держать воров у себя в доме! Слыханное ли дело? Я и мой муж обыскали всех поголовно до последнего мальчика, до последней служанки. Волоска до сих пор не пропало у меня в доме.

Фальстаф. Неправда. Бардольф недавно брился тут и потерял много волосков. Но ведь карманы-то у меня вывернули в вашем доме! Нечего корчить святую. Я вас знаю хорошо. Одно слово — женщина.

Трактирщица. Кто? Я? Нет! Как вы смеете? Боже правый! Еще никто не обзывал меня так в моем собственном доме.

Фальстаф. Оставьте. Я вас отлично знаю.

Трактирщица. Нет, сэр Джон, вы меня не знаете. А вот я вас знаю хорошо, сэр Джон. Вы мне должны, сэр Джон, и вы умышленно хотите поссориться со мной, чтобы не платить. Я вам купила дюжину рубашек.

Фальстаф. Из гнилой реднины для мешков! Я их отдал в булочную на мучные сита.

Трактирщица. Вот и неправда. Рубашки голландского полотна по восемь шиллингов за ярд, чтоб мне живой с места не сойти. А кроме того, вы перебрали займы, наели в кредит и пропустили отдельными порциями на двадцать четыре фунта.

Фальстаф (указывая на Бардольфа). Он тоже прикладывался. Пусть платит.

Трактирщица. Что вы, сэр Джон! Такой бедняк? Что с него возьмешь!

Фальстаф. С таким монетным двором на лице? Что называть после этого богатством? Надо чеканить золотые из его носа, из его щек. Я ничего не заплачу. Что я, новоприезжий? Уж и соснуть нельзя у себя в гостинице, чтобы тебя не обобрали? У меня пропало дедовское кольцо с печаткой ценой в сорок марок.

Трактирщица. Господи, какой обман! Сколько раз при мне принц говорил, что оно медное.

Фальстаф. Твой принц — губошлеп и простофиля. Будь он тут, я бы избил его за такие слова, как собаку.

Входят, маршируя по-военному, в легком вооружении, принц и Пойнс. Фальстаф встречает их, приложив к губам трость, как флейту.

Ну, как, дружок? Ветер дует действительно в эту сторону? Нам всем придется двинуться?

Бардольф. Да, по двое, в ногу, как в Ньюгэтскую тюрьму.

Трактирщица. Милорд, послушайте...

Принц. Что скажешь, мистрис Куикли? Как поживает твой муж? Он мне нравится. Он хороший человек.

Трактирщица. Добрый милорд, послушайте...

Фальстаф. Плюнь на нее. Лучше послушай меня.

Принц. Да, Джек.

Фальстаф. В последний раз, когда я заснул тут за занавеской, у меня опорожнили карманы. Это воровской притон. Тут обирают.

Принц. Что у тебя пропало, Джек?

Фальстаф. Ты не поверишь, Гарри. Три или четыре сорокафунтовых билета и дедовский перстень с печатью.

Принц. Ах, этот пенсов на восемь, неважный?

Трактирщица. Ага, вы слышите? Милорд, так и я ему сказала. Я говорю, принц тоже так думает. А он ругает вас на чем свет стоит и говорит: «Я, — говорит, — отколочу его».

Принц. Как? Я, наверное, ослышался?

Трактирщица. Если я вру, то нет во мне ни правды, ни совести, ни женской чести.

Фальстаф. Их и нет в тебе. Правды в тебе, что в вареном черносливе, а совести не больше, чем в лисице,

выкуренной из норы. Что же касается женской чести, то чего бы то ни было женского в тебе столько же, как в полицейском надзирателе. Пошла отсюда, тварь ты этакая, пошла!

Трактирщица. Какая такая тварь? А? Моментально отвечай, какая?

Фальстаф. Такая, что не приведи бог, вот такая.

Трактирщица. Неправда, не такая я, что не приведи бог, а я порядочная женщина в законном браке. А вот ты, хоть ты и рыцарь и дворянин, а ты подлец, если говоришь так обо мне!

Фальстаф. А ты, хотя ты и трактирщица, а животное, если все время споришь со мной.

Трактирщица. Какое такое животное? А? Моментально отвечай, какое животное?

Фальстаф. Какое животное? Выдра — вот какое.

Принц. Твоя правда, хозяйка. Он тебя поносит ни за что ни про что.

Трактирщица. Так же как и вас, милорд. Он говорит, что вы задолжали ему тысячу.

Принц. Как, я должен тебе тысячу, каналья?

Фальстаф. Какую тысячу, Гарри, — миллион! Твоя любовь стоит больше миллиона, а ты должен любить меня.

Трактирщица. Он назвал вас губошлепом и простофилей и сказал, что прибьет вас.

Фальстаф. Говорил я это, Бардольф?

Бардольф. Конечно, говорили, сэр Джон.

Фальстаф. Ну да, в том случае, если бы принц стал утверждать, что кольцо медное.

Принц. Я и говорю, что оно медное. Где же твои угрозы?

Фальстаф. По отношению к тебе в качестве человека я бы их привел в исполнение, ты знаешь сам. Но в качестве принца я тебя боюсь, как рычанья молодого львенка.

Принц. А почему не льва?

Фальстаф. Как льва я должен бояться его величества. Неужели ты воображаешь, что я устрашусь тебя, как твоего отца? Пусть лопнет у меня пояс, если я поставлю вас рядом.

Принц. Могу себе представить, как свалится тогда твое пузо тебе на колени! Однако что ты за скотина! В тебе нет ни крошечки благородства. Все занято желуд-

ком и кишками. Обвинить честную женщину в том, что она лазила к тебе в карманы! А что в них было, сукин ты сын, бессовестный, отожравшийся боров, кроме трактирных счетов, записок из притонов да жалкого грошового леденца против одышки? Или, может быть, я вру? Но ты, конечно, будешь стоять на своем и не сознаешься. И не стыдно тебе?

Фальстаф. Слушай, Гарри. Адам пал в царстве невинности. Что же делать бедному Джеку Фальстафу в наше испорченное время? Ты видишь, на мне больше мяса, чем на других, больше, значит, и искушений. Итак, ты сознаешься в карманной краже?

Принц. Выходит, что так.

Фальстаф. Трактирщица, я прощаю тебя. Поди приготовь завтрак. Люби мужа, присматривай за слугами, почитай гостей. Ты видишь, я поддаюсь доводам, когда надо. Мир восстановлен. Как, ты все еще здесь? Нет, ступай, ступай, пожалуйста!

Трактирщица уходит.

Ну, Гарри, что слышно при дворе? Как там отнеслись к нашему грабежу?

Принц. Ах ты, тушенная говядина, я всегда буду твоим ангелом-хранителем. Деньги возвращены.

Фальстаф. Не люблю я этих возвращений. Двойная работа.

Принц. Я помирился с отцом, и он предоставляет мне делать, что я пожелаю.

Фальстаф. Тогда знаешь что: опорожни государственную казну, а главное, так же безнаказанно.

Бардольф. Да, пожалуйста, милорд.

Принц. Я достал тебе, Джек, место в пехоте.

Фальстаф. Лучше бы в коннице. Порекомендуй мне, пожалуйста, кого-нибудь, кто умеет красть, в адъютанты. Лет двадцати двух, молодого. А то кто будет пополнять в походе мои запасы? Хорошо хоть, что бог послал нам этих мятежников. Они никому не делают зла, кроме честных людей. Молодцы ребята, я их одобряю.

Принц. Бардольф!

Бардольф. Что прикажете, милорд?

Принц. Отнеси это письмо моему брату лорду Джону Ланкастерскому, а это — милорду Уэстморленду.

Бардольф уходит.

Ну, Пойнс, на коней, на коней. Нам нужно проехать с тобой тридцать миль еще сегодня до обеда.

Пойнс уходит.

Джек, приходи ко мне завтра в два часа в Темпл Холл.

Там все узнаешь и получишь должность
Вербовщика и деньги для солдат.
Страна в огне, и Перси манит власть,
И мне или ему придется пасть.
(Уходит.)

Ф а л ь с т а ф

Хозяйка, завтрак! Главную квартиру
Я сделал бы из этого трактира.
(Уходит.)

АКТ IV

СЦЕНА 1

Лагерь мятежников близ Шрусбери.

Входят Готспер, Вустер и Дуглас.

Г о т с п е р

Вы правы, доблестный шотландец мой:
У нас считают лезтью голос правды,
А то бы я про Дугласа сказал,
Что это имя всюду в обращенье,
Как деньги признанного образца.
Мне лезть чужда, любезности противны,
Но, кроме вас, никто в моей душе
Еще не занимал так много места.
Я это вам на деле докажу.

Д у г л а с

Вы — воплощенье чести. Нет на свете
Противника, пред кем бы я сробел.

Г о т с п е р

Благодарю.

Входит гонец с письмами.

Откуда эти письма?

Г о н е ц

От вашего отца.

Г о т с п е р

Но почему

Он письма пишет, а не приезжает?

Г о н е ц

Он отложил отъезд. Он заболел.

Г о т с п е р

Нашел когда болеть он, в самом деле.
А кто сюда ведет его войска?

Г о н е ц

Не знаю. Он об этом, верно, пишет.

В у с т е р

Скажи, так он в постели?

Г о н е ц

Да, он слег

За день иль два до моего отъезда
И очень плох был, по словам врачей.

В у с т е р

Хотел бы я, чтоб вылечилось время,
Пока некстати он лежит больной.
Мы никогда им так не дорожили.

Г о т с п е р

Свалиться! Слечь! Теперь! Теперь, когда
Его болезнь для нас зарез и гибель!
Он пишет мне, что внутренний недуг, —
Сейчас, где это место? — Он мне пишет,
Что он не мог предупредить друзей,
А тайны доверять гонцам боялся.
Но нам, ничтожной горсточке бойцов,
Советует он действовать смелее,
Чтоб на примере нашем испытать,
Насколько нам благоприятно счастье.
Он пишет, что, наверное, король
Осведомлен и медлить невозможно.
Что думаете вы на этот счет?

В у с т е р

Мы без него параличом разбиты.

Г о т с п е р

Да, правда, словно руки отнялись.
А впрочем, знаете? Неявка графа,
Я думаю, не столь большое зло.
Мы полагали сразу бросить в дело
Все армии, какие есть у нас,
И всю игру решить одним ударом.
Не дикостью ли было доверять
Такую ставку милости минуты?
Без боевых резервов про запас
Мы б не могли поправить неудачи.

Д у г л а с

Есть где опять собраться, если б черт
Подставил ногу нам при первом шаге.

В у с т е р

А все же лучше б твой отец был здесь.
Дела у нас не терпят разделенья.
Подумают, что это неспроста
Он мешкает. Что он не одобряет
Восстанья нашего. Что здравый смысл
И верность долгу удержали графа.
Как это оттолкнет от нас друзей!
Мы напролом идем. Не время людям
Задумываться. В наши тайники
Для рассуждений доступы закрыты,
А неприбытье твоего отца
Приоткрывает уголок завесы.
Не посвященные вообразят,
Что нет у нас уверенности в деле.

Г о т с п е р

Ну, вы хватили слишком далеко.
Мы на его отсутствии сыграем.
Ведь если без него нас не страшит
Спор с целою страной, то, скажут, с графом
Мы все перевернули бы вверх дном.
Нет, все пока отлично, все в порядке.

Д у г л а с

Да, все, как мы не смели и мечтать,
А слова «страх» в Шотландии не знают.

Входит сэр Р и ч а р д В е р н о н .

Г о т с п е р

А, милый Вернон, очень рад тебе!

В е р н о н

Порадуют ли вас мои известья?
Граф Уэстморленд и с ним принц Джон ведут
Сюда к нам семитысячное войско.

Г о т с п е р

Ну, что ж, пускай. Что дальше?

В е р н о н

Дальше то,
Что и король сформировал свой корпус
И быстро приближается сюда.

Г о т с п е р

Что ж, пусть и он. А где его потомство,
Принц Уэльский непоседа сын его,
Который удалился к забулдыгам
И прах мирской отряс от ног своих?

В е р н о н

Он вместе с ними. Я их видел в поле
В роскошных шлемах, в пышном блеске лат.
Слетаясь вместе, как орлы с купанья,
Они сверкали золотом кольчуг,
Как воинство небес в иконостасах,
И были молоды, как месяц май,
И горячи, как середина лета.
Они резвились в преизбытке сил,
Как юные бычки или козлята.
На принце шлем, он весь закован в сталь.
Я любовался грацией, с которой
Он взвился над землей, вскочил в седло
И начал горячить и пятить лошадь
И ставить на дыбы, как некий бог,
Который верховой ездой увлекся.

Готспер

Оставь. Ты хочешь, чтоб от слов твоих
Меня залихорадило, как в марте?
Они в пути? Тем лучше. Все они —
Обречены, как жертвы, на закланье.
Мы принесем их в дар богине битв
И бросим Марсу на алтарь их трупы.
Я весь горю. Мне ждать их невтерпеж:
Добыча близко, а еще не наша.
Коня сюда! Меня он понесет
Навстречу принцу Уэльскому стрелой.
Сшибемся, Гарри с Гарри, конь с конем,
И с поля в сторону не повернем,
Пока один из нас не рухнет наземь.
О, был бы Глендаур тут!

Вернон

Как раз о нем
Я слышал мимоездом в графстве Вустер.
Не скоро, видно, он сберет войска.

Дуглас

Вот самая нерадостная новость.

Вустер

Мороз по коже от нее дерет.

Готспер

Народу много в королевском войске?

Вернон

Да тысяч тридцать.

Готспер

Хоть до сорока.
Хоть с нами нет Глендаура и отца,
Мы сильны тем, что бьются в лад сердца.
Протрубим сбор, построимся спокойно,
А надо умереть — умрем достойно.

Дуглас

Про смерть ни слова раньше похорон.
Я на год от нее заговорен.

Уходят.

СЦЕНА 2

Большая дорога в Ковентри.

За сценой барабаны и флейты. Входят Фальстаф и Бардольф в неполном вооружении.

Фальстаф. Бардольф, сходи-ка в Ковентри. Достань мне бутылку хереса. Мы с солдатами обойдем город кругом. Нам надо попасть к ночи в Сеттон-Колдфилд.

Бардольф. А деньги, капитан?

Фальстаф. Потрать пока свои. Скажи лейтенанту Пето, чтобы он вышел ко мне навстречу к городским воротам.

Бардольф. Слушаю, капитан. *(Уходит.)*

Фальстаф *(показывая рукою вдаль и смеясь)*. Я согласен называться селедкой в уксусе, если я сам не проваливаюсь от стыда при виде своих солдат. Я сумел извлечь черт знает какую пользу из своего офицерского патента. Вместо полутораста солдат, которых я должен был нанять, я набрал триста фунтов стерлингов. Указ о рекрутском наборе я предъявлял только сыновьям богатых хуторян, любящим молодоженам и незакаленным неженкам, которые чураются барабанной дроби, как черта, и от треска мушкета падают замертво, как стреляные утки. Я обращался только к этой тщедушной породе, и, разумеется, все они откупились. Вместо них теперь моя рота со всеми прапорщиками, капралами и лейтенантами представляет сборище оборванцев вроде Лазаря на картине, где псы богача лижут его струпья. Они никогда не были солдатами. Это слуги без места с волчьими билетами, безнаследные представители младших ветвей в роду, беглые трактирные слуги прогоревшие трактирщики и прочие отребья мирного времени, более потрепанные, чем старое полковое знамя. Можно подумать, будто это вернулись сто пятьдесят блудных сыновей, которые только еще вчера пасли свиней и питались объедками с помойки. По дороге нам встретился какой-то помешанный и спросил, с каких это виселиц посшибал я столько мертвецов? Свет не видал таких пугал. Сохрани бог показаться с ними в Ковентри, надо будет, ясное дело, обойти его кругом. Кроме того, они не умеют маршировать и так расставляют ноги, как

будто на них колодки. Впрочем, действительно, большинство из них набрано по тюрьмам. Белья у меня на всю роту полторы рубашки, и то, что я назвал половиной рубашки, это, собственно говоря, пара салфеток, которые сшиты вместе на живую нитку и накидываются на плечи, как безрукавка герольда. Что же касается целой рубашки, то теперь я не помню, стацили ли ее на постоялом дворе в Сент-Олбани или у красноного кабатчика в Дентри. Ну, да все равно. Белья сколько угодно на каждом заборе.

Входят принц Генрих и Уэстморленд.

Принц. А, Джек — надувайся-не-лопни! Как дела, гора-на-пуху?

Фальстаф. Боже мой, Гарри! Откуда ты, полонный? Какой черт носит тебя по Йоркширу? Простите, милорд Уэстморленд, я вас не заметил. Я думал, ваше сиятельство давно в Шрусбери.

Уэстморленд. Совершенно справедливо, сэр Джон. Нам давно пора туда, мне и вам. Но моя армия уже пришла туда. Король, имейте в виду, нуждается в нас всех. До утра нам придется шагать, не смыкая глаз.

Фальстаф. Во мне не сомневайтесь. Я могу не спать, как кошка, если есть где слизнуть сливки.

Принц. Именно слизнуть сливки. От их слизыванья ты весь и сбился в ком сливочного масла. Однако скажи, из чьей части эта рвань, которая плетется сзади?

Фальстаф. Из моей, Гарри, из моей.

Принц. Я никогда не видал более плачевного сброда.

Фальстаф. Тихе, не кричи. Обыкновенная мишень для копий. Пушечное мясо, пушечное мясо. Могилу они наполнят не хуже других. Полно, милый. Люди как люди, смертные, дорогой мой, смертные.

Уэстморленд. Да, но, сэр Джон, отчего у них такой худой и несчастный вид? Это — голь пережатая.

Фальстаф. Что касается бедности, я не знаю, где они ее подхватили. А что касается худобы, они ею заразились не от меня.

Принц. Это во всяком случае, если жир в три пальца толщиной не считать худобою. Но черт побери, поторапливайся! Перси начал расстановку войска.

Ф а л ь с т а ф. Разве король стоит уже лагерем?
Уэстморленд. Да, сэр Джон, как бы нам не опоздать.

Принц Генрих и Уэстморленд уходят.

Ф а л ь с т а ф

Спешу на вечер стоящий, на праздничный обед
А в шум и гам побоища лететь причины нет.
(Уходит.)

Барабаны и флейты за сценой, как вначале.

СЦЕНА 3

Лагерь мятежников близ Шрусбери.

Входят Готспер, Вустер, Дуглас, Вернон,
офицеры и солдаты со знаменами.

Готспер

Сразимся с ними ночью.

Вустер

Не спеши.

Дуглас

Им на руку отсрочка.

Вернон

Не согласен.

Готспер

Они ждут подкреплений.

Вернон

Как и мы.

Готспер

Но их расчеты тверды, наши — шатки.

Вустер

Послушайся, мой друг, повремени.

Вернон

Сегодня не завязывайте боя.

Дуглас

Дурной совет. Он робостью внушен.

Вернон

Не говорите так со мною, Дуглас.
Когда мне честь действительно велит
Оставить без вниманья осторожность,
Я тоже забываю всякий страх,
Как вы, милорд, и лучший из шотландцев.
И мы посмотрим в завтрашнем бою,
Кто робок.

Дуглас

Нет, в сегодняшнем.

Вернон

Согласен.

Готспер

В сегодняшнем.

Вернон

Ума не приложу,
Неужто вы, такие полководцы,
Не видите, что надо подождать?
Еще не прибыл брат мой с конной группой,
И Вустер только что привел свою.
Насилу дышат лошади и люди.
Усердья требовать от них нельзя:
Отряд чуть жив и спит наполовину.

Перси

В таком же виде конница врага.
Но там устали все от перехода,
А кое-кто из наших отдохнул.

Вустер

Они числом сильнее. Ради бога,
Не выступай, пока не стянем сил.

Труба возвещает прибытие парламентаря.

Входит сэр Уолтер Блент в сопровождении двух
офицеров и солдата с белым флагом.

Б л е н т

Я послан, если вам угодно слушать,
К вам с предложеньями от короля.

Г о т с п е р

Сэр Уолтер Блент, мы вам сердечно рады.
Прискорбно только то, что вы не наш.
Вы пользуетесь общею любовью,
Но даже ваши лучшие друзья
Досадуют, что вы чужого толка
И мы стоим пред вами, как враги.

Б л е н т

Не дай мне бог смотреть на вас иначе,
Пока вы преступаете закон
И спорите с помазанником божьим.
Итак, король послал меня узнать,
Чем недовольны вы, что вы расторгли
Гражданский мир и подали стране
Пример разнузданности и бесчинства?
Он заявляет: если чем-нибудь
Он недооценил заслуги ваши, —
А он их ставит очень высоко, —
Он просит вас назвать свои желанья.
Он их мгновенно удовлетворит
И обещает полное прощенье
Кружку зачинщиков и остальным.

Г о т с п е р

Король так добр! Он знает срок посулам
И исполненью обещаний срок.
Он это доказал отцу и дяде.
Свой сан он получил из наших рук.
В те дни он был еще юнцом безусым.
Забывтй, одинокий, он бежал
На родину из ссылки за границу.
Отец мой ждал его на берегу
И встретил беглеца со всем радушьем.
Когда ж он от него узнал, что тот
Приехал только за своим наследством,
За герцогством Ланкастерским, когда
Услышал клятвы и увидел слезы,
Отец поверил и пообещал
Ему поддержку, что он и исполнил.
Едва дошло до знати и вельмож,

Что граф Нортумберленд — его сторонник,
К нему стекаться стали стар и мал.
Наперебой устраивали встречи
В полях, поместьях, селах, городах,
Стояли на мостах и на дорогах.
Шли на поклон, несли ему дары,
Тянулись бесконечной вереницей
И отдавали сыновей в пажы.
Тогда, уверившись в любви народа,
Он стал без страха отступать от клятв,
Отцу когда-то данных в дни гонений
На голом Ревенспергском берегу.
Он брался преобразовать законы,
Степенительные для простых людей,
Он говорил про злоупотребленья
И плакал над невзгодами страны.
Игрою и притворством он добился,
Чего хотел. Он покори́л сердца
И сделал дальше шаг: он предал казни
Людей Ричарда, всех, кому Ричард
Доверил внутреннее управление,
Пока в Ирландии он воевал.

Б л е н т

Я здесь не для того, чтоб это слушать.

Г о т с п е р

Дойдем до главного. Он низложил
Несчастливого, а там лишил и жизни,
Большим налогом обложил весь край
И в довершение зла теперь отрекся
От графа Мортимера. Мортимер
Имеет больше прав быть государем,
А он дает страдальцу гнить в плену
И в этом деле умывает руки.
Он обращается со мной не так,
Как с победителем, и шлет шпионов,
Чтобы меня запутать и сгубить.
Он дядю с бранью выгнал из совета
И приказал отцу покинуть двор.
Все время нарушая обещанья,
Он так нам постоянно досаждал,
Что нас теперь заставил взбунтоваться.
Нет, царствование его ничем
Возложенных надежд не оправдало!

Б л е н т

Все так и повторить мне королю?

Г о т с п е р

Нет, что вы, Блент! Ответ без вас обсудим.
Покамест возвращайтесь к королю.
Пусть обеспечит неприкосновенность
Парламентерам нашим, а ответ
Мой дядя вам доставит завтра утром.

Б л е н т

Как мне бы вас хотелось помирить!

Г о т с п е р

Быть может, тем и кончим.

Б л е н т

Дай-то боже.

Трубы и барабаны.

Все расходятся: Блент со своими — в одну сторону,
Готспер — в другую.

СЦЕНА 4

Йорк. Комната в архиепископском дворце.

Входят архиепископ и сэр Майкл.

А р х и е п и с к о п

Спешите. Вот лорд-маршалу письмо,
А это брату Скрупу, милый Майкл.
На остальных прочтете адреса.
Когда бы знали вы, как это важно!
Поторопитесь.

С э р М а й к л

Я, милорд, легко
Угадываю важность содержания.

А р х и е п и с к о п

Да, угадать нетрудно. Завтра — бой,
Который многим будет пробным камнем.
Под Шрусбери, как мне передают,

Король, командующий сильным войском,
Сойдется с лордом Перси. Я боюсь,
У Перси недостаточные силы.
Во-первых, заболел Нортумберленд,
Отсутствие которого с войсками —
Ущерб невозместимый. Во-вторых,
Подвел и Глендаур, обещавший помощь.
Он не явился, видимо боясь
Каких-то скверных предзнаменований.

С э р М а й к л

Все будет хорошо. Там Мортимер
И Дуглас.

А р х и е п и с к о п

Мортимера нет.

С э р М а й к л

Ну что же.
Зато там Вернон, Вустер и отбор
Прославленного рыцарства и знати.

А р х и е п и с к о п

Но и король собрал весь цвет страны.
С ним Джон Ланкастерский, и принц Уэльский,
И славный Уэстморленд, и храбрый Блент,
И лучшие герои с именами,
А также люди с опытом в войне.

С э р М а й к л

Их наши отразят, не сомневайтесь.

А р х и е п и с к о п

Хочу, по крайней мере, уповать.
Однако не вредна и осторожность.
И чтобы худшее предотвратить,
Я принимаю меры. Если Перси
Постигнет неудача, то король,
Узнавши про мою причастность к бунту,
Из Шрусбери направится сюда.
Мне надо вовремя вооружиться.
Все это в письмах. Развезите их.
Я новые пойду писать. Прощайте.

Уходят.

АКТ V

СЦЕНА 1

Лагерь короля под Шрусбери.

Входят король Генрих, принц Генрих, принц Джон Ланкастерский, сэр Уолтер Блент и сэр Джон Фальстаф.

К о р о л ь

Кровавый отблеск пасмурной зари
Лег на холмы. Рассвет, как от предчувствий,
Нерадостен.

П р и н ц

А ветер, как трубач,
Предвозвещает бушеваньем леса
Большую бурю и тоскливый день.

К о р о л ь

Он веет побежденным. Победитель
Не знает ни предчувствий, ни тоски.

Труба в знак прихода парламентаря.

Входят Вустер, Вернон и офицер с белым флагом.

А, это вы? Нехорошо, лорд Вустер,
Что мы встречаемся таким путем.
Мы верили вам. Вы нас обманули,
Заставили нас снять просторный плащ
И старческое тело втиснуть в латы.
Нехорошо, милорд, нехорошо.
Послушайте, скажите откровенно,
Согласны ль вы немедленно прервать
Свои военные приготовления
И возвратиться в свой законный круг,
Как мирная звезда в свою орбиту,
А не пугать, как грозный метеор,
Недобрыми предвестьями потомство?

В у с т е р

Мой государь, отвечу за себя.
Свой век я с удовольствием бы дожил

В покое и тиши. Я не искал
Разрыва этого.

К о р о л ь

Вы не искали?
А как же он тогда произошел?

Ф а л ь с т а ф Он его не искал. Мятаж подвернулся
ему под ноги, он нагнулся и подобрал его.
П р и н ц Замолчи, сорока!

В у с т е р

Вы сами отвернулись, государь,
От нашего семейства, а когда-то
Имели в нас испытанных друзей.
Я ради вас во времена Ричарда
Оставил службу и сломал свой жезл.
Чтоб вам поцеловать при встрече руку,
Без отдыха я мчался день и ночь,
Хотя был выше вас по положенью.
Ведь это я, племянник мой и брат
Доставили домой вас под охраной.
Вы нам клялись в Ланкастере, что вы
Не домогаетесь верховной власти,
Но требуете только для себя
Оставшегося после смерти Гонта
Ланкастерского герцогства, чему
Мы обещали клятвенно поддержку.
Как вдруг на вас нахлынул град удач.
Все стало складываться в вашу пользу.
Король отсутствовал. За вас горой
Стояли мы. Подготовлялась смута.
Вас окружал высокий ореол
Невинной жертвы, а противный ветер
Держал так долго в море короля,
Что в Англии его сочли умершим.
Вы улучили время. Круг друзей
Вам предложил венец. Вы согласились,
Поправ ногами данный нам обет.
Для дома нашего вы оказались
Кукушкой в гнезде у воробья
И на хлебах у нас достигли скоро
Такой чудовищной величины,

Что к вам опасно стало приближаться
Из страха быть проглоченным. Побег
Подальше с ваших глаз, самозащита —
Вот все, что оставалось нам в ответ.
Вы сами дали в руки нам оружие
Не благодарностью, забвеньем клятв
И вашим нелюбезным обращеньем.

К о р о л ь

И вы поторопились раззвонить
По ярмаркам все это и с амвонов,
Чтоб бунт облечь подобьем правоты
В глазах любителей переворотов,
Которые их вечно ждут толпой,
Друг друга в бок подталкивая локтем?
Для мятежей ведь недостатка нет
Ни в полчищах бродяг, ни в побужденьях

П р и н ц

В обеих станах дорого заплатят
За эту распрю, если будет бой.
Пожалуйста, племяннику скажите:
Принц Уэльский так же, как и целый свет,
Поклонник Гарри Перси. Исключая
Его участия в этом мятеже,
Он подлинное украшенье века
По беззаветной смелости, огню,
Возвышенности чувств и благородству.
Сознаться должен, к своему стыду,
Я к рыцарским делам был равнодушен, —
Мне это Перси ставит сам в укор.
И тем не менее я объявляю
Пред повелителем моим, отцом:
Ввиду такого превосходства Перси
Легко мне бескорыстно предложить,
Чтоб избежать кровопролитья в войске,
Решить весь спор единоборством с ним.

К о р о л ь (поднимаюсь)

На это мы тебя благословляем,
Невыгодам несчетным вопреки.
Нет, милый Вустер, свой народ мы любим.
Мы любим даже сбившихся с пути

И перешедших к вам и предлагаем:
Давайте вы, племянник ваш и я,
И все, кто с вами, будем вновь друзьями.
Скажите это Перси и затем
Уведомьте нас о его решенье.
Но знайте, если он неисправим,
Все строгости возмездья в нашей власти,
И мы их пустим в ход. Счастливый путь.
Нет, ничего пока не отвечайте.
Вам руку протянули не шутя.
Подумайте. Ответите спустя.

Вустер, Вернон и офицер с белым флагом уходят.

П р и н ц

Они не примут ваших предложений.
Для Дугласа и Готспера весь мир —
Лишь повод, чтобы обнажать оружие.

К о р о л ь

Тем хуже. Полководцы, по местам!
На их отказ ответим мы атакой.
Мы боремся за правду. С нами бог.

Король Генрих, принц Джон Ланкастерский, офицеры и солдаты уходят.

Ф а л ь с т а ф (останавливая принца). Гарри, если ты меня увидишь на земле, заслони собою мое тело. Это — долг дружбы.

П р и н ц. Для этого требуется великан. Молись и будь здоров.

Ф а л ь с т а ф. Ах, как хорошо было бы, если бы все было спокойно и можно было бы лечь спать!

П р и н ц. Долг каждого — отдать когда-нибудь богу душу. (Уходит.)

Ф а л ь с т а ф. Но срок платежа еще не наступил! Куда мне спешить, если он не торопит? Хорошо, мне скажут, это, мол, дело чести, честь подзадоривает меня? Ну, а если на этом задоре я сломаю себе шею? Может ли честь приставить новую ногу? Нет. А руку? Не может. А уврачевать рану? Тоже нет. Значит, честь не хирург? Нет. Что же она такое? Слово. Что в нем содержится? Воздух. Подумаешь, какой клад! Для кого она предназначена? В четверг ее достаивается тот, кто умер

ради нее в среду. Чувствует ли он ее? Нет. Слышит ли ее? Нет. Но, может быть, она предназначена для живых? Нет, тоже нет. Почему? Злословье сотрет ее в порошок. Ну так не хочу я ее. Честь — это род надгробной надписи. Вот мое ученье. (*Уходит.*)

СЦЕНА 2

Лагерь мятежников.

Входят Вустер и Вернон.

Вустер

Нет, Вернон, нет, не должен знать племянник
О мирных предложеньях короля.

Вернон

Нет, рассказать о них необходимо.

Вустер

Тогда нам всем конец. Не может быть,
Немыслимо, чтоб он остался верен
Своим теперешним словам любви.
Король нам больше не вернет доверья.
Он нам всегда припомнит этот бунт
Не под одним, так под другим предложом.
За нами будут вечно наблюдать.
Изменнику не верят, как лисице.
Как ни корми ее, как ни учи,
Задатки хищницы должны сказаться.
Теперь что хочешь, смейся мы иль плачь,
Нас все равно перетолкуют дурно.
Чем будет нам привольней и сытней,
Тем ближе к смерти, как скоту на бойне.
Племянника, быть может, и простят.
Его оправдывает пылкость крови.
На то ему и прозвище дано
Души без удержу, Горячей Шпоры.
За Перси отдуваться будем мы,
Отец и дядя, мы-де подбивали,
Мы корень зла, нам двум и отвечать.
Вот отчего племяннику, считаю,
Не надо знать условий короля.

Вернон

Тогда придумывайте что хотите.
Я подтверждаю. Однако вот и он.

Входят Готспер и Дуглас, за ними офицеры
и солдаты.

Готспер

Вернулся дядя. Можно Уэстморленда
Освободить. Что вы нам принесли?

Вустер

Король готов нам дать сейчас сраженье.

Дуглас

Пусть даст от нас согласие Уэстморленд.

Готспер

Да, Дуглас, поручите это лорду.

Дуглас

С великим наслаждением передам.
(Уходит.)

Вустер

Король прощать нас вовсе не намерен.

Готспер

А вы просили? Боже упаси!

Вустер

Я упрекнул его в измене слову.
Он отрицает это и теперь
Отказ от клятвы подкрепляет клятвой.
Кричит: «Предатели, бунтовщики!»
И нас грозит мечом казнить за это.

Возвращается Дуглас.

Дуглас

К оружию, к оружию, господа!
Я королю отправил дерзкий вызов.
Его снесет заложник Уэстморленд.

В у с т е р

При всех, во всеуслышанье принц Уэльский
Тебя на поединок вызвал с ним.

Г о т с п е р

О, если бы в одних нас было дело
И жизнь не жертвовал никто!
Скажите, как держался он при этом?
Презрительно? Презрительно?

В е р н о н

О нет.

Не слышал в жизни вызова скромнее.
Так брата брат позвал бы фехтовать.
Он честно отдавал вам справедливость
И славословил так, как будто вас
Увековечивал, как летописец.
Но в чем он проявился до конца,
Так это в той стыдливости, с какою
Он горько с вами сравнивал себя,
Как строгий, осуждающий учитель
И как вину сознавший ученик.
И тут мой долг сказать пред целым светом,
Что если он останется в живых,
То будущее Англии ни разу
Не подавало нам таких надежд,
Напрасно подвергаясь искаженьям.

Г о т с п е р

Ну, вы влюбились, видимо, мой друг,
В его безумства. Никогда не слышал,
Чтоб кто-нибудь дурил, как этот принц.
Но кто б он ни был, я с такою силой
Сумею сжать его в своих руках,
Что только кости затрещат, поверьте.
К оружию, к оружию, господа!
Друзья мои, товарищи, солдаты,
Вы сами лучше знаете свой долг,
Чем это можно выразить словами,
Да красноречьем я и не блещу.

Входит г о н е ц.

Г о н е ц

Вот письма к вам, милорд.

Г о т с п е р

Читать не время.

Друзья мои, жизнь наша коротка.
Но даже будь она короче часа,
Она должна была бы надоесть,
Когда б мы тратили ее бесславно.
Мы в жизни не боялись королей
И будем умирать по-королевски.
Оружие у нас освящено
Сознанием нашей справедливой цели.

Входит второй гонец.

В т о р о й г о н е ц

Пора, милорд. Король недалеко.

Г о т с п е р

Я рад, что он меня перебивает.
Смолкаю. Я не мастер говорить.
Пусть каждый совершит, что будет в силах.
Я вынул меч. Я обагрю его
Ценнейшей кровью, лучшею, какая
Пролиться может в нынешнем бою.
Трубите в трубы, бейте наступленье.
Подхватывайте: «Перси! Espérance!»
В последний раз обнимемся друг с другом,
Из нас иные больше никогда
Уже не будут обнимать друг друга.

Трубы. Все обнимаются и уходят.

СЦЕНА 3

Поле битвы близ Шрусбери.

Единичные стычки. Вдали сигналы к наступлению.
Сталкиваются Д у г л а с и с э р У о л т е р Б л е н т,
одетый королем.

Б л е н т

Кто ты, что попадаешься все время
Мне на глаза? Что привязался ты?

Д у г л а с

Я — Дуглас. Я ищу тебя в сраженье,
Затем, что ты — король, как говорят.

Б л е н т

Ты не ошибся.

Д у г л а с

Только что за сходство
С тобой лорд Стеффорд жизнью заплатил.
Я принял за тебя его и кончил.
Сдавайся, так же будет и с тобой.
Погибни, если ты мне в плен не сдашься.

Б л е н т

Я сроду никому не уступал
И отомщу, заносчивый шотландец,
Тебе за Стеффорда.

Бьются. Блент падает. Входит Г о т с п е р.

Г о т с п е р

Когда б при Гольмдоне ты так же дрался,
Я б ни за что тебя не одолел.

Д у г л а с

Мы победили. Выиграна битва.
Вон на земле зарубленный король.

Г о т с п е р

Где?

Д у г л а с

Вон.

Г о т с п е р

Вот этот, Дуглас? Ты ошибся.
Лицо я это знаю хорошо.
Убитый этот — Блент, отважный рыцарь,
В бою переодетый королем.

Д у г л а с

Ах, шут тебя возьми! Заемный титул
Купил ты слишком дорогой ценой.
Напрасно королем ты притворился.

Г о т с п е р

На поле битвы много подставных,
Одетых в королевские доспехи.

Д у г л а с

Весь этот королевский гардероб
Тогда я перебею поочередно,
Пока не доберусь до самого.

Г о т с п е р

Начало дня сулит нам торжество.

Уходят. Вдали крики идущих в атаку.

Входит Ф а л ь с т а ф.

Ф а л ь с т а ф. Здесь тебе не Лондон, где я увиливаю от любого расчета, здесь орудуют без рассрочки, и все больше по голове. Однако тише, кто это? Сэр Уолтер Блент! Вы ушли с честью. Мирская суета больше не коснется вас. Но, черт возьми, я вспотел в панцире, как расплавленный свинец, и стал такой же тяжелый. Кстати сказать, пронеси господи свинец мимо меня! Я вполне удовлетворен тяжестью собственных кишков и не хочу добавочного веса. Бедные мои оборванцы! Я поставил их в самое пекло. Из ста пятидесяти уцелели только трое, но так искалечены, что теперь им весь век придется протягивать руку у городских ворот. Но кто это?

Входит п р и н ц Г е н р и х.

П р и н ц

Ты здесь без дела? Одолжи мне меч.
Вон стынут наши павшие. Их топчут
Подковы вражьей конницы. Они
Не отмщены. Дай мне свой меч на время.

Ф а л ь с т а ф. Гарри, лучше дай мне передохнуть. Турецкий султан Григорий не совершил на своем веку столько славного, сколько я за один нынешний день. С Перси у меня все кончено. Он обезврежен.

П р и н ц. То есть ты хочешь сказать, он невредим. Он жив и разыскивает тебя, чтобы убить. Одолжи мне свой меч.

Ф а л ь с т а ф. Ну, если он жив, меч понадобится мне самому. Возьми, если хочешь, мой пистолет.

П р и н ц. Давай. Что это, он в чехле?

Ф а л ь с т а ф. *(вынимает из чехла бутылку)*. Да. Смотри не обожгись. Он разогрелся от работы. Хересу в нем недостаточно, чтобы похерить целый город.

Принц. Время ли паясничать? (*Бросает бутылку в Фальстафа и уходит.*)

Фальстаф. Ладно. Да умрет Перси, если вздумает наткнуться на мой меч! Если же я буду так глуп, что сам на него полезу, пусть он накажет меня и сделает из меня котлету. Не люблю я шуток с этой честью, чтоб ее черт побрал, — вот чем они кончаются. Полюбуйтесь на мертвого сэра Уолтера. Как он оскалился! Нет, мне жизнь дороже. Если она совместима с честью, что ж, пожалуйста, я не возражаю. А если нет, то почетного конца все равно не избежать, незачем и беспокоиться.

Рожки горнистов. Фальстаф убегает.

СЦЕНА 4

Другая часть равнины.

Клики нападающих. Отдельные стычки. Входят король Генрих, принц Генрих, принц Джон Ланкастерский и Уэстморленд.

Король

Ты весь в крови, уйди отсюда, Гарри.
Джон, уведи, пожалуйста, его.

Ланкастер

Я тоже не уйду, пока не ранен.

Принц

Скорей вернитесь к войску, государь.
Всех удивит исчезновение ваше.

Король

Ты прав. Сию минуту. Уэстморленд,
Прошу, в палатку принца отведите.

Уэстморленд

Я отведу вас, принц.

Принц

Кого? Меня?

Я в помощи покамест не нуждаюсь.
Не дай господь, чтоб принц Уэльский мог
С пустой царапиной покинуть поле,

Где цвет страны растоптан лошадьми
И торжествует знамя негодяев.

Л а н к а с т е р

Пора. Мы отдохнули, Уэстморленд.
Нас долг зовет. Скорее, ради бога.

Принц Джон Ланкастерский и Уэстморленд уходят.

П р и н ц

Ланкастер, как меня ты обманул!
Не думал я, что ты такой ретивый!
В тебе любил я брата до сих пор,
А с этих дней любить героя буду.

К о р о л ь

Я видел, как он Перси отражал.
Вот молодец! А ведь еще подросток!

П р и н ц

О, этот мальчик далеко пойдет!

Уходят.

Боевые клики. Входит Д у г л а с.

Д у г л а с

Еще один король! Они плодятся,
Как головы у гидры. Кто ты? Знай:
Я — Дуглас, смертоносный всем, носящим
Такие знаки. Кто ты, лжекороль?

К о р о л ь

Я истинный король. Мне жалко, Дуглас,
Что столько встретил ты моих теней,
А не меня. Моих два сына ищут
Тебя и Перси по полю. Я рад,
Что ты мне подвернулся так счастливо.
Давай сшибемся. Отбивай удар.

Д у г л а с

Боюсь, и ты окажешься подделкой,
Хотя ведешь себя ты, как король.
Но кто б ты ни был, ты — моя добыча.

Сражаются. Король в опасности. Возвращается принц
Г е н р и х.

П р и н ц

Злодей шотландец, оглянись назад
Или погибнешь от удара в спину!
Меня шлют тени павших отомстить
За Блента, Шерли, Стеффорда и прочих.
Я принц Уэльский. Я грожу тебе.
Угрозу привожу я в исполнение.

Сражаются. Дуглас отступает и скрывается.

Милорд, как чувствуете вы себя?
Сэр Никлас Гоузи просит подкрепленья,
А я на помощь к Клифтону спешу.

К о р о л ь

Постой. Передохни. Моею жизнью
Ты дорожишь, как видно, не шутя?
Ты это доказал сейчас на деле.

П р и н ц

Вы разве сомневались? До чего
Меня оклеветали! Говорили,
Что будто бы я смерти вам желал.
Вы видели, какая это правда?
Тогда б я Дугласу не помешал,
Он устранил бы вас без всяких ядов
И сын подлец остался б без пятна.

К о р о л ь

Разъедемся: ты — к Клифтону, я — к Гоузи.
(Уходит.)

Входит Готспер.

Г о т с п е р

Ты — Гарри Монмут, если только я
Не ошибаюсь.

П р и н ц

Я не отрицаю.

Г о т с п е р

Я — Гарри Перси.

П р и н ц

Значит, предо мной
Храбрейший из мятежников на свете.
Я — принц Уэльский. Больше, Перси, знай,
Нам не судьба делиться в жизни славой.
Двум звездам не ходить в одном кругу.
И Англии в одно и то же время
Моею и твоею не бывать.

Г о т с п е р

Не будет этого. Пора настала
Уйти кому-нибудь из нас двоих.
Мне жаль, что ты мне уступаешь в славе.

П р и н ц

Сегодня постараюсь наверстать
И срежу на венок себе все лавры,
Которые на шлеме ты взрастил.

Г о т с п е р

Твое бахвальство непереносимо.

Сражаются. Входит Ф а л ь с т а ф.

Ф а л ь с т а ф. Правильно, Гарри. Так его, так его! Тут вам не детские игрушки, я говорил вам.

Возвращается Д у г л а с. Он завязывает схватку с Фальстафом, который падает, притворившись мертвым. Дуглас уходит. Готспер ранен и падает.

Г о т с п е р

Ты у меня взял молодость мою.
Мне легче перенести утрату жизни,
Чем то, что блеск мой перейдет к тебе.
Сознание этого мне ранит душу
Сильней, чем меч вонзился в плоть мою.
Но мыслью управляет жизнь, а жизнью
Играет время, время же со всем,
Что временно, должно остановиться.
О, как бы мог теперь я проричать,
Когда б мне языка не тяжелила
Землистой ледяной рукою смерть!
Теперь ты, Перси, прах. Теперь ты пища...
(Умирает.)

П р и н ц

«Червей», — хотел ты, видимо, сказать?
Прощай, храбрец, прощай, большое сердце!
Заносчивость — непрочный матерьял:
Она, как стирания ткань, садится.
Пока держалась в этом теле жизнь,
Ему, казалось, царства было мало,
И вдругхватило двух аршин земли.
В стране, где ты сейчас лежишь без жизни,
Уже тебе нет равных средь живых.
Воспользовавшись тем, что ты не слышишь,
Пою тебе хвалы, а то б не стал.
Дай, я лицо тебе укрою шарфом.
Мне вдруг послышалось, вообрази,
Что ты меня благодаришь за это.
Уйди в лучах побед на небеса,
А горечь поражения скрой в могиле.
Его не вставят в надпись на плите.

(Замечает на земле Фальстафа.)

Как, старый друг! И эти телеса
Спасти крупницы жизни не сумели?
Прощай, покойся с миром, бедный Джек.
Есть люди много лучше, смерть которых
Я легче перенес бы, чем твою.
Ты оживлял мои часы веселья.
Мне жаль тебя, хвастун и пустомеля.
Средь множества сегодняшних потерь
Ты вымершее диво, редкий зверь.
Тебя мы вскроем, смажем благовоньем,
Набальзамируем и похороним.
Пока же рядом с Готспером лежи.

(Уходит.)

Трубы и барабаны.

Ф а л ь с т а ф *(поднимаясь)*. «Тебя мы вскроем!» Если ты будешь сегодня потрошить меня, то можешь завтра засолить меня и съесть. Черт возьми, я вовремя прикинулся мертвым, а то бы этот шотландец сделал из меня шотландскую селедку. Прикинулся? Неправда. Совсем я не прикинулся. Мертвые — вот это притворщики. Они притворяются людьми, когда перестают быть ими. А прикинуться мертвым, будучи живым, — это не притворство, а сама искренность. Одно из украшений

храбрости — скромность. Это украшение и спасло меня. Что за чертовщина! Я боюсь этого разбойника Перси, хотя он и убит. А вдруг он тоже прикидывается, как я, и встанет? А вдруг окажется, что он прикидывается еще лучше, чем я? Нанесу-ка я ему для верности еще два-три удара. Можно будет сказать, что это я убил его. Что же тут удивительного? Его оглушили, он обмер и упал, а потом ожил, как я. Поэтому не взыщите, получите новую рану в ляжку (*подкалывает его*) и извольте следовать со мной. (*Взваливает Готспера на спину.*)

Возвращаются принц Генрих, принц Джон Ланкастерский и четыре солдата, которые становятся позади.

П р и н ц

С успешным боевым крещением, братец!
Мечом ты поработал хорошо.

Л а н к а с т е р

Послушай. Верить ли глазам? Не ты ли
Мне говорил, что твой толстяк убит?

П р и н ц

Ну да. Я видел сам его убитым.
Он на земле лежал не шевелясь.
Ты жив? Нас не обманывает зренье?
Ты то, чем кажешься? Уверь нас сам.

Ф а л ь с т а ф. Конечно, то. Я не двойник. Но пусть я буду Джек черт знает кто, если я не Джек Фальстаф. Вот вам ваш Перси. (*Бросает тело на землю.*) Если вашему папаше угодно будет чем-нибудь отблагодарить меня, хорошо. Если нет, пусть следующего Перси он потрудится убить сам. Я рассчитываю теперь стать графом или герцогом, не меньше.

П р и н ц. Вздор. Я сам убил Перси и видел тебя мертвым.

Ф а л ь с т а ф. Вот как? Господи, господи! До чего доходит человеческая бессовестность! Правда, я лежал бездыханный, точно так же, как и он, но потом мы оба вскочили в одну и ту же минуту и дрались еще добрый час по шрусберийским башенным часам. Верьте мне, если я достоин веры, а если не верите, на вас ложится

позор неблагодарности, что моя доблесть остается не-
вознагражденной. Я готов отдать жизнь, доказывая, что
нанес ему эту рану в ляжку. Если бы он был жив, у него
не хватило бы наглости отрицать это, а то я загнал бы в
него еще раз этот меч по рукоятку.

Л а н к а с т е р

Диковинней не слышал в жизни сказки.

П р и н ц

Диковинней не видел хвастуна.
Ну, что ж, ступай, гордись своею ношей.
Когда тебе помочь способна ложь,
Готов я подтвердить ее как правду.

Трубы.

Трубят отбой. С победою тебя!
Пойдем, с холма кругом посмотрим в поле,
Кто жив из наших, кто убит.

Принц Генрих и принц Джон Ланкастерский уходят.

Ф а л ь с т а ф. Пойду за ними. По-видимому, меня
наградят. Награди бог всякого, кто наградит меня.
Если я теперь пойду в гору, надо будет сбавить жиру.
Буду лечиться, брошу пить херес, заведу правильный
образ жизни, как порядочный человек.

Трубные сигналы. Фальстаф дает знак солдатам поднять
тело Готспера и уходит с ними.

СЦЕНА 5

Палатка короля Генриха.

Трубы и барабаны. Сидит король Генрих. Стоят
принц Генрих, принц Джон Ланкастерский,
Уэстморленд, офицеры и солдаты. Вводят
Вустера и Вернона под стражей.

К о р о л ь

Так воздавали всем, кто бунтовал.
Злой Вустер, разве не с тобой в ваш лагерь
Послали мы свою любовь и мир?

Ты извратил преступно смысл посланья,
Племянника доверье обманув.
Три рыцаря и граф, теперь убитый,
И множество других могли бы жить,
Когда б ты договаривался честно,
Как добрый рыцарь и христианин.

В у с т е р

Я это сделал из самозащиты
И покорюсь тому, что заслужил.
Я сам пошел на это.

К о р о л ь

Отведите
И Вустера и Вернона на казнь.
Других виновных выслушаем после.

Стража уводит Вустера и Вернона.

Какие вести с поля?

П р и н ц

Вот какие.
Когда шотландец Дуглас увидел
Измену счастья, гибель Перси, ужас
Своих бегущих в беспорядке войск,
Он сам пустился в бегство с их остатком,
Но конь его упал на всем скаку,
Седок расшибся и попал нам в руки.
Он у меня в палатке. Я прошу
Отдать его в мое распоряженье.

К о р о л ь

Пожалуйста.

П р и н ц

Тогда, брат Джон, ступай
И соверши благое это дело.
Дай Дугласу свободу. Пусть идет.
Скажи, мне выкупа его не надо.
Ударами по нашим черепам
Он научил нас уважать отвагу
И во врагах.

Л а н к а с т е р

Благодарю. Я рад
Пойти с таким приятным порученьем.

К о р о л ь

Нам остается разделить войска.
Ты, Джон, и вы, лорд Уэстморленд, направьтесь
В Иорк, где граф Нортумберленд и Скруп
Готовят, я слышал, сопротивление.
А я и Гарри двинемся в Уэльс
На усмирение Глендаура и Марча.
Еще удар последний по злодеям,
И мы их окончательно рассеем.
Но не дремать, как ни велик успех,
Покамест мы не проучили всех.

Уходят.

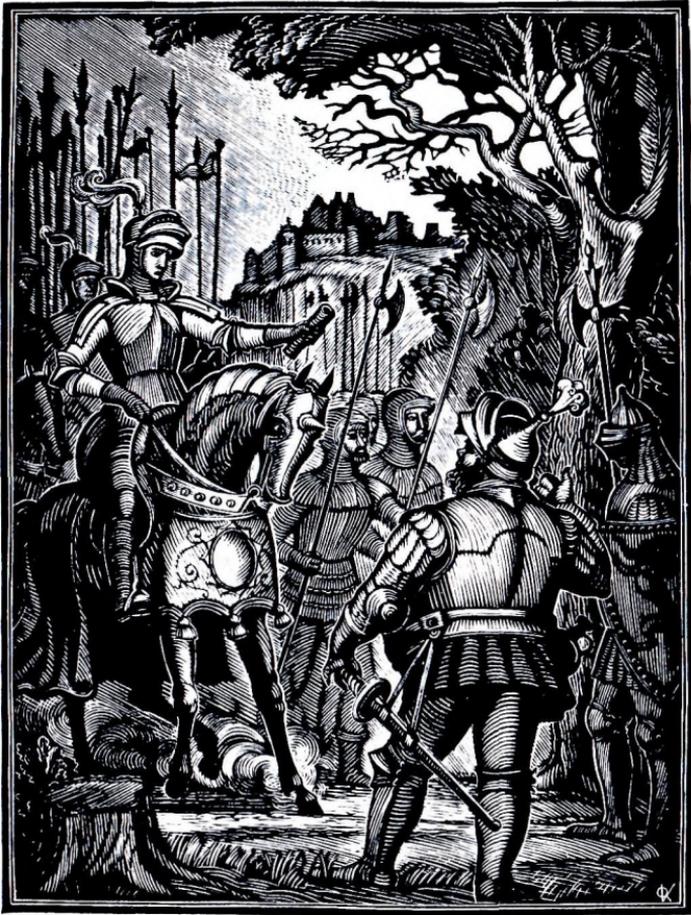




КОРОЛЬ
ГЕНРИХ IV

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕРЕВОД Б. ПАСТЕРНАКА





ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король Генрих Четвертый.
Генрих, принц Уэльский, впоследствии
король Генрих Пятый } его сыновья.
Томас, герцог Кларенс }
Принц Джон Ланкастерский }
Принц Гемфри Глостер }
Граф Уорик }
Граф Уэстморленд }
Граф Соррей } сторонники короля.
Гауэр }
Гаркорт }
Блент }
Лорд Верховный судья.
Его помощник.
Граф Нортумберленд }
Скруп, архиепископ Йоркский } противники короля.
Лорд Моубрей }
Лорд Гастингс }
Лорд Бардольф }
Сэр Джон Кольвиль }
Треверс } слуги Нортумберленда.
Мортон }
Сэр Джон Фальстаф.
Паж Фальстафа.
Бардольф.
Пистоль.
Пойнс.
Пето.
Шеллоу } мировые судьи.
Сайленс }
Деви, слуга Шеллоу.

Грибок }
Облако }
Лишай } рекруты.
Немочь }
Телок }
Клещ }
Коготь } полицейские.

Леди Нортумберленд.

Леди Перси.

Мистрис Куикли, трактирщица в Истчипе.

Доль Тершит.

Лорды, офицеры, солдаты, пажи, горожане,
привратник, гонцы, два судебных при-
става, трактирные слуги, полицей-
ские, слуги и свита.

Олицетворение Молвы — в прологе.

Танцор, читающий эпилог.

Место действия — Англия начала XV века.



ПРОЛОГ

Уоркуорт. Площадка перед замком.

Входит Олицетворение Молвы в платье, расписанном языками.

Олицетворение Молвы

Развесьте уши. К вам пришла Молва.
А кто из вас не ловит жадно слухов?
Я быстро мчусь с востока на закат,
И лошадь в пути мне служит ветер.
Во все концы земли я разношу
Известья о делах земного шара.
Я сшила плащ себе из языков,
Чтоб ими лгать на всех наречьях мира.
Нет выдумки такой и клеветы,
Которой я б ушей ни засорила.
Я говорю про мир в канун войны,
И я вооруженьями пугаю
В дни тишины, когда земля полна
Какой-нибудь совсем другой заботы.
Молва — свирель. На ней играет страх,
Догадка, недоверчивость и зависть.
Свистеть на этой дудке так легко,
Что ею управляется всех лучше
Многоголовый великан — толпа.
Но это вам разжевывать излишне.
Мы с вами тут как бы одна семья
И знаем слишком хорошо друг друга.
Скажу, зачем я здесь. Сюда летит
Весть о победе Генриха. Мне надо
Неправдой эту правду предварить.

Под Шрусбери разбито войско Перси,
В крови бунтовщиков потоплен бунт,
Но я не выдам истинных событий.
Наоборот, я здесь, чтоб раззвонить,
Что жертвой Готспера пал Гарри Монмут,
А Дуглас обезглавил короля.
Вот я какие бредни распускала
По мелким придорожным городкам,
Лежащим между Шрусберийским полем
И этой грозной каменной стеной,
Источенной червями, за которой
Родитель Готспера, Нортумберленд,
Скрывается в притворном нездоровье.
Гонцы сюда привозят только то,
Что от меня узнали по дороге,
Но лучше б он с надеждою расстался
И ложною мечтой не обольщался.
(Уходит.)





АКТ I

СЦЕНА 1

Там же.

Входит лорд Бардольф.

Лорд Бардольф

Привратник!

Привратник отворяет ворота.

Дома граф?

Привратник

Как доложить?

Лорд Бардольф

Скажи, лорд Бардольф у ворот ждет графа.

Привратник

Его сиятельство сейчас в саду.

Благоволите постучать в калитку.

Входит Нортумберленд.

Лорд Бардольф

А вот он неожиданно и сам.

Привратник уходит.

Нортумберленд

Что нового, лорд Бардольф? Каждый миг —
Какой-нибудь неожиданный слух. События,

Порвав узду, как норовистый конь,
Несут, ломая пред собой преграды.

Л о р д Б а р д о л ь ф

Граф, я с известьями из Шрусбери.

Н о р т у м б е р л е н д

О, если бы с хорошими!

Л о р д Б а р д о л ь ф

С такими,

Какие сердце может пожелать.
Король смертельно ранен. Принца Гарри
Убил ваш сын, а Дуглас зарубил
Обоих Блентов. Молодой Ланкастер,
Принц Джон, лорд Стеффорд и Уэстморленд
Бежали. Монмутов ленивый боров
Фальстаф — у сына вашего в плену.
Не правда ли, великая победа?
Что Цезаря триумфы перед ней!

Н о р т у м б е р л е н д

Откуда сведенья вы почерпнули?
Вы были в Шрусбери? Сражались там?

Л о р д Б а р д о л ь ф

Я говорил с приехавшим оттуда.
Он это все мне клятвой подтвердил.

Н о р т у м б е р л е н д

Ах, очень кстати! Вот слуга мой Треверс,
Он на разведку ездил от меня.

Входит Т р е в е р с.

Л о р д Б а р д о л ь ф

Милорд, я обогнал его дорогой.
Он знает только все со слов моих.

Н о р т у м б е р л е н д

Что нового на свете слышно, Треверс?

Т р е в е р с

От встречного узнав про наш успех,
Я с лордом повернул домой обратно,
Но лордов конь резвей, и я отстал.

Когда он скрылся, сзади показался
Другой наездник и, на всем скаку
Сдержав коня, спросил дорогу в Честер.
Я показал дорогу и спросил,
Что в Шрусбери. На это он ответил,
Что Перси счастья в битве не имел,
Что «шпора пылкая» его остыла,
И, больше ничего не говоря,
Взвил на дыбы измученную лошадь
И, горяча ее, пустился вскачь,
Как будто в беге пожирал пространство.

Н о р т у м б е р л е н д

Что ты сказал? Постой-ка. Повтори.
Что охладела Готсперова шпора
И не было удачи мятежу?

Л о р д Б а р д о л ь ф

Оставьте. Если Гарри ваш сегодня
Не выиграл сраженья, отдаю
За шелковый лоскут свое баронство.
Он победил. Не спорьте. Это — вздор.

Н о р т у м б е р л е н д

Откуда ж мог представить столько данных
Презжий этот?

Л о р д Б а р д о л ь ф

Это — мародер,
Укравший лошадь, на которой ехал.
Он говорил, что в голову взбредет.
Но вот другой слуга ваш с новостями.

Входит М о р т о н.

Н о р т у м б е р л е н д

Взгляните на него. Его лицо
Как извещенье с траурной каймою.
Такой бывает вид у берегов,
Опустошенных бурей прилива.
Ты в Шрусбери был, Мортон?

М о р т о н

Я бегом
Бежал, милорд, без памяти оттуда.

Все, что есть в смерти страшного, на нас
Свалилось разом там.

Н о р т у м б е р л е н д

Что сын и брат мой?

Но ты дрожишь, и бледность щек твоих
Все выдает мне раньше, чем твой голос.
Так, верно, именно пришел гонец
Сказать Приаму о пожаре Трои,
Так бледен был, растерян и убит.
Но прежде чем он выговорил слово,
Из-за откинутой полы шатра
Приам увидел сам огонь пожара.
Так точно гибель Перси я прочел
В твоих глазах. Ты поведешь, наверно,
Издалека: «Вот что свершил ваш сын.
А вот что — брат. А вот что сделал Дуглас».
Ты подготовишь, чтобы оглушить
Потом известьем, что они убиты.

М о р т о н

Нет, Дуглас жив и жив еще ваш брат,
Однако сын ваш...

Н о р т у м б е р л е н д

Сын мой умер? Умер?

Как я предвидел! Как подозревал!
Беду мы чуем с первого же взгляда
И лишь боимся подтвержденья вслух.
Но если можешь, высмей опасенья.
Скажи, что граф твой баба и дурак.
Я с наслажденьем проглочу обиду
И, если нагрубишь мне, награжу.

М о р т о н

Как возражать вам? Глаз у вас хороший.
Вы — умный, дальновидный человек.

Н о р т у м б е р л е н д

Ты признаешься, что его убили?
Зачем же ты качаешь головой,
Как будто отрицаешь эту гибель?
Ведь только клеветать на мертвых грех,
А разве клевета, что мертвый умер?

Конечно, тяжело сообщать про смерть,
И голос тех, кто носит эти вести,
Отталкивает нас потом всю жизнь,
Как колокол, звонивший по усопшем.

Л о р д Б а р д о л ь ф

Не верю я, чтоб сын ваш был убит.

М о р т о н

Разуверять вас было б мне приятней.
Но я видал без памяти, в крови
Пред Монмутом поверженного Перси,
Который, павши, больше не вставал.
Он даже трусов зажигал отвагой.
Когда ж разнесся слух, что он убит,
Не стало храбрых. Все упали духом.
Он все скреплял. Лишь им держался бунт,
А без него распалось все на части.
Людей ошеломила эта смерть
И обратила всех в слепое бегство.
Тогда брат Вустер ваш и сдался в плен,
И был захвачен Дуглас, перед этим
В трех встречах перебивший подставных,
Одетых королем. Но вдруг он струсил,
Пустился наутек и тут был взят,
Разбившись вместе с лошадью с разбега.
Итак, сраженье выиграл король
И выслал войско против вас, которым
Командует принц Джон и Уэстморленд.
Вот, кажется, и все.

Н о р т у м б е р л е н д

Слезам и скорби

Предамся после. Но спасибо им.
В их горечи содержится лекарство.
Когда б я перед этим был здоров,
Я заболел бы от таких известий.
Но я хворал, и вот я исцелен.
Как в новом пароксизме лихорадки
Из рук сиделки рвется вон больно,
Пластом без сил лежавший перед этим,
Я ослабел от горя, но зато
Мне ярость удесятеряет силы.
Стать на ноги! Долой костыль! Стянуть

Железной рукавицей эту руку!
Повязку с головы! Она не шлем
И не защита от верховной власти,
Пришедшей в возбужденье от побед.
Нет, шлем сюда! И до бровей надвинуть!
И бросить вызов самым худшим дням
Из всех, назначенных Нортумберленду!
Пусть небеса разверзнут хляби вод.
Пусть хлынут волны нового потопа.
Пускай умрет порядок. Пусть во всех
Проснется Каин, и в потоках крови
Окончится существованья фарс,
И сумрак ночи похоронит мертвых.

Т р е в е р с

Сдержитесь. Волноваться вам нельзя.

Л о р д Б а р д о л ь ф

Не отдавайтесь так во власть страданья.

М о р т о н

От вашей бодрости зависит жизнь
Сообщников. У вас в руках их счастье.
Вы и себя должны держать в руках.
Наверное, пред тем как взбунтоваться,
Вы перебрали мысленно в уме
Возможные последствия. Вы знали,
Что в этой страшной сече часть мечей
Подъята будет и над вашим сыном,
Что он привык опасностью шутить
И может в пропасть с крутизны свалиться,
Что смертен он, как все, и уязвим.
Вы знали, что в своем слепом бесстрашье
Он рвется вглубь, где гуще льется кровь.
Вы это понимали, и, однако,
Ему вы приказали выступать
И ведь не отменили приказанья.
Так что же нового произошло
В исходе первой дерзновенной схватки,
Чего бы вы предвидеть не могли?

Л о р д Б а р д о л ь ф

Нас всех печалит это поражение,
Но разве кто-нибудь из нас не знал
Всей шаткости расчетов на удачу?

Но цель манила, мы пустились вплавь,
Нас не смутила вероятность бури.
Так надо поступать нам и теперь.
Нужна решимость и готовность к жертвам.
Все на алтарь: имущество и жизнь!

М о р т о н

Как я слышал, архиепископ Йоркский
Вооружился. Он связал людей
Сильнейшею порукою, чем Перси.
Ваш сын, увы, командовал в бою
Не душами людей, а их телами.
Всех в кукол превращало слово «бунт»
И мучило сознание беззаконья.
Казалось, что на нашей стороне
Одни мечи, а что сердца и руки
Сковал мороз, как рыб зимой в пруду.
А тут мятеж возводят в символ веры.
Епископ почитается святым.
Все вверились ему душой и телом.
Кровь короля Ричарда соскоблив
С Помфретских плит, над этою святыней
Он говорит, что послан оградить
Несчастный край от козней Болинброка.
И стар и мал стекаются к нему.

Н о р т у м б е р л е н д

Да, я слышал, но под влияньем горя
Не стал расспрашивать вас в первый миг.
Пойдемте в замок. Надобно обдумать,
Как действовать и лучше отомстить.
Мы одиноки. Нам нужна подмога.
Друзей ценить нам надо. Их немного.

Уходят.

СЦЕНА 2

Лондон. Улица.

Входит Ф а л ь с т а ф, следом за которым мальчик -
п а ж несет его меч и щит.

Ф а л ь с т а ф. Ну, ты, великан, что сказал доктор
про мою мочу?

П а ж. Доктор сказал, что моча сама по себе хорошая,

но что больной, от которого она взята, может быть очень плох.

Ф а л ь с т а ф. Каждый считает своим долгом изощрять на мой счет остроумие, точно на свете нет другого развлечения. Я не только каламбурю все время сам, но даю еще пищу чужим шуткам. Эй, карапуз, гляжу я на нас с тобой, когда ты таскаешься за мной вот таким манером, и знаешь, похоже, точно я опоросившаяся свинья, которая съела всех своих поросят, кроме одного, и вот он все шляется за нею сзади. Либо я ничего не смыслю в таких вещах, либо принц нарочно приставил тебя ко мне, чтобы отнестись мой рост. Конечно, лучше бы он просто подарил мне тебя вместо пера на шляпу, пигалица ты этакая. Но я не люблю драгоценных безделушек и не буду оправлять тебя в золото, а отправлю назад к принцу, который преподнес мне тебя. Он такой же молокосос, как ты, и скорее у меня вырастет борода на ладони, чем у него пробьется когда-нибудь пух на подбородке. Ну, что ты узнал у Домблтона, малютка? Поставит он мне атлас на штаны и накидку?

П а ж. Бардольф для него не поручитель. Он просит другого. Ваших закладных он не признает.

Ф а л ь с т а ф. Пусть сгорит он в таком случае от жажды, как богач в притче. Что за баснословный подлец! Водить честного человека за нос с такой корыстной целью! Пуританские святоши! У портного ничего нельзя взять в кредит без этих глупых толков о поручительстве! Я лучше соглашусь, чтобы рот мне набили крысиной отравой, чем слушать этот вздор о поручительстве. Ну хорошо. Черт с ним. Пусть спит спокойно. Он боится, как бы я его не обманул без поручительства, и не замечает, как его надувает его собственная жена. Где Бардольф?

П а ж. Он отправился в Смитфилд купить вам лошадь.

Ф а л ь с т а ф. Есть поговорка: «Не нанимай слуги с паперти, не покупай лошадей в Смитфилде и не женись на первой встречной». С Бардольфом я познакомился в соборе святого Павла, а лошадь он мне покупает в Смитфилде. Для полноты картины мне остается жениться на прохожей, и все будет в порядке.

П а ж. Сэр, вон должностное лицо, которое посадило принца в тюрьму за то, что тот набросился на него с кулаками, заступаясь за Бардольфа.

Ф а л ь с т а ф. Идем вперед без оглядки. Я не желаю его видеть. *(Отходит в глубину сцены, взяв меч и щит у паж.)*

Входит верховный судья с помощником.

В е р х о в н ы й с у д ь я. Кто это впереди?

П о м о щ н и к. Это Фальстаф, милорд.

В е р х о в н ы й с у д ь я. А, это тот, который привлекался к суду за ограбление?

П о м о щ н и к. Да, милорд. Но потом он показал себя с хорошей стороны. Он был под Шрусбери, и теперь, как я слышал, его посылают с поручением в армию герцога Ланкастерского.

В е р х о в н ы й с у д ь я. Вот как? В Йорк? Позовите его.

П о м о щ н и к *(нагоняя Фальстафа)*. Сэр Джон Фальстаф!

Ф а л ь с т а ф *(не оглядываясь, пажу)*. Скажи ему, что я глухой.

П а ж. Говорите громче. Мой хозяин глух, не слышит.

В е р х о в н ы й с у д ь я. Разумеется, глух. В особенности ко всему хорошему. Дерните его за рукав. Мне надо поговорить с ним.

П о м о щ н и к *(трогая Фальстафа за локоть)*. Сэр Джон!

Ф а л ь с т а ф. Как? Такой здоровенный малый и просит милостыню? И это в военное время? Разве в стране нет дела? Разве королю не требуются сильные руки, а мятежникам — солдаты? Конечно, принять сторону изменников — последнее дело, но просить милостыню — еще хуже, чем служить на стороне изменников.

П о м о щ н и к. Вы принимаете меня за кого-то другого.

Ф а л ь с т а ф. Разве я отнес вас к порядочным людям? Тогда извините. Я позволил себе грубую ошибку.

П о м о щ н и к. Позволяйте себе ее и дальше. Относиться к себе иначе, чем как к порядочному человеку, я не позволю.

Ф а л ь с т а ф. «Позволяйте», «позволю»? Позвольте, что за тарабарщина? Прочь, сатана! Сгинь, рассыпья!

П о м о щ н и к. Сэр, милорд желает что-то сказать вам.

Верховный судья. Сэр Джон Фальстаф, на минуточку.

Фальстаф. Ваша милость! Дай вам бог здоровья. Рад видеть вашу милость в добром здоровье. Я слышал, ваша милость были нездоровы. Как бы не повредил вам свежий воздух. Хотя ваша милость полны еще юношеской силы, но вместе с тем время не пощадило вас. Ваша милость! Смотрите за своим здоровьем, умоляю вас.

Верховный судья. Отчего вы не пришли, сэр Джон, когда я требовал вас к себе перед вашим отъездом в Шрусбери?

Фальстаф. Я слышал, его величество король вернулся из Уэльса немного расстроенным. Правда ли это, ваша милость?

Верховный судья. Речь не о его величестве. Я спрашиваю, отчего вы не пришли, когда я звал вас?

Фальстаф. Я слышал, будто нашего обожаемого монарха опять хватил этот чертов удар. Вы подумайте, какое несчастье!

Верховный судья. Помоги бог его величеству. Но речь о вас. Поговорим, не отвлекаясь.

Фальстаф. Я считаю, что этот удар есть некоторый род апоплексии, то-есть, с позволения сказать, этакая летаргия или, так сказать, застой крови. Вы подумайте, что за наваждение!

Верховный судья. Это к делу не относится. Я уже вам сказал, что суть не в этом.

Фальстаф. Я думаю, апоплексия эта — от огорчений, неумеренных занятий и переутомления мозга. Я читал об этом где-то у Галена. Я думаю, это род развивающейся глухоты.

Верховный судья. По-видимому, вы также больны ею: от вас не добьешься толку.

Фальстаф. Совершенно верно, милорд. Однако у меня это скорее припадки невнимания и острого неповиновения, застарелая болезнь, которою страдают мои уши.

Верховный судья. Несколько палочных ударов по пяткам выбили бы у вас из ушей эту болезнь. И я ни перед чем не постою, чтобы вас вылечить.

Фальстаф. Я так же беден, как Иов многострадальный, но не так многотерпелив. Лекарства в большом количестве мне не по средствам. Если вы мне пропише-

те тюремное заключение, то только в дозах, доступных моему состоянию.

Верховный судья. Я посылая за вами. Против вас имелось уголовное обвинение. Я хотел поговорить с вами.

Фальстаф. Я предпочел не явиться по совету моего адвоката.

Верховный судья. Нельзя отрицать, сэръ Джон, что вы живете в большой распущенности.

Фальстаф. Мои размеры не позволяют мне довольствоваться малым.

Верховный судья. Доходов у вас никаких, а живете вы на широкую ногу.

Фальстаф. Увы, я первый хотел бы, чтобы в отношении доходов было наоборот.

Верховный судья. Вы совратили принца с пути. Вы для него плохой нравственный пример.

Фальстаф. Напротив, он погубил меня. Вследствии толщины мне трудно ходить. Я не гожусь в поводыри и руководители.

Верховный судья. Хорошо. Не будем беречь старой раны. Своим поведением под Шрусбери вы немного загладили свои подвиги на Гедских холмах. Благодарите беспокойное время за то, что все обошлось для вас так спокойно, но не повторяйте больше таких проделок. Вспомните о своем возрасте. Вы уже старик, а позволяете себе вещи, неппростительные мальчишке. В самом деле, посмотрите на себя. Разве у вас не слезяются глаза, не высохли руки, не побелела борода, не желтеют щеки? Подбородок у вас двойной, а смысла стало вдвое меньше. Зачем вы напускаете на себя эту резвость? Стыдитесь, стыдитесь, сэръ Джон!

Фальстаф. Милорд, уверяю вас, эти признаки обманчивы. Они у меня с рождения. Я еще совершенный юноша. Я родился в три часа пополудни с седою головой и немного круглым животом. Что же дальше? Голос у меня хриплый по причине благочестия. Я надорвал его пением на клиросе. Какие привести вам доказательства того, как я еще молод? Правда, сужу я и разбираюсь во всем, как старик, но эта рассудительность у меня с младенчества.

Верховный судья. Все же пошли господь принцу более подходящего товарища.

Фальстаф. И опять вы не правы. Дай мне бог

более подходящего принца. Я тягочусь таким товарищем.

Верховный судья. Вот и кстати, что король решил разлучить вас. Передают, что вас посылают в действующую армию против архиепископа и графа Нортумберленда, к герцогу Ланкастерскому?

Фальстаф. Вероятно, я вам обязан этим лестным назначением. Тем больший долг вас всех, остающихся в мирном тылу, молиться, чтобы мы не попали в слишком жаркое дело. Клянусь богом, я беру в дорогу только две рубашки и не хотел бы потеть свыше моих сил. Кроме того, если в горячую минуту я способен размахивать каким-либо другим оружием, кроме винных бутылок, пусть я лишусь слюны и навеки разучусь плевать. Удивительное дело! Стоит появиться где-нибудь опасности, как туда сейчас же посылают меня. Понятная необходимость: мое имя наводит ужас на неприятеля. Но тогда и берегите такое средство и обращайтесь к нему только в крайности. Однако у нас, англичан, есть одно несчастное свойство. Всякую чрезвычайность мы спешим превратить в правило. Вы сейчас сказали, что я старик. Что же мне не дадут увольнительного свидетельства? Вы думаете, я обижусь, если останусь в стороне от тревог действующей армии?

Верховный судья. Поступайте честно, поступайте честно, и бог да благословит ваши начинания.

Фальстаф. Не одолжит ли мне ваша милость тысячу фунтов на первое обзаведение?

Верховный судья. Нет, ни одного пенни. Вы слишком скоры. Вы еще ничего не сделали, а требуете уже признания. Счастливой дороги! Кланяйтесь от меня лорду Уэстморленду, с которым я в родстве.

Верховный судья и помощник уходят.

Фальстаф. Как же, очень нужно! Размозжите меня плющильной машиной, если я передам этот поклон. Видно, скупость так же неотделима от старости, как веселый образ жизни от молодости. Эй, мальчик!

Паж. Что изволите, сэръ?

Фальстаф. Сколько денег в нашей кассе?

Паж. Семь серебряных монет и два пенса.

Фальстаф. Чем лечить эту карманную чухотку? Займы только затягивают ее, а сама болезнь неизлечима. Снеси это письмо милорду Ланкастеру, а это —

принцу Генриху. Это передай графу Уэстморленду, а это госпоже Урсуле. Я каждую неделю клянусь жениться на этой старухе, с тех пор как заметил у себя первый седой волос. Ну, марш. Ты знаешь, где потом найти меня.

Паж уходит.

Ах, черт побери, опять эта подагра! А впрочем, наплевать. Это даже к лучшему, что я хромаю. Свалю на войну и буду просить перевода на пенсию. Умный человек никогда не пропадет и даже из болезни сумеет извлечь для себя пользу. (Уходит.)

СЦЕНА 3

Йорк. Дворец архиепископа.

Сидят с непокрытой головой архиепископ, лорды Гастингс, Моубрей, Бардольф и другие.

А р х и е п и с к о п

Теперь, обрисовав вам положенье,
Прошу вас высказаться сообща,
Какого мненья вы о наших силах
И каковы надежды на успех,
И первым говорите вы, лорд-маршал.

М о у б р е й

Хотя мне близки цели мятежа,
Мы слишком малочисленны, считаю,
И нам нельзя смотреть на короля
Уверенно, с сознанием превосходства.

Г а с т и н г с

У нас, по точным сведениям, в строю
До двадцати пяти неполных тысяч.
В придачу к ним мы вправе ожидать
Большой поддержки от Нортумберленда.
Он в ярости теперь и рвется в бой.

Л о р д Б а р д о л ь ф

Скажите, как вы думаете, Гастингс,
А хватит ли нам двадцати пяти
Неполных этих тысяч для отпора?

Г а с т и н г с

С Нортумберлендом хватит.

Л о р д Б а р д о л ь ф

Ну так вот.

Ввиду того, что без него нас мало,
Мне кажется, нам надо подождать,
Пока он сам прибудет с подкреплением.
В рискованных делах, где льется кровь,
Предположенья ничего не стоят.

А р х и е п и с к о п

Вот именно. По их вине погиб
На Шрусберийском поле юный Готспер.

Л о р д Б а р д о л ь ф

Он льстил себя несбыточной мечтой
И полагался так на обещанья,
Что очутился с армией в беде
И в пропасть ринулся, глаза зажмура.

Г а с т и н г с

Однако разве можно перестать
Загадывать и делать допущенья?

Л о р д Б а р д о л ь ф

Не на войне, как эта. Каждый шаг —
Сплошная неожиданность, внезапность.
Смешно тут жить надеждой, как смешно
По первым зеленым судить о жатве.
Полезней ждать, что их побьет мороз,
Чем видеть впереди одну удачу.
Пред тем как мы возьмемся строить дом,
Мы тщательно осматриваем место,
Готовим смету, составляем план
И, увидав, что стоимость постройки
Нам не по средствам, строимся скромней,
А то и вовсе ничего не строим.
Все надо делать осмотрясь. А нам
Еще необходимей осторожность.
Мы королевство сносим, а не дом,
И выстроить задумали другое.
Пред общей ломкой пересмотрим цель,
Договоримся вновь об основаньях,

Проверим силы, спросим знатоков,
А то нас много только на бумаге
Людскими списками, а не людьми,
И замысел наш может провалиться,
Как валится недовершенный дом,
Который без оконных рам и крыши
Строитель прогоревший отдает
На милость облакам, снегам и ветрам.

Г а с т и н г с

Имеющиеся у нас полки
И без Нортумберлендовых сумеют
Помериться с войсками короля.

Л о р д Б а р д о л ь ф

Как? Королевских двадцать пять лишь тысяч?

Г а с т и н г с

Не больше. В выставленных против нас,
Пожалуй, даже меньше. Ведь ему
Приходится бороться на три фронта.
Треть войска против нас, а две других —
Заслоном от Глендаура и французов.
Раздробленная армия слаба,
И в казначействе мерзость запустенья.

А р х и е п и с к о п

Не думаю, чтоб он на нас напал
Своей сосредоточенною мощью.

Г а с т и н г с

О, никогда. А то он обнажит
Глендауру тыл, а правый фланг французам.

Л о р д Б а р д о л ь ф

На нашем направленьи Джон Ланкастер
С Уэстморлендом. Сам король и принц
Командуют отрядами в Уэльсе,
А кто против французов, не слыхал.

А р х и е п и с к о п

Что ж, в добрый час. Объявим всенародно
Причину мятежа. Страна сыта
Своим любимцем. Шаткое жилище —
Людское сердце и его любовь!

Слепая чернь, давно ль ты Болинброку
Приветствиями оглашала даль?
Теперь, когда он там, где ты желала,
И царствует, вини сама себя.
Ты им полна и хочешь вон извергнуть,
Как ты имела случай изо рта
Уже извергнуть короля Ричарда,
О чем теперь жалеешь. Ты, как пес:
Что отрыгнешь, то после подъедаешь.
Непостижимы наши времена!
Тем самым, кто желал Ричарду смерти,
Теперь вдруг стал любезным этот прах!
Давно ли вы в него бросали грязью,
Когда он шел с поникшей головой
По Лондону, стыдясь, за Болинброком?
Не мимо ваших ли рядов он шел?
Что ж с той же силой вы теперь кричите:
«Не надо нам живого короля,
Отдайте нам покойника обратно!»
На окружающее мы брюзжим
И лишь отсутствующим дорожим.

М о у б р е й

Устроим смотр и выступим в поход.

Г а с т и н г с

Пора, конечно. Время ведь не ждет.

Уходят.

АКТ II

СЦЕНА 1

Лондон. Улица.

Входят трактирщица, Клещ и Коготь.

Трактирщица. Мистер Клещ, вы направили дело ко взысканью?

Клещ. Направил.

Трактирщица. А где ваш судебный исполнитель? Это человек распорядительный? Он не струсит?

Клещ. Черт возьми! (Зовет.) Эй, где вы там, Коготь?

Трактирщица. Ах, вот кто с исполнительным листом? Миленький мистер Коготь?

Коготь. Я здесь.

Клещ. Коготь, надо арестовать сэра Джона Фальстафа.

Трактирщица. Да, дорогой Коготь. Я подала на него.

Коготь. Гм. Хорошо. Это может нам стоить жизни. Чего доброго, ткнет еще шпагой.

Трактирщица. Помилуй бог, берегитесь его. Он частенько бивал меня в моем собственном доме. Вы подумайте, какая скотина! Ведь он ни на что не смотрит, как схватится за шпагу. Махнет — и пошла! Ему тогда все равно, что мужчина, что женщина, что ребенок.

Клещ. Только бы он мне попался, а там посмотрим!

Трактирщица. Не оскандайтесь! Я вас не оставляю.

Клещ. Только бы мне до него добраться! Только бы мне сцепиться с ним!

Трактирщица. Если вы его упустите, я пропала. Долгу за ним сушая гибель, истинное разоренье. Схватите его, миленький мистер Клещ! Миленький мистер Коготь, смотрите, как бы он не удрал. Сейчас, доложу я вам, направился он за седлом в Пирожный ряд, а потом, я знаю, пойдет обедать к мистеру Смусу, торговцу шелком. Вот удобный случай задержать его. Войдите в мое положенье, поймите его! Шестьдесят фунтов стерлингов — не шутка для бедной женщины. Уж я терпела-терпела, терпела-терпела, а у него что ни день, то «завтра», что ни день, то «завтра», и все новые оттяжки и отговорки. Надо знать меру, эдак под конец ведь лопнет и терпение! Да что я осел какой-нибудь или какая-нибудь вьючная тварь — молча носить все, что положат? Господи, твоя воля, вот он идет! И с ним этот проклятый черт с сизым носом, этот Бардольф! Миленькие, не осрамитесь! Миленькие, не осрамитесь! Миленькие, не осрамитесь! Мистер Клещ, мистер Коготь, держите его, держите его!

Входят Фальстаф, Бардольф и паж.

Фальстаф. Ну как? Чья кобыла подохла? По какому поводу шум?

Клещ (*хватая Фальстафа за плечо*). Сэр Джон, я вас арестую по иску госпожи Куикли.

Фальстаф. Прочь, негодяи! Вынимай меч, Бардольф! (*Выталкивает Бардольфа вперед между собой и Клещом.*) Долой голову с этого негодяя, а эту красавицу — в канаву!

Трактирищица. Меня в канаву! Я тебе покажу канаву! Ишь ты, что выдумал! Ишь ты, что выдумал! Дрянь паршивая, — в канаву! Караул, режут! Ах ты, злодей ты этакий, на кого ты замахиваешься? На богом и королем поставленное начальство? Ах ты, лиходея ты этакий, душегуб и смертоубивец!

Фальстаф. Вали их наземь, Бардольф.

Клещ. Помогите! Помогите!

Трактирищица. Караул, люди хорошие, обижают, заступитесь! Вот сбегутся сейчас, покажут тебе! Ага, не нравится? Ну что, взял? Ну что, взял, злодей ты этакий и головорез?

Фальстаф. Не подходи, чумичка! Проваливай отсюда, трепаный подол, а то от тебя один пух полетит!

Входит верховный судья со стражей.

Верховный судья. Что тут такое? Прекратить безобразие!

Бардольф и паж сторонятся. Клещ и Коготь хватают Фальстафа.

Трактирищица. Смилуйтесь, милорд! Заступитесь за бедную женщину!

Верховный судья

Вы снова здесь буяните, сэръ Джон?

На то ли вам даны чины и званье?

Где же ваш Йорк? Я думал, вы в пути.

(*Клещу и Когтю.*)

Что это вы в него вцепились, право?

Трактирищица. Достопочтенный лорд, я бедная вдова из Истчипа. Он арестован по моему иску.

Верховный судья. На какую сумму?

Трактирищица. Не на сумму, ваша милость, а на все, что у меня было. Он съел меня, проклятый, всю с внутренностями и все мое имущество упрятал в свое жирное брюхо. Этого уже не воротить, да пусть отдаст хоть часть, а то я его замучаю в ночных кошмарах.

Ф а л ь с т а ф. Это пугало правда может привидеться ночью. Но кто сказал, что я не могу присниться еще страшнее?

Верховный судья. Как вам не стыдно! Фу, сэр Джон! Какой человек с совестью мог бы оставаться безучастным к таким жалобам? Долго ли вы будете безнаказанно издеваться над ее правом?

Ф а л ь с т а ф. Сколько на круг я тебе должен?

Т р а к т и р щ и ц а. Ах, господи, если бы ты был честным человеком, ты бы вспомнил, что, кроме денег, ты задолжал еще мне самого себя. Помнишь, ты в троицын день сидел в моей дельфиновой комнате за круглым столом у камина? Принц расшиб тебе голову. Ты сказал, что его отец напоминает одного певчего в Виндзоре, и принц обиделся. Я отмывала с тебя кровь, и ты на моем кубке с позолотой поклялся, что вступишь со мной в законный брак. Неужели ты от этого отречешься? Вошла мясничиха Кич, соседка, и говорит: «Кумушка Куикли, одолжите мне, говорит, уксусу, у меня креветки к ужину». Тебе тоже захотелось креветок, а я говорю: «Нет, говорю, когда свежая рана, креветки — вредно». Или, может быть, я все это выдумала? И только эта Кич за дверь, ты мне и говоришь: «Не очень, мол, рассыпайся перед этим народом. Скоро ты будешь моею женой — дворянкой и им не чета». Помнишь? И еще поцеловал меня и попросил взаймы тридцать шиллингов. Или, может быть, я все это выдумала?

Ф а л ь с т а ф. Милорд, это бедная сумасшедшая. Она принимает вас за своего старшего сына и слоняется по всему городу с этой басней. В молодости она была богата. Разорение помutilo ее рассудок. А что касается этих глупых полицейских, я требую возмещения за их ошибку.

Верховный судья. Сэр Джон, сэр Джон, ваша способность называть белое черным мне хорошо известна. Я не так глуп, чтобы поток ваших наглых и самоуверенных слов мог обмануть меня. Вы своекорыстно пользовались лежковерием и уступчивостью этой женщины.

Т р а к т и р щ и ц а. Истинная правда, милорд.

Верховный судья. Погоди, не перебивай. Уплатите ей долг и искупите свою вину перед ней. Первое надо сделать наличными, второе — искренним раскаянием.

Фальстаф. Милорд, вы думаете, что вы мне утерли нос и я не отвечу? Когда человек прям и ему нечего бояться, вы находите его наглым и самоуверенным, а когда ему нечего сказать и он только расшаркивается, то, по-вашему, это чистая совесть? Нет, милорд, с этим я никогда не соглашусь. А эти полицейские пусть от меня отвязнутся, потому что я служу в королевской армии и тороплюсь.

Верховный судья. Не разговаривайте так, точно у вас есть право угрожать, но сначала удовлетворите требования этой бедной женщины, как подобает офицеру.

Фальстаф. Поди сюда, трактирщица. *(Отводит ее в сторону и шепчется с ней.)*

Входит Гауэр с письмами.

Верховный судья. Что слышно, мистер Гауэр?

Гауэр

Милорд, король и Генрих, принц Уэльский, Поблизости. Дальнейшее в письме.

Фальстаф *(в сторону, трактирщице).* Слово дворянина.

Трактирщица. Вы всегда так говорили.

Фальстаф. Слово дворянина, говорят тебе, и баста!

Трактирщица. Но для этого придется заложить серебро и ковры из кабинетов, чтоб мне с места не сойти.

Фальстаф. Ну и что же? Хватит с тебя стеклянной посуды, а две-три картинки на стене, блудный сын там какой-нибудь или немецкое изображение охоты в тысячу раз лучше этих пыльных ковров и блошиных драпировок. Хорошо, если бы достать десять фунтов. Постарайся. Ей-богу, когда бы не твоя вспыльчивость, не было бы лучшей бабы в целой Англии. Ну ладно. Ступай, умойся, плакса, и возьми назад свою жалобу. *(Задабривая ее.)* Подумай, правда, к чему эти выходки? Точно ты меня не знаешь. Ну, поладили? Поладили? Я знаю, это не ты сама, тебя подговорили.

Трактирщица. Шесть фунтов стерлингов это бы еще куда ни шло. Не запрашивайте, сэр Джон. Смерть неохота мне закладывать серебро, ей-богу.

Ф а л ь с т а ф. Ну не надо. Я устроюсь по-другому.
(Отходит от нее.) Дура ты была, дура и есть.

Т р а к т и р щ и ц а. Ладно, достану, хоть бы мне пришлось снять с себя последнее платье. К ужину небось придете? Скажите, вы правда потом вернете все сразу?

Ф а л ь с т а ф. Ведь я клялся жизнью. Что же, может быть, я жить не хочу? (Бардольфу.) Ступай за ней и не зевай.

Т р а к т и р щ и ц а. Пригласить к ужину Долли Тершит?

Ф а л ь с т а ф. Твое дело. Как хочешь. Пригласи.

Трактирщица, Бардольф, Клещ, Коготь и паж уходят.

В е р х о в н ы й с у д ь я (Гауэру). Мне сообщили более приятные новости.

Ф а л ь с т а ф (подходя к нему). Какие, милорд?

В е р х о в н ы й с у д ь я (не обращая на Фальстафа внимания). Где ночевал король?

Г а у э р. Близ Бэсингстока.

Ф а л ь с т а ф. Надеюсь, все благополучно, милорд?

В е р х о в н ы й с у д ь я. Поход окончен?

Г а у э р

Тясяча пятьсот

Солдат пехоты и пять сотен конных

Ушло к Ланкастеру усилить фронт

Против Иорка и Нортумберленда.

Ф а л ь с т а ф. Разве король возвращается из Уэльса, мой дорогой лорд?

В е р х о в н ы й с у д ь я

Сию минуту я вам письма дам.

Пожалуйте со мною, мистер Гауэр.

(Собираясь уходить.)

Ф а л ь с т а ф. Милорд!

В е р х о в н ы й с у д ь я (быстро оборачиваясь). Что вам угодно?

Ф а л ь с т а ф (нарочно отворачиваясь). Отобедайте со мною, мистер Гауэр.

Г а у э р. Благодарю вас, сэр Джон, но не могу. У нас дела с милордом.

Верховный судья. Сэр Джон, вы слишком долго тут торчите. Вам давно следовало бы отправиться на вербовку солдат по графствам.

Фальстаф (*притворяясь, что не слышит*). В таком случае, вы, может быть, отужинаете со мною, мистер Гауэр?

Верховный судья. Что за дурацкие повадки! Где вы им научились, сэр Джон?

Фальстаф. Так эти повадки не нравятся вам, мистер Гауэр? Действительно, только дурак мог научить меня им. (*Со смехом оборачиваясь к судье.*) Я их перенял у вас, ваша милость. Как аукнется, так и откликнется.

Верховный судья. Наставь вас господь. Вы невыносимы.

СЦЕНА 2

Лондон. Другая улица.

Входят принц Генрих и Пойнс.

Принц. Верить ли, я изнемогаю от усталости.

Пойнс. Не может быть! Неужели такое простое чувство знакомо вам, как обыкновенным смертным?

Принц. Представь себе. Может быть, это тоже роняет меня, но мне страшно хочется светлого пива.

Пойнс. Как вы неразборчивы! Неужели у вас могут быть такие желания?

Принц. Очевидно, у меня не королевские вкусы, если такая жалкая сущность, как пиво, может занимать меня. Наверное, вообще моя простота наносит вред моей славе. Чем загромождено мое внимание! Как стыдно, например, что я всегда помню, как твое имя, и при любой встрече узнаю тебя в лицо! Не позорно ли, что я так досконально знаю твою одежду! Например, кроме шелковых чулок, которые сейчас на тебе, у тебя прежде были другие, персиковые. Или рубашки. Их у тебя две: одна на тебе и еще одна сменная. Впрочем, о состоянии твоего белья еще лучше знает содержатель теннисной площадки, куда ты совершенно перестал являться, стыдясь своих лохмотьев. Неужели у тебя столько детей, что все твоё бельё изорвали на пеленки?

Пойнс. Вспомните свои недавние подвиги. Как не вяжется с ними ваша нынешняя болтливость! Скажите,

какой истинный принц мог бы празднословить в такое время? Ваш отец так опасно болен!

П р и н ц. Сказать тебе что-то, Пойнс?

П о й н с. Пожалуйста. Только что-нибудь путное.

П р и н ц. Ничего, переваришь.

П о й н с. Пожалуйста. Я приготовился.

П р и н ц. Ну так вот. Пойми, не полагается мне выдавать печали, когда отец мой болен, чтобы не возбудить политического беспокойства. Хотя именно тебе, за неимением лучшего друга, я мог бы открыть, как я удручен.

П о й н с. Едва ли по этому поводу.

П р и н ц. Я вижу, ты меряешь меня на свой аршин и полагаешь, что за свою бесчувственность я записан в книгу дьявола вместе с тобою и Фальстафом. Но вы имеете обо мне превратное представление. Мое сердце обливается кровью при мысли об отце, и я только прячу это в вашем обществе, не рассчитывая на понимание.

П о й н с. Почему же?

П р и н ц. Что бы ты сказал, увидав, что я плачу?

П о й н с. Я бы сказал, что вы большой притворщик.

П р и н ц. Вот видишь? Между прочим, так сказал бы всякий. На твоем примере легко изучать ходячие мнения. Разумеется, всякий решил бы, что я притворщик. Но что заставляет тебя так думать?

П о й н с. Ваш образ жизни и дружба с Фальстафом.

П р и н ц. И с тобою.

П о й н с. Оставьте. Обо мне отзываются гораздо лучше. Мой единственный недостаток то, что я младший сын в семье и вынужден заботиться сам о себе. Мне зевать не полагается. Смотрите, вон Бардольф.

П р и н ц. А также и мальчик, которого я дал в пажи Фальстафу. Он был совершенно нормальным ребенком, а смотри, во что превратился у этой обезьяны.

Входят Бардольф и паж.

Б а р д о л ь ф. Здравствуйте.

П р и н ц. Доброго здоровья, благородный Бардольф.

Б а р д о л ь ф. Видели вы что-нибудь подобное? Вот осел! Опять зарделась эта красная девица! Чего ты стесняешься? Какой же ты после этого солдат? Выдул четыре кружки, и слава богу. И нечего краснеть.

П а ж. Послушайте, как смешно! Зовет он меня из трактира, я все время слышу его голос и не могу понять, где он. Что же оказалось? Он разговаривал со мною из окна, а я по ошибке принимал его рожу за красную оконную решетку.

П р и н ц. Ну, что ты скажешь? Мальчик развивается..

Б а р д о л ь ф. Пошел вон, ученый ты заяц с барабаном!

П а ж. Пошли вы сами вон! Страшилище! Сон Алтеи.

П р и н ц. Погоди. Почему Алтеи? Не понимаю.

П а ж. Алтее приснилось, будто она произвела на свет горящую головешку. Вот я и зову его сном Алтеи.

П р и н ц. Bravo, мальчик. На тебе крону за остроумие.

П о й н с. Только бы этот цветок не погиб от полного растления. Вот тебе еще шесть пенсов, мальчик.

Б а р д о л ь ф. Нечего сказать, цветок! По этому цветку плачет виселица.

П р и н ц. Как поживает твой хозяин, Бардольф?

Б а р д о л ь ф. Хорошо, милорд. Он узнал, что вы приехали. Вот вам письмо.

П о й н с. Препровождено с подобающей церемонией. Ну а все-таки: что подельывает их молодящаяся старость?

Б а р д о л ь ф. Пребывает в телесном здравии, сэр.

П о й н с. Тем более нуждается во враче его духовное здоровье. Но это его не печалит. Как ни больна его бессмертная часть, она не умрет.

П р и н ц. Я позволяю этой кубышке вольничать со мною, как своей комнатной собаке. Он этим пользуется. Смотри, что он мне пишет.

П о й н с (читает). «Джон Фальстаф, рыцарь», — он не пропустит случая, чтобы не напомнить об этом. Так люди, приходящиеся седьмой водой на киселе королевскому дому, не уколют пальца, чтобы не сказать при этом случае: «Вот пролилась капля королевской крови». — «Каким это образом?», — делают вид, что не понимают, другие. И начинается перебирание родословной чуть ли не от Яфета.

П р и н ц. Очень наблюдательно. Однако читай дальше.

П о й н с (читает). «Джон Фальстаф, рыцарь, сыну и наследнику короля. Генриху, принцу Уэльскому, с приветом». Кажется, это не письмо, а удостоверение.

П р и н ц. Читай дальше.

П о й н с. «Подражаю в краткости знаменитому римлянину». Он имеет в виду укороченность своего дыхания. «Приветствую, прощаюсь и уезжаю. Не доверяй Пойнсу. Он относится небрежно к твоей дружбе и уверяет, будто ты хочешь жениться на его сестре Нелли. Исправься и раскайся на досуге, а затем прощай. Твой и не твой, в зависимости от обращения, Фальстаф. Джек — для близких. Джон — для братьев и сестер и сэр Джон — для всей остальной Европы». Милорд, я вымочу это письмо в хересе и заставлю Фальстафа съесть его.

П р и н ц. Это заставит его взять штук двадцать своих слов обратно. Но на что это похоже, Нед? Разве я собираюсь жениться на твоей сестре?

П о й н с. Я бы ее с этим поздравил. Но я не говорил ему ничего подобного.

П р и н ц. Ну хорошо. Пока мы тут развлекаемся, души мудрецов смотрят на нас с облаков и смеются. (Бардольфу.) Твой хозяин в Лондоне?

Б а р д о л ь ф. Да, милорд.

П р и н ц. А где ужинает старый боров? По обыкновению, в старом хлеве?

Б а р д о л ь ф. Да, на том же месте. В Истчипе, милорд.

П р и н ц. А в каком обществе?

П а ж. С единоверцами старого толка, милорд.

П р и н ц. Дамы присутствуют?

П а ж. Ни одной, кроме госпожи Куикли и госпожи Долли Тершит.

П р и н ц. Это что еще за птица?

П а ж. Очень благовоспитанная барышня и родственница моего господина.

П р и н ц. Могу себе представить! Накроем их нечаянно за ужином, Нед.

П о й н с. Я — ваша тень, принц. Куда вы, туда и я.

П р и н ц. Слушай, сорванец, и ты, Бардольф. Ни слова вашему господину про то, что я в Лондоне. Натев вам денег за молчание.

Б а р д о л ь ф. Могила.

П а ж. Прикушу язык, не беспокойтесь.

П р и н ц. Ну, ступайте.

Бардольф и паж уходят.

Как бы понаблюдать нам сегодня за Фальстафом так, чтобы он не знал об этом?

П о й н с. Нарядимся трактирными слугами и будем прислуживать ему за столом.

П р и н ц. Великолепно. Идем, Нед.

Уходят.

СЦЕНА 3

Уоркуорт. Площадка перед замком.

Входят Н о р т у м б е р л е н д, л е д и Н о р т у м б е р л е н д и л е д и П е р с и.

Н о р т у м б е р л е н д

Я вас прошу, жена моя и дочь,
Не вмешивайтесь в дел моих течение.
Смотрите веселей на них. И так
Мне тяжело на душе и беспокойно.

Л е д и Н о р т у м б е р л е н д

Смолкаю. Бесполезно говорить.
Решай, как знаешь. Делай все, что хочешь.

Н о р т у м б е р л е н д

Я слово дал, что в этот раз явлюсь,
И опозорюсь, если не поеду.

Л е д и П е р с и

Не впутывайтесь лучше в этот спор.
Хватило ж сил у вас нарушить слово, —
А случай требовал его сдержать,
Когда ваш Перси, муж мой незабвенный,
Весь день бросал в тоске на север взор,
Не явится ль отец к нему с подмогой,
И ждал напрасно. Кто вас убедил
В тот день остаться дома? Этим были
Потеряны две чести: ваша честь
И Готсперова. Что до вашей, бог с ней,
А Готспера сияла в высоте,
Как солнца свет на сером небосводе,

И этот блеск на подвиги толкал
Английских рыцарей своим примером.
По Готсперу равнялась молодежь.
Кто не как он ступал, слыл за хромого.
Отрывистая речь — его порок —
Для многих стала признаком отваги,
Так что и те, кто гладко говорил,
Из хвастовства старались заикаться.
Характер поворота головы,
Походка, взгляд, манера выражаться —
Все становилось модой, образцом,
Которому усердно подражали.
И этот-то прообраз совершенств,
И этот идеал, и это чудо
Вы бросили без помощи в беде,
Среди ужасной сечи, в обстановке,
Где только имя Готспера одно
Еще казалось знаменем спасенья.
О, я вас заклинаю, никогда
Не будьте благороднее с другими,
Чем были с ним, и памяти его
Не оскорбляйте этим предпочтеньем.
Оставьте их. Лорд-маршал и без вас
С епископом — достаточная сила,
И будь у Гарри доля этих войск,
Я б слушала, обнявши крепко мужа,
О смерти принца Уэльского теперь.

Н о р т у м б е р л е н д

О дочь моя, сдержи свои упреки,
Былых ошибок не напоминай!
Я выхожу опасности навстречу,
Чтоб не подвергнуться ей как-нибудь,
Когда я буду меньше подготовлен.

Л е д и Н о р т у м б е р л е н д

Беги в Шотландию, пока дела
Восставших не получат перевеса.

Л е д и П е р с и

А только лишь настанет перелом,
Примкните к ним, чтоб приумножить силы.
До тех же пор держитесь в стороне
Во имя нас, во имя ваших близких.

Пусть борются мятежники одни,
Как это допустили с вашим сыном.
Он брошен был. Так стала я вдовой.
Так сохну я, и жизни мне не хватит
Все слезы сердца выплакать по нем,
Чтоб вырастить о нем живую память
Превыше гор, до неба от земли.

Н о р т у м б е р л е н д

Пойдемте в дом. От чувств переполнения
Мысль замерла, как океан в прилив.
Я б с радостью отправился к восставшим,
Но мне мешает тысяча причин.
Найду себе в Шотландии прикрытье,
Пока домой не вызовут события.

СЦЕНА 4

Лондон. Трактир «Кабанья голова» в Истчипе.

Входят два служителя.

Первый служитель. Какого черта подал ты этот сорт яблок? Они называются «Сэр Джон». Сэр Джон не может видеть этого сорта.

Второй служитель. Ах ты боже мой, а ведь и правда! Помнишь, принц поставил как-то перед ним тарелку этих яблок, снял шляпу и говорит: «А вот еще пять старых, кислых, жестких, несъедобных сэров Джонов. Позволяю себе распротиться со всеми шестерыми». И отвесил им поклон. Фальстафу это очень не понравилось. Но, по-моему, он об этом забыл.

Первый служитель. Ну что ж, тогда оставь их на столе и пойдешь за господином Пролазой и музыкантами. Мистрис Тершит заказала музыку.

Второй служитель. Ой, смехота! Сейчас придут принц и мистер Пойнс. Они наденут наши куртки и передники, а сэру Джону этого не скажут. Сейчас я это узнал от Бардольфа.

Первый служитель. Это ловко задумано. Это будет потеха.

Второй служитель. Пойду-ка за Пролазой.
(Уходит.)

Входят трактирщица и Доль Тершит.

Т р а к т и р щ и ц а. Ах вы, живчик вы мой, я не вру, вы сегодня в совершенном градусе. Температура у вас в полном разгаре, пульс прямо-таки бешеный, а цвет лица просто неопиcуемый — китайская роза, ей-богу, правда, загляденье! Понятно, вы чуть-чуть через край приложились к канарскому, а это вино забористое, ударяет в голову, глотнул — и кончено. Ну как вы себя чувствуете?

Д о л ь. Мне кажется, я прихожу в себя.

Т р а к т и р щ и ц а. Ну и прекрасно. Здоровье — первое дело. А вот и сэр Джон.

Входит Ф а л ь с т а ф.

Ф а л ь с т а ф
(напевая)

Когда свой королевский двор
Держал король Артур...
(Служителю.)

Вынеси ночной горшок.

Первый служитель уходит.

Как живем, мистрис Доль?

Т р а к т и р щ и ц а. Только что в обмороке лежала, бедняжка. Угорела, либо от огорчения.

Ф а л ь с т а ф. Женские обмороки! Известное дело. Какая бабам жизнь без угара?

Д о л ь. Ах вы, распухшее животное! Это все, что вы можете сказать мне в успокоенье?

Ф а л ь с т а ф. Сами виноваты, что животные распухают.

Д о л ь. Моя вина? Обжорство и болезни — вот отчего вас разносит.

Ф а л ь с т а ф. Согласитесь, что если в моем обжорстве повинны повара, то чем прикажете болеть мне, как не вами?

Д о л ь. Чтоб вас черт побрал, грязная водяная крыса!

Т р а к т и р щ и ц а. Удивительное дело. Стоит вам сойтись, и цап-царап, и пошли перебранки и трения. Надо уступать друг другу, и первой это надо сделать вам, дорогая Доль.

Д о л ь. Уступить этой бездонной бочке? Да ведь это целое винное предприятие! Видели ли вы когда-ни-

будь корабль с более полным трюмом? Ну да бог с тобой, Джек. Ты, говорят, собрался на войну? Тогда давай помиримся. Еще, чего доброго, не воротись. Тогда об нас с тобой никто не заплачет. *(Обнимает его.)*

Возвращается первый служитель.

Первый служитель. Вас спрашивает внизу прапорщик Пистоль. Он желает вас видеть, сэр.

Доль. Ну его к черту. Не впускайте его. Это самый отчаянный буян на свете.

Трактирщица. Буян? Тогда пусть поворачивает оглобли. Не впускать его ни в коем случае. Мне надо жить в ладу с соседями. Обойдемся без буянов. Мне мое доброе имя дороже. Ноги его здесь не будет, этого буяна. Не для того жила я столько на свете, чтобы шутить своей доброй славой.

Фальстаф. Послушай, трактирщица...

Трактирщица. Нечего мне слушать, сэр Джон, про вашего буяна! Духу его здесь не будет.

Фальстаф. Да ведь это мой прапорщик.

Трактирщица. Лучше не упрашивайте, сэр Джон. Ничего не поможет. Не впусцу я вашего буяна. Да что вы, в самом деле! Приходит наемни мистер Чухотка, наш смотритель, и говорит. Когда ж это было, дай бог памяти? Ну как же, в прошлую среду. Еще отец Немота, священник, был при этом. Да. Хорошо. Входит он, значит, и говорит: «Соседка Куикли, говорит, пускайте к себе только тихую публику, а то, говорит, берегитесь: о вас дурно отзываются». Да. «Будьте, говорит, осторожнее, потому что, говорит, вы порядочная женщина и у всех на хорошем счету». Нет, сэр Джон, уж вы увольте, нам не до буянов.

Фальстаф. Да какой он буян, трактирщица? Это безобиднейшее существо и просто-напросто мелкий жулик. Его можно гладить, как собачку. Покажись, например, индюк, и у него тут же уйдет душа в пятки. Позови его, человек.

Первый служитель уходит.

Трактирщица. Ну, это другое дело. Если он мелкий жулик, то пожалуйста, милости просим. Честных людей мы не гоним. А буянов мы по шеям. Я прямо вся дрожу, когда слышу про буянов.

Доль. Вас действительно всю трясет.

Т р а к т и р щ и ц а. Ну да, как осиновый лист. Я не выношу буянов.

Входят П и с т о л ь, Б а р д о л ь ф и п а ж.

П и с т о л ь. Боже храни вас, сэр Джон.

Ф а л ь с т а ф. Здравствуй, Пистоль. На, прапорщик, пей. Зарядись стаканом. А потом заставим трактирщицу.

Т р а к т и р щ и ц а. Не желаю я заряжаться ни вином, ни вашими пистолетными шутками. Я столько пью, сколько полезно для моего здоровья, и ни капельки больше.

П и с т о л ь. Ну так вы, мистрис Доротея. Заряжайтесь!

Д о л ь. Вот развязность! Подальше отсюда, грязный паршивец! Не видали мы такого сокровища! Марш отсюда, голоштанник! Ты мне не пара, я гуляю с твоим начальником.

П и с т о л ь. Что вы обозлились, мистрис Доротея? Мы ведь старые знакомые.

Д о л ь. Вон отсюда! Я покажу тебе старых знакомых! Клянусь этим стаканом, я полосну тебя столовым ножом по морде, если ты пикнешь еще что-нибудь подобное, чучело ты гороховое, ярмарочный фигляр, пивные подонки! Как ты смел нацепить на себя капитанские шнуры не по чину?

П и с т о л ь. Молчать! Я оборву на тебе кружева за оскорбление моего звания!

Ф а л ь с т а ф. Не смей ее трогать, пистолет! Пульни-ка лучше вон из нашей компании.

Т р а к т и р щ и ц а. Не пуляйте, милый капитан Пистоль, умоляю вас, не пуляйте!

Д о л ь. Да какой он капитан? Зачем вы его называете капитаном? Низкий самозванец, и не стыдно тебе воровать чужие звания? Да на месте настоящих капитанов я бы выбила эту дурь из тебя вместе с печенкой! Не за то ли получил ты капитанство, что хочешь оборвать кружева на бедной, беззащитной девушке? Благодарю бога, дохлятина, что выбрасывают объедки из харчевен. Сдох бы ты с голоду, не будь на свете помойных ям и мусорных ящиков.

Б а р д о л ь ф. Уходи до беды, прапорщик. Добром просим тебя.

Ф а л ь с т а ф. Послушай, я что-то скажу тебе, Доль.

Пистоль. Уйти? Никогда! Я разорву ее на части! Мечь! Мечь!

Паж. Пожалуйста, уходи.

Пистоль. Сейчас вы увидите, что будет! Я уничтожу ее проклятьями! Клянусь этою рукою, она будет низринута в преисподнюю к Плутону, в царство Эреба, на жесточайшие муки!

Сюда, сюда, служители геенны!
Тащите в тартар это чадо тьмы!
Преступница Ирина перед нами!
(Полуобнажает свой меч.)

Трактирщик. Добрый капитан Пистоль, успокойтесь. Уже поздно. Надо расходиться. Убедительно прошу вас, не горячитесь.

Пистоль

Куда зашли мы! Ломовые клячи,
О, как себя вы смеете равнять,
В день сделав тридцать миль, со скакунами!
Ничтожества, развалины, одры
Полезли в Цезари и Ганнибалы!
О, как ты терпишь, небо! До чего
Мы дожили! Позор! Проклятье, Цербер!

Трактирщик. Какие горькие слова!
Бардольф. Уходи, прапорщик. Далеко ли до драки?

Пистоль

Собачья смерть собакам! Без стеснения
Свергайте царства! Жизни грош цена!
Преступница Ирина перед нами.

Трактирщик. Честное слово, капитан, здесь нет такой. Боже правый, неужели вы думаете, я стала бы ее прятать? Ради бога, успокойтесь.

Пистоль

Тогда толстей и жри, Калиполида!
Пожалуйста, мне хереса стакан.
Se fortuna mi tormenta, lo sperare mi contenta.
Бояться ли нам пушек? Пусть палят.
Мне хереса стакан, я повторяю!
Подруга шпага, рядом здесь ложись.
(Кладет на стол свою шпагу.)

Ф а л ь с т а ф (сидя). Ты надоед, Пистоль.

П и с т о л ь. Бесценный рыцарь, дай я облобызаю твой кулак! Сколько ночей созерцали мы вместе с тобой звезды!

Д о л ь. Ради бога, это невыносимо! Спустите его с лестницы! Какой напыщенный болван!

П и с т о л ь. Спустить меня с лестницы? Вот как полагает наша лошадка?

Ф а л ь с т а ф. Поставь-ка его, Бардольф, на ребро, как денежку, и скати вниз по лестнице. Если в словах его нет смысла, пусть не будет тут и его самого.

Б а р д о л ь ф. Проваливай, пожалуйста.

П и с т о л ь

Ужель придется взяться за мечи?
Что видим мы? Неужто кровь прольется?
(Выхватывает меч.)

Тогда дай мне уснуть навеки, смерть!
Нить дней моих прервите, сестры-пряжи!
Где ты, о Атропос! Зову тебя!

Т р а к т и р щ и ц а. Вот такая штука получается.

Ф а л ь с т а ф. Мой меч, мальчик!

Д о л ь. Не надо, Джек, не надо, прошу тебя!

Ф а л ь с т а ф (угрожая Пистолю мечом). Вон отсюда!

Бардольф и паж выталкивают Пистоля.

Т р а к т и р щ и ц а. Вот так история! Лучше бы мне никогда не держать трактира, только бы не глядеть на такие страсти. Они исколют друг друга до смерти, вы увидите! Да вложите вы назад ваши шпаги! Ой батюшки, ой батюшки!

Д о л ь. Прошу тебя, Джек, не расстраивайся. Мерзавца прогнали. А ведь ты у меня богатырь, оказываешься, светик ты мой!

Т р а к т и р щ и ц а. Вы не ранены? Словно он ударил вас в живот. Или мне почудилось?

Возвращается Б а р д о л ь ф.

Ф а л ь с т а ф. Что, его выставили?

Б а р д о л ь ф. Да, сэр. Он совсем пьян. Вы оцарапали ему плечо.

Ф а л ь с т а ф. Так ему и надо. Задирать меня!

Д о л ь. Ах ты, карапузик ты мой, хитрая моя bestия! Бедный мой херувимчик, как ты вспотел! Сядь, я оботру тебе лицо, губошлеп несчастный. Смотри, пожалуйста, а ведь я правда люблю тебя. Ты просто какой-то витязь из сказки, ей-богу! И, главное, ничего не боится, противный.

Входят м у з ы к а н т ы.

П а ж. Музыканты пришли, сэр.

Ф а л ь с т а ф. Пусть играют. Играйте, господа. Сядь ко мне на колени, Доль. Ах этот Пистоль, сволочь паршивая! Покатился прочь от меня, как ртутный шарик.

Д о л ь. А ты за ним вроде церковной колокольни. Ах ты старый мой драчун, когда же ты бросишь, наконец, свои потасовки? Ведь этак ты себе все тело изрешетишь. А тебе скоро перевозить его на небо.

В глубине комнаты появляются принц и Пойнс, переодетые трактирными слугами.

Ф а л ь с т а ф. Замолчи, милочка Доль. Не каркай. Не напоминай мне о могиле.

Д о л ь. Ну хорошо, поговорим о другом. Ты хорошо знаешь принца. Что это за человек?

Ф а л ь с т а ф. Славный, но очень пустой мальй, из которого вышел бы хороший батрак на ферме или молодец при булочной.

Д о л ь. Зато, говорят, Пойнс умница.

Ф а л ь с т а ф. Это Пойнс-то? Полно, полно, Доль! Это — истукан, у которого мозги тяжелее тьюксберрийской горчицы, а сообразительности меньше, чем в кузнечном молоте.

Д о л ь. Почему же принц так любит его?

Ф а л ь с т а ф. Очень просто. Они оба долговязые. Кроме того, Пойнс великолепно выбивает городки, жрет угрей с укропом и ради удовольствия принца глотает горящие огарки. Почему принц любит Пойнса? Потому что Пойнс играет в чехарду, прыгает через несколько табуреток, составленных вместе, и отборно ругается. Кроме того, он его любит за сапоги, которые у Пойнса блестят как на вывеске, и за то, что Пойнс не способен ни к какой толковой мысли, так что с ним не скучно. Каждый из них так же недалек и непоседлив, как другой, и чистый вес обоих одинаков.

П р и н ц (*в сторону, Пойнсу*). Надо бы надрать уши этой скотине.

П о й н с (*в сторону, принцу*). Отколотим его на глазах у его возлюбленной.

П р и н ц (*в сторону, Пойнсу*). Смотри, она расчесывает ему хохол на темени, как попугаю.

Ф а л ь с т а ф. Поцелуй меня, Доль.

Д о л ь. От всего сердца.

Ф а л ь с т а ф. Я стар, я стар...

Д о л ь. А все-таки я люблю тебя больше этих молодых ветрогонов.

Ф а л ь с т а ф. Какой материи хотелось бы тебе на платье? В четверг у меня будут деньги. Завтра я подарю тебе чепчик. Но, конечно, только я уеду, ты меня забудешь.

Д о л ь. Ей-богу, ты доведешь меня до слез. Посмотрим, взгляну ли я хоть раз на наряды до твоего возвращения.

Ф а л ь с т а ф. Стакан хереса, Френсис!

П р и н ц и П о й н с (*выступая вперед*). Сейчас, сейчас.

Ф а л ь с т а ф (*вглядываясь в них*). Кого я вижу? Какой-то внебрачный сын короля? А это? Кто-то из Пойнсовых братьев?

П р и н ц. Ах ты, географический глобус всех земных пороков, постыдился бы ты жизни, которую ты ведешь!

Ф а л ь с т а ф. А все-таки она лучше, чем твоя. Я — дворянин, а ты — слуга в трактире.

П р и н ц. Совершенно верно. И я пришел увести тебя из него.

П р и н ц и П о й н с принимают свой настоящий вид. Фальстаф встает.

Т р а к т и р щ и ц а. Храни вас бог, ваше высочество. С приездом в Лондон! Какое счастье видеть ваши ясные очи! Господи Иисусе, давно ли вы из Уэльса?

Ф а л ь с т а ф (*положив руку на плечо Доль*). Клянусь этим погибшим созданием, рад тебя приветствовать, мой августейший.

Д о л ь. Убери руку. Я тебя знать не хочу, жирный дурак.

П о й н с. Милорд, он опять заговорит вам зубы, а вы собирались отколотить его за его мнение о нас.

П р и н ц. Да, да. Ах ты, склад свечного сала, как ты смел так гадко отзываться обо мне в присутствии этой тихой, примерной и знатной девицы?

Т р а к т и р щ и ц а. Спаси вас господи, сэр, за ваше доброе сердце. Вы правильно отзываетесь о ней.

Ф а л ь с т а ф. Разве ты слышал, что я говорил?

П р и н ц. Конечно. Будто ты этого не знаешь. Ты ведь видел меня, совершенно так же, как тогда ночью на Гедских холмах. Ты знал, что я стою сзади, и нарочно поносил меня, чтобы испытать мое терпение!

Ф а л ь с т а ф. Нет, нет, неправда. Я не предполагал, что ты тут и можешь услышать.

П р и н ц. Не увиливай. Я заставлю тебя признаться в нанесении мне оскорбления и накажу тебя.

Ф а л ь с т а ф. Это не оскорбление, Гарри, ей-богу, не оскорбление.

П р и н ц. Назвать меня батраком на ферме, молодцом из булочной и еще черт знает чем — не оскорбление

Ф а л ь с т а ф. Не оскорбление, Гарри.

П р и н ц. Не оскорбление?

Ф а л ь с т а ф. Нисколько не оскорбление, ей-богу, нет. Я порицал тебя перед этим сбродом, чтобы отшатнуть их от тебя и обезопасить тебя от влияния этого вертепа. Это доказывает мою дружескую заботу о тебе, и твой отец, милый Гарри, должен мне сказать за это спасибо. В этом нет ничего оскорбительного, Гарри. Напротив, какое это оскорбление?

П р и н ц. Вот какое ты трусливое животное! Чтобы подмазаться ко мне, ты готов втоптать в грязь эту достойнейшую даму. Не ее ли разумел ты под сбродом? Или нашу уважаемую трактирщицу? Или своего оруженосца? Или Бардольфа, преданность и усердие которого огнем охватили его нос?

П о й н с. Отвечай, бесплодная смоковница.

Ф а л ь с т а ф. Имел ли я в виду Бардольфа, когда сказал «сброд»? Да, конечно. Бардольф меченый. На нем печать нечистой силы. Его нос — кухня Люцифера, где поджаривают пьяниц. В отношении пажа мнения могут расходиться. У мальчика есть свой ангел-хранитель, но диавол и тут перетянет.

П р и н ц. Ну, а женщины? Тоже сброд?

Ф а л ь с т а ф. Одна из них уже попала в ад и полыхает, бедняжка. Другая дала мне денег в долг. Осуждена ли она за ростовничество или нет, я не знаю.

Т р а к т и р щ и ц а. Нет, уверяю вас.

Ф а л ь с т а ф. Я тоже думаю, что нет. Этот грех, наверное, тебе простится. А вот что в пост у тебя подаю — скоромное, за это припекут тебя черти на том свете.

Т р а к т и р щ и ц а. Подумаешь, скоромное! Бараний бок какой-нибудь или пол задней ноги за весь великий пост! Что у других, то и у меня.

П р и н ц. Сударыня!

Д о л ь. Что скажет ваша светлость?

Ф а л ь с т а ф. Его светлость скажет то, от чего отречется потом его темнота.

Громкий стук в дверь.

Т р а к т и р щ и ц а. Кто это стучится так громко? Выгляни, пожалуйста, кто там, Френсис.

Входит П е т о.

П р и н ц. А, здравствуй, Пето. Что нового?

П е т о

Король в Вестминстере. Он принимает Гонцов. Их двадцать человек без сил Примчалось с севера. Я также встретил Не менее двенадцати в пути, Которые опрашивали встречных И наводили справки в кабаках, Не замечал ли кто-нибудь Фальстафа.

П р и н ц

Ей-богу, стыдно, Пойнс, что, как глупцы, Мы праздно тратим золотое время, Когда мятеж, как южная гроза, По нашим головам дубасит градом. Мой меч и плащ сюда! Прощай, Фальстаф.

Принц Генрих, Пойнс, Пето и Бардольф уходят.

Ф а л ь с т а ф. Теперь поспать бы, а вместо этого изволь скакать всю ночь сломя голову.

Стук в дверь.

Опять стучат.

Возвращается Б а р д о л ь ф.

Чего тебе? Опять что-нибудь?

Бардольф. Собирайтесь немедленно ко двору. Вас ожидают внизу двенадцать военных.

Фальстаф (*пажу*). Заплати музыкантам, полосатый черт. Прощай, трактирщица. Прощай, Доль. Видите, дорогие бабоньки, люди с заслугами требуются нарасхват. Человек без достоинства может дрыхнуть сколько угодно, а на людей дела — неотступный спрос. Прощайте, бабоньки. Если меня не отправят немедленно, я еще к вам наведаюсь.

Доль. Не в силах говорить. У меня сердце рывается. Прощай, Джек. Береги себя. (*Обнимает его.*)

Фальстаф. Прощайте, прощайте!

Фальстаф и Бардольф уходят.

Трактирщица. Прощай, бог с тобой. Осенью, как поспеет зеленый горошек, будет ровно двадцать девять лет, как мы познакомились. Благородный человек. Верный человек.

Бардольф (*за сценой*). Мистрис Тершит!

Трактирщица. Что тебе?

Бардольф (*за сценой*). Хозяин зовет мистрис Тершит проститься.

Трактирщица. Бегом, Доль, бегом, милочка Доль.

Уходят.

АКТ III

СЦЕНА I

Вестминстер. Комната во дворце.

Входят король в ночном платье и паж.

Король

Сходи за графом Уориком и Соррей.
Скажи, чтоб перед тем они прочли
И вникли в эти письма. И не мешкай.

Паж уходит.

О, сколько тысяч подданных моих
Спят в этот час! Сон, благодатный сон,
Чем оттолкнул тебя я, чем обидел,
Что ты мне больше не смыкаешь век
И чувства в забытье не погружаешь?
Сон, отчего, скажи, тебе милей
Моститься с бедняками на соломе
Под неумолчное жужжанье мух,
Чем забираться к богачу под полог,
Где музыка баюкает твой слух
И комната освежена духами?
Зачем бежишь ты, бестолковый дух,
В сырой подвал из королевской спальни,
Как будто это пост сторожевой,
Где спать мешает колокол набата?
Но нет, смотри. Вот мачта корабля,
Высокая до головокруженья,
А юнга спит на кончике ее.
Мальчишку убаюкало волнение.
Он спит, а по морю гуляет смерч
И вьет веревку из обрывков пены,
И ловит море за седой хохол,
И вздергивает на небо, а буря,
Похоже, мертвых может разбудить.
О сон, пристрастный сон, на мачте юнга
Тебя вкушает в этот грозный час,
И ты отказываешь в утешенье
Средь тишины полночной королю,
Где все для отдыха к его услугам.
Счастливец сторож дремлет на крыльце,
Но нет покоя голове в венце.

Входят У о р и к и С о р р е й.

У о р и к

Привет вам. С добрым утром.

К о р о л ь

Разве утро?

У о р и к

Да, два часа.

К о р о л ь

Так с добрым утром вас.
Вам показали письма? Вы прочли их?

У о р и к

Да, государь.

К о р о л ь

Тогда болезнь страны
Вся перед вами. Вам отлично видно,
Что сердцу края нашего грозит.

У о р и к

Пока недуг народа не опасен
И при уходе умном излечим.
Нортумберленда скоро образумят.

К о р о л ь

О если б можно было заглянуть
В страницы рока и увидеть ясно,
Какие превращенья впереди!
Мы б увидали, как мельчают горы
И море покрывает берега,
Как сызнава мелеют океаны
И суша вновь выходит из воды,
Мы б увидали, как смеется время,
Мешая вина в кубке перемен.
Тогда любой счастливец, прочитавши,
Какие страхи предстоят ему,
С тоской закрыл бы книгу, лег и умер.
Лишь десять лет тому назад Ричард
Пирами чествовал Нортумберленда.
Спустя два года он с ним воевал.
И только восемь лет прошло, не больше,
Как вел мои дела Нортумберленд,
Мне жертвовал, чем мог, и мне в угоду
Ричарду резкости бросал в лицо.

(Уорик.)

Вы, кажется, при этом были, Невиль.
Вы помните, как, весь в слезах, Ричард,
Задетый дерзостью Нортумберленда,
Сказал пророчески свои слова:
«Нортумберленд, ты лестница, посредством
Которой Болинброк взойдет на трон».

Я был тогда далек от этой мысли,
А он предугадал, что я приму
Корону под давлением обстоятельств.
И он прибавил: «Но пройдут года,
Созреет плод измены и обмана —
И королевство порчей загниет».
Так предсказал он нынешнюю смуту
И с прежними друзьями мой разрыв.

У о р и к

Мы видим жизни постепенный ход,
И это сходство будущего с прошлым
С успехом позволяет говорить
О вероятье будущих событий.
Их и в помине нет еще пока,
Но семена и корни их в наличье.
Благодаря повторности вещей
Король Ричард мог явственно предвидеть,
Что, изменив ему, Нортумберленд
Усовершенствуется так в измене,
Что должен будет изменить и вам.

К о р о л ь

Раз это неизбежно, неизбежно
И то, что надо дать отпор врагу.
В их армии до полусотни тысяч.

У о р и к

Преувеличивают, государь,
И с умыслом удваивают цифру.
Ложитесь спать. Поверьте мне, вполне
Достаточно отправленного войска,
Чтобы совсем разбить бунтовщиков.
Порадуйтесь: Глендаур, писали, умер.
Но вашему величеству нельзя
Работать ночью. Это очень вредно.

К о р о л ь

Вы правы. Постараюсь задремать.
А лишь покончим с мятежом, как снова
Начнем готовить поход крестовый.

Уходят.

СЦЕНА 2

Двор перед домом судьи Шеллоу в Глостершире.

С разных сторон входят Шеллоу и Сайленс.
В глубине стоят Грибок, Облако, Лишай,
Немочь, Телок и слуги.

Шеллоу. Сюда, сюда, сюда! Вашу ручку, голубчик, вашу ручку. Раненько вскочили, раненько. Ну, чем порадуете, дружочек Сайленс?

Сайленс. Доброе утро, любезнейший коллега Шеллоу.

Шеллоу. Что подельывает моя кума и ваша благоверная? Как себя чувствует бесценная дочь ваша и моя крестница, прелестная Элен?

Сайленс. Благодарю вас, дичится по-прежнему.

Шеллоу. Как поживает юный друг мой Вильям? Вероятно, стал отменным грамотеем, не правда ли? Он ведь, кажется, до сих пор в Оксфорде?

Сайленс. До сих пор, до сих пор. Весьма убыточное обстоятельство.

Шеллоу. А вы двиньте его по судейской части. В Клементс-колледже по сей день, вероятно, вспоминают сорванца Шеллоу.

Сайленс. Весельчака Шеллоу. Так вас звали, говорят.

Шеллоу. Меня тогда звали по-всякому, и, ей-богу, я был мастер на все руки. Я да маленький Джон Дойт из Стеффордшира, да черномазый Джордж Барнс, да Френсис Пикбон, да Вилли Скуил из Котсола откалывали такое, что теперь задним числом не верится. Мы знали адреса всех вострушек в городе и, можете себе представить, не зевали. Джек Фальстаф, ныне сэр Джон, был тогда мальчиком и служил пажом у Томаса Моубрея, герцога Норфолкского.

Сайленс. Сэр Джон? Это тот, который набирает теперь у нас солдат?

Шеллоу. Тот самый, тот самый. Один раз я стоял у ворот колледжа, а он на моих глазах проломил голову знаменитому Скогэну. Сам он был еще тогда невеличкой, от горшка два вершка, а вот поди же ты. В тот же самый день я бился на шпагах с Самсоном Треской, фруктовецником с той же улицы. Безумное было время! И сколько товарищей недосчитаться!

С а й л е н с. Все там будем, друг мой.

Ш е л л о у. Бесспорно, бесспорно. Необычайно справедливо. От смерти, как говорит псалмопевец, не увернешься. Все там будем. Почему волы на стемфордской ярмарке, не слышали?

С а й л е н с. Ей-богу, нет. Не навевывался.

Ш е л л о у. От смерти не отделаешься, это верно. А что, жив еще старый Дебль, ваш земляк?

С а й л е н с. Нет, увы, умер, сэр.

Ш е л л о у. Господи, господи, вы подумайте. Дебль умер! Он превосходно стрелял в цель из лука, и умер. Вы подумайте! Отличный был стрелок! Джон Гонт ставил на него деньги и выигрывал. Он попадал в цель с двухсот сорока шагов, а легкою стрелой и с двухсот восьмидесяти. Одно удовольствие было смотреть на него. А овцы почему?

С а й л е н с. Смотря какой сорт. Хорошие — по полфунта голова.

Ш е л л о у. Так старик Дебль умер!

С а й л е н с. Вот два фальстафовских адъютанта, как мне кажется.

Входят Б а р д о л ь ф и п а ж.

Б а р д о л ь ф. Доброе утро, многоуважаемые. Извините. Кто тут судья Шеллоу?

Ш е л л о у. Я — Роберт Шеллоу, сэр. Бедный местный помещик на должности королевского мирового судьи. Что вам угодно?

Б а р д о л ь ф. Вам кланяется мой начальник, сэр. Мой начальник, сэр Джон Фальстаф, должен вам сказать, молодец мужчина и вообще, кланюсь небом, боевой мальш.

Ш е л л о у. Не сомневаюсь. Ценю его внимание. В былое время он великолепно бился на палках. Как здоровье почтенного рыцаря? Позвольте спросить, как здоровье его достопочтенной супруги?

Б а р д о л ь ф. Извините, он не женат. Нашему брату солдату на холостом положении сподручнее и как-то нормальной.

Ш е л л о у. Прекрасно сказано, ей-богу, сэр, отлично. Нормальнее. Превосходное выражение. Хорошие выражения следует запоминать и повторять, где только возможно. Латинское слово греческого происхождения. Normalis. Превосходное выражение.

Бардольф. Виноват. Вы говорите, выражение? Никогда не соглашусь. Это не выражение, а слово, и притом вполне приличное. Я сам его слышал. Я не допущу, чтобы кто-нибудь называл его выражением, и с оружием в руках буду отстаивать это великолепное солдатское слово. Нормальный. Это говорят, когда кто-нибудь нормальный, и про кого нельзя сказать, что он ненормальный.

Шеллоу. Совершенно верно.

Входит Фальстаф

А вот и сэр Джон, вы видите. Здравствуйте, сэр Джон. Позвольте пожать вашу честную, честную руку. Для своих лет вы такой же молодец, как бывало! Здравствуйте, милейший сэр Джон.

Фальстаф. Рад вас видеть в добром здоровье, милый мистер Шеллоу. Мистер Шуркард, если не ошибаюсь?

Шеллоу. Нет, сэр Джон. Это судья Сайленс, мой приятель.

Фальстаф. От вас так и веет миром, мистер Сайленс. Вам, наверное, хорошо в мировом суде?

Сайленс. Большое счастье принимать у себя такую личность.

Фальстаф. Ну и жара, доложу я вам, господа! Ну, как с рекрутами? Припасли вы мне с полдесятка?

Шеллоу. Конечно, сэр. Однако присядьте.

Фальстаф. Хорошо. Где они? Покажите их.

Они садятся.

Шеллоу. Заглянем в список. Заглянем в список. Где он? А ну-ка. А ну-ка. Вот он, вот он! Так, так, так. Ага, начнем. Ральф, по прозвищу Грибок! Когда я кого-нибудь вызываю, тот, кого я назвал, должен выступить на один шаг вперед. Начнем снова. А ну-ка. А ну-ка, Ральф Грибок! Где Ральф Грибок?

Грибок. Здесь, ваша милость.

Шеллоу. Ну, как ваше мнение, сэр Джон? Чем не новобранец? Молод, крепыш и из хорошей семьи.

Фальстаф. Ты — Грибок?

Грибок. Грибок, ваша милость.

Фальстаф. Тем более вредно тебе засиживаться. Надо проветриться.

Шеллоу. Ха-ха-ха! Как остроумно! Действитель-

но, грибок заводится от затхлости. Прекрасно сказано, сэр Джон, истинный господь, необыкновенно хорошо.

Ф а л ь с т а ф. Годен.

Г р и б о к. Я вам не гожусь, а пригожусь для чего-нибудь другого. Моя старуха пропадет без моей помощи. Не берите меня. Есть много людей более подходящих.

Ф а л ь с т а ф. Полно толковать. Засиделся, брат. Я сказал — пора тебе, Грибок, проветриться.

Г р и б о к. Проветриться!

Ш е л л о у. Не рассуждать! Стань в сторону. Соображай, где ты находишься.

Бардольф отставляет Грибка в сторону.

Перейдем к следующему, сэр Джон. А ну-ка, а ну-ка. Симон, по прозвищу Облако!

Ф а л ь с т а ф. Где он? Сюда его. Я сяду в его тень в эту жару. Наверное, это будет в высшей степени хладнокровная боевая единица.

Ш е л л о у. Где Облако?

О б л а к о (*выступая вперед*). Здесь, сэр.

Ф а л ь с т а ф. Чей ты сын, Облако?

О б л а к о. Матушкин, сэр.

Ф а л ь с т а ф. Матушкин? Охотно верю. Сын своей матери и тень на своем отце.

Ш е л л о у. Как он вам нравится, сэр Джон?

Ф а л ь с т а ф. Недурен. Облако летом пригодится. Годен. У меня в ведомости без Облака одни мнимости и тени.

Бардольф ставит Облако рядом с Грибком.

Ш е л л о у (*вызывая*). Том, по прозвищу Лишай!

Ф а л ь с т а ф. Где он?

Л и ш а й (*выступая вперед*). Здесь, сэр.

Ф а л ь с т а ф. Твое имя Лишай?

Л и ш а й. Да, сэр.

Ф а л ь с т а ф. Ты, я вижу, не любишь одиночества. На тебе все кишмя кишит.

Ш е л л о у. Отметить его, сэр Джон?

Ф а л ь с т а ф. Такого вшивого? Зачем его отмечать? Смотрите, как он сам всего себя разметил чесаньем. Сплошная отметина.

Ш е л л о у. Ха-ха-ха! Вечно вы что-нибудь отколете, сэр Джон. Отметина! Ой смех, ой смех! (*Вызывает.*) Следующий! Френсис, по прозвищу Немочь.

Немочь. Здесь, сэр.

Фальстаф. Чем занимаешься, Немочь?

Немочь. Дамский портной, сэр.

Фальстаф. Ну, Немочь, смотри кроши так же ловко врагов, как ты кроил женские платья.

Немочь. Рад стараться, сэр.

Фальстаф. Похвально, дамский портной. Из тебя получится удалец, лучше не подступайся! Разъяренный голубь какой-нибудь или самоотверженная мышь. Запишите портного, мистер Шеллоу. Крупными буквами.

Немочь. Запишите вместе со мной и Лишая.

Фальстаф. Что ты, Немочь! Посмотри на его рубашу. Ведь на нем все движется. Разве можно зачислять в рядовые военачальника, который привел с собой целую тысячу? Не убеждай меня.

Немочь. Ладно, сэр.

Фальстаф. Ну вот, это хорошо. Спасибо, что соглашаешься. А то что бы я поделал?

Бардольф ставит Немочь к остальным.

Кто следующий?

Шеллоу. Петр, по прозвищу Телок!

Телок. Здесь, сэр.

Фальстаф. Основательный мужчина. Запишите его, пока не замычал.

Телок. Святые угодники! Господин начальник!

Фальстаф. Я говорю — пока не замычал, а ты уже мычишь?

Телок. Святые угодники, сэр! Я — больной.

Фальстаф. Чем же ты болен?

Телок. У меня эта окаянная простуда, сэр, и собачий этот кашель. Он на меня напал на колокольне, когда я звонил в день королевской коронации.

Фальстаф. Ничего. Мы тебя отправим куда-нибудь, где пожарче. Твой кашель как рукой снимет. А звонить по тебе мы заставим твоих приятелей.

Бардольф ставит Телка к остальным.

Все?

Шеллоу. Все, причем здесь на два человека больше, чем мы обязаны ставить. Ну вот. А теперь отобедайте со мною. Прошу не отказываться.

Встают.

Фальстаф. Ну тогда пропустим по одной, на скорую руку. Обедать мне некогда, я в дороге. Очень рад был опять встретить вас, мистер Шеллоу.

Шеллоу. О, сэр Джон, помните поляну в Сент-Джордже и бурную ночь на мельнице?

Фальстаф. И не говорите, милый Шеллоу, и не говорите!

Шеллоу. Да, веселая была ночь, черт побери! Ну как она теперь, жива еще, Дженни Найтуорк?

Фальстаф. Жива, мистер Шеллоу, жива.

Шеллоу. Она меня терпеть не могла.

Фальстаф. Да, она изрядно-таки вас ненавидела. Помню, она всегда говорила: «Не выношу я этого противного Шеллоу».

Шеллоу. Не правда ли, поразительно? Я доводил ее до иступления. Да, разбитная была бабенка. Ну как она теперь?

Фальстаф. Состарилась, мистер Шеллоу, состарилась.

Шеллоу. Ну, конечно, она должна быть стара. Ведь у нее уже был маленький Найтуорк от старика Найтуорка, когда я поступил в школу святого Клементия.

Сайленс. Это было пятьдесят пять лет тому назад.

Шеллоу. Эх, дружище Сайленс, взглянуть бы вам одним глазком на то, что перевидали мы на своем веку с этим джентльменом! А? Верно я говорю, сэр Джон?

Фальстаф. Навидались всякого.

Шеллоу. Навидались, навидались. Верное слово, сэр Джон, навидались. Боевой у нас клич был: «Не плющить ребят!» Ну, кушать подано. Пожалуйста, пожалуйста. Да, незабвенное было время. Золотое время.

Шеллоу, Фальстаф, Сайленс и паж уходят.

Телок (Бардольфу). Господин капрал, заставьте за себя бога молить. Вот сорок шиллингов французскими монетами. Не побрезгуйте. Ей-богу, сэр, пойти в солдаты просто смерть для меня. Я ведь, главная вещь, не об себе хлопочу. Я что, мне наплевать. Я беспокоюсь о ближних, чтобы мне остаться с земляками. А касаемо меня, я что, мне наплевать.

Бардольф (берет деньги). Ладно. Становись в сторону.

Грибок. Вот я об том же самом, господин старший генерал-капрал. Явите божескую милость ради моей старухи! Без меня ей ни в жизнь не совладать. Вот вам сорок шиллингов, не погнушайтесь.

Бардольф. Ладно. Стань в сторону.

Немочь. А вот мне, ей-богу, трын-трава. Двух смертей не бывать, одной не миновать. Я в штаны не накладу, это будьте покойны. Ежели мне судьба, стало быть, судьба, а ежели не судьба, значит, не судьба. Кого ни возьми, все мы на королевской службе.

Бардольф. Молодец. Вот это правильное рассуждение.

Немочь. Я в штаны не накладу, будьте покойны.

Возвращаются **Фальстаф**, **Шеллоу**, **Сайленсипаж**.

Фальстаф. Так что же, мистер судья, кого из рекрутов мне взять в солдаты?

Шеллоу. Любого. Четверых на выбор.

Бардольф. На два слова, сэр. *(Отводит Фальстафа в сторону.)* Телок и Грибок внесли выкупных три фунта.

Фальстаф. Давай. Посмотрим.

Шеллоу. Ну что, кого вы берете на военную службу, сэр Джон?

Фальстаф. А ну выберите. Помогите мне.

Шеллоу. Хорошо. Я взял бы Грибка, Телка, Облако и Немочь.

Фальстаф. Сейчас распорядимся. Грибок и Телок, ступайте домой, пока не возмужаете во второй раз. Мне вас не надо.

Шеллоу. Сэр Джон, что вы делаете? Это ваши лучшие солдаты.

Фальстаф. Вы еще будете учить меня, мистер Шеллоу, как мне отбирать своих рекрутов? Черта ли мне в их конечностях, мышцах, толщине и росте? Дух — вот в чем все дело, мистер Шеллоу! Возьмите, например, Лишай. Ведь он минуты не усидит. На нем каждая жилочка ходит, как пиво при разливке. Вот это я называю живость! Вы представляете себе, как он будет стрелять! Или, например, Облако, эта жердь без второго измерения, по которой не во что целиться неприятелю. Или вы представляете себе, как быстро будут мелькать пятки Немочи, дамского портного, — ценное качество в случае

отступления! Нет, уж если на то пошло, подавайте мне одних негодных, а от годных избавьте. Бардольф, дай в руки Лишаю мушкет.

Бардольф. На, держи, Лишай! Шагом марш! Ать-два, ать-два!

Фальстаф. А ну! покажи-ка нам свои ружейные приемы! Так. Молодец. Еще раз. Молодчина. Ей-богу, молодчина. Нет, ни на кого я этого кривого старого и скрюченного стрелка не променяю. Молодец, Лишай. Служи и дальше так. На тебе шесть пенсов.

Шеллоу. Ему еще надо подучиться. У него выходит не так складно. Когда я поступил в Училище правоведения и играл сэра Дагонета в школьном спектакле о короле Артуре, помните вы одного ружейного стрелка на Майленд-Гринском лугу? Вот это была выправка! Возьмет, бывало, ружье, вскинет, приложится, отбежит и зарядит; вскинет, приложится, отбежит и зарядит. А потом лежа! А потом с колена! Вот это было дело! Вот это я понимаю!

Фальстаф. Ну, хорошо. Это — подходящие люди, мистер Шеллоу. Подходящие без лишних слов. Прощайте, мистер Сайленс. Пора мне в путь. Я должен отмахать еще двенадцать миль сегодня. Прощайте, джентльмены. Бардольф, выдай форму новобранцам.

Шеллоу. Счастливой дороги, сэр Джон. Желаю вам удачи и скорой победы. Заверните к нам опять на обратном пути. Не давайте заглохнуть бывлой дружбе. Помогите мне попасть вместе с вами ко двору.

Фальстаф. Приложу все старания, мистер Шеллоу.

Шеллоу. Ну вот. Не смею вас больше задерживать. До свиданья.

Фальстаф. С богом, дорогие!

Шеллоу и Сайленс уходят.

Построй и выведи солдат, Бардольф.

Бардольф, паж и солдаты уходят.

Когда буду ехать назад, я этих сутяг обдеру, как липку. Барана Шеллоу я уже знаю насквозь, как свои пять пальцев. Господи боже мой, до чего враль-народ мы, старики! Уши вянут слушать, как эта старая падаль расписывает свои подвиги на Торнбуль-стрите. Через каждые два слова — это небылицы, отчисляемые более регу-

лярно, чем дань турецкому султану! Когда мы были в училище, это была фигурка вроде тех, которые вырезают за столом из корки сыра, а когда он раздевался, он напоминал двухвостую редьку-раскоряку с пририсованной сверху головой. Это было само истощение, так что близорукие проходили через него, как сквозь воздух, не обратив на него внимания, а приятельницы нашего круга звали эту обезьяну корешком мандрагоры. Он пел им глупости, подслушанные у извозчиков, и уверял, что это романсы его сочинения. А теперь эта чертова перчница — видный помещик в графстве и рассуждает о Джоне Гонте так, как будто век был с ним на «ты». А он никогда не видал Гонта, и тот единственный раз, что сам попался Гонту на глаза, его избили лакеи Гонта палкой за то, что он затесался в их толпу. Тогда он весь, со своими пожитками, уместался в шкурке угря, и футляр от гобоя был просторным дворцом для него. А теперь он скотовод и знатный помещик. На обратном пути я выколочу из него философский камень, все превращающий в золото. Если щука питается пескарями, эти стряпчие самой природой предназначены мне в пищу. (Уходит.)

АКТ IV

СЦЕНА 1

Лес Голтри в Йоркшире.

Передвижения войск. Входят архиепископ Йоркский, Моубрей, Гастингс и другие в походном вооружении.

А р х и е п и с к о п

Скажите, как зовется этот лес?

Г а с т и н г с

Лес Голтри, мой отец.

А р х и е п и с к о п

Так станем станом

И подошлем разведчиков узнать,
Какие силы выставил противник.

Г а с т и н г с

Мы их послали.

А р х и е п и с к о п

Очень хорошо.

Теперь я сообщить считаю долгом,
Что мне прислал на днях Нортумберленд.
Он пишет мне, что недостаток в людях
Ему мешает подоспеть к нам в срок.
Чтобы пополнить этот недостаток,
В Шотландию он едет, а пока
Желает всем нам остальным успеха.

М о у б р е й

Еще одно крушение надежд!
А как их на него мы возлагали!

Входит р а з в е д ч и к.

Г а с т и н г с

Что ты разведал?

Р а з в е д ч и к

В миле на закат

Отсюда показался неприятель.
По площади, какую он покрыл,
Количество его — за тридцать тысяч.

М о у б р е й

Во столько их число ценили мы.
Нам надо выступить скорей навстречу.

Трубы за сценой.

А р х и е п и с к о п

По-видимому, к нам парламентар.

М о у б р е й

И это Уэстморленд, я полагаю.

Входит У э с т м о р л е н д.

У э с т м о р л е н д

Почтенье, господа, вам и привет
От герцога Ланкастерского Джона.

Архиепископ

Чем объяснить любезный ваш приход?

Уэстморленд

Вы — главная причина, ваша светлость.
Мы поняли б любой другой мятеж,
Где кровожадным скопищем подонков
Командовала б кучка сорванцов.
Вас, верно, не было б среди этой черни.
Ни вы, ни эти лорды б не могли
Покрыть их бунт своими именами.
Действительно, ведь ваш престол — оплот
Спокойствия, и все в вас дышит миром:
Серебряная ваша борода,
И круг занятий ваших, и ученость,
И ваших облачений белизна,
О голубиной кротости гласящих.
Зачем же вы себя перевели
Так неудачно с языка согласья
На грубый, варварский язык войны?
Откуда вместо книг доспехи эти
И льющаяся кровь взамен чернил?
Зачем на пики вы сменили перья,
А проповедь — на бранный зов трубы?

Архиепископ

Сказать зачем? Вот для чего. Во-первых,
Мы все болеем пресыщеньем чувств
И все нуждаемся в кровопусканье.
От этого погиб король Ричард.
Но я себя врачом не выставляю,
А только объясняю, Уэстморленд,
Зачем я нахожусь в военном стане.
Я думаю, что временно война —
Оздоровляющее потрясенье
Для тех, кто засорил себе кишки
Безбедной жизнью и объелся счастьем.
Скажу ясней. Пред тем как выступать,
Я взвесил зло, которое мы терпим,
И зло, которое мы причиним,
И чаша с первым злом перетянула.
Я понял, что бездействовать нельзя.
Мы сговорились, и поток событий

Понес нас быстро по реке времен.
Но мы не сразу подняли восстание.
До этой крайней меры много раз
Мы подавали королю прошения
С перечисленьем наших недовольств,
Но нам не отвечали на запросы.
Разбором жалоб занимались те,
Кого мы в этих списках обвиняли.
Нам к королю был доступ прегражден.
Под впечатленьем происков и козней
Мы взяли меч не с тем, чтобы срубить
Хотя бы ветку на оливе мира,
Но чтоб, наоборот, упрочить мир
Не только на словах, а и на деле.

У э с т м о р л е н д

Святой отец, в чем знали вы отказ?
Чем обделил король вас и обидел?
Кто при дворе мог так вас обойти,
Чтоб вас толкнуть на грязный путь измены?
Кто надоумил вас скрепить мятеж
Своей святой печатью? Кто заставил
Вас освятить мечи бунтовщиков?

А р х и е п и с к о п

Мой общий брат, все люди в государстве,
И я за них вам предъявляю счет.

У э с т м о р л е н д

Не вижу повода для этих счетов,
Да и не наше дело их сводить.

М о у б р е й

О нет, сведенье счетов — наше дело,
Когда касается так близко нас.
Былые дни и нынешнее время
Равно затрагивают нашу честь.

У э с т м о р л е н д

Попристальной всмотритесь в вещи, Моубрей,
И вы увидите, что не король,
А время наносило вам обиды.
Но вы-то сами чем уязвлены?
Вам плакаться не вижу я причины.

Иль вы не восстановлены в правах
Отца, блаженной памяти Норфолка?

М о у б р е й

А разве мой отец лишился прав?
Король Ричард был поневоле должен
Изгнать его, а сам его любил.
Вы вспоминаете, как было дело
На поединке? Он и Болинброк
Уже сидели в седлах, ржали кони
И, роя землю, грызли удила.
Готовы были копыя для удара,
И всадников глаза из-под забрал
Метали искры. Каждую минуту
Мог божий суд начаться. Чуть герольд
Дал знак трубою рыцарям съезжаться,
И уж ничто б на свете не спасло
Грудь Болинброка от копыя отцова.
Король внезапно бросил сверху жезл,
И пэры прекратили поединок.
В тот день он всех на гибель нас обрек,
Как бы столкнув под лошадь Болинброка,
Который порознь всех нас растоптал.

У э с т м о р л е н д

Ну, задним-то числом у вас все гладко.
Вы забываете, что Болинброк
Всегда был победителем в турнирах.
Едва ли одолел бы ваш отец,
А если б победил, живым не вышел:
Его бы разорвали на куски.
Он был предметом общей неприязни,
А Болинброка каждый обожал.
Но вновь мы удалились от вопроса.
Меня прислал к вам принц, наш командир,
Чтоб расспросить о ваших притязаньях,
Важнейшие он удовлетворит
И обещает позабыть про распрю.

М о у б р е й

Не верю. Это — не свободный шаг,
А силой вынужденная уступка.
Здесь хитрость кроется, а не любовь.

Уэстморленд

Вы слишком о себе возмнили, Моубрей.
Чем сильны вы, чтоб так нас напугать?
Вон лагерь наш. Пожалуйста, смотрите.
Все войско на виду и чересчур
Уверено в победе, чтоб скрываться.
Имен у наших больше, чем у вас,
У нас гораздо опытней солдаты,
У нас оружие лучше, а в душе
Сознание правоты. Не понимаю,
Что может нас заставить уступить?

Моубрей

Нет, мира между нами быть не может.

Уэстморленд

Как видно, ваша совесть нечиста,
Что вы противитесь переговорам.

Гастингс

Уполномочивает ли король
На соглашение с нами принца Джона?
Имеет ли он право обсуждать
И удовлетворять желанья наши!

Уэстморленд

Он на войне наместник короля.
Меня сомненья ваши удивляют.

Архиепископ

Тогда вот наши горести, милорд.
Они изложены в бумаге этой.
И если при дворе по всем статьям
Придут к благоприятному решению
И оправдают пред законом всех,
Участвовавших в этом возмущенье,
А также доказательства дадут,
Что этим обещаньям можно верить,
Тогда и мы вернемся в берега
Покорности и строгого порядка.

Уэстморленд

Я свиток принцу покажу, и мы
Устроим встречу между лагерями.

Затем мы либо кончим мировой
Иль тут же с двух сторон начнем сраженье.

А р х и е п и с к о п

Согласен.

Уэстморленд уходит.

М о у б р е й

Тайный голос изнутри
Меня все время предостерегает,
Что между нами мир недостижим.

Г а с т и н г с

Не бойтесь. Договор мы обеспечим
Ручательством противной стороны.
На этих обоюдных основаньях
Наш мир незыблем будет, как скала.

М о у б р е й

К нам отношения все же не изменят,
И будут мелочи нам ставить в счет,
Напоминая это возмущенье.
Хоть отдали б мы жизнь за короля,
Нас будут отсеивать, как хлеб в амбаре,
Но на таком жестоком сквозняке,
Когда зерно уносит вместе с сором.

А р х и е п и с к о п

Нет, распри надоели королю.
Он понял: расправляясь смертной казнью
С одним врагом, он наживает двух
В его потомках. Больше по доносам
Людей не будет в списки он вносить.
Он знает, разномыслия не вывезть
И всех нельзя всю жизнь подозревать.
Явления перепутались корнями.
Захочешь вырвать недруга — и с ним
Рванешь из почвы и погубишь друга.

Г а с т и н г с

У короля давно истощены
В минувших казнях средства устрашенья.
Он словно старьей и беззубый лев,
Хотя по виду страшен, но безвреден.

А р х и е п и с к о п

Согласен с вами. И, поверьте мне,
Лорд-маршал, если мы теперь поладим,
Мир после розни будет лишь прочней,
Как костное сращенье перелома.

М о у б р е й

Дай бог. А вот с ответом Уэстморленд.

Возвращается Уэстморленд.

Уэстморленд

Для встречи выбран пункт посередине
Между двух армий. Там и ждет вас принц.

М о у б р е й

Так с богом.

А р х и е п и с к о п

Поезжайте, доложите
О нашем приближенье, Уэстморленд.

Уходят.

СЦЕНА 2

Другая часть леса.

Трубы. Сходятся с одной стороны Моубрей, архиепископ, Гастингс и другие, с другой — принц Джон Ланкастерский, Уэстморленд, офицеры и свита.

Л а н к а с т е р

Рад видеть вас, лорд Моубрей. Добрый день,
Отец архиепископ. С доброй встречей,
Лорд Гастингс. Всем вам, господа, привет.
Вам больше шло, святой отец, бывало,
Когда по звону колокола к вам
Стекалась паства слушать слово божье
И проповеди ваши. Не к лицу
Вам нынешний ваш вид бойца в доспехах,
Под барабан собравшего бродяг.
По-моему, некстати променяли
Вы проповедь на меч и жизнь на смерть.

Что получилось? Кто-нибудь, допустим,
Известен как любимец короля.
Как много в жизни может он напортить,
Такою славой злоупотребив?
Вы в этом же повинны. Ваши мненья
На веру принимали. Вы знаток
Священного писанья, наш предстатель.
Пред господом в парламенте небес
И перед нами — отзвук гласа божья.
И вот, его слуга, вы обошлись
Своекорыстно с именем господним,
Как обманул бы чувства короля
Его недобросовестный наместник.
Вы лживым словом подняли народ
И их вооружили против мира
И против власти моего отца,
Законного помазанника божья.

А р х и е п и с к о п

Милорд Ланкастер, вашему отцу
Я вовсе не противник. В эту кучу
Нас сбили не порядки, а не он.
Мечи мы взяли из самозащиты.
Я вам отправил список наших нужд,
Который нам, не удостоив взглядом,
Вернули перед этим из дворца.
От этого сыр-бор и загорелся.
Переполох уймется, если нам
Ответят удовлетвореньем жалоб.
Тогда мы все, восстанье прекратив,
К стопам его величества повергнем
Свою любовь.

М о у б р е й

А если нет, пойдем
Сражаться до последней капли крови.

Г а с т и н г с

Не выиграем мы, готово встать
Другое войско, а за этим третье,
И так все время будет, без конца,
Пока, за поколеньем поколенья
Не истребится в Англии народ.

Л а н к а с т е р

Вы слишком мелко плаваете, Гастингс,
Чтоб проникать в такую глубь времен.

У э с т м о р л е н д

Принц, не угодно ль будет вам ответить,
Какого мненья вы об их статьях?

Л а н к а с т е р

По-моему, все пункты справедливы.
Ручаюсь честью, помыслы отца
Нередко извращали царедворцы.
Все злоупотребленья устранят.
Вас попрошу я распустить по графствам
Свой войска, как сделаю и я.
На этом месте между лагерями
Поднимем чаши на виду у всех,
Обнимемся и выпьем друг за друга
В знак возрожденной дружбы и любви.

Входят солдаты с вином и кубками.

А р х и е п и с к о п

Я полагаюсь, принц, на ваше слово.

Л а н к а с т е р

(с кубком вина в руке)

Я слову своему не изменю.
Святой отец, пью за здоровье ваше.

Г а с т и н г с

(офицеру)

Скорей ступайте в лагерь, капитан,
И объявите эту весть о мире.
Пускай солдат распустят по домам
И выплатят сполна им содержанье.

Офицер уходит.

А р х и е п и с к о п

Пью за здоровье ваше, Уэстморленд.

У э с т м о р л е н д

Я тем же отвечаю, ваша светлость.
А если бы вы знали, сколько мук
Мне стоил этот мир, вы пили б вдвое.

Однако скоро чувства вам свои
Смогу еще полней я обнаружить.

А р х и е п и с к о п

Не сомневаюсь.

У э с т м о р л е н д

Тронут и польщен.

Здоровье ваше, Моубрей!

М о у б р е й

Это кстати.

Все что-то кошки на сердце скребут.

А р х и е п и с к о п

Вы знаете, считают, что веселость
Всегда к печали, и наоборот.

У э с т м о р л е н д

Так я на вашем месте был бы счастлив.
Я б знал, что кошки на сердце — к добру.

А р х и е п и с к о п

Я чувствую себя великолепно.

М о у б р е й

Тем, значит, хуже. Это скверный знак.

Радостный шум за сценой.

Л а н к а с т е р

Вот действие объявленного мира.

М о у б р е й

Победа больше б радовала всех.

А р х и е п и с к о п

Мир — это тоже род завоеванья:
Противники покорены добром,
И побежденных нет.

Л а н к а с т е р

Распорядитесь,

Чтоб наши люди тоже разошлись.

Уэстморленд уходит.

Чтоб дать обеим сторонам понятие,
Какая предстояла нам борьба,
Устроим смотр войскам. Пускай солдаты
Пройдут в строю, пред тем как разойтись.

А р х и е п и с к о п

Отдайте, Гастингс, это приказанье.

Гастингс уходит.

Л а н к а с т е р

Мы этот вечер вместе проведем.

Возвращается У э с т м о р л е н д.

Что в лагере не вижу я движенья?

У э с т м о р л е н д

Солдаты расходиться не хотят,
Пока вы не уволите их сами.

Л а н к а с т е р

Вот это дисциплина. Молодцы.

Возвращается Г а с т и н г с.

Г а с т и н г с

Вся армия рассеялась, милорд.
Все врозь бегут, как школьники с занятий
Или как распряженные волы.
У нас нет больше никого.

У э с т м о р л е н д

Спасибо

За радостную весть. Я вас беру
Под стражу, Гастингс. Вас, лорд Моубрей, тоже.
И, лорд-архиепископ, вас. Вы все
Виновны в государственной измене.

Их окружают солдаты и отбирают у них оружие.

М о у б р е й

Согласен с честью ли такой обман?

У э с т м о р л е н д

А разве ваш мятеж согласен с честью?

А р х и е п и с к о п

И вам не стыдно слово нарушить?

Л а н к а с т е р

Я не давал вам никакого слова.
Я устранить изъяны обещал,
Замеченные нами в управленье,
И это сделаю, свидетель бог.
А вам, предатели, готова участь
Предателей. Вы яму рыли мне
И очутились сами в западне.
Переловить всех беглых из ватаги!
Не дать уйти ни одному бродяге!
Зачинщики ответят головой.
Взять главных арестантов под конвой!

Уходят.

СЦЕНА 3

Другая часть леса.

Фанфары горнистов. Боевые стычки. Встречаются Ф а л ь с т а ф и К о л ь в и л ь.

Ф а л ь с т а ф. Сэр, ваше имя, звание, откуда родом и так далее?

К о л ь в и л ь. Я — дворянин, сэр. Меня зовут Кольвилем из Котловины.

Ф а л ь с т а ф. Отлично. Вас зовут Кольвилем, вы — дворянского звания, Котловина — место вашего рождения. Вот какие вас ждут перемены: ваше имя останется Кольвиль, преступник будет ваше звание, подземелье в тюрьме — ваше местопребывание. И так как это достаточно глубокое подземелье, то вы по-прежнему будете Кольвилем из Котловины.

К о л ь в и л ь. Вы не Джон Фальстаф, сэр?

Ф а л ь с т а ф. Кто бы я ни был, я, во всяком случае, не хуже его. Вы сдаетесь? Вот что мне надо знать. Или мне придется поработать над вами? Тогда берегитесь! Капли пролитого мною пота будут слезами для ваших родных, и лучше не заставляйте их оплакивать вас.

К о л ь в и л ь. Я надеюсь, что вы — сэр Джон Фальстаф, и с этой мыслью сдаюсь.

Фальстаф. Мне трудно отрицать это при моей толщине. Мой живот с головой выдает меня. Не будь у меня этой части тела, я мог бы скрыться под любым вымысленным именем. Но мое брюхо пользуется слишком громкой известностью. Вот наш полководец.

Входят принц Джон Ланкастерский,
Уэстморленд, Блент и другие.

Ланкастер

Довольно порубились, Уэстморленд,
Велите приостановить погоню.

Уэстморленд уходит.

Фальстаф, где вы скрывались до сих пор?
В конце сражений только вас и видно.
Ведь если это дальше так пойдет,
Не кончилось бы виселицей дело.

Фальстаф. Будет удивительно, если это кончится по-другому. Порицание и неблагодарность — обычный удел истинной заслуги. Что я — стрела, ласточка или пуля? Могу ли я, дряхлый старик, носиться с быстротою мысли? Несмотря на это, я истощил пределы человеческих возможностей. По дороге сюда я загнал сто восемьдесят почтовых лошадей и, соскочив с последней, без передышки взял в плен сэра Джона Кольвиля, неустрашимого рыцаря и опасного врага. Прирожденная доблесть не спасла его. Едва он меня увидел, как должен был сдаться. Я тоже могу сказать, как один скромный римлянин: «Пришел, увидел, победил».

Ланкастер. Что он так уступчив, не ваша заслуга.

Фальстаф. Смотря как к этому отнестись. Но вот он сдался мне, а я передаю его вам. Не откажите занести это в боевые анналы дня. А то мне придется выпустить об этом отдельную балладу с Кольвилем на обложке, лобызаящим мои ноги, и если это издание не затмевает месяц звезды, можете сказать, что слово чести ничего не стоит в устах дворянина.

Ланкастер

Ты — Кольвиль?

К о л в и л ь

Да, милорд.

Л а н к а с т е р

Я слышал, Кольвиль,
Ты — видный бунтовщик.

Ф а л ь с т а ф

И видный сын
Отечества схватил его.

К о л ь в и л ь

Мой герцог,
Я только то, чем мне велели быть.
Когда б я управлял своим начальством,
Мы б вам дались дороже, чем теперь.

Ф а л ь с т а ф. Я не знаю, почем они отдавали себя,
но у тебя благородный характер. Ты предложил себя
даром, за что я искренне благодарен тебе.

Возвращается У э с т м о р л е н д.

Л а н к а с т е р

Прекращена погоня?

У э с т м о р л е н д

Прекратили.
Я лишней бойне положил конец.

Л а н к а с т е р

Препроводите Кольвиля с другими
Преступниками к месту казни в Йорк.
Смотрите, чтоб они не разбежались.

Блент с Кольвилем и остальными арестованными уходят.

Ну, а теперь в Вестминстер, ко двору.
Отец, передают, опасно болен.
Уведомим его, чтоб подбодрить,
О нынешней удавшейся уловке.
Уэстморленд, скачите во всю прыть,
А я с войсками двинусь вслед за вами.

Ф а л ь с т а ф

Позвольте ехать мне чрез Глостершир
И в общем донесенье об успехах
Не говорите плохо обо мне.

Л а н к а с т е р

Я отзовусь о вас гораздо лучше,
Чем вы заслуживаете, Фальстаф.

Все, кроме Фальстафа, уходят.

Ф а л ь с т а ф. У тебя есть герцогский титул, но не хватает ума. Этот рассудительный малый не любит меня. Никто не видел, чтобы он когда-нибудь смеялся. Это — естественно. Он непьющий. Из этих примерных мальчиков никогда не получается ничего путного. Сырая вода и рыбный стол развивают у них малокровие. В браке у них рождаются только девочки. Обыкновенно это дураки и трусы, что было бы со всеми, когда бы не крепкие напитки. Хороший херес имеет двойное свойство. Во-первых, он бросается в голову и выпаривает из мозгов все лишнее, обволакивающее их в виде мокроты. Ум становится живым и метким, полным огня и изобретательности. Прочищаются язык и глотка, усиливается остроумие. Вторая особенность хорошего хереса в том, что он согревает кровь и разгоняет ее по всему телу. Разгорается лицо, сторожевой костер королевства, называемого человеком. Все в нем берется за оружие и сбегается к сердцу, главному своему военачальнику. Херес — единственный вдохновитель мужества, родник всякой храбрости и отваги. Без него не бывает военного гения, который дремлет необнаруженный и пропадает зря, пока действие этого напитка не пробудит его к жизни. Вот отчего отважен принц Генрих, несмотря на то, что от отца он унаследовал холодную кровь. Но, как удобряют плохую почву, он ее облагородил большими количествами выпитого хереса и стал доблестным и пылким. Впрочем, о чем толковать? Будь у меня тысяча сыновей, первое, что я вдолбил бы им с детства, это чтобы они избегали воды и побольше налегали на херес.

Входит Бардольф.

Что скажешь, Бардольф?

Б а р д о л ь ф. Войско распущено. Все расходятся.

Ф а л ь с т а ф. Ну что же, бог с ним. А я пушусь через Глостершир. Там я заеду к мистеру Роберту Шеллоу, эсквайру. Я уже имел случай размягчить этого человека, как воск между пальцами, и теперь буду запечатывать им письма. Идем, брат.

Уходят.

СЦЕНА 4

Вестминстер. Дворцовая палата, называемая Иерусалимом.
Входят король, принцы Томас Кларенс и
Гемфри Глостер, Уорик и другие.

К о р о л ь

Милорды, если бог пошлет победу
Над смутою, которая теперь
У нашей двери истекает кровью,
Мы с юношеством за море пойдем
Войною с более высокой целью.
Войска и флот в готовности. Нашлись
Правители на срок отлучки нашей.
Все нужное, по счастью, налицо,
Нам одного здоровья не хватает,
Чтобы отплыть в желаемый поход,
И мы без дела ждем, когда последних
Мятежников в покорность приведут.

У о р и к

И усмирение, и выздоровление
Не за горами.

К о р о л ь

Гемфри, где твой брат,
Принц Уэльский?

Г л о с т е р

Он в Виндзоре на охоте.

Так говорят.

К о р о л ь

Не знаешь ли, кто с ним?

Г л о с т е р

Не знаю.

К о р о л ь

А не с ним ли Томас Кларенс?

Г л о с т е р

Нет, государь, принц Кларенс с нами здесь.

К л а р е н с

Что вам угодно, государь отец мой?

К о р о л ь

Добра тебе и больше ничего.
Что ж ты не с братом? Он к тебе привязан,
А ты его не ценишь. Относись
Внимательней к его расположенью.
Его любимец ты. Как я умру,
Ты сможешь прочим братьям быть защитой
Перед его величеством. Цени
Его любовь и мнимым небреженьем
Некстати от себя не отчуждай.
Ведь он так добр, его легко растрогать,
Его рука открыта и щедра,
Но в гневе он неумолим, как камень
Или как заморозки по утрам.
Поэтому будь с ним поосторожней.
Не спорь совсем, а если есть о чем,
То только в те часы, когда он в духе.
В минуты ж гнева жди, чтоб, горячась,
Он утомился сам, как кит на суше.
Живи с ним в дружбе, помни, — и тогда
Оплотом будешь ты друзьям и братьям,
Щитом семье и сохранишь в ней мир,
Какая б посторонняя отрава
Ни проникала издали в ваш круг,
Подтачивая это единенье.

К л а р е н с

Я буду чтить его от всей души.

К о р о л ь

Что ж ты не на охоте с ним в Виндзоре?

К л а р е н с

Он вовсе не в Виндзоре, государь,
А в Лондоне обедает сегодня.

К о р о л ь

Не знаешь, с кем? Не можешь ли сказать?

К л а р е н с

По-видимому, с Пойнсом и другими.

К о р о л ь

Где хороша земля, там и бурьян.
Для сорных трав нет благодарней почвы,
Чем этот мальчик, мой живой портрет.
Тоскливо я вперед бросаю взоры,
Заглядывая с опасеньем в дни,
Когда меня не станет. Вам придется
Еще увидеть эти времена
Дикарства, запустенья и разгула,
Когда средь предков я усну в гробу,
И грех и своеволие сбросят пути,
И будут только слушаться себя,
А в золоте не будет недостатка!
О, на каких стремительных крылах
Он полетит навстречу разрушенью!

У о р и к

По отношению к принцу, государь,
Простите, вы совсем несправедливы.
Он изучает круг своих гуляк,
Как учат языки чужих народов,
При этом натываясь в словаре
Средь лучших слов на самые дурные.
Он должен знать их, чтобы избегать.
Когда пройдет он полный курс науки,
Забросит он всех этих забулдыг,
И этот ранний опыт пригодится
Ему потом для знания людей,
Причем весь вред пойдет ему на пользу.

К о р о л ь

Зло редко уживается с добром,
И пчелы в падали не строят сотов.

Входит Уэстморленд

Вот как? Уэстморленд?

Уэстморленд

Да, государь.

Еще здоровья б только вам в придачу
К той радости, что я вам сообщу!
Ваш сын принц Джон целует вашу руку.
Все: Моубрей, Гастингс и епископ Скруп,
В руках закона. Смуту утомили.
Все королевство осеняет мир.
Как этого добились, — в донесенье.
Прочтите на досуге, государь.

Король

Ты, Уэстморленд, всегда был вешней птицей,
Предвестницею счастья и зари.

Входит Гаркорт.

Но вот еще какое-то известье.

Гаркорт

Дай бог всегда вам разбивать врагов,
Как пали те, о гибели которых
Приехал известить я, государь!
Нортумберленд, лорд Бардольф, их шотландцы
И шайки бунтовавших англичан
Разбиты вашей армией в Йоркшире.
Подробности сражения — в письме.

Король

Как странно! От хорошего известья
Мне стало хуже. Счастья целиком
Без примеси страданья не бывает.
Так скверный почерк портит гладкий слог
И, морщась, ест богач без аппетита.
Торжествовать по случаю побед
И быть здоровым было б слишком много.
Но что со мною? Я лишаюсь чувств.
Мне дурно, дурно. Слепну. Помогите!
(*Падает в обморок.*)

Глостер

Крепитесь, государь!

К л а р е н с

О мой отец!

У э с т м о р л е н д

Вы видите меня, милорд? Очнитесь.

У о р и к

Не огорчайтесь, принцы. У него
Бывают часто обмороки эти.
Напрасно мы толпимся так вокруг.
Побольше воздуха, и он очнется.

К л а р е н с

Нет, более в себя он не придет.
Печали и заботы источили
Его вконец, и жизнь стремится вон
Из тонкой, ослабевшей оболочки.

Г л о с т е р

О том же говорит язык примет.
Нередки стали случаи рождений
Чудовищ и уродов без отцов.
Творится что-то с временами года,
И стал неузнаваем календарь.

К л а р е н с

В реке прилив был трижды без отлива,
Как это наблюдалось, говорят,
Давным-давно, пред смертью Эдуарда.

У о р и к

Не говорите громко, господа,
Король в себя приходит.

Г л о с т е р

Он не встанет
От этого удара. Это — смерть.

К о р о л ь

Прошу перенести меня отсюда
В другую комнату и не шуметь.

Уходят.

СЦЕНА 5

Другая комната во дворце.

Король Генрих в постели. Вокруг него Кларенс, Глостер, Уорик, офицеры, пажи и свита.

Король

Потише, милые друзья. А впрочем,
Спокойной музыке я был бы рад.
Она б меня немножко усыпила.

Уорик

Велите рядом где-нибудь играть.

Уходят два пажа.

Король

Корону положите на подушку.

Кларенс

Ах, как ввалились у него глаза!
Он изменился.

Уорик

Тише, тише, тише.

Музыка за сценой. Король засыпает. Входит принц
Генрих.

Принц

Вы не видали Кларенса?

Кларенс

Я здесь

И в страшном горе.

Принц

За порогом — солнце,
А в доме — слезы, дождь? Что с королем?

Глостер

Он очень плох.

Принц

Про новости он слышал?

Порадуйте его.

Г л о с т е р

Он их слышал,

И в забытьи.

П р и н ц

Ну, если он забылся

От счастья, то проснется без лекарств.

У о р и к

Потише, принц, не говорите громко,
Отец ваш, как мне кажется, уснул.

К л а р е н с

Уйдем из этой комнаты в другую.

У о р и к

Пойдемте, принц.

П р и н ц

Нет, я останусь здесь

И посижу при нем.

Все, кроме принца, уходят. Музыка прекращается.

Зачем корона

Здесь на подушке и мешает спать,

Тревожа близостью своей больного?

Лихая радость! Сладкая печаль!

Родник бессонниц! Сколько раз ночами

Из-за тебя томился он без сна!

В насмешку ли вас рядом положили?

Ты не ночной колпак на голове

Храпящего простого человека.

Владычество, твой ободок на лбу —

Как сталь кольчуги в жаркий летний полдень,

В которой можно заживо сгореть.

Но чу! Поблизости с его губами

Лежит пушинка. Если б он дышал,

Она бы шевелилась. Он не дышит!

(Становится позади кровати.)

Теперь я вижу сам, мой государь,

Как крепок сон твой. Это сон, который

Разъединил уж столько королев

Английских с этой самою короной.

Теперь мой долг перед тобой, отец,

Вздыхать, скорбеть, печалиться и плакать.

Природа и сыновняя любовь
Полны страданья и не поспеют.
А долг твой мне — вот этот твой венец.
Попробую надеть.

(Надевает корону.)

Корона впору.

Храни ее на мне, господь. Теперь
Хотя б весь свет простер за нею руки,
Клянусь тебе, отцу и королю,
Я никому ее не уступлю,
Полученного от тебя не кину
И, как святыню, завещаю сыну.

(Уходит.)

К о р о л ь
(просыпаясь)

Уорик! Глостер! Кларенс!

Уорик, Глостер, Кларенс и другие возвраща-
ются.

К л а р е н с

Вы нас звали?

У о р и к

Как чувствуете вы себя, милорд?
Что вашему величеству угодно?

К о р о л ь

Зачем меня, скажите, одного
Вы в комнате оставили, милорды?

К л а р е н с

Здесь был принц Уэльский. Он нам обещал,
Когда мы вышли, быть тут безотлучно.

К о р о л ь

Принц Уэльский? Где он? Пусть он подойдет.
Здесь нет его.

У о р и к

Он вышел. Дверь открыта.

Г л о с т е р

Мы были рядом. Он не проходил.

К о р о л ь

Кто взял мою корону? Где корона?

У о р и к

Когда мы выходили, государь,
Она лежала рядом на подушке.

К о р о л ь

Ее взял принц. Найдите мне его.
Он, видно, сон мой принял за кончину.
Какое нетерпенье! Этот шаг
В соединении с моей болезнью
Действительно ускорит мой конец.
Скорей его мне вызовите, Уорик.

Уорик уходит.

Вот ваша благодарность, сыновья!
Как быстро умолкает голос сердца,
Чуть только жадность в вас заговорит!
Так вот вы для кого, отцы-безумцы,
Губили сон раздумьями, мозги —
Заботами и мышцы рук — работой!
Вот с совестью зачем на сделки шли,
Копя ценой ужасной состоянья!
Вот для чего учили сыновей
Уму, наукам, мужеству, искусствам!
Бедняги, ваша участь — участь пчел.
С тяжелым воском в лапках, с медом в рыльцах.
Торопитесь вы в ульи к молодым,
Чтоб накормить скорей их и, как пчелы,
Быть уничтоженными за труды.
Достойная предсмертная награда
Детей — кончающемуся отцу!

Возвращается У о р и к.

Итак, где он, наследник деловитый,
Который в гроб вогнать меня спешит?

У о р и к

Милорд, он оказался рядом в зале.
Я принца горько плачущим нашел.
Будь даже я бесчувственным тираном,
Я б зарыдал при виде этих слез.

К о р о л ь

Зачем он от меня унес корону?

Возвращается п р и н ц Г е н р и х.

Вот сам он. Гарри, подойди ко мне.
Оставьте нас вдвоем. Покиньте спальню.

Уорик и другие уходят.

П р и н ц

Не думал я вас больше увидеть.

К о р о л ь

Ты выдал тайное свое желанье,
А я не умер и томлю тебя.
Ты так нетерпелив, что взял корону,
Когда для этого не пробил час!
Глупец, тебя раздавит бремя власти,
А ты так жадно тянешься к нему.
Не торопись. Мой королевский титул
Навис грозой. Довольно ветерка,
Чтоб на тебя нахлынул град сокровищ.
Мой день прошел. Тебе недолго ждать.
Зачем украл ты то, что часом позже
По праву подобало бы тебе?
Зачем ты подтвердил своим поступком,
Что раньше я всегда подозревал:
Что ты меня не любишь и хотел бы,
Чтоб умер я от этой нелюбви.
Ты отточил о каменное сердце
Кинжал бесчувствия, чтобы убить
Меня на полчаса хотя бы раньше.
Что нажил бы ты в эти полчаса?
Ну что ж, ступай и вырой мне могилу,
Назначь веселый колокольный звон
Не в знак того, что тихо я скончался,
Но в знак того, что коронован ты.
Не лей мне слез на гроб. Пусть при венчанье
Тебе миропомажут ими лоб.
Предай меня забвенью по заслугам.
Пусть точит червь родившего тебя.
Отставь моих судей, топчи законы!
Всем этим лишним тонкостям конец:
На королевском троне Генрих Пятый.
Долой труды! Да здравствует тщица!

Английский двор открыт вам, дармоеды.
Сюда, сюда, бездельники всех стран!
Соседи, избавляйтесь от отбросов!
Найдись у вас какой-нибудь буян,
Обжора, вор, пропойца, ругатель,
Головорез, обманщик, душегуб,
Который изощрился в преступлениях
И совершает их на новый лад,
Вздохните легче! Я вас поздравляю:
Он больше вам не будет докучать.
Пусть едет в Англию. Он там получит
Почет и должность. Там покроет он
Двойной позор тройною позолотой.
Там Генрих Пятый отдал диким псам
В добычу беззащитную невинность,
И низким вождельням нет преград.
Когда и я не спас своей заботой
Тебе от безначалья, бедный край,
Несчастное, больное королевство,
Что станется с тобою в дни, когда
Твоей заботой станет безначалье?
Ты будешь дикой чащею, как встарь,
Трущобой, населяемой волками.

П р и н ц

Простите, государь. Я б мог давно
Остановить поток упреков ваших.
Они бы не зашли так далеко,
Когда б не эти тягостные слезы,
Которые мешают говорить.
Вот ваш венец. Пусть долго царь небесный
Хранит его на вашей голове.

(Становится на колени.)

Он дорог мне как отблеск вашей славы,
Как память, как частица вас самих,
Я в нем не вижу ничего иного,
А если нет, чтоб мне живым не встать.
Как сжалось сердце у меня при виде
Вас без дыханья, знает только бог!
Пусть он меня накажет, если это
Не так, пусть я ничтожеством умру,
Не отличившись, ничего не сделав.
Так вот, уже не чая вас в живых
И сам едва живой при этой мысли,

Я обратился к вашему венцу
С такою обвинительною речью:
«Корона, попечение о тебе
Сгубило моего отца здоровье.
О золото червонной чистоты,
Ты хуже золота неполной пробы!
Его дают в растворе пить больным,
А ты возносишь ввысь и убиваешь».
Так я стыдил корону и надел
Ее как образ вражьего начала,
Похитившего у меня отца,
Чтоб продолжать борьбу с ней, как наследник.
Но если торжество зажгло мне кровь
И гордость переполнила мне сердце
И я в короне на единый миг
Увидел средство к вожделенной цели,
Пускай меня лишит ее господь
И сделает последним из последних,
Обязанных склоняться в прах пред ней.

К о р о л ь

Тебя господь, наверно, надоумил
Унести ее, чтоб повод получить
Еще сильнее этим оправданьем
Завоевать потом мою любовь.
Встань, Гарри.

Принц поднимается.

(Обнимает его.)

Сядь поближе у кровати.
Я на прощанье дам тебе совет,
Последний мой совет, наверно, в жизни.

Принц садится возле короля.

Бог ведает, какими, милый сын,
Извилистыми, темными путями
Достал корону я, как весь мой век
Она мне лоб заботой тяжелила.
К тебе она спокойно перейдет,
Открыто и без споров, с бóльшим правом.
Секрет того, благодаря чему
Я взял ее, я унесу в могилу.
Она казалась на моем челе
Захваченной насильно. То и дело

Напоминал мне после кто-нибудь,
Что и ему венчаньем я обязан.
Такие споры каждый день вели
К междоусобьям и кровопролитью,
И мир в стране был только мнимый мир.
Ты видел, я всегда держался с честью,
Но жизнь моя с начала до конца
Явилась пьесою на эту тему,
И, верно, только смерть моя теперь
Изменит содержанье. Стало правом,
Что силой я когда-то захватил.
Ты мой прямой наследник. И однако,
Как твердо б ни стоял ты на ногах,
Шатка тебе оставленная почва.
У всех, кого я в качестве друзей
Тебе препоручаю, лишь недавно
Я вырвал жала и спилил клыки.
Их мятежи мне дали власть. Их бунты
Всегда могли свалить меня. Одних
Я устранил с пути. Других вниманье
Хотел отвлечь войной в святой земле.
Поставь себе за правило, мой Гарри:
Наполни беспокойные умы
Походами, делами за границей,
Отправь подальше шумных непосед
И на чужбине дай им развернуться,
Чтоб прошлое забвеньем поросло.
Я много бы прибавил, но не в силах.
Дышу с трудом. О господи, прости,
Что сделал волей я и поневоле!
Дай сыну мирно править на престоле.

П р и н ц

Венец был ващ, милорд, и освящен
Делами вашими для всех времен.
Как он доньше не был обеспечен,
Так он и мне для славных дел завещан.

Входит п р и н ц Д ж о н Л а н к а с т е р с к и й.

К о р о л ь

Смотри, — Ланкастер!

Л а н к а с т е р

Доброго здоровья
И мира вам и счастья, государь!

К о р о л ь

Сын Джон, ты сам принес мне мир и счастье,
Здоровье ж отлетает от меня.
Мне свидеться с тобой недоставало,
И вот теперь я кончил все дела.
Где лорд Уорик?

П р и н ц

Уорик где?

Входят Уорик и другие.

К о р о л ь

Скажите,
Как зал зовут, где я лишился чувств?

У о р и к

Милорд, его зовут Ерусалимом.

К о р о л ь

Хваленье небу. Много лет назад
Мне предсказали смерть в Ерусалиме.
Я думал, что умру в Святой земле.
Но все равно. Опять перенесите
Меня туда и положите там.
Хоть это залы монастырской имя,
Я умереть хочу в Ерусалиме.

Уходят.

А К Т V

СЦЕНА 1

Глостершир. Комната в доме Шеллоу.

Входят Шеллоу, Фальстаф, Бардольф и паж.

Шеллоу Никуда вы, сэр, не уедете сегодня. Да
отзовешься ли ты, Деви?

Фальстаф. Прошу извинить меня, мистер Шеллоу.

Шеллоу. Не могу и не хочу. Никаких извинений. Извинения не принимаются. Извинения не помогут. Деви, да ответишь ли ты?

Входит Деви с бумагами.

Деви. Что прикажете, сэр?

Шеллоу. Вот что, Деви, вот что, дай-ка вспомню. Да, вспомнил, Деви. Повара мне сюда. Позови сюда повара Вильяма, Деви. Нет, нет, сэр Джон, не могу и не желаю извинить.

Деви. Вот какая вещь. Эти акты о взыскании недействительны. А потом насчет полос. Чем мы будем засеять крайнюю пашню? Пшеницей?

Шеллоу. Пшеницей, Деви. Яровою пшеницей. Но перейдем к повару. Как у нас с молодыми голубями?

Деви. Кое-какие наберутся. Вот счет из кузницы. За сошник и подковы.

Шеллоу. Подсчитай и заплати. Нет, сэр Джон, никаких извинений.

Деви. Требуется новая цепь к колодезному ведру. А потом еще вот что. Помните, Вильям потерял мешок на ярмарке? Прикажете выгнать из жалованья?

Шеллоу. Обязательно. Он должен возместить. Стало быть, несколько голубей, Деви, пару курочек-коротконожек, баранью ногу и какого-нибудь гарниру. Вильям сам знает.

Деви. Этот офицер останется ночевать?

Шеллоу. Само собою, Деви. Надо оказать ему гостеприимство. Как говорится, своя рука при дворе лучше своей копейки в кармане. Ублажай его людей, Деви, а то они наябедничают ему и постараются смешать тебя с грязью.

Деви. Точь-в-точь с чем они сами смешаны. Вы посмотрели бы на их нижнее белье!

Шеллоу. Остроумно, остроумно. Однако не теряй времени. За работу, Деви.

Деви. Пожалуйста, сэр, дайте возможность Вайзору из Уинктома сыграть дело, возбужденное против него Клементом Перксом из Хилля.

Шеллоу. Невозможно. На Вайзора тысяча жалоб. Этот Вайзор — отъявленный мошенник.

Д е в и. Конечно, мошенник, ваша милость, никто не спорит. Потому я и прошу за него. Честный человек сам за себя постоит. Неужели нельзя этого сделать ради меня? Я восемь лет служу вам верой и правдой, и вы не можете раза три-четыре в полугодие поддержать ради меня мошенника против честного человека? Что же я тогда для вас значу? Этот мерзавец — мой близкий друг. Сделайте одолжение, оправдайте его.

Ш е л л о у. Успокойся. Ему не будет худа. Займись поручениями, Деви.

Деви уходит.

Где вы, сэр Джон? Так, так, так, так. Долой сапоги. Устраивайтесь полегче. Вашу руку, мистер Бардольф.

Б а р д о л ь ф. Большое удовольствие видеть вас, ваша милость.

Ш е л л о у. Благодарю, добрый друг Бардольф. (Пажу.) Здравствуй, великан. Пойдемте, сэр Джон!

Ф а л ь с т а ф. Сейчас приду, милый мистер Шеллоу.

Шеллоу уходит.

Бардольф, посмотри за лошадьми.

Бардольф и паж уходят.

Если бы меня распилили на мелкие части, из меня вышло бы сорок восемь жердей с мочалкой, как этот Шеллоу. Бог знает, до чего спелись он и его люди! Каждый из них суетлив и бестолков, как он, а он глуп и угодлив, как его дворня. Эти люди держатся стаей, как дикие гуси. Вот что делает постоянное общенье. Манеры так же заразительны, как болезни. Если бы у меня было дело в этом суде и я должен был бы перед ними заискивать, я бы всем им льстил тем, что принимал бы их одного за другого. Этого Шеллоу хватит мне на увеселение принца Генриха в продолжение шести зим, что равняется четырем вексельным срокам и двум годам сиденья по ним в долговой тюрьме. Он будет хохотать без перерыва до тех пор, пока его лицо не сморщится, как мятый дождевой плащ.

Ш е л л о у (за сценой). Сэр Джон!

Ф а л ь с т а ф. Иду, иду, мистер Шеллоу. (Уходит.)

СЦЕНА 2

Вестминстер. Комната во дворце.

С разных сторон входят Уоррик и верховный судья.

Уоррик

Куда, милорд судья?

Верховный судья

Как королю?

Уоррик

Гораздо легче. Кончились заботы.

Верховный судья

Надеюсь, он не умер?

Уоррик

Он ушел

Путиами плоти. Больше он не с нами.

Верховный судья

Зачем его величество не взял
Меня с собою! Неподкупной службой
В его правленье нажил я врагов.
Мне будут мстить.

Уоррик

Вас, кажется, не любит

Теперешний король.

Верховный судья

Да, говорят.

Я подготовлен к худшему на свете,
И жизнь моя не будет тяжелей,
Чем я ее в воображенье вижу!

Уоррик

Вот Генриха умершего три сына.
Когда бы новый Генрих чем-нибудь
Был с ними схож, как много прежней знати
Осталось бы на должности! А так
Она уступит место всякой рвани.

Верховный судья

Боюсь, что нам не миновать беды.

Входят Ланкастер, Кларенс, Глостер, Уэстморленд
и другие

Ланкастер

Лорд Уорик, с добрым утром.

Глостер и Кларенс

С добрым утром.

Ланкастер

От слез мы разучились говорить.

Уорик

Или умеем, но предмет беседы
Так горек, что понятен всем без слов.

Ланкастер

Так царствие небесное тому,
О ком мы так горюем.

Верховный судья

Не пришлось бы

Со временем нам горевать сильней.

Глостер

Вы потеряли истинного друга.
Скорбь ваша велика, милорд судья.

Ланкастер

Хотя, что будет завтра с нами всеми,
Неведомо и нам, милорд судья,
У вас мрачней на будущее виды.

Кларенс

Теперь придется вам Фальстафу льстить,
А это не в природе вашей, сударь.

Верховный судья

Я, дорогие принцы, поступал
Всегда, как мне подсказывала совесть.
Ни перед кем не буду шеи гнуть,
Чтобы виниться в том, в чем я невинен.
А если честность пагубна теперь,

Отправляюсь за покойным государем
И расскажу, кем послан вслед за ним.

У о р и к

Вот государь.

Входит король Генрих Пятый со свитой.

В е р х о в н ы й с у д ь я

Да здравствует король!
Бог вашему величеству на помощь.

К о р о л ь

«Величество» хоть дорогой убор,
Но с непривычки очень неудобный.
Но, братья, отчего у вас в глазах
Помимо скорби страх? Наш двор — английский,
А не турецкий двор. Не Амурат
Вступает на престол за Амуратом,
А Генрих вслед за Генрихом. Пускай
Печаль мрачит ваш взор. Она прилична.
Как не скорбеть мне тоже об отце?
Но это общий траур. Огорчаться
В отдельности у вас причины нет.
Клянусь, я буду вам отцом и братом.
Платите мне любовью, а взамен
Вам обеспечена моя забота.
Мы слезы льем о том, что Генрих умер,
Но Генрих жив, который их утрет
И превратит унынье в ликование.

П р и н ц ы

От вас другого не могли мы ждать.

К о р о л ь

И все же вы смотрите как-то странно.
И, верно, вы, милорд, убеждены
В моем особом нерасположенье?

В е р х о в н ы й с у д ь я

Уверен, хоть его не заслужил,
Когда меня судить нелицемерно.

К о р о л ь

А дерзость ваших выходов со мной
Пройдет для вас, вы думаете, даром?

Бранить, порочить и сажать в тюрьму
Наследника английского престола?
Легко ль мне было это перенести?
И вы моей вражды не заслужили?

В е р х о в н ы й с у д ь я

Тогда в своем лице я представлял
Особу вашего отца, подобье
Его величества. На мне лежал
Монаршей власти отблеск. В это время,
Когда я был на должностном посту
И воплощал законность и порядок,
Милорд, угодно было вам забыть
Приличье, святость места, государя,
Которого я олицетворял,
И действием нанести мне оскорбленье.
Тогда я приказал вас задержать
На основанье данного мне права
За оскорбленье вашего отца,
И если был не прав, перенесите
Все выводы отсюда на себя.
Готовы будьте радоваться сыну,
Который будет обращать в ничто
Установленья ваши, издеваться
Над святостью судилищ и судей
И притуплять суровый меч закона, —
Нет, — обливать презреньем вас самих
В чужом лице. На миг себя поставьте
На это место. Как бы отнеслись
Ко мне вы сами, если бы при виде
Неуваженья к власти, глухоты
К закону и забвенью чувств сыновних
Я, сторож ваших королевских прав,
Тихонько бы пробрал такого сына
И несколько его бы обуздал?
Взгляните хладнокровно и скажите,
Что я в тот раз такого совершил,
Что мне как подданному не пристало
Или не подобало как судье?

К о р о л ь

Вы были правы, лорд судья. Вы честно
Вели себя. Держите впредь в руках

Весы и меч. Дай бог нам дни увидеть,
Когда мой сын обидит вас, как я,
И тоже должен будет подчиниться.
Тогда я повторю слова отца:
«Я рад иметь судью, который судит
Бесстрашно сына моего. Я рад
Тому, что сын мой, несмотря на титул,
Себя закону в руки отдает».
Меня вы к заключенью присудили,
А я вам присуждаю меч судьи,
Который вы носили так достойно.
Пускай и дальше отличают вас
Правдивость, беспристрастие и смелость,
Доказанные случаем со мной.
Вот вам моя рука. Пока я молод,
Судья, прошу вас, будьте мне отцом.
Да будет мне наставником ваш голос,
А я вас буду слушаться во всем.
Еще скажу: с отцом в могилу, принцы,
Зарыл я прошлые свои грехи.
Отец лежит в их буйном окруженье,
А мне оставил свой спокойный ум.
Наперекор молве и предсказаньям
Гадальщиков, судивших обо мне
По внешности, я изменился в корне.
Кровь поднималась до сих пор во мне
С надменностью реки в часы прилива,
Но вот настал отлив. Она идет
На убыль, и теперь ее поверхность
Сольется с должным уровнем вокруг.
Мы созовем парламент. Изберемте
Таких людей, чтобы с успехом стать
По образу правленья средь народов
Всех лучше управляемых, чтоб нас
Война и мир врасплох не заставляли.
(Верховному судье.)

Вы будете в совете старшиной.
Как я сказал, мы соберем палаты
Вслед за коронованьем. Заживем
Так, чтобы сообща у всех в веселье
Дни долго-долго без забот летели.

Уходят.

СЦЕНА 3

Сад судьи Шеллоу.

Входят Фальстаф, Шеллоу, Сайленс, Девин, Бардольф и паж.

Шеллоу. Нет, куда вы? А мой сад? Вы его еще не видели. Мы заберемся в беседку. Туда нам подадут пирог с яблоками моей прививки. И так далее, и так далее. Где вы, Сайленс? А потом на боковую.

Фальстаф. Хорошо у вас, ей-богу. И такое богатство!

Шеллоу. Что вы, бедность, бедность, сэр Джон. Нищие мы, нищие. Ну, конечно, простор, воздух, ничего не скажешь. Накрывай, Девин, на стол, накрывай.

Фальстаф. Этот Девин у вас — настоящая находка. Он и управляющий, он и слуга.

Шеллоу. Хороший слуга, хороший, ничего не скажешь. Клянусь богом, я хватил лишнего за ужином, сэр Джон. Хороший слуга. Теперь пожалуйте. Садитесь. Ну-ка, куманек.

Садятся за стол.

Сайленс. Сию минуту, черт меня побери. Сейчас, ей-богу. *(Поет.)*

Вот те штоф и горя мало,
Вот те хлеба каравай,
Пей и кушай до отвалу,
Веселись, не унывай,
Веселись напропалую,
Наудалую гуляй.

Фальстаф. Вот это я понимаю! Ваше здоровье, Сайленс!

Шеллоу. Налейте Бардольфу, Девин.

Девин. Садитесь, милейший, присядьте. Сейчас я приду. Садитесь. Мистер паж, милый мистер паж, садитесь.

Бардольф и паж садятся за особый стол.

Кушайте на здоровье. Если закуски и недостаточно, зато вина сколько угодно. Не обессудьте. Чем богаты, тем и рады. *(Уходит.)*

Шеллоу. Веселей, мистер Бардольф! *(Пажу.)* Веселей, мой маленький солдат!

С а й л е н с
(поет)

Гуляй без жены, веселись без постылой,
Что баба, то ведьма, хоть вон волоки!
Гуляй, веселись без стесненья, кутилы,
И песне подтягивай, весельчаки!

Ф а л ь с т а ф. Вот это я понимаю! Никогда я не думал, что мистер Сайленс такой притккий.

С а й л е н с. Кто, я? Раз или два в жизни я так был весел, что небу было жарко.

Возвращается Д е в и.

Д е в и. Вот тарелка яблок, кушайте, пожалуйста.

Ш е л л о у. Деви!

Д е в и. Сию минуту. (Бардольфу.) Сейчас ворочусь. Прикажете налить, сэр?

С а й л е н с
(поет)

За здоровье ненаглядной
И за наш союз
От стакана виноградной
Я не откажусь.

Ф а л ь с т а ф. Ай да мистер Сайленс!

С а й л е н с. Гулять так гулять, господа! Еще ночь впереди.

Ф а л ь с т а ф. Многая лета, мистер Сайленс!

С а й л е н с
(поет)

За дружбу бочки пьют.
За вас, мой друг любезный,
Я б осушил сосуд
Величиною в бездну.

Ш е л л о у. Ваше здоровье, почтеннейший Бардольф! Сами виноваты, если вам не угодили! Зачем молчали? (Пажу.) Будь тоже здоров, маленький проказник! Пью за мистера Бардольфа и за всех добрых молодцов города Лондона.

Д е в и. Лондон, вот куда бы я хотел попасть хоть раз в жизни!

Б а р д о л ь ф. А я бы хотел с вами встретиться там!

Шеллоу. Небось вы бы с ним лицом в грязь не ударили? А, мистер Бардольф, не так ли?

Бардольф. Еще бы. Раздавили бы косушку! Тарарахнули бы за мое почтение!

Шеллоу. Имейте в виду, вы Деви не знаете. Этот себя в обиду не даст. Не таков.

Бардольф. Ну, да и мы не лыком шиты.

Шеллоу. Крепко королевское слово. Ну, кушайте, ни в чем не отказывайте себе.

Стук в дверь.

Погляди, кто это, Деви.

Деви уходит.

Фальстаф. (*Сайленсу, выпившему перед тем большой кубок*). Ну, спасибо. Теперь мы квиты.

Сайленс. Тогда, как в песне. (*Поет.*)

Меня в магистры винопитья
При всем синклите посвятите!

Так, кажется?

Фальстаф. В точности так.

Сайленс. После этого говорите, что старики ничего не стоят!

Возвращается Деви.

Деви. Ваша милость, приехал некий Пистоль с новостями из дворца.

Фальстаф. С новостями из дворца?

Все встают.

Впусти его.

Входит Пистоль.

Здорово, Пистоль!

Пистоль. Храни вас бог, сэр Джон.

Фальстаф. Какой ветер занес тебя сюда, Пистоль?

Пистоль. Из тех, которые дуют к добру. Дорогой рыцарь, вы у нас теперь одна из величайших фигур в королевстве.

Сайленс. Кроме фигуры великана Пуфа из Барсона. Тот крупнее.

Пистоль. Пуф?

Пошли вы лучше с вашим. Пуфом к черту!
Сэр Джон, я — Пистоль, я ваш друг и брат.
Я голову сломя сюда к вам мчался.
Я новости, я радости привез,
Молву о счастье, золотые вести!

Ф а л ь с т а ф. Скажи это по-человечески.

П и с т о л ь

Долой земное! Прочь земную прозу!
Я полон целой Африки чудес!

Ф а л ь с т а ф

Ну тогда смотри не прогневайся:
Почто молчишь, презренный ассириец?
Ответствуй королю Кофетуа.

С а й л е н с

(поет)

И Робин Гуд, и Джон, и Скарлет...

П и с т о л ь

Что слышу я? С навозной кучи пес
Певцу небес свой вздор горланить смеет?
Тогда на помощь, фурии, ко мне!

С а й л е н с. Виноват, милостивый государь, я не
знаю вашего званья.

П и с т о л ь. Так плачь и на себя пеняй, несчастный!

Ш е л л о у. Извините, сэр. Если вы с новостями от
двора, то, по-моему, одно из двух: либо вы их хотите
рассказать, либо нет. А так как, в некотором роде, я —
судья, получивший от короля...

П и с т о л ь

От короля? Какого короля?
Сознайся иль умри, богоотступник!

Ш е л л о у

От Генриха.

П и с т о л ь

Какого, говори!
Четвертого иль Пятого? Какого?

Ш е л л о у

Четвертого.

П и с т о л ь

Так грош тебе цена!
Сэр Джон, король теперь — ваш кроткий агнец.
На троне Генрих Пятый. Если вру,
Так съестъ мне шиш, как говорят испанцы.

Ф а л ь с т а ф. Что ты говоришь? Старый король
умер?

П и с т о л ь

Он умер, и теперь он — хладный труп.

Ф а л ь с т а ф. Бардольф! В путь! Седлай лошадей.
Мистер Шеллоу, выбирайте любую должность, она ваша.
Пистоль, я осыплю тебя почестями.

Б а р д о л ь ф. Вот это действительно, что называется,
денечек! Пожалуют меня дворянством, я скажу — мало.

П и с т о л ь. Ну что, сэр Джон, довольны вы вестями?

Сайленс падает со своего стула.

Ф а л ь с т а ф. Уложите мистера Сайленса спать.

Сайленса уносят.

Мистер Шеллоу, милорд Шеллоу, все пути вам теперь
открыты. Отныне я — распорядитель вашей судьбы.
Где ваши сапоги? Одевайтесь живей. Нам предстоит ска-
кать всю ночь. Живее, Бардольф.

Бардольф уходит.

Душка Пистоль, расскажи мне что-нибудь еще. Выбери
себе какую хочешь награду. А вы все еще без сапог, Ше-
ллоу? Живей, живей. Молодой король, наверное, сгора-
ет от нетерпения меня увидеть. Требуйте лошадей у ко-
го угодно. Все законы Англии к моим услугам. Блажен-
ны все, дружившие со мной, и горе лорду верховному
судье. Этому несдобровать.

П и с т о л ь

Пусть коршуны клюют ему кишки.
«Куда ушли вы, дни мои золотые?» —
Так спросит он, а мы ему в ответ:
«На нашей улице отныне праздник».

Уходят.

СЦЕНА 4

Лондон. Улица.

Полицейские тащат трактирщицу и Доль Тершит.

Трактирщица. Потихше. Не пихайся, невежа. Вот я разорвусь от злобы на тебя, и тебя повесят. То-то я буду рада. Ты плечо мне вывихнул, грубиян!

Первый полицейский. Так нам приказало начальство. Ничего не поделаешь, придется ей всыпать. По ее милости человека убили или двух. И чтобы все вам с рук сходило?

Доль. Врешь, врешь, вислоухий. Ну, погоди! Если я выкину ребенка, которым беременна, лучше было бы тебе, долговязый, побить родную мать, чем дотронуться до меня.

Трактирщица. Если она выкинет, вы будете иметь дело с сэром Джоном. Он на вас места живого не оставит!

Первый полицейский. Если она выкинет, вам в спальню к одиннадцати подушкам вернется недостающая двенадцатая, которая у ней подложена на животе. Ну, пошевеливайтесь! Забили с Пистолем до смерти человека, и все это будет сходить вам с рук?

Доль. Ну, погоди, висляй ты этакий, оглобля, не миновать тебе болтаться по-другому! Вздернут тебя за мои страдания, вздернут, помяни мое слово. Вздернут, анафема, моща посинелая, исправитель нравов! А не вздернут, не носить мне больше передников с оборками!

Первый полицейский. Ну, ну, шагом марш, удалая богатырша!

Трактирщица. Батюшки, батюшки! И терпеть такое надругательство! Нет, нет, отольются кошке мышинные слезки.

Доль. Ну, хорошо, разбойник. Веди меня сейчас же к судье, и чтобы меня немедленно выслушали.

Трактирщица. Ищейка паршивая!

Доль. Что же ты стоишь, вешалка!

Трактирщица. Сущий стилет у аптекаря!

Доль. Пошли, костяная нога, двигайся.

Первый полицейский. Да пойдете же!

Уходят.

Площадь близ Вестминстерского аббатства.

Стечение народа. Два служителя разбрасывают по площади камыш.

Первый служитель. Мало. Надо еще.

Второй служитель. Уже два раза трубили.

Первый служитель. Хотя они выйдут с коронации не раньше двух часов, надо торопиться.

Уходят.

Входят Фальстаф, Шеллоу, Пистоль,
Бардольф и паж.

Фальстаф. Стойте возле меня, мистер Роберт Шеллоу. Я представлю вас королю, когда он пройдет мимо. Я ему подмигну, а вы обратите внимание, какое лицо он скорчит мне в ответ.

Пистоль. Пошли вам бог всяких благ, добрый рыцарь!

Фальстаф. Поди сюда, Пистоль. Стань позади меня. *(Обращается к Шеллоу.)* Ах, все случилось так скоро! Если бы у меня было время, я бы заказал своим людям новые ливреи на ту тысячу, которую у вас занял. Впрочем, не важно. Не правда ли, наш скромный вид еще больше доказывает мое нетерпение его увидеть.

Шеллоу. Конечно.

Фальстаф. Мою преданность.

Шеллоу. Конечно.

Фальстаф. Мою привязанность.

Шеллоу. Конечно, конечно.

Фальстаф. Человек скачет, так сказать, день и ночь, ни о чем не думая, ничего не помня. Он не имеет времени переодеться.

Шеллоу. Совершенно верно.

Фальстаф. И вот он стоит в брызгах дорожной грязи в толпе на улице, сгорая от желанья его увидеть. И только об этом думает, и только это и знает, как будто бы не было ничего другого в мире.

Пистоль. Это — преданность, равной которой нет и не было на свете.

Шеллоу. Верно, Пистоль.

П и с т о л ь

Ну, а теперь, мой благородный рыцарь,
Я бешенством тебя воспламеню!
Елена грез твоих прекрасных, Долли,
Заточена в вонючую тюрьму.
Бездушной стражи дерзостные руки
Ее туда насильно волокли.
Явись из мрака бездн, змея Алектю,
За Долли мстить! Порокой Пистоль в том.

Ф а л ь с т а ф. Я освобожу ее.

Трубы и крики за сценой.

П и с т о л ь

Я слышу моря шум и рокот труб.

Входят король Генрих V, принцы, граф Уэст-
морленд, верховный судья и остальные
члены королевской свиты.

Ф а л ь с т а ф

Да здравствует мой Гарри, мой король!

П и с т о л ь

Да здравствует венчаный отпрыск славы!

Ф а л ь с т а ф

Счастливо царствуй, милый мальчуган!

В е р х о в н ы й с у д ь я

Вы очумели? Сознаете ль вы,
Что мелете?

Ф а л ь с т а ф

Король мой! Мой Юпитер!
Я говорю с тобой, любимец мой!

К о р о л ь

Прохожий, кто ты? Я тебя не знаю.
Молись усердней, старый человек.
Седые волосы, а сам как дурень.
Такой же долго снился мне старик,
Как ты, беспутный, спившийся и толстый.
Я позабыть стараюсь этот сон.
Прибавь ума и сбавь немного жиру.

Оставь обжорство. Помни, что тебя
Ждет втрое шире, чем других, могила.
Не думай отщутиться, как всегда.
Знай, я не то, что был, и свет увидит,
Что как отверг я прежнего себя,
Так от знакомцев прежних отвернулся.
Когда тебе расскажут, что опять
Я опустил, можешь возвратиться
И снова быть беспутству вожаком,
А до тех пор тебя я изгоняю
Под страхом смерти прочь на десять миль
И всех, кто совращал меня с тобою.
Чтоб вас на преступленье не толкать,
Я обеспечу вам существованье.
Кто к лучшему изменится, найдет
Работу по способностям и силам.
Распорядитесь, господин судья,
О точном исполнении приказа.

Король со свитой уходят.

Ф а л ь с т а ф. Мистер Шеллоу, я вам должен тысячу фунтов.

Ш е л л о у. Совершенно верно, сэр Джон. Я еду сейчас домой и прошу вернуть их.

Ф а л ь с т а ф. Это невозможно, мистер Шеллоу. Но не огорчайтесь. Он тайно пришлет за мной. Поймите, таким он должен казаться перед другими. Не отчаивайтесь относительно своего будущего. С моей помощью вы станете личностью с весом.

Ш е л л о у. Не вижу средства. Разве что вы уступите мне свой камзол и набьете его соломой. Милый сэр Джон, верните мне из моей тысячи хоть пятьсот фунтов.

Ф а л ь с т а ф. Сэр, я дал вам честное слово. Не бойтесь. То, что вы сейчас видели, одна комедия.

Ш е л л о у. Как бы эта комедия не затянулась до вашей смерти.

Ф а л ь с т а ф. Это одна комедия. Пойдемте обедать. Пойдемте, лейтенант Пистоль. Пойдем, Бардольф. Вечером меня туда позовут.

Возвращаются принц Джон, лорд верховный
судья и стража.

Верховный судья

Ступайте отведите сэра Джона
И собутыльников его в тюрьму.

Ф а л ь с т а ф

Милорд, милорд!

В е р х о в н ы й с у д ь я

Сейчас я очень занят.

Я вызову вас скоро на допрос.

Ведите их.

П и с т о л ь

Se fortuna mi tormenta,

Lo sperare mi contenta.

Все, кроме принца Джона и верховного судьи, уходят.

Л а н к а с т е р

Мне нравится решение короля.

Всей шайке он назначил содержание,

Но с глаз своих прогнал до той поры,

Пока они не станут поумнее.

В е р х о в н ы й с у д ь я

Решение исполнено.

Л а н к а с т е р

Король

Велел созвать парламент.

В е р х о в н ы й с у д ь я

Да, я знаю.

Л а н к а с т е р

Держу пари, что год не истечет,

Мы снарядим во Францию поход.

С согласия короля про это дело

Мне при дворе недавно птичка пела.

Идемте.

Уходят.





ЭПИЛОГ,
ПРОИЗНОСИМЫЙ ТАНЦОРОМ

Трепещу, низко кланяюсь и прошу слова. Трепещу, ибо на вас не угодишь, низко кланяюсь, ибо получил хорошее воспитание, прошу слова, ибо должен что-то сказать. Однако, если вы думаете услышать хорошую речь, вы жестоко обманетесь и погубите меня. Эта речь — моя собственная, ее не писал автор, и, кроме того, я, наверное, не сумею сказать ничего из того, что хотел бы сказать.

Итак, вот в чем дело. Недавно выступал я тут в конце одной провалившейся пьесы с просьбой простить мне этот провал и обещаньем показать лучшую. Я искренне верил в свои силы, так что если и эта пьеса не годится — это банкротство непредвиденное, и вы, мои кредиторы, страдаете не по моей вине. И опять я стою перед вами, и опять прошу вас рассчитаться со мной по пониженной расценке, и опять, как все должники, готов обещать вам с три короба.

Но, может быть, мой язык не умиловил вас, и вас более убедят мои ноги танцора? Было бы слишком легким выходом сплясать вам что-нибудь в погашение своего театрального долга, но во всех вещах главное дело — совесть, а она чиста у меня.

Милостивые государыни уже, наверное, на моей стороне, а если милостивые государи придерживаются другого мнения, значит, они против дам, — случай доселе небывалый в истории таких собраний. Еще одно слово, пожалуйста. Если вам еще не повредила наша жирная пицца, автор предполагает продолжать свою исто-

рию. В ней он опять выведет сэра Джона и покажет в забавных чертах прекрасную Екатерину Французскую. Насколько мне известно, Фальстаф умрет от сильной испарины, если ваше презрение еще не убило его. Кстати сказать, он и Олдкастл — совсем разные лица, и Олдкастл умер мучеником. Но я устал работать языком и обращаюсь к своему призванию. Когда ноги тоже устанут у меня, я пожелаю вам спокойной ночи, стану на колени, и мы помолимся за королеву. *(Уходит.)*



КОММЕНТАРИИ



УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ

«Укрощение строптивой» по замыслу целиком построено как пьеса внутри пьесы. Однако замысел исполнен не до конца: комедия начинается с того, что подгулявшему молодцу, в свою очередь, показывают комедию, видимо в назидание, и этот молодец по ходу представления высказывается. Но делает он это лишь однажды, после первой сцены первого акта, а затем его уже больше не видно и не слышно.

Разумеется, лишь нам не видно. На подмостках же шекспировского театра этот персонаж, мастеровой-лудильщик, возможно, так и продолжал сидеть, отпуская шуточки, тем более что рядом с ним прямо на сцене должны были находиться настоящие зрители, только из публики «почище», заплатившие за вход подороже. Этот персонаж являлся лицом как бы прямо из публики, пусть и не такой «чистой», но ведь и его, надо полагать, не зря по ходу дела наряжают в барское платье — чтобы смотрелся на одно лицо с привилегированной публикой. А внизу, возле подмостков, должны были толпиться зрители уж в точности такие же, как он, и они, несомненно, могли переговариваться между собой, обмениваясь впечатлениями.

Непосредственное взаимодействие со зрителем, чувствующим себя участником спектакля, — важнейшая особенность шекспировского театра. Это взаимодействие, как всякая конкретная ситуация, имело свои преимущества и свои пороки. Заряжая спектакль энергией, оно же эту энергию и ослабляло, если учесть, что со стороны зрителей возникало стихийное вмешательство в спектакль, просто помеха действию. Драматурги шекспировских времен, уважавшие свое ремесло, в том числе, конечно, сам Шекспир, постоянно на это жаловались, иногда — тем же зрителям, прося их вести себя посдержаннее. Необходимость подыгрывать зрителям

воспринималась авторами как нагрузка, нарушение законов искусства. Разумеется, не только нагрузка и не только нарушение. Жадная до зрелищ толпа у шекспировских подмостков, как семья, собравшаяся вместе за чтением диккенсовского романа, есть необходимое (и невозвратное) условие возникновения такого театра и таких романов. Странные, на наш вкус, стороны такого театра и слабости таких романов сформированы теми же условиями, что и выразительнейшие их стороны. Важнейшее из условий — необходимость и способность говорить со всеми. «Он писал для народа», как сказал о Шекспире литератор уже XVIII столетия, когда подобная всеобщность и непосредственность театром уже была утрачена, поэтому многое в шекспировских пьесах казалось непонятным.

На этот раз зрителю-персонажу, как и всем прочим зрителям, Шекспир решил показать сватовство и начало семейной жизни, сюжет животрепещущий. Тем более что уже существовала пьеса, называвшаяся «Укрощение одной строптивой» (правда, неизвестно, кем написанная). Свою пьесу Шекспир написал и показал в 1593—1594 годах. Пьеса не издавалась при жизни драматурга, но вошла в «первое фолио», сборник 1623 года.

Среди прежних русских переводов «Укрощения строптивой» следует отметить перевод А. Н. Островского, поначалу, как ни дико это звучит, возвращенный автору с пометами «около ста недопустимых мест» и следующим цензурским заключением: «Г-н Островский, известный уже своею грязною пьесою «Свои люди — сочтемся», запрещенной цензурой III Отделения и по высочайшему повелению, сделал и в настоящем случае неудачный выбор» (см.: Шекспир и русская культура. Под ред. М. П. Алексева. М., Наука, 1965, с. 499).

В советском шекспировском театре «Укрощение строптивой» стало классическим спектаклем в постановке А. Д. Попова в 1938 году на сцене Центрального театра Красной Армии.

Стр. 35. *Действующие лица.* — Их две группы, соответственно двум «спектаклям», которые включены Шекспиром в одну пьесу. Это — англичане, не просто современники, но даже земляки Шекспира, поскольку Интродукция разворачивается в его родном графстве Варвикшир. И это итальянцы, сошедшие — через английский перевод — со страниц Ариосто, великого поэта XV—XVI вв., автора комедии «Подмена»

(напоминающей по ситуации «Укрощение строптивой»). Италия, в том числе Падуя, «наук питомник», известная своими университетами, играла в ту эпоху роль законодателя взглядов, нравов, вкусов, стилей.

Стр. 36. *Загляни-ка в хроники.* — Старший шекспировский современник и отчасти земляк, переводчик и собиратель английской старины Рафаэль Холинshed издал в сотрудничестве с несколькими авторами «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии», долго служившие общедоступным источником по истории страны. Одно время Холинshed жил в родных местах Шекспира, там же, где разворачивается действие Интродукции, поэтому он мог быть лично знаком и Шекспиру, и многим местным жителям, в том числе такому ремесленнику, как Роберт Слай. Во вступительной статье к нашему изданию уже указано, что Слай, путая имя Вильгельма Завоевателя, видно, плохо помнит те самые источники, в которые советует заглянуть другим. Но Слай, т. е. Озорник, это отбившийся от своего дела человек, а вообще в среде, родственной Шекспиру, все больше становилось грамотных и все больше читали. И в хроники действительно заглядывали, причем не из досужего любопытства, а ради того, чтобы ссылками на прошлое утвердить свое нынешнее положение, как это в принципе понимает и бездельник Слай, желающий лежать, где уж улегся.

Проходи, Иеронимо... погрейся. — Слай, как видно, не только читатель, пусть и поверхностный, но еще и зритель: он цитирует, хотя опять-таки неточно, реплику из наиболее популярной пьесы той поры — «Испанской трагедии» Томаса Кида: в ней изображалась «плачевная смерть старого Иеронимо». «Испанскую трагедию» так и называли «Иеронимо», то была истинная трагедия «грома и крови», с одиннадцатью убийствами. Она держалась на сцене в течение всей шекспировской эпохи, на нее так или иначе ориентировались все драматурги. Шекспир не только упоминает «Испанскую трагедию» не один раз, она использована как источник в «Гамлете».

Стр. 40. *Паж Бартоломью.* — В списке действующих лиц имя пажан не было указано.

Стр. 42. *Разве я не Кристофер Слай... во всем христианском мире.* — Совершенно конкретное указание на место действия Интродукции — в окрестностях Стрэтфорда, как установили исследователи, отыскавшие селение Бертон-на-пустошах в пятнадцати милях к югу и деревушку Уинкот в четырех милях к юго-западу от родного города Шекспира.

В том и другом месте, соответственно, жили, как в свою очередь установлено, Слай и Хеккетты. Таким образом, данная реплика может служить одним из точнейших подтверждений слов Ф. Энгельса о Шекспире: «Где бы ни происходило в его пьесах действие — в Италии, Франции или в Наварре, — по существу, перед нами всегда Merry England (Веселая Англия. — *Ред.*), родина его чудаковатых простолюдинов, его умничающих школьных учителей, его милых, странных женщин; по всему видишь, что действие может происходить только под английским небом» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 1-е изд., т. II, с. 59—60). Существенно, что такое впечатление, содержащееся в ранней работе Энгельса «Ландшафты», сложилось у него во время путешествия по Англии, когда стало видно, сколько в творчестве Шекспира, при его вселенском размахе, содержится местного материала, со стороны и незаметного. Соотечественникам местный колорит шекспировских пьес виден, естественно, в еще большей степени, чуть ли не на каждом шагу. Шекспир говорит с англичанами каждым словом, каждым именем и названием, а в то же время это язык все больше устаревающий; зарубежный же зритель или читатель локальных оттенков в Шекспире почти не замечает, зато язык переводов, неизбежно и постоянно модернизируемый, приближает к нам Шекспира гораздо больше, чем это есть на самом деле. Поэтому Шекспир и на английской сцене, и в английской критике это как бы несколько иной драматург по сравнению с тем, какого знает весь остальной мир. Лишь в последнее время под воздействием международных театральных фестивалей и под наплывом туристов англичане начали толковать Шекспира в «международном ключе», что, надо отметить, в их же среде вызвало протесты в защиту «своего Шекспира» (по выражению Дж.-Б. Пристли). Мы очень хорошо можем это понять, сравнивая всеобщее и свое собственное восприятие нашей классики.

Стр. 47. *Аристотелевы запреты... Овидием нельзя пренебрегать.* — Аристотель — теоретик искусства, Овидий — автор «Искусства любви». Аристотель считал вредным чрезмерное возбуждение, которое может быть вызвано художественным произведением, Овидий воспел сильнейшее из чувств. Транио, как и Слай, нахватался по верхам модной учености, которую черпали из античных авторитетов, не всегда верно понятых.

Стр. 49. *Минерва* — богиня мудрости.

Стр. 52. *...лишь Агенора... целовал Юпитер.* — Использо-

ется латинская форма греческого мифа о Европе, похищенной Зевсом.

Стр. 58. *Сивилла, Ксантиппа*. — Подразумеваются легендарно-мифологические символы худших женских свойств: прорицательница Сивилла — дряхлая старуха, жена Сократа Ксантиппа — сварлива.

Стр. 70. *...долго обучался в Реймсе*. — Французский город Реймс знаменит своим собором, а не университетом.

Стр. 79. *Гризельду превзойдет... Лукреция подобна*. — Гризельда — средневековый символ женской кротости, Лукреция — непорочности: обесчещенная, она покончила с собой. Шекспир написал поэму, которая так и называлась «Обесчещенная Лукреция».

Стр. 81. *Тирские ковры* — из Сирии, их ткали в Тире.

Стр. 84. *Вот здесь...* — Строки из «Героид» Овидия, далее следует их мнимый «перевод» в разговоре Люченцио с Бьянкой. Но Люченцио дает понять, что он знает цитируемый источник, приводя уже по-английски следующие две строки из тех же «Героид»: об Аяксе, потомке Эака.

Стр. 89. *...лошадь больна*. — В подлиннике все лошадиные недуги и недостатки перечисляются на специальном языке — взяты из ветеринарного пособия того времени. Не потому, конечно, что Шекспир разбирался в лечении лошадей, а потому, что и здесь отсылками к довольно известному в те времена первоисточнику он стремился создать впечатлительные общеизвестности и авторитетности им высказываемого.

Стр. 97. *Трехдюймовый* — маленького роста.

Стр. 99. *Синие куртки*. — Обычный цвет одежды слуг — синий.

Стр. 120. *...с исключительным правом печатанья*. — В самом деле право издания обеспечивалось в шекспировские времена занесением рукописи — после цензуры — в свод гильдии печатников. Это — ценнейший источник датировки произведений, в том числе пьес Шекспира.

Стр. 126. *Колет* — камзол.

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Титульный лист первого издания этой комедии свидетельствует о ее судьбе: «Сон в летнюю ночь». Как был он представлен множеством раз перед публикой слугами лорда-камергера. Написано Вильямом Шекспиром. Напечатано в Лондоне для Томаса Фишера и продается в его лавке под

знаком Белого Оленя на Флит-стрит. 1600 год». Это прежде всего свидетельствует о популярности, об успехе у зрителей. Каких зрителей? Упомянуты представления «перед публикой», то есть в общедоступном театре. Из текста же пьесы и некоторых других данных следует, что поначалу комедия предназначалась не для широкой публики, а была написана «на случай», по поводу свадьбы какого-то знатного лица и соответственно для показа в его доме.

Пьесу, сложившуюся у него в основном в течение 1592—1598 годов, Шекспир приспособлял к различным спектаклям: вписывал новые эпизоды или строки и не всегда сокращал старые, приуроченные к другим «случаям». Поэтому в пьесе имеется некоторая несогласованность, начиная с названия. «Сон в ночь чудес посредине лета» — вроде бы ясно, что действие должно разворачиваться на иванов день, 23-го июня, а говорится в пьесе о весеннем празднике, приходящемся на апрель—май.

Действующие лица пьесы это главным образом герои произведений, знакомых шекспировской аудитории, начиная с «Метаморфоз» Овидия и кончая «Кентерберийскими рассказами» Чосера. К ним присоединяются фигуры из английского фольклора и прямо из повседневности. Кроме того, в отношении лиц и ситуаций у Шекспира имелись долги перед своими собратьями-драматургами Робертом Грином и Энтони Мандеем. Короче говоря, «Сон в летнюю ночь» представляет собой карнавал знаменитых персонажей, сказку об известных сказках, включая мифы античности, легенды средневековья, позднейшие поверья, которые можно было услышать в шекспировские времена из любых уст, а также разные обычаи, в частности, правило мастеровых раз в год разыгрывать спектакль в честь святого, покровителя своего цеха. Поскольку мифология его времени была столь разнородной, постольку Шекспир и тут не заботился о согласованности. Например, Робин Добрый Мальый, строго говоря, должен быть домовым, а у него он выступает в роли лешего.

Полностью принадлежит Шекспиру сугубо современная и бытовая линия комедии — подготовка спектакля («спектакля в спектакле») ватагой ремесленников, которые исполнение своего обычая решили приурочить к общему празднику. Как и в других случаях, устраивая «сцену на сцене», Шекспир сравнивает разные театральные стили и оттеняет особенности своего театра. Он посмеивается над потугами горелюбителей разрушить сценическую условность, «по правде все открыть» и объявить, что «Лев совсем не лев». Для Шек-

спира суть не в наивном правдоподобию, а в умении «сказать по-настоящему», найти уместное выражение своего замысла.

Что особенно нравилось зрителям шекспировских времен, то в дальнейшем сделалось просто непонятым и вызвало недоумение, поэтому с конца XVII столетия и до середины 40-х годов XIX века пьеса шла на английской сцене в переделках, иногда поделенная на две пьесы: одну со сказочно-светской интригой и другую — о ремесленниках.

Объяснить, понять народно-фольклорную атмосферу шекспировской пьесы и ее единство сумели немецкие романтики — поэт Людвиг Тик и композитор Феликс Мендельсон, который написал музыку для постановки «Сна в летнюю ночь» в переводе Тика. В ту же романтическую пору «Сон в летнюю ночь» становится известен русским читателям: различные переводы пьесы появляются у нас начиная с 1830-х годов. Укрепившийся в нашем обиходе перевод заглавия комедии принадлежит Аполлону Григорьеву, поэту и критику. Эту комедию, конечно, знал Н. В. Гоголь, создатель сказочной повести «Вечер накануне Ивана Купала». Музыка к этой пьесе писал и П. И. Чайковский.

В начале нашего века два выдающихся английских режиссера и актера Бирбом Три и Грэнвиль-Баркер осуществили каждый свою постановку «Сна в летнюю ночь», «натуральную», с живыми кроликами и зеленой травой, и маскарадно-условную. Эти крайности постарался примирить уже на киноэкране выдающийся немецкий режиссер Макс Рейнгардт (1935). Своими усилиями мастера наших времен стремились воссоздать все ту же основу, на которой творил Шекспир: полусказочность-полуреальность, которую современники воспринимали как нечто само собой разумеющееся.

Действующие лица восходят к четырем основным источникам. Тезей, как и его невеста, царица амазонок Иполита, — герои древнегреческой мифологии, о них шекспировская аудитория и сам Шекспир знали из «Жизнеописаний» Плутарха, а также из «Рассказа рыцаря» в «Кентерберийских рассказах» Чосера (Тезей, по преданию, управлял Афинами, управлял мудро и справедливо, способствуя единению древнего мира, но «герцогом» он, конечно, не был: Афины стали герцогством в эпоху крестовых походов, — это одно из тех нарушений исторической достоверности, которыми была полна литература шекспировского времени). Имя царицы фей Титании — из «Метаморфоз» Овидия. Царь фей и эльфов Оберон — персонаж французского средневекового романа о Гюоне из Бордо (роман широко

читался англичанами в переводе). Прodelки Пека, Робина Доброго Малого были описаны в книге Реджинальда Скотта «Разоблачение колдовства», в свою очередь популярной.

Стр. 142. *Четыре дня* — вероятно, оставшиеся до той свадьбы, по случаю которой Шекспир готовил представление своей комедии. Называют по меньшей мере шестерых возможных виновников этого праздника, среди них на первое место выдвигается лорд Дерби, поскольку Шекспиру покровительствовали его дед и отец.

Стр. 143. *...тебя мечом я добыл.* — Согласно мифу, Тезей отвоёвал Ипполиту в битве с амазонками.

Стр. 144. *...монастырь... луне холодной гимны.* — Монастырей и монахинь в древних Афинах так же, как и герцогов, не было, и это очередной анахронизм, но Гермии угрожает, кроме того, участь жрицы богини-девственницы Дианы, олицетворявшей луну.

Стр. 146. *...боготворит... человека.* — Именно это выражение, означающее идолопоклонство, только в положительном смысле (употребленное Шекспиром еще раз лишь однажды), использовал Бен Джонсон, вспоминая самого Шекспира и отношение к нему немало числа современников. «Я и сам принадлежал к этим идолопоклонникам», — говорит Бен Джонсон, делая затем по адресу Шекспира ряд профессиональных замечаний.

Стр. 148. *...свершать обряды майским утром.* — Майский день праздновали и древние римляне (но не афиняне), и английские средневековые крестьяне. Хотя и по различным поводам, те и другие в этот день пели, танцевали, устраивали игры и состязания. Считалось, что в канун майского дня веселятся на своих свадьбах лесные эльфы и феи.

Клянусь крепчайшим луком Купидона... любовь связуют небеса. — Золотая стрела Купидона вызывала любовь, свинцовая — ненависть; голубки сопровождали Венеру, богиню любви; царица карфагенская Дидона после того, как троянец Эней покинул ее, бросилась в погребальный костер.

Стр. 149. *...едва узрит Фебея.* — Она же Феба, Диана, т. е. луна.

Стр. 151. *Комната в хижине.* — Эта, как и другие ремарки, в особенности обозначающие место действия, не принадлежат Шекспиру, они, по догадкам, вводились позднее. Прижизненные шекспировские издания, как и первый посмертный сборник, ограничиваются указанием на появление и уход действующих лиц. В шекспировских спек-

таклях действие совершалось на открытой сцене, без прерыва, лишь с переходом исполнителей из одной части постоянной декорации в другую.

«Прежалостная комедия... Пирама и Фисбы». — Источником ее являются те же «Метаморфозы» Овидия.

Значит, тут требуются слезы... в щепки разносить. — Ткач Основа описывает, как это со временем сделает и Гамлет, стиль исполнения так называемой трагедии «грома и крови». Но если Гамлет попросит своих актеров не следовать этому стилю, то Основа восхищается им и собирается именно этому стилю по мере возможности подражать. При этом Основа неверно произносит имена Геркулеса и Феба.

Стр. 152. *Не заставляйте... играть женщину.* — Все роли в шекспировские времена исполнялись мужчинами, на женские роли выбирались мальчики, у которых еще не сломался голос и не пробилась борода.

Стр. 153. *...всех нас перевешали!* — Здесь подобная угроза подается комически, но вообще, поскольку бродячие, не имевшие покровительства актеры (т. е. не умевшие угодить) приравнивались к «опасным бродягам и нищим», их могли сечь кнутом и даже казнить. Правда, не известно ни одного случая в шекспировскую эпоху, чтобы эта угроза по отношению к актерам была исполнена. А вот когда пуритане, стоявшие за эти законы, в результате буржуазной революции пришли к власти, тогда театры оказались закрыты и актеры публично высечены.

А в какой бороде... соломенного цвета. — Цвет бороды и парика соответствовал характеру персонажа, например, рыжий был злодей. Поэтому Основа вновь все путает, предлагая играть несчастного Пирама с приметами сугубо отрицательных персонажей.

...цвета французской короны... волос нет. — Золотая французская монета — крона была, соответственно, желтого цвета, но Пигва вспоминает еще и выражение «французская корона», что значило облысение в результате дурной болезни.

...список бутафории... нужна для пьесы. — Сохранились такие списки профессиональных театров шекспировских времен, из них можно узнать, в частности, о том, сколько бочек «крови», т. е. подкрашенной воды, проливалось в том или ином спектакле, сколько рубилось «голов», вырывалось «глаз», «языков» и т. п. Эти сведения позволяют судить сравнительно о чрезмерной, на наш взгляд, жестокости шекспировских пьес. Пьесы Шекспира оказываются буквально в

полтора-два раза не столь жестокими, как некие тогдашние очень популярные трагедии, в которых, по выражению исследователя, происходило поголовное уничтожение персонажей.

...у герцогского дуба. — В подлиннике эти слова напечатаны с большой буквы, словно они обозначают место, известное всем. Дуб — не только примета английского леса, но и английского быта, истории: долголетие дубов, их широкая крона и глубокие дупла делали их надежным убежищем, действительно местом встреч. Еще в конце XVIII столетия в окрестностях Стрэтфорда показывали дубы, под которыми будто бы отдыхал сам Шекспир или его персонажи. Эти многовековые деревья из-за полной их дряхлости пришлось спилить. В сохранившемся доме родственников матери Шекспира в камин вделано бревно из дуба, возраст которого оценивается в триста лет; бревно успело прогореть и обуглиться только наполовину.

Стр. 154. ...служу царицей фей. — Царице, или королеве, фей в шекспировской комедии дано имя Титании из «Метаморфоз» Овидия, но как персонаж «королева фей» в сознании шекспировских современников была прочно связана с одноименной поэмой Эдмунда Спенсера, это иносказательное прославление Елизаветы и ее политики. Спенсеру, выдающемуся поэту старшего поколения, принадлежат два, в свою очередь иносказательных, но весьма благожелательных отзыва о Шекспире.

Круг в траве... ее конвой. — Шекспир инсценирует народное поверье: круги сочной травы, считалось, появляются там, где трава была окроплена лесными духами. Буквицы — первоцвет, примула.

Стр. 154. ...из-за ребенка... похищен... — Еще одно поверье, согласно которому эльфы и феи похищали человеческих детей, подкладывая взамен своих. Но вся история с неким ребенком, который был украден у индийского султана, а мать его, как рассказывается далее, являлась подругой Титании и погибла, в комедии не раскрыта. Вероятно, современникам, тем более в узком кругу, для которого пьеса первоначально предназначалась, все было и так понятно.

Стр. 155. Да ты... Добрый Малый Робин? — Наименование «добрый» в народных поверьях об этом духе носило иронический оттенок, дух считался злым и вредным. Пользуясь различными описаниями этого фольклорного персонажа, Шекспир смягчил их, сделав Пэка истинно добрым проказником.

Стр. 156. *Корин и Филлида* — традиционные имена пасторальных пастушка и пастушки.

...в котурнах *амазонку*. — Считалось, что такую обувь со шнуровкой носили легендарные амазонки.

Перигена, Эгмея, Ариадна, Антиона — возлюбленные Тезея, им со временем покинутые.

Уж с середины лета мы не можем... бедствия такие... — Подобные стихийные бедствия обрушивались на Англию в 1593 и в 1594 гг., что и позволяет датировать пьесу.

Стр. 157. *Нептунovy пески* — морской берег.

Стр. 158. ...*царящая на Западе Весталка*. — Общепонятный в то время намек на Елизавету, которую, очевидно, ожидали увидеть на спектакле. При многочисленных фаворитах Елизавета так и не вышла замуж, получив прозвище королевы-девственницы.

Стр. 159. «*Любовь в праздности*» — анютины глазки.

Левиафан — библейское морское чудовище.

Стр. 161. *Пусть переменятся все сказки...* — История Аполлона и нимфы Дафны, которую Аполлон безуспешно преследовал своей любовью, рассказана Овидием. *Грифон* — сказочный хищник, полуорел-полулев.

Стр. 170. ...*у Ниновской гробницы*. — Дудка, как и его друзья, произносит мифологическое имя неправильно, Пигва по тексту поправляет: «*Ниновой гробницы*», — место встречи влюбленных, согласно Овидию: возле могилы ассирийского царя Нина, основателя города Ниневи.

Стр. 177. ...*татарских стрел*. — В трагедии Марло «*Тамерлан*» говорилось о «*смертоносных срелах*».

Стр. 186. ...*зачатая на спорынье*. — Как считалось, спорынья задерживает рост.

Стр. 196. ...*валентинов день* — 14 февраля, день выбора суженых.

Стр. 201. ...*растерзали Фракийского певца...* — Такова будто бы была судьба легендарного Орфея.

...*о судьбе Науки... в жестокой нищете*. — Комментаторы полагают, что это намек либо на Роберта Грина, либо на Спенсера, доживавших свой век в нищете.

Стр. 208. ...*что обитает в ней*. — Видные с земли очертания лунного рельефа принимали за контуры человеческой фигуры.

Стр. 211. *Три сестры* — парки, ткущие и обрывающие нить жизни человеческой.

Стр. 212. *Бергамский танец* — веселый танец итальянцев из селения Бергамо.

Комедия, в свою очередь, «исполнялась перед публикой множество раз», как свидетельствует все так же титульный лист ее первого издания (1600). Написана пьеса была, видимо, незадолго до этого в 1598—1599 годах. Источниками Шекспиру послужили «Неистовый Роланд» Ариосто (естественно, в английском переводе), «Королева фей» Спенсера, одна из новелл итальянца Матео Банделло и одна из «Трагических историй» Франсуа де Бельфоре, которые представляли собой перевод-пересказ тех же новелл Банделло. Кроме того, Шекспир мог воспользоваться пьесой «Фидель и Фортунно. Обманы любви», принадлежавшей, вероятно, Энтони Мандею, который среди английских драматургов считался мастером сюжетов.

Действие комедии разворачивается в Мессине, на острове Сицилия, где кроме сицилийцев собираются флорентийцы, падуанцы, испанцы-арагонцы, а за порядком там присматривает некий пристав, совершенно точного двойника которого многие видели по дороге из Стрэтфорда в Лондон. Особенность этого блюстителя порядка, как и шекспировского персонажа, заключалась в том, что он стремился не найти преступника, а уйти от преступника. У Шекспира в этой роли выступал лучший комик эпохи, которого Шекспир еще мальчиком мог видеть в Стрэтфорде и который настолько сжился с ролью, что в первом издании пьесы вместо имени персонажа «Кизил» часто появляется имя исполнителя — Кемп.

Сценическая история «Много шума из ничего» отличается тем, что эта комедия легко «переодевалась» в костюмы любой эпохи. У нас замечательный спектакль по этой комедии появился в 1936 году на сцене театра им. Е. Б. Вахтангова. То был, в сущности, наш первый «мюзикл» — с песнями Тихона Хренникова на слова Павла Антокольского, созданные для этого спектакля, они стали потом жить самостоятельной жизнью. Сам же спектакль прошел множество раз с большим успехом, получив, в том числе, международный отклик.

Стр. 219. *Он по всей Мессине развесил объявления... обещала я.* — Одно из так называемых «темных», т. е. неясных по смыслу мест, которых вообще в шекспировском тексте немало. Чаще всего это остроты, намеки, контекст которых уже утерян. Иногда — «порча текста» вследствие нечеткой записи прямо с голоса актера или небрежности наборщика.

Ошибки при наборе могли возникать еще и потому, что Шекспир, судя по сохранившимся его подписям, пользовался относительно устарелой для своего времени орфографией (рукописи Шекспира не сохранились за исключением трех страниц в коллективной пьесе «Сэр Томас Мор», приписываемых ему предположительно).

Стр. 223. *Купидон... охотник... Вулкан... плотник.* — Купидону завязывали глаза, Вулкан был кузнецом.

...шапку, не вызывая подозрений. — Холостому нечего бояться, что ему наставят рога, которые придется прикрывать шапкой.

Стр. 225. *...кошку в кувшине.* — Старинная и жесткая забава: кошку в кувшине с сажей подвешивали и старались разбить кувшин, не замаравшись, кошку замучивали насмерть.

Адам Белл — легендарный разбойник, меткий стрелок из лука.

Стр. 229. *Приказали покурить* — благовониями.

Стр. 230. *...к вожаку медведей... обезьян в аду.* — Вожаки медведей имели также и ручных обезьян; прогуливать чужих детей в аду — поговорка, угрожавшая подобным наказанием бездетным женщинам.

Стр. 231. *...церковь разглядеть.* — Еще одна не вполне понятная реплика.

Стр. 232. *вроде крыши... внутри Юпитер.* — В скромном жилище Филемона и Бавкиды побывали боги — Юпитер и Меркурий.

Стр. 233. *«Сто веселых рассказов»* — либо «Декамерон» Боккаччо, либо французская книга «Сто новых новостей».

Стр. 262. *«Свет любви»* — старинный напев.

Стр. 291. *...знаменитый пловец Леандр, Троил.* — Согласно древнегреческим мифам, Леандр переплывал Геллеспонт (Дарданелльский пролив), чтобы увидеться со своей возлюбленной Геро, Троилу помог добиться любви Крессиды ее дядя Пандар. «Троил и Крессида» — пьеса Шекспира.

РИЧАРД III

Это четвертая (после «Генриха VI» в трех частях) историческая пьеса Шекспира. Появилась она в 1592—1593 годах.

Если отвлечься от порядка появления шекспировских пьес и следовать ходу истории, то охваченные Шекспиром в его хроникальном цикле события разворачиваются следу-

ющим образом: после нормандского вторжения в Англию, правления Вильгельма Завоевателя и затем трех его сыновей на английском престоле укрепилась французская по происхождению династия Плантагенетов; у седьмого короля из этой династии Эдуарда III было двенадцать детей, в том числе старший сын Эдуард, прозванный «Черным принцем», а также Джон Гонт, получивший титул герцога Ланкастерского, и Эдмунд Лэнгли, герцог Йоркский; наследный «Черный принц» рано умер, следующим королем стал его сын — Ричард II, который был низложен своим двоюродным братом, сыном Джона Гонта, герцогом Болинброком, ставшим Генрихом IV; затем последовали Генрих V и Генрих VI, находившийся у власти сорок лет; в конце правления Генриха VI у него обнаружили признаки безумия, и в те же годы обострилась борьба за, по существу, свободный престол, началась так называемая «война Алой (Ланкастеры) и Белой (Йорки) розы»; по ходу борьбы Генрих VI был низложен и королем стал потомок уже не Джона Гонта-Ланкастерского, а Эдмунда Лэнгли-Йоркского — Эдуард IV; после его смерти королем Эдуардом V был формально объявлен его сын, фактически же власть перешла к его брату, дяде и протектору короля-ребенка Ричарду Глостеру; дядя-протектор и стал в конце концов Ричардом III; однако в битве с силами ланкастерской оппозиции Ричард III Йорк потерпел поражение, был убит и к власти вновь пришел потомок Джона Гонта, внук Генриха V, но сын не Генриха VI, а его сводного брата Эдмунда Тюдора, провозглашенный Генрихом VII; его сменил Генрих VIII, тому наследовали его дети Эдуард VI, Мария I и, наконец, Елизавета I Тюдор. Таким образом, второй из английских королей, о которых писал Шекспир, это злейший враг правящей династии, при которой Шекспиру суждено было прожить тридцать шесть лет из отпущенных ему пятидесяти двух.

Прежде уже существовали две пьесы на тот же сюжет: одна написанная по-латыни Томасом Легге «Ричард III», а другая — анонимная «Правдивая трагедия о Ричарде III». Основным же источником Шекспиру послужили те самые «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии» Холиншеда, которые советовал читать Роберт Слай. В эти «Хроники» вошел материал из более ранней исторической работы «Объединение двух благородных семейств Ланкастеров и Йорков» Эдварда Холла, который, в свою очередь, пользовался «Английской историей» Полидора Вергилия и «Историей Ричарда III», принадлежавшей Томасу Мору.

Полагаясь в основном на Холиншеда, Шекспир и независимо от него прибегал к тем же книгам, а кроме того, использовал поэму Уильяма Болдуина «Георг, герцог Кларенс».

Все перечисленные источники, при различной степени достоверности и выразительности, выдержаны неизменно, так сказать, в «тюдоровском» ключе, изображают последнего из Йорков злодеем из злодеев. Томас Мор, сам пострадавший от Тюдоров, отправленный Генрихом VIII на плаху, тоже все-таки состоял у них на службе. Правда, он находился ближе всех авторов к событиям, не только знал документы, но слышал очевидцев, рассказы которых запечатлел в своей необычайно красочной «Истории». Однако эти самые рассказы, не всегда достоверные, и воспринимались впоследствии как документы. Современные историки выявили, когда и как Ричарду III приписывались, в угоду Тюдорам, такие преступления, которых он не совершал. Как уже сказано во вступительной статье, историки не собираются теперь представлять Ричарда III «лицом положительным»: он был всего лишь не более ужасен, чем многие другие, шедшие к той же цели — короне. И Шекспира никто не собирается поправлять или оспаривать, просто нам известно и понятно, почему именно Ричард III, хотя деятель и недюжинный, но злодей — заурядный, послужил великому писателю «моделью» для создания столь грандиозно-зловещей фигуры.

Шекспировская трагедия была издана в 1597 году и переиздавалась в 1598, 1602, 1605, 1612, 1622, 1623 годах, если считать рубежом шекспировского времени выход первого посмертного собрания его пьес, подготовленного современниками. В дальнейшем, при неугасающей популярности, эту шекспировскую пьесу постигла странная судьба: почти двести лет кряду, в XVIII—XIX веках, англичане исполняли ее в переделке старательного, но посредственного литератора Сиббера: им это больше нравилось, чем шекспировский текст. Шекспир подвергся, в сущности, той же самой операции, какую «старые пьесы» претерпевали в его руках, но — каких руках! Что же представлял собой переключенный «Ричард III»? Шекспировский текст был прежде всего сокращен за счет побочных линий, в то же время в пьесу были вставлены отрывки из других хроник Шекспира, и получился некий монтаж, сделанный с целью представить главного героя воплощенным злом безо всей той сложности, какая создана у Шекспира. Однако в той же пе-

ределке, еще и по-своему переделав ее, выступал в роли Ричарда III великий английский актер Дэвид Гаррик, которого называли «другом Шекспира» за его заслуги в популяризации шекспировского творчества. Даже в нашем веке, когда шекспировский текст взял реванш и обращение к оригиналу стало нормой, следы переделок остались в истолковании «Ричарда III», причем уже не только на сцене, но и на экране. Традиции Гаррика-Сиббера в известной мере следовал и Лоуренс Оливье, сыгравший Ричарда III сначала в театре (1944), а затем в фильме (1955), который обошел весь мир, был показан и в нашей стране.

Среди наших актеров имеется, в свою очередь, немало выдающихся исполнителей той же трагедии. Это прежде всего многие годы игравшие в «Ричарде III» М. Н. Ермолова и А. И. Южин (последняя постановка 1920 г.), а также Н. Ф. Монахов (1935).

Стр. 304. *Действующие лица, место и время действия.* — С исторической точки зрения, события, отраженные в трагедии, разворачивались после смерти Генриха VI и до гибели Ричарда III в течение примерно четырнадцати лет (1471—1485). В трагедии время сокращено, некоторые события сближены и перемещены. Так, герцог Кларенс, младший брат Эдуарда IV и старший брат Ричарда, был заключен Эдуардом в темницу уже после похорон Генриха VI — не перед тем, как это происходит в трагедии; иначе по времени и обстоятельствам происходило сватовство Ричарда к принцессе Анне; болезнь короля Эдуарда IV, представленная давней и затяжной, продолжалась всего несколько дней; вдова короля Генриха VI Маргарита, играющая в пьесе значительную роль, в это время уже была выслана во Францию, ко времени же воцарения Ричарда ее не было в живых; сам Ричард, еще не король, значительную часть того же времени находился не в Лондоне, а на Севере Англии; обстановка при дворе обострилась не после смерти Генриха VI и не после заточения Кларенса, а после женитьбы Эдуарда IV на вдове лорда Грея Елизавете Вудвиль. Меняя некоторые обстоятельства, Шекспир передает главное: жесточайшую борьбу за власть между двумя могущественными кланами, каждый из которых обладает своими аргументами в пользу своих прав, причем внутри каждого клана имеются свои противоречия, свое соперничество, и в результате при уходе из жизни короле семь претендентов окружают пре-

стол. Даже если Шекспир и сместил какие-то факты, сама атмосфера вражды, наполняемой братоубийственной кровью, как это и было в действительности, получила в его пьесе потрясающее воплощение.

Стр. 306. *...заново... окрещен.* — Зловещее предсказание: Кларенса в Тауэре ожидает смерть в своеобразной «купели» — винной бочке. Сама по себе расправа над Кларенсом, совершенная таким образом, возможно, имела место, однако причастность к ней Ричарда современными историками ставится под решительное сомнение. Он скорее стремился отсрочить эту смерть. А она была неизбежна, поскольку Кларенс проявил себя по отношению к Эдуарду IV просто как предатель, человек неуправляемый и вероломный. Умерщвлен он был вероятнее всего родственниками королевы Вудвилями и, конечно, при полном согласии короля Эдуарда. Произошло это в 1478 г., похороны же Генриха VI, изображенные в пьесе, относятся к 1471 г. Таким образом, это опять-таки анахронизм.

Стр. 307. *Не король... С Энтони Вудвилем ему внушили.* — В известной мере так оно и было, с той разницей, что король Эдуард терпел происки своего брата до тех пор, пока тот окончательно не показал себя врагом, а Вудвилли, родственники королевы, это еще один клан, новый претендент, вторгшийся в борьбу и усложнивший расстановку сил. Энтони Вудвиль появляется далее как граф Риверс. Из всех этих лиц Ричард был наиболее верен королю.

Стр. 314. *...от руки Эдуарда.* — По мнению историков, это соответствует истине. Если конец Генриха VI, потерявшего рассудок, оказался в самом деле ускорен, то Эдуард был к этому причастен не меньше, чем Ричард.

Стр. 317. *Василиск* — чудовище, убивающее свою жертву взглядом.

Стр. 318. *...как Ретленда убил злой Клифффорд.* — Ретленд, Клифффорд — молодые и необычайно воинственные участники вражды между Ланкастерами и Йорками. По преданию, в битве при Вэкфилде (1460), когда Йорки потерпели поражение, Джон Клифффорд Ланкастер бросился на Эдмунда Ретленда Йорка, брата Ричарда, со словами: «Твой отец моего убил, за это я убью тебя и буду убивать твою родню».

Стр. 321. *...к Белым Братьям.* — Имеется в виду монастырь кармелитов в Лондоне (Уайт-Фрайерс). В пусто-

вавшем монастыре Черных Братьев (Блэк-Фрайерс) Шекспир устроил свой второй театр, а поблизости купил дом.

...принц Эдуард... при Тьюксбери... заколол. — Принц Эдуард, сын Генриха VI, наследник престола, погиб в междоусобной битве при Тьюксбери, в которой активно участвовал Ричард. Но непосредственным виновником смерти Эдуарда, будто бы заколотого им «в сердцах» уже после битвы, Ричарда сделала молва. Принцесса Анна, которая была лишь помолвлена с Эдуардом, стала женой Ричарда год спустя после битвы при Тьюксбери, и, согласно противоположной трактовке, по любви.

Стр. 327. *...при Сент-Олбене* — первая из битв в «войнах Алой и Белой розы» (1455), в которой погиб первый муж королевы Елизаветы Джон Грей и участвовал Риверс — Энтони Вудвиль. Королевскую, ланкастерскую, партию фактически, из-за душевной болезни короля Генриха VI, возглавляла его жена, поэтому — «войско Маргариты». Йорки в этой битве одержали победу.

Стр. 330. *Ты, корни подрывающий кабан.* — Символом Ричарда III был белый вепрь, являвшийся одним из самых почетных знаков отличия наряду со львом, оленем и другими «королевскими животными».

Стр. 340. *...в бочке мальвазии* — одно из тех вин, которые теперь называются мадерой.

Стр. 362. *Помфрет* — замок в Йоркшире.

Стр. 390. *Олдермены* — старейшины.

Стр. 409. *В лоне Авраама* — у праотцев, на том свете.

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

Среди реальных и мифических фигур античности, которой увлекались в шекспировскую эпоху, Юлий Цезарь занимал в глазах англичан особое место: на Британские острова он совершил один из своих походов и даже будто бы основал лондонский Тауэр. Последнюю возможность историки отвергают, но в шекспировские времена таково было распространенное убеждение: «Тауэр... воздвиг... Юлий Цезарь» («Ричард III», д. III, сц. 3). С точки зрения шекспировских современников, Юлий Цезарь как бы присутствовал в Лондоне наряду с лицами из их отечественных летописей. Если учесть, что «Глобус» находился почти напротив Тауэра, по другую сторону Темзы, то для Шекспира судьба Юлия Цезаря являлась своего рода неизбежным сюжетом. «Гло-

бус» открылся в начале 1599 года, а уже в сентябре того же года некий врач из Базеля, живущий в Лондоне, согласно записи в его дневнике, видел «пьесу о Юлии Цезаре в театре на Заречной стороне». О Юлии Цезаре прежде существовали и другие английские пьесы, но сохранились о них лишь косвенные сведения. Некоторое время шекспироведы полагали, что «Юлий Цезарь», поставленный в «Глобусе», а затем вошедший в собрание шекспировских пьес, является результатом сотрудничества нескольких драматургов: наряду с характерным шекспировским стилем в пьесе словно чувствуется «рука» Марло, Кида и других современников Шекспира. Сейчас исследователи склоняются к мысли, что если и было «сотрудничество», то заочное — обычное для тех времен использование старых пьес, которые, однако, не дошли до нас.

Основным историческим источником Шекспиру служили «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, точнее, их перевод, выполненный Томасом Нортон. Под названием «Жизнь доблестных греков и римлян» эта книга вышла в 1579 году и стала, подобно «Хроникам» Холиншеда, очень популярной. А Шекспир в живых картинах показывал то, что многие уже читали, а если по неграмотности не могли прочесть, все же хотели посмотреть, ибо уж о ком другом, но о Юлии Цезаре, известном в Лондоне каждому лавочнику, имели свое понятие.

Шекспировская пьеса, по наблюдениям исследователей, очень точно, лишь с незначительными отклонениями и дополнениями (из других источников), следует канве событий, как она представлена у Плутарха в жизнеописаниях Брута, Цезаря и Антония. Трагедия начинается в тот период (примерно на четвертом месяце из шести), когда Цезарь, вернувшийся в Рим после окончательной победы над своими соконсулами-соперниками Помпеем и Крассом, не только стал единоличным властелином Римской империи, но и стремился к обожествлению своей личности. Душою заговора против него явился его сторонник и в то же время потомок древних республиканцев Брут.

Сравнительно простое построение «Юлия Цезаря» обеспечило этой трагедии «неприкосновенность» в ту пору (XVIII—XIX), когда другие шекспировские пьесы обычно передельявали. Трагической иронией оказалось особенно выступление в этой трагедии нескольких поколений актерской семьи Бутов, выходцев из Англии, игравших также в Америке: младший из Бутов, Джон Уилкс, смертельно

ранил президента США Линкольна со словами, произнесенными им по-латыни: «Такова участь тиранов!»

В 1903 году Московский Художественный театр осуществил под руководством В. И. Немировича-Данченко постановку «Юлия Цезаря», явившуюся театральным событием своего времени и оказавшую большое воздействие на сценическую традицию вообще: в постановке как бы воскресал Рим эпохи Цезаря.

Стр. 459. ...*снимай все украшения со статуй*. — По распоряжению Цезаря в Риме были поставлены его статуи, увешанные украшениями.

Праздник Луперкалий — в честь богини плодородия, 14 февраля.

Стр. 461. ...*ид мартовских*. — Иды — середина месяца, в данном случае 15 марта.

Стр. 464. ...*предок наш Эней... Анхиза вынес на своих плечах*. — Эпизод из «Энеиды» Вергилия: Эней вынес своего отца из пылающей Трои. Троянские беженцы будто бы и стали основателями Римской державы.

Стр. 465. ...*славный предок твой* — Луций Юний Брут, свергнувший тирана Тарквиния и основавший Римскую республику в VI в. до н. э.

Стр. 470. *Когда б я Брутом был...* — Одно из «темных» мест в тексте.

Стр. 479. ...*у входа брат твой Кассий...* — «Брат по закону»: Кассий был женат на сестре Брута.

Стр. 484. *Предвещания авгуров* — жрецов, которые предсказывали события, следя за поведением птиц.

Стр. 484. ...*ловят деревом единорога, медведя зеркалом, слона же ямой...* — Из рассказов древних историков и путешественников, будто единорог в ярости вонзал свой рог в дерево, медведя ослепляли зеркалами, на пути слонов рыли ямы.

Стр. 487. *Дочь Катона*. — Катон Утический, отец Порции и дядя Брута, сражался заодно с Помпеем против Цезаря, покончил с собой, считался образцом гражданской доблести.

Стр. 497. *Преторы* — высшие судьи в Риме. Брут, Кассий и Цинна являлись преторами, на эти должности их выдвинул Цезарь.

Стр. 500. *Знай, Цезарь справедлив... не изменит*. — Эти строки, в несколько ином варианте, послужили примером в следующем суждении Бена Джонсона о Шекспире: «Он об-

ладал умом большой остроты, но не всегда умел держать себя в узде. Он много раз совершал ошибки, которые не могли не вызвать смеха. Так, например, когда кто-то, обращаясь к Цезарю, говорит: «Цезарь, ты поступаешь несправедливо», то Цезарь отвечает на это: «Цезарь никогда не поступает несправедливо, если у него нет для этого справедливого основания», — и другие вещи вроде этого, которые просто смехотворны» (пер. А. Аникста). Либо память изменила Джонсону, который говорил это много лет спустя после того, как видел или читал пьесу, либо Шекспир еще в свое время принял во внимание его критику.

Стр. 501. *И ты, о Брут!* — У Шекспира эти слова произносятся по-латыни: *Et tu, Brute?* Возможно, они были взяты из утраченной пьесы на латинском языке «Убийство Цезаря» или подсказаны сходной репликой из «Правдивой трагедии о Ричарде, герцоге Йорке»: «Писали, будто Цезарь, когда Брут бросился на него, сказал: «И ты, сын мой?» Эти слова (на греческом языке) восходят к Светонию.

Стр. 502. *...о моем руки Цезаревой кровью...* — Подразумевается обряд жертвенного, угодного богам убийства, а также символ исполнения сна Кальпурнии, будто бы увидевшей статую Цезаря в крови.

Стр. 516. *Нервии* — одно из племен, над которым Цезарь одержал важнейшую для себя победу в так называемой галльской войне.

Стр. 522. *Проскрипционный список* — в него заносились осужденные на смерть или изгнание.

Стр. 531. *...рифмует циник очень плоско* — иначе говоря, слишком просто понимает жизнь, согласно философии циников (киников), которые учили пренебрегать социальными условностями и обязанностями во имя чисто человеческих отношений.

Стр. 532. *...проглотила пламя.* — Порция, согласно Плутарху, набрала в рот раскаленных углей и задохнулась.

Стр. 542. *Гибла* — сицилийский город, где был особенно сладкий мед.

Стр. 548. *...у парфян.* — Парфянское царство, находившееся на территории современного Ирана, — главный соперник Рима на востоке.

Стр. 552. *Статиллий поднял факел.* — То есть лазутчик, который должен был сигнализировать факелом о благополучном положении дел.

События, представленные в этих двух пьесах, предшествуют в исторической последовательности тому, что отразилось в «Ричарде III», но появились эти пьесы позднее — в 1596—1598 годах. Исполнялись на сцене и печатались две части «Генриха IV» раздельно, оказавшись вместе под одним переплетом только в собрании шекспировских пьес 1623 года. Судя по записям современников, в их представлении эти пьесы были связаны прежде всего с двумя персонажами, в театральных документах той поры говорится так: «Показывали Гарри Горячую Шпору» или «Давали Фальстафа», вместо имени заглавного персонажа, который привлекал, как видно, в меньшей степени.

Считается, что Шекспир написал две исторические тетралогии, каждая охватывает длительную полосу английской истории, в пределах каждой из двух тетралогий прослеживается движение от очередного безвременья к установлению относительного порядка. Первую тетралогию, по мнению исследователей, составляют три части «Генриха VI» и «Ричард III», вторую «Ричард II», две части «Генриха IV» и «Генрих V». Действительно, эти две серии построены как бы по принципу «продолжение следует»: предполагается, что зритель или читатель знает содержание предшествующей пьесы и ждет следующей. Но и каждая пьеса сама по себе, в том числе любая из частей «Генриха VI» или «Генриха IV», представляет собой произведение вполне самостоятельное.

Генрих IV пришел к власти тем же путем, что и Ричард III, — узурпации, свергнув с престола законного короля, которому он приходился двоюродным братом. Об этом рассказывалось в пьесе «Ричард II». В двух частях «Генриха IV» изображается борьба с оппозицией, с дворянской вольницей во имя укрепления страны как единой державы. Вместе с тем Генрих IV по-прежнему испытывает муки совести за совершенное им преступление и как бы тяготится властью, желая скорейшей смены себе в лице сына Гарри. А будущий правитель между тем весело проводит время в компании Фальстафа и его дружков. В эти полулегендарные сведения о бурной молодости наследного принца, будто бы прошедшей в трущобных кварталах Лондона, Шекспир вкладывает особый смысл — новый, истинный король фор-

мируется где-то в гуще людской, среди народа. Когда же долг призывает принца на поле битвы или, наконец, на престол, он показывает себя вполне подготовленным к исполнению этого долга — мужественным воином и мудрым, суровым королем. Но у современников, как уже сказано, особую симпатию вызывали представленные в пьесе «силы беспорядка»: лидер своевольных баронов Генри Перси, по прозвищу Готспер, т. е. Горячая Шпора, и вожак целой ватаги любителей легкой жизни толстобрюхий Фальстаф.

Для «Генриха IV» Шекспир использовал в первую очередь те же самые источники, что и для других исторических пьес — «Хроники» Холиншеда. Существовала, очевидно, известная Шекспиру анонимная пьеса «Славные победы Генри V», из нее был взят некоторый материал для сцен бытового, комического плана, тех, где принц Генри появляется вместе с Фальстафом.

«Пьесы эти всегда пользовались успехом, главным образом благодаря Фальстафу», — говорит историк шекспировских постановок. И, можно добавить, Генри Готсперу, которого в наше время выразительно исполнил Лоуренс Оливье (1945). В Шекспировском мемориальном театре в Стрэтфорде-на-Эвоне время от времени, начиная с первых лет нашего века, исторические пьесы Шекспира ставятся циклом, наиболее полный из которых, включивший и обе части «Генриха IV», был поставлен в 1975 году. Так что зрители имели возможность увидеть английскую историю в шекспировской интерпретации с XIII по XVI век, со времен короля Джона (Иоанна Безземельного) и до правления Генриха VIII.

В нашей стране удачная композиция из двух частей «Генриха IV» была осуществлена на сцене Большого драматического театра в Ленинграде (1969), роль Фальстафа исполнял Евгений Лебедев.

Стр. 560. ...до сих пор волнениям нет конца. — В течение всего правления Генриха IV (1399—1413) междоусобные столкновения шли непрерывно. Два из них упоминаются ниже. Одно — это восстание в Уэльсе, возглавленное прямыми, хотя и незаконными потомками Ричарда II, прежде всего Оуэном Глендауром. Второе — схватка с шотландцами, когда отличился их жесточайший противник Генри Перси — Горячая Шпора. В данном случае Генри Перси, ненавидевший род Арчибальда Дугласа, выступил пособником короля, но вскоре он же стал его свирепым противником.

«Будущая война», о которой говорит король, уже заморская, с Францией, но она ляжет в основном на плечи его сына Генриха V.

Стр. 563. *...неужели... не отменят... вешанья.* — Это и есть «кровавые законодательства», направленные против так называемых «бродяг и упорных нищих», в числе которых оказывались и форменные лодыри, и обездоленные крестьяне. Здесь это тоже своего рода анахронизм, поскольку во времена Генриха IV таких законов еще не было, они появились позднее, именно при Тюдорах, а в шекспировские времена свирепствовали с необычайной силой, ибо вынужденное и добровольное бродяжничество приобрело устрашающие размеры. «Нищие везде», — не могла не признать королева Елизавета после поездки по стране. Как раз в 1597 г., когда Шекспир работал над данной пьесой, был принят «Акт о наказаниях», где говорилось: «Всякий, кто этим актом признается бродягой, должен быть раздет догола выше пояса и бит кнутом, пока его или ее спина не покроется кровью; если окажется, что кто-либо из этих бродяг представляет опасность для простонародья, то судьи могут заключить такого бродягу в исправительный дом или тюрьму; если кто-либо из сосланных бродяг вернется обратно в какую-либо местность, не имея на то законного разрешения, то такое преступление будет караться смертной казнью».

Стр. 565. *...на Гедских холмах... в Рочестере... в Истчипе.* — Рочестер — городок неподалеку от Лондона на Гедских холмах. Истчип — улица, идущая на восток от лондонского Сити, известная своими харчевнями.

Стр. 571. *...проклятый Болинброк.* — Все они, в том числе и сам король, хорошо помнят, что нынешний Генрих IV это герцог Болинброк, далеко не первый по родовитости среди прочих дворян. Например, те же Мортимеры — потомки не третьего, как он, а второго сына короля Эдуарда III, от которого они все ведут свою родословную. Готспер называет Болинброка «неблагодарным», потому что тот стремился управлять, опираясь не на родовитую (и непокорную) аристократию, а на своих непосредственных приспешников.

Стр. 577. *...Черинг-Кросс* — центральный район Лондона, до которого от Рочестера — двадцать восемь миль.

Стр. 579. *Папоротников цвет* — невидимый цветок.

Стр. 581. *...Джона тонкого.* — Джон Гонт — высокий и сухопарый дед принца Генри.

Стр. 583. *...читая письмо.* — Письмо от Марча, его сообщника.

Стр. 587. ...в трактуре «Кабанья голова». — Репарка более позднего времени, но в тексте пьесы есть слова о том, что «старый кабан кормится на прежнем месте, в Истчипе». В музее лондонского Сити даже сохранялась вывеска этой таверны, как существовала изузная традиция рассказов о том, что Шекспир с друзьями-актерами и драматургами бывал в этой таверне.

Стр. 590. ...херес с известью. Известь добавляли, чтоб вино, так сказать, било в нос.

...ткач? Распевал бы я себе псалмы. — Ткачи были известны своей привычкой петь за работой церковные гимны.

Стр. 597. ...как в «Царе Камбизе» — в духе старой трагедии «грома и крови».

Стр. 600. ...два галлона — около восьми литров.

Бангор — город в Уэльсе.

Стр. 603. Шрусбери — город на границе Западной Англии с Уэльсом.

Стр. 606. ...волшебников Мерлинов. — По преданию, Уэльс снова станет свободным, когда вернется в мир легендарный волшебник Мерлин.

Стр. 608. ...за Финсберийский вал... — район воскресных гуляний горожан.

Стр. 645. ...молодость мою. — Если Генрих IV изображен в пьесе старше своих лет, то Генри Перси, напротив, моложе, чем он был на самом деле в это время, — сорока лет. В битве при Шрусбери он сражался с обычной для себя отвагой и яростью, имея целью убить короля. Но ему удалось сразить лишь его знаменосца, на котором были точно такие же доспехи, как и на Генрихе IV. Возможно, он просто обошелся. Битва была необычайно длительной и жестокой, потери с обеих сторон — велики. Принц Генри (шестнадцати лет) был ранен стрелой в щеку, но поля не покинул, продолжая биться. Однако честь поединка с Готспером и победы над ним является все же лишь предположительной и, скорее всего, легендарной: Перси просто пропал без вести, его не могли найти среди убитых.

ЧАСТЬ II

Стр. 655. Уоркуорт — город в графстве Нортумберленд, которое служило оплотом аристократов-мятежников, возглавляемых Нортумберлендами, богатейшими землевладельцами в стране.

Стр. 660. Приам — царь Трои («Илиада» Гомера).

Стр. 666. *Иов* — библейский праведник, образец долготерпения при всех специально насылаемых на него богом испытаниях.

Стр. 675. ...в *дельфиновой комнате*. — Возможно, указание на некую реальную комнату в трактире «Кабанья голова», в которой были, допустим, украшения с дельфинами.

Стр. 680. *Сон Алтеи*. — Согласно древнегреческому мифу, Алтее (Алфее) снилось, будто ее сын умрет, как только догорят дрова в очаге. Паж имеет в виду «пылающий», словно головешка, нос пьяницы Бардольфа: сравнение весьма натянутое, как это и видно из дальнейших разъяснений Пажа. Здесь и во многих других случаях Шекспир подчеркивает и распространенность, и приближенность представлений о древней культуре, «возрождаемой» в его время. Образованные литераторы (каковым являлся, например, Бен Джонсон) отмечали известную нетвердость представлений о древнем мире и у самого Шекспира.

...от *Яфета*. — Яфет, сын Ноя, — один из библейских праотцев рода человеческого.

Стр. 685. «*Когда король Артур...*» — Слова из старинной баллады «Сэр Ланселот Озерный» о легендарном короле Артуре и его рыцарях «круглого стола».

Стр. 687. *Мистрис Доротей*. — «Доль» — краткая форма имени Доротей.

Стр. 688. ...в *царство Эреба*. — В греческой мифологии Эреб, сын Хаоса и Ночи, — олицетворение мрака.

Сюда, сюда... — Пистоль приводит строки из «Кровавой» трагедии Джорджа Пиля «Турецкий Магомет и прекрасная гречанка Ирина». Текст трагедии не дошел до нас.

Ломовые клячи, о как себя вы смеее равнять... — Пистоль снова цитирует, на этот раз из второй части трагедии Марло «Тамерлан», при этом он начинает с монолога самого Тамерлана («Азийские балованные клячи!»), а затем прибавляет строки из других мест той же трагедии. «Клячами» Тамерлан называет пленных царей, запряженных им в колесницу, — это полнейшее унижение противника, чего и добивается Пистоль.

Тогда толстей и жри, Калиподила. — Цитата из трагедии Пиля «Битва при Алькасаре».

Стр. 689. *Тогда дай мне уснуть навеки...* о, *Атропос*. — Вероятно, еще одна цитата. Атропос — третья из сестер-парок, она и обрывала нить человеческой жизни.

Стр. 698. *Сцена вторая* — происходит в Глостершире, неподалеку от родного графства Шекспира Варвик;

Шеллоу и Сайленс — это значит Пустой и Молчок.

...служил пажем у Томаса Моубрея, герцога Норфолкского. — Томас Моубрей, выведенный Шекспиром в «Ричарде II», это отец лорда Моубрея, действующего в данной пьесе.

...знаменитому Скогену. — Генри Скоген — придворный поэт Генриха IV, но речь может идти и о Джоне Скогене, придворном шуте Эдуарда IV: в шекспировские времена были популярны приписываемые ему «Шутки». Хронология в данном случае, конечно, не важна.

Стр. 700. *Мистер Шуркард* — имя означает «верная карта».

Стр. 703. *В Сент-Джордже... на мельнице.* — Сент-Джордж — место воскресных гуляний неподалеку от Лондона на берегу Темзы; «мельница» — дом терпимости.

Дженни Найтуорк — Дженни Ночная работница.

Стр. 705. *...играл сэра Дагонета... о короле Артуре... ружейного стрелка.* — Дагонет — шут короля Артура; в шекспировские времена устраивались представления — соревнования стрелков из лука, каждому давалось имя одного из рыцарей Круглого стола.

...подвиги на Торнбульстрите. — Эта лондонская улица была известна своими притонами.

Стр. 706. *...звали корешком мандрагоры.* — Считалось, что корень мандрагоры — усыпляющее средство.

Стр. 708. *...нуждаемся в кровопусканье. От этого погиб король Ричард.* — Архиепископ говорит иносказательно, имея в виду, что Ричард II был низложен. По шекспировской пьесе «Ричард II», он был убит; скорее всего его, поместив в заключение, уморили голодом.

Стр. 726. *...перед смертью Эдуарда.* — Имеется в виду король Эдуард III, общий предок (дед и прадед) почти всех основных действующих лиц пьесы — из королевского окружения и оппозиции. Перед смертью Эдуард практически устранился от управления страной, тогда и вспыхнула между его детьми борьба за власть, затем продолжавшаяся не одно столетие.

Стр. 745. *Пуф из Барсона* — огромного роста человек из Барсона в графстве Варвик.

Стр. 746. *...полон целой Африки чудес.* — Пистоль, как видно, большой театрал, все время говорит строками из популярных пьес или же — в стиле этих пьес. «Вам покажут Азию и Африку, и еще много разных государств в придачу», — иронически писал в ту же эпоху просвещенный поэт

и прозаик, отмечая как недостатки стремительное и часто неоправданное перемещение места действия на сцене тех времен. Но была публика, вроде Пистоля, которой именно это и нравилось.

...*королю Кофетуа*. — В балладе «О нищей и царе Кофетуа» рассказывалось, как легендарный царь Кофетуа увидел нищенку и женился на ней.

...и *Джон, и Скарлет*. — Маленький Джон, прозванный так в шутку великан, и Скарлет — друзья Робина Гуда.

Стр. 750. ...*змея Алекто* — одна из фурий.

Стр. 754. *Олдкастл... и умер мучеником*. — В оригинале буквально сказано «старый замок» — олд кастл: игра словами, поскольку в первом варианте пьесы Фальстафа так и звали Олдкастлом. Это лицо реальное: сэр Джон Олдкастл был приближенным Генриха IV и другом принца Генри, однако примкнул к религиозному, антикатолическому, раннепротестантскому движению, его как еретика казнили. Впоследствии католики изображали Олдкастла ханжой и развратником, протестанты-пуритане — мучеником. Шекспир поначалу взял его имя для своего персонажа не только потому, что изображаемая им дружба между принцем и рыцарем в какой-то мере соответствовала фактам, но еще и потому, что в его время пуритане стали злейшими врагами театра. Увидев Олдкастла в пьесе (в первом издании), потомки подали протест, и Шекспир изменил имя персонажа, а в эпилоге второй части «Генриха IV» подчеркнул, что Фальстаф и Олдкастл не имеют между собой ничего общего. Фальстаф — измененное имя Фастольфа, в свою очередь, реального человека, но жившего уже позднее, во времена Генриха VI (в соответствующих исторических пьесах он появляется у Шекспира под своим именем).

Д. Урнов





СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|--|-----|
| Д. Урнов. Гений века | 7 |
| УКРОЩЕНИЕ СТОПТИВОЙ. Перевод П. Мелковой . . . | 35 |
| СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ. Перевод Т. Щепкиной-Куперник | 141 |
| МНОГО ШУМА ИЗ НИЧЕГО. Перевод Т. Щепкиной-Купер- | |
| ник | 217 |
| КОРОЛЬ РИЧАРД III. Перевод Мих. Донского | 303 |
| ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ. Перевод Мих. Зенкевича | 455 |
| КОРОЛЬ ГЕНРИХ IV. Перевод Б. Пастернака | 559 |
| Комментарии Д. Урнова | 755 |



Шекспир В.

Ш41 Комедии, хроники, трагедии. Т. 1. Пер. с англ. / Сост., вступ. статья и коммент. Д. Урно-ва. — М.: Худож. лит., 1988. — 783 с. (Б-ка литературы Возрождения).

ISBN 5-280-00332-8 (Т. 1)

ISBN 5-280-00331-X

В настоящий том входят наиболее известные комедии великого английского драматурга В. Шекспира (1564—1616), а также исторические хроники, относящиеся к раннему периоду его творчества.

Ш 4703000000-153
028(01)-88 133-88

ББК 84.4Вл

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

КОМЕДИИ, ХРОНИКИ, ТРАГЕДИИ

Том I

Редактор *Т. Бердикова*

Художественный редактор *Л. Калитовская*

Технический редактор *Л. Платонова*

Корректоры *Г. Володина, Т. Медведева*

ИБ № 5198

Сдано в набор 17.07.87. Подписано к печати 27.04.88. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Экссельсиор». Печать офсетная. Усл. печ. л. 41,16. Усл. кр.-отт. 82,84. Уч.-изд. л. 36,51. Тираж 300 000 экз. (1-й завод: 1—100 000.) Изд. № VI-2254. Заказ № 1325. Цена 5 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5.